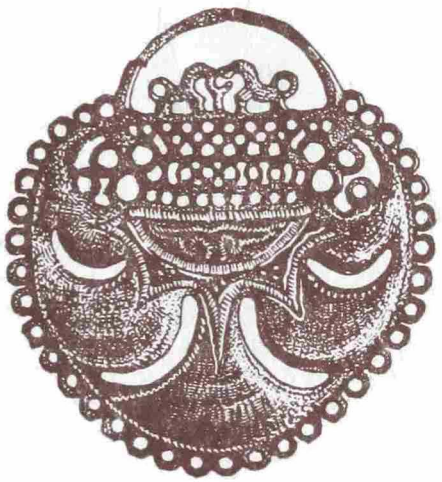
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1974

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Массон (Ленинград). Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе 3
В. С. Титов (Москва). Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы 23
В. И. Сарианиди (Москва). Бактрия в эпоху бронзы 49
В. В. Отрощенко (Киев). Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры 72
И. Б. Зеест (Москва). Возникновение и первый расцвет Гермонассы . . . 82
Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев (Баку). О городах древней Кавказской Албании 98
Хоанг Ван Кхоан (Вьетнам, Ханой). Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.—XII в. н. э.) . . . 110
М. Г. Иванова (Ижевск). Культурные и торговые связи северных удмуртов в X — начале XIII в. 125
Н. М. Булатов (Москва). Кобальт в керамике Золотой Орды 135

Публикации

Ф. М. Заверняев (Брянск). Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне 142
Е. В. Бодунов, В. М. Воробьев (Калинин). Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI 162
И. В. Калинина (Ленинград). Орнаментация керамики волго-камского неолита 170
И. И. Заец (Винница). Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (B/I—B/II) 180
А. К. Коровина (Москва). Курган Межлиманный 201
И. С. Каменецкий (Москва). Итоги исследования Подазовского городища . 212
Е. А. Попова (Москва). Рельеф с городища «Чайка» 222
А. И. Мартынов (Кемерово). Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника (**В. П. Алексеев.** Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника — Прилоджение) . 231

Заметки

М. М. Пахомов, В. А. Ранов, А. А. Никонов (Душанбе, Москва). Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул 245
Ю. В. Деревягин, В. П. Третьяков (Саратов, Ленинград). Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области 249
В. И. Мамонтов (Волгоград). Позднеенеолитическая стоянка Орловка . . . 254
В. Б. Виноградов (Грозный). Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии 258
Н. М. Бокий (Кировоград). Скифский курган у села Медерово 264

© Издательство «Наука»
«Советская археология», 1974 г.

А. А. Карахмедова (Баку). Об одном типе серег из Кавказской Албании . . 271
Е. А. Горюнов, Г. А. Усова (Ленинград). Два новых памятника черняховской культуры в Левобережном Поднепровье 275
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Сфероконические сосуды из Маджар 280

Критика и библиография

П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина, В. М. Массон (Ленинград). [Рец.]. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968 285
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). [Рец.]. История Сибири ... Том I. Л., 1968 290
А. Д. Столяр (Ленинград). А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969 304
Г. К. Вагнер (Москва). Живая книга о средневековом творчестве (В. П. Даркевич. Путями средневековых мастеров. М., 1972) 315

Хроника

Р. Л. Розенфельдт (Москва). Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 года 319
В. И. Козенкова (Москва). III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии 322
В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев (Грозный). III «Крупновские чтения» . 324
В. К. Сидоров (Уральск). IV Региональная Уральская конференция студентов-археологов 326
Смирнов Алексей Петрович 328
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1974 год 332

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий, М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора), *В. С. Титов* (отв. секретарь)

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-91-45

В. М. МАССОН

РАСКОПКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА НА АЛТЫН-ДЕПЕ

Крупное поселение эпохи бронзы — Алтын-депе уже в течение ряда лет является объектом систематических раскопок, проводимых силами Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР. В результате этих работ вырисовывается картина существования на юге Туркменистана протогородской или раннегородской цивилизации древневосточного облика, крупнейшим центром которой и было Алтын-депе [1]. Особое значение имеет обнаружение здесь памятника монументальной архитектуры, представляющего, судя по всему, остатки культового центра этого древнего города. Раскопки 1967—1968 гг. показали, что этот комплекс пережил три периода перестроек и что доминирующее положение в нем занимало ступенчатое башнеобразное сооружение [2], пережившее три периода существования, соответствовавшие трем строительным горизонтам рядом расположенных строений. В первый период это сооружение достигало в длину 26 *м* и имело первую ступень высотой 2 *м* и вторую — высотой 3,5—4 *м*. В целом есть основания предполагать, что все сооружение достигало в высоту 12 *м*. В более ранний, второй период, еще отсутствовали некоторые пристройки, появившиеся в связи с наклоном всего сооружения. Наконец, третий, самый ранний период, дает особенно четкую картину, поскольку башнеобразное сооружение этого времени оказалось замурованным в толще более поздних построек. В это время, приходящееся по археологической периодизации на раннее Намазга V, небольшой холм, содержащий культурные остатки времени позднего Намазга IV, был облицован сырцовым кирпичом и превращен в башнеобразное сооружение. По фронту оно имело в длину около 21 *м*. Остатки четырех ступеней достаточно четко прослеживаются и сейчас, причем высота первой была равна 2 *м*. Внешний фас второй ступени был декорирован трехступенчатыми в плане пилястрами. По внешнему виду все сооружение явно подражало зиккуратам Шумера, но в отличие от них было трехчетвертным, будучи как бы пристроенным к холму, образованному слоями ранней бронзы. За парадным фасадом культового комплекса на уровне верхнего строительного горизонта было расчищено отдельно стоящее здание, имевшее первоначально четыре комнаты, а затем, когда одно из помещений было разгорожено, из пяти. С южной стороны к этому дому примыкал обширный хозяйственный участок с двориком, многочисленными очагами и подсобными строениями. Лишь в 1971 г. удалось осуществить раскопки строений второго горизонта. Здесь также центральное место занимал подквадратный в плане дом,

[1] *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3.

[2] *В. М. Массон.* Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. АО — 1968, М., 1969; *его же.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970.

отличавшийся четкой планировкой и имевший площадь около 70 $м^2$. Напоминающее по планировке так называемый дом вождя из квартала знати Алтын-депе, это строение условно было названо «домом жреца» [3]. К югу от него, так же как и в верхнем строительном горизонте, располагались небольшие постройки, явно указывающие на подсобный характер всего участка.

Наконец, в 1972—1973 гг. были проведены раскопки строений третьего строительного горизонта (рис. 1), стратиграфически соответствующего наиболее раннему башнеобразному сооружению. В северной части всего комплекса, сразу за башнеобразным сооружением, находилась группа жилых и хозяйственных строений, в которой центральное место занимал прямоугольный дом из трех комнат, видимо, аналог «дому жреца» второго горизонта. С юга весь комплекс ограждала обширная постройка, служившая гробницей, публикации которой в основном и посвящено данное сообщение. В центре комплекса наряду с хозяйственным двором А и рядом подсобных строений находился обширный открытый участок (двор Б), примыкавший к башнеобразному сооружению. Здесь располагался небольшой прямоугольный очаг.

С запада, со стороны основного массива поселения, к этому культовому комплексу примыкала улочка шириной около 1 *м*, около которой располагались хозяйственно-жилые многокомнатные массивы уже обычного для застройки Алтын-депе типа. Здесь раскопано 11 помещений, причем заметно объединение в исходную планировочную единицу жилой комнаты площадью 8—9 *м* и узкого строения скорее всего хозяйственного назначения (пом. 15 — подсобное строение и пом. 16 — жилое, с отопительным очагом и суфой). Выделяется особый комплекс из шести жилых и хозяйственных помещений с отдельным выходом на улочку (пом. 17, 18, 19, 21, 22, 23). Такое расселение «отдельными квартирами» в пределах многокомнатного квартала-массива напоминает планировку, отмеченную на раскопе 5 на Алтын-депе, где, судя по погребениям, проживало относительно состоятельное население [4]. Между жилым кварталом и культовым комплексом находился большой открытый двор (пом. 28) со следами трижды производившихся кирпичных вымосток полов, нижний из которых соответствует полам строений в погребальном комплексе.

Сам погребальный комплекс (рис. 2) в раскопанной части представляет собой анфиладу из пяти прямоугольных помещений (пом. 6—10), расположенных вдоль длинного коридора (пом. 11). Сооружение в целом имеет достаточно четкий план. Все помещения были связаны между собой проходами и резко различаются по сделанным в них находкам, что отражает их различные функции в системе комплекса в целом. Так, узкое помещение 6 было почти лишено находок и играло роль своего рода вестибюля, куда попадали из главного коридора.

Особый интерес, бесспорно, представляет помещение 7 (рис. 3), сохранившее большое число самых различных находок, лежавших на полу, поверх которого шел кирпичный завал. Последний был перекрыт кирпичной забутовкой, являющейся фундаментом строений второго слоя. Пол был в древности покрыт плетеной циновкой, отпечатки которой встречены по всей площади комнаты. В центре находился глинобитный очаг-подиум прямоугольный в плане с невысокими бортиками и овальным углублением в центре (рис. 4, 5), перекрытый черепками толстостенного сосуда. На очаге располагался небольшой биконический сосудик, возможно, использовавшийся для возлияний. Два других таких сосуда лежали

---

[3] *В. М. Массон.* Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе. АО — 1971, М., 1972.

[4] *В. И. Кнышев.* Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе. КСИА АН СССР, 127, 1971; *В. М. Массон.* Изучение общественной структуры Алтын-депе. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, стр. 378—379.

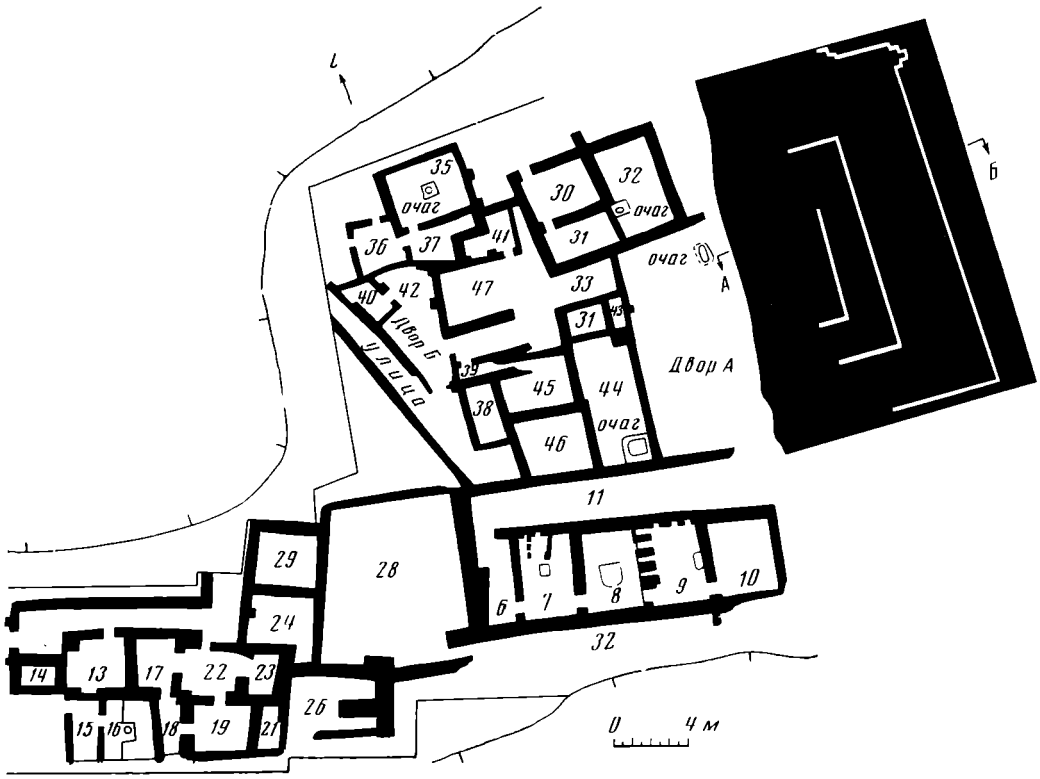


Рис. 1. Общий план раскопа 7 на уровне третьего строительного горизонта

прямо на полу около подиума. На полу же, около прохода, ведущего в помещение 8, были найдены рога горного барана, возможно, в древности располагавшиеся над этим проходом. По определению Н. М. Ермоловой, эти рога принадлежат очень старому муфлону. У западной стены помещения обнаружены четыре костяные палочки (рис. 6, *2*), покрытые резным орнаментом, человеческая нижняя челюсть и шесть крестовидных плоских поделок, выточенных из белого (тра) и серого (тра) камня и, видимо, являющихся вставками от мозаичного набора, крепившегося на несохранившейся органической основе (рис. 7, *1*).

Центральное место в помещении 7 занимал прямоугольный алтарь у северной стены. Алтарь представляет собой конструкцию из параллельных стенок из сырцового кирпича, перекрытых деревянным настилом, прослеженным по истлевшим остаткам. Непосредственно на настиле находились плечевая кость и несколько ребер скелета взрослого человека. Выше этих костей, отделенные от них глинистым слоем, находились рассыпанные по всей площади алтаря плоские бусины из лазурита и слоновой кости. Скорее всего алтарь вместе с костными останками был покрыт материей, расшитой этими бусами. Под деревянным настилом алтаря в древности было пустое пространство, что видно по слегка прогнувшемуся деревянному перекрытию, но оно постепенно заполнилось землей и человеческими костями. Циновка, покрывавшая пол помещения, проходила и здесь, но под ней был сделан дополнительный древесный настил, также сохранившийся лишь в виде отпечатков. Поверх циновки находились разрозненные кости нескольких человек, в том числе два черепа (погр. 222 и 223) и четыре нижних челюсти от других особей. Найдены здесь были и несколько костей мелкого рогатого скота. Один из обнаруженных черепов принадлежит ребенку 6 лет, а другой — пожилому мужчине в возрасте 60—70 лет [5]. Среди костей лежали сердо-

[5] Все половозрастные определения сделаны Т. П. Кияткиной, принимавшей участие и в расчистке костяков на месте.

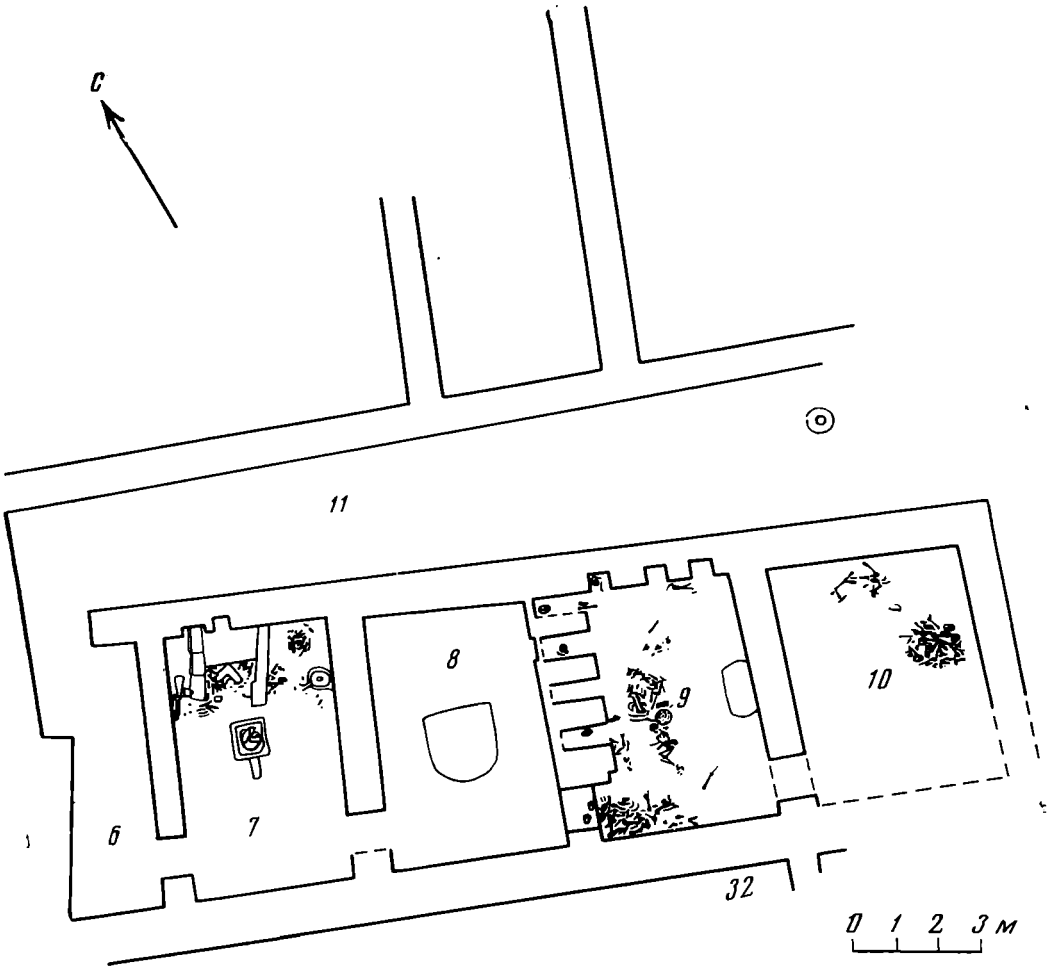


Рис. 2. План погребального комплекса

ликовые, агатовые (рис. 6, *1*), лазуритовые и золотые бусы, причем некоторые из них располагались в линию, указывающую на наличие ожерелий, а не отдельных бус.

Особый интерес представляет находившаяся на полу у самого южного края алтаря наборная плакетка из серого и светлого камня с изображением полумесяца и креста рядом с двумя вертикальными полосами (рис. 8). Значительное число различных предметов лежало на полу помещения к западу от алтаря. Здесь находились прислоненные к стене помещения и к стене алтаря три крупных изделия из шлифованного камня (рис. 5) — плоская колесовидная «гиря» с ручкой, своего рода пестик с поперечными бороздками на обоих концах и «булава» с биконическим расширением посередине. Аналогичные предметы хорошо известны в памятниках эпохи бронзы Ирана, Афганистана и сопредельных территорий и обычно трактуются как культовые объекты [6]. Тут же были обнаружены и украшения — золотые и агатовые бусы, многочисленный мелкий сердоликовый бисер, лежавший несколькими нитями. Значительный интерес представляют найденные здесь крестовидная печать из бирюзы и плоская белая печать с изображением свастики (рис. 7, *1*). К востоку от алтаря, в углу комнаты лежал сильно скорченный костяк, лишенный черепа, который был отчленен вместе с несколькими шейными позвонками. Здесь же находились отдельные кости, в том числе нижняя челюсть, других скелетов. Рядом обнаружены каменные и лазуритовые бусы, отпечаток

[6] См., например, *G. F. Dales.* Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan. Afghanistan, 1972, N 4, pp. 32—36.

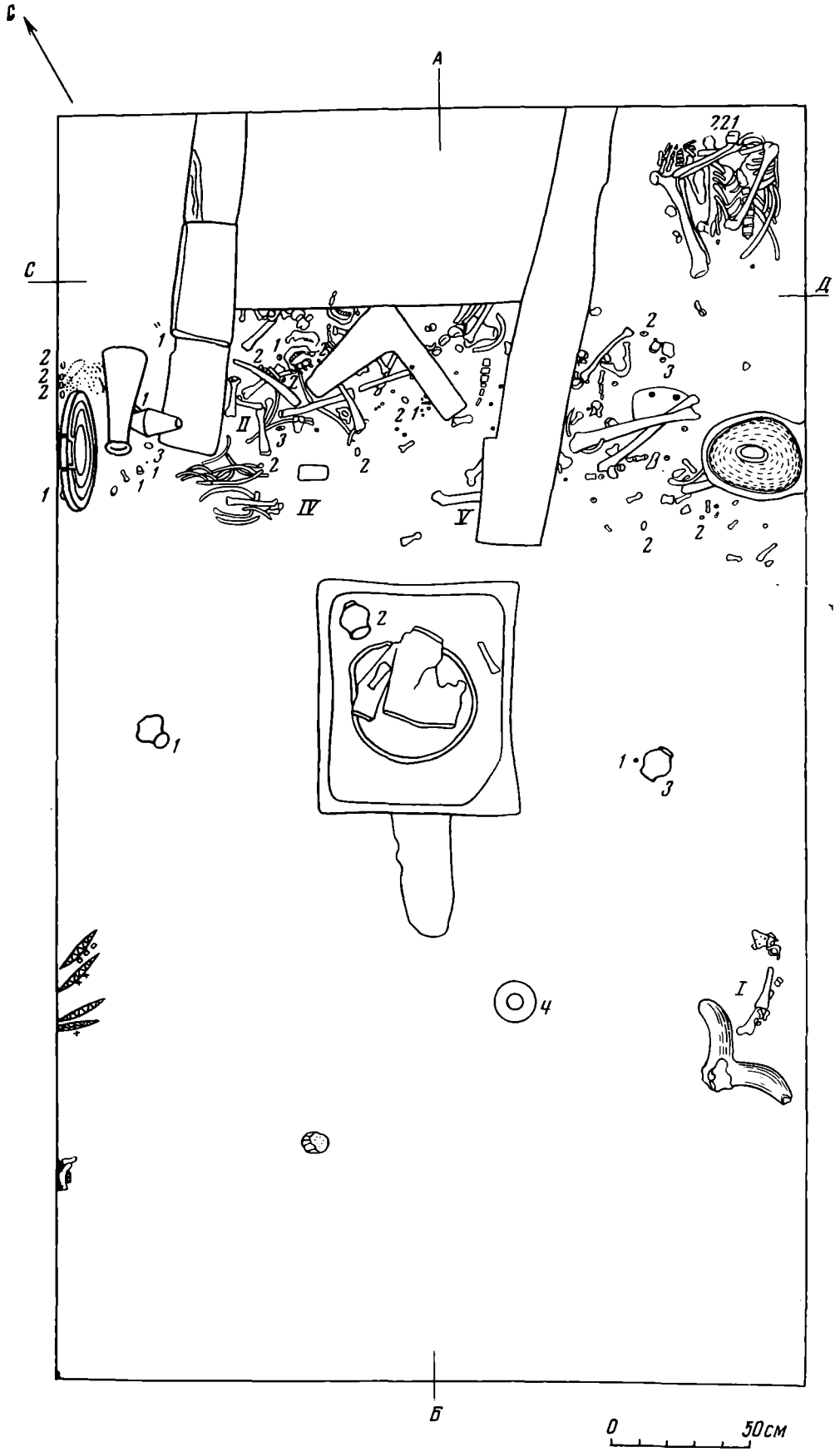


Рис. 3. План помещения 7

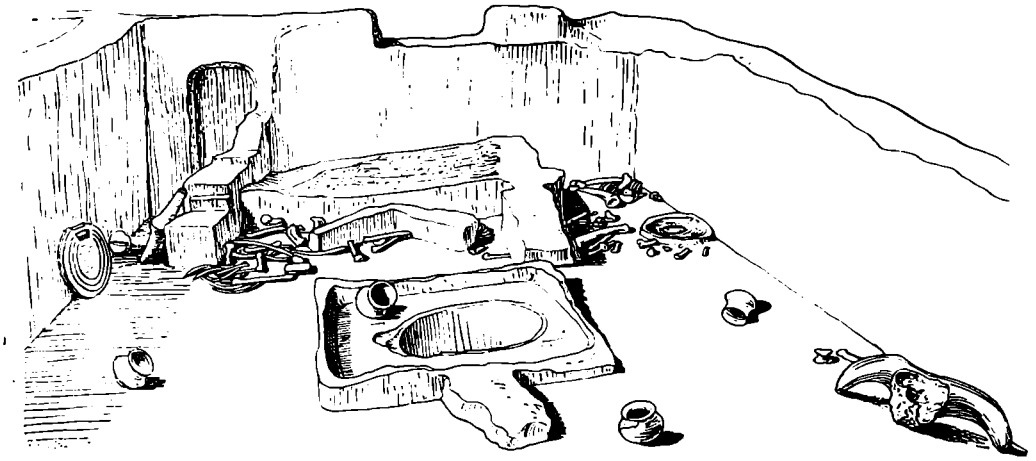


Рис. 4. Помещение 7. Общий вид

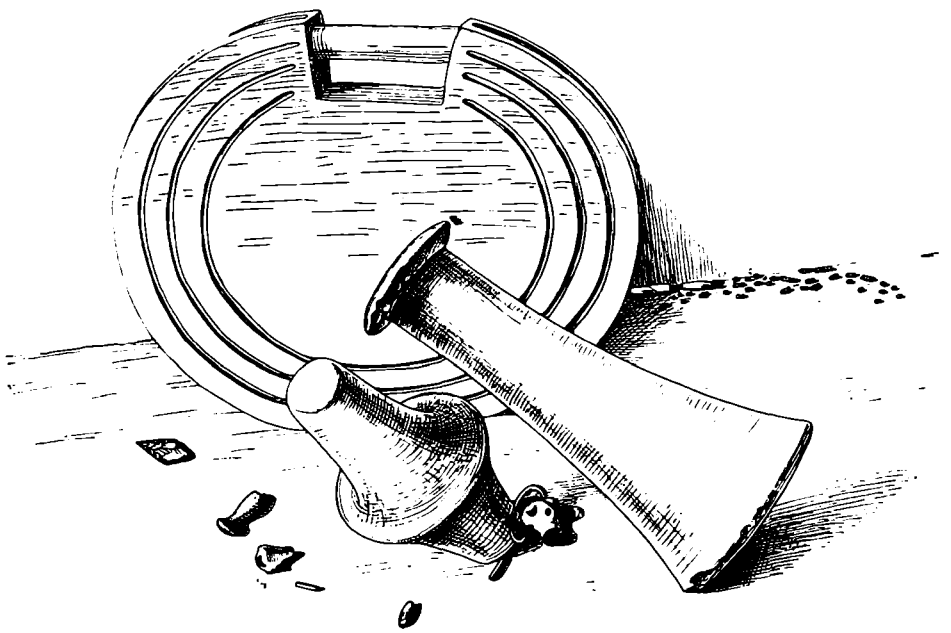


Рис. 5. Культовые объекты в помещении 7

дна плетеной корзинки, истлевшие остатки плоского деревянного предмета, на котором и лежали, видимо, украшавшие его лазуритовые бусы. Под полом, после разборки алтаря, были найдены располагавшиеся тремя аккуратными рядами 18 шариков — шесть лазуритовых, шесть белых и шесть из серого камня.

Наиболее интересные предметы были обнаружены среди вещей, лежавших на полу к западу от алтаря. Здесь помимо уже упоминавшихся каменных предметов найдены три металлические овальные бляхи с отверстиями для прикрепления, серебряная обкладка деревянного гвоздя, золотая голова волка высотой 1,5 *см* и золотая головка быка высотой 7,5 *см*. Обе головы полые, литые, с отработкой мелких деталей пунсоном. Так, у волка подчеркнуты глаза, брови и рот с двумя рядами точечных вдавлений, возможно, передающих зубы (рис. 9). Несколько необычны два сквозных отверстия по бокам волчьей морды, как бы предназначавшиеся для инкрустационных вставок. Голова быка имеет вставные рога и уши, причем рога сделаны из серебряной проволоки, обернутой золотой

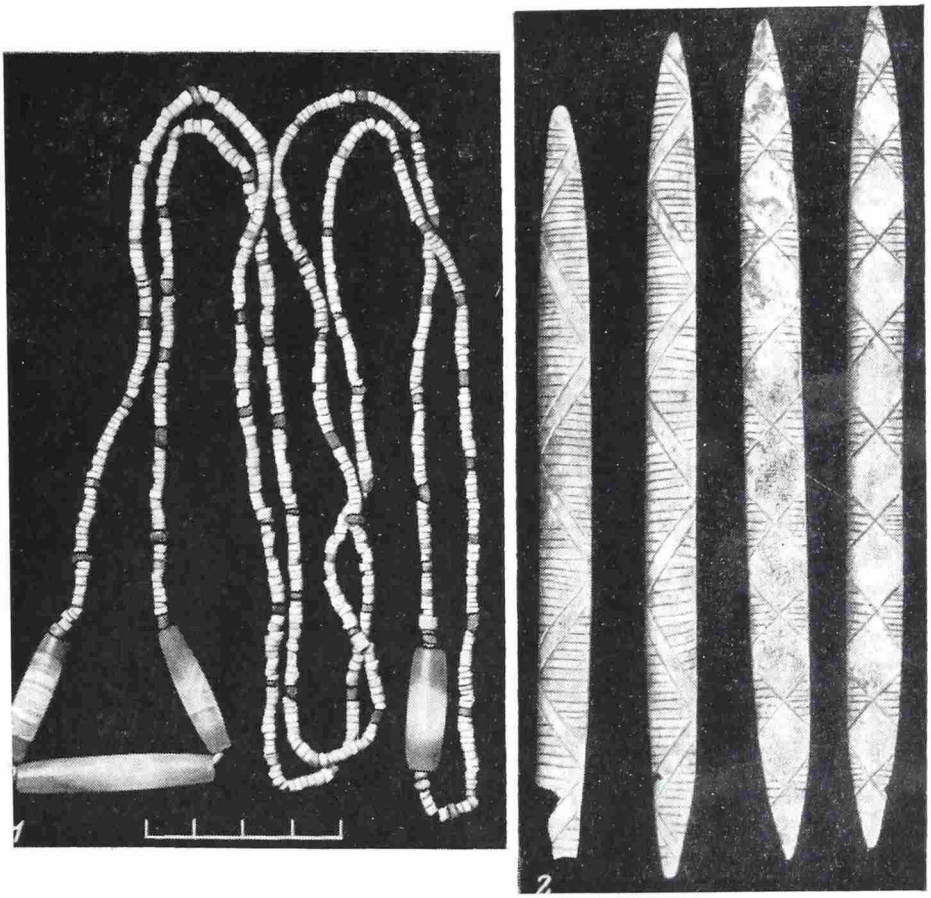


Рис. 6. *1* — ожерелье из бус, *2* — резные костяные палочки (помещение 7)

пластинкой. Морда круглая, напоминающая свиной пятачок с передачей рта и ноздрей углублениями (рис. 10). На лбу и в глазах — вставки из бирюзы, причем для одного глаза с этой целью использована бусина, в которой сделали новое, на этот раз поперечное отверстие. Бирюзовые вставки, уши и рога удерживались комком какой-то мастики, ныне совершенно высохшей, но сохранившей четкие отпечатки крепившихся к ней деталей. Как и у волка, у быка по обеим сторонам морды сделаны сквозные отверстия, по три с каждой стороны. Из прочих найденных у алтаря вещей упомянем кремневый наконечник стрелы, крупную биконическую бусину и большую плоскую бусину в виде бокала на высокой ножке, с изящно подобранным рисунком фактуры. Всего в святилище найдено 864 бусины, в том числе 9 золотых, 101 лазуритовая и 639 бирюзовых (рис. 11).

Следующее помещение 8, несмотря на его большие размеры, было практически лишено находок. На полу располагался большой очаг, но какие-либо кухонные находки в виде обломков котлов или костей животных здесь отсутствовали. Располагавшееся далее помещение 9 представляло собой коллективную гробницу, в которой находились останки по крайней мере 11 человек (рис. 12). Но лишь у восьми из них сохранились черепа. Расположение скелетов — обычное для коллективных погребений Южного Туркменистана, в том числе и для Алтын-депе. Кости ранее погребенных находятся в беспорядке и лишь скелет мужчины, захороненного последним, покоится на боку в анатомически правильном положении. Отличие данной комнаты от обычных гробниц составляют находки черепов в нишах, сделанных по стенам помещения сравнительно невысоко от пола. Всего таких ниш в комнате семь — пять глубоких и

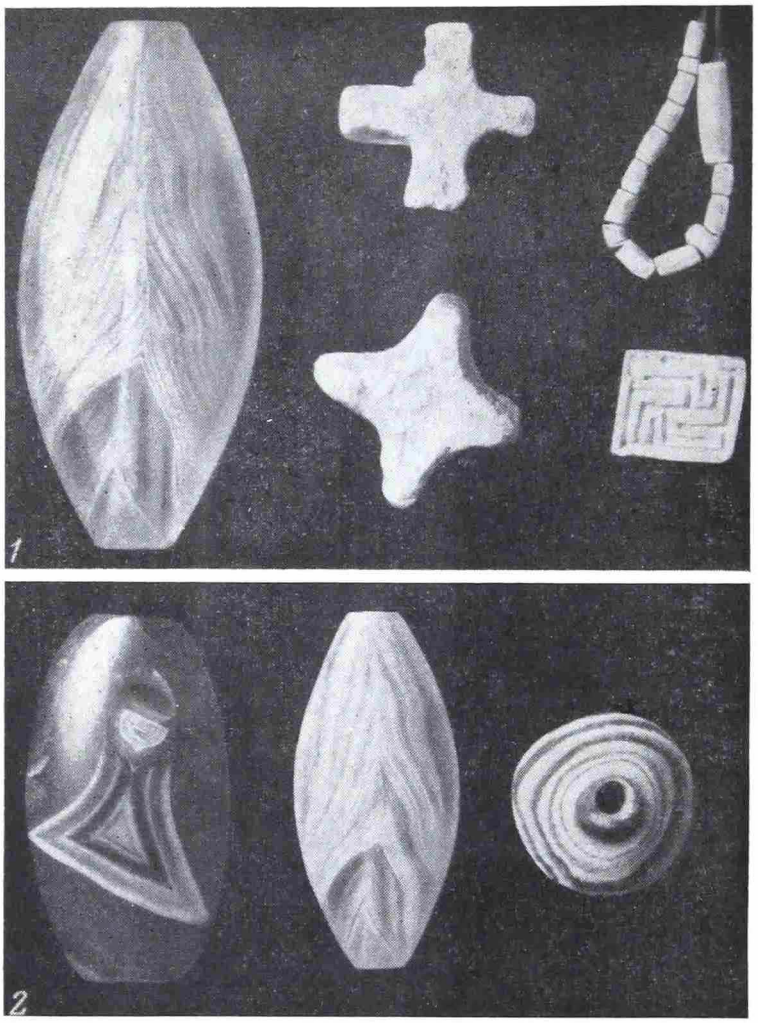


Рис. 7. *1* — каменная пронизка, каменные вставки, пастовые бусы и алебастровая печать (помещение 7); *2* — каменные бусы

две мелких. В четырех глубоких находятся черепа, принадлежавшие соответственно мужчине 35—40 лет, женщине 25—30 лет, женщине 16—18 лет и ребенку 8—9 лет. Инвентарь, обнаруженный в помещении 9, не велик — 11 керамических сосудов, в основном, типа биконических сосудиков, найденных в святилище у очага-подиума; плетеная корзинка, от которой сохранились лишь отпечатки, 4 бусины, лопатки и другие кости баранов, происходящие, по определению Н. М. Ермоловой, от 7—8 особей, в основном, молодых. Интересно, что часть черепов в нишах лишена нижних челюстей, но иногда имеются расположенные рядом с ними части плечевой кости и ребер. Как и в помещении 7, на полу встречаются разрозненные обломки нижних челюстей.

Наконец, последнее, помещение 10, также содержало человеческие останки (рис. 13). В его юго-восточном углу располагалась овальная в плане куча костей, включающая длинные кости и черепа по крайней мере от 13 человек. Рядом был поставлен один керамический сосуд, предназначавшийся, надо полагать, для всей этой гекатомбы в целом. У северной стены головой на юго-восток располагалось непотревоженное погребение (№ 235), у бедренных костей которого была найдена печать в виде двухголовой птицы, сделанная из бронзы и сильно корродированная (рис. 14, *1*). К этому погребению, видимо, относится и биконический

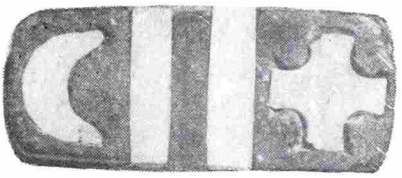


Рис. 8. Каменная наборная плакетка (помещение 7)

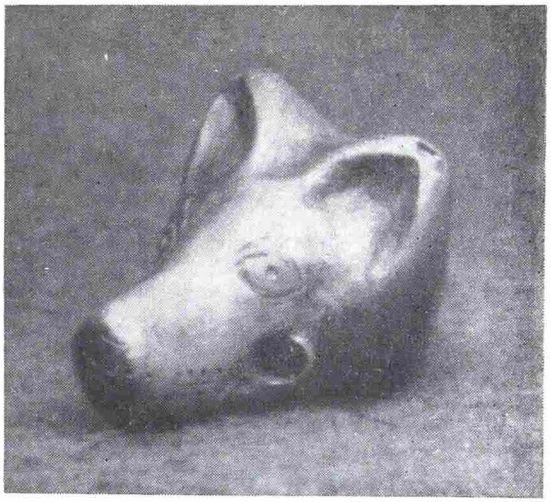


Рис. 9. Голова волка (помещение 7)

Рис. 9

сосудик, находившийся к югу от скелета. Два крупных раздавленных сосуда лежали в северо-западном углу помещения.

Все находки и стратиграфическое положение третьего строительного горизонта, ниже которого идут уже слои времени Намазга IV, указывают на датировку вскрытого ансамбля временем ранней Намазги V, т. е. по существующей хронологии самым концом III тысячелетия до н. э.

Уникальный характер этого погребального комплекса не вызывает сомнений. Уже на настоящем этапе его изучения благодаря прежде всего большой работе, проделанной Т. Н. Кияткиной по определению антропологических материалов, можно высказать некоторые соображения о погребальном ритуале и церемониях, с которыми он был связан. Так, последовательное перемещение человеческих останков из одной комнаты в другую, причем перемещение уже в сильно разложившемся виде, достаточно ясно. В результате нижняя челюсть из погр. 219, чья черепная крышка находилась в помещении 9, оказалась в помещении 10. Наоборот, черепа погр. 238 и 227 уже были перенесены в помещение 10, в общую кучу, а их нижние челюсти все еще оставались в помещении 9, где и были найдены. Только такими перемещениями в пределах комплекса можно объяснить «некомплектность» всех без исключения костяков в помещении 7. Следует заключить, что различные помещения несли специализированные функции соответственно их месту в обрядовой церемонии.

Определение помещения 7 как святилища наиболее ясно уже по наличию очага-подиума типа хорошо известных культовых очагов, обнаруженных как в энеолитических святилищах Южного Туркменистана, так и в месопотамских святилищах и храмах [7]. Весь характер находок из этого помещения подтверждает подобное заключение. Можно предположить, что пока очередной усопший покоился на алтаре, на очаге-подиуме совершались соответствующие возлияния (см. находку сосудов) и одновременно демонстрировались священные объекты, сосредоточенные у алтаря. Важно отметить, что, например, ручка «гири» буквально залощена от длительного употребления, а уши волчьей головки протерты почти насквозь. Далее труп, а иногда может быть и его части (в погр. 221 отсутствует преднамеренно отделенная голова) перемещались в другие комнаты. Интересен факт наличия человеческих останков под настилом самого алтаря. Все они размещены с краю и как бы запихнуты под на-

[7] *В. И. Сарианиди.* Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1.

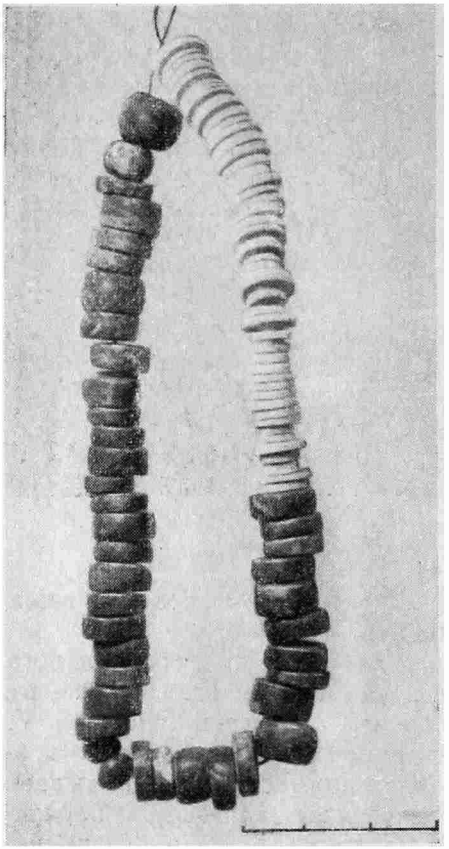


Рис. 11. Бусы из лазурита и слоновой кости (помещение 7)

стил уже в потревоженном состоянии. Но показательно, что именно здесь оказался череп мужчины 60—70 лет, своего рода патриарха среди всех лиц, погребенных в этом комплексе, чей возраст, за этим единственным исключением, не превышает 35—40 лет.

Пустое помещение 8 с его огромным очагом на полу может рассматриваться как специальная комната, хранящая очищающий огонь, отделявшая святилище от собственно гробницы. Помещение 9 — это основная гробница, типичная коллективная усыпальница, хорошо известная в Южном Туркменистане начиная с эпохи позднего энеолита [8], но в данном случае расположенная не обособленно, как в большинстве других случаев, а включенная в систему архитектурного ансамбля. Различные предположения могут вызывать находки черепов некоторых из погребенных в нишах по стенам. Если исходить из необычности такого приема, то следовало бы предположить особую роль лиц, чьи останки удостоились такого посмертного почета. По половозрастному составу — мужчина, две женщины и ребенок — это могли быть члены одной семьи. Переносимые в гробницу останки сопровождались сосудиками для возлияний и, видимо, как правило, жертвенной частью барана. Наконец, на третьем этапе разрозненные кости от полностью распавшихся трупов переносились в последнюю, тупиковую комнату, где складывались в аккуратную кучу. Правда, не совсем ясны причины помещения сюда же погребения 235. Поясная печать, найденная при нем, подчеркивает особое положение погребенного.

В целом в описанном комплексе отмечены останки почти 40 человек, из которых 30 четко определяются в половозрастном отношении: 15 женщин, 12 мужчин и трое детей старше 6 лет. На Алтын-депе коллективная гробница с остатками 38 человек была раскопана в районе «квартала знати» [9]. Судя по половозрастной структуре погребенных, наш комплекс служил местом успокоения для нескольких малых семей, скорее всего объединявшихся, что, видимо, характерно для крупных коллективных усыпальниц [10], в большесемейную общину. Территориальное расположение в одном комплексе со ступенчатым башнеобразным сооружением и характер находок позволяют заключить, что описанное здание служило усыпальницей для большесемейной общины, связанной с обслуживанием

---

[8] *В. И. Сарианиди.* Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, 2; *его же.* Геоксюрский некрополь. В сб. «Новое в советской археологии». М., 1965; *В. М. Массон.* Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, 101, 1964.

[9] *В. М. Массон.* Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе. АО — 1970, М., 1971, стр. 430.

[10] *В. М. Массон.* Традиция коллективных погребений..., стр. 8; *В. И. Сарианиди.* Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. Успехи среднеазиатской археологии. I, Л., 1972, стр. 25.

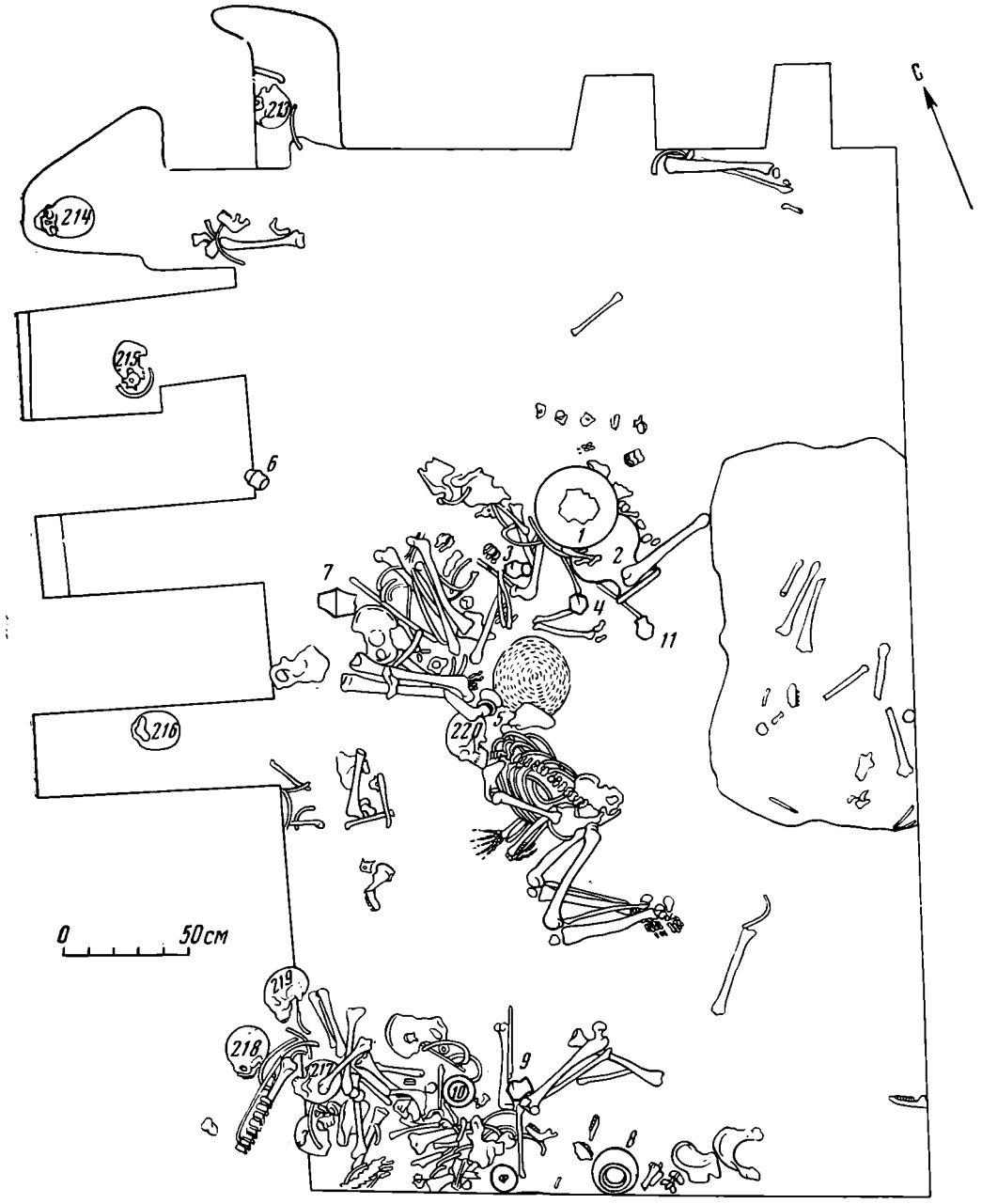


Рис. 12. План помещения 9. *218* — номера погребений, *9* — номера сосудов

культового центра Алтын-депе, т. е. скорее всего жреческой общины. Весьма показательно полное отсутствие женских статуэток, типичных для других коллективных гробниц Алтын-депе. В данном случае женские терракоты были заменены совершенно иными символами — головками волка и быка, что, бесспорно, связано со спецификой всего культового центра, в состав которого, как теперь выясняется, на раннем этапе существования входили четырехступенчатое башнеобразное сооружение и своего рода прихрамовый комплекс.

Большое значение для интерпретации обнаруженного комплекса имеет изучение найденных в нем предметов. Здесь, как нам представляется, особое место занимает золотая головка быка, столь эффектно инкрустированная бирюзой. Уникальная для среднеазиатских памятников, эта находка вместе с тем вписывается в круг объектов, типичных

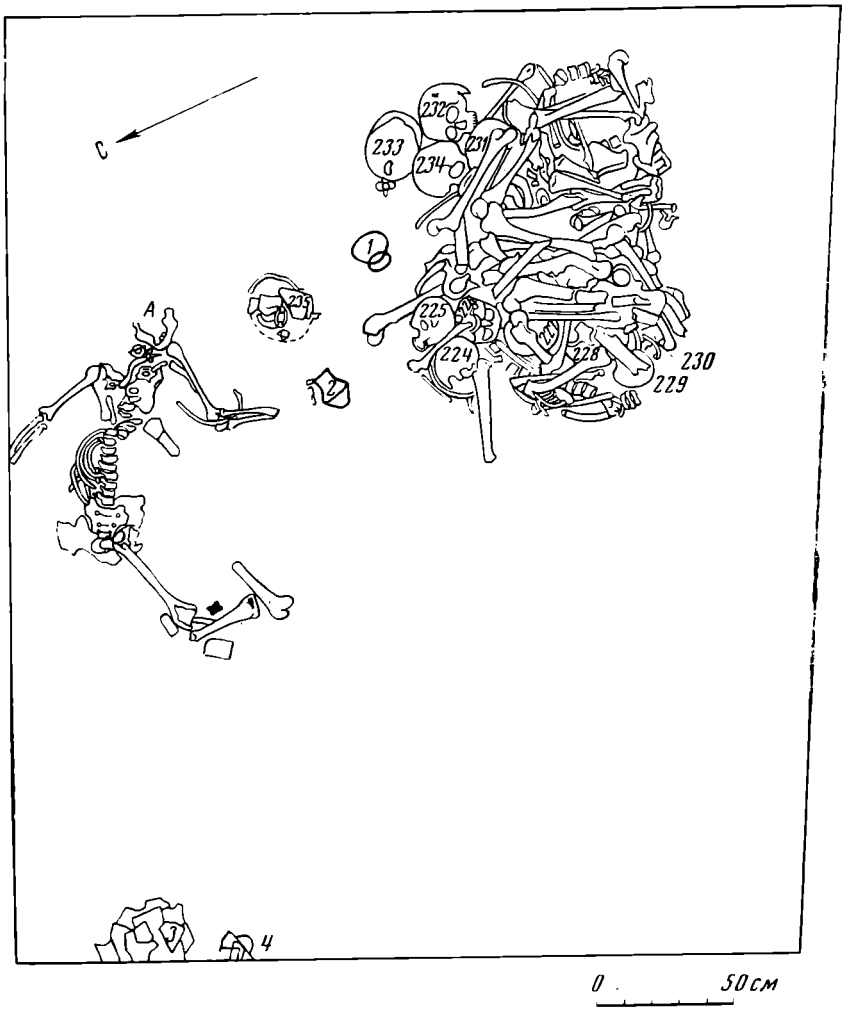


Рис. 13. Костные останки в помещении 10

для ближневосточной археологии и недавно бывших предметом специального обзора [11]. Центром распространения таких изделий, безусловно, является Месопотамия, где головы быков были обнаружены при раскопках Ура [12] и Хафадже [13], не считая ряда находок без точной привязки к археологическим объектам [14].

Головы быков, обнаруженные в Уре, помещались в качестве скульптурных украшений на резонаторах лир и изготовлялись из золота, серебра и бронзы. Наибольшую известность получила исключительно выразительная голова быка, сделанная из золота, с дополнительными украшениями из лазурита, которыми переданы вставные глаза, небольшая челка на лбу, концы массивных загнутых вверх рогов и эффектная широкая борода. Сочетание лазурита и золота вообще было любимым приемом шумерских ювелиров. Интересно, что это особое значение лазурита распространилось и на Египет, где, согласно одному из вариантов цикла Ра, этот бог солнца царствовал много тысячелетий, а когда состарился, кости его превратились в серебро, мясо в золото, а волосы в лазурит [15]. С головой быка из Алтын-депе урскую голову сближают лишь

[11] *E. C. L. During Caspers.* The Bull's Head from Barbar Temple II. Bahrain. A Contact with Early Dynastic Sumer. East and West, 21, 1971, 3—4.

[12] *L. Wolley.* Ur Excavations, v. II. London, 1934. Pl. 107, 111, 115—117, 119—121.

[13] *H. Frankfort.* Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq 1934/35. OIC, 20, Chicago, 1936, pp. 28—29.

[14] *A. Parrot.* Sumer. Paris, 1960, p. 157, fig. 186.

[15] *Б. А. Тураев.* История Древнего Востока. I, Л., 1935, стр. 180.

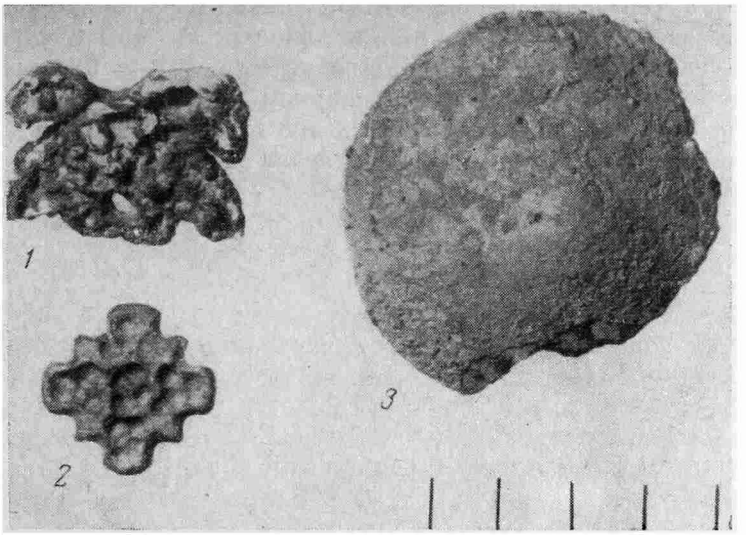


Рис. 14. Печати: *1* — бронзовая (погр. 235); *2* — лазуритовая (помещение 7); *3* — серебряная бляха (помещение 7)

прием выполнения глаз инкрустацией, помещение прямо под рогами расставленных в стороны ушей, да передача надбровных дуг углубленными линиями. Форма рогов, морда животного, да и вообще облик скульптуры в целом принципиально различны. Более художественные и реалистически выполненные урские быки как бы рисуют лишь общий круг явлений, в который входит находка из Алтын-депе. В настоящее время по стратиграфической схеме южного Двуречья царские гробницы Ура относятся к этапу IIIA раннединастического периода, датируемому 2600—2500 гг. до н. э.

Голова быка из Хафадже найдена в кирпичной закладке в храме Сина VIII и, следовательно, должна быть отнесена ко времени существования храма Сина VII, т. е. ко второму этапу раннединастического периода[16], датируемому сейчас 2750—2600 гг. до н. э. Изготовленная из бронзы, эта голова по скульптурному решению близка головам быков из Ура и в той же мере, что и эти последние, отличается от быка Алтын-депе. Глаза быка из Хафадже выполнены вставками из раковин и лазурита, на лбу также вставка в виде треугольника из морской раковины. Вставка на лбу характерна и для бронзовой головы оленя из Шуррупака[17] и естественным образом заставляет вспомнить о вставке на лбу нашего быка. Известны также другие бронзовые головы быков из Южного Двуречья, имеющие те же стилистические черты, что и скульптуры Ура и Хафадже, в том числе глаза, переданные инкрустацией из лазурита[18]. Все эти находки в целом датируются раннединастическим временем, т. е. XXIX—XXV вв. до н. э. Их хронологическое положение, бесспорно, предшествует быку Алтын-депе, и в стилистическом отношении они представляют своего рода реалистическую предтечу этой несколько схематизированной и условной скульптуры. Вместе с тем нельзя не отметить, что трактовка рогов и особенно тупой морды, имеющей как бы свиноподобный облик, никак не могут быть возведены к этим шумерским прототипам.

---

[16] *P. Delougaz, S. Lloyd,* Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region. OIP, v. LVIII, Chicago, 1941, p. 134.

[17] *A. Parrot.* Sumer..., p. 155, fig. 184 B.

[18] *A. Parrot.* Sumer..., p. 157, fig. 186; *C. Zervos.* L'art de la Mesopotamie. Paris, 1935, p. 154.

Именно эти черты нашей скульптуры находят довольно близкие аналогии в бронзовой голове быка, найденной, так же как и скульптура из Алтын-депе, за пределами Южной Месопотамии. Речь идет о находке в храме Барбара, расположенном на северном побережье Бахрейна. Здесь при раскопке сложенного из каменных плит храма II была обнаружена бронзовая литая голова быка, пустые глазницы которой свидетельствуют об утраченной инкрустации [19]. Детально рассмотревшая эту находку Е. Дюринг-Касперс указывает, что от месопотамских голов ее отличает фронтальность расположения глаз, тогда как в Шумере они обычно помещаются по сторонам, уплощенность морды животного, у которой нос напоминает рыльце свиньи, и определенное отступление от физической реальности, следование которой столь явственно выделяет произведения месопотамских коропластов [20]. Между тем все эти черты отличия бахрейнской находки от шумерских скульптур как раз являются характерными признаками скульптуры из Алтын-депе. Можно только добавить, что и характер длинных рогов с изгибом, аналогии которым Е. Дюринг-Касперс находит в фигурке антилопы из Ура, в Бахрейне и в Алтын-депе идентичен. Разумеется, о полном совпадении не может быть и речи. В барбарской голове отсутствует проработка надбровных дуг параллельными линиями, нет сквозных отверстий по бокам головы, при общем сходстве трактовки морды детали оформления носа и рта существенно отличны. Но необходимо признать, что именно бахрейнская голова является ближайшей аналогией нашей находке.

Датировке храмов Барбары была недавно посвящена специальная статья П. Мортенсена, который ориентировочно относит храм II к середине III тысячелетия до н. э. [21]. Но вместе с тем он приходит к заключению, что наследовавший ему храм III был построен около 2200 г. до н. э. и продолжал существовать еще около 2000 г. до н. э. Е. Дюринг-Касперс, рассматривая месопотамские аналогии головы быка из Барбары, считает возможным на основании этих аналогий относить храм II к этапам II и IIIB раннединастического периода [22], что соответствует XXVIII—XXV вв. до н. э. Однако, учитывая определение времени возведения храма III, можно считать, что храм II продолжал функционировать до 2200 г. до н. э. и что найденные в нем объекты если не были изготовлены в XXIV—XXIII вв. до н. э., то во всяком случае были в эту пору в употреблении. Эти соображения значительно сближают датировку скульптур Алтын-депе и Барбары; следует учесть, что изученный нами погребальный комплекс относится к наиболее ранней фазе комплекса Намазга V, ниже которой уже идут слои Намазга IV.

Какова же связь этих головок быков с шумерской скульптурой? Е. Дюринг-Касперс скорее склоняется к мнению, что голова из Барбары является местным произведением, которое, однако, восходит к определенному шумерскому прототипу. Правда, она делает оговорку о трудностях различения плохой копии с месопотамской модели и местного произведения с месопотамскими чертами, комбинированными или адаптированными [23]. Думается, что голова быка с Алтын-депе может служить примером справедливости именно второго заключения. Как мы видели, ее связи с шумерскими образцами ограничиваются общей идеей и аналогиями в отдельных чертах (инкрустации во лбу и в глазах, растопыренные уши, прочерченные надбровные дуги). Даже для инкрустации был применен иной материал — бирюза, хотя лазурита в Туркмении было достаточно много, и изделия из него в изобилии найдены в том же

[19] *P. V. Glob.* Udgravninger pa Bahrain. Kuml, 1955, p. 191; *Idem.* Bahrein. Five Thousand Years Ago: The Temples of Barbar. ILN, 4 Jan. 1958, fig. 8—9.
[20] *E. C. L. During Caspers.* The Bull's Head..., pp. 222.
[21] *P. Mortensen.* Om Barbartemplests Datering. Kuml, 1970, p. 397.
[22] *E. C. L. During Caspers.* The Bull's Head..., p. 223.
[23] Ibidem

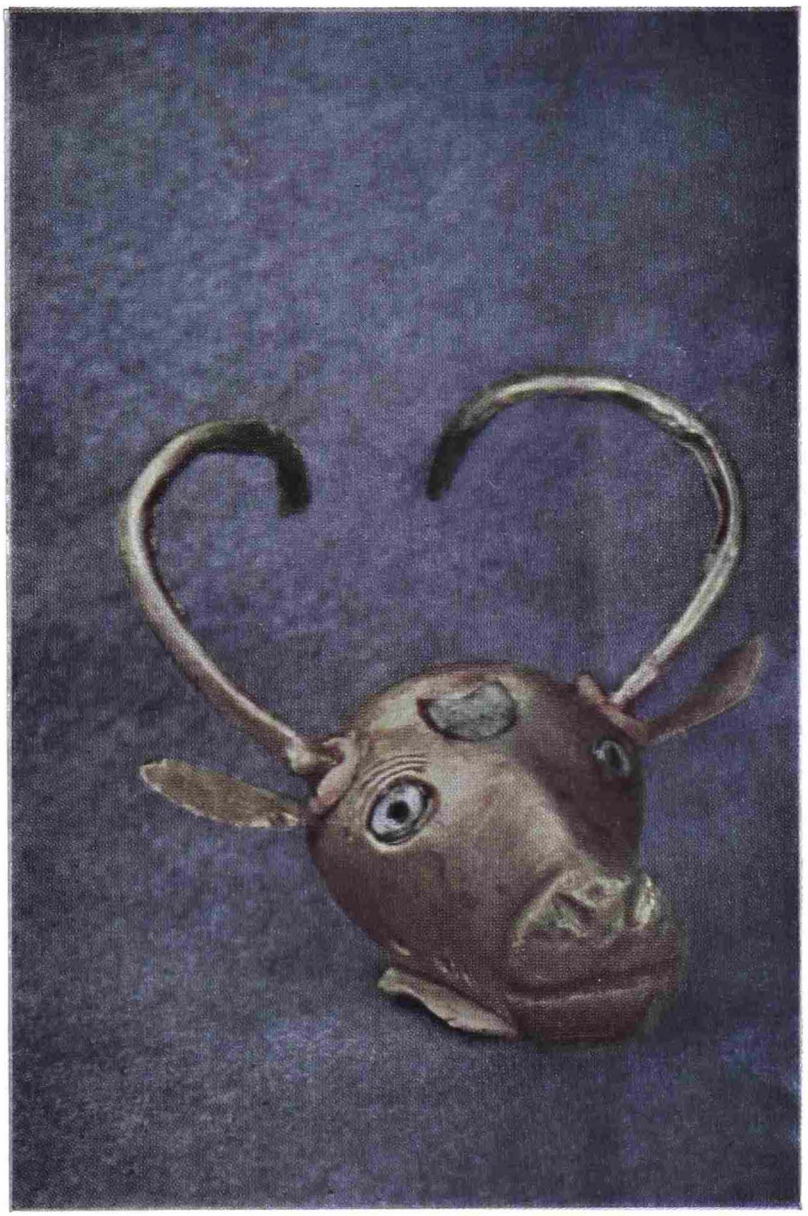


Рис. 10. Золотая головка быка из раскопок погребального комплекса на Алтын-депе

(помещение 7)

помещении, что и голова быка. В этой связи особенное значение приобретают известные черты сходства головы быка с Алтын-депе и энеолитической скульптуры Южного Туркменистана. На Кара-депе в слоях Намазга III, относимых ориентировочно к началу III тысячелетия до н. э., была обнаружена довольно неуклюжая фигурка быка, сделанная из мраморовидного известняка. По общему облику, отражающему скорее всего затруднения скульптора в работе с мало пластичным материалом, эта статуэтка напоминала свинью, и лишь рога и длинный хвост позволяют видеть в ней быка [24]. Передача морды в виде «свиного» пятачка с углубленной линией прямого рта и двумя ноздрями, также выполненными углублением, дают бесспорную аналогию трактовке морды алтынского быка. Кстати, глубоко просверленные глазницы карадепинской статуэтки наводят на предположение, что в древности они были инкрустированы вставками из цветных камней [25]. Можно заключить, что ювелиры Алтын-депе, будучи знакомы с произведениями шумерской торевтики, вместе с тем исходили из образа, имевшего местную (по крайней мере позднеэнеолитическую) традицию. Проблема же формирования этой традиции — вопрос особый, тесно связанный с вопросом о семантике скульптур такого рода.

В свою очередь этот вопрос связан и с воссозданием утилитарного назначения объектов подобного рода в пору их бытования. Характер нашей находки ясно указывает, что это завершенное произведение — именно головка быка, а не часть фигурки. На это, в частности, указывает золотая пластинка, как бы закрывающая головку сзади. Примечательно, что найденная здесь же голова волка носит явственные следы затертости от длительного употребления. Голова из храма Барбара была найдена рядом с медными полосками, имевшими следы от медных же гвоздей, из чего можно заключить, что это части какой-то обивки. Уже П. Глоб предположил, что это остатки деревянного предмета, увенчивавшегося головой быка [26]. К сожалению, детальные зарисовки или фотографии условий находки пока не опубликованы. Е. Дюринг-Касперс, основываясь на описании, приведенном в предварительном отчете, полагает, что голова быка, как и головы других животных, прикреплялась к окованному медью деревянному шесту и в таком виде служила объектом поклонения [27]. Р. Барнет, опираясь на находки из Ура и некоторые данные иконографии, считает, что барбарская голова быка, так же как и урские головы, служила украшением музыкального инструмента [28]. Действительно, для конца III тысячелетия до н. э. известен клинописный текст, в котором описывается арфа, украшенная головой быка, а звук самого инструмента сравнивается с мычанием быка [29].

Условия находки головы быка на Алтын-депе, где при относительно ненарушенном слое не было никаких следов музыкального инструмента, заставляют отдать в данном случае предпочтение предположению Е. Дюринг-Касперс. Находка золотой головы быка в святилище сама по себе указывала на то, что едва ли в данном случае мы имеем дело с обычной скульптурой. Это заключение подкреплялось наличием на лбу головы изображения луны, этого бесспорного астрального символа. Отсутствие во всем комплексе женских статуэток и находка мозаичной плакетки с изображением опять-таки лунного серпа позволило уже в поле прийти

---

[24] *В. М. Массон.* Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960/1961, стр. 371, рис. 24.

[25] *В. М. Массон.* Кара-депе у Артыка..., стр. 368.

[26] *P. V. Glob.* Udgravninger pa Bahrain..., p. 191.

[27] *E. C. L. During Caspers.* The Bull's Head..., pp. 221—222.

[28] *R. D. Barnett.* New Facts about Musical Instruments from Ur. Iraq, XXXI, 1969, 2.

[29] *Л. Вулли.* Ур халдеев. М., 1961, стр. 78.

к заключению, что весь раскапываемый комплекс был связан с каким-то астральным божеством, скорее всего мужским [30].

Изучение вопроса позволяет, как нам кажется, ответить на этот вопрос и более уверенно, и более определенно. Уже упоминавшаяся выше голова быка из Хафадже была найдена там при раскопках храма Сина, известного шумерского бога луны. Принадлежность храма точно определяется надписью на найденной в нем статуе жреца [31]. Тесная связь древнего шумерского бога луны Нанны-Сина с образом быка хорошо известна в литературе. Это божество, покровитель Ура, имело в самом Уре большой священный квартал, где, в частности, располагался и зиккурат. Надпись на закладных конусах этого квартала гласит: «Для Нанна, могучего небесного быка, славнейшего из сынов Энлиля, своего владыки, Урнамму, могучий муж, царь Ура, воздвиг сей храм Этеменнигуру» [32]. Тот же образ находим мы и в специальном гимне Нанне, сохранившемся в ассирийской копии в знаменитой библиотеке Ашурбанипала, но который, бесспорно, восходит к шумерской эпохе. «Отец Нанна,— читаем мы в этом гимне,— могучий юный телец с мощными рогами, совершенным телом, лазуритовой бородой, полный великолепия...» [33].

В шумерской мифологии бык традиционно выступает как лунное животное [34] и поэтому в гимнах сам Син предстает как молодой бык цвета огня [35]. Аналогии этих текстов с археологическими материалами бесспорны. Это и цвет Нанны, небесного быка, столь близкий некорродированной бронзе, а тем более золоту, это и лазуритовая борода, столь великолепно представленная материалами Ура. В шумерской космогонии Нанна рассматривался как сын бога воздуха Энлиля и отец бога солнца — Уту и его знаменитой сестры богини планеты Венеры — Иннанны-Иштари. По этим представлениям планеты и звезды движутся вокруг луны, причем крупные подобны «диким быкам», а мелкие рассыпаны подобно зернам [36]. Лунный полумесяц был символом Нанны, подобно тому, как диск был символом бога солнца, а звезда — эмблемой Иннанны-Иштари. Эта семантическая связь бога луны как верховного из астральных божеств с образом быка является специфической чертой шумерских религиозных воззрений, и находка золотой головы быка с луной во лбу на Алтын-депе не оставляет сомнений, что аналогичный круг представлений был распространен и среди создателей раннегородской цивилизации Южного Туркменистана эпохи бронзы. Однако связь божества луны с образом быка отнюдь нельзя рассматривать как простую и прямолинейную.

Почитание быка имеет в истории человечества весьма глубокие истоки, бесспорно восходящие к традициям охотничьих культур, возможно, еще палеолитической эпохи. Так, над верхнепалеолитическими жилищами иногда помещались черепа почитаемых животных: мамонта, пещерного льва и овцебыка [37]. Вместе с тем, как справедливо указывает С. А. Токарев, почитание животных может быть самого различного происхождения и включает в себя прямое поклонение животным (зоолатрию), различные виды табуации, зооморфные и зооантропоморфные образы богов, посвящение животных тому или иному божеству и многое другое [38]. Особенно важно различать божества зооморфного облика и посвященных им животных, которые зачастую становятся и жертвен-

---

[30] *В. М. Массон.* Раскопки погребального храмового комплекса на Алтын-депе. АО — 1972, М., 1973, стр. 481.

[31] *P. Delougaz, S. Lloyd.* Pre-Sargonid Temples..., p. 6.

[32] *Л. Вулли.* Ур халдеев, стр. 134.

[33] *Б. А. Тураев.* История древнего Востока. I, Л., 1935, стр. 137.

[34] Эпос о Гильгамеше. Пер. И. М. Дьяконова. М.— Л., 1961, стр. 119.

[35] *R. Labat.* Les religions du Proche-Orient Asiatique. Paris, 1970, p. 280.

[36] *С. Н. Крамер.* История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 107.

[37] *П. П. Ефименко.* Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 409; *П. И. Борисковский.* Изучение неолитических жилищ в СССР. СА 1958, 1, стр. 17.

[38] *С. А. Токарев.* Ранние формы религии. М., 1964, стр. 76.

ными животными, нередко с отождествлением божества и самой жертвы. Образ быка, популярный еще в среде охотников каменного века, широко представлен в идеологии раннеземледельческих племен, как это ярко иллюстрируется святилищами анатолийского Чатал-Гуюка, относящимися к первой половине VII — второй половине VI тысячелетия до н. э.[39]. Стены этих святилищ буквально заполнены всевозможными изображениями быков, начиная от красочных панно и кончая отдельными рогами. Особенно разнообразны глиняные головы быков, обычно прикреплявшиеся к стене и нередко покрытые росписью, семантику которых Д. Мелларт несколько прямолинейно предлагает связывать с охотничьими трофеями[40]. Во всяком случае нет сомнений в огромной роли быка в религиозных представлениях раннеземледельческих племен Анатолии. Эта роль традиционно сохраняется у раннеземледельческих племен Балкан и Центральной Европы, нередко украшавших головами быков свои дома[41], и во всем Эгейском мире вплоть до минойской и микенской цивилизаций. До детального анализа мира религиозных представлений чатал-гуюкских племен трудно с уверенностью судить о семантике фресок с быками и глиняных скульптур, но в целом, видимо, правы исследователи, ставящие их в связь с мужским божеством, партнером женской богини, антропоморфный облик которой столь явственно доминирует в культовой символике этого замечательного памятника[42]. На стадии антропоморфизации божеств древняя культовая символика сохраняет роль либо в общем значении, либо становясь семантически тесно связанной с определенным божеством. Классический пример этого процесса дают египетские материалы, где боги — покровители отдельных номов — приобретают специфические и устойчивые зооморфные черты. Место бычьей головы на шесте, бывшей объектом поклонения, занимает бык Апис[43], связанный с мемфисским богом Птахом и официально рассматриваемый как носитель божественной души. Считалось, что на корову с неба нисходит луч и от этого луча она рождает Аписа (Herod., III, 28).

По многочисленным иконографическим материалам и данным источников хорошо известно, что божества Месопотамии рано приобретают антропоморфный облик[44]. Связь между божеством и животным сохраняется лишь частично и отражается в соединении божества с его анималистической символикой. Г. Фрэнкфорт показал, что известные месопотамские чудовища — монстры — в ряде случаев являются чисто графической комбинацией бога и его анималистической эмблемы, что ни в коей мере не снимало антропоморфного характера божества[45].

Образ быка имеет в Месопотамии весьма древние истоки. Мотив головы быка или букрании был исключительно популярен в расписной керамике племен халафской культуры, населявших северную Месопотамию в V тысячелетии до н. э. и, возможно, даже являлся своего рода символом этого племенного объединения[46]. В месопотамской глиптике III тысячелетия до н. э. широко распространяется образ быка-андрокефала, имевший, по мнению некоторых исследователей, эламское происхождение[47]. В знаменитом аккадском сказании о Гильгамеше специаль-

---

[39] *J. Mellaart.* Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

[40] *J. Mellaart.* Çatal Hüyük..., p. 82.

[41] *Г. Чайлд.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 146.

[42] *J. Mellaart.* Çatal Hüyük..., pp. 200—201; *J. Deshayes.* Les Civilisations de l'Orient ancient. Paris, 1969, p. 234.

[43] *Б. А. Тураев.* История Древнего Востока..., стр. 178.

[44] *С. А. Токарев.* Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 304; *J. Deshayes.* Les Civilisation de l'Orient ancien..., p. 246.

[45] *H. Frankfort.* The Art and Architecture of Ancient Orient. London, 1955, pp. 37—38.

[46] *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 366.

[47] *В. К. Афанасьева.* Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 6.

ный раздел посвящен сражению героя с небесным быком, которого наслали боги на Урук по просьбе отвергнутой Гильгамешем Иштари. При этом отмечается, что рога быка были отлиты из лазурита и оправлены в золото [48]. Соответствующий раздел поэмы полностью представлен и в шумерском эпосе [49]. Друг Гильгамеша Энкиду за участие в убийстве духа лесов Хувавы и небесного быка, ниспосланного на Урук, приговаривается богами к ранней смерти. Не исключено, что в этом цикле нашли отражение традиции своего рода тавромахии, предшествующей закланию жертвенного быка и хорошо известной по критской иконографии.

В этих условиях вполне вероятно, что божество — покровитель одного из крупных центров древнего Шумера, в данном случае Ура,— оказалось тесно связанным с образом быка, чьи расставленные рога вызывали и чисто графическую ассоциацию с лунным рогом. Это ни в коей мере не подменяло антропоморфного облика лунного божества Нанны, но могло быть одной из его ипостасей. Не удивительно, что золотой бык с лазуритовой бородой, помещенный на арфе одной из царских гробниц Ура, столь разительно повторяет эту характерную черту божественного покровителя города, описанную в священном гимне. Не следует думать, что изображения, помещаемые на струнных инструментах, вошедших в состав погребального инвентаря, носили чисто декоративный характер и были начисто лишены сложных семантических ассоциаций. Не исключено, что при храме Нанны находился и священный бык с особыми приметами вроде отметины на лбу у египетского Аписа, либо посвященный самому богу, либо считавшийся одним из его воплощений. Недаром на лбу головы быка из Хафадже имеется мозаичная вставка, а на голове быка из Алтын-депе она достаточно явно имеет форму лунного рога. Представляет интерес и состав находок в храмах Нанны-Сина в Хафадже. Помимо уже упоминавшейся массивной бычьей головы здесь были обнаружены и золотая подвеска в виде быка, и сосуд для возлияний, также имеющий форму этого животного [50]. Показателен и состав зооморфных амулетов, видимо, входивших в число храмовых приношений [51]. Амулеты в виде быка или бычьей головы встречаются практически во всех без исключения слоях храма, тогда как фигурки других животных то появляются, то исчезают. Разумеется, не следует говорить о какой-то жесткой связи образа быка именно и исключительно только с лунным божеством древнего Шумера. Мы хорошо знаем, что, например, в храме богини Нинхурсаг, построенном, кстати, неподалеку от Ура, имелись превосходные изображения быков [52]. Однако наличие на голове быка из Алтын-депе именно лунарного символа и обнаружение в одном с ним комплексе другой лунной эмблемы заставляет склониться к мысли, что в данном случае мы имеем дело с символикой небесного быка как лунного божества. Видимо, этому божеству, южнотуркменистанскому варианту Нанны-Сина, и был посвящен весь культовый комплекс Алтын-депе с зиккуратообразной постройкой и описанным погребальным ансамблем.

Эта линия связей имеет большое значение для определения культурно-исторического положения раннегородской цивилизации Алтын-депе. Связь небесный бык — лунное божество имеет специфический шумерский характер в отличие от связи бык — солнечное божество, демонстрируемой как египетскими материалами, так и материалами греческими, где хорошо известен критский вариант представлений о быке-Зевсе, который в то же время является солнцем и именно в качестве солнечного быка похищает

---

[48] Эпос о Гильгамеше..., стр. 177.
[49] *С. Н. Крамер.* Ук. соч., стр. 219.
[50] *P. Delougaz, S. Lloyd.* Pre-Sargonid Temples..., p. 29, 145.
[51] Ibid., pp. 136—148.
[52] *H. R. Hall, L. Wolley.* Al Ubaid. London, 1927, Pl. XXVII, XXVIII.

Европу [53]. Недаром египетские изображения имеют между рогами солнечный диск (Herod., II. 132), а в Микенах был обнаружен серебряный ритон в виде головы быка с золотой розеткой-солнцем во лбу [54]. Распространение в Южном Туркменистане конца III — начала II тысячелетия до н. э. представлений о небесном быке — лунном божестве — тем более существенно, что со временем на этой же территории распространяется представление о противоположном образе — солнечном божестве — быке Митре. Правда, отмечается, что авестийский Митра лишь на определенном этапе стал связываться с солнцем [55], вероятно, в то время, когда начала проводиться строгая кодификация и астрализация божеств. Разумеется, авестийские представления о роли быка, о первом быке, давшем начало животной и растительной жизни, о человеко-быке Гопатшахе [56] имеют особую линию связей, отражением которой является и огромная роль быка в обрядах и культах скотоводческих племен [57]. Астрализация божеств, пусть даже еще не растерявших териоморфную линию семантических связей, была характерной чертой обществ с ирригационным земледелием [58], и Южный Туркменистан не был в этом отношении исключением. Глиняные фигурки быков появляются здесь с позднего неолита, совпадая, кстати, по времени с распространением одомашненного крупного домашнего скота [59], и широко представлены в энеолитических комплексах, уступая, правда, количественно фигуркам мелкого рогатого скота [60]. Однако даже массивная каменная фигурка быка с Кара-депе, происходящая скорее всего из комплекса культового назначения [61] и хронологически наиболее близкая головам быков из Ура и Хафадже, не имеет никаких признаков астральной символики. Можно заключить, что лишь на стадии формирования раннегородской цивилизации, когда формировалась кодифицированная система религиозных воззрений [62], астрализация божеств становится свершившимся фактом. Иконографические черты сходства головы быка с Алтын-депе и шумерской торевтики заставляют полагать, что это происходит не без влияния развитых религиозных представлений Шумера и Аккада.

V. M. Masson

FOUILLES D'UN COMPLEXE FUNERAIRE DE L'AGE DE BRONZE SUR LE SITE D'ALTYN-DEPE

Résumé

Pendant les fouilles de 1972 sur le village d'Altyn-dépé (Turkménie Sud) dans les couches de la fin du III miliénaire avant n. è. on a déblayé tout un complexe de bâtiments tenant du rite mortuaire et composé d'un nombre de locaux abritant diverses étapes de la cérémonie funéraire. Un des premiers locaux, servant de sanctuaire, avait,

[53] *А. Ф. Лосев.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 121.

[54] *Т. В. Блаватская.* Ахейская Греция. М., 1966, рис. 26.

[55] *С. Н. Соколов.* Религиозная система зороастризма. История таджикского народа, I, М., 1963, стр. 177.

[56] *К. В. Тревер.* Гопат-шах — царь-пастух. ТОВЭ, II, Л., 1940.

[57] *М. П. Грязнов.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.

[58] *С. А. Токарев.* Религия в истории народов мира..., стр. 308.

[59] *О. К. Бердыев.* Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 22.

[60] *И. Н. Хлопин.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ Б3—8, ч. I. М.— Л., стр. 16, табл. XXIII, *10*; *его же.* Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б3—8, ч. III, Л., 1969, стр. 44, табл. XVI, *3*.

[61] *В. М. Массон.* Кара-депе у Атрыка..., стр. 347.

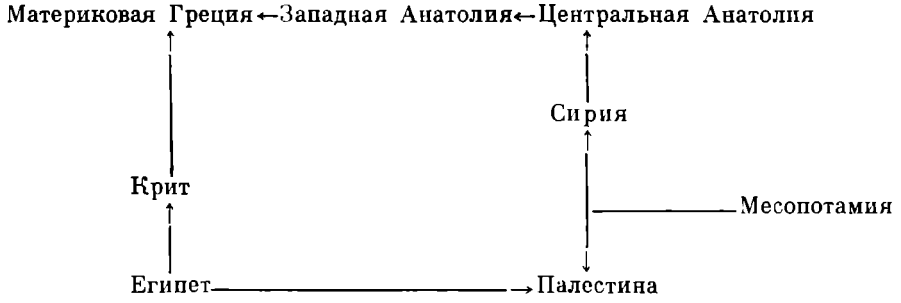
[62] *В. М. Массон, В. И. Сарианиди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, стр. 145.

au centre, l'autel des sacrifices et, prés d'un mur, un autre sur lequel on déposait la dépouille du défunt à ensevelir. Ici même était concentré un grand nombre de parures et d'objets cultuels tels que perles en or, lazurite, turquoise, agate et autres pierres semi-précieuses, médaillons en argent, bâtonnets en os ciselé, sceaux en pierre, tête de taureau en or incrustée de turquoise et petite tête de loup en or (fig. 1—5). Une des chambres suivantes servait de sépulcre collectif dans les murs duquel étaient aménagées les niches abritant les têtes de certains défunts. Dans la dernière chambre, enfin, on déposait les os des cadavres complètement décomposés rangés en ordre déterminé. Le fait d'y avoir trouvé un grand nombre d'objets cultuels et leur disposition au sein d'un complexe comportant une construction en forme de tour érigée à la façon des ziggourats mésopotamiens permet de considérer l'édifice déblayé comme sépulcre de la communauté pontificale qui desservait le centre cultuel d' Altyn-dépé. La tête de taureau est sans doute la plus intéressante des trouvailles. Elle se rapproche par nombre de traits des têtes de taureaux provenant des complexes des premières dynasties mésopotamiennes mais également tient de la sculpture autochtone d'énéolithique récent. Le fait que des figurines féminines, habituelles pour d'autres sépulcres collectifs d'Altyn-dépé, font défaut dans celui-ci démontre que ce centre cultuel était consacré le plus probablement à la divinité masculine. Les matériaux sumériens attestent que Sin-Nanna, dieu de la Lune, est figuré le plus souvent sous forme de taureau céleste alors que le signe, sur le front de cette figurine, du croissant lunaire et les trouvailles d'autres symboles lunaires témoignent que le centre cultuel d'Altyn-dépé était le plus probablement consacré a une divinité lunaire qui tenait la place priviligiée dans le panthéon local.

В. С. ТИТОВ

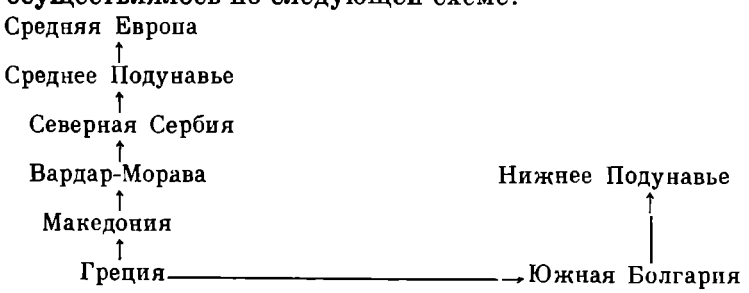
ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Современные представления об относительной и абсолютной хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы сформировались в основном во второй половине 40-х годов, когда в ряде работ, специально посвященных вопросам хронологии, были подведены итоги сделанному в этой области до второй мировой войны, критически рассмотрена вся сумма фактов, накопленных к этому времени, и созданы довольно стройные хронологические системы [1]. Основным достижением этих работ было создание своего рода хронологического моста между Средней Европой и Передней Азией, где система абсолютной хронологии, основанная на письменных источниках, восходит к началу III тысячелетия до н. э. Построение системы хронологии для Восточного Средиземноморья проходило по следующей схеме:



Первые надежные абсолютные даты были получены для начала эгейского бронзового века (2700—2600 гг. до н. э.). Предшествующий раннему бронзовому веку поздний неолит был отнесен к первой четверти III тысячелетия до н. э., ранний и средний неолит — ко второй половине IV — началу III тысячелетия до н. э.

Построение хронологической системы для Юго-Восточной и Средней Европы осуществлялось по следующей схеме:



[1] Имеются в виду в первую очередь работы В. Милойчича, его книга: *V. Milojcic.* Chronologie der jungeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas, Berlin, 1949, и ряд статей на ту же тему (BSA. JDAI, Germania etc.), а также работы Ф. Шахермайра, С. Вайнберга, Фр. Матца и других археологов.

Согласно этой схеме, ни одна из балканских неолитических культур не перешла рубеж IV и III тысячелетий до н. э. Лишь Старчево I датировалось около 3300 г. до н. э., а культура Винчи развивалась параллельно эгейскому раннему бронзовому веку (от 2700 до 2000 г. до н. э.). Баденская культура в этой системе занимала очень незначительный отрезок времени около 2000 г. до н. э. Культура Кереш, младшая линейно-ленточная керамика, группа Желиз — все это долгое развитие укладывалось в 600 лет (от 3000 до 2400 г. до н. э.), а развитие карпатского неолита вплоть до начала раннего бронзового века (Тосег А) — в 500 лет и занимало вторую половину III и начало II тысячелетия до н. э.

Таким образом, в данной хронологической системе (В. Милойчича) и в ряде других, среднеевропейский и балкано-дунайский неолит полностью синхронизировались с неолитом материковой Греции и Македонии и частично с эгейским ранним бронзовым веком. Энеолит балкано-дунайских стран рассматривался как одновременный эгейскому раннему бронзовому веку, а начало раннего бронзового века Средней Европы и Среднего Подунавья сопоставлялось по времени с переходом к эгейскому среднему бронзовому веку.

Другие хронологические системы, которые занимались лишь отдельными частями рассматриваемого ареала, в своих выводах шли полностью в том же русле. Например, М. Гарашанин [2] датировал культуру Винча временем Трои II—V, а переход от Винчи-Тордош к Винче-Плочнику относил к 2500 г. до н. э. Т. С. Пассек [3] датировала трипольскую культуру энеолита III — началом II тысячелетия до н. э., поместив ее конец и начало раннего бронзового века на этой территории около 1800 г. до н. э., т. е. около времени начала среднеэлладского периода в материковой Греции.

Первые сомнения в эту стройную систему доказательств и выводов внесли даты, полученные радиоуглеродным методом. С одной стороны, они довольно хорошо укладывались в рамки датировки эгейского раннего бронзового века, например радиоуглеродные даты для Эвтрезиса и Лерны [4], с другой — они совершенно не соответствовали традиционным датам культуры Винча, линейно-ленточной керамики и других балканских и среднеевропейских неолитических культур. Иными словами, традиционная абсолютная хронология и новая радиоуглеродная вошли в противоречие при датировке неолита Средней Европы, дунайских стран, Балкан и Эгеи. Согласно радиоуглеродным датам, ранний неолит Балкан попадает в первую половину V тысячелетия до н. э., средний неолит — во вторую половину V — начало IV тысячелетия до н. э., энеолит — во вторую половину IV — начало III тысячелетия до н. э. Эгейский неолит выходит из рамок второй половины IV — начала II тысячелетия и углубляется в VI и V тысячелетия до н. э. [5] Противоречие между традиционной абсолютной хронологией неолита и радиоуглеродной стало особенно ясным в 1959 году [6]. Именно тогда среди археологов начался процесс размежевания между сторонниками традиционной низкой и высокой радиоуглеродной хронологии, в результате которого археологи, занимающиеся изучением неолитических, энеолитических и относящихся к бронзовому веку культур Европы, Восточного Средиземноморья и Передней Азии разделились на два лагеря. Если в начале полемика велась по вопросу о значении радиоуглеродных дат для археологии, о том, принимать или не принимать радиоуглеродные даты, то в настоящее время в центре внимания находятся уже иные вопросы, на которых мы и остановимся ниже.

---

[2] *M. V. Garašanin.* Hronologija vinčanske grupe, Ljubljana, 1951, стр. 146—151.

[3] *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 41, 43, 108.

[4] *В. С. Титов.* Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 35—45.

[5] *В. С. Титов.* Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969, стр. 210—219.

[6] *В. С. Титов.* Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии...

Прежде всего попробуем разобраться, что же произошло в хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной и Средней Европы с появлением радиоуглеродных дат и лежат ли причины глубоких изменений наших представлений о хронологии только в этих датах или же в чем-то другом, на что именно эти даты заставили археологов обратить внимание. Может быть, радиоуглеродные даты привели лишь к растягиванию хронологической шкалы, не затрагивая самой сути — относительной хронологии европейских неолитических культур, их внутренних синхронизмов и их связей с восточно-средиземноморскими и переднеазиатскими культурами? Действительно, процесс углубления дат частично связан с открытием новых, ранее неизвестных культур докерамического, раннекерамического и раннего неолита, которые не могли вместить старые узкие хронологические рамки. Кроме того раньше отсутствовал хронологический критерий для оценки событий, предшествовавших 3000 г. до н. э., глубже которого не уходит ни месопотамская, ни египетская хронология, базирующаяся на письменных источниках. Но вместе с тем радиоуглеродные даты отнюдь не требовали изменения внутренней синхронизации ранненеолитических культур Эгейского бассейна, Балкано-Дунайских стран и Средней Европы. Ранний неолит Греции, Протосескло, Пресескло, ранний неолит Балкан, культура Кёрёш, старшая линейно-ленточная керамика попрежнему могут рассматриваться как приблизительно одновременные, а радиоуглеродные даты показали только, что эти культуры должны быть отнесены к гораздо более раннему времени, чем могли предположить в конце 40-х — начале 50-х годов.

Гораздо важнее было появление радиоуглеродных дат для культур среднего и позднего неолита, и прежде всего культуры Винча, равно как и позднего энеолита. Ведь здесь речь уже не могла идти о растягивании хронологической шкалы, поскольку культура Винчи считалась и продолжает до сих пор считаться некоторыми археологами прочно привязанной к эгейскому раннему бронзовому веку [7], который датируется на основе исторической хронологии III тысячелетием до н. э. В этих вопросах радиоуглеродные даты наталкивали археологов на пересмотр относительной хронологии. Можно ли по-прежнему считать Винчу синхронной эгейскому раннему бронзовому веку или ее существование уже закончилось ко времени возникновения раннеминойской и раннеэлладской культур и I города Трои? С какими эгейскими культурами в этом последнем случае можно сопоставить долгий процесс развития культуры Винча? Какие культуры развиваются на Балканах, на Среднем и Нижнем Дунае в период времени, занятый на юге эгейским ранним бронзовым веком? Эти вопросы составляют основное ядро хронологической дискуссии, которая в настоящее время продолжается на страницах археологических изданий, и то или иное решение их определяет позицию археолога в этой дискуссии. Но прежде чем обратиться к сути этих вопросов, остановимся кратко на одной находке, которая сразу же после того, как была сделана, попала в центр этой хронологической дискуссии и даже придала ей определенное направление на несколько лет вперед. Я имею в виду находку глиняных табличек в Тэртэрыи, в Трансильвании.

Итак, археологи многих стран бьются над поисками следов культурных связей и контактов между Балканами и Эгейским миром. Найти их очень трудно, поскольку прямые импорты из Восточного Средиземноморья на Балканы, в Трансильванию или Карпатский бассейн в столь раннее время были очень редким явлением, а потому или совсем неизвестны, или же очень немногочисленны и оспариваются. И вот в таких условиях на одном из неолитических памятников Трансильвании находят таблички, которые на основе их сходства с месопотамскими объявляются шумерски-

[7] Сравните у К. Ренфрю, который даже суммировал два взгляда на относительную хронологию Винчи в виде таблицы: *C. Renfrew.* The Autonomy of the South-East European Copper Age. PPS for 1969, XXXV, p. 17, 18 figs. 2*a*—*b*.

ми, восходящими к началу III тысячелетия до н. э., привезенными из Шумера в Трансильванию и решающими окончательно и бесповоротно хронологическую проблему в пользу сторонников низкой традиционной хронологии [8] (рис. 1). Это ли не сенсация, не «находка века»? Но археологическая общественность, наученная горьким опытом Дорака [9], стала более осторожно относиться к таким сенсационным находкам, тем более что аналогия с Дораком напрашивается сама. Действительно, в Дораке вещи облика Трои II датировались непосредственно в египетской системе хронологии картушем фараона Сахуре II, а в Тэртэрыи слои культуры Винча — раннешумерскими табличками прямо в месопотамской системе хронологии.

После находки Тэртэрыи хронологическая дискуссия получила иное направление. Стали обсуждаться в первую очередь Тэртэрыя, ее стратиграфия, «культовый комплекс» и сами таблички. Со статьями о табличках Тэртэрыи выступили прежде всего сторонники низкой хронологии В. Милойчич [10], С. Худ [11], В. Думитреску [12], которые сочли, что подобная находка подкрепляет и усиливает их позиции в дискуссии.

Другие археологи, например Г. Квитта [13], призывали к осторожности в оценке тэртэрыйской находки. Вопрос о значении тэртэрыйской находки был поднят на симпозиуме в Нитре, посвященном культуре Лендьел, в 1967 г., но результаты обсуждения, к сожалению, не попали в окончательный отчет о симпозиуме [14]. Но именно после этого симпозиума в печати выступил Э. Неуступный [15], который подчеркнул проблематичность находки, смешанность слоев Тэртэрыи и счел возможным отнести находку Тэртэрыи только к верхнему слою телля (IV), оставленному культурой Коцофень. В этой статье Э. Неуступный еще раз суммировал те свидетельства, на которые может опираться высокая хронология неолита и энеолита Юго-Восточной и Средней Европы.

Однако, несмотря на длительную дискуссию, проблема табличек Тэртэрыи не может считаться решенной даже в основных ее аспектах. Два основных вопроса, а именно, являются ли таблички Тэртэрыи настоящими месопотамскими и привезенными оттуда в Трансильванию и в каком местном археологическом контексте они найдены, до сих пор не получили ясного и однозначного решения.

На тэртэрыйские таблички обратил внимание А. Фалькенштейн [16], крупнейший знаток древнешумерской письменности, опубликовавший в свое время архаические таблички из Урука. Сравнивая таблички из Тэртэрыи с вавилонскими по целому ряду признаков, он пришел к выводу, что таблички из Тэртэрыи возникли под влиянием Двуречья, но призывал также не забывать и их отличия, прежде всего отсутствие числовых знаков, которые позволяют считать вавилонские таблички «хозяйственными документами». Опираясь на анализ А. Фалькенштейна, можно ут-

---

[8] *N. Vlassa.* Chronology of the Neolithic in Transylvania in the Light of the Tartaria Settlement's Stratigraphy. Dacia N. S. VII, 1963, p. 485—494.

[9] *J. Mellaart.* The Royal Treasure of Dorak. ILN, 235, 1959, 6278.

[10] *V. Milojčić.* Die Tontafeln von Tartaria (Siebenbürgen) und die absolute Chronologie des Mitteleuropäischen Neolithikums, Sonderdruck aus Germania Jg. 43, 1965, 2. Halbband, S. 261—268.

[11] *M. S. F. Hood.* The Tartaria Tablets. «Antiquity», 1967, XLI, № 162, p. 99—113; *Idem.* The Tartaria Tablets. «Scientific American» 1968, vol. 218, N 5, p. 30—37.

[12] *V. Dumitrescu.* Betrachtungen zur chronologischen Ansetzung der Cucuteni-Kultur im Verhältnis zu den Hachbarkulturen. SZ AUSAV 17, Nitra, 1969, S. 99.

[13] *H. Quitta.* The C_{14} Chronology of the Central and SE European Neolithic. «Antiquity», XLI, № 164, p. 266, 267.

[14] Symposium über den Lengyel-Komplex und die benachbarten Kulturen, Nitra-Malé Vozokany, 16—20. April, 1967, SZ AUSAV, Nitra, 1969.

[15] *E. Neustupný.* Tte Tartaria Tablets: a Chronological Issue. «Antiquity», 1968, XLII, p. 32—35.

[16] *A. Falkenstein.* Zu den Tontafeln aus Tărtăria. Sonderdruck aus Germania 43, 1965, 2. Halbband, S. 269—273.

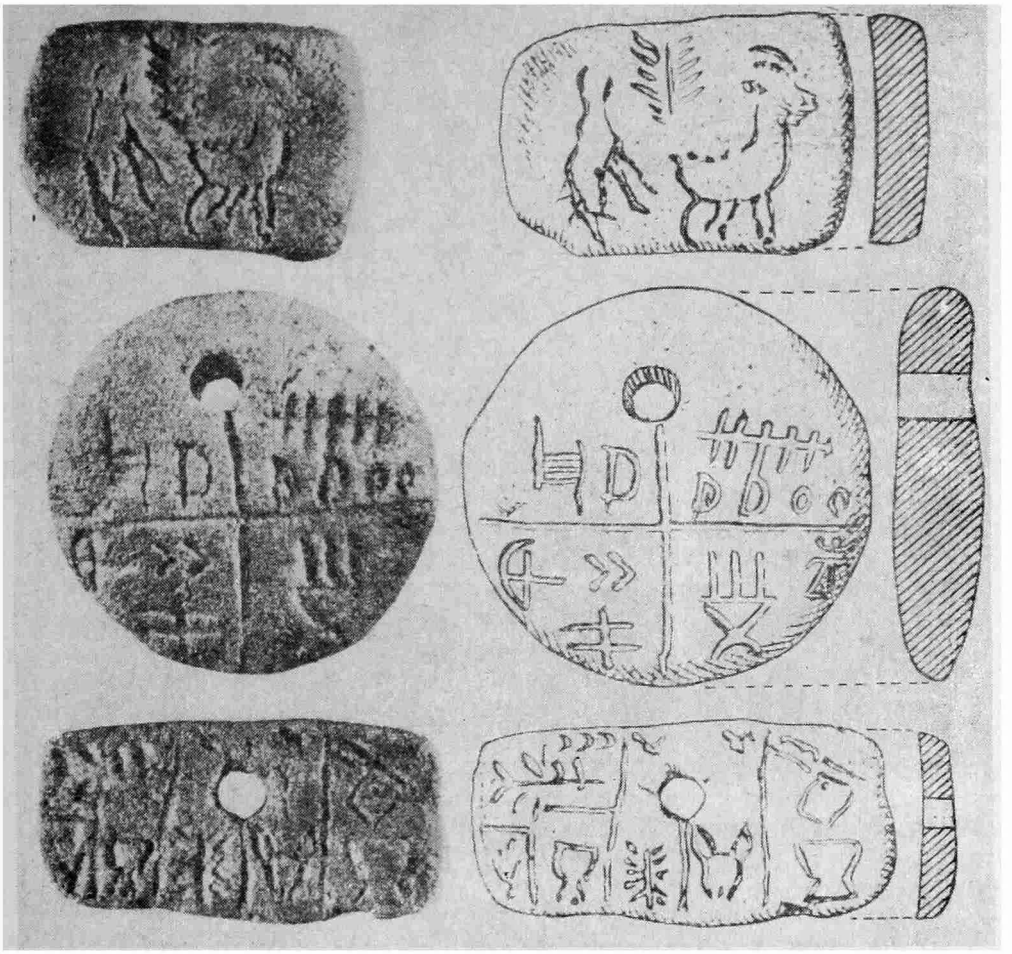


Рис. 1. Глиняные таблички из «культовой ямы» в Тэртэрыи, Юго-Восточная Трансильвания (по Н. Власса)

верждать, что таблички, найденые в Тэртэрыи, не являются импортными из Двуречья. Слишком уж велики различия в глине, форме и материале грифеля, в направлении знаков, в характере отверстий на табличках. Естественно, что А. Фалькенштейн счел эти таблички свидетельством возникновения собственного письма, но под вавилонским влиянием.

Вопрос о контексте, в котором найдены таблички Тэртэрыи, также очень сложен. Тэртэрыя — это теллеобразный холм в долине Муреша, в Трансильвании. По словам автора раскопок Н. Власса, таблички в составе особого «культового комплекса» найдены в яме, опущенной в материк из слоя Винча-Тордош. Яма, однако, находится на периферии телля и ее нет на опубликованных чертежах. Слой Винча-Тордош был перекрыт еще тремя слоями вплоть до времени энеолита, но на периферии телля этот слой мог выклиниться. Поэтому, видимо, стратиграфически определить принадлежность «культового комплекса» Тэртэрыи невозможно. Остается исходить только из состава самого комплекса. К сожалению, он не содержал остатков посуды, но кроме трех табличек в нем были еще 26 глиняных и две каменных фигурки (рис. 2), один браслет из раковины и обожженные человеческие кости. Среди фигурок одна оказалась при ближайшем рассмотрении глиняной якореобразной подвеской, которая, по мнению Э. Неуступного [17], нарушает замкнутый характер комплекса

[17] *E. Neustupný.* The Tartaria Tablets...

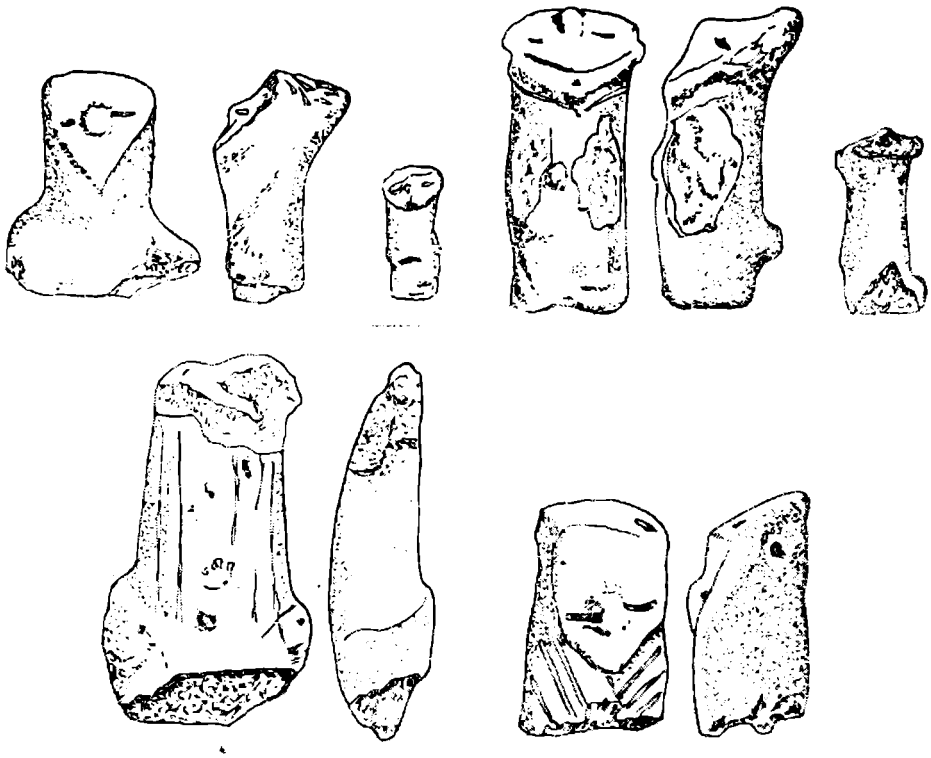


Рис. 2. Обломки глиняных антропоморфных фигурок из «культовой ямы» в Тэртэрыи (по Н. Влассе и О. Хекману)

и относится к более позднему времени, так как типична для эгейского раннего бронзового века. Но для В. Милойчича она лишь подтверждает одновременность Винчи с эгейским ранним бронзовым веком.

Опубликованные Н. Влассой фигурки из этого комплекса В. Милойчич [18] считает типичными для средней и поздней части Винчи А. Иначе определяет их О. Хёкман [19], автор специальной монографии об антропоморфной пластике неолита Юго-Восточной Европы. Он относит большинство фигурок к Винче В, а некоторые даже к Винче С, а весь ритуально-магический комплекс датирует временем Винча В2-С. Об этом же времени говорит и Д. Берчу (поздняя часть Винчи-Тордоша) [20]. Правда, изданы далеко не все фигурки, но опубликованные говорят скорее о времени конца этапа Винча В.

Имеется еще одна возможность установить место культового комплекса из Тэртэрыи в балканской системе хронологии. Еще Г. Шмидт [21] обратил внимание на загадочные знаки на фрагментах сосудов из Тордоша, расположенного всего в 18—20 *км* от Тэртэрыи. Подобные же знаки встречаются и на керамике из других поселений культуры Винча, и в самой Винче [22]. Один только Тордош дал более 200 знаков, некоторые из которых общие со знаками на табличках из Тэртэрыи, как показано недавно Я. Маккаи [23]. Отсюда вывод В. Милойчича [24], о том, что таблички Тэртэ-

[18] *V. Milojčić.* Die Tontafeln von Tărtăria... S. 264.

[19] *O. Höckmann.* Die menschengestaltige Figuralplastik der südosteuropäischen Jungsteinzeit und Steinkupferzeit, Hildesheim, 1968, S. 65, 66.

[20] *D. Berciu.* Romania, London, 1967, p. 49.

[21] *H. Schmidt.* Tordos. ZfE, 1903, S. 458, 459, Fig. 41.

[22] *M. M. Vassits.* Die Hauptergebnisse der prähistorischen Ausgrabungen in Vinca im Jahre 1908, PZ, 1910, S. 38, Taf. 16.

[23] *J. Makkay.* The Late Neolithic Tordos Group of Signs. Alba Regia X, 1969, Szekesfehervar, p. 9—49.

[24] *V. Milojćić.* Die Tontafeln von Tartaria..., S. 267, 268.

рыи не стоят одиноко в винчанской среде, а составляют органическую часть культуры Винча, вполне приемлем. Сходство знаков на табличках Тэртэрыи и на керамике Винчи-Тордоша показывает еще раз, что таблички Тэртэрыи могут относиться ко времени культуры Винча-Тордош. Но в таком случае мы должны допустить и то, что носителям культуры Винча эти знаки на керамике были понятны, равно как и знаки на табличках. Отсюда один шаг до признания изготовления этих табличек на месте. Но в таком случае в чем же хронологическое значение этих табличек? В чем же состоит их связь с Южной Месопотамией, с Уруком и Джемдет Насром? Видимо, только в том, что, если тэртэрыйские таблички и знаки на керамике в культуре Винча-Тордош, равно как знаки, появляющиеся на керамике и в соседних культурах в это же время, например в группе Желиз, свидетельствуют о зарождении письменности, то эта письменность могла возникнуть лишь под влиянием далекой Южной Месопотамии и в период, последовавший за ее возникновением там. Однако мы еще слишком мало знаем о древнейших ступенях развития письма. Имеются и более близкие территориально аналогии для тэртэрыйских табличек, например, на Крите среди древнейших образцов письменности, названных А. Эвансом иероглифической, или пиктографической. Сходство между критскими иероглифическими и тэртэрыйскими табличками распространяется как на форму табличек, так и на знаки, причем последние имеют на Крите в одном-двух случаях даже более близкие аналогии, чем в Месопотамии. Особенно стоит отметить, что совершенно чуждые месопотамским табличкам отверстия для подвешивания или нанизывания, имеющиеся на двух из трех тэртэрыйских табличках, обычны для табличек из Иероглифического Отложения [25] и встречаются на других ранних табличках с Крита [26]. Но критское иероглифическое письмо — явление довольно позднее. Древнейшие глиняные таблички на Крите могут быть отнесены к среднеминойскому I B или II A, а Иероглифическое Отложение — к среднеминойскому II B, т. е. к первой половине II тысячелетия до н. э. Происхождение критского иероглифического письма неизвестно. А. Эванс, правда, пытался вывести его из египетского додинастического [27], но, за исключением нескольких знаков, которые могли быть скопированы с египетских, вывести критские знаки из Египта оказалось невозможным [28]. После открытия архаических месопотамских табличек исследователи нашли, что многие знаки критского письма могут быть выведены из архаического месопотамского. Но как преодолеть хронологический разрыв более чем в 1000 лет? [29]

Однако в Эгейских странах уже в III тысячелетии до н. э. существовала примитивная письменность, как свидетельствуют знаки на троянской керамике, на пряслицах и черепках. Не означают ли таблички Тэртэрыи, что она могла уходить корнями на Балканы IV тысячелетия до н. э., а не возникнуть под влиянием проблематического стимула из далекого Двуречья, где, кстати сказать, письменность в Уруке IV появляется совершенно внезапно и уже в развитой форме?!

После обсуждения табличек Тэртэрыи и их хронологического значения хронологическая дискуссия вновь вернулась к рассмотрению вопро-

---

[25] *A. Evans.* Scripta Minoa, p. 144—148, fig. 95, pls. V—VI.

[26] *A. Evans.* Scripta Minoa, p. 166—169; *F. Chapoutier.* Les ecritures minoennes au palais de Mallia. Paris, 1930, p. 20, 21.

[27] *A. Evans.* Further Discoveries of the Cretean and Aegean Script, JHS, 1897, XIII, p. 327—395.

[28] *J. Sundwall.* Der Ursprung der Kretischen Schrift. Acta Academiae Aboensis: Humaniora 1 : 2, 1920, Abo, S. 3—25.

[29] Попытка преодоления этого разрыва, предпринятая С. Худом, не может считаться удачной, поскольку в Амуке G, откуда, по его мнению, письменность могла проникнуть на Крит, всего 1—2 сосуда со знаками по краю, а в раннеминойском II периоде никаких следов письменности не известно (*M. S. F. Hood.* The Tartaria Tablets..., p. 108, 109).

сов относительной хронологии позднего неолита и энеолита Юго-Восточной Европы. Э. Неуступный развернул свою аргументацию в пользу высокой хронологии, лишь намеченную в статье о тэртэрыйских табличках [30]. Его поддержал и молодой английский археолог К. Ренфрю [31]. Подробное обсуждение аргументы Э. Неуступного нашли в новой статье В. Милойчича [32]. И по-прежнему во главе угла обсуждения стоят два основных вопроса: место в системе относительной хронологии Юго-Восточной Европы культуры Винча как наиболее яркого представителя среднего и позднего неолита Балкан и относительная и абсолютная хронология баденской культуры, которая рассматривается как замыкающее звено в развитии энеолита Среднего Подунавья. Оба вопроса могут быть решены чисто археологическими методами, без привлечения методов естественных наук, и в первую очередь радиоуглеродных датировок.

Огромную роль культуры Винча и самого эпонимного памятника — тепля Винча на Дунае у Белграда — первым показал Ф. Хольсте еще в 1940 г. [33]. Эта роль определяется исключительно широкими связями культуры Винча с другими культурами неолита и энеолита Балкан и Подунавья, которые оставили следы в слоях самой Винчи. Поэтому установить относительную и абсолютную хронологию культуры Винча — это значит установить хронологию многих культур неолита и энеолита Средней и Юго-Восточной Европы, которым многослойные телли не свойственны и изучение хронологии которых поэтому затруднено. Вслед за Ф. Хольсте В. Милойчич [34] и М. Гарашанин [35] сделали очень много для изучения связей и относительной хронологии культуры Винча. Поэтому Винча была и остается ключевым памятником в решении проблем балкано-дунайской хронологии неолита и энеолита.

Вопрос о хронологическом месте культуры Винча дебатируется со времени ее открытия М. Васичем, который сам рассматривал Винчу как ионийскую колонию [36]. Эта точка зрения находила своих сторонников еще совсем недавно [37]. Однако преобладающее большинство археологов относит ее к балкано-дунайскому неолиту [38]. Свое отношение к проблемам хронологии культуры Винча мне приходилось уже высказывать.

В 1963 г. в докладе на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук, опубликованном в 1965 г., я сопоставил по времени Винчу А со среднегреческим периодом неолита Фессалии, а Винчу В — синхронизировал с поздним неолитом Фессалии [39]. Позже, в 1966 и 1969 гг., я счел возможным на основе ряда признаков синхронизировать III период неолита Южной и Средней Гре-

---

[30] *E. Neustupný.* Absolute Chronology of the Neolithic and Aeneolithic Periods in Central and South-Eastern Europe. SlA XVI — 1, 1968, p. 19—60.

[31] *C. Renfrew.* The Tree-ring Calibration of Radiocarbon: an Archaeological Evaluation. PPS for 1970, XXXVI, p. 280—311.

[32] *V. Milojčić.* Die absolute Chronologie der Jungsteinzeit in Südosteuropa und die Ergebnisse der Radiocarbon — (C14—) Methode. Jahrbuch der RGZM 14, Jg. 1967, Mainz, 1970, S. 9—37.

[33] *F. Holste.* Zur chronologischen Stellung der Vinča — Keramik. WPZ, 1939, XXVI, S. 15, 16.

[34] *V. Milojčić.* South-Eastern Elements in the Prehistoric Civilization of Serbia. BSA, 1949, XLIV; *Idem.* Chronologie der Jungeren Steinzeit...

[35] *M. V. Garašanin.* Hronologija Vinčanske grupe. Ljubljana, 1951; *Idem.* Zur Zeitbestimmung des Beginns der Vinča-Kultur. Arch Iug I. Beograd, 1954, S. 1—6.

[36] *M. Vassits.* South-Eastern Elements in the Prehistoric Civilisation of Serbia. BSA, 1907—1908, 14, p. 319 f.; *Idem.* Преисториска Винча I—IV, Београд, 1932—1936.

[37] *V. Popovitch.* Sur la chronologie de la civilisation protohistorique dans la Péninsule des Balkans. RA XLIX-L, 1957, хотя А. Л. Монгайт и полагает, что взгляды М. Васича не нашли поддержки среди археологов (Археология Западной Европы, М., 1973. т. 1, стр. 317, прим. 62).

[38] *M. V. Garašanin.* Zur Zeitstellung...; *Б. Гавела.* Винчин културни и хронолошки комплекс. Отисак из Зборника Филозофог факултета, књига VIII—I, Београд, 1964, стр. 9—25.

[39] *В. С. Титов.* Роль радиоуглеродных дат..., стр. 38, 39, 44.

пии в своей периодизации с культурами Данило и Какань Северо-Западных Балкан, а через них — с Винчей А—BI [40]. В рецензии на мою книгу [41], в целом положительно оценивая ее, В. Милойчич не счел возможным согласиться с некоторыми из предложенных мной синхронизмов, в частности и для балканского неолита и культуры Винчи особенно. Поэтому я считаю необходимым вновь вернуться к некоторым своим доказательствам, а также привлечь и новые материалы.

Вопрос об относительной хронологии культуры Винча в системе хронологии неолита и бронзового века Юго-Восточной Европы совсем не был бы сложным, если бы существовали свидетельства прямых и непосредственных связей, например, вардаро-моравским путем Г. Чайлда между Винчей и материковой Грецией или другими районами Эгейского бассейна в виде прямых импортов, найденных или в Винче или в Греции. Но, как правильно отмечает К. Ренфрю, все попытки установления прямых связей Греции и Винчи обычно заканчиваются ничем [42]. Нет и сколько-нибудь конкретных аналогий в археологическом материале, свидетельствующих о таких связях. Приходится опираться лишь на соображения столь общего порядка, как первое появление черной лощеной керамики на Дунае и в долине Моравы, с одной стороны, и в материковой Греции — с другой, которые едва ли могут быть значительно оторваны друг от друга во времени. Представляется, что это событие относится к III периоду неолита Южной и Средней Греции и «среднегреческому периоду» Фессалии. В. Милойчич связывает его с периодом или культурой Лариса в Фессалии, с ее тремя ступенями, которые он сопоставляет теперь с Винчей B и C [43]. Следовательно, спорным остается вопрос, как рассматривать весь большой период Димини: как предшествующий Винче (так полагает В. Милойчич) или одновременный с ее ранними этапами, как это представляется нам?

В пользу нашей точки зрения говорит один аргумент, на котором следует остановиться подробнее, хотя он уже обсуждался в археологической печати.

В слое времени Одзаки периода Димини на Одзаки Магуле и Аргиссе в Фессалии В. Милойчич нашел наряду с типичной для этого времени керамикой с белой и коричневой росписью по красному фону черепки необычной для Фессалии посуды [44]. В. Милойчич [45] описывает их как плохо проработанную, часто с примесью грубого песка и недостаточным обжигом посуду от темно-коричневого до черного цвета. Целых сосудов найдено не было, но, судя по обломкам, речь могла идти о чашах и шаровидных сосудах с плоскими днищами или с низкими кольцевыми основаниями. У части фрагментов край был срезан. Орнамент выполнен нарезными линиями, которые ограничивают ленты. Одни ленты полированы и потому выглядят более темными, другие оставлены матовыми и потому выглядят более светлыми. Неполированные ленты показывают остатки пастозной красной, иногда желтоватой краски, следовательно, вазы первоначально могли быть полихромными [46]. Мотивы орнаментации включают угловые ленты, меандроидные крюки, спирали, шахматные узоры и систему бесконечного узора (Rapportmuster). В. Милойчич сравнивал эти че-

---

[40] *Его же.* Неолит Греции..., стр. 205, 207, 208.

[41] *V. Milojčić.* Рец. Valerij Sergeevič Titov. Neolit Grecii. Germania 49, 1971, S. 238—245.

[42] *C. Renfrew.* The Autonomy of the South-East European Copper Age. PPS for 1969, XXXV, p. 22.

[43] *V. Milojčić.* Die Kulturbeziehungen zwischen Griechenland und Dalmazien während der jüngeren Steinzeit. «Adriatica praehistorica et antiqua. Miscellanea Gregorio Novak dicata». Zagreb, 1970, S. 83.

[44] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 130, рис. 60, *12, 15, 20.*

[45] *V. Milojčić.* Hauptergebnisse der Deutschen Ausgrabungen in Thessalien. Bonn, 1960, S. 22, 23.

[46] *В. С. Титов.* Ук. соч., рис. 60, *19, 24, 25.*

репки, которые он называет «доисторически-варварской» группой керамики, с керамикой Тисы и Бюкка III, но отмечал различия в фермах. Далее В. Милойчич указал, что в то же самое время имеется и очень тонкостенная черная полированная керамика, которая снабжена также пастозным красным ангобом, а также очень грубые двуручные сосуды и большие толстостенные сосуды для запасов, которые украшены по краю одним или двумя рядами пальцевых вдавлений.

Даже в этом случае появление импортных черепков Тисы и Бюкка в слоях позднего Димини говорило бы об одновременности Одзаки с Винчей, поскольку и Бюкк и Тиса хорошо синхронизируются с Винчей благодаря «импортам» культуры Тисы, найденным в винчанских слоях.

Венгерским археологам [47] удалось найти более близкие и точные аналогии для этой «доисторическо-варварской группы» посуды в группе Сакалхат-Лёбе — средненеолитической группе Восточной Венгрии. Основанием для такого сопоставления явилась прежде всего техника орнаментации керамики: нарезные линии, ограничивающие ленты, полировка лент и окраска после обжига красной (розовой) или желто-коричневой краской оставленных матовыми лент.

Обычно керамику типа Сакалхат относили к культуре Тиса [48]. Первым самостоятельный характер группы Сакалхат-Лебе определил Й. Баннер [49]. Памятники группы Сакалхат распространены главным образом в южной части территории, лежащей к востоку от р. Тисы, а на юге сближаются с территорией распространения культуры Винча-Тордош. Уже это позволяет надеяться на возможность установления связей группы Сакалхат с Винчей. Действительно, древнейшие черепки группы Сакалхат появляются в Винче на глубине 8,3 *м* [50], еще до слоя пожара, отделяющего слой А, а затем продолжаются с глубины 8 до 7 *м*, доказывая одновременность Сакалхат с Винчей B1 [51]. Достопримечательно, что сама культура Тисы может быть параллелизована только с концом Винчи B2.

Находки керамики группы Сакалхат-Лебё в горизонтах времени Одзаки, т. е. второй половины периода Димини в Фессалии, позволяют синхронизировать вторую половину периода Димини с Винчей BI и предположить, что начало Винчи относится еще к первой половине, если не началу периода Димини, как я и пытался показать на других основаниях в работах 1963—1969 гг. [52]

Радиоуглеродные даты группы Сакалхат прекрасно подтверждают ее относительно хронологическое положение в последовательности Винчи и ее параллелизацию с группой Желиз-Железовце. Работами Берлинской лаборатории были получены радиоуглеродные определения для исследованного в 1963 г. Н. Калицем памятника Тарнажадань — Шандорресе (Ком. Хевеш), где найдены три ямы с керамикой Сакалхат. Оба образца взяты из ямы 1, но в одном случае исследовался уголь, а в другом — богатая органическими примесями керамика: [53] Bln-506 6120±120 или 4170 г. до н. э.; Bln — 675 6155±80 или 4205 г. до н. э., в радиоуглеродных годах. Если мы вспомним, что конец Винчи А датирован в радиоуглеродной хронологии 4240 г. до н. э. [54], а группа Желиз имеет две радиоуглеродные да-

---

[47] *O. Trogmayer.* Bemerkungen zur Chronologie des Frühneolithikums auf den Süd-Alföld. A Móra Ferenc Múzeum évkönyve 1966—1967. Szeged, 1967, S. 38.

[48] *V. Milojčić.* Chronologie der jungeren Steinzeit..., S. 79, 81, 117, 118; *M. Garašanin.* Die Theißkultur im jugoslawische Banat. 33. BRGK. Berlin, 1951, S. 125 ff.

[49] *J. Banner.* Hódmezővásárhely története a hofoglalás koráig. Hódmezővásárhely, 1940, S. 21, 22, 31, 32: *Idem.* Das Tisza-, Maros-, Körös-Gebiet bis zur Entwicklung der Bronzezeit. Szeged, 1942, S. 13, 14, 26—29.

[50] *V. Milojčić.* Chronologie der jungeren Steinzeit... Taf. 31, *1.*

[51] *O. Trogmayer.* Beiträge zur Chronologie des Neolithikums im Mitteltheißgebiet. SZ AÚSAV 17, Nitra, 1969, S. 477.

[52] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 209, 210 и табл. VI.

[53] *H. Quitta und G. Kohl.* Neue Radiocarbondaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und Sowjetunion. ZfA 3. Berlin, 1969, S. 245, 246.

[54] *В. С. Титов.* Роль радиоуглеродных дат...

ты: Bln — 558 6170±100 или 4220 г. до н. э.; Bln — 559 6260±80 или 4310 г до н. э. [55], полученные для поселения Штурово в западной Словакии, то хронологическая близость Винчи B1, группы Сакалхат и группы Желиз может считаться доказанной и с помощью методов естественных наук.

Таким образом, импорт керамики группы Сакалхат-Лебе, осуществлявшийся одновременно Винчей в период BI и фессалийской позднеолитической культурой периода Одзаки (второй половины времени Димини), достаточно ясно доказывает, что культура Винчи уже существовала во время Димини Фессалии.

Для выяснения времени начала Винчи следует опереться, видимо, на другой синхронизм, основанный на связях между греческим неолитом и неолитом Далмации, который подробно рассмотрен мною в книге «Неолит Греции» [56]. Речь идет о столь своеобразной форме сосуда, как зооморфный ритон, и его специфических особенностях, которые едва ли могли возникнуть конвергентно и в различное время в Греции и на далматийском побережье. На основании находок этой своеобразной формы сосуда можно было прийти к выводу о синхронизации культуры Данило в Далмации, Какань в центральной Боснии и III периода неолита Южной и Средней Греции и частично «среднегреческого» периода Фессалии — и затем это вывод распространить и на раннюю Винчу, с которой югославские археологи сопоставляют начало культуры Данило и Какань.

Что касается соотношения между далматийской культурой Данило и греческим неолитом, то В. Милойчич недавно пришел к выводам, во многом очень близким нашим [57]. Так, он пишет, что стиль росписи Риполи и соответствующую фазу культуры Данило можно поместить на переходе от времени Сескло ко времени Димини. В рамках нашей периодизации это означает датировку культуры Данило временем III — началом IV периода неолита Южной и Средней Греции и «среднегреческим периодом» неолита Фессалии.

Такую синхронизацию подтверждает и стратиграфия пещеры Гундья, на которую ссылается В. Милойчич и где слой культуры Данило перекрыт слоем культуры Лисичичи-Хвар с расписной керамикой, имеющей соответствия в керамике Диминн второй половины ее развития. О том же свидетельствует и стратиграфия пещеры Грапчева, где в основании слоя Хвар Г. Новак нашел черепок с полихромной росписью, связанный с поздним Димини.

Расхождение наших точек зрения начинается, когда В. Милойчич отказывается синхронизировать культуру Данило с ранней Винчей, как это делают Й. Корошец и А. Бенац [58]. В. Милойчич даже не пытается проследить связь между культурой Данило в Далмации, культурой Какань в Боснии и культурой Винчи в Сербии, хотя все эти культуры очень близки территориально. Вместо этого В. Милойчич ищет соприкосновения Винчи с культурой Диминн в Македонии и, не найдя его, приходит к выводу, что культура Винча в целом позже, чем Димини, и лишь культура Лариса, сменяющая Диминн в Фессалии, может быть синхронизирована с Винчей B-C. Кстати, это уже уступка сторонникам высокой хронологии, поскольку Винча рассматривается здесь как одновременная не только и не столько эгейскому раннему бронзовому веку, но и позднему неолиту всей Греции, а не одной только Фессалии.

Существует еще одна возможность связать Винчу с культурами бассейна Эгейского моря, использовав восточнобалканскую хронологическую систему как своего рода посредствующее звено между центрально-

---

[55] *H. Quitta und G. Kohl.* Neue Radiocarbondaten...

[56] *В. С. Титов.* Неолит Греции, стр. 207—209, табл. VI.

[57] *V. Milojčić.* Die Kulturbeziehungen zwischen Griechenland und Dalmatien..., S. 83—86.

[58] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., прим. 203 к стр. 210.

балканскими и южнобалканскими (эгейскими) культурами. Роль восточной части Балканского полуострова в изучении проблем хронологии неолита, энеолита и раннего бронзового века значительно повысилась с конца 40-х годов, когда, как мы видели, были созданы основные современные хронологические системы. Это объясняется многими причинами: интенсивными археологическими исследованиями, которые проводятся в Народной Республике Болгарии, характером памятников, обилием многослойных теллей с исключительно мощными слоями, дающими возможность установить связи не только с Грецией, но и с Анатолией. Однако сопоставить и связать центральнобалканскую и восточнобалканскую периодизацию в единую систему — задача далеко не простая и еще далекая от окончательного решения.

Начнем с тех попыток, которые мы уже сделали раньше. На основе стратиграфических наблюдений, полученных при раскопках очень важного памятника Вршник у г. Ниша в долине Брегалницы, мы пытались синхронизировать Старчево I с Карановым I (через Вршник I и нижний горизонт слоя I Кремиковцев в бассейне Софии), а Караново II—III — со Старчевым II*a* — *b* через Вршник II—III [59]. В. Милойчич считает, что лишь окончательная публикация всего столь важного материала покажет, верна ли предложенная параллелизация через Вршник [60]. За последние пять лет никаких новых публикаций, а тем более окончательного отчета по Вршнику, насколько нам известно, не появилось, но в окрестностях г. Ниш раскапывался аналогичный Вршнику памятник — Анзабегово с еще более интересной, но, пожалуй, еще более запутанной стратиграфией. Ввиду очень сложной истории его изучения (первые раскопки на нем были предприняты в 1960 г. покойным Й. Корошцем из Университета Любляны, а в 1969—1970 гг. — совместной югославо-американской экспедицией, возглавляемой М. Гарашаниным и М. Гимбутас, в результате чего имеются три значительно различающихся отчета о стратиграфии памятника [61]), видимо, следует подождать окончательной публикации итогов его раскопок или во всяком случае посвятить ее разбору специальную статью.

Далее, нам казалось возможным синхронизировать Пресескло и Караново I через Кремиковцы и особую группу посуды из Неа Макри [62].

Теперь в отношении связей неолита Греции с восточными Балканами В. Милойчич пришел к выводам [63], аналогичным сделанным нами. Еще в то время, когда некоторые археологи относили Сескло к среднему неолиту, а Караново II — к позднему халколиту [64] мы доказывали хронологическую близость Пресескло и Караново I и видели определенный параллелизм между переходом I ко II периоду неолита Средней Греции и Карановым I, решаясь на столь еретическое заявление: Караново II—III протекает параллельно Сескло [65]. Теперь же нам приятно прочесть у В. Милойчича, что он синхронизирует Караново II со средней фазой культуры Сескло, а конечная фаза Каранова I, по его мнению, не переходит через начало времени Сескло.

Оставляя временно в стороне вопросы синхронизации центральнобалканского и восточнобалканского раннего неолита (Старчево — Караново I—II) допуская, впрочем, их приблизительную одновременность, обра-

[59] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 202—204.

[60] *V. Milojčić.* Valerij Sergeevič Titov. Neolit Grecii. «Germania», 1971, 49, S. 243.

[61] *P. Korošec, M. Garašanin.* Anzabegovo-Barutnica-site néolithique à plusiers couches. In: «Epoque préhistorique en Yougoslavie-Recherches et résultats». Beograd, 1971, p. 131—138; *M. Gimbutas.* Excavation at Anza. Macedonia. «Archaeology», 1972, 25, 2, p. 113—122; *П. Корошец, Ј. Корошец.* Предисториска населба Барутница кај Амзибегово во Македонија. Прилеп, 1973.

[62] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 204, 205.

[63] *V. Milojčić.* Die Kulturbeziehungen zwischen Griechenland und Dalmatien..., S. 83.

[64] *D. H. French.* Late Chalcolithic Pottery in North-West Turkey and the Aegean. AS XI, 1961, p. 118—121, fig. 3.

[65] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 204, 205 и табл. VI на стр. 209.

тимся к проблеме хронологического положения Караново III (культура Веселиново). Следует признать, что основной камень преткновения в изучении хронологии Каранова III — неполнота сведений о его керамическом комплексе в целом. Опубликовано лишь несколько характерных форм сосудов: грушевидные сосуды с крупной вертикальной ручкой, увенчанной набалдашником, сосуды на высоких ножках, «алтари», сосудики с ребром и пластическим орнаментом [66]. Известны связи культуры Весели́ново, распространенной главным образом по среднему течению Марицы и ее притоков, с культурой Комотини — Парадими.

Два памятника, давшие важные результаты для изучения культуры Веселиново и ее связей, были раскопаны за последние годы. Первый из них — Ситагри (Фотоливос) у дер. Ситагри на равнине Драма в восточной части греческой Македонии. Памятник изучался англо-американской экспедицией во главе с М. Гимбутас и К. Ренфрю в 1968—1969 гг. К. Ренфрю [67] опубликовал одну заметку о результатах раскопок Ситагри и несколько раз ссылался на материалы этого памятника в своих статьях [68] и книге [69]. Этого достаточно, чтобы считать тепль Ситагри важным и интересным, но мало, чтобы прийти к самостоятельным выводам о его стратиграфии и хронологии. Древнейший слой Ситагри (фаза I) близок в культурном отношении к Каранову III — Веселиново. Об этом говорит и отсутствие расписной посуды, и преимущественно черная лощеная посуда, открытые чаши на высоких цилиндрических ножках, треугольные «алтарики». Изучение этих материалов позволяет К. Ренфрю сделать вывод, что «аналогии в развитии культур Винча-Тордош и Веселиново разительны. Действительно, эти две культуры напоминают друг друга так же, как и их предшественники — Караново и Старчево» [70]. Сходство затрагивает экономику, типы домостроительства (Баньица и Яса-Тепе), керамические формы, типы алтариков и глиняные плакетки. Для I фазы Ситагри известны две радиоуглеродные даты, совпадающие с датой Каранова III, полученной ранее [71]. Bln 779—4670 г. до н. э.; Bln 778—4475 г. до н. э.

В лежащем выше слое (II фаза) найдена так называемая черноверхая керамика, аналогичная посуде Парадими бл. Комотини, и первая расписная посуда, на которой роспись выполнена коричневой краской по кремовому фону. Имеется также керамика с красной росписью по кремовому фону, которая, как утверждает К. Ренфрю, имеет сходство с посудой культуры Сескло в Фессалии, но аналогия с Сескло на хронологических основаниях представляется сомнительной (см. ниже). Здесь же появляется первый металл.

Ситагри II датируется в радиоуглеродных годах следующим образом: Bln-777—3970 г. до н. э.; Bln-776—3770 г. до н. э.

Фаза III Ситагри содержит как посуду, расписанную графитом, так и керамику с черной росписью типа Галепсос [72]. Параллели для этого слоя Ситагри К. Ренфрю видит в Марице и Гумельнице, в Дикили-Таш

---

[66] Например, *V. Mikov.* Karanovo, Bulgaria. Antiquity XIII, 1939, 51, Pl. IV; *его же.* Култура неолита, енеолита и бронзы в Болгарии. СА, 1958, 1, стр. 50, рис. 3; *Idem.* The Prehistoric Mound of Karanovo. «Archaeology», 1959, 12, 2, p. 91; *П. Детев.* Материалы за праисторията на Пловдив. Годишник НАМ, Пловдив, III, 1959, обр. 4, 5, 6, 12, 13, 16, 18, 21, 22 и т. д.; *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 206, рис. 80, *1, 3, 5, 8.*

[67] *C. Renfrew.* The Burnt House of Sitagroi. «Antiquity», 1970, XLIV, 174,

[68] *Idem.* The Tree-ring Calibration of Radiocarbon and Archaeological Evaluation. PPS for 1970, XXXVI, p. 295—304; *Idem.* The Aegean and the Balkans at the Close of the Neolithic Period (The Evidence of Photolivos). Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur, Nitra, 1969.

[69] *Idem.* The Emergence of Civilisation. London, 1972, p. 70, 71.

[70] *Idem.* The Autonomy of the South-East European Copper Age. PPS for 1969, XXXV, p. 22.

[71] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 216 (4550±150 г. до н. э.).

[72] О керамике типа Галепсос см. *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 201, 202 и табл. 20.

Рис. 3. Двуручный сосуд из пос. Усое, Северо-Восточная Болгария (по Х. Тодоровой)

и Коджадермене. Имеется и одна радиоуглеродная дата: Bln-774— 3150 г. до н. э.

Недавно, во время своих новых раскопок у г. Волос в Фессалии, В. Милойчич нашел около 50 черепков расписной керамики типа Ситагри III, которые лежали в одном слое поверх слоя Димини IV (классическое Димини [73]). Их В. Милойчич относит ко времени полностью развитой культуры Рахмани. Таким образом, найдено еще одно новое звено связи Балкан и Греции в период энеолита.

Основные результаты раскопок Ситагри состоят, следовательно, в том, что еще раз продемонстрирована параллельность в развитии культуры Веселиново-Караново III и Винчи, впервые доказано, что керамика типа Галепсос, которую некоторые археологи пытались связать со Старчевым и которую мы на типологических основаниях относили ко времени Димини, датируется концом Димини и временем Рахмани.

Второй памятник, недавно раскопанный в Восточной Болгарии — Аспарухово, имеет не меньшее значение для хронологии неолита, чем Ситагри, хотя и не является теллем. Еще недавно он считался крайним северо-восточным памятником культуры Веселиново-Караново III [74], а теперь, после раскопок Х. Тодоровой, рассматривается как представитель новой культуры — Златарски — и получил даже новое название — Усое [75]. Значение раскопок этого памятника состоит прежде всего в том, что впервые был изучен и довольно полно опубликован керамический комплекс среднего неолита восточной части Балканского полуострова, не менее важно также, что этот комплекс показал прочные связи как с юго-запа дом, с культурой Веселиново, так и с западом, с культурой Винчи А, и с севером, с культурой Дудешть. Связи с культурой Веселиново засвидетельствованы характерным типом ручки, увенчанной набалдашником (рис. 3), каннелюрами, сосудами-алтариками на ножках, биконическими сосудами с орнаментацией короткими насечками. С культурой Винчи А

[73] Личное сообщение В. Милойчича (письмо от 16 мая 1973 г.).

[74] *Е. Комша.* К вопросу об относительной хронологии и о развитии неолитических культур на юго-востоке Румынской Народной Республики и на востоке НР Болгарии. Dacia, VI, 1962, Карта II, № 1 (Э. Комша использует старое членение Каранова на пять основных слоев).

[75] *Х. Тодорова.* Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии. СА, 1973, 4.

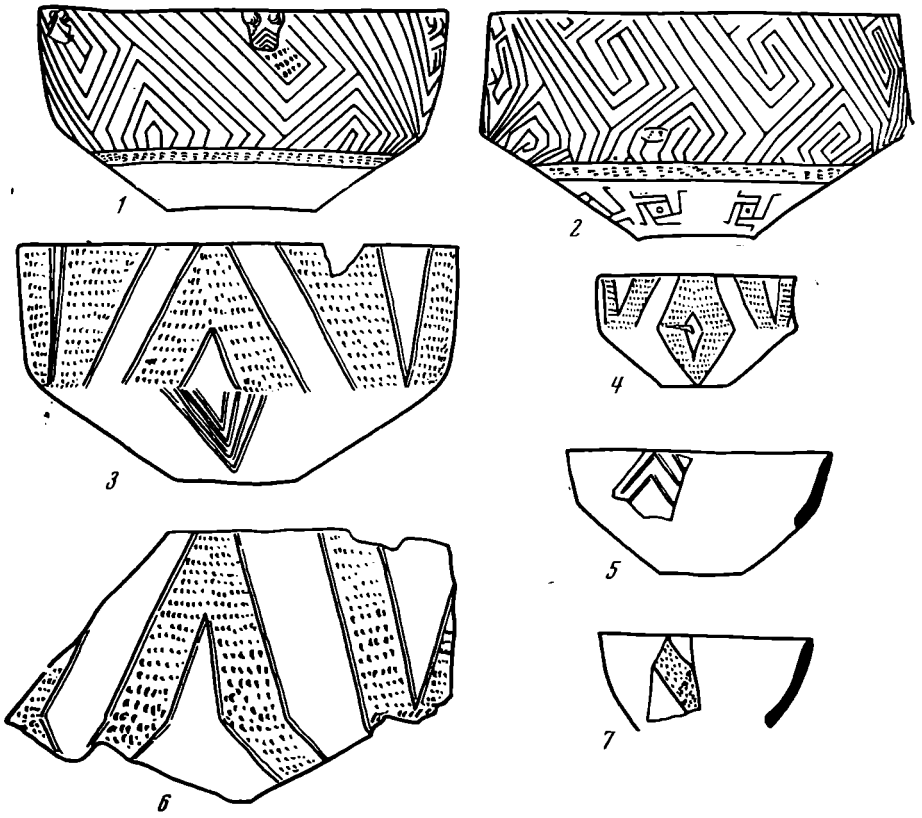


Рис. 4. Тонкая нарезная керамика из Джан-Хасана, южная часть Центральной Анатолии (по Д. Френчу)

связан своей формой, вертикальными каннелюрами на плечиках, орнаментацией из лент, заполненных косыми наколами, сосуд с ручками типа Веселинова. Связи с Винчей можно видеть и в типе некоторых фигурок из Аспарухово-Усое. Поэтому можно полностью присоединиться к высказанной автором раскопок точке зрения о месте этого памятника в системе относительной хронологии неолита Балкан — в одном хронологическом горизонте с Карановым III и Винчей А.

Но двуручный сосуд из Усое имеет и другие аналогии, хотя и довольно отдаленные территориально, а именно в халколите Джан-Хасана, памятника, расположенного на равнине Конья в Центральной Анатолии. Мне уже приходилось писать о Джан-Хасане, его стратиграфии и хронологии по другому поводу [76], когда я пытался установить периодизацию неолита и халколита равнины Конья. С тех пор раскопки Джан-Хасана были закончены, но опубликованы лишь предварительные отчеты о семи сезонах раскопок [77]. Джан-Хасан расположен в 13 *км* северо-восточнее р. Караина в вилайете Конья, недалеко от северного подножия Тавра, на плодородной равнине, лежащей на высоте 1000 *м* над уровнем моря. Джан-Хасан интересен стратиграфией его халколитических слоев и связями с Киликией, обусловленными положением телля у дороги, ведущей через Тавр долиной Гек-Су на побережье Средиземного моря.

[76] *В. С. Титов.* Неолит Греции. стр. 181, 187—189.

[77] Предварительные отчеты опубликованы Д. Френчем в AS с XII, 1962 по XVIII, 1968. Видимо, седьмой сезон раскопок (1967 г.) был последним. По крайней мере в отчете о полевых исследованиях Британского института в Анкаре за 1968 г. о раскопках в Джан-Хасане не упоминается (AS, XIX, 1969), а в отчете за 1969 г. говорится лишь о небольших работах на III холме Джан-Хасана, который дал слои неолита, даже более ранние, чем восточный холм Чатал Юйюка (AS, XX, 1970, p. 4).

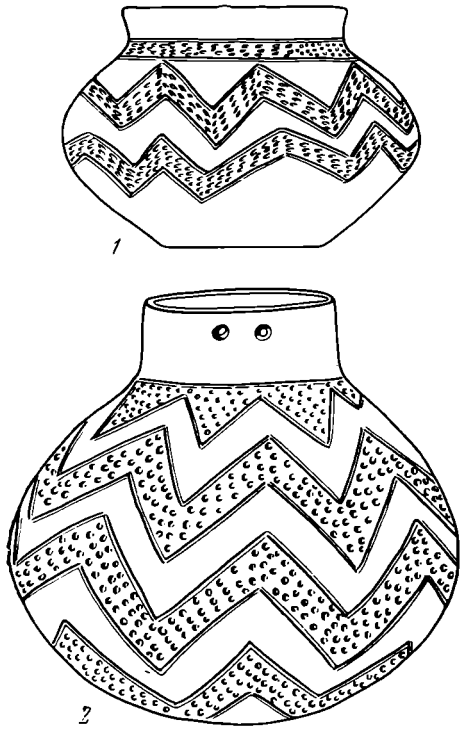


Рис. 5. *1* — сосуд из Джан-Хасана (по Д. Френчу); *2* — сосуд из Каранова III (по М. Кончеву)

Среди находок в ранне- и среднехалколитических слоях привлекает керамика, которую автор раскопок, Д. Френч [78], характеризует как черную, серую и желтую посуду, частично украшенную нарезной орнаментацией, а частично гладкую, неорнаментированную (рис. 4). Углубленный орнамент почти всегда заполнен белой инкрустацией. В этой группе представлены только две формы сосудов: чаши и сосуды с округлым туловом и с узкой шейкой. Эта группа керамики составляет лишь небольшой процент керамики из слоев раннего и среднего халколита, где преобладает совсем иная, главным образом расписная, керамика.

Именно лощеная керамика с углубленным орнаментом представляется нам достопримечательным явлением, показывающим определенные аналогии с двуручным сосудом из Усое. И там и здесь основной элемент орнамента — лента, ограниченная двумя нарезными линиями и заполненная характерным образом узкими удлиненными наколами-черточками. И здесь и там эти ленты создают угловые и угловатые узоры, в частности меадроидные крюки. Правда, в Джан-Хасане узор из меандроидных крюков встречен и в линейном исполнении (рис. 4, *2*). И здесь и там орнамент сосредоточен только в верхней части сосуда (над ребром) и небрежно перерезается ребром. Определенное сходство наблюдается и в формах сосудов: остроребериая чаша сохраняется и в Усое, но приобретает еще более острое ребро, выделенный край и две ручки на плечах. Вторая форма сосуда с округлым туловом и низкой шейкой вплоть до деталей расположения орнамента — горизонтальный зигзаг из ленты, заполненной точками,— аналогична форме сосуда Каранова III [79] (рис. 5).

Орнаментация лентами, заполненными точками, встречается в Болгарии на сосуде не только из Каранова III, но и из Усое. На сосудике слегка приплюснутой формы, с довольно острым ребром и невысокой шейкой [80] заполненные точками ленты образуют узор из спиралей типа «морская волна» (рис. 6, *1*). Видимо, это немного более поздний вариант тех же меандровых крюков, которые встречены на двуручном сосуде из Усое (рис. 3) и которые встречаются на сосуде с протомами головы быка в Джан-Хасане (рис. 4, *2*). В этой связи нельзя не вспомнить об одном сосуде — глубокой чаше, которая хранится в коллекциях Prähistorische Staatsammlung в Мюнхене [81]. Чаша серая, лощеная, лощение полосчатое,

---

[78] *D. H. French.* Excavations at Can Hasan. First Preliminary Report, 1961. AS XII, 1962, p. 32.

[79] *М. Кънчев.* Праисторически и антични материали в музея град Нова Загора. 1973. На корицата.

[80] *Х. Тодорова.* Новая культура среднего неолита в северо-восточной Болгарии. СА, 1973, 4, стр. 21, рис. 4, *2*.

[81] Инв. № 1965, 402. Эту чашу я видел в Мюнхене летом 1967 г. Очень признателен доктору Г. Келлнеру за фотографию и за разрешение опубликовать ее.

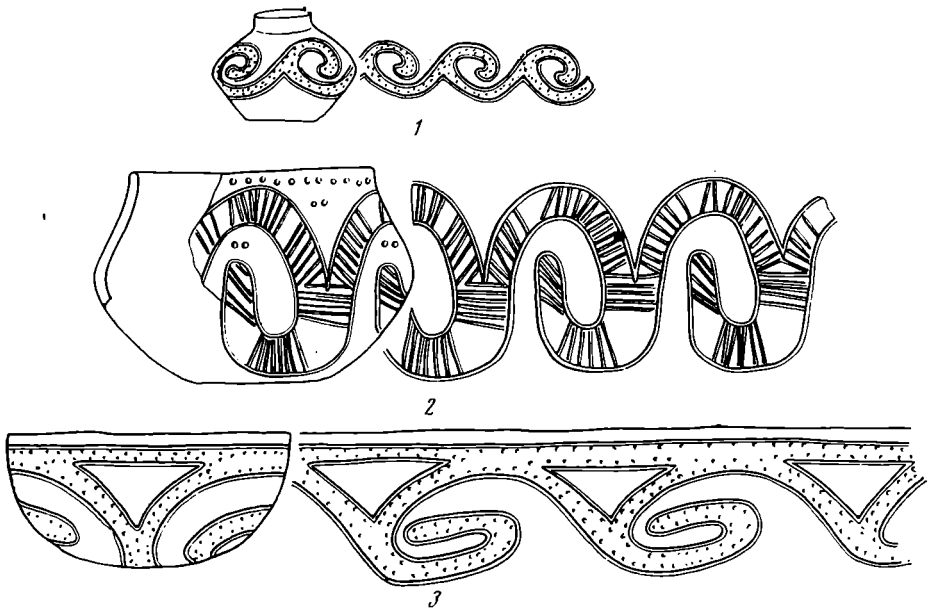


Рис. 6. *1* — Система орнаментации сосудов из Усое (средний неолит Болгарии), *2* — сосуда линейно-ленточной керамики, *3* — чаши из окр. г. Боз (южная часть Центральной Анатолии)

верхняя часть чаши с почти вертикальными стенками, но резкого перелома ко дну не наблюдается (рис. 7). По краю чаши проходит лента, заполненная двумя рядами наколов, и от нее отходят вниз три отростка, которые и образуют крюкообразный узор (рис. 6, *3*). Центром узора является дно чаши, вокруг которого и создается узор вращения. Чаша найдена в окрестностях г. Боз в южной части Центральной Анатолии, на той же равнине Конья, где и Джан-Хасан. Учитывая некоторые наблюдения, сделанные в процессе раскопок Джан-Хасана, а именно, что чаши серой лощеной керамики в более позднее время теряют острое ребро [82], чашу из окрестностей г. Боз можно рассматривать как несколько более позднее развитие нарезной керамики Джан-Хасана.

Что касается хронологического положения нарезной керамики Джан-Хасана, то о нем можно сказать следующее: нарезная лощеная посуда была найдена главным образом во время первых двух сезонов раскопок Джан-Хасана в слоях 2В и 2А. Однако лишь в последующих сезонах, когда была окончательно уточнена стратиграфия памятника и установлена его детальная периодизация, было более точно установлено место нарезной лощеной керамики в этой периодизации. По словам Д. Френча, нарезная посуда появилась во время второй фазы слоя 2В и лишь во время третьей фазы количество тонкой лощеной керамики становится значительным [83]. Именно третья фаза слоя 2В и первая фаза слоя 2А рассматриваются как переходная фаза от раннего к среднему халколиту. В слое 2А эта керамика продолжается, но нарезная встречается реже. Но и в слое 3 Джан-Хасана найден по крайней мере один фрагмент с орнаментацией из нарезных лент, заполненных удлиненными углублениями [84].

Уже в 1969 г. мы синхронизировали слой 2А Джан-Хасана с Мерсином XIX—XVIII, слой 2В — с Мерсином XXI—XX, а слой 3 — с Мерсином XXIV—XXII [85]. Это примерно соответствовало взглядам Д. Френча, который сопоставлял вторую и третью фазу слоя 2В с Мерсином XXII—XX,

[82] *D. H. French.* Excavations at Can Hasan. Fourth Preliminary Report. AS XV, 1965, p. 90.
[83] *Idem.* Excavations at Can Hasan, 1965, AS XVI, 1966, p. 118.
[84] *Idem.* Excavations at Can Hasan, 1967. AS XVIII, 1968, p. 49, fig. 2, 6.
[85] *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 186—189.

а первую фазу слоя 2А — с Мерсином XIX [86]. В ходе седьмого сезона раскопок Джан-Хасана в слое третьей фазы 2В был найден небольшой черепок «халафского» стиля [87]. Радиоуглеродные даты слоя 2 Джан-Хасана падают на конец VI — первую половину V тысячелетия до н. э., за одним исключением — второй половины V тысячелетия [88]. Таким образом, можно считать, что в определенный хронологический период, включающий ранний халколит I и II западного холма Чатал-Юйюка, ранний халколит и переходную фазу к среднему халколиту Джан-Хасана и соответствующий Мерсину XXIV—XIX, второму периоду неолита Средней и Южной

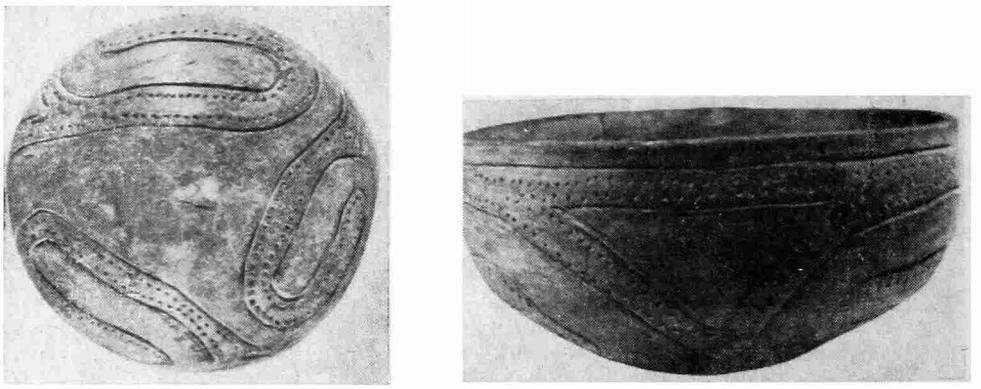


Рис. 7. Чаша из окрестностей г. Боз, южная часть Центральной Анатолии (Государственное собрание Баварии, Мюнхен, Инв. № 1965, 402)

Греции и халафскому времени Ближнего Востока, в южной части Центральной Анатолии прослежено появление особой лощеной керамики преимущественно серого и черного цвета, украшенной лентами, заполненными черточками и точками; она встречается здесь вместе с местной расписной керамикой, но составляет меньшинство в керамическом комплексе. Очень близкая во многих чертах керамика известна и из Болгарии, где она также не является единственной, но входит в состав керамического комплекса с рядом других черт, таких, как каннелирование поверхности сосудов, крупные ручки с набалдашниками и пр., но уже без расписной керамики. Насколько хронологически близки аналогичные черты в керамике столь отдаленных мест, как равнина Конья и Болгария? Караново III по радиоуглеродной шкале датируется серединой V тысячелетия до н. э. [89] Культура Златарски Х. Тодоровой синхронизуется с Карановым III [90]. В таком случае хронологического разрыва почти нет, лишь на равнине Коньи указанные выше черты в керамике появляются, видимо, раньше, что совпадает с более развитым характером керамики этого типа в Усое. Но и на равнине Конья, и в Болгарии керамика типа Боз возникает под влиянием какого-то центра, который следует искать где-то между Болгарией и равниной Конья, вероятно в Северо-Западной Анатолии VI тысячелетия. Однако памятники этого времени здесь пока совершенно неизвестны. Таким образом, открытие культуры Златарски еще раз доказывает синхронность Каранова III и Винчи А, а поскольку культура Гумельница одновременна Каранову VI, то и невозможность вслед за В. Милойчичем синхронизировать Гумельницу с Винчей А3 — В2 [91]. С другой стороны, синхронизм Ка-

[86] *D. French.* Excavations at Can Hasan, 1966. AS XVII, 1967, p. 175, Chart 2.
[87] *Idem.* Excavations at Can Hasan, 1967..., p. 47.
[88] *Idem.* Excavations at Can Hasan, 1966..., p. 174, Chart 1; *В. С. Титов.* Неолит Греции..., стр. 217.
[89] *В. С. Титов.* Ук. соч., стр. 216.
[90] *Х. Тодорова.* Новая культура среднего неолита..., стр. 29, 30.
[91] *V. Milojčić.* Die absolute Chronologie..., S. 10, 11.

раново III — Винча А не противоречит предложенному мной синхронизму Караново V — Винча С.

Новые материалы, полученные в результате исследований советских археологов в Молдавии и на верхнем Днестре, еще раз показывают невозможность синхронизировать культуру Гумельницы с Винчей А — В, а также противоречивость утверждений В. Милойчича в пунктах 1 и 15 его работы 1970 г.[92] Так, в пункте 1 обосновываются следующие синхронизмы: старшая линейно-ленточная керамика и алфелдская линейная керамика — с Винчей А, а развитая (младшая) линейно-ленточная керамика, группа Желиз и культура Бюкк с Винчей В. В пункте 15 В. Милойчич настаивает на том, что переход от Гумельницы А2 к Гумельницы В1 произошел во времени этапа Винча В2.

Многолетние раскопки, проводившиеся Молдавской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Т. С. Пассек во Флорештах в Молдавии, в которых принимал участие и автор настоящей статьи, показали, что на территории северной и средней Молдавии и на Верхнем Днестре культура младшей линейно-ленточной керамики предшествует появлению и распространению древнейшей фазы трипольской культуры, синхронной Прекукутени II на территории Молдовы[93]. Линейно-ленточная керамика развитого нотного типа, открытая в нижнем слое Флорешт, представляет собой крайнюю юго-восточную группу этой культуры[94], которую можно сопоставить со средней ступенью развития младшей линейно-ленточной керамики в юго-западной части Словакии[95]. Некоторые авторы полагают даже, что она продолжает существовать здесь, на верхнем и среднем Днестре, далее, в то время как на Среднем Дунае возникает и развивается группа Желиз (Железовце)[96]. Во всяком случае эта группа младшей линейно-ленточной керамики может датироваться временем Винчи В, как и утверждает в пункте 1 своей статьи В. Милойчич.

Верхний слой Флорешт и вместе с ним вся древнейшая фаза трипольской культуры, равнозначная культуре Прекукутени II, согласно пункту 15 у В. Милойчича, должна относиться ко времени Винча А2, поскольку Прекукутени III им сопоставляются через Гумельницу с Винчей А3. Но это невозможно, ибо, как мы показали, уже нижний слой Флорешт датируется временем Винча В1 или даже В2. Это наблюдение еще раз показывает невозможность синхронизации Гумельницы и Винчи В.

Вторая культура, хронологическое положение которой дебатируется не менее остро, чем место культуры Винча, — это культура, которую в странах с немецким языком называют баденской, в Венгрии — пецелской, в Чехословакии — культурой каннелированной керамики, а в Польше — культурой радиальной керамики. Сложившись где-то в Трансданубии, эта культура уже на классической ступени развития широко распространяется на весь Карпатский бассейн и начинает продвижение на юг. В Винче ее материалы засвидетельствованы в слоях от 2,5 до 1,5 *м* глубины. Еще выше в Винче встречены остатки костолацкой культуры (позднего варианта Бадена), которые в Винче залегают между 1,5 и 0,6 *м*.

На поселении Гиссар, в югославской области Метохья, недавно были проведены довольно большие раскопки[97], обнаружившие культурные

---

[92] Ibid., S. 9, 10, 19, 20.

[93] *V. S. Titov.* Tripolye Culture in the Chronological System of Neolithic and Copper Age Cultures of South-Eastern and Central Europe. VIII Congrès International des Sciences Prěhistoriques et Protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologiques de l'URSS. Moscou, 1971, p. 2, 3.

[94] *Т. С. Пассек и Е. К. Черныш.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, М., вып. Б1-11, 1963.

[95] Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1970, стр. 36, 37.

[96] *J. Pavuk.* Anteil des Zeliezovce-Typus an der Genesis der Lenguel-Kultur. SZ AUSAV 17. Nitra, 1969, S. 353—359.

[97] *J. Todorović.* Die Crabung Hissar, und ihre Verhältnisse zum Äneolithikum und der frühen Bronzezeit. «Arch. Iug.», IV, 1963, S. 25—29.

слои до 2,8—3,2 *м*, а в жилище — даже до 4,7 *м* мощностью. Стратиграфические наблюдения позволили выделить два основных слоя, более ранний I и более поздний II, и в каждом из них по две фазы (более древняя A, и более поздняя B). Выяснилось далее, что на протяжении всех фаз развивается одна и та же культура Бубани, которая оставила здесь до 11 жилых горизонтов. Во II слое Гиссара, в фазах A и B представлены материалы костолацкой культуры, а слой IIB дал, кроме того, находки македонского раннего бронзового века типа Сервия, Крицана, Вардарофце, в том числе и характерные ручки типа Крицана. Таким образом, стратиграфия Гиссара позволила Э. Неуступному [98] сделать вывод, что экспансия баденской культуры в момент ее наивысшего развития (фаза D) предшествовала до некоторой степени (разница на одну ступень) распространению на север македонской культуры раннего бронзового века. На этом основании он заключает, что баденская культура на позднем этапе развития частично совпадала по времени с ранним бронзовым веком Македонии.

В области Косово — Метохья находки македонского раннего бронзового века уже сделаны более чем в 20 пунктах, сосредоточенных в основном по р. Ситнице, притоку Ю. Моравы [99] и на пос. Градница в яме, углубленной в ранненеолитический слой, найдены вместе материалы Бубани, баденско-костолацкой группы и македонского раннего бронзового века, что лишний раз подтверждает стратиграфию Гиссара, так как подобное сочетание соответствует его фазе IIB.

Однако В. Милойчич подверг резкой критике все выводы, базирующиеся на стратиграфии Гиссара [100]. Он утверждал, что в находках из Гиссара и Крицаны нет ничего общего, поскольку основная масса находок из Гиссара относится к ранней части культуры полей погребений или позднегальштадской культуре, которые были опубликованы вперемежку с баденскими. «Я не могу среди опубликованного материала Гиссара найти никаких находок типа Крицаны», пишет В. Милойчич [101].

Еще далее на юг, в Фессалии, также сделаны находки, которые с известной степенью достоверности могут быть увязаны с баденской культурой. Речь идет об обломках чаш со шнуровым орнаментом внутри [102], приближающихся к чашам типа Замка и Ижа, согласно расчленению их Э. Неуступным, и о чашках с круглым дном и петлеобразной высокой ручкой [103]. В средней Греции аналогичные чашки засвидетельствованы в Эвтрезисе [104]. В Фессалии эти находки сделаны в древнейших рвах, прорезавших яму периода Рахмани и относящихся к раннефессалийскому I перноду. В настоящее время мы можем лучше, чем это был в состоянии сделать Э. Неуступный в 1968 г., датировать начало раннефессалийского периода. Во время раскопок 1967—1973 гг. на Певкакия — Магуле у Волоса В. Милойчич нашел под двумя нетронутыми полами домов поздней части периода Рахмани на более древнем полу черепки двух сосудников в технике керамики урфирнис классической раннеэлладской (РЭ) II—A ступени [105]. В этих слоях Рахмани не встречено никаких иных черепков

---

[98] *E. Neustupný*. Absolute Chronology..., p. 24.

[99] *J. Todorović*. Die Grabung Hissar... 29 Anm. 11.

[100] *V. Milojčić*. Die absolute Chronologie..., S. 14.

[101] Ibid.

[102] *V. Milojčić*. Bericht über die Ausgrabungen auf der Gremnos-Magula, AA 1956, Abb. 21, 2; *E. F. Neustupný*. K mladšimu eneolitu v Karpatské Kotliňě. SIA, 1966, XIV, 1, str. 88, 89; *Idem*. Absolute Chronology..., p. 24, 25.

[103] *V. Milojčić*. Vorbericht über die Ausgrabungen auf der Gremnos-Magula..., 157, Abb. 21, *11—13*.

[104] *H. Goldmen*. Excavations at Eutresis in Boeotia. Cambridge Mass., 1931, p. 87, fig. 106; p. 96, fig. 122.

[105] *V. Milojčić*. Die absolute Chronologie der Jungsteinzeit in Südosteuropa und die Ergebnisse der Radiocarbon-(C14)-Methode. Sonderdruck aus Jahrbuch der RGZM, 14. Jahrgang 1967, Mainz, 1970, S. 24; *J.-P. Michaud*. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1970. BCH, 95, 1971, p. 936—939.

керамики урфирнис, равно как и местной посуды раннего бронзового века. Но в так называемой яме Рахмани на Одзаки — Магула были найдены РЭ-материалы[106]. Подобное же явление наблюдал и Д. Теохарис в Пирасосе[107].

Таким образом раннефессалийский период, который следует за Рахмани, должен был начаться где-то в середине РЭ II, не раньше. Значит материал из двух древнейших рвов раннефессалийского I, в том числе и фрагменты миски с отпечатками шнура на внутренней поверхности, образующими узор из треугольников, должны быть отнесены к РЭ II, и то не к его ранней части. Если прав Э. Неуступный в своем сопоставлении этой миски из Аргиссы с люблянскими мисками типов 1 и 2, Замка и Ижа, который он относит к поздним фазам (D и E) баденской культуры, то мы вправе сопоставить позднюю баденскую культуру (фазы D и E) и раннефессалийский I период (=вторая половина РЭ II).

В сезоне 1972 г. В. Милойчич нашел на магулах у залива Волос еще около десятка черепков, орнаментированных оттисками шнура, явно импортных. Все они найдены в отложениях поздней части фессалийского раннего бронзового века, которую В. Милойчич теперь синхронизирует с раннеэлладским III. Ниже этого слоя был найден горизонт домов с четырьмя импортными троянскими кубками. Отсюда черепки со шнуровой орнаментацией датируются временем после Трои III[108]. Но даже в этом случае вероятный синхронизм — поздняя часть баденской культуры — раннефессалийский I — поздняя часть раннеэлладского II—РЭ III — свидетельствует о значительно изменившихся представлениях об относительной хронологии баденской культуры.

Э. Неуступный попытался найти определенные аналогии баденским изделиям еще далее, на юго-восток, в культуре раннего бронзового века Северо-Западной Анатолии, причем наибольшие соответствия им он видит в развитой фазе Голубого периода Полиохни на Лемносе[109], который Л. Бернабо-Бреа помещает до Трои I и синхронизирует с раннеэлладским I[110]. Но анализ приводимых Э. Неуступным аналогий показывает, что речь идет лишь о немногих формах среди очень многочисленных изделий, которые не имеют никаких аналогий в баденской культуре. Далее, если мы примем во внимание, что культура Полиохни и баденская нигде не соприкасаются территориально, то эти аналогии покажутся лишь случайными. Они едва ли могут рассматриваться как свидетельство одновременности этих явлений, поскольку формы среднеевропейского бронзового века часто повторяют средиземноморские. Но эти аналогии могут приобрести значение в том случае, если между баденской культурой и Северо-Западной Анатолией будут открыты какие-либо промежуточные культурные звенья. Тогда место этих аналогий может быть установлено окончательно.

В установлении отношений баденской культуры к анатолийскому бронзовому веку важную роль призвано сыграть изучение раннего бронзового века Болгарии, значительно продвинувшееся за последние годы в результате работ Болгарско-Советской экспедиции на телле Эзеро (Дипсийская могила).

Раскопки раннебронзовых горизонтов Эзера закончены, но отчет еще не издан. Поэтому все данные, которые приведены в отдельных сообщениях о раскопках, являются только предварительными и могут быть еще изменены в ходе обработки материалов, как менялись некоторые представления о раннем бронзовом веке Болгарии с ходом раскопок. Мы обраща-

---

[106] *V. Milojčić.* Ergebnisse der deutschen Ausgrabungen in Thessalien. RGZM 6. Jahrgang, 1959, Mainz, 1960, S. 25.

[107] Δ.Ρ.Θεοχαρης. Πύρασος. Θεσσαλικά. Β'.Βολος, 1959, 59f.

[108] Личное сообщение В. Милойчича автору (письмо от 16 мая 1973 г.).

[109] *E. F. Neustupný.* Absolute Chronology..., p. 25—28, figs. 2—4.

[110] *L. Bernabò-Brea.* Poliochni I, Roma, 1964.

емся в основном к отчетам о последних годах раскопок и некоторым общего характера, статьям участников раскопок [111]. В настоящее время насчитывают 13 строительных горизонтов в слое раннего бронзового века в Эзеро. Верхние горизонты частично разрушены. Все строительные горизонты сгруппированы авторами раскопок в три фазы: раннюю, среднюю и позднюю. В первую фазу входят горизонты XIII—VIII, в среднюю — горизонты VII—V, в последнюю — горизонты IV—I. Раннюю фазу Н. Я. Мерперт сопоставляет с дотроянским ранним бронзовым веком Западной Анатолии (Полиохни и Кум-Тепе) и ранней частью Трои I, среднюю фазу — с концом Трои I и Троей II, позднюю — с концом Трои II, Троей III и началом Трои IV. Для датировки Эзеро особенно важна очень специфическая форма сосуда с крышкой [112], найденного на грани V и IV горизонтов. Имеется в виду сосудик на низком, слегка расширяющемся основании, с высокой, слегка суживающейся кверху шейкой и туловом, покрытым довольно глубокими вертикальными каннелюрами. На плечах сосудика имеются ручки в виде крыльев, которые соответствуют ушкам на крышке. Аналогичный сосуд был найден в IV или V городах Терми на Лесбосе [113]. Правда, он не имеет ребер на тулове, хотя от крыльев вниз спускаются по два пластических тяжа с каждой стороны и пропорции его тулова более вытянуты. Второй аналогичный сосуд был найден в IV городе Терми, но он отличается более высокой ножкой, а тяжи в нижней части тулова становятся очень похожими на ребра [114]. Форма сосуда и форма крышки настолько специфична, что не может быть сомнения в том, что сосуды из Эзера и Терми связаны между собой и близки во времени.

В работе Г. И. Георгиева вопрос о соотношении разных фаз слоя раннего бронзового века с Троей и другими памятниками Западной Анатолии решается несколько иначе [115]. По его мнению, самые нижние горизонты (XII—VII), прежде всего на основе чаш с туннелеобразными ручками, должны быть сопоставлены с Троей I—II, а средние (VI—IV) и поздние (IV—I) горизонты имеют аналогии в Трое III—V.

Синхронизации Г. И. Георгиева противоречат синхронизациям Э. Неуступного, и на это совершенно справедливо обратил внимание В. Милойчич [116]. Он пишет, что «до сих пор нигде систематически не доказано, что находки I фазы Георгиева (Эзеро XII—VII) действительно одновременны с находками из последних горизонтов Трои I или фаза «раннее Караново VIIa» (Михалич) — Эзеро II (слои VI—IV) — с Троей III. Напротив, чем больше находок публикуется, тем проблематичнее становится предполагаемая одновременность с Троей I—III» [117]. В. Милойчич счи-

---

[111] *Г. И. Георгиев* и *Н. Я. Мерперт.* Раскопки многослойного поселения у села Эзеро близ г. Новая Загора в 1963, ИАИ, XXVIII, 1965, стр. 129—159; *они же.* Поселение Эзеро и его место среди памятников раннего бронзового века Восточной Европы. Предварительная публикация докладов на симпозиуме о возникновении и хронологии баденской культуры в Нитре — М. Возоканах 8—11 декабря 1969 г.; *Н. Я. Мерперт.* Работы Болгаро-Советской экспедиции. АО,— 1969, М., 1970, стр. 440—443; *Н. Я. Мерперт.* Доклад об итогах работы Болгаро-Советской экспедиции в 1970 г., сделанный на заседании сектора неолита и бронзового века ИА АН СССР 23 ноября 1970 г. В этом докладе разделение на фазы и их синхронизация с троянскими материалами прозвучали несколько иначе, чем в опубликованных отчетах; *G. I. Georgiev.* Beitrage zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Sudbulgarien. Arch. Aust. 42, 1967, S. 90—144.

[112] *Н. Я. Мерперт.* Работы Болгаро-Советской экспедиции, стр. 443, сосуд верхний слева.

[113] *W. Lamb.* Excavations at Thermi in Lesbos, Cambridge, 1936, p. 127, vase 481, Pl. X.

[114] *Ibid.*, p. 119, vase 336, Pl. X.

[115] *G. I. Georgiev.* Beiträge..., S. 123, 124.

[116] *V. Milojčić.* Die absolute Chronologie der Jungsteinzeit in Südosteuropa und die Ergebnisse der Radiocarbon-(C14)-Methode. Sonderdruck aus Jahrbuch des RGZM, Mainz, 14. Jahrgang 1967, S. 12.

[117] Ibid.

тает далее, что не опубликовано никаких специфических находок, которые вынуждали бы нас сопоставлять I фазу Эзеро с Троей I. Более того, основываясь на словах Г. Георгиева о появлении уже в I фазе Эзеро форм Трои II и считая необходимым датировать по позднейшей находке, В. Милойчич считает, что I фаза Эзеро должна относиться ко времени Трои II. Он полагает, что древнейшие горизонты раннего бронзового века в Эзеро (XII—VII) по своему содержанию тесно родственны с периодом ранней бронзы 2 Западной Анатолии [118] и потому не могли начаться до периода Трои II. Этот вывод подкрепляется соображением, что уже в ранних горизонтах в Эзеро известны клады, которые в Трое II появляются довольно поздно [119].

Керамика средней фазы Эзеро часто имеет шнуровой орнамент и может быть сближена по этому признаку с керамикой из Михалича. Э. Неуступный пишет даже, что средние горизонты Эзеро относятся к культуре Михалич [120]. Шнуровая же керамика из этих горизонтов близка к посуде, орнаментированной оттисками шнура, найденной в Греции. Особый интерес вызывают находки мисок типа Любляны, а именно того варианта, который отнесен Э. Неуступным к типу 3 [121]. Миска орнаментирована крупными треугольниками внутри и снаружи. Треугольники выполнены нарезкой (?) и заштрихованы параллельно одной стороне [122]. Сближает ее с подтипом Ловас только формальный признак — орнаментация из крупных треугольников внутри и снаружи, тогда как обычного для мисок этого подтипа крестообразного или полого основания здесь нет. Дно миски кажется плоским. Широкий же, орнаментированный край миски, как замечает и сам Э. Неуступный, характерен для его типа 5 (Сотин), но встречается и у некоторых мисок типа 1 (Замка) [123]. Видимо, было бы правильнее считать, что к этой чаше не может быть с достаточным основанием применена классификация, разработанная для других областей и культур. Но Э. Неуступный этого вывода не делает и ограничивается намеком, что считает эту миску, как и свой 3-й тип, характерной для культуры Вучедол, которая сменяет баденскую культуру. Ножку типа 3 люблянских мисок [124] напоминает и фрагмент, изданный Н. Я. Мерпертом и Г. И. Георгиевым, как шишечка от крышки сосуда [125]. Кстати, очень близкая по форме шишечка была найдена и в Михаличе [126].

Другие находки, которые Э. Неуступный рассматривает как решающие для синхронизации баденской культуры Средней Европы с Троей через Болгарию, включают такие специфические формы, как чаши с загнутым внутрь краем и туннелеобразной ручкой, часто снабженной пластическими ребрами и выступами [127]. Эта форма встречается в фазах C—E баденской культуры, но особенно типична для E; в Эзеро она встречена в средних горизонтах, в Трое же этот тип известен для Трои I и исчезает до ее конца. Здесь видна некоторая несогласованность с данными Н. Я. Мерперта о соотношении троянских и эзеровских горизонтов, поскольку с ранней Троей I синхронизируются обычно только ранние, а не средние горизонты Эзеро, но до окончательной обработки материалов, видимо, этот вопрос решить нельзя. Для Э. Неуступного приведенных им свидетельств достаточно, чтобы синхронизировать самую позднюю фазу Бадена (E) с древ-

---

[118] Ibid, S. 12, Anm. 25.
[119] Ibid.
[120] *E. Neustupný*. Absolute Chronology..., p. 25.
[121] *Idem*. Zum jüngeren Äneolithikum im Karpatenbecken..., S. 96.
[122] *G. I. Georgiev*. Beiträge... Abb. 40, oben.
[123] *E. Neustupný*. Absolute Chronology..., p. 25.
[124] Ibid.
[125] *Г. И. Георгиев и Н. Я. Мерперт*. Раскопки многослойного поселения у села Езеро..., стр. 151, рис. 26.
[126] *В. Миков*. Предисторическото селище до с. Михалич, Свиленградске. Раскопки и проучвания 1, стр. 15, обр. 7.
[127] *E. Neustupný*. Absolute Chronology..., p. 25.

нейшим ранним бронзовым веком в Эгейе. «...классические фазы C—D, кажется, предшествуют ему, т. е. древнейшему раннему бронзовому веку в Эгейе» [128]. Иными словами, он согласен лишь на синхронизацию ранней фазы раннего бронзового века Эзера с позднейшими Баденом, средняя фаза на основе находок люблянских мисок типа 3 в средних горизонтах Эзеро и их фрагментов сопоставляется с культурой Вучедол. Кстати, в пользу сопоставления и верхних горизонтов Эзера с культурой Вучедол говорит находка поясных крюков из рога [129], которые Н. Я. Мерперт сближает с подобными же из Люблянских болот [130].

Н. Я. Мерперт дает несколько иные синхронизации между Эзеро и Баденом. Он сопоставляет начальные горизонты нижней фазы и Баден C—D, но считает, что «в верхних горизонтах первой и во всей второй фазе Эзера число и четкость аналогий с баденской культурой возрастает...» [131]. Здесь речь идет как раз о той же форме чаши с загнутым внутрь краем и туннелеобразным ушком, но если Э. Неуступный считает их относящимися к ранней Трое I, то у Н. Я. Мерперта они попадают в Трою I — начало Трои II [132]. Близость Бадена и Эзера на основе их анатолийско-эгейских компонентов сохраняется, по мнению Н. Я. Мерперта, «вплоть до начала третьей — верхней фазы Эзера» [133]. Эта близость доказывается «кувшинчиками для подвешивания» и «сосудами в виде бочонков для рыбы» — формами, слишком специфическими, чтобы предполагать их спонтанное возникновение в разных областях. Однако типология этих форм не настолько разработана, чтобы только на их основе проводить синхронизацию Бадена и Эзера. Последняя форма известна и в вучедолских комплексах. Н. Я. Мерперт и Г. И. Георгиев не говорят прямо, до какой фазы (или строительного горизонта) доходят они в Эзере, но вероятно, до начала верхней фазы. Следует ли сопоставлять их только с баденскими (фазы E — костолацкой) или же и с вучедолскими тоже, или же только с баденскими, а вучедолские привлекаются лишь для доказательства позднего характера этих форм внутри самой баденской культуры?

Из всего сказанного следует, что Н. Я. Мерперт и Г. И. Георгиев склоняются к тому, что классический Баден (фазы C — D) синхронен ранней фазе слоя раннего бронзового века Эзера, а поздний Баден (фаза E — Костолац) — средней фазе Эзеро, вплоть до начала верхней третьей фазы.

Таким образом, в настоящее время уже невозможно больше настаивать на помещении баденской культуры около 2000 г. до н. э., согласно традиционной хронологии. Указанные выше южные связи этой культуры позволяют синхронизировать ее классическую фазу по крайней мере с развитым эгейским бронзовым веком (концом раннеэлладского II, Троей III), если даже не следовать за Э. Неуступным в его стремлении датировать поздние фазы баденской культуры древнейшим эгейским бронзовым веком.

Итак, приведенный выше обзор показывает, что новые данные, полученные за последнее время, не позволяют оставаться на прежних позициях низкой хронологии по вопросу о месте культуры Винчи и баденской культуры, даже если не принимать радиоуглеродную хронологию этих культур, занимающих ключевую позицию в решении общей хронологической проблемы. Установление связей Винчи с эгейским поздним неолитом и баденской культуры с эгейским ранним бронзовым веком значительно меняет относительную хронологию этих культур по сравнению с тради-

---

[128] *E. Neustupný.* Absolute Chronology..., p. 28.

[129] *Н. Я. Мерперт.* Работы Болгаро-Советской экспедиции..., рис. на стр. 44.

[130] *Н. Я. Мерперт* и *Г. И. Георгиев.* Поселение Эзеро и его место среди памятников..., стр. 29 со ссылкой на *J. Werner.* Die ältesten Gurtelhaken. Festschrift für G. Schwantes zum 65 Geburtstag, Neumünster, 1951.

[131] *Н. Я. Мерперт и Г. И. Георгиев.* Поселение Эзеро..., стр. 27.

[132] Там же.

[133] Там же, стр. 28.

ционной и тем самым подрывает основы этой последней. Но однако окончательного решения хронологической проблемы можно ждать лишь после интенсификации исследований на юге Балканского полуострова, в контактной зоне эгейских и балканских культур неолита, энеолита и раннего бронзового века — в Македонии и Фракии.

V. S. Titov

PROBLEME DE LA CHRONOLOGIE DU NEOLITHIQUE ET ENEOLITHIQUE EN EUROPE SUD-EST

Résumé

Les systèmes principaux de chronologie du néolithique, énéolithique et du bronze ancien de l'Europe Sud-Est ont vu le jour à l'issue des année 40[1-3], mais à la fin des années 50, les premières séries de datations au carbone radio-actif effectuées, les doutes sont nés sur la valabilités de ces systèmes [6]. Les divergences les plus considérables opposaient les datations traditionnelles à celles au carbone radio-actif relatives au néolithique récent et à l'énéolithique des Balkans et du cours de Danube. La discussion débutant aux années 60 a divisé les archéologues en partisans de la datation haute et basse du néolithique. L'auteur estime que le problème essentiel de la discussion est celui de la place de deux civilisations, celles de Vinča et de Baden, dans la chronologie relative de l'Europe Sud-Est: faut-il continuer à synchroniser la civilisation de Vinča avec le bronze initial égéen et assigner à celle de Baden un laps de temps négligeable à la limite du bronze initial et moyen, ou bien la civilisation de Vinča doit être mise en corrélation avec le bronze ancien et moyen d'Egée, et celle de Baden avec le bronze initial égéen (peut-être de sa deuxième moitie)? Ce problème peut être résolu de manières différentes sans recourir aux datations au carbone radio-actif. Un de ces moyens consiste en recherches des importations méridionales dans les civilisations balkaniques. On croyait les tables de Tărtăria [10-15] faire partie de ces importations, propres à résoudre le problème de la datation de la culture de Vinča. Mais ces tables se distinguant considérablement de celles babyloniennes, ce qui était mentionné encore par A. Falkenstein [16], et les signes analogues à ceux de Tărtăria faisant son apparition sur les poteries provenant de Tordos, de Vinča-même et d'autres sites de cette civilisation [21-24], il est évident que ces tables ne peuvent pas être considérées comme importations et de ce fait ne peuvent pas dater la civilisation de Vinča de la limite des IV et III millénaires avant n. é. L'auteur a réuni les preuves de la simultaneité de la culture de Vinča (A — BI) avec la période de Dimini en Thessalie; il s'agit en premier lieu des tessons de la poterie du groupe Szakalhat-Lëbö [47-51], groupe particulier de la céramique à décor linéaire et rubané qui précédait dans la vallée de Tisza la culture éponyme. Ce groupe chronologiquement est fermement lié à celui de Zseliz, à la civilisation de Bükk et, ce qui est essentiel, les récipients et les fragments de cette céramique se font voir dans la Vinča à partir de la profondeur de 8,3 m, c'est-a-dire à la fin de la phase A et durant toute la phase BI. En Thessalie les tessons de Szakalhat étaient trouvés dans la période d'Odzaki [44-46], ce qui permet de supposer le début de Vinča encore plus reculé dans le temps: dans la période «moyenne de Grèce» ou même dans celle de Sesklo, comme l'auteur l'affirmait en 1966 et 1969.

Les fouilles récentes de deux sites: Sitagroï[68-70] en Macédoine grecque et Oussoé en Bulgarie Nord-Est[75], ont fourni le matériel démontrant incontestablement le développement parallèle de la civilisation de Vinča et de celle de Veselinovo (Karanovo III), surtout une poterie d'Oussoé (fig. 3) dont les anses caractéristiques de Veselinovo voisinent avec le décor en bande méandroïdale et cannelures, typique pour la Vinča A — BI. Pourtant la poterie d'Oussoé se trouve les analogies plus lointaines dans le petit groupe de céramique lustrée grise et noire décorée de rubans anguleux garnis de points et de hachures formant les dessins caractéristiques parmi lesquels méandres et chevrons. Ce groupe provient des couches 3 et 2B de Jan Hasan (partie méridionale de l'Anatolie centrale) (fig. 4). L'apparition de cette céramique y précède celle d'Oussoé, ses formes sont plus primitives mais leur développement va plus loin, ce qui est attesté par la coupe pro-

venant des environs de la ville de Boz (fig. 7), plus évoluée typologiquement mais présentant le système ornemental du type «vague de mer» dont les analogies se trouvent dans la civilisation d'Oussoé et sur les poteries primitives à décor linéaire et rubané (fig. 6).

La stratigraphie du site de Floresti, en Moldavie[94], témoigne une fois de plus que la civilisation de Vinča est considérablement antérieure à celle de Gumelnitza car la couche inférieure de Floresti a livré la poterie «cadette» à décor linéaire et rubané concomitante à Vinča BI tandis que la couche supérieure a fourni le mobilier de Tripolié ancien, confrontable au Précucuteni I qui précède visiblement la culture de Gumelnitza [93].

Le deuxiéme problème important de la discussion chronologique — la datation relative et absolue de la civilisation de Baden à la lumière de nouvelles trouvailles provenant du site de Hissar en Yougoslavie[37] et des tells de Thessalie [102–105]— obtient une résolution en faveur de la haute chronologie. Même sans vouloir suivre E. Neustupný [98, 109] qui mettait en corrélation la période récente de la civilisation de Baden avec celle la plus ancienne du bronze initial d'Egée, l'apparition des tessons de Baden en plein bronze initial de Macédoine et de Thessalie permet de dater l'étape récente de la culture de Baden du milieu et de la deuxième moitié de la période précoce helladique, c'est-a-dire de l'époque de la Troie II—III—IV [108]. Le rôle considérable dans l établissement de la chronologie relative de la culture de Baden par sa mise en corrélation avec l'Anatolie Sud-Ouest revient à la publication faisant le bilan des fouilles de la mission soviético-bulgare sur le tell d'Ezero.

В. И. САРИАНИДИ

БАКТРИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Открытие Советско-Афганской археологической экспедицией ранее совершенно неизвестной древнеземледельческой культуры в Северном Афганистане представляет особый интерес в нескольких отношениях. Во-первых, заполнен существенный пробел в наших знаниях, во-вторых, впервые появилась возможность связать воедино контуры былых исторических процессов, протекающих на обширной территории Афганистана, Ирана, Средней Азии и Пакистана в эпоху бронзы. Словом, Северный Афганистан благодаря своему промежуточному расположению выделяется в тот узловой регион, где скрещивались древние культурные связи и традиции, за которыми скрывается реальная история племен и народов, выходивших на арену древневосточной цивилизации.

Предварительные сообщения уже появились в литературе[1], однако накоплен новый, а главное, разносторонний материал, дающий возможность охарактеризовать общий облик древней культуры этого района (рис. 1).

Изучаемые памятники (рис. 2) ныне располагаются в пустынном, безводном районе, где обширные такыры перемежаются с небольшими надувными песчаными грядами. Современные водотоки не доходят до памятников, заканчиваясь в 10—12 *км* южнее у с. Мардиана, однако есть все основания предполагать, что в древности они проходили далее на север, вплоть до дашлинского оазиса. На этой водной системе (возможно, использовалась сеть небольших выводных каналов) и базировалось древнее земледельческое хозяйство исследуемых племен.

Выявленные памятники достаточно четко подразделяются на два типа. Первый, и наиболее распространенный, тип — это неукрепленные, сильно расплывшиеся на многие десятки метров и слабовыраженные в рельефе блинообразные возвышения. Памятники этого типа не раскапывались. Второй тип — это единичные укрепленные поселения, состоящие из высокого холма-крепости и примыкающего, более низкого поселения.

Памятники второго типа стали известны благодаря раскопкам на Дашлы 1, где была выявлена крепость и ее внутренняя застройка. Удалось установить, что в древности на месте холма находилась прямоугольная крепость (размером 90×85 *м*), обнесенная по внешнему краю

---

[1] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, № 4; *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Советско-Афганская археологическая экспедиция. АО — 1971, М., 1972; *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Советские археологи в Афганистане. Вестник АН СССР. М., 1971, № 9; *В. И. Сарианиди.* Эпоха бронзы Северного Афганистана и его среднеазиатские связи. Тезисы докладов, посвященных итогам новых исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 107—108; *его же.* Археологические исследования в Северном Афганистане в 1971 г. Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 2. Л., 1972, стр. 53—54; *V. Sarianidi.* North Afghanistan in Bronze Period, «Afghanistan», XXIV, № 2, p. 26—38; *его же.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане, КСИА АН СССР, 132, 1972.

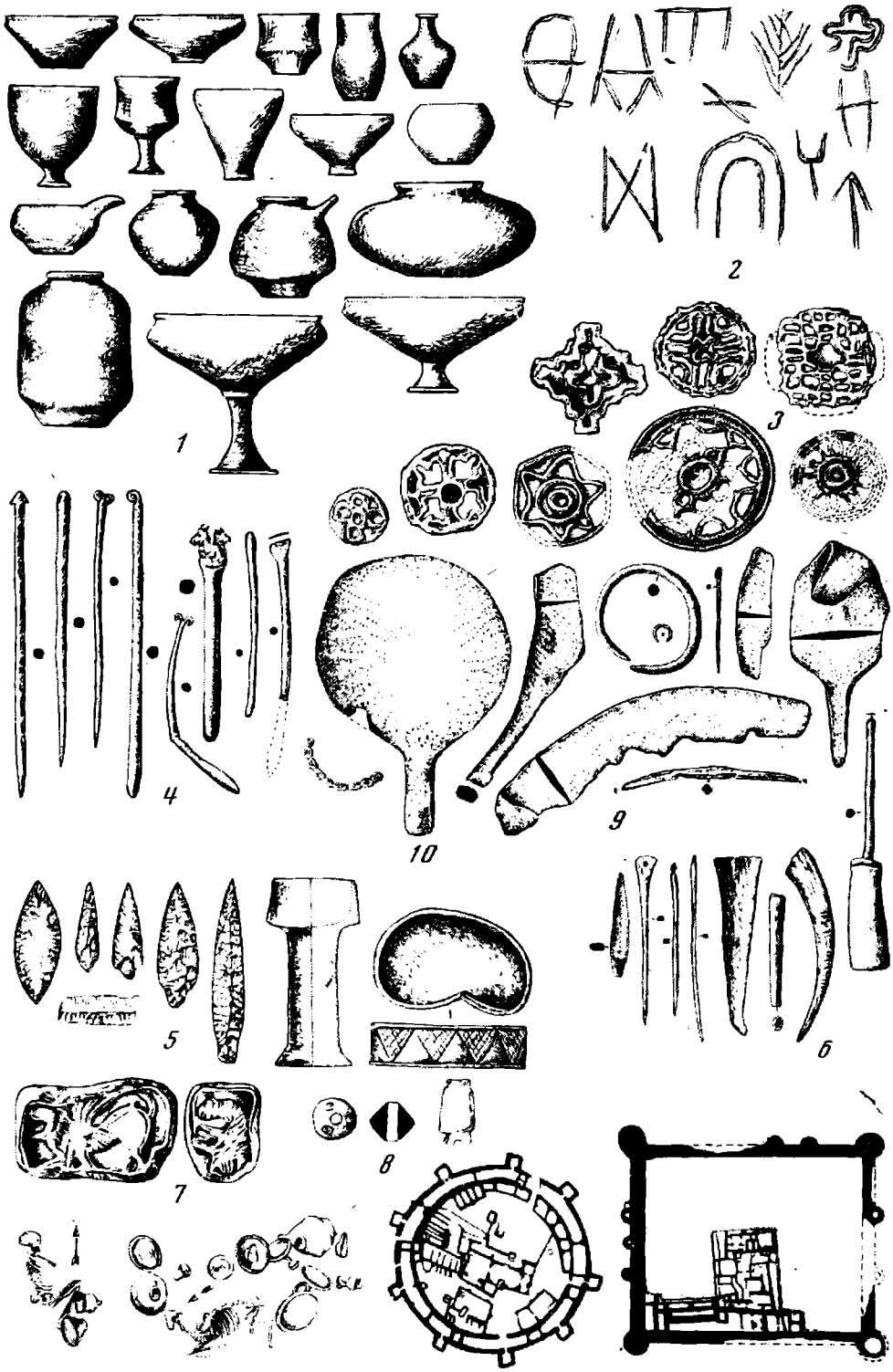


Рис. 1. Дашлинский комплекс эпохи поздней бронзы

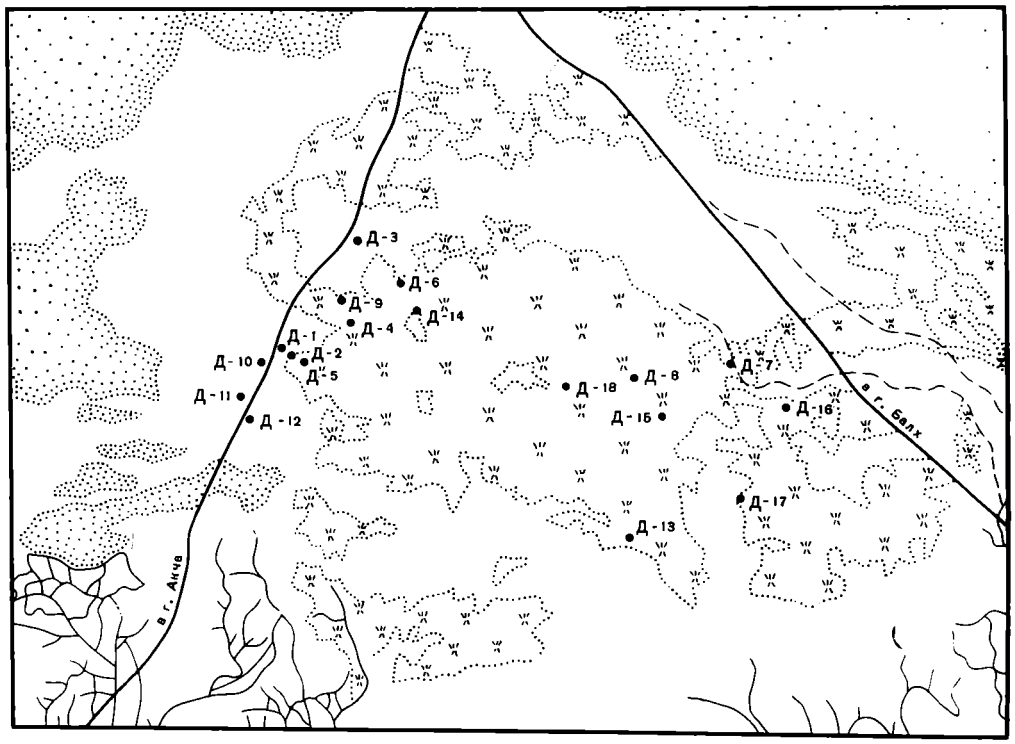


Рис. 2. Схематическая карта памятников дашлинского оазиса

мощными оборонительными стенами. По углам крепости устроены округлые башни, возведенные сложной системой кладки сырцового кирпича (рис. 3). Дополнительные башни расположены по внешнему периметру крепости, причем сближенные башенки, возможно, в древности оформляли входы ворот. Основание западной стены частично покоится на культурных наслоениях толщиной в 15—20 *см*, что свидетельствует о том, что крепостные стены были сооружены на месте существовавшего здесь ранее неукрепленного поселения.

Наибольшая высота крепостных стен достигает 2 *м*, а соответствующая ей архитектура внутри крепости сохранилась на высоту около 2 *м*. В совокупности эти промеры с бесспорностью указывают по крайней мере на 4-метровую высоту, а учитывая уровни полов вскрытой архитектуры, можно утверждать, что оборонительные стены крепости Дашлы 1 достигали 6—8-метровой высоты. Выявленный тип прямоугольной крепости с угловыми башнями впервые отмечен для столь раннего времени, а ее общая планировка и фортификация свидетельствуют о большом значении, которое придавалось обороне крепости. Очевидно, что история существования изучаемых племен протекала в достаточно сложных условиях, не исключавших возможности и внешних вторжений. С другой стороны, не все поселения оазиса имели крепостные сооружения, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе дифференциации местного общества.

Раскопки внутри крепости выявили планировку, состоящую из помещений жилого и хозяйственного назначения (рис. 4). Стены возведены из прямоугольных сырцовых кирпичей (размеры их варьируют от 45×24×10 *см* до 50×25×12 *см*) и покрыты штукатуркой (смесь глины с рубленой соломой); полы помещений представляют собой толстые глиняные промазки. Следует сразу же отметить, что вскрытая архитектура представлена сплошной застройкой, что препятствует четкому выделению отдельных жилых комплексов. Несколько отличаются от остальных узкие помещения (№ 35, 36, 39, 40, 41, 50), непосредственно примыкающие к смежной оборонительной стене крепости. Все они заполнены горелым

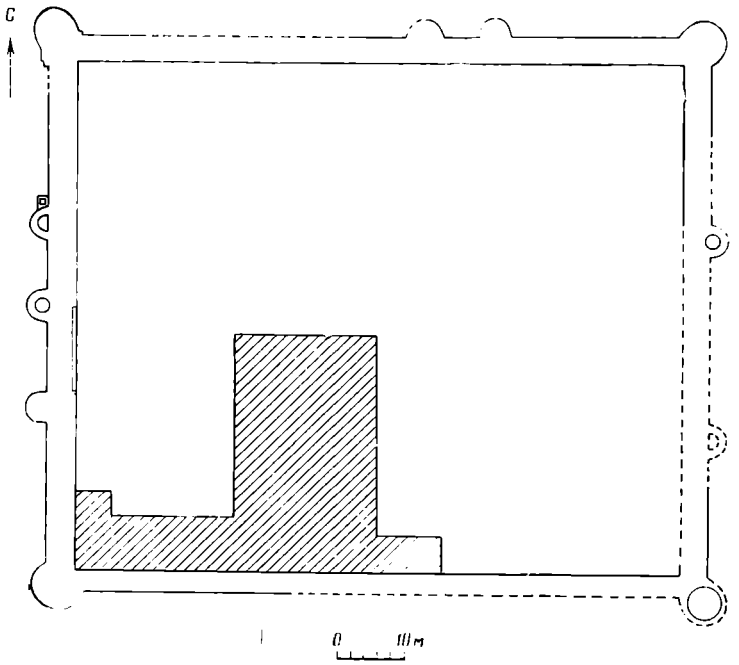


Рис. 3. Дашлы 1. План крепости. Штриховкой дана раскопанная часть крепости

слоем и, видимо, погибли в результате пожара. Не исключено, что эти помещения были связаны с оборонительной стеной, судя по их необычной конфигурации и расположению около нее, тем более что именно в них встречено большое количество глиняных ядер яйцевидной формы. Возможно, близкими по назначению являлись и помещения № 42—48. Представляется, что в целом все помещения, непосредственно примыкающие к оборонительной стене, до определенной степени были связаны с защитой крепости. Именно отсюда, скрываясь за мощной оборонительной стеной, можно было отражать возможную осаду. Есть основание предполагать, что вдоль всех крепостных стен Дашлы 1 тянулись помещения, имевшие преимущественно оборонительное назначение. Не исключено, что отмеченные горелые помещения свидетельствуют о драматических событиях, тем более что обожженные слои частично прослежены и вдоль западной стены крепости.

Хотя трудно судить с уверенностью о назначении других вскрытых комнат, все же некоторую помощь могут оказать выявленные в них очаги. Выявлено два основных типа: пристенные очаги (помещения 10, 17, 43, 44), видимо, служившие для приготовления пищи, и специальные камины (помещения 18, 30), служившие в основном для обогрева; лишь в одном случае (помещение 27) отмечен очаг-выкладка. Предполагается, что помещения с каминами были в основном жилыми, в то время как с пристенными очагами — преимущественно кухнями. Хотя определение назначения помещений по конструкции очагов недостаточно достоверно, однако раскопки не выявили ни улочек, ни переулков, ни площадей, которые бы выделили отдельные дома или группы домов. Перед нами сплошной жилой массив, состоящий из помещений жилого и хозяйственного назначения. Если учесть, что раскопки вскрыли пятую часть всего памятника, а древняя планировка в конечном счете отражает характер и внутреннюю структуру общественного устройства, то можно предполагать, что вскрытая часть крепости являлась местом обитания большой семьи. В таком случае в крепости Дашлы 1 могло проживать всего несколько таких большесемейных единиц, объединенных кровным родством.

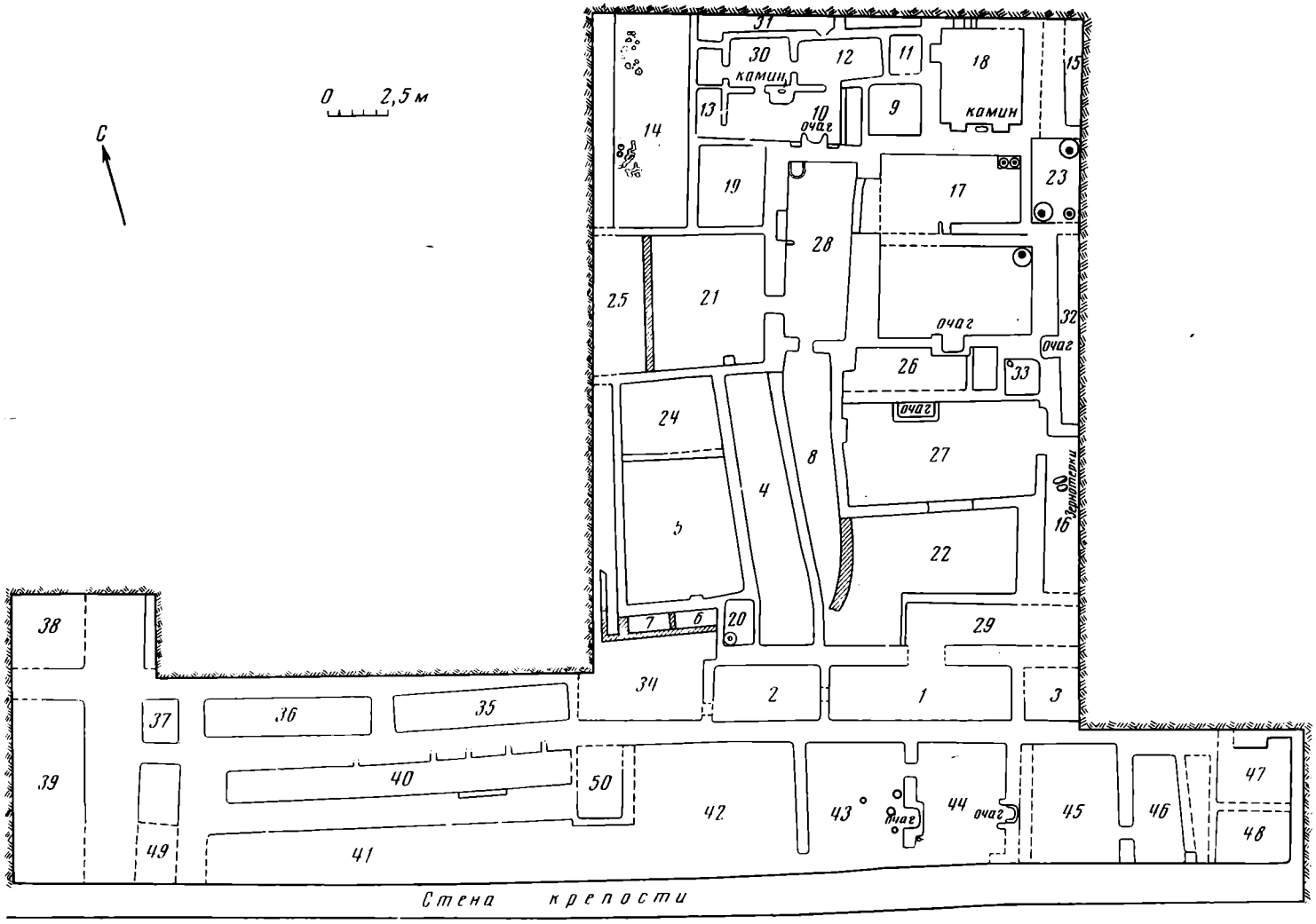


Рис. 4. Дашлы 1. План раскопа внутри крепости

При всей условности привлечения этнографических параллелей думается, что в данном случае они будут вполне уместны. Дело в том, что в Северном Афганистане до сих пор около небольших деревушек располагаются своеобразные крепости (среднеазиатские — курганча). Они имеют строго прямоугольную конфигурацию, по углам располагаются круглые башни; добавочные башенки устроены по периметру внешних стен, причем, как правило, сближенные башенки фланкируют входы с деревянными двухстворчатыми воротами. Если добавить, что подобные крепостцы по размерам приближаются к Дашлы 1, то станет очевидной их взаимная близость между собой. Как правило, в настоящее время в таких крепостцах совместно проживают несколько поколений кровных родственников — наиболее зажиточные и влиятельные семьи. Приведенные сопоставления дают право определять памятники типа Дашлы 1 как укрепленные поселения, в которых обитали выделившиеся в системе местного общества семьи. Тип памятника, состоящий из крепости и прилегающего поселения, присущ не только исследуемому оазису, но известен в Северной Бактрии [2] и Маргиане [3]. Налицо сформировавшийся тип поселения, закономерно прослеживаемый на этой огромной территории и отражающий в конечном счете сходную линию развития древнего общества Бактрии и Маргианы. Таковы в целом бытовые памятники древней Бактрии, наряду с которыми существовали и сооружения особого назначения.

Монументальная архитектура известна благодаря систематическим исследованиям другого памятника — Дашлы 3, расположенного примерно в 3 *км* от Дашлы 1 и состоящего из высокого холма и прилегающей пониженной части. Хотя сам холм не раскапывался, уже визуальное обследование показало на его необычное назначение. Косвенное свидетельство тому дает монументальная планировка, видимо, светского назначения, прослеженная по микрорельефу холма и представляющая собой серию обширных (типа залов) помещений, соединенных специальными коридорами. Вместе с тем планомерные работы на прилегающем к холму, слабовыраженном в рельефе, блинообразном возвышении выявили остатки монументального здания. В настоящее время полностью раскопана центральная часть всего комплекса, так называемое круглое здание, состоящее из двойного кольца стен, образующих вместе своеобразный обводной коридор с проходами, ведущими в выступающие наружу башенки (рис. 5). Круглое здание было выстроено сразу по единому плану, поскольку основные стены стоят непосредственно на материке. Вместе с тем внутренняя планировка претерпела частичные перестройки, причем отмечается по крайней мере два периода в истории существования круглого здания.

Обводная галерея выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, отграничивая его от прилегающих сооружений. Доказательством тому служат помещения за внешней стеной круглого здания (как, например, помещения 19, 21 и др.), как бы вписанные между башенками, но нигде не соприкасающиеся. Перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, но всегда сообщающихся с башенками; кроме того, имеются проходы как во внешнем кольце стен (между башенками II и III, V и VI), так и во внутреннем (помещения «Е», «З», «М»). Не исключено, что обводной коридор выполнял роль той промежуточной зоны, через которую проходили контакты всего круглого здания с прилегающими постройками. Но и в таком случае не совсем ясным остается назначение самих башенок: имеют ли они культовое назначение, либо оборонительное, последнее представлятся более вероятным. В этой связи отметим, возможно, не случайное совпадение, когда во внешнем и внутреннем кольцах стен имеется по три прохода, которым соответствуют девять башенок.

[2] *А. Аскаров.* К вопросу о выделении культуры Сапалли. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, стр. 21.

[3] *В. И. Сарианиди.* Древности низовий Мургаба. АО — 1972, М., 1973, стр. 483.

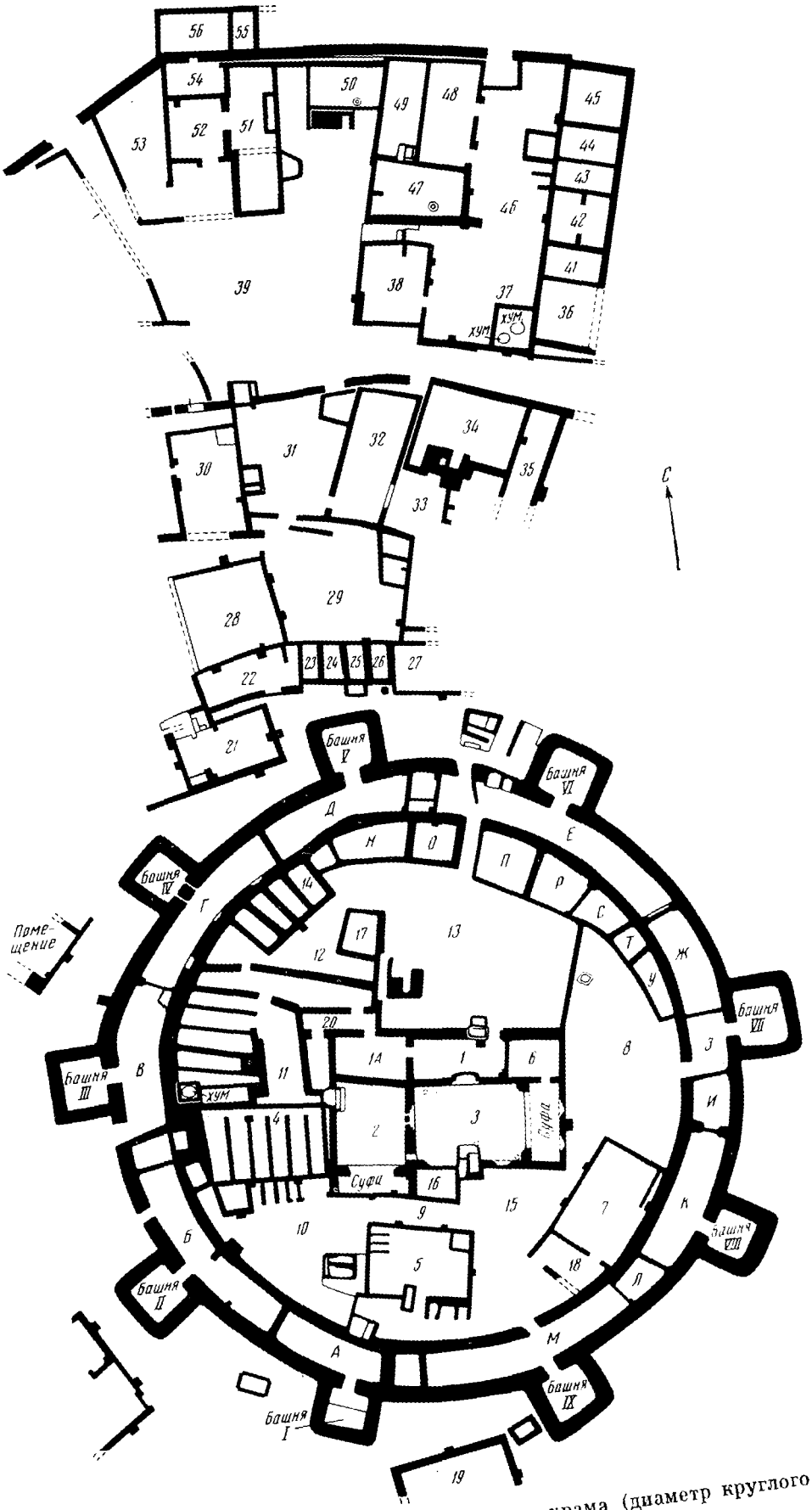


Рис. 5. Дашлы 3. План центральной части храма (диаметр круглого здания около 40 м)

Главный вход располагался в северной части здания между башенками V и VI — единственное место, где имеется свободный проход через оба кольца стен, ведущий прямо к внутреннему ансамблю помещений. Через главный вход можно было попасть в обширный двор (помещение 13), где на уже накопившихся мусорных слоях был возведен двухчастный очаг. Кирпичный забор отграничивает следующий двор (помещение 8), где также на мусорозольных отложениях сохранились остатки небрежно вылепленного глиняного очажка.

Судя по косвенным наблюдениям, помещение 7, возможно, было выстроено несколько позднее, чем остальной комплекс. В помещении 5 обращает на себя внимание проход, оформленный с двух сторон очагами — прямоугольным и овально-вытянутым. Еще два очага устроены за внешней западной стеной, причем выделяется сложной конструкции трехчастный очаг, возведенный на высокой кирпичной платформе; вокруг него прослежен мощный зольный отвал. Если учесть своеобразные дворы (помещения 10 и 15), то окажется, что внутри круглого здания, полукругом огибая центральный комплекс, идет незастроенный участок. Зато западная часть оказалась тесно застроенной длинными параллельными стеночками, образующими серию узких отсеков, условно выделенных как помещения 4 и 11. Назначение их остается неясным; можно лишь вспомнить близкие по типу строения, известные как в Месопотамии (от Джармо до Гавры), так и в Южном Туркменистане (от Джейтуна до Кара-Тепе). По-видимому, прямо связан с описанными конструкциями целый хум, аккуратно вставленный в кирпичный футляр, тщательно обмазанный изнутри штукатуркой. В целом же пока остается очевидным, что помещения 4 и 11 были тесно связаны с центральным комплексом (помещения 1, 2, 3, 6, 16) системой узких коридоров и проходов.

Центральный комплекс отличается от всей остальной вскрытой площади: вместо обычных мусорных слоев все эти помещения оказались заполнены (а скорее забутованы) глинистой массой желтоватого цвета с большой примесью самана (разложившийся кирпич?). Вся эта желтая глинистая масса не содержала никаких находок, исключая единичную мелкофрагментированную керамику. Судя по всему, сохранившиеся к моменту раскопок помещения были специально забутованы и надстроены, однако процессами дефляции более поздние строения оказались полностью развеянными.

Второе отличие заключается в необычно тщательной отделке интерьеров тонкоотмученной штукатуркой, настолько характерной, что при зачистке дернового слоя именно по этой обмазке были оконтурены сами помещения. Кроме того, интерьеры комнат сохранили достаточно сложный архитектурный декор, также пока более нигде не отмеченный.

В рассматриваемом комплексе помещения 2 и 3 имеют принципиально сходную планировку и, видимо, именно они были центральными. В помещении 2 в южной части устроено возвышение — суфа, отграниченная от остальной комнаты двумя фигурными пилястрами, соединенными тонкой стеночкой. В северном углу устроен двухчастный очаг, возведенный на кирпичной платформе высотой около 80 *см*; устье его обращено внутрь комнаты и тремя ступеньками опускается к полу.

Не менее интересно и помещение 3 так же с суфой-возвышением, отделенной от остальной комнаты массивными фигурными пилястрами, соединенными общей стенкой. В восточной стене выявлены две ниши, имеющие в плане пирамидальную форму за счет устройства декоративных ступенчатых «уголков»; в середине противоположной западной стены имеется еще одна ниша с двумя сквозными отверстиями. Еще две ниши устроены в северной и южной стенках, причем северная сильно обожжена и заполнена золой, так что, возможно, это своеобразный очаг.

Сложной конструкции трехчастный очаг на платформе из трех рядов кирпича устроен в середине южной стены; от устья до пола идет сплош-

ной слой белой слежавшейся золы. На полу этого помещения выявлено несколько ямок-лунок, заполненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки. Хотя конкретное назначение помещений остается не совсем ясным, представляется несомненным общее культовое назначение всего круглого здания. На это указывает и сама планировка, в основе которой лежит круг, и необычной отделки интерьеры центрального комплекса, и особые по конструкции и назначению очаги, вознесенные на кирпичные платформы и скорее всего являвшиеся алтарями. Последнее обстоятельство может указывать на большую, если не основную роль огня в культовых обрядах, протекавших в исследуемом здании.

Продолжение раскопок на Дашлы 3 показало, что круглое здание составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагались взаимосвязанные помещения, составляющие еще три таких кольца. Судя по предварительным наблюдениям, можно думать, что по внешнему фасу весь этот архитектурный комплекс был заключен в кирпичный футляр, дающий в плане гигантский квадрат (130—150 *м* в стороне), у основания которого, возможно, проходил глубокий ров.

Оценивая в целом планировку раскопанного сооружения, можно предположить, что это остатки монументального культового здания типа храма, а учитывая большую роль огня, храма огня. Судя по общему архитектурному плану, можно предполагать близость храма с Дашлы 3 скорее со сходными храмами огня древнего Ирана, чем Месопотамии.

Если вспомнить, что рядом находящийся холм представляет собой остатки монументального светского здания типа дворца [4], то станет очевидным, что пункт Дашлы 3 был административно-культовым центром всего дашлинского оазиса. В таком случае исследуемый микрорайон поселений эпохи бронзы выступает как единый общественно-социальный организм с выделившейся административно-культовой прослойкой, регламентировавшей как светские, так и религиозные нормы повседневной жизни всех обитателей этого района. Как бы то ни было, храм на Дашлы 3 выступает как уникальное культовое сооружение, впервые открытое для столь раннего времени на Древнем Востоке.

Экспедицией были исследованы также погребальные памятники. Переходя к погребениям, отметим, что они представлены как впускными могилами в руинах былых зданий (Дашлы 1 и 3), так и отдельно расположенным грунтовым могильником (Дашлы 3). К сожалению, в грунтовом могильнике раскопано всего несколько захоронений. Могильные ямы округлые в плане, вырыты в древнем такыре и, по-видимому, имели сверху кирпичные перекрытия. Как по погребальному обряду, так и инвентарю грунтовые захоронения как будто не отличаются от обычных погребений.

Последние составляют основную массу известных захоронений и, бесспорно, впускные, так как в ряде случаев их могильные ямы перерезают стены былых помещений. Погребальные сооружения представлены прямоугольными могильными ямами, перекрытыми сверху кирпичами. Если не у всех, то у отдельных могил имелись кирпичные своды, свидетельством чему служат пустые погребальные сосуды, на донышках которых сохранились лишь небольшие глинистые натеки от дождевых смывов.

В погребениях обычны скорченные скелеты, на боку (в единичных случаях на спине или животе); преобладает северная ориентировка. Погребальный инвентарь, как правило, включает сосуды (от 1—2 до

---

[4] Ср. совместное расположение храма огня и светских зданий, относящихся к ахеменидскому времени. *M. Roaf and D. Stronach.* Tepe Nush-i Jan, 1970. «Iran», 1973, XI, p. 129—138.

15—20), в единичных случаях каменные и металлические украшения (зеркала, браслеты, булавки, височные кольца). Примерно третья часть выявленных могил содержит неполные скелеты (вплоть до нескольких костей), но всегда в них имеется обычный погребальный инвентарь. Подобного типа захоронения достаточно хорошо известны в археологии Юго-Западной Азии, где они определяются как «частичные». Подобный обряд отмечен в Южном Иране (могильник Хураб) [5], Белуджистане (Сохр Дамб) [6] и Пакистане (Сват, могильник Тимаргарха) [7].

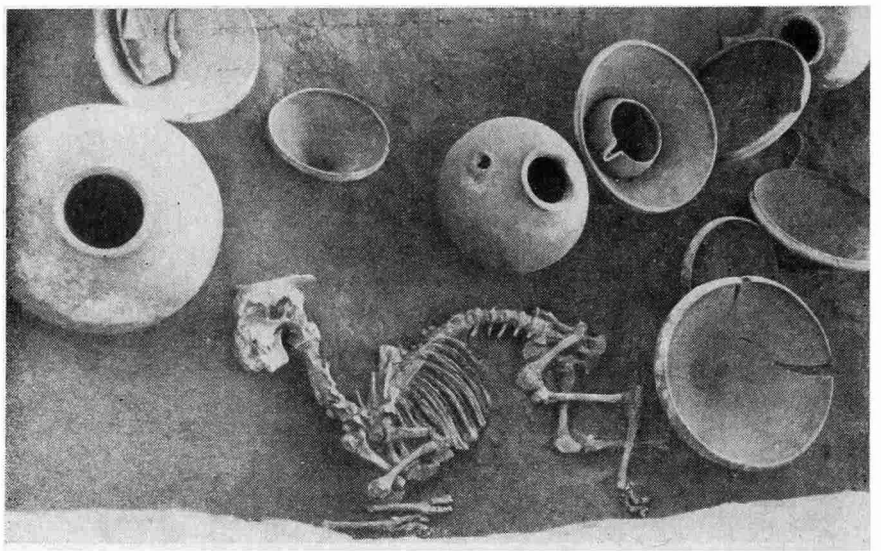


Рис. 6. Дашлы 1. Ритуальное захоронение барана

Под частичными захоронениями подразумеваются вторичные перезахоронения, после разложения трупов «на стороне». Не исключено, что близкие, если не аналогичные, обряды бытовали и в Северном Афганистане, что, естественно, не исключает наряду с этими обычных нарушений скелетов при последующих захоронениях. Наконец, встречены могилы без скелетов, но с погребальными сосудами, определяемые как кенотафы.

Хотя и много реже, но практиковались ритуальные захоронения баранов; об этом можно судить по раскопкам двух таких могил на Дашлы 1 (рис. 6). В могильных ямах на боку в полном анатомическом порядке сохранились скелеты молодых баранов (возраст до одного года), окруженные большим количеством сосудов, уложенных стопками один в другой. Можно было бы допустить, что и эти захоронения — своеобразные кенотафы, тушки баранов определялись бы в качестве заупокойной пищи, однако в одном случае перед мордой барана на его передних ногах сохранился бараний бок! Ритуальные захоронения животных указывают на значительную роль, которую играло животноводство у местных племен, и, видимо, не случайно в обоих случаях бараны имеют северную ориентировку, наиболее распространенную здесь в погребениях эпохи бронзы.

Переходя к керамическому комплексу, следует указать, что наиболее полное и целостное представление дает посуда, происходящая из могил.

[5] *A. Stein.* Archaeological Reconnaissances in North West India and South-Eastern Iran. London, 1937, p. 118—125.

[6] *H. Hargreaves.* Excavations in Baluchistan 1925, Sampur Mound, Mastung and Sohr Damb, Nal. MASI, Calcutta, 1925, № 35, p. 18; *S. Piggott.* Prehistoric India to 1000 B C. London, 1962, p. 82.

[7] *A. Dani* and other. Timargarha and Gandhara Grave, «Ancient Pakistan», 1967, III; *S. Antonini, G. Stacul.* The Proto-Historic Graveyards of Swat (Pakistan), I—I. Rome, 1972.

Поскольку многие сосуды несут следы употребления в быту, а главное — находят точные аналогии в керамике из раскопов, есть все основания составить таблицу форм керамики, основываясь на сосудах, происходящих из могил. Вся посуда подразделяется на гончарную и лепную, причем решительно преобладает гончарная. Глина ее без видимых примесей (от красного до розового цвета) хорошего качества и обжига. Посуда по преимуществу тонкостенная, изящных форм и пропорций, покрыта ангобом светлых тонов, в редких случаях сплошь окрашена густой красной

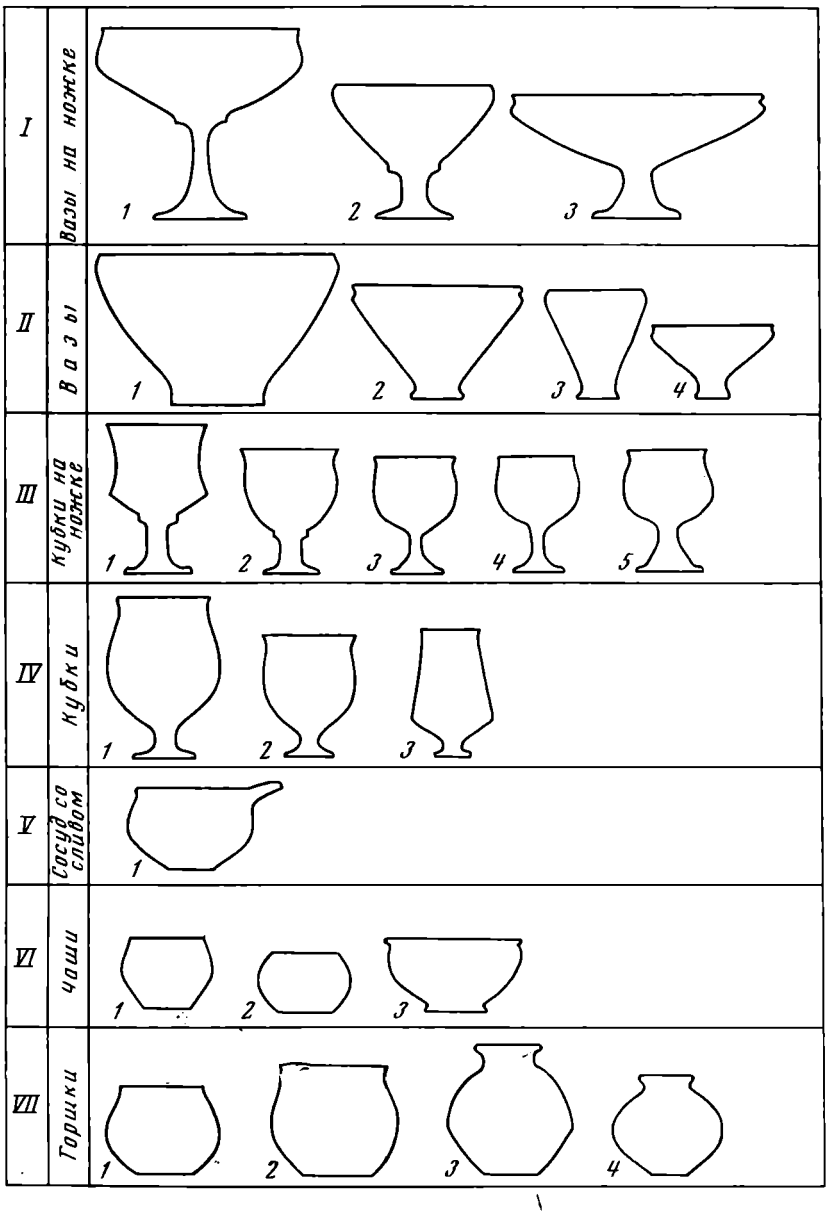


Рис. 7. Таблица форм гончарной керамики

облицовкой. Характерная технологическая деталь — срез на донцах в виде вихревой розетки, практиковавшийся гончарами не только Северного Афганистана, но и Пакистана и южных областей Средней Азии эпохи бронзы. Ниже приводится типология основных форм как первый опыт классификации керамики эпохи бронзы Бактрии (рис. 7 и 8).

Вазы на ножках имеют конические (рис. 7, I, *2*) или полусферические резервуары (рис. 7, I, *1, 3*), посаженные на высокие (не менее 3 *см*)

ножки-подставки. Как правило, у крупных экземпляров резервуары и ножки изготавливались отдельно и лишь затем соединялись вместе. Ножки обычно полые внутри, у крупных экземпляров раструбообразные. Венчики либо плавно отогнуты наружу, либо, наоборот, загнуты внутрь; у отдельных экземпляров представлены сложнопрофилированные венчики (рис. 7, I, *3*). На некоторых вазах отмечено как красное, так и почти черное красочное покрытие. Вазы на ножках имели широкое назначение, в том числе и в качестве обычной бытовой посуды.

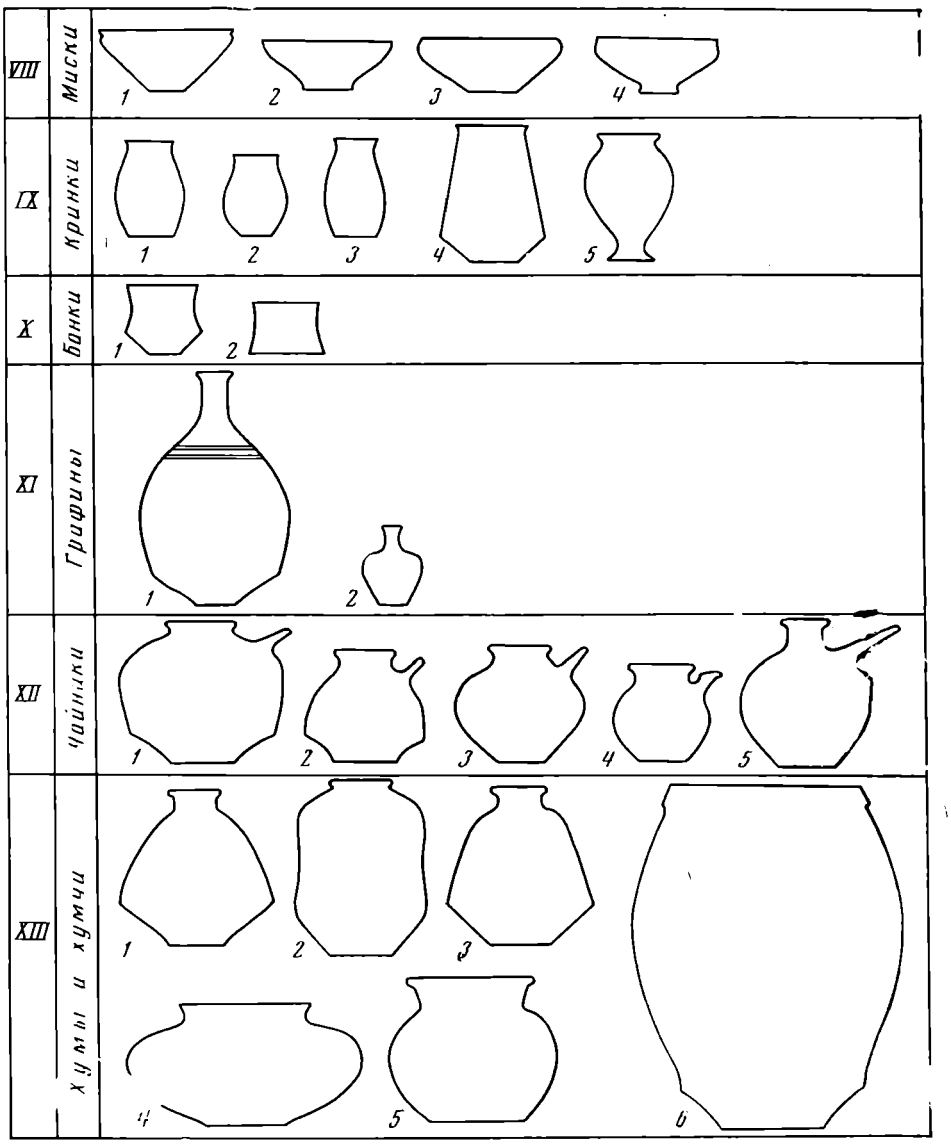


Рис. 8. Таблица форм гончарной керамики

Вазы простые близко напоминают вышеописанные: они имеют коническое тулово, переходящее в цилиндрическое основание, высота которого не превышает 3 *см* (рис. 7, II). Венчики их обычно слабо отогнуты наружу, поддоны выделены. Как правило, диаметр венчиков больше, чем высота. В единичных случаях имеются вазы, у которых, наоборот, высота больше, чем диаметр венчиков, и в таком случае их можно обозначить как «конические вазы» (рис. 7, II, *3*). Наряду с такими выде-

ляются вазы много больших размеров (рис. 7, II, *1*), которые для удобства можно обозначить как «глубокие вазы».

Кубки на ножках представлены несколькими вариантами внутри одного типа (рис. 7, III, *1—5*). Наиболее распространены кубки с глубокими полусферическими резервуарами, посаженными на высокие ножки высотой более 3 *см*; реже встречены кубки с вертикально поставленными стенками (рис. 7, III, *1*). Большинство их покрыто красноватым ангобом или окрашены с обеих сторон цветной облицовкой густого, ярко-красного цвета. На некоторых сосудах имеется частичное лощение, обычно горизонтальное или вертикальное. Кубки на ножках скорее всего предназначались для питья.

Кубки простые отличаются от описанных лишь тем, что ножки их не превышают 3 *см*. Как правило, они имеют полусферические резервуары с плавно отогнутыми наружу венчиками (рис. 7, IV, *1—2*). Исключение составляет один сосуд с расширяющимся к низу резервуаром, условно отнесенный к этому типу сосудов (рис. 7, IV, *3*).

Сосуды со сливами имеют полусферический резервуар с вытянутым вперед и несколько приподнятым вверх лоткообразным сливом (рис. 7, V). В дальнейшем, возможно, целесообразнее будет условно обозначить их как «соусники».

Чаши. Наиболее распространены тонкостенные, светлоангобированные чаши со слабовыраженным венчиком, переходящим в расширяющуюся шейку и затем округлое тулово (рис. 7, VI, *1—2*). Среди этого типа сосудов выделяются полусферические чаши со сложно профилированным венчиком, а главное выделенным поддоном (рис. 7, VI, *3*).

Горшки представлены сосудами средних размеров (высотой не более 30 *см*) двух основных вариантов: 1) с плавно отогнутыми венчиками, переходящими в округлое тулово, заканчивающееся плоским дном (рис. 7, VII, *1—2*); 2) сосуды более вытянутых пропорций с выделенным горлом, шаровидным туловом и подкошенной придонной частью с плоским дном (рис. 7, VII, *3—4*).

Миски. Тонкостенные сосуды, у которых диаметр венчика всегда превышает высоту (рис. 8, VIII, *1—4*). Встречено несколько вариантов мисок: конические (рис. 8, VIII, *1*); миски с загнутым внутрь венчиком, плавно переходящим в суженный корпус (рис. 8, VIII, *2—3*), и миски с выделенным дном (рис. 8, VIII, *4*).

Кринки представлены несколькими формами, у которых высота всегда превышает диаметр венчика (рис. 8, IX, *1—5*). Наиболее распространены кринки с отогнутым венчиком и выделенной шейкой, переходящей в округло-вытянутое тулово с плоским днищем (рис. 8, IX, *1—3*). Единичными экземплярами представлены кринки с подкошенной придонной частью (рис. 8, IX, *4*) и особенно кринки с выделенным дном (рис. 8, IX *5*).

Банки составляют весьма ограниченную категорию посуды. Могут быть выделены банки цилиндроконические (рис. 8, X, *1*) и просто цилиндрические (рис. 8, X, *2*). Обе эти формы широко представлены в местной керамике последующего раннежелезного века.

Графины представлены всего несколькими целыми экземплярами (рис. 8, XI). Все известные образцы небольшие по размерам (до 25—30 *см* высотой), с высоким горлом и округлым туловом, переходящим в плоское дно. Выделяется значительно большими размерами один графин (рис. 8, XI, *1*).

Чайники. Достаточно распространенная форма сосудов с характерным признаком — наличием трубчатого носика; при заметных различиях в размерах и деталях профилировки могут быть объединены в один тип (рис. 8, XII). Могут быть выделены два основных варианта: первый — чайники с подкошенной придонной частью. Подобная «шершавая» поверхность придонной части — характерный признак этого варианта чайников (рис. 8, XII, *1—2*). Второй вариант (рис. 8, XII, *3—5*) составляют

сосуды с выделенными шейками, округлыми туловами и плавным переходом к донцу.

Хумы и хумчи — крупные сосуды для хранения продуктов. При сходных формах основное различие заключается лишь в разных размерах: хумы — сосуды высотой свыше 0,5 *м*, хумчи — до 0,5 *м*. Видимо, «классический» тип — хумы яйцевидной формы с неустойчивым дном, свидетельствующим о том, что они закапывались в землю (рис. 8, XIII, *4*). Выделяются несколько вариантов этого типа сосудов: конические (рис. 8. XIII, *1, 3*), цилиндроконические (рис. 8, XIII, *2*) и шаровидные (рис. 8 XIII, *5, 6*).

Наряду с основными формами имеются и единичные образцы, как, например, двойные сосудики и ситечки или цедилки, керамические подставки. На части сосудов видны нацарапанные с разной степенью небрежности, но еще до обжига знаки-метки, видимо, являющиеся оберегами (рис. 1, *2*). Близкие по начертанию знаки-метки известны в иранском Сеистане (Шахри Сохте) [8], в IV слое Мундигака [9], в тепе Яхья [10], где отмечено 87 типов знаков в слое IV, в Белуджистане [11], в постхараппской цивилизации долины Инда [12], в Синде, на поселении Амри, начиная с I слоя [13] и в Юго-Восточной Туркмении [14]. В. Фаирсервис первый обратил внимание на них, отметил сходные знаки Кветты и Хараппы и высказал мнение, что подобные знаки отражают систему общепонятных символов в виде торговых знаков, личного владения мастера-изготовителя и даже благопожелания [15]. Если эта гипотеза подтвердится, то можно расширить зону распространения общепонятных символов вплоть до Северного Афганистана. С другой стороны, показательно, что керамические знаки не отмечены ни в Гиссаре, ни в Сиалке, но имеются в Шах-Тепе [16] и, видимо, на других памятниках Горганской долины. Приведенные наблюдения достаточно четко очерчивают зону распространения керамических меток — от Восточного Ирана до долины р. Инда и от юга Средней Азии до Белуджистана. Показательно, что нацарапанные знаки распространяются здесь примерно в одно время — II тысячелетие до н. э., что, возможно, не случайно.

Вторую группу керамики составляет немногочисленная лепная посуда: глина с примесью шамота, обжиг неровный. Формы весьма ограничены и в целом повторяют гончарную керамику (рис. 9). Некоторое различие заключается лишь в том, что венчики непрофилированы и всегда поставлены строго вертикально. Основные формы: хумчи, горшки, шаровидные котлы с резко отогнутым венчиком, жаровни (диаметром до 0,5 *м*) и невысоким бортиком; как правило, внутри имеются следы копоти. Ни на одном из них не отмечен какой-либо орнамент.

И, наконец, весьма ограниченную, но характерную коллекцию составляют фрагменты сероглиняной (в одном случае красноангобированной) посуды ручной лепки с пролощенным, чаще всего сетчатым орнаментом. Реконструируются следующие формы: полусферические чаши, широко-

---

[8] *M. Tosi.* Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. «East and West», Roma, 1968, 18, № 1—2, p. 54.

[9] *I. M. Casal.* Fouilles de Mundigak, II. Paris, 1961, fig. 87, 93, 105.

[10] *C. C. Lamberg-Karlovsky.* Excavations at Tepe Jahja, Iran. Cambridge, 1970, fig. 18. По автору, этот период датируется III тысячелетием до н. э., что представляется малообоснованным. См. *В. И. Сарианиди* (рец.) *C. C. Lamberg-Karlovsky.* Excavations at Tepe Jahya, Iran. CA, 1972, 1, стр. 282—283.

[11] *W. A. Fairservis.* Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 45, N. Y., 1956, p. 328—329, pl. 14.

[12] Ср., например: *E. Mackay.* Chanhu-Daro Excavations. New Haven, 1943, pl. XLVIII.

[13] *I. M. Casal.* Fouilles d'Amri. Paris, 1964, fig. 46, 53, 61, 90 и др.

[14] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. V, VIII.

[15] *W. A. Fairservis.* The Roots of Ancient India. N. Y., 1971, fig. 58.

[16] *T. J. Arne.* Excavations at Shah-Tepe. Stockholm, 1945, pl. LXIV.

горлые кувшины, миски, чайники, сосуды со сливами, находящие наиболее прямые аналогии в керамике Северо-Восточного Ирана.

Дашлинский керамический комплекс характеризуется таким высоким профессиональным мастерством изготовления и богатым разнообразием форм (рис. 10), что с несомненностью предполагает предшествующую линию развития. Однако в пределах Северного Афганистана такие материалы пока неизвестны, что заставляет обратиться к более ранним ком-

Рис. 9. Таблица форм лепной керамики

плексам сопредельных областей. В качестве основных сравниваемых форм принимаются во внимание в первую очередь вазы на ножках, вазы простые, сосуды со сливами, в меньшей степени хумчи с резко подкошенной придонной частью. Добавим, что вазы на ножках известны в Месопотамии, Малой Азии, островной и материковой Греции, поэтому высказано мнение о продвижении этой формы из Прикаспия в Северную Месопотамию, Северную Сирию, Анатолию и Балканский полуостров [17].

В нашем дальнейшем изложении, как непременное условие для возможных аналогий, учитывается совместное сочетание по крайней мере ваз и сосудов со сливами. В этом плане наиболее показательные соответствия могут быть отмечены в керамике Южного Гуркменистана (комплекс Намазга V) [18]. В Северо-Восточном Иране это такие, как Шах-Тепе II, Гиссар III и Тюренг-Тепе III [19]. Далее на юг, по необходимости минуя совершенно неисследованный иранский Хорасан, сходные материалы отмечаются в долине Бампура (Хураб) [20]. В Южном Белуджистане показательны вазы на ножках, происходящие из таких памятников, как Суткаген Дор [21], и особенно из развеянных могил поселения Мехи [22], где, кстати, весь набор погребального инвентаря, включающий помимо ваз зеркало, браслеты и булавки [23], настолько близко напоминает дашлинский, что исключает элемент случайного совпадения. Соответствующая керамика известна в харапской цивилизации, а в последние годы отмечена еще далее на восток вплоть до Центральной Индии (посуда типа Мальва) [24]. Как видно, область распространения некоторых сходных керамических форм, хотя и весьма обширна, но, что особенно важно, не заходит западнее прано-афганистанской пограничной зоны [25].

---

[17] *T. J. Arne.* Op. cit., p. 239—240.

[18] *В. М. Массон.* Расписная керамика Южного Туркменистана из раскопок Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, VII, 1956.

[19] *T. J. Arne.* Op. cit.; *E. Schmidt.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937; *J. Deshayes.* New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng tepe. «Archaeology», 1969, № 22.

[20] *A. Stein.* Archaeological Reconnaissance..., pl. XV, № 242, 243, 245, 246.

[21] *A. Stein.* An Archaeological Tour in Gedrosia. MASI. Calcutta, 1931, № 43, pl. V — VII.

[22] Ibid., pl. XXX.

[23] Ibid., pl. XXXII.

[24] *H. D. Sankalia.* Chalcolithic Navdatoli. Poona — Baroda, 1971, pl. XII и др.

[25] В тепе Яхья найдены лишь единичные обломки ваз (см. *C. C. Lamberg-Karlovsky.* Excavations at Tepe Yahya..., fig. 30) и совершенно отсутствуют они в Тали Иблисе (Investigation at Tal-i-Iblis, ed. I. Caldwell. Illinois, 1967); даже в таком хо-

Рис. 10. Дашлы 1. Сосуды разных форм

Более сложен вопрос о механизме распространения этих специфических форм керамики в пределах очерченной зоны. Наиболее вероятным центром считается Северо-Восточный Иран, однако в последнее время ряд исследователей, особенно индийские археологи, предполагают более обширный западноазиатский источник происхождения. Так, сосуды со сливами известны в культуре Мальва (Индия) и Иране, но совершенно отсутствуют в промежуточной зоне Инда и Белуджистана [26]. И, видимо, прав Х. Санкалиа, определяя эту специфическую керамику (вазы, соусники) как местную, но изготовленную под иранским или западноазиатским влиянием [27]. Более того, допускается, что эти специфические формы Гиссара-Сиалка, с одной стороны, и индийские — с другой, видимо, относятся к разному времени, так что можно предполагать промежуточный источник общего происхождения [28]. Не совсем ясным остается и вопрос о происхождении такой характерной хараппской формы, как вазы для фруктов; одни специалисты рассматривают их как следствие иранского влияния, другие считают их местными белуджистанскими [29]. Добавим, что известны они теперь и в дохараппских слоях долины Инда (Кот Дижи) [30] и Синде (Амри) [31], однако и в этом случае не исключена их взаимная западноазиатская общность, восходящая к периоду до становления городской цивилизации в долине Инда [32]. Если вопрос о происхождении рассматриваемых керамических форм на индийском субконтиненте не совсем ясен, то уже в соседнем Южном Белуджистане и на крайнем юго-западе Ирана эта керамика настолько показательна, что может указывать на племенную инфильтрацию [33]. В самом деле, появление в до-

---

рошо изученном памятнике, как Тепе-Гиян, известна лишь одна ваза на ножке, явно импортная (*G. Contenau et R. Ghirshman.* Fouilles du Tepe-Gijan. Paris, 1935, pl. 9, tomb. 7).

[26] *H. D. Sankalia.* Spouted Vessels from Navda Toli and Iran. «Antiquity», 1955, № 114, p. 112—114.

[27] *H. D. Sankalia.* Chalcolithic Navdatoli. Poona — Baroda, 1971, p. 410—415, pl. XII

[28] *H. D. Sankalia.* New Light on the Indo-Iranian or Western Asiatic Relations between 1700—1200 b. c. «Artibus Asiae», XXVI, № 3/4, p. 312—331.

[29] *S. Piggott.* Prehistoric India..., p. 193—194

[30] *F. A. Khan.* Excavations at Kot Diji. «Pakistan Archaeology», 1965, № 2, fig. 14.

[31] *I. M. Casal.* Fouilles d'Amri, II. Paris, 1964, fig. 48, № 80; fig. 55, № 148 и др.

[32] Видимо, не случайно вазы на ножках из Белуджистана часто покрыты росписью, свидетельствуя о местной декоративной переработке привнесенных форм.

[33] Ср. *В. М. Массон.* Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 225—226.

лине Бампура, а затем Макране нерасписной посуды специфических форм на фоне местной расписной керамики, восходящей к талибакунским керамическим традициям, указывает на интенсивные племенные передвижения. Поскольку подобные формы отсутствуют в Фарсе, но зато широко распространены в поясе: Восточный Иран, Северный Афганистан, юг Средней Азии, то станет очевидным, что магистральная линия предполагаемых передвижений проходила вдоль ирано-афганской пограничной зоны.

В настоящее время соответствующие стратифицированные материалы имеются лишь в Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране. Уже Е. Шмидт отмечал, что, хотя в целом формы посуды слоя Гиссар I—II идентичны, распространение сероглиняной керамики специфических форм, видимо, объяснялось влиянием керамических традиций Горганской долины [34]. Действительно, именно в слое Гиссар II появляются вазы на ножках, до определенной степени напоминающие североафганские, но находящие более прямые аналогии в Шах-Тепе и Намазга-Тепе. В плане их взаимной синхронизации показательны вазы с гофрированными ножками Гиссара II B [35], находящие соответствия в слое III на поселении Шах-Тепе [36] в материалах позднего Намазга IV с Намазга-Тепе [37] и Улуг-Тепе [38].

В Гиссаре II встречена ваза, которую выделяет непропорционально большая ножка и маленький резервуар [39]. Близкая форма отмечена в дельте р. Мургаб и долине Инда [40], но пока неизвестна в Северном Афганистане, что может указывать на более позднее время бытования дашлинского комплекса. С другой стороны, сосуды со сливами появляются в Гиссаре не ранее слоя III B и продолжаются в III C так, что именно этот период может быть сопоставлен с дашлинским. Уже из этих наблюдений можно сделать один существенный вывод: в указанных ирано-туркменистанских памятниках исследуемые формы керамики появляются намного раньше, чем в Афганистане. В свою очередь Северо-Восточный Иран является зоной распространения серой керамики, а Южная Туркмения (исключая Мисрианскую долину) — светлофонной посуды, и в этом плане дашлинский комплекс более всего тяготеет к туркменистанскому. Однако нет оснований усматривать прямую туркмено-афганистанскую линию происхождения, скорее всего имелся промежуточный центр.

Переходя к другим изделиям, отметим, что, хотя обитатели дашлинского оазиса уже знакомы были с металлом, они еще достаточно широко использовали кремень для выделки наконечников стрел и дротиков (рис. 11), ножей для разделки мяса, проколок и сверл, длинных пластин, являвшихся вкладышами от серпов [41]. Достаточно широкий набор проколок и сверл, видимо, был связан с обработкой шкур и, в частности, с изготовлением обуви. На это указывает находка терракотовой «сапожной» колодки, точно копирующей восточный тип обуви с загнутым наверх носком [42]. Из камня вытачивались редкие миниатюрные флаконы, вазы на ножке, пряслица,

---

[34] *E. Schmidt.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, p. 112.

[35] Ibid., pl. XXV, H 5070.

[36] *T. J. Arne.* Op. cit., pl. XLIV, fig. 317—319; pl. XLVI, fig. 328.

[37] *В. М. Массон.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, 1956, VII, Ашхабад, стр. 306, табл. XXX, XXXII и др.

[38] Неопубликованные материалы автора хранятся в ИА АН СССР (Москва).

[39] *E. Schmidt.* Op. cit..., pl. XXVI, H 4782.

[40] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы..., стр. 27, табл. IX, № 3.

[41] Кремневые изделия просмотрены Г. Ф. Коробковой, за что приношу ей свою благодарность.

[42] Ср. аналогичные изделия из Шахри Сохте. *M. Tosi.* Excavations at Shahr-i Sokhta Preliminary Report on the Second Campaign. «East and West», 1969, 19, № 3—4, fig. 201—206.

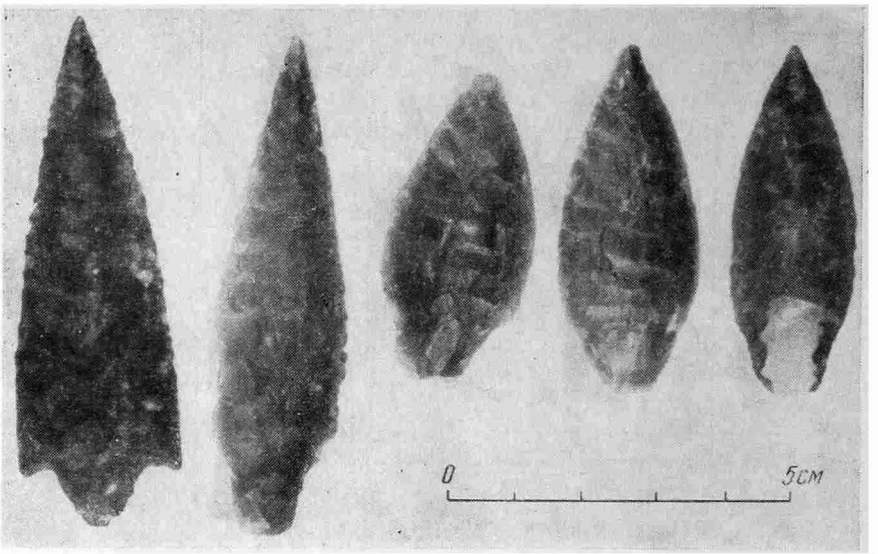


Рис. 11. Дашлы 3. Кремневые наконечники

бусины и пронизки. Показательны биконические бусы с кружковым орнаментом (рис. 1, *8*), известные в Гиссар III, Шах-Тепе II, Маргиане и постхараппской культуре Джукхар[43]. Особого интереса заслуживают каменные «колонки», прямо аналогичные таким же с поселения Гиссар, где они появляются в самых верхних слоях и не имеют местных прототипов[44]; известны они и в афганском Сеистане, но в перемещенном виде[45], а также в Белуджистане[46]. Столь широкое географическое распространение «колонок» может указывать на существование общего для всех них центра происхождения.

Обращает на себя внимание полное отсутствие антропоморфной пластики; из зооморфной известны лишь два обломка рогатых животных. Столь же показательна большая редкость украшений, сделанных из лазурита, сердолика и бирюзы, хотя имеется одна золотая бусина. Костяные изделия весьма немногочисленны (рис. 1, *6*); имеются оленьи рога, которые, видимо, использовались в земледелии.

Металлические изделия представлены как орудиями труда, так и украшениями. Основным материалом служила медь с большим набором естественных микропримесей, оловянистая и свинцовистая бронза[47]. Среди орудий труда выделяются серпы с зубчатыми лезвиями и загнутыми концами ручек (рис. 1, *2*); типологически наиболее близкими являются серпы из Анау[48] и Сиалка[49], однако североафганские (из-за зубчатого, а не гладкого лезвия) представляют более прогрессивный тип. Особенно интересны слегка изогнутые бритвы (поразительно близко напоминающие современные безопасные бритвы), точные аналогии которым пока неизвестны[50].

---

[43] *E. Schmidt.* Op. cit., p. 322, pl. LXX; *T. J. Arne.* Op. cit., p. 198—199, pl. XXXIII; *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура..., стр. 26; *N. Majumdar.* Explorations in Sind. MASI, Dehli, 1934, № 48, p. 58, pl. XXXIII.

[44] *E. Schmidt.* Op. cit., p. 216—219, pl. LXI.

[45] *G. Dales.* Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan. «Afghanistan», 1972, XXIV, № 4, fig. 16, 17.

[46] *S. Piggott.* Dating the Hissar Sequens — The Indian Evidence. «Antiquity», 1943, XVII, № 68, p. 181—182.

[47] Приношу благодарность Н. Н. Тереховой за металлографический и Е. Н. Черный за спектроаналитический анализы металла.

[48] *R. Pumpelly.* Exploration in Turkestan, I—II. Washington, 1908, tab. 39.

[49] *R. Ghirshman.* Fouilles de Sialk, I—II. Paris, 1939, p. 9, pl. II.

[50] Ср. *I. Deshayes.* L'outil de bronze de l'Indus au Danube. Paris, 1960, I, p. 311; II, p. 141—143.

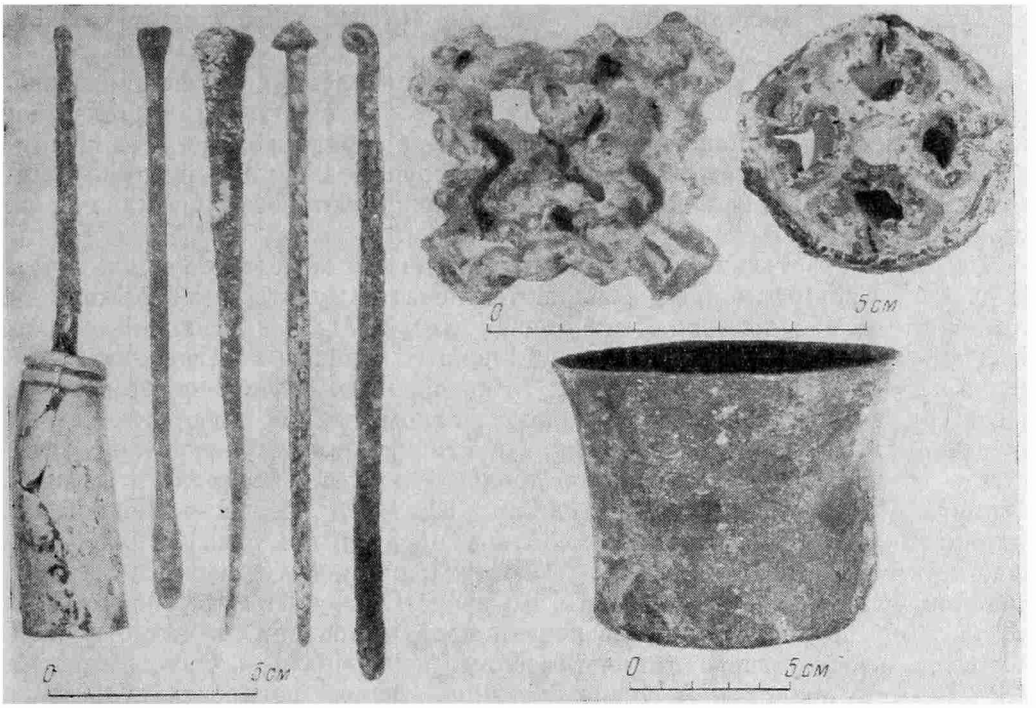


Рис. 12. Дашлы 3. Металлические изделия

Сравнительно близкий тип дают «бритвы» тулхарского могильника, хотя они более массивны и грубо выполнены [51]. Игла, шилья, проколки и изделие с костяной ручкой (рис. 12) дополняют известный набор металлических орудий труда.

Достаточно широко были распространены украшения (рис. 1, *4*) и в первую очередь булавки с коническими, биспиральными, петлевидными и лопаточковидными навершиями (рис. 12). Наиболее древние прототипы их известны в ирано-туркменистанском круге, начиная с IV тысячелетия до н. э. и до конца II тысячелетия до н. э. Если учесть очевидное сходство их с североафганскими, которые датируются не раннее середины II тысячелетия до н. э., то станет очевидной и соответствующая линия их происхождения. Ирано-туркменистанский аспект происхождения подчеркивается булавкой с Дашлы 3, навершие которого оформлено в виде двух миниатюрных сидящих баранов; зооморфные навершия хорошо известны опять-таки и в Гиссаре [52], и в Намазга-Алтын-Тепе [53]. Лопаточковидные булавки лучше всего представлены в энеолите Южного Туркменистана, где они устойчиво доживают до эпохи бронзы; известны они и в Северной Бактрии (Тулхарский могильник) [54].

Из могил происходят два типа зеркал: с ручками и без таковых, достаточно хорошо представленные на Древнем Востоке (рис. 1, *10*), в том числе в Гиссаре [55], в женских погребениях некрополя Сиалка [56],

---

[51] *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, Л., 1968, табл. IV, № 7—8.

[52] *E. Schmidt.* Op. cit., pl. XLVIII.

[53] *Е. Атагаррыев, О. Бердыев.* Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. СА, 1967, 3.

[54] *А. М. Мандельштам.* Ук. соч., табл. VIII. Показательны такие булавки, воткнутые в миниатюрные сосуды в могилах энеолитического Геоксюра; точно в таком сочетании встречены они и в одной могиле с Дашлы 3.

[55] *E. Schmidt.* Op. cit..., pl. LIV.

[56] *R. Chirshman.* Op. cit., pl. XXIX, № 8.

в Мундигаке [57], Белуджистане [58], долине Инда [59], юго-западе Средней Азии [60].

Североафганские образцы полностью входят в круг бытования зеркал отмеченного региона, а не степных культур Средней Азии, свидетельством чего служит их хронологический приоритет сравнительно с зеркалами андроновской культуры [61]. Браслеты и височные кольца с несомкнутыми концами, а также бочковидные бусины дополняют набор металлических украшений.

Весьма показательны керамические, каменные и металлические печати (рис. 1, *3*). Среди каменных выделяются печати-амулеты с изображениями крылатого льва и, возможно, скорпиона (рис. 1, *7*). Но, бесспорно, особого интереса заслуживают металлические печати, отлитые перегородчатой, нередко прорезной техникой (рис. 12). Как правило, на лицевой стороне нанасен орнамент, в котором преобладают фигуры крестов; с оборотной стороны всегда имеется петелька-ручка. Печати дашлинского оазиса входят в круг распространения памятников древней глиптики Восточного Ирана [62], Южного Афганистана (Мундигак, Саид Кала) [63], побережья Персидского залива (Бампур, Тепе Яхья) [64]; несколько печатей известно в Южном Белуджистане (Наль, Шахи Тумп) [65] и постхараппской культуре Джукхар [66]. Наконец, Южный Туркменистан [67] и Северо-Восточный Иран составляют тот регион, где перегородчатые печати появляются раньше всего и представлены с наибольшим типологическим разнообразием. Отметим, что в Месопотамии и Западном Иране преимущественно распространены были цилиндры-печати, а в долине р. Инда хараппского времени — специфические печати индийского типа. Намечепные географические и хронологические рамки достаточно четко выделяют ареал бытования перегородчатых печатей с наиболее вероятным ирано-туркменистанским центром. Именно отсюда шло распространение их в восточном направлении так, что перегородчатые печати дашлинского оазиса фиксируют один из таких пунктов.

Заключая обзор вновь открытого бактрийского археологического комплекса, подведем некоторые итоги. Прежде всего имеющиеся радиокарбоновые даты (Дашлы 1, Раскоп 1, помещение 18, ЛЕ 976, $3200 \pm 45 = 1250$ до н. э.; Дашлы 1, Раскоп 1, помещение 24, ЛЕ 975, $3520 \pm 45 = 1570$ до н. э., Дашлы 2, шурф № 1, ярус IV, ЛЕ 977, $3340 \pm 45 = 1390$ до н. э.; Дашлы 3, грунтовый могильник, ЛЕ 978, $3440 \pm 50 = 1490$ до н. э.) выделяют время существования комплекса: середина — вторая половина II тысячелетия до н. э. Носители этой культуры не являются исконными обитателями в Бакт-

[57] *I. M. Casal.* Fouilles de Mundigak, fig. 139, № 17.

[58] *A. Stein.* An Archaeological Tour..., pl. XXXII.

[59] *E. Mackay.* Further Excavations at Mohenjo Daro. New Dehli, 1937, pl. XVIII, 10.

[60] *В. И. Сарианиди.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, 1965, стр. 40.

[61] *Е. Е. Кузьмина.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966.

[62] *M. Tosi.* Excavations at Shahri Sokhta..., «East and West», 1968, 18, № 1—2, fig. 101; *M. Tosi.* Excavations at Shahri-Sokhta... «East and West», 1969, 19, № 3—4, fig. 276; *W. Fairservis.* Archaeological Studies in the Seistan Basin of South Western Afghanistan and Eastern Iran, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1961, fig. 32.

[63] *I. M. Casal.* Fouilles de Mundigak..., pl. XLV; *I. Shaffer.* Preliminary Field Report on Excavations at Said Kala Tepe. «Afghanistan», XXIV, № 2—3, p. 89—127.

[64] *B. de Gardi.* Excavations at Bampur, A Third Millennium Settlement in Persian Beluchistan, 1966, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 51, 1970, fig. 47; *C. C. Lamberg-Karlovsky.* Excavations at Tepe Jahya..., pl. 25.

[65] *H. Hargreaves.* Excavations in Baluchistan. «Memoires of the Archaeological Survey of India», Calcutta, 1929, № 35, pl. XV; *A. Stein. An* Archaeological Tour..., pl. XIV.

[66] *E. Mackay.* Chanhu Daro..., p. 24—26. Имеются сведения о наличии их в Дабар Кот и Рана Гундай (см. *M. Tosi.* Excavations at Shahr-i Sokhta..., p. 378).

[67] *В. И. Сарианиди, К. А. Кацурис.* Раскопки на Улуг-депе, АО — 1967, М., 1968, стр. 343; *Е. Атагаррыев, О. Бердыев.* Археологическое изучение..., стр. 135, рис. 3; *В. М. Массон.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, 3.

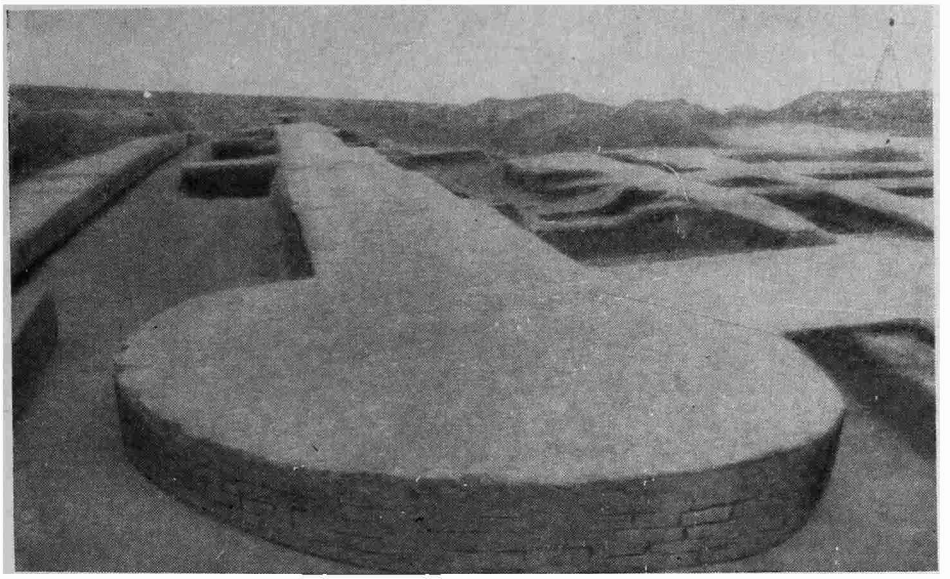


Рис. 13. Дашлы 1. Часть оборонительной стены с угловой башней

рии, а появляются здесь где-то в середине II тысячелетия до н. э. Земледельцы и скотоводы ведут оседлый образ жизни в небольших поселках. Выделившаяся знать обитала в укрепленных крепостях (рис. 13) и, видимо, составляла прослойку администрации, регламентировавшую жизненный уклад местного общества. Свидетельством все большей централизации может служить и монументальный храм, являющийся, вероятнее всего, культовым центром всего оазиса (рис. 14). Все это вместе с, несомненно, уже выделившимся ремеслом свидетельствует о высокоразвитом обществе Бактрии эпохи бронзы, однако еще ничто не указывает на «нисхождение царской власти» в это время.

Переходя к проблеме происхождения рассматриваемого комплекса, отметим, что вышеприведенный анализ материальной культуры и особенно керамики выделяет как наиболее вероятный ирано-туркменистанский центр, однако искомая культура конкретных предшественников, видимо, еще нами не открыта. Выше отмечалась предпочтительная близость дашлинского керамического комплекса с комплексом Намазга V, однако, по нашему мнению, и последний в свою очередь скорее всего сложился под влиянием иранских керамических традиций. Имеется еще одно, принципиально важное наблюдение — это полное отсутствие антропоморфной пластики в культуре Бактрии и, наоборот, изобилие ее в Горганской долине и Туркменистане (исключая опять-таки дахистанскую культуру в Мисриане). Если учесть ярко выраженное культовое назначение антропоморфных статуэток [68], то станут очевидными существенные различия между этими культурами. С другой стороны, уже на поселении Гиссар встречены лишь единичные антропоморфные статуэтки, а в Сиалке их нет вообще. Приведенные наблюдения в совокупности с отмеченными дашлинско-гиссарскими параллелями приобретают особую значимость, выделяя Восточный Иран как наиболее вероятный центр, откуда иммигранты в конечном счете достигают плодородных оазисов Бактрии. Аналогичные, если не тождественные, комплексы открыты в Южном Узбекистане [69], свидетельствуя о широком процессе предполагаемой миграции, когда начинают осваиваться и земли Северной Бактрии.

[68] *В. М. Массон, В. И. Сариниди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы М., 1973.

[69] *А. Аскаров.* К вопросу о выделении культуры Сапалли..., стр. 21—23; *Г. А. Пугаченкова.* Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. АО — 1972. М., 1973, стр. 467.

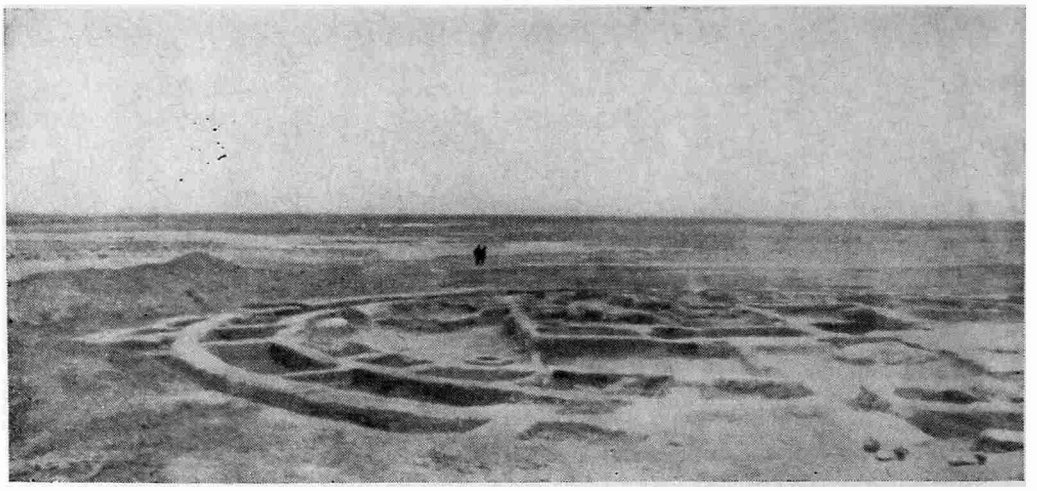


Рис. 14. Дашлы 3. Общий вид круглого здания

Несколько сложнее обстоит вопрос о происхождении маргианского комплекса, в целом аналогичного бактрийскому [70]. Прямая линия взаимного происхождения между ними исключается, так что скорее всего можно предполагать их общий центр происхождения. Думается, что вторая линия из предполагаемого центра ведет в сторону Южного Туркменистана и несколько позднее бассейна Мургаба. Не исключено, что в колонизации Маргианы вначале приняли участие местные племена, однако в целом мургабский археологический комплекс находит преимущественные аналогии в бактрийских материалах. В этой связи приобретает особую значимость сообщение Бехистунской надписи о том, что в 523—522 гг. до н. э. Маргиана входила в состав Бактрии [71]. В свете новых открытий представляется возможным считать, что такое объединение восходит к несравненно более раннему времени вплоть до середины II тысячелетия до н. э. и лишь отсутствие письменных данных препятствует конкретизации этого допущения.

Как бы то ни было, но во избежание терминологической путаницы кажется наиболее целесообразным выделить бактрийско-маргианский археологический комплекс, предполагающий общий путь развития и происхождения. Дальнейшая история этих племен еще далека от окончательного решения. Отметим близкие, но во многом самобытные материалы Свата, где в могильном инвентаре широко представлены вазы и кубки на ножках [72]. Не исключено, что эти сосуды отражают влияние керамических традиций Бактрии, но и в этом случае культура Свата выступает как самостоятельная с отличными погребальными (трупосожжение) и культовыми (наличие женских статуэток) обрядами. Наконец, могильники Тулхарский и Тигровая Балка [73] могут свидетельствовать о взаимных контактах степных и оседлоземледельческих племен, что документируется многими чертами сходства.

---

[70] *В. И. Сарианиди.* Древности низовий Мургаба..., стр. 483—484.

[71] История таджикского народа. М., 1963, стр. 157.

[72] *C. Silvi Antonini, G. Stacul.* The Protohistoric Graveyards of Swat (Pakistan), I—II. Roma, 1972.

[73] Б. А. Литвинский рассматривает эти могильники как оставленные выходцами из Южного Туркменистана, перешедшими от земледельческого ведения хозяйства к скотоводческому (*Б. А. Литвинский.* Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, 4, стр. 126—127). В более расширенном виде эта гипотеза приведена в его другой статье (*Б. А. Литвинский.* Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг В сб. «Археологические работы в Таджикистане». М., 1973, стр. 10—13).

V. I. Sarianidi

BACTRIANE A L'AGE DE BRONZE

Résumé

Les travauz de la mission archéologique soviético-afghane ont mis au jour, sur les terres originelles de Bactriane, des sites primitifs agricoles de l'âge de bronze (II moitié du II millénaire avant n. è.). De vastes prospections sur une de ces oasis (celle de Dashly — fig. 2) ont révélé que l'essentiel de la population habitait les villages ordinaires non-fortifiés alors que certaines grandes familles (clans) s'abritaient dans les forteresses aux murs de brique puissants (Dashly 1) renforcés par des tours de défense (fig. 3). La forteresse mise au jour (rectangulaire et protégée par les tours angulaires) est du type le plus ancien au Proche-Orient. Le complexe monumental de palais et d'édifices cultuels (Dashly 3) consiste en palais rectangulaire et en temple de feu circulaire (fig. 5). L'existence de ce centre administratif et cultuel dans l'agglomération de petite importance témoigne du processus bien poussé de la différenciation de la société bactrienne. Les sépultures anciennes sont de 3 types: complètes, partielles et cénotaphes; se font voir les inhumations rituelles de moutons (fig. 6). La poterie faite au tour (fig. 7, 8), largement répandue, est accompagnée (en quantité moindre) par celle façonnée à la main (fig. 9). Les outils en cuivre et en bronze étant déjà connus (fig. 12), ceux en silex sont employés couramment (fig. 11). Compte tenu des sites analogues reconnus en Margiane, il est lieu de réunir les matériaux en question sous le nom de «complexe archéologique bactriano-margien». La provenance du complexe n'est pas tout à fait claire: les matériaux provenant du sud de Turkménistan (ceux de Namazga VI) et du nord-est d'Iran (ceux de Hissar III) en sont les plus proches, il n'est pourtant sans vraisemblance qu'ils proviennent d'une source unique qui reste encore à découvrir.

В. В. ОТРОЩЕНКО

ЭЛЕМЕНТЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ ПЛЕМЕН СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Искусство срубных племен не подвергалось еще специальному исследованию. И не случайно А. А. Формозов, разрабатывающий теорию развития первобытного искусства на территории СССР, отмечает, что «в это время существовали культуры, для которых изобразительное искусство совершенно нехарактерно. Афанасьевская и андроновская, катакомбная и срубная, поздняковская и абашевская, тшинецкая и кизил-кобинская, северокавказская и фатьяновская культуры не дают никаких произведений искусства, кроме достаточно однообразно орнаментированных сосудов» [1]. Действительно, искусство перечисленных А. А. Формозовым культур имеет преимущественно декоративный характер, однако, оно отнюдь не ограничивается орнаментацией керамики. Большинство наскальных рисунков Каменной Могилы датируются бронзовым веком [2]. Они могли быть созданы носителями катакомбной и срубной культур, на территории обитания которых расположен этот замечательный памятник. Петроглифы Каменной Могилы служат хорошим материалом для сравнения с теми композициями на срубной керамике, металле и кости, которые выходят за пределы орнамента и отображают определенные объекты реального мира. Именно на таких элементах изобразительности сосредоточено наше внимание.

Характер искусства бронзового века во многом определяет тщательно разработанная солярная символика. Астральные символы, выявленные Ж. Дешелеттом на материалах бронзового века Западной Европы [3], были зафиксированы также и в памятниках II тысячелетия до н. э. на территории Советского Союза [4]. А. А. Формозов, намечая периодизацию наскальных изображений на территории СССР, связывает с появлением солярных знаков новую стадию в развитии первобытного искусства: петроглифы с изображениями людей, фантастических хищников и с солярными знаками [5]. Разнообразные варианты остральных символов дают и памятники срубной культуры (рис. 1, *1—21*).

Простейшие солярные знаки (круг, прямой и косой крест) широко распространены на изделиях срубных мастеров. О. А. Кривцова-Гракова предположила, что часто встречающиеся на керамике знаки в виде косого креста заключают в себе определенный смысл, выступая символом

[1] *А. А. Формозов.* Искусство эпохи мезолита и неолита. МИА, 166, 1970, стр. 198.

[2] *М. Я. Рудинський.* Камъяна Могила. Київ, 1961, стор. 137—138; *В. М. Гладилін.* До питання про вік наскельних рисунків Камъяної Могили. Археологія, XVI, Київ, 1964, стор. 87—88.

[3] *J. Déchelette.* Le culte du soleil aux temps prehistoriques. RA, сер. 4, XIII, Paris, 1909.

[4] *А. А. Миллер.* Элементы «неба» на вещественных памятниках. ИГАИМК, вып. 100, Л., 1933, стр. 125—157; *В. И. Равдоникас.* Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, IV, 1937.

[5] *А. А. Формозов.* Искусство эпохи мезолита и неолита, стр. 202.

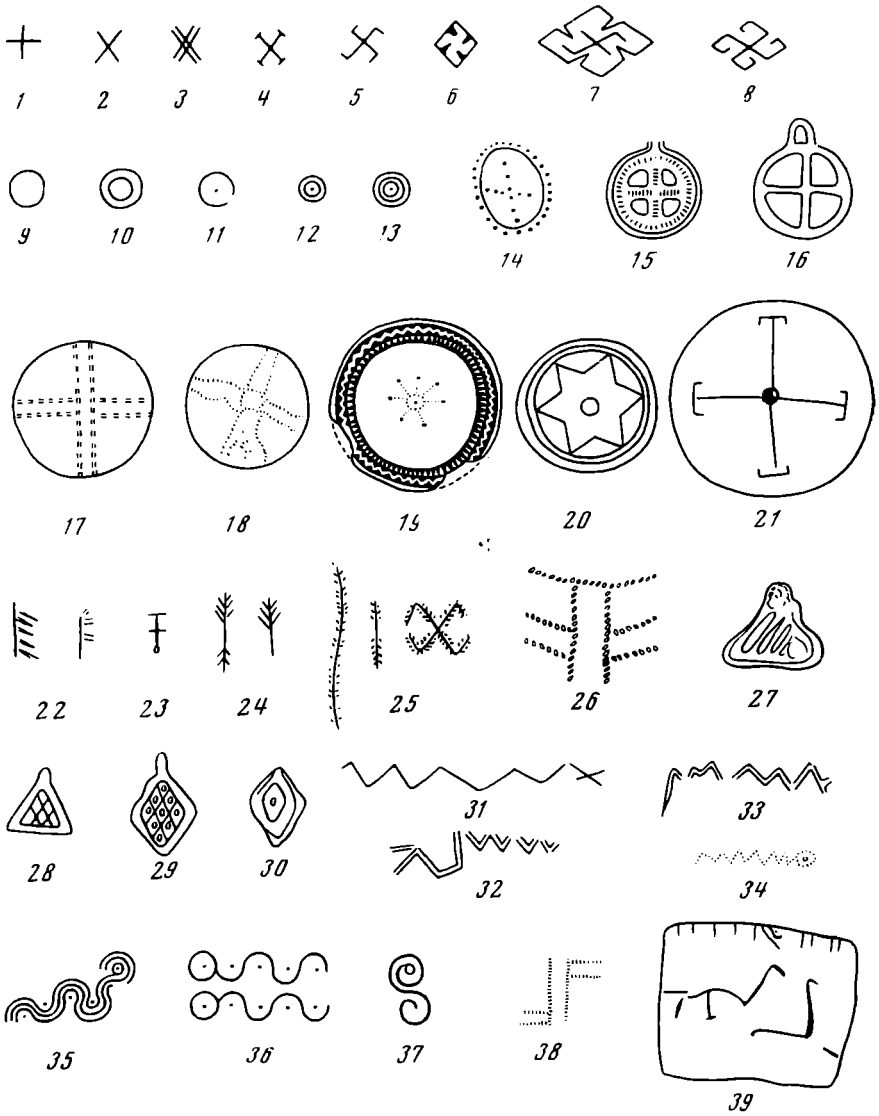


Рис. 1. Рисунки на вещах из памятников срубной культуры.

1 — с. Надеждино-Куракино у г. Сердобска Пензенской обл.; *2, 4, 6—8, 23* — с. Владимировка близ г. Острогожска Воронежской обл.; *3, 21, 25* — с. Кайбелы Мелекесского района Ульяновской обл.; *5* — пос. у Моечного озера Шигонского района Куйбышевской обл.; *9, 10, 13* — I Сусканское поселение у с. Хрящевки Ставропольского района Куйбышевской обл.; *29, 30, 37* — с. Старая Тойда Анновского района Воронежской обл.; *11, 12, 35* — с. Кирово Ленинского района Крымской обл.; *14* — с. Политотдельское Волгоградской обл.; *15* — Лукьяновское поселение на р. Оскол Белгородской обл.; *16* — с. Кардашинка Голопристанского района Херсонской обл.; *17* — ж/д Ступки бывш. Бахмутского уезда Екатеринославской губ.; *18* — кург. гр. «Серко» у Никополя Днепропетровской обл.; *19, 27* — с. Иловатка Волгоградской обл.; *20, 24* — I Бережновский могильник Волгоградской обл.; *22, 33* — с. Полянки Куйбышевского района Татарской АССР; *26* — с. Вильна Украина Каховского района Херсонской обл.; *28* — с. Молчановка Николаевского района Волгоградской обл.; *31* — Юзовка бывш. Бахмутского уезда; *32—33* — с. Веселое у г. Мелитополя Запорожской обл.; *34* — с. Новоболтачево в Башкирии; *36* — с. Волошское (Сурская Забора) Запорожской обл.; *38* — дер. Воскресенская Шигонского района; *39* — Комаровское поселение Шигонского района; *1—11, 13—14, 17—18, 22—26, 31—34, 37—39* — керамика; *12—19, 21, 35—36* — кость; *15—16* — негативы литейных форм; *20, 27—30* — металл

солнца[6]. Комбинации простейших знаков ведут к созданию достаточно сложных солярных образов. Так, точку окружают одной, двумя, тремя, четырьмя концентрическими окружностями с отходящими от них лучами (рис. 1, *11—13*; 2). Усложнение креста образует замысловатую свастику (рис. 1, *1—8*), а соединение креста с кругом — колесо (рис. 1, *14—18*). Вот несколько наиболее оригинальных солярных изображений: 1. с. Кайбелы (Водянское поле) Мелекесского района Ульяновской обл., кург. 3. На крыше шалаша основного погребения обнаружена круглая плоская костяная бляха с круглой дырочкой в центре, от которой крестообразно расходятся четыре луча в виде буквы «Т». Диаметр бляхи 5 *см*[7] (рис. 1, *21*). 2. Березовский могильник Николаевского района Волгоградской обл., кург. 25, погр. 6. Круглая бронзовая бляха с маленьким отверстием в центре, внешняя поверхность орнаментирована выпуклыми линиями, образующими шестиконечную звезду. По краям бляхи пробиты четыре пары дырочек, расположенных крестообразно, диаметр бляхи 4 *см*[8] (рис. 1, *20*). 3. с. Иловатка Волгоградской обл., кург. 3, погр. 2, на северо-восточной окраине села. Пара костяных блях от конской узды. Лицевая сторона их украшена концентрической окружностью с семью расходящимися лучами в центре и бордюром из зубчиков и зигзага по периферии. Диаметр блях 4 *см*, высота 1,5 *см*[9] (рис. 1, *19*). 4. с. Кирово Ленинского района Крымской обл., поселение позднесрубной культуры. Трехлопастная бляшка из кости — деталь конской узды, на каждой лопасти изображено по солярному знаку. Левый знак представляет собой концентрический круг, обрамленный циркульной волной; центральный — две концентрические окружности с 12 лучами вокруг (каждый луч заканчивается точкой); правый — четыре концентрических круга с пучками лучей-насечек вокруг. Высота бляшки 3 *см*, ширина 4,1 *см*[10] (рис. 2). 5. с. Вильна Украина Каховского района Херсонской обл., кург. 27, погр. 13. Венчик остроребериого сосуда украшен выше ребра 14 треугольниками, обращенными основаниями к устью. Все треугольники закрашены охрой и вместе образуют большой солярный знак (вид сверху). Красная краска подчеркивает связь композиции с солнцем. В одном месте цепочка треугольников прерывается рисунком деревца. Высота сосуда 13,5 *см*, диаметр венчика 20 *см*, дна 9 *см*[11].

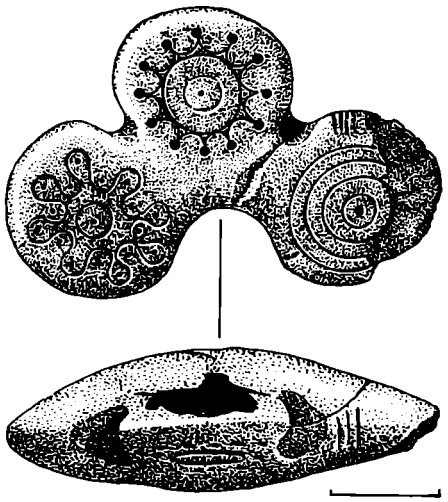


Рис. 2. Солярные знаки на костяной лунице из с. Кирово

Особого внимания заслуживает крест, вписанный в круг. Нам известны три примера таких изображений в материалах срубной культуры:

[6] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 30.

[7] *Т. Б. Попова.* Керамика Мелекесских курганов. Тр. ГИМ, 22, М., 1953, стр. 61, рис. 2, 3.

[8] *И. В. Синицын.* Археологические исследования заволжского отряда Сталинградской эспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 84, рис. 31, *5*.

[9] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 226, рис. 9, *4*.

[10] *А. М. Лесков.* Кировское поселение. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 37, рис. 30, *1*. На рисунке, опубликованном А. М. Лесковым, вокруг солярного знака на центральном лепестке ошибочно изображено 13 точек вместо 12.

[11] Фонды ИА АН УССР, Ках-70, № 217.

формочки для отливки колесовидных подвесок из Лукьяновского поселения на р. Оскол [12] и Первой Кардашинской мастерской на Херсонщине [13], а также рисунок на сосуде из погр. 7, кург. 3 у с. Политотдельское Волгоградской обл. [14] (рис. 1, *14—16*). Сюда же можно отнести крестообразные изображения на днищах сосудов как с внешней [15], так и с внутренней стороны [16] (рис. 1, *17—18*). Отметим, что крест на внутренней стороне днища не может быть орнаментальным элементом и представляет скорее всего культовое изображение — символ.

Крест в круге — солярный знак, символизирующий движение солнца по небосводу подобно колесу. Широкое распространение рисунков солнца-колеса во второй половине II тысячелетия до н. э. совпадет с распространением колесниц с конной запряжкой. Высказано предположение, что колесо с четырьмя спицами отражает миф о солнечной колеснице [17], нашедшей наиболее яркое воплощение в скульптурной композиции из Трундхольма (Дания) [18]. Но небесная колесница не могла появиться ранее своего земного прототипа. Для степей Юго-Восточной Европы в этом смысле исключительное значение имеют рисунки «конских плит» Каменной Могилы, где изображения четырехспицных колес сочетаются с силуэтами лошадей, а в одном случае, возможно, даже передан профиль колесницы-двуколки (колесо с кузовом) [19] (рис. 3, *5*). Возвращаясь к творчеству срубников, отметим, что вместе с колесовидными подвесками и рисунками четырехспицых колес создавались также глиняные модельки сплошных колес со ступицами [20].

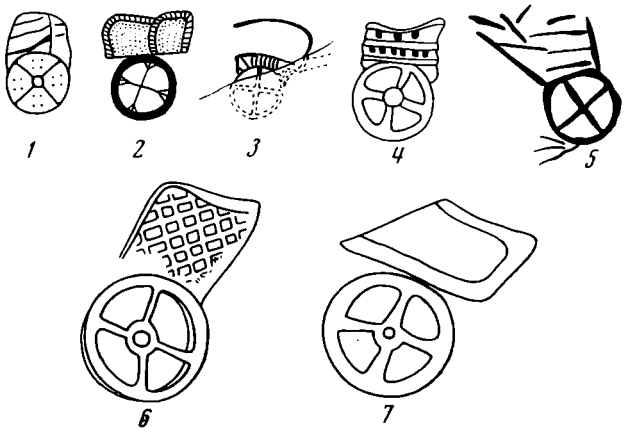


Рис. 3. Профильные изображения колесниц. *1—4, 7* — Микены (Греция); *5* — Каменная Могила у г. Мелитополя; *6* — Ваффио (Крит). *1—3* — керамика; *4, 6* — металл; *5, 7* — камень

Наряду с элементами неба в искусстве срубных племен отразилось многообразие земного мира. Простейшие геометрические фигуры (треугольник и ромб) выступают не только в качестве составных частей орнамента, но и самостоятельно как подвески [21]. Очевидно, металлические

---

[12] Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 168, рис. 41.

[13] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 138, рис. 33, *16*.

[14] *К. Ф. Смирнов.* Работа первого нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, 55, 1954, стр. 69, рис. 22, *4*.

[15] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. Тр. XIII, АС, т. 1, М., 1907, стр. 242, рис. 51.

[16] *А. В. Бураков.* Поселення епохи бронзи біля с. Зміївки. АП, т. X, Київ, 1961, табл. III, *8*; *О. А. Кривцова-Гракова.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, 1962, стр. 54, рис. 17, *10*.

[17] *П. М. Кожин.* Гобийская квадрига. СА, 1968, 3, стр. 40.

[18] *I. Bing.* Sonnenwagen von Trundholm. Leipzig, 1934.

[19] *М. Я. Рудиньский.* Ук. соч., рис. 40, табл. XVIII — XXI. Профильное изображение колеса и кузова на плите № 27 можно сравнить с колесницами Крито-микенского мира. *A. Furumark.* The Mycenaean pottery. Analysis and classification. Stockholm, 1941, p. 333, pict. 56, *1—22, 39*.

[20] *А. М. Лесков.* Ук. соч., стр. 29, рис. 22, *1—2*.

[21] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 223, рис. 8, *6*; *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 93, рис. 35, *3*.

подвески в виде ромба и треугольника символизируют плодородие земли, отождествлявшейся с образом женщины-матери [22] (рис. 1, *27—30*). Гораздо ближе к реальному миру изображения растительных мотивов (деревца, веточки) (рис. 1, *22—26*) [23]. Выделяется сосуд из погр. 9, кург. 23 у с. Кайбел в Ульяновском Поволжье, богато украшенный разбросанными по тулову веточками растения [24] (рис. 1, *25*).

Из представителей степной фауны чаще других становятся объектом для воспроизведения змеи. Намечаются три варианта изображений змеи: 1. Зигзагообразная линия завершается короткой развилкой, передающей разинутую пасть змеи. Этот вариант выделен А. А. Формозовым (сосуд из кургана у дер. Полянки Куйбышевского района Татарской АССР и из кургана у с. Веселое близ Мелитополя (рис. 1, *32—33*) [25]. Идентичный рисунок есть также на горшке из погр. 3, кург. 26 у бывш. Юзовки (рис. 1, *31*) [26]. 2. Зигзагообразная или волнистая линия оканчивается круглой или овальной головкой с точкой в центре. Пара таких змеек украшает псалий из Волошского могильника (Сурская Забора) на Нижнем Днепре [27], а одна — сосуд из могильника срубной культуры у с. Новоболтачево в Башкирии [28] (рис. 1, *34—36*) и Г-образное окончание псалия из поселения Кирово в Восточном Крыму [29]. 3. Двойная спираль, закрученная в разные стороны в виде латинской буквы «S» с овальной головкой на верхнем конце. Изображена на стенке горшка из кург. 1 у с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской обл. [30] (рис. 1, *37*).

Следующую группу составляют изображения птиц. Весьма приблизительно нарисован лебедь (?) на упомянутом сосуде из Полянок. На Комаровском поселении у Моечного озера (Шигонский район Куйбышевской обл.) найден обломок цилиндрического глиняного пряслица, на стенке которого тонкой линией нанесены силуэты двух плывущих по воде и одной шагающей птиц [31] (рис. 1, *39*). У пернатых высокие стройные шеи. Скорее всего это гуси или лебеди. Движутся они цепочкой слева направо. Условные силуэты «уточек» на горшке из погр. 4, кург. 3 у дер. Воскресенской Шигонского района Куйбышевской обл. напоминают обратный знак «Z». Птицы плывут цепочкой слева направо. Солярный знак (крест) разрывает цепь, отмечая начальную и конечную точки движения (рис. 1, *38*) [32]. Такие «уточки» часто встречаются на срубной и андроновской посуде и восходят к изображениям водоплавающей птицы у неолитических племен лесной полосы Восточной Европы [33]. Очевидно, с птицами следует связывать и подвески в виде «гусиных лапок» из сурьмы, обнаруженные в погр. 2, кург. 4 у с. Иловатка Волгоградской обл. [34].

---

[22] *А. К. Амброз.* Раннеземледельческий культовый символ. СА, 1965, 1.

[23] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье..., стр. 88, рис. 17, *1*; *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 89, рис. 25, *1*.

[24] *Н. Я. Мерперт.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1968, стр. 94, рис. 6, 7—7а.

[25] *А. А. Формозов.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР. СА, 1958, 2, стр. 140—141, рис. 2—3.

[26] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 243, рис. 52.

[27] *И. Н. Шарафутдинова.* К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, 3, стр. 27, рис. 3, *52*.

[28] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 200, рис. 26, *5*.

[29] *А. М. Лесков.* Ук. соч., стр. 37, рис. 30, *4*.

[30] *Г. И. Корнюшин.* Курганы эпохи бронзы у с. Старая Тойда Воронежской обл. КСИА АН СССР, 127, 1971, стр. 81, рис. 32, *5*.

[31] *А. Е. Алихова.* Комаровское поселение у Моечного зера. МИА, 61, 1958, стр. 165 рис. 6, *2*.

[32] *А. Е. Алихова.* Памятники срубной культуры Самарской Луки. МИА, 80, 1960 стр. 116—118, рис. 6, *5*.

[33] *Н. Н. Гурина.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 36—44, рис. 10, *1—19*; 11, *1—8*.

[34] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 223, рис. 8, *6*.

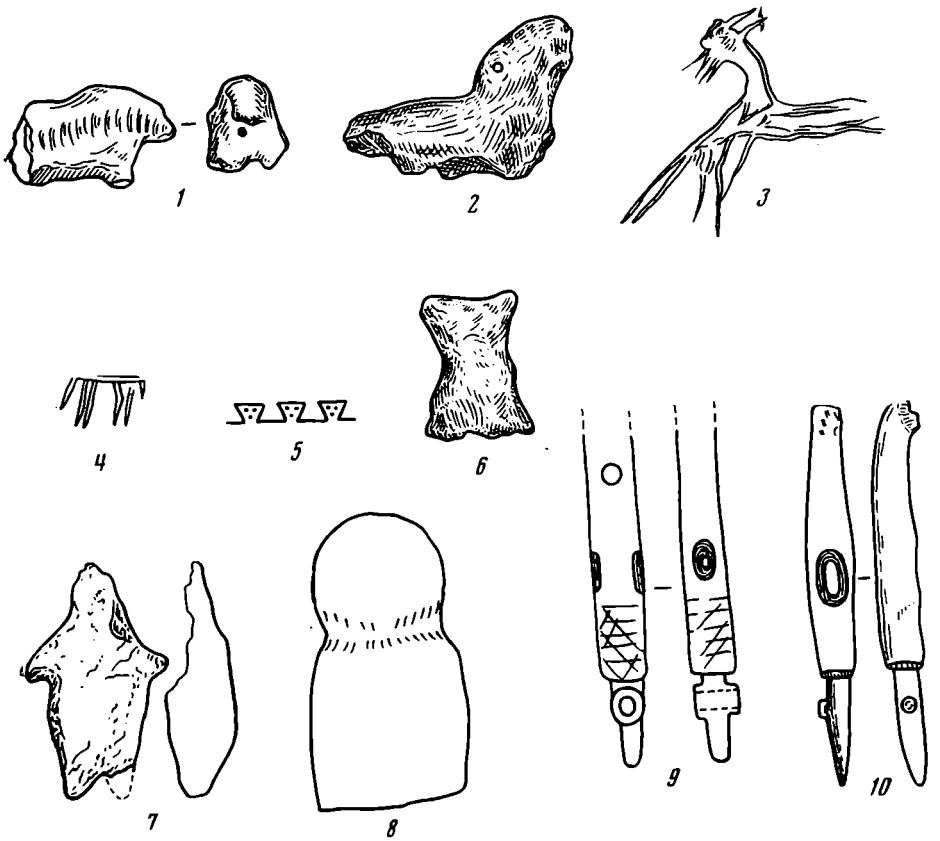


Рис. 4. Зооморфные (*1—4*) и антропоморфные (*5, 7, 8*) изображения, поделка из глины (*6*), псалии (*9—10*). *1, 2, 6* — с. Кирово; *3* — с. Раздольное на р. Кальмиус Донецкой обл.; *4* — с. Полянки; *5* — с. Владимировка; *7* — с. Подгорное I у г. Воронежа; *8* — с. Змеевка у г. Берислава Херсонской обл.; *9* — Сускапское поселение; *10* — с. Скельки Васильевского района Запорожской обл.; *1—7* — керамика; *8* — камень; *9—10* — рог

Изображения животных немногочисленны и разностильны. С одной стороны, это набросанные несколькими штрихами фигурки, по которым трудно определить, к какому виду они принадлежат (сосуд из Полянок), а с другой — достаточно реалистичные глиняные статуэтки (Кирово). В Кирово найдены поделки (баранчик и конь) [35]. От барана сохранилась задняя часть туловища и короткий сильно утолщенный хвост. Шерсть передана частыми оттисками ногтя по бокам животного (рис. 4, *1*). У коня отсутствуют морда и конечности. Сохранилось лишь туловище, переходящее в крутую шею. На загривке — дырочка для подвешивания статуэтки (рис. 4, *2*).

Пять лошадей, по мнению М. Г. Худякова и А. А. Формозова, изображены на сосуде из Полянок [36]. Однако предельная лаконичность рисунка не позволяет настаивать на именно таком видовом определении. Более всего угадываются черты коня в животном, отпрянувшем от змеи (рис. 4, *4*). На остроребернom горшке из поселения Раздольное на р. Кальмиус сделана попытка изобразить коня в движении (рис. 4, *3*), но человеку здесь не хватило мастерства. Неуверенной рукой намечена морда, шея, грудь и выброшенные вперед ноги. Задняя часть туловища смазана. О. Г. Шапошникова упоминает в связи с этой находкой рисунки лошадей на «конских плитах» Каменной Могилы [37].

[35] *А. М. Лесков.* Ук. соч., стр. 29, рис. 22, *5—6*.

[36] *А. А. Формозов.* Материалы к изучению искусства..., стр. 140. рис. 2.

[37] *О. Г. Шапошникова.* Багатошарове поселення поблизу с. Раздольне на р. Кальміус. Археологія, XXIII, Київ, 1970, стр. 149, рис. 7, *13*; 8.

Своеобразное место занимает в искусстве срубных племен образ человека. Создается впечатление, что эти люди сознательно избегали возможности изображать себя и себе подобных. В тех же редких случаях, когда антропоморфные изображения есть, бросается в глаза их намеренный примитивизм. Закономерность подобного явления в первобытном искусстве отметил Д. Н. Эдинг [38]. Продиктовано оно, очевидно, идеологическими воззрениями и религиозной практикой общества эпохи бронзы.

На имеющемся материале мы можем выделить следующие две группы изображений: 1. Человеческие головки с намеченными чертами лица. Сюда можно отнести орнаментальный ряд, украшающий преддонную часть остроребериого горшка из кург. 1 у с. Владимировки близ Острогожска (рис. 4, *5*) [39]. «Лица» здесь имеют форму треугольника вершиной вниз. Глаза и рот намечены тремя точками. 2. Фигуры людей с едва намеченной головой без проработки черт лица. Характерный образец такого рода пластики обнаружен на поселении Подгорное 1 у Воронежа: фигурка выполнена очень грубо, голова и конечности переданы в виде отростков, выступающих из овала туловища (рис. 4, *7*) [40].

На поселении белозерского этапа позднесрубной культуры у с. Змеевка в Нижнем Поднепровье в углу жилища, у очага найден небольшой каменный идол. Округлая голова через короткую шею переходит в брусковидное тело. А. В. Бураков трактовал идола как антропоморфную стелу, связанную с культом огня [41]. Специфические условия находки свидетельствуют в пользу ее антропоморфности.

Выделяя элементы изобразительности в памятниках искусства бронзового века, необходимо учитывать возможность ошибки, когда кажущееся изображение принимается за настоящее. Так, опубликованный А. М. Лесковым «торс человека в фас» (Кировское поселение) [42] (рис. 4, *7*) является на самом деле керамическим грузиком для натяжения нитей основы в ткацком станке. Грузик из Кирово фрагментирован, но на поселениях голиградского типа (Голиграды, Городница, Федоровка) [43] найдены многочисленные целые образцы таких поделок. Они имеют форму катушки, т. е. расширены по краям и сужены в средней части. Проследить на них какие бы то ни было черты антропоморфности не удается.

Особо следует остановиться на псалии из Суксанского поселения в Поволжье (рис. 4, *9*). Публикуя его, Н. Я. Мерперт отмечает, что поделка выполнена в подражание телу рыбы [44]. Такая трактовка псалия вызвана формой его нижнего окончания в виде шипа с двумя шишечками по сторонам. Шишечки горизонтально просверлены (отверстие перпендикулярно длинной оси псалия) и воспринимаются как пара глаз. К. Ф. Смирнов называет окончание суксанского псалия «зооморфным» [45], а у С. В. Киселева этот предмет украшен «головкой животного, совершенно такой же, как позднее украшали свои псалии скифы» [46].

Нам кажется, что для подобных утверждений нет веских оснований. Псалии с нижним окончанием в виде шипа с шишечками известны достаточно широко, в частности на позднесрубных памятниках Украины (Скелькн, Волошское), а также в памятниках соседних культур как

---

[38] *Д. Н. Эдинг.* «Идолы» Горбуновского торфяника. СА, IV, 1937, стр. 140—145.

[39] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 88, рис. 17, *2*.

[40] *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 26, рис. 11, *1*.

[41] *А. В. Бураков.* Ук. соч., стр. 29, табл. III, *9*.

[42] *А. М. Лесков.* Ук. соч., стр. 28, рис. 22, *3*.

[43] *І. К. Свешніков.* Памъятки голіградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ, 5, Київ, 1961, стор. 52, табл. 11, *5—7*.

[44] *Н. Я. Мерперт.* Из древнейшей истории..., стр. 120—121, рис. 14, *9*.

[45] *К. Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 63—64.

[46] *С. В. Киселев.* Бронзовый век СССР. МИА, 130, 1965, стр. 37—38.

к западу, так и к востоку от срубного региона [47]. Характерно, что число шишечек на этих псалиях колеблется от одной (Скельки) до четырех (поселение культуры Ноа I Гырбовец) [48] (рис. 4, *10*). Это существенный аргумент против зооморфности такого рода поделок, поскольку пара шишечек еще может ассоциироваться с парой глаз животного или птиц, учитывая заостренный конец псалия, но уменьшение или увеличение числа шишечек исключает возможность подобного сравнения. Никаких других признаков зооморфности ни один из таких псалиев не обнаруживает. Именно отсутствие элементов изобразительности, кроме солярных знаков и волны-змеи, отличает псалии бронзового века от раннескифских с окончаниями, выполненными в зверином стиле. Связывать упомянутую группу псалиев бронзового века с скифскими нельзя также из-за значительного отрезка времени, разделяющего их. Псалии с окончаниями типа Сусканского (роговые и бронзовые) заканчивают свое существование не позднее XI в. до н. э. [49], а раннескифские псалии с элементами звериного стиля появляются не ранее VII в. до н. э.

Материал по изобразительному искусству, собранный на обширном ареале распространения срубной культуры, сравнительно невелик. Однако даже такое скромное собрание разного рода изображений позволяет выделить некоторые общие черты искусства срубных племен, а также локальные особенности его в различных регионах. К числу общераспространенных в срубной среде элементов изобразительности относятся солярные символы и более или менее условные рисунки растений (деревьев). Однако особого внимания заслуживает солярная орнаментация на деталях конской узды (распределители ремней из Иловатки и трехлопастная бляшка из Кирово), поскольку отсюда, из бронзового века, идет традиция украшения узды солярными эмблемами, достигающая расцвета в раннем железном веке у киммерийских племен [50]. Очевидно, не случайно, что именно конь чаще других животных становится объектом изображения у срубных племен (сосуды из Полянок и Раздольного, фигурка из Кирово). Нельзя не учитывать здесь и «конских» плит Каменной Могилы, которые моложе плит с изображением бычьих упряжек. Последние датируются первой половиной II тысячелетия до н. э. [51]. Уже отмечалось, что на плите № 27 высечено профильное изображение колесницы. Использование коня в качестве транспортного средства определило и его особую роль в солярном культе (имеется в виду получивший широкое распространение миф о солнечной колеснице) [52].

Привлекая петроглифы Каменной Могилы, мы учитываем, что датировка «конских плит» разработана слабо и связь их со срубной культурой не установлена. Однако в археологической литературе уже указывалось на подобие «решеток», украшающих срубную посуду и аналогичные изображения на плитах Каменной Могилы [53]. Заслуживает также внимания совпадение таких элементов, как косая решетка, пересекающиеся параллельные прямые, удлиненные горизонтальные линии и косые кресты на плите № 27 Каменной Могилы [54] (рис. 5, *1*) и на фрагменте преддонной части горшка из поселения срубной культуры Кинель-Чер-

---

[47] *К. Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках..., стр. 64.

[48] *A. C. Florescu.* Sur les problémes du bronze tardif Carpato-Danubien et Nord-Ouest Pontique. Dacia, N. S. t. XI, Bucureşti, 1967, стр. 77, рис. 10, 17.

[49] *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 70—72.

[50] *А. И. Тереножкин.* Позднекиммерийский орнамент. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, стр. 7—8.

[51] *В. М. Гладилін.* Ук. соч., стр. 87—88.

[52] *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. МИА, 165, М., 1969, стр. 240.

[53] См. рецензию на «Издания Института археологии АН УССР». СА, XVII, 1953, стр. 256.

[54] *М. Я. Рудинский.* Ук. соч., табл. XX.

касы Куйбышевской обл.[55] (рис. 5, *2*). Нельзя не учитывать также, что на керамике срубной культуры довольно часто прослеживается свободное, кажущееся беспорядочным, расположение орнаментальных элементов, столь характерное для «конских плит» Каменной Могилы. Отмеченные черты сходства и позволяют нам использовать рисунки Каменной Могилы как близкие по стилистике и содержанию художественным памятникам срубной культуры.

Распространенность срубных памятников от Урала до Дуная сказалась и на искусстве. Так, рисунки, выявленные на территории Поволжья

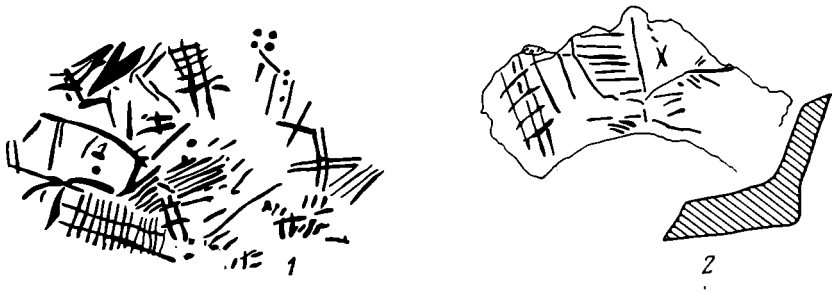


Рис. 5. Левая часть рисунка на плите № 27 Каменной Могилы (*1*) и композиция на сосуде из поселения срубной культуры Кинель-Черкасы Куйбышевской обл. (*2*)

и Среднего Дона, отмечены влиянием (например, в изображении птиц) более северных культур лесной зоны и андроновской культуры. С другой стороны, памятники Северного Причерноморья обнаруживают западную линию связей в искусстве. Керамические фигурки животных из Кирово имеют аналогии в памятниках культуры Ноа[56], фракийского гальштата[57], чернолесской культуры[58].

Несмотря на ограниченность имеющегося материала, можно отметить, что элементы изобразительности нарушали в ряде случаев орнаментальную традицию срубного искусства. Здесь, как нам представляется, сказывалось естественное стремление человека к отображению окружающего мира. Причины, вследствие которых изобразительное искусство не получило широкого развития у срубных племен, заключаются скорее всего в религиозных воззрениях той эпохи. Необходимо учитывать, что «...индоевропейский культ не адресовался автономным существам, но самим природным или социальным силам»[59]. Геродот отмечает, что персы в древности поклонялись «небесному своду, луне, огню, воде и ветрам»[60]. Такая картина характерна и для религиозных воззрений раннескифского общества[61]. И у персов, и у скифов не было принято воздвигать статуи (кумиры) богам. Истоки этих верований уходят в эпоху бронзы и, возможно, к племенам срубной культуры, которые, по мнению ряда лингвистов, принадлежат к числу носителей древнеиранского этноса[62].

---

[55] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 32, рис. 5, *21*.

[56] *А. И. Мелюкова.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 20, рис. 7, *1—4*.

[57] *І. К. Свешніков.* Ук. соч., стр. 47, табл. I, *16—17*.

[58] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 71, рис. 46, *2*.

[59] *G. Dumezil.* Les dieux des indo-européens. Paris, 1952, стр. 334 (цит. по статье *Г. А. Кошеленко.* Ранние этапы развития культа Мифры. «Древний восток и античный мир». М., 1972, стр. 77).

[60] *Геродот.* История. I, 131.

[61] *В. Д. Блаватский.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII — V вв. до н. э.). СА, 1964, 2, стр. 17.

[62] *Э. А. Грантовский.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 355—359.

V. V. Otrochtchenko

ELEMENTS FIGURATIFS EN ART DES TRIBUS DE LA CIVILISATION DES TOMBES A CHARPENTE

Résumé

L'article fait état de l'analyse des figurations relatives aux vestiges matériels de la civilisation des tombes à charpente. Les figurations peuvent être réparties en groupes suivants: symboles solaires (fig. 1, *1—12*), symbolismes de fertilité et motifs végétaux (fig. 1, *22—30*), figurations de serpents (fig. 1, *31—37*), oiseaux (fig. 1, *38—39*), animaux (fig. 4, *1—4*) et d'homme (fig. 4, 5, 7, 8). On peut constater la diffusion des motifs solaires et végétaux, généralement caractéristiques pour l'âge de bronze, à travers toute la région des tombes à charpente. Les figurations d'oiseaux sont toutefois localisées dans la partie nord-est des territoires habités par les tribus des tombes à charpente, ce qui, paraît-il, peut être expliqué par l'influence des tribus néolithiques des steppes boisées de l'Europe Est et des tribus de la civilisation andronovienne. De petites sculptures en argile sont caractéristiques pour les régions sud-ouest du monde des tombes à charpente, elles reflètent les accointances avec les civilisations de la rive droite du Dniepr et de la Moldavie. On peut noter certains points de ressemblance entre les dessins décorant la poterie des tombes à charpente et ceux des petroglyphes de soi-disant «dalles à chevaux» de Kamennaïa Moguila (Tombe de Pierre). L'art des tribus des tombes à charpente, si conventionnel et ornemental soit-il, sert d'expression des conceptions idéologiques concrètes des hommes de l'âge de bronze, de l'idée qu'ils se faisaient du monde.

И. Б. ЗЕЕСТ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВЫЙ РАСЦВЕТ ГЕРМОНАССЫ

Страбон называет Гермонассу среди наиболее значительных городов азиатской стороны Боспора [1]. Рукав дельты Гипаниса (Антикит), впадая в Корокондамское озеро, расчленял территорию на два изолированных друг от друга участка. С левой стороны от корабля, плывущего по Корокондамскому озеру к устью Антикита, находились Фанагория и Кепы, с правой — Гермонасса и Апатур. Место нахождения самой Гермонассы в настоящее время убедительно отождествляется с городищем, расположенным на западной окраине станицы Тамань [2].

Таманское городище обладает исключительно мощным культурным слоем, достигающим 10—11 *м* толщины. Столь мощный культурный слой образовался не только в результате длительной городской жизни в античный и в средневековый период, но и потому, что во все времена в строительной технике здесь преобладали сырцовые кладки, образующие со временем большие развалы.

Первые сведения о городе дали многочисленные случайные и кладоискательские находки с городища и его окрестностей в XIX и начале XX в. Среди этих находок был уникальный памятник искусства — Таманский саркофаг, а также клад золотых монет IV в. до н. э., многочисленные надписи и художественные изделия. Лишь немногие из случайных находок попали в поле зрения исследователей.

Научное изучение городища впервые проводилось в 1930—1931 гг. А. А. Миллером [3]. В нижнем горизонте культурного слоя были обнаружены фрагменты греческой керамики, относящиеся к середине VI в. до н. э. или несколько более раннему времени [4]. Эти находки позволили уточнить время возникновения города.

В 1931 и 1938 гг. проводились раскопки грунтового некрополя Гермонассы. Были открыты погребения, относящиеся в основном ко второй половине VI и V в. до н. э. [5]

Затем в течение длительного времени никаких раскопочных работ на городище и его некрополе не производилось. Но появившиеся в этот период публикации материалов существенно дополнили сведения о Гермонассе эпохи Спартокидов. Они позволили с большим основанием считать, что в IV в. до н. э. в Гермонассе почитался культ Аполлона Врача

---

[1] *Strab.* XI, *2*, *10*.

[2] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 194—197, 208, 209 (см. библиографию).

[3] *А. А. Миллер.* Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, I, 1931, стр. 26—29; *его же.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931. СГАИМК, 3, 4, 1932, стр. 58—60; *его же.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931. СГАИМК, 7, 8, 1932, стр. 67, 68.

[4] *Т. Н. Книпович.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII — V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 104.

[5] *В. Ф. Гайдукевич.* Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 154 сл.

и Аполлона Дельфиния [6], а в III в. до н. э. здесь было построено небольшое святилище Афродиты Апатуры [7].

В своем общем труде, вышедшем в 1949 г., В. Ф. Гайдукевич [8] суммировал имеющиеся исторические сведения о Гермонассе как об одном из боспорских городов, достигших в эпоху Спартокидов блестящего экономического расцвета, когда господствующее положение здесь занимала богатая торговая греко-синдская знать. Некоторые письменные источники, указывает автор, позволяют считать, что в I и II вв. город еще играл значительную роль в жизни Боспорского государства.

Приступая к раскопкам Гермонассы в 1952 г., мы располагали сведениями не только о самом городе и его некрополе. В 1951—1954 гг. производились разведочные раскопки синдской территории, тесно связанной с историей города. Исследования засвидетельствовали высокую степень эллинизации быта синдского населения и тесную экономическую связь сельского населения с городом на протяжении всего античного периода его истории [9]. Экспедиция Института археологии АН СССР начала систематические раскопки Гермонассы в 1952 г., и эти работы продолжались в общей сложности 10 лет [10].

Таманское городище расположено на высоком берегу морского залива. Его северная часть полностью разрушена береговыми обвалами. С западной и восточной стороны городище ограничено балками, с южной — берегом Сухого озера (рис. 1). Раскопки городища велись в его центральной части (план № 1, 3) и на восточной окраине (план № 2). Условия раскопок на этих участках были разными. Раскоп № 1, 1952 г., был разведочным, стратиграфическим раскопом, и на его площади размером 150 $м^2$ мощный культурный слой был изучен до материка в течение одного раскопочного сезона благодаря оставлению банкетов на разных уровнях.

На раскопе № 2 (1955—1957 гг.) вся площадь, равная 200 $м^2$, была исследована до материка. Как особенность «Нагорного» раскопа (1965—1970 гг., план № 3) можно отметить хорошо сохранившиеся на глубине 7,5—8,0 $м$ остатки большого перистильного дома IV в. до н. э. Это обстоятельство затруднило исследование нижележащих слоев. Здание открыто частично, на площади 200 $м^2$, а остальные площади исследованы до уровня римских и средневековых слоев. Общая площадь «Нагорного» раскопа равна 400 $м^2$.

У северной окраины был раскопан (план № 4) участок, исследованный только до уровня Тмутараканского слоя. Кроме того, проводились разведочные шурфы А, Б, В, Г с целью выяснения восточной границы города. На западном берегу Сухого озера был вскрыт небольшой загородный участок (план № 5). В общей сложности античным отрядом Таманской экспедиции и Гермонасской экспедицией было раскопано около 1000 $м^2$.

Кроме того, к югу от Сухого озера отрядом ГИМ под руководством Н. П. Сорокиной были проведены раскопки грунтового некрополя Гермонассы [11].

---

[6] *Ю. Ю. Марти.* Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 57—60.

[7] *Л. П. Харко.* Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской. СА, VII, 1941, стр. 81 сл.

[8] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949.

[9] *В. Д. Блаватский.* Первый год работы синдской экспедиции. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 73; *его же.* Второй год работ в Синдике. КСИИМК, 51, 1953, стр. 149; *его же.* Третий год работ в Синдике. КСИИМК. 58, 1955, стр. 88; *его же.* Четвертый год раскопок в Синдике. КСИИМК, 70, 1957, стр. 118, и другие статьи.

[10] Античный отряд Таманской экспедиции Б. А. Рыбакова в 1952 и 1955 гг., Гермонасская экспедиция в 1956—1957 и 1965—1970 гг. Руководитель И. Б. Зеест. Начиная с 1971 г. раскопки Гермонассы продолжены ГМИИ им. Пушкина под руководством А. К. Коровиной.

[11] *Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 46.

Сведения о раскопках и отдельные находки неоднократно публиковались [12]. В настоящей статье мы впервые попытаемся дать общий итог исследований ранних слоев и изложить основные исторические выводы, связанные с развитием города в период его первого расцвета в эпоху Археанактидов и ранних Спартокидов. Но прежде мы остановимся на стратиграфии всех культурных напластований, что позволит правильно оценить значение слоев раннего периода в общем ходе исторического развития города.

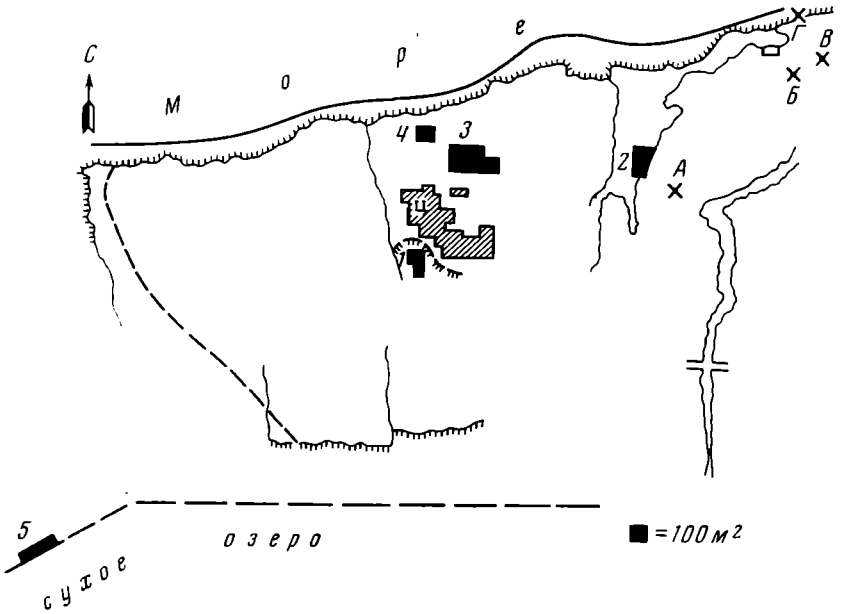


Рис. 1. Схематический план Таманского городища с указанием мест раскопов
Ц — «Центральный» раскоп Б. А. Рыбакова, 1952—1955 гг.; *1* — раскоп III—X, 1952 г.; *2* — «Восточный» раскоп XXVII—XXVIII, 1955—1957 гг.; *3* — «Нагорный» раскоп, 1965—1971 гг.; *4* — «Северный» раскоп 1965 г. (средневековые слои); *5* — Загородный участок XXXV, 1955 г.; х — шурфы А, Б, В, Г

Самый ранний слой, связанный с появлением первых греческих переселенцев, лежит непосредственно на материке, на глубине 10 *м* от современной поверхности городища. Самый поздний слой Гермонассы, относящийся к IV в., перекрыт раннесредневековыми напластованиями на глубине 3,5—3,7 *м*. Общая мощность культурных напластований античной Гермонассы равна 6,5—6,3 *м*, и в ней выделяются 18 культурных слоев.

Отложение культурного слоя происходило неравномерно. Поэтому некоторые слои отличаются своей мощностью и насыщенностью, другие маловыразительны, и толщина их незначительна. Неравномерность культурных напластований свидетельствует о том, что в различные периоды городская жизнь здесь протекала неодинаково и в ее развитии были периоды высокого экономического подъема и периоды затухания. Мы не будем здесь последовательно излагать стратиграфию этих слоев. Нам

[12] *И. Б. Зеест.* Раскопки Гермонассы. КСИИМК, 58, 1955, стр. 114; *ее же.* Раскопки Гермонассы. КСИИМК, 74, 1959, стр. 58; *ее же.* Архаические слои Гермонассы. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 53; *Л. Н. Казаманова.* Монеты из раскопок Гермонассы в 1955—1956 гг., 1960, стр. 46; *Н. П. Сорокина.* Ук. соч., КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 46; *ее же.* Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 77; *Н. С. Белова.* Новая надпись из Гермонассы. ВДИ, 1967, 1, стр. 60; *И. Б. Зеест.* Об одной особенности экономического развития Гермонассы. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 144; *ее же.* Раскопки Гермонассы. В сб. АО за 1965, 1970 гг.; *К. В. Голенко.* Таманский клад монет, 1970; Klio, 54, 1972, стр. 239.

важно показать общую мощность слоев, связанных с определенными историческими периодами жизни города.

Обобщенная схема стратиграфии слоев «Нагорного» раскопа (рис. 2) наглядно показывает, что слои VI и V вв. до н. э., относящиеся к самому раннему периоду жизни города и к эпохе Археанактидов, выделяются своей мощностью, достигая двухметровой толщины. Значительна мощность и слоев IV и III вв. до н. э., связанных с эпохой ранних Спартокидов. Но она меньше слоев предшествующего времени и равна 1,2 *м*.

На протяжении двух последующих столетий отложение культурных слоев шло крайне замедленно и общая толщина этих слоев едва достигала 0,6 *м*. В I—II вв. город переживал свой вторичный расцвет, и слои этого времени вновь достигают большой мощности — 1,7 *м*. Сравнительно с этими напластованиями слои позднее античного времени III — IV вв. беднее, а их общая толщина не превышает 1 *м*.

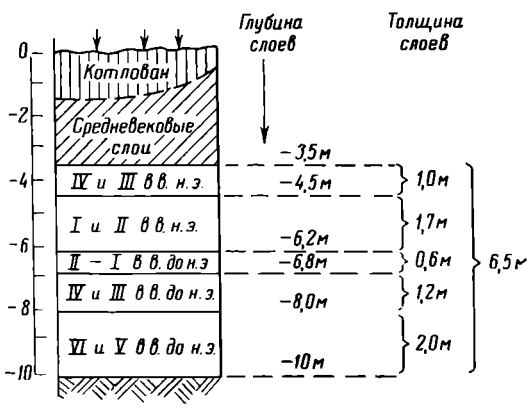


Рис. 2. Обобщенная схема стратиграфии слоев Гермонассы («Нагорный» раскоп)

Такая же неравномерность образования культурных напластований наблюдалась на всех участках города, где велись раскопки: везде слои VI, в особенности V в. до н. э., и слои I — II вв. н. э. доминировали над остальными напластованиями, а слои IV и раннего III в. до н. э. на всех раскопах, хотя и отличались значительной мощностью, уступали слоям предшествующего времени [13].

На разных участках наряду с этими общими чертами в стратиграфии слоев наблюдались некоторые локальные особенности. Так, на Восточном раскопе (№ 2) был обнаружен слой первой половины VI в. до н. э. с находками конца VII — начала VI в. до н. э. Характеристику ранних слоев Гермонассы мы начинаем с описания именно этого раннего слоя.

Слой первой половины VI в. до н. э., открытый на Восточном раскопе, лежит непосредственно на поверхности материка. Толщина его не превышает 0,3—0,4 *м*. Желто-коричневый песчаный грунт этого слоя мало отличается от грунта самого материка. В нем не заметны гумусные отложения, но встречались единичные находки, которые могут быть отнесены к первой половине VI в. до н. э. В этом слое были обнаружены четыре земляные ямы. Поверхность их находилась примерно на одинаковом уровне на глубине около 9 *м*.

Три ямы, круглые в плане и неглубокие, первоначально служили, вероятно, для установки пифосов. Затем они были заброшены, заполнены золой, кусками печины и обломками керамики, среди которых были найдены обломки расписной греческой керамики первой половины VI в. до н. э. Среди находок в этом раннем слое были фрагменты расписных ваз родосско-ионийской группы с изображением эгагров (рис. 3) и обломки килико в, украшенные точечными розеттами, орнаментом в виде гвоздеобразных штрихов, расположенных около ручек, и полосами пурпура, наложенными на чернолаковую поверхность внутри чаши (рис. 4) [14]. Встречались обломки остродонных амфор с белой облицовкой типа амфор

[13] *И. Б. Зеест.* Ук. соч. КСИИМК, 58, 1955, стр. 114; *ее же.* Ук. соч. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 145, рис. 1.

[14] *Н. А. Сидорова.* Архаическая керамика Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 114, рис. 5. Подготовку к изданию архаической расписной керамики Гермонассы ведет Н. А. Сидорова.

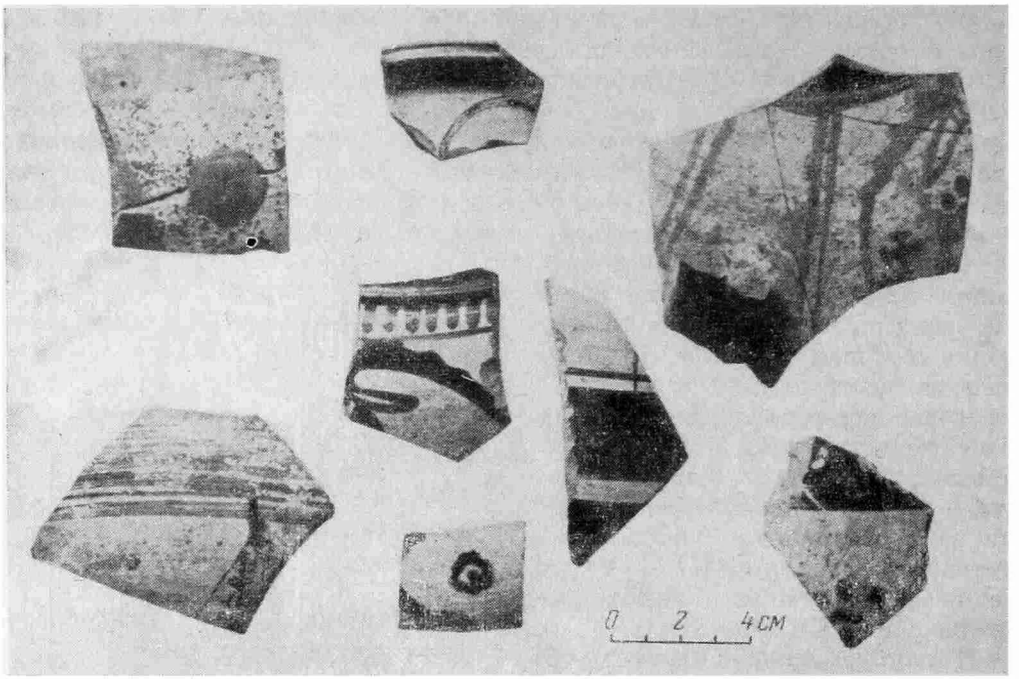


Рис. 3. Фрагменты родосско-ионийской керамики конца VII — первой половины VI в. до н. э.

с острова Феры, амфор с широкими лакообразными полосами и другие находки первой половины VI в. до н. э.[15] Столь ранние находки на других раскопах не встречены. Обращает внимание и слабая насыщенность грунта данного слоя. Вероятно, этот слой относится к периоду, предшествующему образованию города, и связан с местом бытования эмпория, который следует искать на восточной и северо-восточной окраине городища. Через посредство этого эмпория на синдскую территорию и проникали те художественные изделия, которые встречались в ранних погребениях на Таманском полуострове[16].

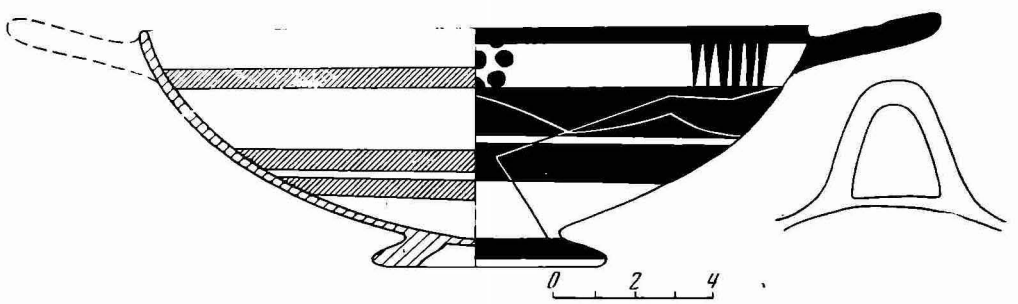


Рис. 4. Килик с розеттами конца VII — первой половины VI в. до н. э.

Культурный слой, относящийся к периоду основания города и первым десятилетиям его истории, был открыт на всех трех раскопах. На Восточном раскопе (№ 2) мусорный и плотный грунт этого слоя перекрыл остатки ям времени эмпория, вырытых в светлом грунте. К этому же

[15] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. М., 1960, стр. 69, 70, табл. I, *1*, и *2*, *а*, *б*.

[16] *Н. А. Энман.* Ионийская амфора с Таманского полуострова. ИАК, 45, 1912, стр. 92; *С. Д. Руднева.* Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской. Там же, стр. 104; *Е. О. Прушевская.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, 1917, стр. 31—58.

слою относится и яма № 107 глубиной 3,0 *м*, доверху заполненная зерном [17].

На других раскопах этот первый городской слой покрывал поверхность материка. На раскопе «Нагорном» (№ 3) в этом слое были встречены остатки жилых построек (кладки № 78, 79, 80), от которых сохранились невысокие цоколи, сложенные из мелкого известнякового камня округленной формы уложенного двумя-тремя горизонтальными рядами (рис. 5).

Толщина слоя в среднем не превышает 0,4 *м*. Среди находок встречены обломки привозной греческой керамики, дата которых дает основание считать, что этот слой образовался во второй половине VI в. до н. э. К числу находок относятся фрагменты ионийских открытых сосудов, украшенных полосами, аттических чернофигурных и коринфских сосудов, а также обломки хиосских пухлогорлых амфор и амфор более ранних типов. Встречались в этом слое единичные находки и более раннего времени, в том числе обломки родосско-ионийских киликов, которые, по-видимому, следует отнести к периоду эмпория.

Слой VI в. до н. э. перекрыт напластованиями VI—V и V вв. до н. э. Эти напластования отличаются не только своей мощностью: в этих слоях встречено значительно больше разнообразных архитектурных остатков чем в слое VI в. до н. э., что свидетельствует о развитии городского строительства и о применении разнообразной строительной техники в этот период.

На «Нагорном» раскопе (1969 г.) на глубине 9,6 *м* была открыта стена № 89, сложенная из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Ее северный фас был прослежен в длину на 5 *м* (рис. 6). Обращает внимание то что цоколь сложен из камней различных привозных пород: белого и розоватого мраморовидного известняка, кусков белого необработанного мрамора, зеленоватого камня, серого гранита и других пород и лишь отчасти из известнякового камня. Все камни нерегулярной формы, но их внешняя сторона хорошо отесана. Боковые скошенные края камней тесно пригнаны друг к другу, напоминая этим прием полигональной кладки. Пустоты, где боковые сколы не соприкасаются, заложены мелким щебнем. Кладка цоколя состоит из двух рядов камней, причем самые крупные камни уложены в нижний ряд.

Как отметил В. Д. Блаватский, в строительной технике кладки № 89 наряду с элементами полигональности заметен переход к регулярной, квадровой кладке. Эти строительные приемы могли бытовать в период поздней архаики и раннего V в. до н. э. [18] Над каменным цоколем, в южном борту, хорошо заметно пятно сохранившейся сырцовой кладки и размеры кирпичей длиной 43 и 24 *см*, высотой 8—10 *см*.

Описанная выше кладка цоколя № 89 принадлежала наружной стене дома. Об этом свидетельствует водосток № 90, проходивший вдоль подошвы цоколя. Хорошо сохранилось лишь одно звено этого водостока (рис. 7), дающее представление о его устройстве: основанием служит плоский камень, боковые стенки образованы двумя камнями, поставленными на ребро, причем внутренняя ширина канала не превышает 15 *см*, сверху водосток плотно закрыт другим плоским камнем.

На месте разрушенной части водостока сохранилась яма выборки, прослеженная вдоль всей подошвы цоколя. Недалеко от водостока находилась небольшая печь, от которой сохранилось только прямоугольное основание из обожженной глины с приподнятыми краями. Ориентация печи совпадает с направлением кладки № 89. По-видимому, и печь и водосток находились во внутреннем дворе дома, внешней стеной которого была кладка № 89. Здание со стеной № 89 принадлежало, несомненно,

---

[17] *И. Б. Зеест*. Ук. соч. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 54, рис. 18, *2*.

[18] Обсуждение доклада Зеест И. Б. о раскопах Гермонассы на заседании секции античной археологии пленума ИА АН СССР в 1972 г.

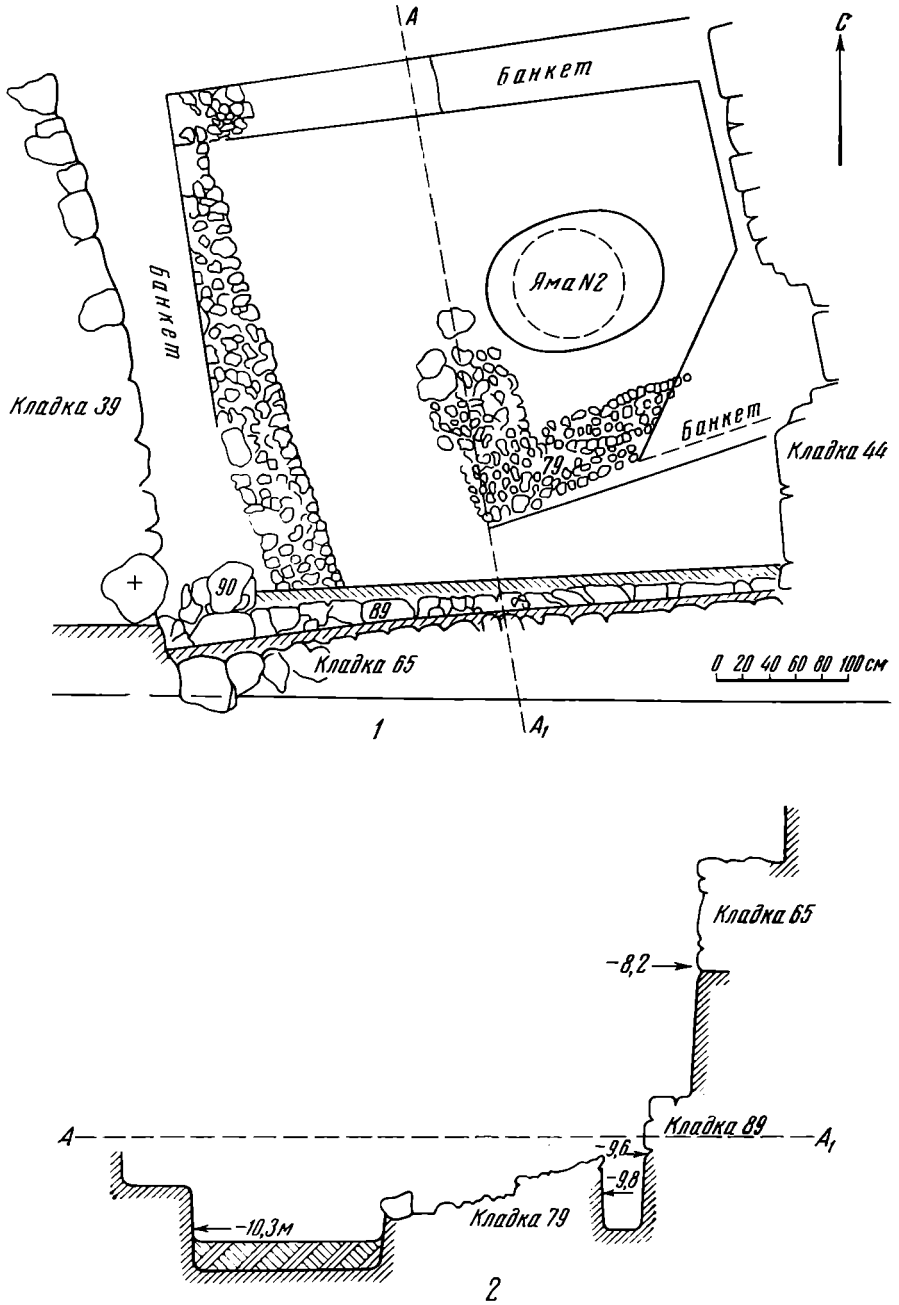


Рис. 5. *1* — план юго-восточной части «Нагорного» раскопа; *2* — разрез юго-восточной части «Нагорного» раскопа (слои VI—V—IV вв. до н. э.)

одному из богатых жителей Гермонассы. Дом был благоустроен, и для его постройки применен хороший, привозной камень.

В том же слое, на соседнем участке (№ 1), была открыта часть здания иного типа. Для этой постройки был употреблен самый простой и дешевый строительный материал. Раскопана была угловая часть цоколя, сложенного из рваного известнякового камня средней и мелкой величины и из обломков керамики, преимущественно хиосских остродонных амфор. Черепки амфор частично покрывают каменную кладку, частично уложены непосредственно на земле. Высота цоколя не превышает 16—20 *см*, и только вдоль его внешнего края обломки керамики и мелкого камня уложены более высокой грядой. Обломки керамики все остроребериые, так как непосредственно на этот черепице-каменный слой укладывались

сырцовые кирпичи, развал которых местами сохранился на поверхности цоколя [19].

В строительной технике VI—V вв. до н. э. применялся и прием кладок из мелкого, рваного известнякового камня.

На Восточном раскопе (№ 2) были открыты остатки жилой постройки 104 (рис. 8). Ее цоколь сложен из мелких и средней величины известняковых камней, образующих один-два горизонтальных ряда. Рядом со стеной 104, с внутренней стороны здания, находилась жаровня, обнаруженная в раздавленном виде. Она представляет собой керамический купол высотой 43 *см*, сделанный на гончарном круге. Сверху купола имеется отверстие для установки кастрюли, а внизу сделан небольшой продух для тяги и выкида золы. Основание купола установлено на дне небольшого углубления, вырытого по размеру диаметра купола [20]. Аналогичная жаровня была найдена на Афинской агоре [21]. Обломки таких жаровен были встречены и в раскопках Пантикапея [22].

В слое V в. до н. э. на «Нагорном» раскопе был открыт небольшой участок кладки № 49 длиной около 2 *м*, шириной 0,55 *м*. Эта кладка цоколя была сложена из небольших известняковых камней уплощенной формы. Камни были уложены в один слой на подушке из глины. На поверхности цоколя сохранился развал сырцовых кирпичей.

В V в. до н. э. в Гермонассе строили и более значительные жилые здания. На Восточном раскопе (№ 2) была открыта часть цоколя (№ 102), сложенного из больших камней белого плотного известняка (рис. 9). Такой известняк не характерен для местных пород камня, употреблявшихся на Боспоре. Он принадлежит к числу привозных.

Кладка № 102 сохранилась в длину на 2,8 *м*, ширина ее 1 *м*. Северный, лучше сохранившийся фас кладки сложен из четырех больших, слегка отесанных камней примерно одинаковой высоты. У некоторых из них боковые стороны отесаны вертикально. В других местах кладки неровности больших камней заложены мелким камнем. Этот небольшой остаток кладки V в. до н. э. интересен тем, что в нем имеются элементы квадровых кладок, выраженные в соблюдении одинаковой высоты камней всего ряда и боковой вертикальной отеске некоторых камней.

Описание кладок, относящихся к VI—V и V вв. до н. э., позволяет заключить, что в этот период в городском строительстве применялись разнообразные приемы: наблюдаются элементы полигональности и элементы квадровых кладок, а также кладок из мелкого известнякового камня. В качестве строительного материала применялся не только местный, но и привозной камень.

Эти различия приемов в строительной технике свидетельствуют о знакомстве местных строителей Гермонассы с приемами, известными в обширном греческом мире Средиземноморья и Причерноморья. По-видимому, приток населения, в том числе и мастеров-строителей, в это время был не только многочисленным, но и разнообразным. Различие строительных остатков свидетельствует и о дифференциации городского населения, среди которого выделялись более имущие люди, жилища которых были выстроены из хорошего, привозного камня в отличие от построек рядовых жителей, в которых был использован местный известняк и даже фрагменты простой керамики.

Знакомство с архитектурными остатками Гермонассы VI—V и V вв. до н. э. показывает, что в эпоху Археанактидов городское строительство

---

[19] *И. Б. Зеест.* Ук. соч. КСИИМК, 58, 1955, стр. 114—116, рис. 48, 49.

[20] *И. Б. Зеест.* Ук. соч. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 54 (Эта жаровня в реставрированном виде находится в экспозиции ГИМ).

[21] *B. A. Sparkes and Lucy Talcott.* Post and Pans of Classical Athens. Princeton, 1958, № 44.

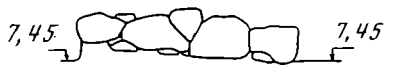
[22] *И. Б. Зеест* и *И. Д. Марченко.* Типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 161.

Рис. 6. Северный фас кладки № 89

Рис. 7. Водосток № 90, северо-восточная часть «Нагорного» раскопа

Рис. 8. Восточный раскоп. Кладка цоколя № 104 VI—V вв. до н. э. и остатки жаровни

Термонассы значительно возросло и развилось по сравнению с предшествующим периодом. Среди находок в слоях этого времени было много бытовых, хозяйственных, преимущественно керамических предметов, которые свидетельствуют о благоустройстве городской жизни. Встречались остатки переносных жаровен, напоминающие большие блюда с приподнятыми краями. На внутренней поверхности некоторых из них сохранились следы огня. Найдены обломки тонкостенных кастрюль, обычных в обиходе всех греческих причерноморских городов, но сделанных из глины, насыщенной слюдой. Интересны сероглиняный черпак, покрытый тускСеверный фас кладки 102



-6,35 Западный фас кладки 96

Рис. 9. Восточный раскоп, фасировки кладок 102 и 96; кладка 102—V в. до н. э., кладка 96—IV в. до н. э.

лым зернистым лаком, имитирующим бронзовый греческий киаф, большой обломок коринфского лутерия из характерной для Коринфа светлой глины. Постоянно встречались фрагменты светильников не только обычной для этого времени формы, но и светильников конической формы, известных по находкам в Нимфее [23].

Найдено очень много обломков чернолаковой и расписной керамики (рис. 10). Они встречались в большом количестве не только на Восточном раскопе (№ 2), где исследование нижних слоев проводилось на всей площади раскопа, но и на «Нагорном» раскопе (№ 3), где кладки дома IV в. до н. э., о котором речь пойдет ниже, препятствуют широкому исследованию нижних слоев. Здесь на небольшой площади (около 20 $м^2$) между кладками дома, в его юго-восточной части, проводились раскопки нижних слоев (рис. 5). На этом небольшом участке в слоях VI—V и V вв. до н. э. было найдено 415 обломков чернолаковой и расписной керамики. Большая часть этих находок принадлежит аттическому импорту.

Постоянные торговые сношения с Аттикой засвидетельствованы и амфорным материалом. Среди остатков выделяются амфоры с полой стаканообразной ножкой, сероглиняные лесбосские, ранние фазосские и амфоры других центров, связанных с морским путем афинско-боспорской торговли. В этих слоях местной черепицы еще нет, но изредка встречаются обломки импортной, в том числе коринфской, черепицы и фрагменты пифосов, привезенных из Колхиды, а также пифосов местного производства. Отметим также ручку коринфской амфоры, находки которых редки на Боспоре.

Такое обилие разнообразной импортной керамики, в том числе художественной керамики, в слоях VI—V и V вв. до н. э. необычно для других боспорских городов, даже для Пантикапея и Фанагории. Оно свидетельствует о чрезвычайно высокой торговой активности города, о его благосостоянии и богатстве господствующей части населения. Этому соответствует и интенсивное городское строительство, о чем мы говорили выше, и разнообразие строительной техники этого времени, естественное для города с неоднородным и быстро растущим населением.

[23] *М. М. Худяк.* Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952; *его же*, стр. 256, рис. 17; *его же.* Из истории Нимфея. Изд-во Гос. Эрмитажа. Л., 1962, табл. 32; *И. Б. Зесст.* Ук. соч. КСИА АН СССР, 83, рис. 19, 20.

Рис. 10. Образцы расписной и чернолаковой керамики конца VI и V вв. до н. э.

Данные, полученные в результате раскопок, в значительной мере подтверждают предположение, ранее высказанное Б. Д. Блаватским[24] в связи с толкованием текста Диодора, о том, что знатный род Археанактидов утвердился в Гермонассе, которая в VI—V вв. до н. э. была наиболее значительным и богатым городом на азиатской стороне Боспора. Когда же под эгидой Археанактидов произошло объединение городов, Археанактиды избрали своей новой резиденцией Пантикапей и переселились туда с азиатской стороны Боспора.

В эпоху ранних Спартокидов наступил период повсеместного расцвета боспорских городов. Именно в это время поднимается экономическое значение Фанагории, которая стала главным центром боспорской торговли с обширной синдо-меотской периферией.

Гермонасса же находилась в стороне от водного пути в Прикубанье[25], и ее периферией по-прежнему оставалась ближайшая синдская территория, где продолжались длительные, прочные экономические связи Гермонассы с эллинизированным местным населением. Эти связи всегда способствовали экономическому процветанию города. Такими они сохранились и в эпоху ранних Спартокидов. Поэтому для Гермонассы этот период не был связан с внезапным подъемом и расцветом, как во многих других городах Боспора. Более того, именно в IV—III в. до н. э., в период еще высокого благосостояния, в Гермонассе впервые наметились тенденции к спаду городской жизни, с полной очевидностью проявившемуся позднее, в конце III и во II в. до н. э.

Раскопки слоев IV—III вв. до н. э. позволили проследить этот начальный период спада городской жизни. Выше мы уже говорили, что эти слои усту-

[24] *В. Д. Блаватский.* Архаический Боспор. МИА, 33, 1954, стр. 36 сл.

[25] Древнее устье Антикита, ныне Шемарданская бухта, находится на расстоянии около 20 *км* от Таманского городища.

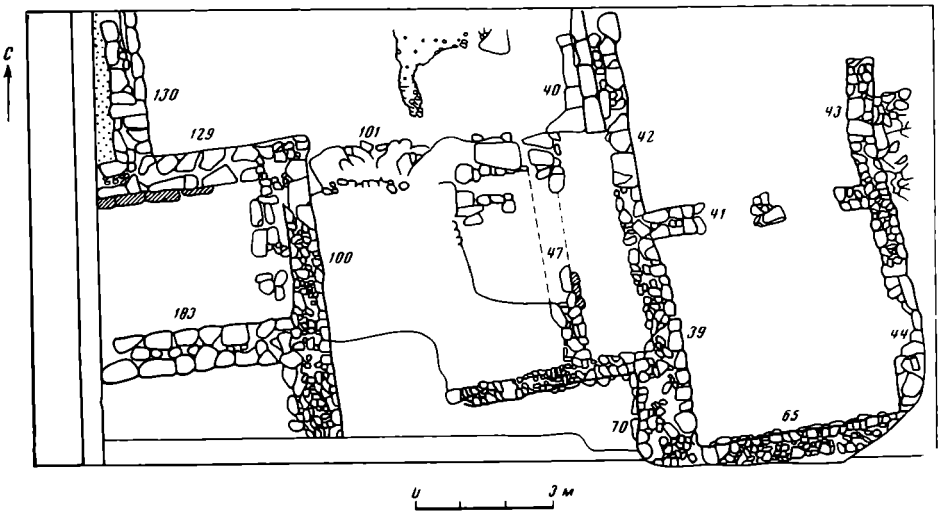


Рис. 11. План дома IV в. до н. э. «Нагорный» раскоп

пают по своей мощности слоям предшествующего периода. Но главное заключается в изменении характера культурных остатков в этих слоях. Примечательно, что среди прочих находок в них сравнительно мало художественных изделий, в том числе мало терракот, антефиксов, расписной керамики и пр., в то время как во всех больших боспорских городах в этот период такие изделия были широко распространены в быту. В этих слоях меньше остатков чернолаковой керамики, чем в предшествующих, в то время как в других боспорских городах импорт аттической чернолаковой керамики именно в этих слоях увеличивается. Все это показывает, что в Гермонассе население стало меньше пользоваться дорогими привозными изделиями. В то же время отдельные выдающиеся по своему значению находки, какими являются Таманский саркофаг, Пуленцовский клад и др., свидетельствуют об усилившейся имущественной дифференциации среди населения. О том же свидетельствуют некоторые надписи этого времени, сохранившие имена, связанные с аристократической знатью Гермонассы. Две новые надписи, найденные в раскопках, дополняют эти сведения. Одна из них опубликована [26].

Архитектурные остатки этого времени были открыты на всех участках городища, но самая значительная и интересная постройка была раскопана на «Нагорном» раскопе (№ 3). Здесь открыт большой перистильный дом. Это здание было построено в IV в. и перестроено в конце столетия или в начале III в. до н. э. Дом раскопан лишь частично на площади 200 $м^2$, а общая площадь его должна быть не менее 500 $м^2$. Ориентировано здание с северо-запада на юго-восток (рис. 11).

В центре раскопанной части дома находится открытый дворик, поверхность которого покрыта слоем белой, известняковой крошки. Этот слой подстилал несохранившиеся каменные плиты двора. С северной и с восточной стороны дворика находились крытые навесы — простады. От них сохранились каменные субструкции, служившие для опоры столбов. На поверхности субструкции северной простады лежала профилированная плита, служившая вероятно, основанием одного из столбов. Северная простада была вымощена плитами и тесаными блоками, часть которых сохранилась в ее северо-восточном углу (кладка 40). Дворик окружен со всех сторон помещениями. Из них почти полностью открыты три: два с восточной стороны и одно с западной. Кроме того, частично открыты четыре других помещения, дальнейшие раскопки которых требуют расширения площади. От помеще-

[26] *Н. С. Белова.* Новая надпись из Гермонассы. ВДИ, 1967, 1, стр. 60 сл.

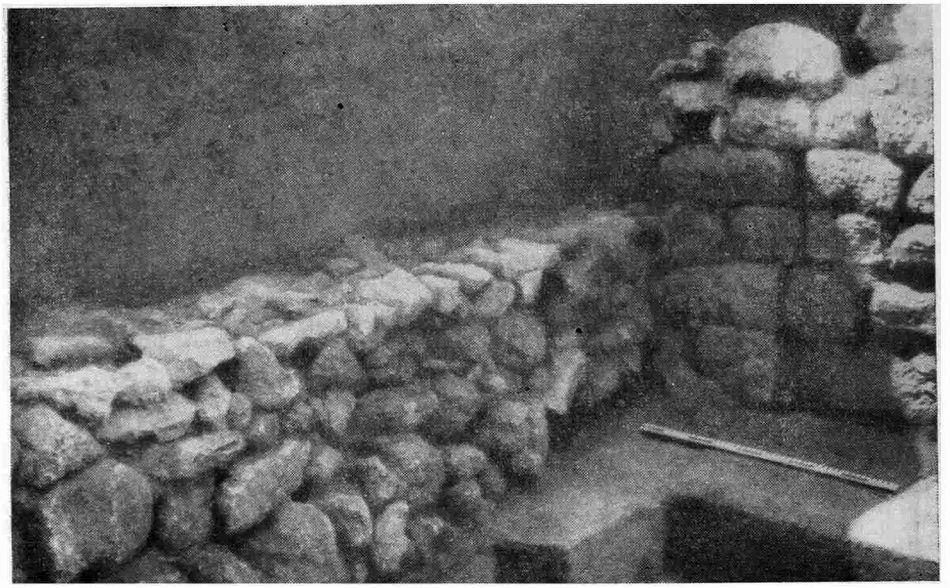


Рис. 12. Кладки дома IV в. до н. э., № 39 и 65 из необработанных камней

ний сохранились каменные цоколи, служившие основанием стен из сырцовых кирпичей. Развалы сырца заметны во многих местах раскопа. Цоколи сложены в основном из необработанного или слегка отесанного камня средней величины. Наиболее крупные камни заложены в основание фундамента. Камни уложены горизонтальными рядами, образующими два панциря с забутовкой между ними (рис. 12).

Наряду с необработанным камнем в строительстве дома широко использовался тесаный камень. Мы уже говорили о плитах дворика и простады, о блоках и профилированных архитектурных деталях. В кладках цоколей применялись и рустованные блоки. Два ряда блоков, уложенных насухо, облицовывали наружную сторону восточной стены дома № 43 (рис. 13).

Другие кладки, открытые раскопками, относятся к внутренним стенам здания и облицовок из рустованных блоков не имеют. Но одна кладка (№ 130), связанная, вероятно, с северной простадой, была сложена отчасти из рустованных блоков, отчасти из очень крупных, необработанных камней.

Эта кладка была раскопана частично, и ее своеобразный характер пока неясен. Несомненно лишь одно: и большие камни, и рустованные блоки были уложены одновременно, в первоначальный период строительства. Блоки не могли быть использованы повторно — об этом свидетельствует одновременность нанесения рустов на смежных блоках и сохранившиеся отески в грунте у основания кладки.

Внутренняя поверхность стен некоторых помещений дома ранее была покрыта цветной штукатуркой, многочисленные обломки которой найдены во время раскопок. В строительной технике заметны не только обычные для античной архитектуры приемы этого времени, но и некоторые своеобразные особенности, которые, по-видимому, свидетельствуют о приемах, известных местным строителям. Так, участок цоколя (№ 41) сложен из необработанных камней наподобие кладок «елочкой» (рис. 14). Необычно также применение очень больших, совершенно необработанных камней наряду с камнями средней величины. Вместе с тем нужно отметить, что эти своеобразные черты архитектуры здания не нарушают общей системы регулярных кладок и всегда подчинены ей.

Раскопанная часть дома не дает возможности судить о планировке всего здания. Но о некоторых особенностях открытого памятника можно говорить

Рис. 13. Восточный фас кладки дома IV в. до н. э. № 43, сложенный из рустованных блоков

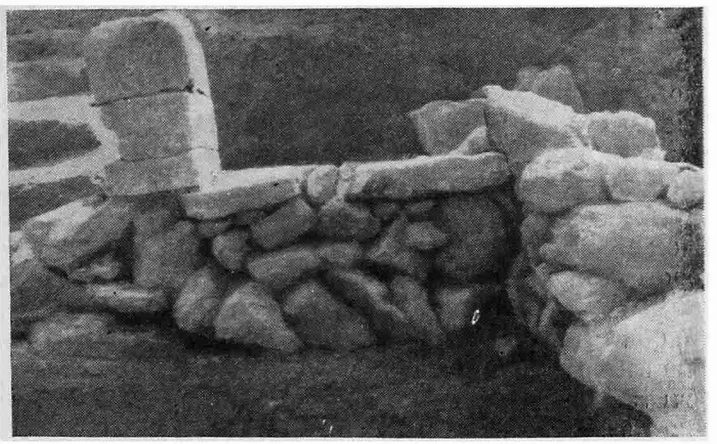


Рис. 14. Кладка дома IV в. до н. э. № 41, напоминающая кладку «елочкой»

сейчас. Внутренний дворик с простадами, окруженный закрытыми помещениями, представляет тип жилого перистильного дома. В эллинистическое время перистильные постройки становятся обычными в греческой архитектуре. В это время известны они и в Северном Причерноморье.

В городах Средиземноморья этот тип постройки складывается значительно раньше. Дом IV в. до н. э., открытый в Гермонассе, является одним из ранних типов перистильного здания на территории Северного Причерноморья, и в этом отношении его дальнейшее исследование представляет несомненный интерес. Здание IV в. до н. э., как мы уже говорили, было перестроено в конце столетия или в начале III в. до н. э. В результате перестроек некоторые обработанные камни и архитектурные детали были повторно использованы в кладках цоколей.

На Восточном раскопе (№ 2) была открыта кладка цоколя № 96 IV в. до н. э. длиной 8 *м*, шириной 0,7—0,8 *м* (рис. 9). Ее северо-западный угол сложен из более крупных и лучше отесанных камней. Остальная часть кладки состоит из мелкого и средней величины необработанного известнякового камня. В кладку заложены части блоков, использованные в качестве строительного материала, а в северной части два каменных блока уложены непосредственно на землю. Вероятно, это здание, как и здание на «Нагорном» раскопе, неоднократно перестраивалось. На том же раскопе была от-

крыта часть здания III в. до н. э. Кладки № 94, 95 образуют северо-западный угол дома. Они сложены из очень крупных, необработанных камней, которые укреплены мелкими и средней величины камнями. В угловой части здания был использован каменный блок и большой плоский камень размером 1×0,8 *м*, толщиной 25—30 *см*. Несохранившиеся сырцовые стены этого здания были покрыты цветной штукатуркой, обломки которой (в основном красная, желтая и белая) были найдены при раскопках здания.

В III в. до н. э. заканчивается период первого высокого расцвета города, начавшийся в VI—V вв. до н. э. В это время Гермонасса еще была значительным и благоустроенным городом с развитой торговлей и ремеслами. Письменные источники, нумизматические данные и ряд других свидетельств подтверждают это. Но по сравнению с предшествующим периодом уровень городской жизни снизился. Этот исторический процесс наглядно прослеживается в изменении характера культурного слоя. Именно в это время перестраивается большое, благоустроенное здание IV в. до н. э. на «Нагорном» раскопе, и следы перестройки свидетельствуют об упрощении строительной техники. В постройках этого времени часто используется строительный материал из старых разрушенных или разрушивающихся зданий IV в. до н. э. Сократилась и мощность культурного слоя, а находки в нем относятся в основном к числу бытовых, необходимых предметов.

В последующий период, относящийся ко II в. до н. э., Гермонасса переживала глубокий и длительный экономический упадок, продолжавшийся и в I в. до н. э., во всяком случае в первой его половине. Слои этого времени мало выразительны. На одном раскопе были встречены остатки жилых построек этого времени. Цоколи этих зданий, сложенных из известнякового, рваного камня средней величины, принадлежат рядовым жилым постройкам.

Среди находок в слоях конца III, II и I вв. до н. э. преобладают обломки керамики бытового характера и очень мало изделий художественного ремесла: мегарских чаш, расписной эллинистической керамики, терракот и других изделий, обычных в эллинистических слоях других боспорских городов. Обращает внимание и почти полное отсутствие родосских амфор. Родосское вино, считавшееся одним из лучших сортов, здесь заменял обильный импорт дешевого косского вина.

В то время когда Гермонасса переживала длительный период экономического упадка, соседние боспорские города достигли высокого уровня благосостояния и только тяжелые времена после митридатовских войн временно поколебали основы их хозяйства.

Вопрос о причинах иного пути исторического развития Гермонассы в эллинистическое время по сравнению с другими большими городами Азиатского Боспора остается не вполне ясен и требует самостоятельного исследования. Но, по-видимому, главная причина заключалась в изменении условий сельского хозяйства синдского населения полуострова, в результате чего Гермонасса постепенно начала терять значение на хлебном рынке Спартокидовского Боспора.

Вторичный расцвет Гермонассы начался только в I в. и был связан с большими изменениями экономических основ всего Боспорского государства.

I. B. Zeest

L'ORIGINE ET LE PREMIER ESSOR DE HERMONASSA

Résumé

Hermonassa était une des grandes villes sur le bord asiatique du Bosphore. Ses vestiges se trouvent actuellement à l'extrémité de la stanitsa (bourg) de Taman.

Aux VII — VI siècles avant n. è. à cette place a pris naissance une factorerie de commerce grecque, et au 2-ème quart du VI s. avant n. è. a été fondée la ville de Her-

monassa. Les VI—V siècles avant n. è. étaient la première période de l'âge fleurissant de cette ville.

Aux IV et III siècles avant n. è. la ville était encore dans sa haute aisance, mais, en même temps, on peut distinguer les premiers signes de décadence de la vie urbaine.

Ce processus s'est achevé par une longue période du déclin de la vie urbaine aux II et I siècles avant n. è.

Les restes architecturaux des VI — V siècles avant n. è. témoignent de la technique variée de bâtiment. Il faut noter le socle N°. 89, qui est posé de grandes pierres, à la manière de la maçonnerie polygonale.

Dans la couche du IV s. avant n. è. est dégagé, partiellement, une maison peristyle, avec une cour intérieure, entourée des locaux clos.

Cette maison a été reconstruite aux IV — III siècles avant n. è.

Дж. А. ХАЛИЛОВ, И. А. БАБАЕВ

О ГОРОДАХ ДРЕВНЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Кавказская Албания — одно из древнейших государственных образований в Закавказье, охватившая большую часть территорий современного Азербайджана и приморского Дагестана, начиная с 30-х годов XIX в. интересует исследователей. Наряду с другими не менее важными вопросами истории этого государства большой интерес представляют его города.

Возникновение и развитие городов Албании теснейшим образом связаны с социально-экономической и политической историей этой страны. Поэтому почти все исследователи, занимавшиеся вопросами истории Албании, интересовались и ее городами (А. Бакиханов, Ф. Крузе, А. Яновский. Б. Дорн, В. В. Бартольд, Е. А. Крымский, С. В. Юшков, К. В. Тревер и др.). Однако до недавнего времени исследователи относительно городов имели в своем распоряжении лишь письменые источники, в которых о городах Албании, особенно о ранней поре их истории, имеются отдельные упоминания. В этом отношении монографическое исследование К. В. Тревер выгодно отличается от других [1]. Она дала не только критический обзор литературы об Албании и ее городах, но и привлекла нарративные письменные источники, а также археологические материалы. Однако в то время археологические материалы относительно градостроительства в Албании были еще незначительны.

Археологические раскопки, развернувшиеся за последние годы на памятниках Албании, дают обильные вещественные материалы о древних городах этой страны. Анализ археологических материалов и письменных источников позволяет установить, что возникновение городов в Албании можно отнести ко времени не позднее начала III в. до н. э. Оно является результатом многовекового социально-экономического развития страны.

Археологические исследования показывают, что еще во второй половине, если даже не в середине II тысячелетия до н. э. среди племен, заселявших территорию современного Азербайджана, появились элементы имущественной дифференциации. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. этот процесс усиливается, чему, видимо, способствовали многие факторы, так, например, развитие производительных сил и производственных отношений внутри страны (появление железа и потом его широкое применение в хозяйстве), влияние более развитых стран Востока. К концу II — началу I тысячелетий относятся циклопические сооружения Азербайджана, представлявшие собой refugia для расположенных вокруг поселений.

В середине I тысячелетия социальное неравенство среди населения древней Албании достигает высокой степени развития, что подтверждается многочисленными археологическими материалами. Вещественными доказательствами в этом отношении могут быть строительство достаточно крупных зданий, некоторые погребальные памятники и многие археологические находки. Так, например, при раскопках на местности Сарытепе в

[1] *К. В. Тревер.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М.— Л., 1959.

Казахском районе Азербайджана И. Г. Нариманов ым были обнаружены остатки довольно значительного по величине здания, построенного из сырцовых кирпичей. Важнейшим археологическим открытием тогда была находка двух каменных баз колонн ахеменидского типа в Сарытепе [2]. Как известно, аналогичные базы характерны лишь для монументального искусства ахеменидского Ирана. Само собой напрашивается, что Сарытепинский комплекс здания может быть общественным комплексом. Видимо, прав Г. А. Тирацян, полагающий, что Сарытепинский комплекс — одна из сатрапских резиденций ахеменидского Ирана в Закавказье [3].

В Сарытепе же найдена цилиндрическая печать и венчик большого хозяйственного кувшина с оттиском печати. Анализ всех материалов, выявленных при раскопках, позволяет Сарытепинский комплекс отнести к V—IV вв. до н. э. [4] Сарытепинский комплекс наряду с письменными источниками и другими археологическими находками еще раз доказывает, что территория Албании до возникновения здесь государственности вошла в состав Ахеменидской империи. Это, надо думать, оказало определенное воздействие на социально-экономическое развитие страны.

Имущественную дифференциацию среди населения древнего Азербайджана иллюстрируют также строительные остатки, выявленные на Каратепе в Мильской степи [5], а особенно погребальные памятники Мингечаура и Хыныслы, относящиеся также в середине I тысячелетия до н. э. Так, в Мингечауре в погребениях с вытянутыми или слабоскорченными костяками найдены несколько десятков бронзовых перстней с различными изображениями на щитках, которые без всякого сомнения выполняли функцию печатей, т. е. закрепляли имущество за его собственником [6].

Таким образом, уже в середине I тысячелетия до н. э. в древней Албании были налицо все предпосылки для зарождения классового общества и, следовательно, городов, ибо, как известно, родоплеменной строй еще не знает городов в точном значении термина. Появление городов обозначает разрушение родо-племенного строя. Возникновение городов является также результатом второго крупного разделения труда — отделения ремесла от сельского хозяйства. Надо думать, здесь этот процесс завершается в середине или в самом начале второй половины I тысячелетия до н. э. «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность» [7].

Таким образом, в это время на территории Албании создались все предпосылки для возникновения городов. Развивались торговля и различные виды ремесла, что главным образом было результатом роста производительных сил и призводственных отношений внутри страны. К. Маркс говорил: «Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой» [8]. Поселения, лежащие на

---

[2] *И. Г. Нариманов.* Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. СА, 1960, 4, стр. 162—164.

[3] *Г. А. Тирацян.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V — IV вв. до н. э. СА, 1964, 3, стр. 74.

[4] *И. Г. Нариманов.* Ук. соч., стр. 164.

[5] *О. Ш. Исмизаде.* Итоги археологического исследования поселения на холме Каратепе. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 72—73.

[6] *С. М. Казиев.* Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, I, Баку, 1949, стр. 21—25; *И. А. Бабаев.* Некоторые вопросы изучения памятников глиптики в Азербайджане. ДАН АзербССР, 1964, 6, стр. 78; *Г. Асланов, И. Бабаев.* Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре. Изв. АН АзербССР. Сер. обществ. н., Баку, 1965, 2, стр. 95, 98.

[7] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. Соч., т. III. М., 1955, стр. 50.

[8] *К. Маркс.* Капитал, III, 1949, стр. 344.

удобных путях и в местах, благоприятных для развития ремесла и торговли, постепенно превращались в города и становились культурно-экономическими центрами страны. Такие города в Албании были в значительном количестве, о чем, в частности, свидетельствуют письменные источники. Так, например, римский автор I в. н. э. Плиний Старший в своем энциклопедическом труде «Естественная история», говоря об Албании, упоминает, что ее главным городом является Кабала (Кабалака) [9]. Значит, по его словам, Кабала главный, а не единственный город Албании.

Во II в. н. э. Клавдий Птолемей упоминает уже 29 городов и других менее значительных, но достаточно крупных населенных пунктов, сведения о которых дошли до далекого Рима [10]. Интересно отметить, что упоминаемое у Птолемея количество городов и других населенных пунктов в Албании намного превышает количество названий населенных пунктов соседних стран.

Локализация многих упоминаемых Птолемеем городов пока представляет большую трудность, ибо он ошибочно принял неправильную величину окружности земли [11]. Поэтому указания по градусам местонахождений этих городов не позволяют отождествлять их с тем или иным городищем. Гидронимы, упоминаемые Птолемеем, в этом деле тоже мало помогают, так как они изменились за прошедшие тысячелетия. Спорны также и северные границы Албании, точное установление которых помогло бы локализации гидронимов и городов, упоминаемых Птолемеем.

В данное время, как нам представляется, принципиальное значение имеет не отождествление того или иного городища с городами, упоминавшимися античными авторами, а характер градостроительства и экономическая жизнь городов этой страны, что уже хотя бы в общих чертах можно проследить на основе проведенных раскопок ряда городищ.

Как сказано выше, согласно Плинию Старшему, на рубеже нашей эры главным городом Албании считался Кабала. Установлено, что развалины этого города находятся вблизи с. Чухур-Кабала Куткашенского района Азербайджанской ССР. С 1959 г. ведутся планомерные археологические раскопки в Кабале, где сохранились остатки города античного времени. Раскопками установлено, что этот город просуществовал более 2 тыс. лет, причем городище античной эпохи расположено на расстоянии 2 *км* к юго-востоку от средневековых развалин города Кабалы. Античный город находился в междуречье Карачая и Гочаланчая. Город в свое время имел оборонительные сооружения. Особенно хорошо прослеживаются остатки оборонительного вала длиной более 1 *км*, защищавшего город с южной стороны. Первоначальная ширина вала была не менее 6 *м* [12].

Археологическими исследованиями на городище установлен культурный слой толщиной 2,6 *м*. Нижний горизонт его мощностью 0,3—0,4 *м* относится к эпохе ранней бронзы. Непосредственно на этом слое лежат слои IV в. до н. э.— I в. н. э. На раскопанном участке к этому времени относятся три строительных горизонта. На основе стратиграфии и добытых материалов они датируются соответственно первый — концом IV—III в. до н. э., второй — II — первой половиной I в. до н. э. и, наконец, третий — второй половиной I в. до н. э.— I в. н. э. Нижние горизонты пока исследованы на сравнительно небольшой площади. Но, несмотря на это, в них были обнаружны остатки довольно значительных по величине зданий, стены которых сооружены из булыжника, различные строительные материалы, представленные главным образом черепицами и строительными камнями. В этих горизонтах также много местных и привозных изделий.

---

[9] *Плиний.* Кн. VI, 29.

[10] *Клавдий Птолемей.* Географическое руководство. Гл. II, 1—8.

[11] *Дж. О. Томпсон.* История древней географии. М., 1953, стр. 462.

[12] *С. М. Казиев, И. А. Бабаев.* Раскопки древней Кабалы. АО — 1967, М., 1968, стр. 317—319.

В Кабале в античную эпоху в качестве строительного материала широко применяли булыжник, тесаный камень и особенно сырцовый кирпич. Наряду с ними в Кабале в строительстве применялись обожженные кирпичи, о чем свидетельствуют их находки на территории городища [13]. Для покрытия крыши зданий в Кабале широко применялась кровельная черепица, обнаруженная во всех трех строительных горизонтах [14].

Особый интерес представляет большое здание общественного назначения, построенное из сырцовых кирпичей. Остатки его вскрыты в верхнем слое городища. Толщина стен этого здания более 2 *м*. Сырцовыми же кирпичами вымощены и полы. Выяснилось, что здание погибло в результате пожара, следы которого прослеживаются по всей площади раскопа. Здание подверглось сильному разрушению. Стены его лишь в некоторых местах сохранились на высоту до 0,5 *м*, в отдельных местах они прослеживаются с трудом. Это разрушение произошло, вероятно, в конце I или в начале II в. н. э.

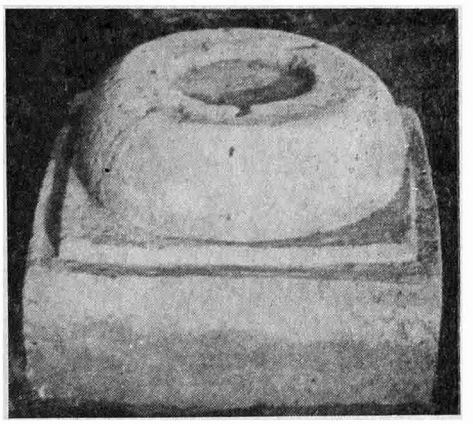


Рис. 1. Кабала. База колонны второй половины I в. до н. э.— I в. н. э.

Расчищены три зала площадью 56, 87 и 118 $м^2$, большой вестибюль, коридоры и несколько сравнительно небольших помещений, входящих в комплекс здания. В центральной части больших помещений обнаружены по две каменные базы колонн (рис. 1). Колонны, по всей вероятности деревянные, не сохранились. На полу помещений остатков бытовых вещей немного. Они представлены отдельными фрагментами глиняных сосудов. В подсобных помещениях прослежен слой золы сгоревшей соломы с обуглившимися зернами пшеницы и ячменя.

Для покрытия крыши здания использованы большие плоские и двускатные черепицы, десятки тысяч фрагментов которых были найдены при раскопках (рис. 2). Черепицы обнаружены и в слоях IV—I вв. до н. э. Они представлены плоскими и желобчатыми черепицами. По размерам эти черепицы близки к черепицам из верхнего горизонта. Черепицы нижнего слоя с одной стороны окрашены красной краской. На одной из них есть оттиск клейма, что свидетельствует о развитии и централизации отдельных видов ремесла в городе в последней четверти I тысячелетия до н. э.

В нижних слоях, в отличие от верхнего, бытовых материалов больше. Малое количество бытовых вещей в верхнем слое, вероятно, объясняется тем, что это здание скорее всего носило общественно-административный характер.

Подавляющее большинство обнаруженных в нижнем слое находок составляют фрагменты различных глиняных сосудов. Среди находок имеются стеклянные бусы, бронзовые пуговки и подвески, фрагменты различных привозных стеклянных и глазурованных глиняных сосудов и прочие остатки материальной культуры, характеризующие развитую городскую культуру в Кабале в эллинистическую эпоху. В нижних горизонтах культурного слоя обнаружены монеты. Одна из них драхма парфянского царя Фраата III (70—57 гг. до н. э.), две другие — местные подражания драхмам Александра Македонского.

---

[13] *И. А. Бабаев, С. М. Казиев, Ф. Л. Османов.* Археологические исследования в Кабале. АО — 1970, М., 1971, стр. 394.

[14] *И. А. Бабаев.* Черепицы античной эпохи из раскопок Кабалы. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку, 1972, стр. 23 сл.

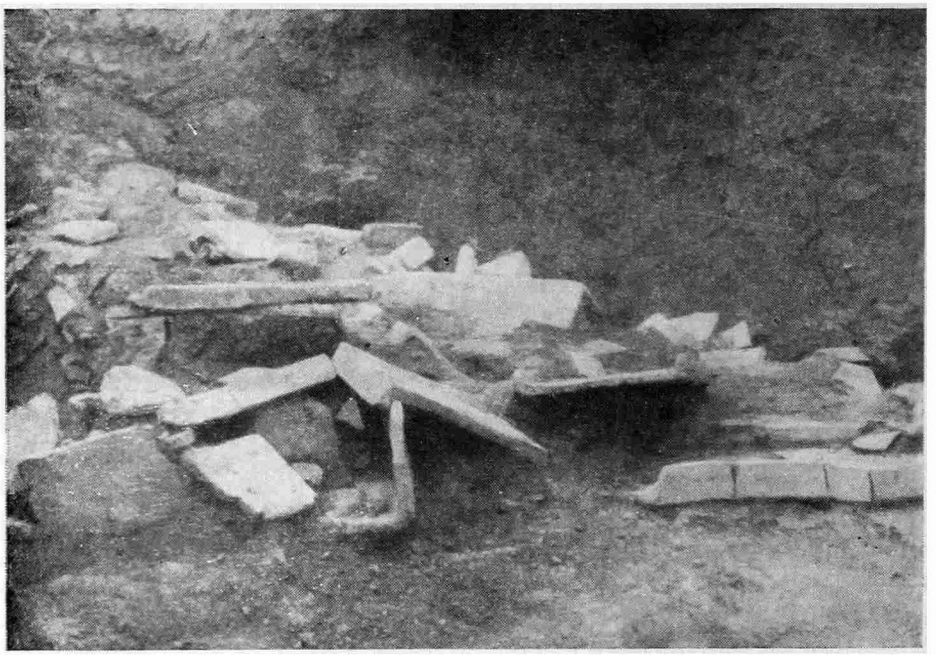


Рис. 2. Кабала. Завал черепиц внутри помещений. Вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э.

При раскопках в Кабале в слоях III—I вв. до н. э. обнаружены комки глины с оттисками печатей (буллы), которые имеют большое научное значение (рис. 3). Подобными буллами опечатывали официальные документы, двери кладовых, тюки с товарами др. Многие оттиски нанесены привозными перстнями-печатями. Наряду с буллами обнаружены куски хорошо отмученной глины, являющиеся заготовкой для булл [15]. Определенный интерес представляют также большие хозяйственные кувшины, зарытые рядом друг с другом в землю, которые служили для хранения продуктов. Венчики этих кувшинов были закрыты плоскими камнями (рис. 4). Вероятно, они находились в складском помещении. Все эти материалы характерны для довольно высокоразвитой городской культуры того времени.

Для характеристики городской культуры Кабалы немалый интерес представляет некрополь. Пока в Кабалинском некрополе раскопан небольшой участок, в результате чего выявлены грунтовые и кувшинные погребения с довольно богатым погребальным инвентарем [16]. Наличие в могильном поле одновременных погребений с различным обрядом характерно для городских некрополей. Ибо общеизвестно, что города имели смешанное по религиозной и этнической принадлежности население, чему можно было бы привести много примеров. В этом отношении достаточно упомянуть античные города Армении и Иберии, являющиеся сопредельными с Албанией странами.

Раскопанные грунтовые погребения принадлежат взрослым людям, а кувшинные — детям. Однако проведенные в кабалинском некрополе раскопки пока настолько незначительны, что на их основании невозможно сделать окончательные выводы о погребальных обрядах. Можно допустить, что как в некрополях других городов, так и в Кабале типы погребений были различными, о чем, в частности, свидетельствуют захоронения в

---

[15] *С. М. Казиев, И. А. Бабаев.* Раскопки Кабалы. АО— 1968, М., 1969, стр. 398 сл

[16] *С. М. Казиев, И. А. Бабаев, Ф. Л. Османов.* Работы Кабалинской экспедиции. АО — 1969, М., 1970, стр. 376 сл.

Рис. 3. Кабала. Оттиски печатей на сырой глине (буллы) из слоев эллинистической эпохи

глиняных гробах, обнаруженных на расстоянии всего нескольких километров от городища Кабала. Эти гробницы в Албании датируются эллинистической эпохой. Раскопанные в Кабале погребения, по всей вероятности, принадлежали рядовым гражданам. Но, несмотря на это, они дали значительный материал, состоящий из многочисленных глиняных сосудов различных форм, наконечников копий и стрел, серпов, предметов украшения и пр. В отдельных погребениях число глиняных сосудов превышает 40 штук. Обнаруженные сосуды имеют различные формы (рис. 5).

Одним из значительных городов Кавказской Албании была Шемаха, упоминаемая у Птолемея как Кемахея или же Мамахея. С 1958 г. на территории древней Шемахи ведутся широкие археологические раскопки, в результате чего выявлено огромное количество материалов. Толщина культурного слоя здесь местами достигает 4 *м*. Причем, как и в Кабале, установлено, что слои античной эпохи лежат непосредственно на слое ранней бронзы. Поселение несколько раз подвергалось сильному разрушению и потом восстанавливалось, вследствие чего границы города то суживались, то опять расширялись. В результате этого отдельные участки города несколько раз превращались в погребальное поле, а позже снова застраивались городскими сооружениями [17]. При раскопках выяснилось, что погребальные ямы сильно разрушены строительными остатками. Но тем не менее на участках, не тронутых погребениями, остатки городских сооружений прослеживаются.

Первоначально, примерно в IV в. до н. э., поселение занимало сравнительно небольшую территорию. Оно было расположено у подножия горы Пирдиреки на территории нынешнего с. Дере-Хыныслы и к югу от него. На раскопанных участках слой, относящийся к IV—III вв. до н. э., пострадал больше. Лишь на небольших участках были фиксированы остатки стен, построенных из булыжника. Вероятно, верхние части стен были построены из сырцовых кирпичей. Полы этих помещений были утрамбованы и обмазаны глиной [18]. Основные могильные памятники этого периода в

[17] *Дж. А. Халилов.* Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, стр. 218.

[18] *Он же.* Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы (на азерб. яз.), МКА, VI, Баку, 1965, стр. 82.

Шемахе — ямные погребения. В этот период находящееся здесь поселение еще не приобрело облик города.

К концу III в. до н. э. поселение, развиваясь, становится уже городом. Меняется его облик, увеличивается число мастерских по изготовлению различных ремесленных изделий, расширяется площадь города. Период II в. до н. э. — II в. н. э. в Шемахе является периодом расцвета. В это время Шемаха становится одним из культурно-экономических центров Албании. Слои, относящиеся к этому периоду, насыщены археологическими материалами, в том числе строительными остатками. При раскопках вскрыты остатки различных мастерских и других сооружений.

Рис. 4. Кабала. Хозяйственный кувшин, зарытый в землю. Конец IV—III в. до н. э.

В это время гончарное ремесло и стекольное производство достигают высокого развития. Обнаружены глиняные сосуды с оттисками различных печатей-клейм и сами печати, предназначенные для подобных целей, что свидетельствует о централизации производства в отдельных мастерских [19]. В быту населения в это время значительное место занимают привозные и изготовленные на месте стеклянные изделия. При раскопках вскрыты также остатки довольно больших комплексов зданий — жилищ, общественных и хозяйственных помещений. Основными строительными материалами были камень и сырцовый кирпич. При раскопках найдены фрагменты кровельных черепиц, что свидетельствует о покрытии крыш некоторых больших зданий черепицами [20].

В Шемахе найдены более 15 каменных баз колонн. В отличие от кабалинских они несколько меньше по размерам и представлены несколькими видами [21]. По всей вероятности, колонны, стоявшие на этих базах, были в основном деревянными, но были и составные каменные колонны. Эти базы колонн относятся в основном к II в. до н. э. — II в. н. э. Базы колонн, фрагменты кровельных черепиц и другие строительные остатки свидетельствуют о существовании здесь довольно значительных комплексов зданий. Значительный интерес представляют также остатки большого здания, где прослеживаются жилые и производственные помещения (рис. 6). Данный комплекс принадлежал, вероятно, зажиточному ремесленнику.

Кроме строительных материалов о городском характере шемахинского поселения свидетельствует некрополь. При раскопках здесь повсеместно выявлены разнотипные погребения, относящиеся к одному и тому же периоду. В IV — II вв. до н. э. здесь основным типом могильных сооружений были ямные погребения, в которых зафиксировано одиночное захоронение в скорченном положении на левом или правом боку с произвольной ориентацией. Начиная со II в. до н. э. тут появляются новые обряды — грунтовые и кувшинные погребения, тоже с одиночными захоронениями. Примерно с IV в. к существующим обрядам присоединяется новый тип захоронения в каменных ящиках, которые впоследствии становились основным типом могильного сооружения.

В Шемахе найдены местные и привозные монеты, говорящие о высоком уровне денежного обращения. Подобные находки подтверждают, что

[19] *Дж. А. Халилов.* Раскопки на городище Хыныслы..., стр. 213.
[20] *Он же.* Первые итоги..., стр. 82.
[21] *Дж. А. Халилов.* Раскопки на городище Хыныслы..., стр. 211.

еще во II в. до н. э. в Шемахе наряду с привозными монетами употребляли местные монеты — подражания монетам Александра Македонского. О развитии торговли свидетельствуют и другие привозные изделия.

Обнаруженные остатки сооружений, связанных с ремеслом, а также и ремесленные изделия — яркое доказательство развития здесь различных отраслей ремесла. Довольно высокого уровня достигло гончарное ремесло, о чем свидетельствуют многочисленные глиняные сосуды, различные по форме и назначению (рис. 7). Определенная часть населения Шемахи за-

Рис. 5. Кабала. Глиняные сосуды

нималась земледелием и скотоводством. Высокого уровня достигло виноделие. Продукты этих видов хозяйства главным образом были рассчитаны на рынок. При раскопках довольно часто встречались отжимники, большие хозяйственные кувшины, иногда с остатками вина [22].

Одно из значительных поселений городского типа в Албании — Мингечаур, где в результате многолетних стационарных археологических раскопок были вскрыты ремесленные мастерские и многочисленные погребальные памятники [23]. Разнообразие могильных памятников, развитие ремесла и торговли не оставляет сомнения в том, что Мингечаур в античную эпоху был поселением городского типа. Причем античное городское поселение возникло на месте более древнего. Здесь жизнь не прекращалась с эпохи бронзы вплоть до позднего средневековья. Многочисленные геммы [24] (рис. 8), монеты [25] и другие привозные изделия свидетельствуют о разви-

[22] *Дж. А. Халилов.* Древнее поселение в Хныслы..., стр. 36; *его же.* Первые итоги..., стр. 81.

[23] Археологическим раскопкам Мингечаура были посвящены многочисленные статьи и ряд монографических работ.

[24] *Г. Асланов, И. Бабаев.* Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре..., стр. 94—102.

[25] *Е. А. Пахомов.* Античные монеты в Албании. Сб. «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962, стр. 111.

тии внутренней и внешней торговли. Вероятно, Мингечаур стал поселением городского типа не позднее IV — III вв. до н. э.

С. М. Казиев установил, что к западу от подошвы горы Казанлы-Даг около села Кара-Саккал имеются остатки древнего города. Это городище местное население называет «Шехер-буруну», «Самухом». Предполагают, что здесь в древности была переправа [26]. В свое время эти места

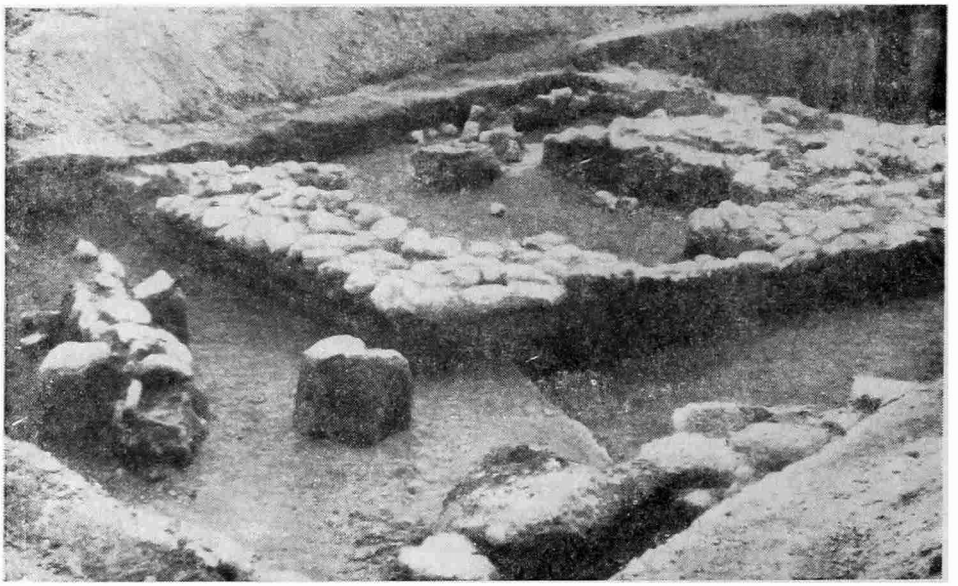


Рис. 6. Шемаха. Остатки стен большого здания

А. Яновским были отождествлены с Осикой и Самунисом [27], упоминаемыми Птолемеем.

При изучении городов Албании немалый интерес представляют остатки укрепленного поселения, расположенного в Мильской степи, вблизи развалин средневекового городища Байлакана у с. Тазакент Ждановского района Азербайджанской ССР. При археологических обследованиях здесь прослежены остатки крупных зданий. В Тазакенте обнаружены каменные базы колонн, во многом напоминающие кабалинские. Здесь найдены также небольшой клад серебряных монет Августа. В 1957 г. на территории городища Г. М. Ахмедовым заложен разведочный шурф и установлен культурный слой мощностью 3,5 м. Нижние горизонты культурного слоя дали керамику, характерную для античной эпохи. А. А. Иессен отождествлял это городище с городом Пайтакараном и возникновение здесь поселения относит к последним векам до нашей эры. По его предположению, город приблизительно в IV в. н. э. был перенесен на место Оренкала и стал именоваться Байлаканом [28].

Ряд городищ выявлен и частично обследован на территории Дагестана. В этом отношении важное значение имеет археологическое исследование, проведенное за последнее время В. Г. Котовичем на Урцекском городище, расположенном в предгорьях, севернее города Дербента в Ленинском райо-

[26] *С. М. Казиев.* Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, I, Баку, 1947, стр. 12.

[27] *А. Яновский.* О древней Кавказской Албании. ЖМНП, ч. 52, отд. II, СПб., 1846, стр. 110.

[28] *А. А. Иессен.* Новые данные для истории Азербайджана. Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1957, стр. 27—28; *его же.* Городище Орен-кала. МИА, 67, 1959, стр. 46—47; *его же.* Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960, стр. 102; *его же.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, 1965, стр. 32—34.

не. Здесь установлены остатки поселения, основанного с VIII в. до н. э. В период III—II вв. до н. э. это поселение становится городом, планировка которого подчинена рельефу местности и подразделяется на три составные части (цитатель, шахристан и посад) [29]. Каждая из этих частей обнесена оборонительными стенами. Толщина их варьирует в пределах 1—1,5 *м*, сооружены они из камней крупного размера [30]. Городище Урцеки отождест-

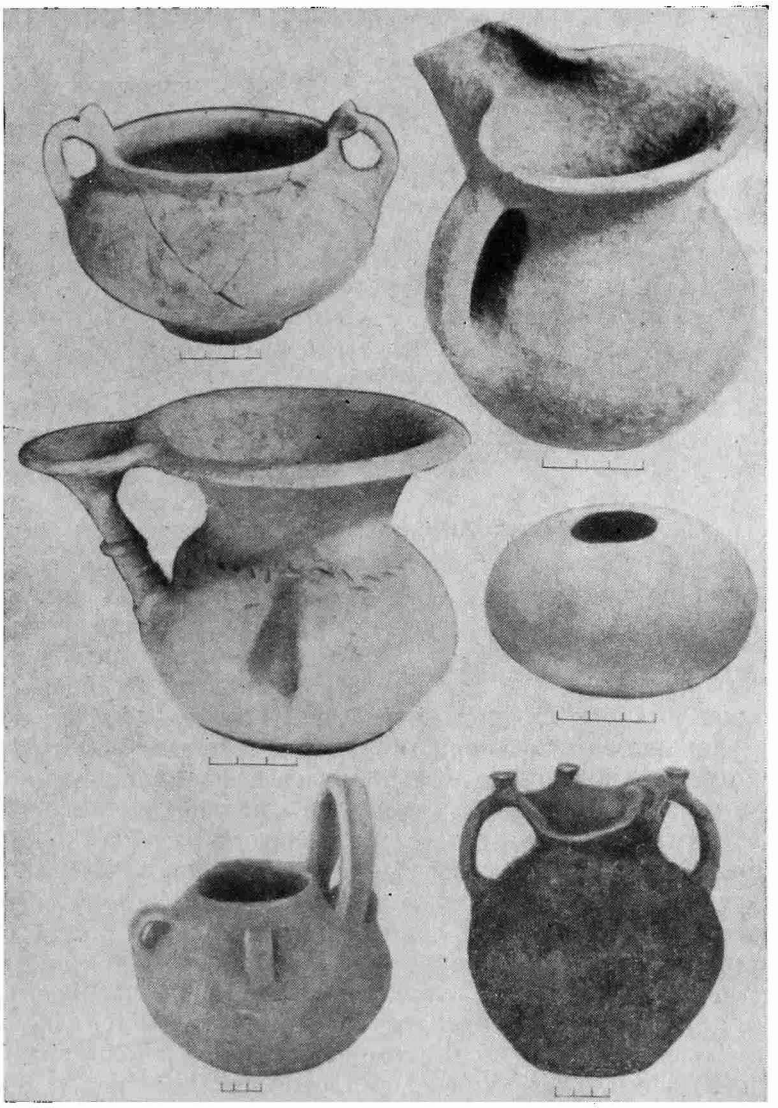


Рис. 7. Шемаха. Глиняные сосуды

вляется с раннесредневековым городом, упоминаемым у Моисея Каганжатваци — столицей царства гуннов в Дагестане Варчаном [31]. Нет сомнения, что до этого город был одним из крупных городов Албании. Раскопки Урцекского городища дали разнообразные керамические изделия, аналогичные керамике из синхронных памятников Дагестана и Закавказья. Уста-

[29] *В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов.* Работы в прикаспийском Дагестане. АО — 1971, М., 1972, стр. 153—154.

[30] *М. Г. Магомедов.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970, стр. 7.

[31] *В. Г. Котович.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 155.

навливается общность местной материальной культуры с албанской, а также связи ее с сарматской культурой [32]. На основании анализа археологического материала из Урцеки было сделано заключение о том, что в «эту эпоху ярко прослеживается и социальная дифференциация общества. Расчленение территории городища на составные части оборонительными сооружениями — показатель классовой структуры его обитателей» [33].

На территории Албании зафиксированы местонахождения еще ряда других крупных поселений городского типа. Однако на них археологиче-

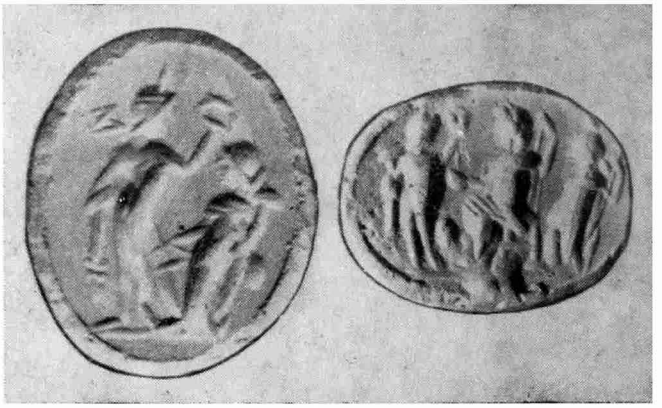


Рис. 8. Мингечаур. Слепки привозных античных гемм

ские раскопки не произведены. На основе проведенных археологических исследований уже сейчас вырисовывается картина жизни в городах Албании в античное время. Эти города были административными и ремесленно-торговыми центрами, где высокого уровня достигло денежное обращение. Находки крупных кладов монет в Шемахе (1958 г.) [34] и Кабале (1966 г.) [35] хорошо это подтверждают. Древнейшими монетами в кладах являются монеты Александра Македонского и фракийского царя Лисимаха. Большую часть привозных монет этих кладов составляют селевкидские тетрадрахмы. Но наряду с селевкидскими в составе кладов имеются парфянские, бактрийские и римские монеты. Очень важно наличие в составе кладов местных подражаний драхмам и тетрадрахмам Александра Македонского. Таких монет в составе шемахинского клада было более 70, а в составе кабалинского более 500. Отдельные экземпляры подобных монет найдены в культурных слоях городищ Кабала и Шемаха. Указанные клады монет и клад эллинистических монет, найденный в 1929 г. в Барде [36], а также другие находки монет античной эпохи указывают, что денежное обращение в Албании возникло не позднее начала III в. до н. э.

Развитием производительных сил, производственных отношений и товарного производства выражалась и стимулировалась албанская торговля внутри страны и за ее пределами. Экономические предпосылки развития торговли в Албании создавались еще в древнейшие времена. Начиная с середины I тысячелетия до н. э., как правильно отмечает Г. А. Меликишвили, «включение в водоворот международной торговли, оживление обмена и денежного обращения способствовали ускорению процесса общественного развития в среде не только грузинских племен..., но и тех,

[32] *М. М. Мамаев.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени. Автореф. канд. дис. М., 1970, стр. 6.

[33] *М. Г. Магомедов.* Ук. соч., стр. 8.

[34] *Е. А. Пахомов.* Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. IX, Баку, 1966, стр. 9—21, № 2080.

[35] *И. А. Бабаев, С. М. Казиев.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. НЭ, IX, М., 1971, стр. 16—32.

[36] *Е. А. Пахомов.* Клады..., II. Баку, 1938, стр. 9, № 314.

которые жили по соседству»[37]. Торговля в Албании развивалась до такого уровня, что привозные монеты не могли удовлетворить нужды рынка. Поэтому стали чеканить местные монеты. Анализ эволюции местных монет позволяет предполагать, что их стали чеканить еще в III в. до н. э.[38] Начиная с I в. до н. э., в Албанию широким потоком хлынули парфянские и римские монеты.

В городах Албании развивалась как внутренняя, так и внешняя торговля. О развитии внешней торговли кроме монет свидетельствуют многочисленные привозные предметы глиптики, торевтики, глазурованные глиняные сосуды, стеклянные изделия, бусы, фибулы и др. По своему характеру города Албании походили на города соседней Иберии. Древние поселения, находившиеся на удобном для развития ремесла и торговли пути, начиная с V—IV вв. постепенно укрупняются. В раннеэллинистическую эпоху некоторые из них становятся городами. В возникновении этих городов наряду с внутренним развитием немалую роль сыграли, как уже указывалось, торговые пути того времени, проходящие по территории Албании. Одним из этих путей был водный путь, проходящий по р. Куре.

Конечно, пока еще не все вопросы относительно городов Албании в античную эпоху предельно ясны. Мы еще не знаем местонахождения многих городов Албании, упоминаемых в античных источниках, на ряде городищ не произведены археологические исследования. Однако общая картина жизни в городах Албании античной эпохи уже вырисовывается. Археологические исследования, развернувшиеся широким фронтом на территории Азербайджана и приморского Дагестана, каждый год дают интересные материалы, проливающие свет на страницы истории Албании и ее городов.

I. A. Khalilov, I. A. Babaev

SUR LES VILLES DE L'ALBANIE CAUCASIENNE

Résumé

A partir des années 30 du XIX s. les chercheurs se penchent sur l'histoire de l'Albanie caucasienne. Une attention était attirée sur les villes de ce pays mentionnées dans les sources de l'Antiquité. Les explorations archéologiques de dernières décennies permettent de verser une nouvelle lumière sur l'histoire de l'Albanie et de ces villes. Les fouilles des agglomérations fortifiées d'Azerbaïdian (Kabala, Chémakha, Minghétchaour et autres) et de Daghestan méridional presentent un intérêt particulier. Les données archéologiques permettent de constater que certains villages, dont l'emplacement favorisait le développement du commerce et des métiers, é partir du milieu du I millénaire avant n. è. tendent progressivement à devenir villes. A l'époque antique l'Albanie comptait beaucoup de villes dont la plus importante était Kabala. Dans les villes on érigeait des édifices à destination administrative et sociale des dimensions assez considérables. Les tuiles de toiture étaient largement employées. Des monnaies en abondance, souvent extraites des trésors, des objets importés, des vestiges des locaux de production et d'autres trouvailles témoignent du niveau élevé des métiers, du commerce et de la circulation monétaire en villes albanaises. A l'époque hellénistique en Albanie on frappait les imitations des monnaies d'Alexandre le Grand. A l'époque de l'Antiquité les villes albanaises étaient les centres administratifs et économico-culturels du pays.

---

[37] *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 229.
[38] *И. А. Бабаев, С. М. Казиев.* Ук. соч., стр. 21.

ХОАНГ ВАН КХОАН

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ И СТАЛЬНЫХ ОРУДИЙ ТРУДА ЮЖНОЙ СИБИРИ

(VII в. до н. э. — XII в. н. э.)

Исследование технологии изготовления орудий труда из железа и стали — одна из важнейших задач в изучении истории древних производств и производительных сил в целом. Настоящая работа посвящена изучению технологии изготовления железных и стальных орудий труда у племен и народов Южной Сибири на основе металлографического анализа. Этой областью исследований древних производств до сих пор никто не занимался. Предметы, отобранные нами, были подвергнуты макро- и микроструктурному анализу с измерением микротвердости металла этих изделий. На основе полученных данных были составлены технологические схемы по методу Б. А. Колчина [1].

Исследованные в работе вещи представляют кузнечную продукцию основных районов Южной Сибири в период железного века (VII в. до н. э. — XII в. н. э.). Этот хронологический период делится на три основных этапа: первый (VII—III вв. до н. э.) — скифское время: тагарская, уюкская и пазырыкская культуры. Металлографически исследовано три предмета. Второй этап (II в. до н. э.— V в. н. э.) — гунно-сарматский: таштыкская и шурмакская культуры (исследовано 43 предмета). Третий этап (VI—XII вв. н. э.), называемый тюркско-кыргызской эпохой, этап сложения тюркского каганата и древнехакасского государства (исследовано 57 предметов).

В XIII в. Южная Сибирь подверглась нашествию войск Чингис-хана и Чингизидов. Хронологически этот период уже выходит за рамки нашей работы, однако мы исследовали ряд изделий этого времени, чтобы лучше понять историю развития металлургии и металлообработки железа в Южной Сибири.

В целом металлографически изучено более 100 предметов. Это ножи, тесла-топоры, серпы, сошники, напильники. Большинство из них (69) — случайные находки, остальные найдены во время археологических раскопок в Южной Сибири разными экспедициями с 1863 до 1972 г. и хранятся в фондах ГЭ, ГИМ, МГУ, ЛГУ, ИА АН СССР Москвы и Ленинграда, Кызылского и Минусинского музеев.

Распределение находок по категориям и хронологически представлено на табл. 1. Исследованные изделия хронологически распределились крайне неравномерно. Подавляющее большинство находок относится к двум хронологическим периодам — II — I вв. до н. э. и VI—XII вв. н. э.

Археологические памятники и места находок, из которых происходят исследованные вещи, охватывают большую территорию, включающую

[1] *Б. А. Колчин.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М., 1953.

9 памятников в Горно-Алтайской авт. обл., 8 — Тувинской АССР и 26 — в Хакасско-Минусинской котловине (рис. 1).

Сбор материала на столь большой территории с различной хронологией и происхождением представляет большую трудность. Поскольку ряд вещей не имел ни археологических характеристик, ни общепринятых датировок, мы обратились за помощью к Л. Р. Кызласову, который взял на себя труд просмотреть и датировать все комплексы и предметы, исследуемые в настоящей работе.

Конструкция и технология изготовления ножей. Из железных изделий Южной Сибири нож наиболее часто встречаемая находка. Ножи обнаружены в курганных могильниках, на стоянках, селищах и других археологических объектах; кроме того, собрана и большая коллекция случайных находок. В настоящее время в музеях Минусинска, Москвы, Ленинграда, Абакана, Красноярска и других городов хранится огромное число ножей из Южной Сибири (рис. 2). Функционально это наиболее универсальное орудие труда.

Таблица 1

Предмет	Этап			XIII—XIX вв.	Всего
	I	II	III		
Ножи	3	38	36	11	88
Тесла	—	3	7	1	11
Серпы	—	2	8	—	10
Сошники	—	—	1	—	1
Топоры	—	—	1	3	4
Напильники	—	—	4	—	4
Всего изделий	3	43	57	15	118

Для скифского этапа известны биметаллические и цельножелезные ножи. Ножей первого рода для металлографического анализа у нас нет. Исследованные нами ножи цельножелезные и представлены двумя видами — дырчатыми и пластинчатыми. Дырчатые ножи по внешнему виду подражают формам древних бронзовых образцов. Длина всего ножа колеблется от 15 до 18 *см*, ширина клинка от 1,4 до 1,7 *см*, толщина 0,2—0,3 *см*. Подобные ножи были обнаружены при археологических раскопках. Для анализа были взяты два экземпляра (рис. 3, *27*, *114*) [2]. Изучение микрошлифов показало, что эти ножи откованы целиком из неравномерно науглероженной стали. Они имеют феррито-перлитную структуру с содержанием углерода от 0,3 до 0,8%. У ножа 27 перлит имел сорбитообразную структуру.

Технология изготовления дырчатых ножей реконструируется так: 1-я операция. Заготовка металла. Проковка куска крицы. Эта операция повторяется несколько раз с целью освобождения металла от шлаков. 2-я операция. Вытяжка куска металла в пластину. 3-я операция. Основная форма ножу придается горячей свободной ковкой. 4-я операция. Пробивалось отверстие рукоятки. 5-я операция. Термическая обработка. 6-я операция. Шлифовка и полировка.

Пластинчатые ножи также по форме повторяют бронзовые. Их длина около 21 *см*, ширина клинка 1,6 *см*, толщина 0,3 *см*. Для исследования нами был взят один экземпляр (рис. 3, *88*) [3]. Нож имеет феррито-перлитную структуру с неравномерным содержанием углерода от 0,3 до 0,75%. Микротвердость 236 *кг/мм*^{2}. Пластинчатые ножи изготовлены тем же способом, что и дырчатые. Операция пробивания отверстия в рукоятке у них, естественно, отсутствует.

В конце скифского этапа к началу гунно-сарматской эпохи все ножи уже изготовлялись целиком из черного металла. По типологии С. В. Ки-

---

[2] № 27 — случайная находка. Минусинск. ГИМ, № 1356-36228. Дата IV—III вв. до н. э.; *№ 114* — случайная находка. Дер. Козлово. ГЭ, № 1583-5531. Дата III—II вв. до н. э.

[3] № 88, из раскопок памятников Аргалыкты I, кург. 21, погр. 5-м отрядом СТЭАН в 1969 г. Дата III — II вв. до н. э.

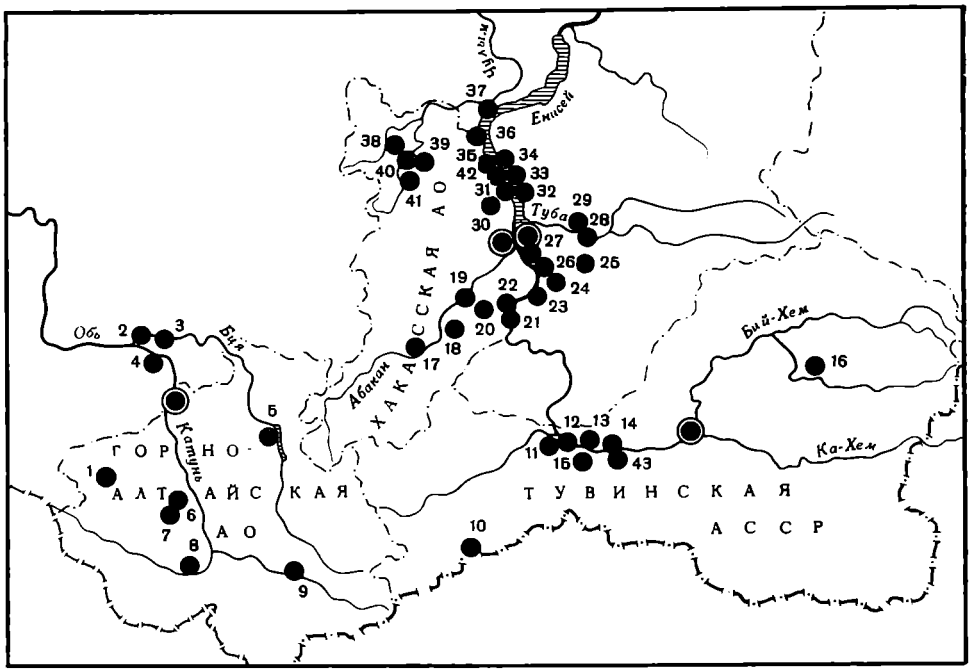


Рис. 1. Карта сборов металла с памятников Южной Сибири: *1* — Яконур; *2* — Бийск; *3* — Сростки; *4* — Красноярская; *5* — Кудыргэ; *6* — Туяхта; *7* — Снгудай; *8* — Катанда; *9* — Курай; *10* — Улуг-Хорум; *11* — Хемчик-бом; *12* — Аймырлык; *13* — Ортаа-хем; *14* — Темир-суг; *15* — Алды-бель; *16* — Азас; *17* — Монок; *18* — Табат; *19* — Уты; *20* — Сабинское; *21* — Саянский; *22* — Калы; *23* — Шушенское; *24* — Козлово; *25* — Восточное; *26* — Каменка; *27* — Лугавская; *28* — Пойлово; *29* — Курагино; *30* — Бородино; *31* — Перевозный Чаа-Тас; *32* — Унюк; *33* — Байкалово; *34* — Белык; *35* — Батени; *36* — Аешка; *37* — Новоселово; *38* — Половинка; *39* — Трошкин; *40* — Мал. Потанов; *41* — Ефремкина; *42* — Усть-Ерба; *43* — Аргалыкты

селева[4], Ю. С. Гришина[5], М. А. Дэвлет[6] и других исследователей ножи гунно-сарматского времени имеют разнообразные формы: кольчатые, копытные, дырчатые, петельные, крючковые, ажурные. Хотя формы рукояток и многообразны, ножи можно разделить на два основных вида: с открытым кольцом рукоятки и с закрытым кольцом рукоятки.

Ножи с открытым кольцом рукоятки также близки к бронзовым, но уже заметно, что их форма трансформируется и приобретает новые очертания. Сначала кольцо узкое, а позже более широкое и правильно круглое. Кроме того, лезвие гораздо короче. Длина всего ножа колеблется в пределах 14—23 *см*, длина рукоятки 9—10 *см*, толщина 0,3—0,7 *см*, толщина спинки 0,15—0,5 *см*, ширина клинка 0,8—1,7 *см*. 18 экз. ножей этого вида нами подвергнуто металлографическому анализу (рис. 3, *25*, *143*, *176*, *177*, *178*, *214*, *215*, *225*, *227—239*)[7]. Среди исследованных ножей один экземпляр оказался цельножелезным (№ *143*). Этот нож имеет чисто ферритную структуру. Рабочая часть лезвия сильно сточена, каких-либо дополнительных приемов, которые могли бы улучшить рабочие качества железного лезвия, нами не обнаружено. Это, вероятнее

---

[4] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 279.

[5] *Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов.* Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 90, 1960, стр. 182.

[6] *М. А. Дэвлет.* Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее. СА, 1968, 1, стр. 30.

[7] № *143* — из раскопок М. А. Дэвлет в 1972 г. памятника Азас I в Туве; № *25*, ГИМ, № 21-26216. Дата II—I вв. до н. э. Остальные из Минусинского музея. № *92*, *97*, *104*, *121*, *122*, *132*, *134*, *143*. Все из случайных находок. Дата II—I вв. до н. э.

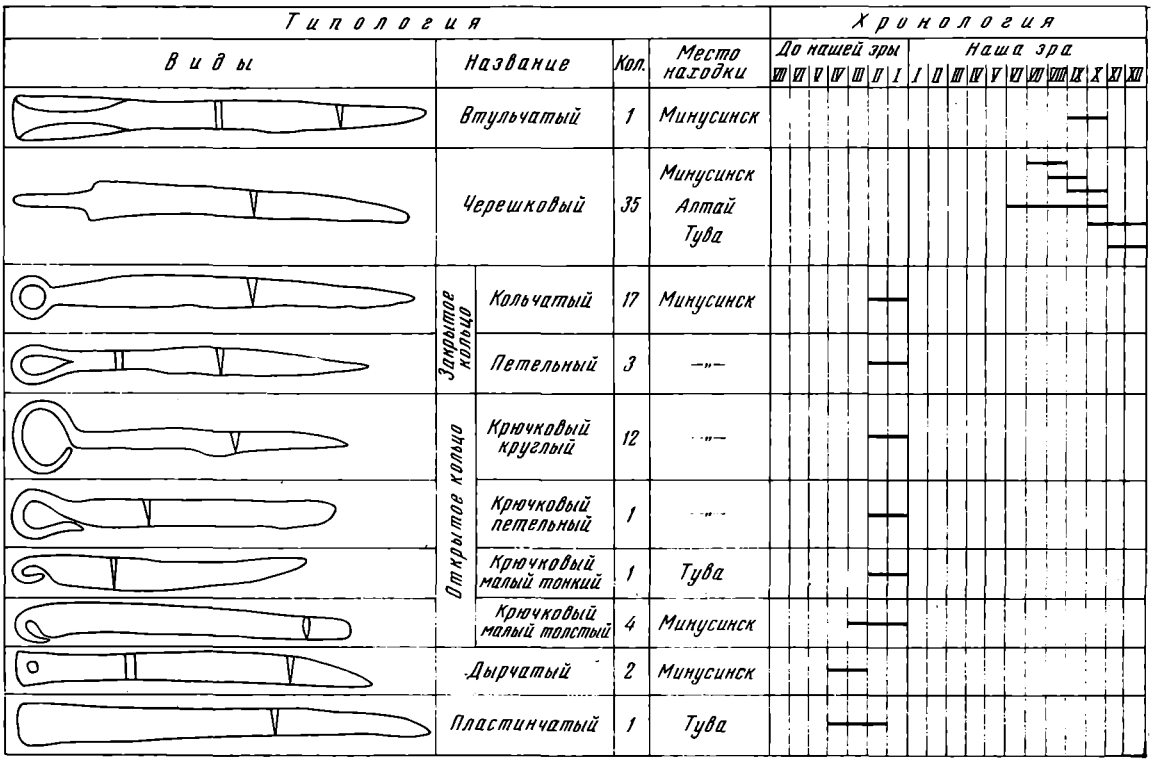


Рис. 2. Типологическая и хронологическая таблица исследования ножей

всего, производственный брак. Остальные ножи оказались цельностальными.

Технология изготовления ножей такова: 1-я операция. Заготовка металла. Заготовка ковалась из одного или нескольких кусков науглероженного железа (сырцовой стали). Этот технологический процесс обогащал металл. Ковка повторялась много раз, в результате чего металл освобождался от шлаковых включений. Многочисленные прерывистые сварочные швы на микрошлифах (*214, 215, 231, 234*) свидетельствуют об этой операции. 2-я операция. Вытяжка заготовки в пластину. 3-я операция. Общая форма ножу вместе с рукояткой придавалась свободной горячей ковкой. 4-я операция. Стержни рукоятки загибались и образовывали открытое кольцо в виде крючка. Конец крючка всегда направляется в сторону лезвия, обратное направление бывает очень редко (№ *235*). 5-я операция. Чистовая отделка на наждачном круге. 6-я операция. Термическая обработка. Кузнецы Южной Сибири в это время широко применяли термическую обработку — приемы мягкой закалки. Из 17 исследованных ножей термическую обработку сохранили 11 экземпляров. У шести ножей (рис. 3, *225, 227, 230, 232, 233, 236*) металл лезвия сохранил структурное состояние сорбита с ферритом. Микротвердость 254—420 *кг/мм*^{2}. У пяти ножей (рис. 3, *25, 228, 231, 234, 235*) обнаружена феррито-перлитная структура. Перлит имел сорбитообразный характер с микротвердостью 254—383 *кг/мм*^{2}. Шесть ножей (рис. 3, *176—178, 214, 215, 229*) до нас дошли в отожженном состоянии, т. е. имели феррито-перлитную структуру. Каких-либо следов термической обработки они не сохранили. 7-я операция. Шлифовка и отточка лезвия.

Для исследования ножей с закрытым кольцом было взято 20 экз. По форме они также близки к бронзовым ножам, только кольцо у них более правильное, округлое. Длина всего ножа колеблется от 14 до 22 *см*,

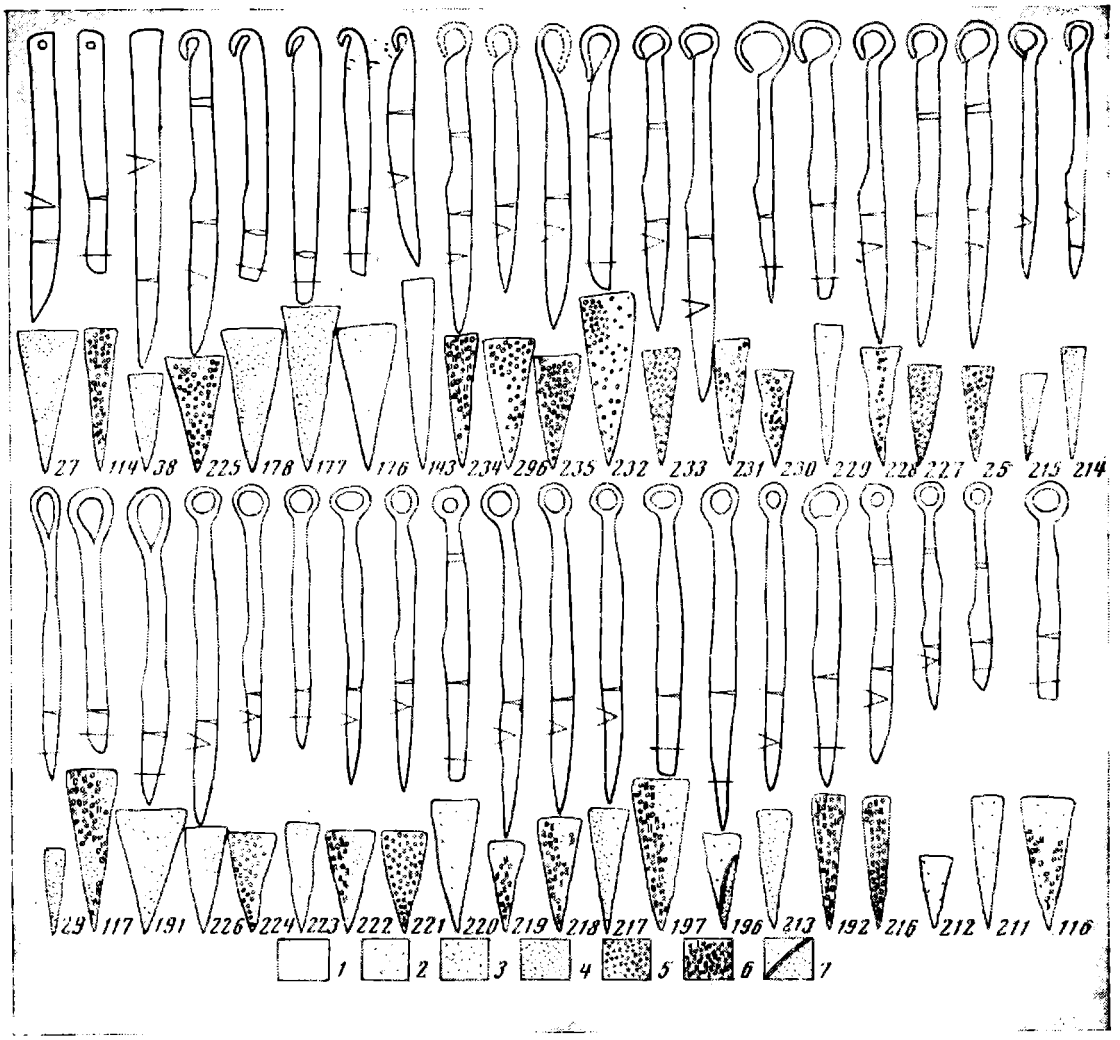


Рис. 3. Технологические схемы изготовления ножей скифского и гунно-сарматского времени. Цифры у фигур соответствуют номеру изделия и анализа:

1 — железо; *2* — мягкая углеродистая сталь; *3* — среднеуглеродистая сталь; *4* — высокоуглеродистая сталь; *5* — структура сорбита; *6* — сорбитообразный перлит; *7* — наварка

толщина спинки лезвия 0,1—0,5 *см*, диаметр кольца 1,0—1,8 *см*. Большинство исследованных нами ножей — случайные находки. Но аналогичные ножи были обнаружены и при раскопках (улус Мохова[8], Аргалыкты XII[9], Аймырлык[10]). Более 100 таких ножей были изучены Ю. С. Гришиным[11].

На шлифах были обнаружены три технологческие схемы: *А* — цельностальные (18 ножей), *Б* — с наварным острием (1 нож) и *В* — цементация (1 нож).

А. Цельностальные ножи были сделаны из достаточно хорошей стали. В металле 15 ножей — мало шлаковых включений. У девяти ножей

---

[8] *В. П. Левашева.* Отчет о раскопках на средства Минусинского музея близ Улуса Мохова, близ. ст. Абакан, у д. Быстря и у села Луганского в 1938 г. Архив ЛОИА, Ф-35, 1938, № 42.

[9] *А. Д. Грач.* Отчет о работах 2, 3, 4-го отрядов СТЭАН 1967. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3519-3522.

[10] *А. М. Мандельштам.* Отчеты о полевых работах 2-го отряда СТЭАН в 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3827.

[11] *Ю. С. Гришин, Б. Г. Тихонов.* Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 90, 1960, стр. 181.

сохранилась термическая обработка — мягкая закалка. Металл двух лезвий ножей (№ *221, 224*) сохранил структурное состояние сорбита с ферритом, микротвердость 420 *кг/мм*^{2}. У семи ножей (рис. 3, *116, 117, 192, 216, 218, 219, 222*) имеются структуры перлита сорбитообразного характера. Микротвердость 221—322 *кг/мм*^{2}.

Б. Наварка стального лезвия на железный клинок (№ *196*). На большей части поверхности шлифа обнаружена ферритная структура с незначительной степенью науглероженности. С одного бока шлифа с выходом на лезвие идет зона феррито-перлитной структуры с содержанием углерода до 0,6%. Граница между зонами хорошо прослеживается в виде сварочного шва. Исходя из структуры шлифа, технология изготовления ножа реконструируется так: 1-я операция. Заготовка железа для основы клинка и стали для наваренного лезвия. 2-я операция. Вытяжка заготовок железной основы и стальной наварки. 3-я операция. Сварка полос. 4-я операция. Выковка клинка свободной кузнечной ковкой. 5-я операция. Вытяжка рукоятки. 6-я операция. Пробивка в рукоятке отверстия. 7-я операция. Отточка лезвия. Термическая обработка не зафиксирована.

Металлографический анализ двух кольчатых ножей, сделанный в 1955 г. А. В. Королевым, показал, что на железную основу с двух сторон был наварен небольшой слой стали. Ю. С. Гришин заключает на основании этого анализа, что тагарцы были знакомы с наваркой стали. Для этой операции специально была изготовлена стальная полоса [12].

В. Цементация железного клинка ножа (№ *197*). Этот технологический прием более прост, чем наварка стального лезвия. Так как поверхностный науглероженный слой быстро стачивается, такая технология при металлографическом исследовании улавливается редко. А. В. Королевым подобная технология была обнаружена также на одном ноже [13].

Итак, из исследованных нами 37 ножей переходного этапа 35 оказались цельностальными, 1 экз. изготовлен техникой цементации и 1 экз. имеет технологию наварки стального лезвия. Изготовление двух последних ножей свидетельствует о том, что кузнецы Южной Сибири во II—I вв. до н. э. уже были знакомы с более сложными технологическими приемами — с цементацией и наваркой стальных лезвий. 20 экз. находились в термически обработанном виде (мягкая закалка).

Черешковые ножи появляются в начале гунно-сарматского этапа, но широко распространяются в эпоху древнехакасского государства и существуют до наших дней. Исследованные нами черешковые ножи относятся к VI—XII вв. н. э. Из 36 ножей, которые подвергнуты микроструктурному анализу, 4 экз. оказались цельножелезными. Однако три из них плохой сохранности, и мы не можем ничего сказать о дополнительных приемах улучшения рабочих качеств лезвий. Рабочая часть четвертого ножа (№ *140*) сохранилась хорошо, но скорее всего нож был изготовлен специально для погребального обряда. Поэтому, говоря об изготовлении черешковых ножей, мы учитываем два технологических приема: *А* — цельностальные ножи (29 экз.) и *Б* — ножи с цементированными лезвиями (3 экз.).

А. Цельностальные ножи. Из 29 ножей 7 экз. откованы из предварительно пакетированной стали. На микрошлифах *47, 55, 63, 64, 166, 256, 258* обнаружены многочисленные светлые полосы прерывистых сварочных швов. Остальные 27 ножей откованы из одного цельного куска металла. Общая форма ножу придавалась горячей свободной ковкой.

Термическая обработка сохранилась на 17 ножах. Исходя из микроструктур лезвий, можно говорить о закалке в воде и мягкой закалке. Восемь ножей подвергнуты твердой закалке в воде (рис. 4, *55, 145, 171*—

---

[12] *Ю. С. Гришин.* Ук. соч., стр. 181.

[13] *Ю. С. Гришин, Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., прилож. IV, стр. 204, 205.

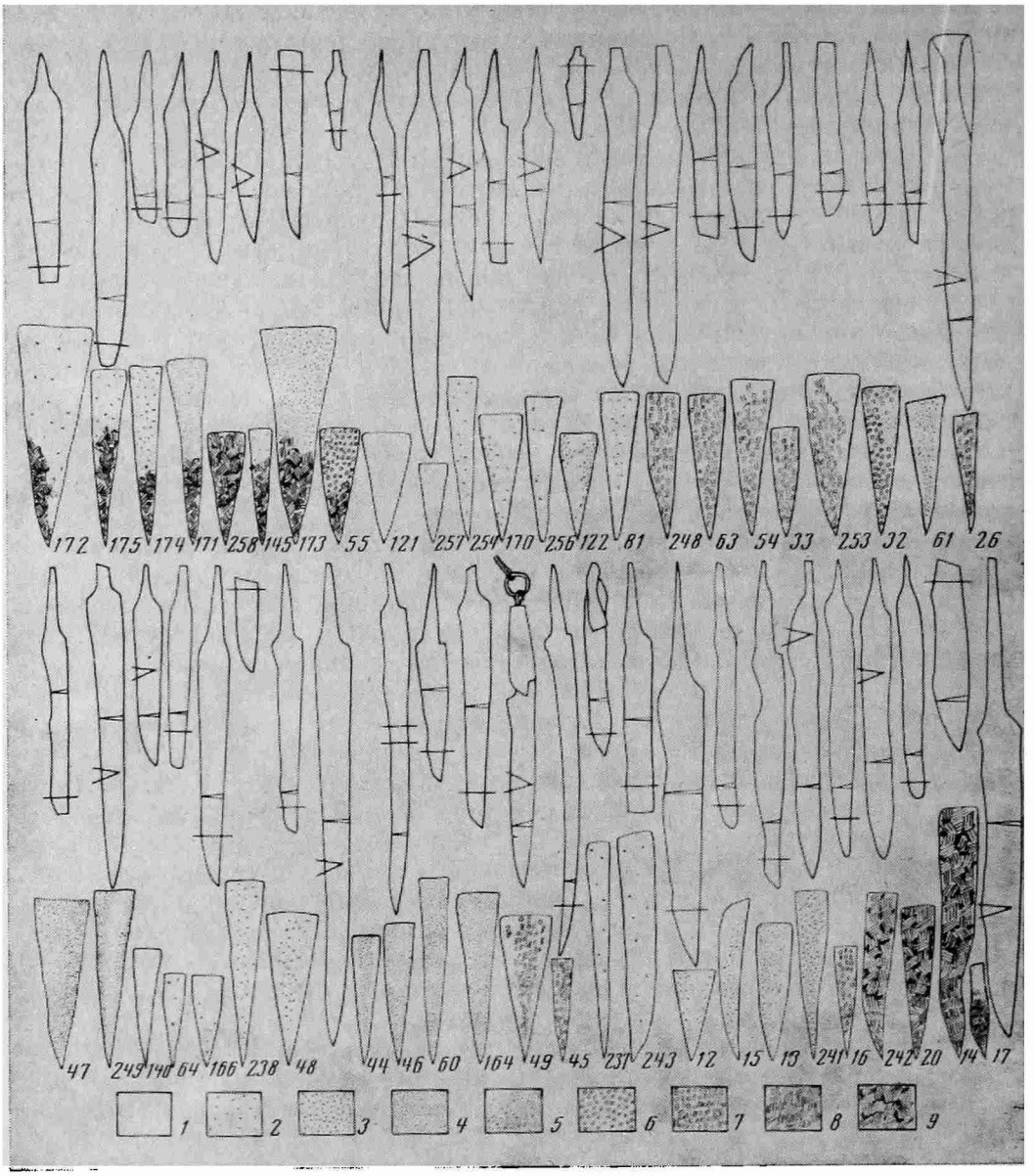


Рис. 4. Технологические схемы изготовления ножей тюрско-древнехакасского времени: *1* — железо; *2* — мягкая углеродистая сталь; *3* — среднеуглеродистая сталь; *4* — высокоуглеродистая сталь; *5* — цементация; *6* — сорбитообразный перлит; *7* — наварка; *8* — структура мартенсита; 9 — мартенсит с треститом

175, 258) [14]. Большая часть поверхности шлифа занята зоной феррита с перлитом. Содержание углерода колеблется от следов до 0,8%. На самом острие лезвий находится зона мартенсита с троосститом. Микротвердость 514—1100 *кг/мм*^{2}. На одном из шлифов спинка имеет сорбитную структуру микротвердостью 383 *кг/мм*^{2} (№ *55*). Девять ножей после

[14] № *55* — из раскопок Г. Андрианова в 1899 г. Енисейская губерния. ГИМ, № *145* — из раскопок М. А. Дэвлет в 1962. Азас I, раскоп 2. № *258* — из раскопок С. В. Киселева в 1935 г. Курай I. ГИМ, № *78209*. Дата VII—VIII вв. № *171—175*, случайная находка. Минусинский музей, XXXVIII — 101, 388, 301, 306, 393. Дата VI—X вв. № 32 — из раскопок В. В. Радлова. Енисейская губерния, Абакан. ГИМ, № *3726-54746*. Дата IX—X вв.

ковки были подвергнуты мягкой закалке. Перлит приобрел сорбитообразный характер с микротвердостью 206—232 *кг/мм*². (рис. 4, *26, 33, 45, 49, 54, 63, 248, 253*) [15]. Один нож (№*32*) имеет сорбитную структуру с микротвердостью 420 *кг/мм*². 12 ножей, дошедших до нас в отожженном состоянии, откованы из неравномерно науглероженной стали. Содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,7% (рис. 4, *44, 46, 48, 60, 61, 64, 81, 164, 166, 170, 238, 256*) [16].

Б. Цементация клинка ножа. Технология цементации клинка ножа обнаружена нами лишь на трех образцах (рис. 4, *47, 122, 249*) [17]. Они откованы из мягкой стали. В центре шлифа находится зона феррита с перлитом. Содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,3%. После ковки клинки ножа были подвергнуты поверхностной цементации. На краях лезвий с двух сторон у всех шлифов появляется зона феррита с перлитной структурой с содержанием углерода 0,7—0,8%.

Для сопоставления древней техники Южной Сибири с развитием технологии производства ножей в более позднее время нами были взяты на анализ 11 образцов, относящихся к XIV—XIX вв. Типологически они ничем не отличаются от ножей VI—XII вв.

Металлографическое исследование ножей XIV—XIX вв. показало, что свободная горячая кузнечная ковка была основной технологией изготовления ножей в это время. Кузнецы продолжают применять технические операции термической обработки для улучшения качества стали. Применялись два вида термообработки. Твердая закалка — из 11 ножей 4 имеют структуру мартенсита с троосititом. Микротвердость колеблется от 420 до 724 *кг/мм*² (рис. 4, *14, 17, 20, 242*) [18]. Другой вид термообработки — мягкая закалка. Один нож (№ *16*) [19] имел ферритную структуру с перлитом сорбитообразного характера. Микротвердость лезвия 274—322 *кг/мм*². Четыре ножа (рис. 4, *12, 13, 15, 241*) [20] дошли до нас в отожженном состоянии. Они имели феррито-перлитную структуру с неравномерным содержанием углерода от 0,5 до 0,8%. Из 11 ножей 2 оказались цельножелезными (рис. 4, *237* и *243*) [21]. Вероятно, это был производственный брак.

Конструкция и технология изготовления тесел-топоров. В начале железного века в Южной Сибири появляются железные тесла-топоры. Древнейшее тесло-топор найдено в Тесинском кургане конца тагарского времени [22]. Эти орудия найдены на многих археоло-

---

[15] № *26, 45, 49*. Случайная находка. Гим, № 36228, 440, 445. Дата X—XII вв. № *33* — из раскопок В. В. Радлова. ГИМ, № 54746. Дата IX — X вв. № *52* — из раскопок Андрианова в 1899 г. ГИМ, № 39152. № *63* — из раскопок А. Еленевой. Вириосинская пещера. ГИМ, № 1390-42557. № *248, 253* — из раскопок С. В. Киселева 1935 г. Курай I и II. ГИМ, № 78029, 78029. Дата VII—VIII вв.

[16] № *44, 46, 60, 61, 170* — случайная находка. ГИМ, № 4943а, 439, 435, 49439, 1383, 49439, 170 — мм. 303. Дате VI—XII вв. № *64* — из раскопок А. Еленовой. Вириосинская пещера. ГИМ, № 1390-42557. № 81 — из раскопок Г. В. Длужневской в 1972 г. Хемчик — Бом II, кург. 52. Дата IX — X вв. № *164, 166, 238* — из раскопок А. Д. Грача. Улуг-Хорум, кург. 1, 2. Дата XI—XII вв. № *254, 256* — из раскопок С. В. Киселева в 1937 г., с Тухты, кург. 7, 9. ГИМ, № 79601, 171-79601. Дата VIII — IX вв.

[17] № *47* — случайная находка, р. Енисей. ГИМ, № 431. Дата IX—X вв. № *122*— из раскопок Л. П. Зяблина в 1967 г. Перевозинский Чаатас, кург. 121. Дата VI—X вв. № *249* — из раскопок С. В. Киселева в 1937 г. Туяхты, кург. 2, ГИМ, № 79601. Дата VIII — IX вв.

[18] № *14, 17, 20* — из раскопок В. В. Радлова. Енисейская губерния в 1863 г. ГИМ, № 54746, 3770, 54746. № *242* — из раскопок А. Д. Грача в Тыбылбааке. Тува. КМ, без номера.

[19] № *16* — из раскопок В. В. Радлова в 1863 г. Енисейская губерния. ГИМ, № 54746.

[20] № *12, 13, 15* — из раскопок В. В. Радлова в 1863 г. ГИМ, № 54746. *241* — из раскопок А. Д. Грача в Тыбылбааке, Тува. КМ, без номера.

[21] № *237, 243* — из раскопок А. Д. Грача в Тыбылбааке. Тува, КМ, без номера.

[22] *С. В. Киселев*. Древняя история Южной Сибири, стр. 280.

гических памятниках Южной Сибири (Унюк[23], с. Курай[24], с. Туяхты[25], с. Катанда[26], Оглахты[27]). Появившись в III в. до н. э., они постепенно в течение I тысячелетия н. э. распространяются по всей территории Южной Сибири. Это орудие имело универсальное назначение: от обработки почвы до рубки и обработки дерева. Нами исследовано 10 тесел-топоров с пяти археологических объектов и случайные находки. Все они имеют втулку для крепления рукоятки. Их размеры следующие: длина 6—13 *см*, ширина лезвия 3—5 *см*. Независимо от размеров форма их всегда одинакова.

Хронологически они могут быть разделены на две группы: первая II в. до н. э. — V в. н. э. (рис. 5, *21, 120, 205*) [28]; вторая IV—XII вв. н. э. (рис. 5, *139, 168, 203, 204, 240, 250, 255*) [29]. Для изготовления тесел-топоров первой группы кузнецы применяли два технологических приема: *А* — цельностальная конструкция. Этот прием отмечен в одном случае (рис. 5, *21*). Лезвие тесла было сделано целиком из стали и термически обработано. На большой части шлифа обнаружена сорбитная структура микротвердостью 420—514 *кг/мм*^{2}; *Б* — цементация лезвия тесла. Этот прием обнаружен на двух экземплярах (рис. 5, *120, 205*). Из двух тесел один (№ *205*) сохранил термическую обработку. На самом острие шлифа отмечены участки структуры мартенсита микротвердостью 514 *кг/мм*^{2}. В центре шлифа расположена зона, постепенно переходящая в структуру чистого феррита. У тесла № *120* цементировалась одна сторона лезвия и сама режущая грань. На острие лезвия содержание углерода достигало 0,8%.

Тесла-топоры второй группы были изготовлены также двумя технологическими приемами: *А* — цельностальные тесла-топоры, 6 экз. Из них два сохранили термическую обработку. Шлифы имеют мартенсито-трооститную структуру с микротвердостью 514 *кг мм*^{2}. Четыре образца до нас дошли в отожженном состоянии, т. е. с феррито-перлитной структурой с содержанием углерода 0,3—0,9%. Микротвердость 236—274 *кг/мм*^{2}; *Б* — наварка на железную основу стального лезвия. Этот прием встречен на одном экземпляре из семи. На шлифе наблюдаются две структурные зоны. Зона феррита и перлита с содержанием углерода 0,8% расположена на одной стороне шлифа с выходом на лезвие. Микротвердость 236 *кг/мм*^{2}. Основная часть шлифа занята зоной феррита с перлитом с содержанием углерода от 0,1—0,2%. Между двумя зонами — очень четкий сварочный шов.

Топоры. Топор был основным и наиболее универсальным видом инструмента для обработки дерева. Одновременно топор очень часто употреблялся как боевое оружие. При археологических раскопках в Южной Си-

---

[23] *Л. П. Зяблин.* Раскопки 1968 г. село Унюк, Хакасско-Минусинская котловина. Дата I в. до н. э. — V в. н. э.

[24] *Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев.* Отчет о полевых работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТГИМ, XVI, 1941, рис. 69 (дата VII—VIII вв.), 20 (дата VII — X вв.).

[25] *С. В. Киселев.* Раскопки в 1937 г. Село Туяхты. ГИМ, № 79601. Дата VIII — IX вв.

[26] *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.— Л., 1965, стр. 67, рис. 9. Дата VII — X вв.

[27] *Л. Р. Кызласов.* Раскопки 1968 г. Оглахты II, кург. 2. Дата X — XII вв.

[28] *№ 21* — случайная находка, найдена в Минусинском округе. ГИМ, № 54416. Дата — I в. до н. э.— V в. н. э. *№ 120* — из раскопок Л. П. Зяблина, с. Унюк 1968 г. Дата I в. до н. э.— V в. н. э. *№ 205* — случайная находка, с. Монок, Бейского района, Минусинского уезда. ММ, № 967. Дата II в. до н. э.— II в. н. э.

[29] *№ 139* — из раскопок Л. Р. Кызласова в 1968 г. Оглахты II, Тува, кург. 2. Дата X — XII вв. *№ 168* — из раскопок А. Д. Грача, Улуг-Хорум, Тува, кург. 1, погр. 2. КМ, № 398-36. Дата XI — XII вв. *№ 203* — случайная находка. ММ, без номера. Дата VI — X вв. *№ 240* — из раскопок А. Д. Грача. Улуг-Хорум, Тува, кург. 2, погр. 2, КМ, № 398-36. *№ 204* — случайная находка, найдена в с. Восточное, Минусинск. ММ, № 950. Дата VI — X вв. *№ 250* — из раскопок С. В. Киселева в 1935 г. Курай I, кург. 1. ГИМ, № 78209. Дата VIII — IX вв. *№ 255* — из раскопок С. В. Киселева в 1937 г., с Туяхты, кург. 9. ГИМ, № 79601. Дата VIII — IX вв.

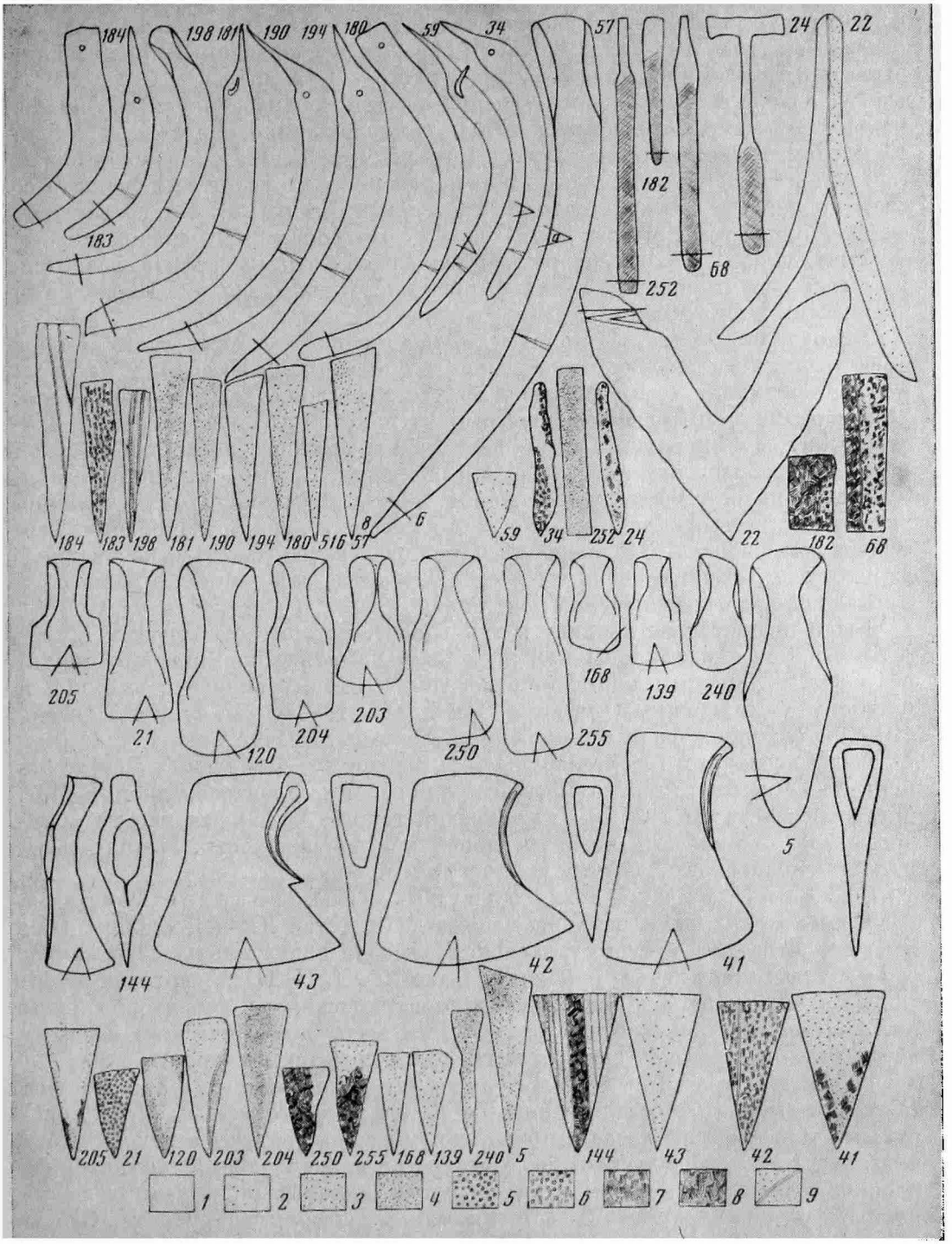


Рис. 5. Технологические схемы изготовления серпов, тесел, топоров, напильников и сошников. Номера и условные обозначения такие же, как на рис. 4

бири находки топоров очень редки. Металлографическому исследованию подверглись 4 экз.

Топор № *144* был найден М. А. Дэвлет на стоянке Азас I в 1972 г. Длина топора 12 *см*, ширина лезвия 4 *см*. Стратиграфической даты он не имеет. Возможна лишь датировка по аналогии. Подобный топор был найден В. П. Левашевой в южной части Красноярского края и датируется автором

довольно широко — VII—XIII вв.[30] При раскопках Катанда II в 1925 г. С. И. Руденко обнаружил в могиле такой же топор, а рядом с ним монету, отчеканенную в 740—742 гг.[31] Таким образом, исследованный топор можно отнести к третьему периоду и датировать его VII—X вв.

Исследование продольного сечения лезвия топора обнаружило на поверхности шлифа интересную картину. В центре клиновидного шлифа идет с выходом на лезвие тонкая полоса металла (рис. 5, *144*), имеющая ближе к лезвию структуру мартенсита, перемежающуюся с участками феррита со следами перлита. Микротвердость мартенсита 514 *кг/мм*². Микротвердость феррито-перлитных участков 297 *кг/мм*². По бокам центральной полосы просматриваются тонкие ферритные полосы со следами перлита, разделенные сварочными швами. Таких феррито-перлитных зон 12. Перед нами технология многослойного лезвия.

Исходя из структуры шлифа, операции изготовления этого топора представляются следующим образом: 1-я операция. Заготовка металла: малоуглеродистой стали для тела топора и стальной полосы для лезвия; 2-я операция. Изготовление сваркой двух пакетов из полос малоуглеродистой стали; 3-я операция. Сварка двух пакетированных полос в обушковой части и обработка втулки топора; 4-я операция. Вварка стального лезвия. Стальную полосу вложили в середину между двумя концами металлических полос, затем сварили и расковали в лезвие топора; 5-я операция. Термическая обработка; 6-я операция. Отточка лезвия. Качество ковки и наварки у этого топора очень высокое. Сварочные швы чистые и ровные. В металле шлаковых включений почти нет.

Были подвергнуты анализу и три топора, которые относятся к XVI—XVII вв. Все они найдены при раскопках памятников Ачинского округа в 1963 г.[32] Типологически они относятся к одному виду — с выемкой и широким симметричным лезвием. Их длина 13—15 *см*, ширина лезвия 10—13 *см*. Топоры были термически обработаны. Лезвие топора № *41* имеет следы игольчатого мартенсита микротвердостью 420 *кг/мм*². Лезвие топора № *42* имеет структуру феррита с перлитом сорбитообразной формы. Микротвердость 206—254 *кг/мм*². Третий топор (№ *43*) откован из кричного железа со следами незначительной науглероженности. Металл топора плохо прокован, с большим количеством шлака.

Конструкция и технология производства серпов. Железные серпы были найдены во многих пунктах Южной Сибири. Нам известно более 30 мест их находок. Наиболее значительны следующие: с. Тюхтяты Курагинского района[33], Ортаа-Хем I, II, III[34], верховья Уйбата[35]. Находки серпов в основном сконцентрированы на территории Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. Для металлографического исследования было отобрано 10 экз. Из них 2 экз. относятся ко второму этапу, а остальные — к третьему. Типологически они разделяются на три группы. К первой группе относятся серпы, очень близкие бронзовым. Металлическая часть состоит из лезвия и рукоятки. Лезвие короткое, а рукоятка без черешка. На конце рукоятки было отверстие для крепления гвоздем с деревянной частью рукоятки. Вторая группа серпов на конце имеет заостренный черешок, который вставляется в деревянную рукоять. Серпы третьей группы имеют втулку для крепления с деревянной рукояткой. Длина серпов 23—40 *см*, ширина лезвия 1,3—3 *см*.

---

[30] *В. П. Левашева.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края. 1939, табл. XV, *10*.

[31] *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.— Л., 1965, рис. 9, *11*, стр. 67—70.

[32] № *41, 42, 43* взяты из ГИМа, № 54746, 3704-54746, 3704-54746.

[33] *Л. А. Евтюхова.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 67, рис. 124.

[34] *И. У. Самбу.* Отчет о полевых исследованиях 4-го отряда СТЭАН в 1967—1969 гг. Архив ИА АН СССР, № 3927, 3521, стр. 7, рис. 32.

[35] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири, стр. 570.

Из двух серпов второго этапа один оказался цельностальным, а другой — железным. Цельностальной серп (№ *183*) имеет феррито-перлитную структуру. Перлит сорбитообразной формы. Микротвердость 254 *кг/мм*². Железный серп был сварен из трех кусков железа с разной величиной зерен феррита. Кузнецы, изготовлявшие серпы третьего этапа, применяли три технологических приема; *А* — цельностальные серпы. Сюда можно отнести шесть серпов (рис. 5, *57*, *59*, *180*, *181*, *190*, *194*) [36]. Они дошли до нас в отожженном состоянии. Все имеют феррито-перлитную структуру с содержанием углерода от 0,2—0,3 до 0,75%, причем в одном случае это была однородная высокоуглеродистая сталь, содержавшая до 0,6% углерода. *Б* — цементация лезвия. Этот технический прием встречен на одном экземпляре (рис. 5, *34*) [37]. В центре шлифа находится среднезернистая ферритная структура. По краям шлифа выявлены участки феррито-перлитной структуры. Перлит имеет сорбитообразный характер. Клинок был сильно коррозирован и, таким образом, цементированный слой плохо сохранился; *В* — наварка на железный клинок стального лезвия обнаружена на одном шлифе (рис. 5, *198*) [38].

Итак, из 10 исследованных серпов 7 откованы из неравномерно науглероженной стали, один оказался железным, один с наварным лезвием и один с цементированным лезвием. Все они — случайные находки из разных мест Хакасско-Минусинской котловины. Различаясь хронологически и типологически, они имеют тем не менее одинаковую технологию не только внутри категории, но и в сравнении с другими видами кузнечных изделий.

Технология изготовления напильников. Кузнецы Южной Сибири изготовляли не только орудия для земледельцев, но и инструменты ремесленников, в том числе и напильники. Металлографическому анализу подверглись четыре напильника (рис. 5, *24, 68, 182, 252*) [39]. Типологически они разные. Можно выделить три вида: первый вид напильника на конце имеет тупой черешок, на который надевалась деревянная рукоятка. Длина напильника 17—19 *см*, ширина рабочей части 1,2 *см*, толщина 0,2 *см* (№ 5, *68, 252*). Второй вид черешка не имеет. Широкая цельнометаллическая рукоятка постепенно сужается до ширины рабочей части. Длина напильника 10 *см*, толщина 0,4 *см* (№ 5, *182*). Напильник третьего вида состоял из двух частей. Одна часть — напильник, а другая — молоточек. Длина всего инструмента 19 *см*, а напильника — 8 *см* (№ 5, *24*). На рабочей части всех напильников имеется перекрестная насечка. Очень тонкая и равномерно расположенная насечка напильников выполнена тонким острым зубилом. Хронологически они все относятся к третьему этапу.

После ковки и нанесения насечки напильники подвергались термической обработке. Три экземпляра (№ 5, *24, 68, 182*) были закалены. Шлифы показали структуру мартенсита и троостита с микротвердостью 420—1290 *кг/мм*². Образец № *252* находится в отожженном состоянии. Закалка напильников придавала стали высокую твердость, необходимую этому инструменту. Из четырех напильников два происходят с Алтая и два — из Хакасско-Минусинской котловины.

Подводя итоги проведенному микроструктурному исследованию более 100 предметов из черного металла, следует отметить, что одна из особен-

---

[36] Все серпы происходят из случайных находок в разных пунктах Минусинской котловины. ММ, № 870, 858, 856, 905; ГИМ № 49439, 1883-78-49439, № *183*. Дата II в. до н. э.— II в. н. э., остальные — VI — X вв.

[37] № *34* — из раскопок В. В. Радлова в 1884 г. ГИМ, № 3730-54746. Дата VI—X вв.

[38] № *198* — случайная находка. Дата VI—X вв. ММ, № 899.

[39] № *68* взят из раскопок С. В. Руденко в 1925 г. в памятнике Катанда. Горный Алтай. ГЭ, № 439Л-7. Дата VIII—X вв. В этом кургане найдена монета 740—742 г. См. *А. А. Гаврилова*. Могильник Кудыргэ..., рис. 9, *14*, стр. 67. № *182* — найден в с. Шушенское. ММ, № 8375. Дата VI—X вв. № *24* — найден в Минусинском округе. ГИМ, № 36228. Дата X—XIV вв. № *252* — из раскопок С. В. Киселева в 1937 г., с. Туяхты, Алтай. ГИМ, № 277. Дата VII—VIII вв.

ностей южносибирского центра производства орудий труда из железа и стали — высокое качество металла. Эта характеристика относится как к железу, так и в еще большей степени к стали. Структурно это выражается прежде всего в чистоте маталла. Из 103 исследованных экземпляров орудий труда 82 экз. (79%) имели чистый металл. Шлаковых включений в металле этих изделий было очень мало, не более 2—3% (подсчет ведется в плоскостном измерении на зеркале шлифа).

Проделанный нами металлографический анализ куска крицы, происходящей из урочища Турлуг [40], показал наличие шлаковых включений около 3%. Это очень высокая чистота металла, причем это товарная крица, которая должна была еще очищаться от шлака в процессе кузнечного про-

Таблица 2

Период	Углерод в стали,%			Микротвердость, *кг/мм²*			
	58 образцов			50 образцов			
	0,2—0,3	0,4—0,6	0,7—0,9	200—320	330—420	500—700	800—1200
I	—	2	—	1	—	—	—
II	7	9	6	14	8	1	—
III	15	9	10	8	4	7	7
Всего	22	20	16	23	12	8	7
%	37	35	28	46	24	16	14

изводства. Довольно чистый металл имела и крица весом в несколько килограммов, найденная Л. В. Громовым в местах древних железных плавилен [41]. Шлаковых включений там было не более 5%.

Кузнецы Южной Сибири при изготовлении тех или иных изделий употребляли в основном сырцовую сталь. Из 103 исследованных предметов 86 изделий были цельностальными. Науглероженность стали была неоднородная. Углеродистая сталь была известна нескольких сортов — высокоуглеродистая, среднеуглеродистая и мало углеродистая. Технические условия назначения орудий труда всегда соответствовали сорту стали. Характеристика стали по хронологическим периодам приведена в табл. 2.

Развитие конструктивных схем орудий труда. Железо в Южной Сибири появляется в скифское время и в конце этого периода решительно вытесняет бронзу. Первоначально железо употреблялось для украшений. У ножей этого времени лишь ручка делалась из железа, а лезвие оставалось бронзовым. Позднее лезвие ножа, так же как и все рабочие части орудий труда и оружия, изготовлялось целиком из железа и стали. На первом этапе, как уже отмечалось, ножи по форме рукоятки разделялись на пластинчатые, кольчатые и петельные. По внешнему виду они очень близки формам ножей бронзового века.

На втором этапе ассортимент железных орудий труда расширяется и включает в себя ножи, тесла, топоры и серпы. Ножи типологически очень разнообразны: крючковые, кольчатые, петельные, дырчатые, копытные, ажурные и черешковые. Тесла-топоры имеют втулку для насаживания рукоятки. Пластинчатые серпы и серпы с черешковым наконечником изготовляются из железа и стали, форма серпов этого времени не отличается от бронзовых.

На третьем этапе состав орудий еще более расширяется. Кузнецы изготовляют разнообразные орудия для земледельцев: тесла-топоры, сошни-

---

[40] *Я. И. Сунчугашев.* Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве, М., 1969.

[41] *Л. В. Громов.* Исторические исследования на службу поиску полезных ископаемых. Уч. зап. Хак НИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960, стр. 32. Анализ произведен Кельцевой в 1949 г. в Центральной лаборатории кафедры физики МАИ.

ки, лемехи, оковки лопат и серпы, а также инструменты для ремесленников: топоры, напильники и даже такие комбинированные инструменты, как напильник-молот. По технике кузнечной обработки черного металла третий этап наиболее развитый.

Развитие технологии производства. Кузнецы Южной Сибири широко применяли свободную кузнечную горячую ковку, которая являлась основой техники и выполнялась всегда в следующем порядке: 1-я операция. Ковка заготовок из одного или нескольких кусков металла. Пакетирование металла; 2-я операция. Вытяжка заготовок и придание формы изделию; 3-я операция. Цементация и термическая обработка; 4-я операция. Отточка лезвий.

Эта технология кузнечной ковки на всей территории Южной Сибири была одинакова и не имела различий.

Технологические схемы производства орудий труда, применяемые кузнецами Южной Сибири, были следующие:

1. Цельностальная конструкция. Предмет изготовлялся из сырцовой стали разного качества. Науглероженность стали чаще всего неравномерная. В этой технике изготовлено 85 исследованных нами предметов (86%).

2. Цементация рабочего лезвия. Само изделие изготовлялось из железа или малоуглеродистой стали. Так изготовлено семь предметов (7,0%).

3. Наварка стального лезвия на железную или стальную (малоуглеродистую) основу клинка. Так изготовлено три орудия труда (3,5%).

4. Многослойная сварка — три орудия (3,5%).

Кроме того, на пяти предметах были встречены чисто ферритные, т. е. железные, структуры. Это брак производства или остатки изношенных орудий.

Распространение во времени этих технологических схем показано в табл. 3.

На 48 предметах сохранилась термическая обработка или ее следы: мартенсит встречен на 3 экз., мартенсит с трооститом — на 12, сорбит — на 10 и сорбитообразный перлит — на 23. Эти структуры свидетельствуют о том, что кузнецы применяли два вида термической обработки — твердую и мягкую закалки. Твердая закалка производилась в холодной воде, а мягкая — в масле, сале или подобной среде. Хронологическое распределение термически обработанных орудий во времени представлено на табл. 4.

Таким образом, перечисленные в таблице микроструктуры свидетельствуют о том, что в конце I тысячелетия до н. э. кузнецы Южной Сибири были знакомы с мягкой закалкой как способом улучшения качества металла.

Но более широкое применение термической обработки мы наблюдаем лишь со второй половины I тысячелетия н. э. В это время применяется твердая закалка, которая обеспечивает в изделии остроту и стойкость режущих лезвий. Для этой технологии была необходима и сталь более высокого качества. Термически обработанные лезвия достигали твердости 1300 *кг/мм*^{2}. Это очень высокая твердость, обеспечивающая лезвию максимальную остроту.

Следует особенно подчеркнуть, что по технологии кузнечного производства и общему уровню металлургической техники различные области Южной Сибири (Алтай, Тува, Хакасско-Минусинская котловина) не различаются. Это дает нам дополнительный материал к характеристике культурной близости племен и народов Южной Сибири. Единообразие кузнечной технологии говорит о тесных исторпческих связях между ними в железном веке.

Технологическое изучение железных и стальных предметов с применением металлографии показало полное отсутствие в массовом металле Южной Сибири технических и технологических элементов техники народов

Таблица 3

Технологическая схема	Этап		
	I	II	III
Цельностальная конструкция	3	37	45
Цементация	—	3	4
Наварка стального лезвия	—	1	2
Многослойная сварка	—	1	2
Всего	3	42	53

Таблица 4

Структура	Этап		
	I	II	III
Сорбитообразный перлит	1	13	9
Сорбит	—	9	1
Мартенсит и троостит	—	—	12
Мартенсит	—	1	2
Всего	1	23	24

Востока и Средней Азии. Полностью отсутствует техника чугунолитейного производства и передельной стали (Китай), а также техника тигельной и литой стали (Средняя Азия и более южные страны). Это еще раз свидетельствует о самобытном пути развития южносибирского производственного центра.

Hoang Van Khoan

TECHNOLOGIE DE FABRICATION DES OUTILS EN FER ET EN ACIER DE LA SIBERIE DU SUD

(VII s. av. n. è.— XII s. de n. è.)

Résumé

Plus de 100 outils en fer et en acier des peuples et des tribus de la Sibérie méridionale ont été soumis à l'analyse métallographique. La mise en pratique courante d'outils en fer se fait en V s. avant n. è. On observe l'emploi de l'acier au carbon depuis le V s. avant n. è. A partir du I s. avant n. è. la plupart des outils est fabriquée en acier brut au carbone de diverse qualité. A partir du V s. avant n. è. les forgerons de la Sibérie du Sud utilisent pour la fabrication des outils les procédés technologiques plus compliqués: tels que cémentation du tranchant d'action, soudage du tranchant d'action et soudure par fusion multicouche du fer et de l'acier. Le traitement termique de l'acier est connu depuis le I s. av. n. è., 50% d'objets étudiés en gardent les traces. Les forgerons pratiquaient une trempe douce et dure. L'unité et l'uniformité spécifique de la technique de forge sur tout le territoire étudié (dépression de Hakassie — Minoussinsk, Altaï, Touva) témoignent des relations historiques étroites entre les tribus et peuples de la Sibérie du Sud à l'âge de fer.

М. Г. ИВАНОВА

КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРНЫХ УДМУРТОВ В X — НАЧАЛЕ XIII в.

Древнеудмуртские памятники компактной группой расположены в бассейне р. Чепцы по ее среднему и верхнему течению. Географической обстановкой была обусловлена некоторая изоляция населения и консервация своеобразных особенностей материальной культуры. Тем не менее археологические материалы позволяют проследить довольно обширные культурные и торговые связи северных удмуртов с их соседями и более отдаленными территориями.

Наиболее близким соседом северных удмуртов в территориальном и культурном отношении было население родановской культуры на Верхней Каме. Связанные общностью происхождения, эти две культуры родственны и имеют много общих черт в материальной культуре. Особенности наблюдаются в обряде погребения, типах жилища, орнаменте, деталях женского убора, культовых вещах [1]. Это обстоятельство позволило В. А. Оборину выделить на родановских памятниках типично чепецкие глиняные сосуды, костяные вещи, бронзовые украшения, которые могли попасть сюда в результате обмена [2]. В то же время на чепецких памятниках частой находкой являются украшения, характерные для родановской культуры. К ним относятся коньковые шумящие подвески X—XI вв. [3] (2 экз.), литые арочные с прорезной основой [4] (3 экз.), бытующие до X в.[5], якорьковые и некоторые другие виды умбоновидных подвесок, имеющие существенные отличия от чепецких. По-видимому, от родановцев на Чепцу попали многочисленные птицевидные подвески [6], наиболее ранние прототипы которых прослеживаются еще в гляденовской культуре, шумящие подвески с изображением головы медведя на основе и с привесками в виде гусиных лапок или гладких конических колокольчиков на восьмеркообразных звеньях [7].

Связи с родановцами могли осуществляться через Верхнюю Каму, к истокам которой очень близко подходят правые притоки Чепцы. Следует отметить, что именно через Верхнюю Каму по Сухоно-Вычегодскому пути, имевшему с древнейших времен решающее значение в культурных связях Севера, Прибалтики и Волго-Окского междуречья с Прикамьем [8],

[1] *В. А. Оборин.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. ВАУ, 9. Свердловск, 1970. стр. 3—29.

[2] *В. А. Оборин.* К вопросу об удмуртско-пермяцких связях в X — XV вв. Уч. зап. ПГУ, XI, вып. 3. Пермь, 1956, стр. 109, 110.

[3] *Н. Г. Первухин.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, вып. II, 1896, т. XIV, рис. 2—4, и коллекции ГИМ, инв. № 42548.

[4] Коллекции ГИМ, инв. № 42548.

[5] *В. А. Оборин.* Этнические особенности..., стр. 21.

[6] Коллекции ГИМ, инв. № 42548.

[7] *Н. Г. Первухин.* Ук. соч., XII — 5.

[8] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья, МИА, 94, 1961, стр. 20 и др.

к северным удмуртам попадали вещи западного происхождения и некоторые украшения западных и волжских финнов. В их числе можно назвать единичные монеты XI—XII вв., найденные на могильнике Чем-шай [9] и Весьякарский Бигер-шай [10].

Интересна позолоченная фибула скандинавского типа, найденная на могильнике Чем-шай [11] (рисунок 1, *1*). Кольцевидная головка фибулы оформлена характерным для Скандинавии звериным мотивом в сочетании с плетеным орнаментом. Аналогичная фибула есть в коллекции могильника Бирка [12]; встречены они и на территории СССР [13]. Несомненно, прибалтийского происхождения и десятиконечная звездообразная фибула из коллекции Н. Г. Первухина [14]. Подковообразные фибулы, выполненные из железа или бронзы со спирально загнутыми концами или в виде многогранных головок, тоже были распространены в Финляндии [15]. Подобная застежка найдена на городище Идна-кар, имеется и в коллекции Н. Г. Первухина (4 экз.).

Нельзя обойти молчанием и гривны глазовского типа, основная масса которых найдена на Чепце. Они представлены бронзовыми и серебряными экземплярами, сделанными из круглой в сечении проволоки (несколько тоньше в центре), имеющей по бокам винтообразную, или очень тонкую или широкую нарезку. Запор в виде многогранной головки нередко орнаментирован. Дата бытования гривен (IX—X вв.) была установлена Арне и поддержана А. А. Спицыным. Материалы раскопок древнеудмуртских могильников позволили А. П. Смирному уточнить ее и прийти к выводу, что массивные гривны с широкой нарезкой относятся к более раннему времени IX—X вв., а более тонкие с узкими нарезками — к XI в.[16].

По своему общему облику гривны примыкают к многочисленным восточнобалтийским шейным гривнам с утолщенными концами, которые датируются более ранним временем, главным образом III—IV вв.[17] В Прикамье они прототипов не имеют. По-видимому, эти украшения появились в Финляндии, а затем через западных финнов попали на Чепцу [18] и получили здесь широкое распространение.

Из Волго-Окского междуречья попала на Чепцу типично мерянская треугольная шумящая подвеска из плетеного каркаса, украшенная напаянной по краям зернью и спиральными завитками из погребения 6 Поломского могильника [19]. Подвески этого типа были едва ли не самым распространенным в X—XI вв. украшением мерянских женщин [20]. Еще в IX в. на чепецких памятниках появляются шумящие подвески со стержневой или спиральной основой и крупными трапециевидными привесками

---

[9] *С. Г. Матвеев.* Могильник Чем-шай. Труды научного общества по изучению Вотского края, IV. М., 1929, стр. 23.

[10] *В. Ф. Генинг.* Отчет о раскопках могильника Бигер-шай у д. Весьякар Глазовского района УАССР. Отчет Удмуртской археологической экспедиции за 1957 г. Архив ИА АН СССР, № 1537.

[11] ОАК за 1894 г., стр. 27, рис. 20.

[12] *H. Arbman.* Birka. I. Stockholm, 1943, gr. 503, Taf. 43, 6.

[13] *М. Ф. Фехнер.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X — XI вв.». М., 1963, стр. 83.

[14] *В. А. Мальм.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Тр. ГИМ, 43. М., 1967, стр. 43.

[15] *М. В. Фехнер.* Ук. соч., стр. 75—85.

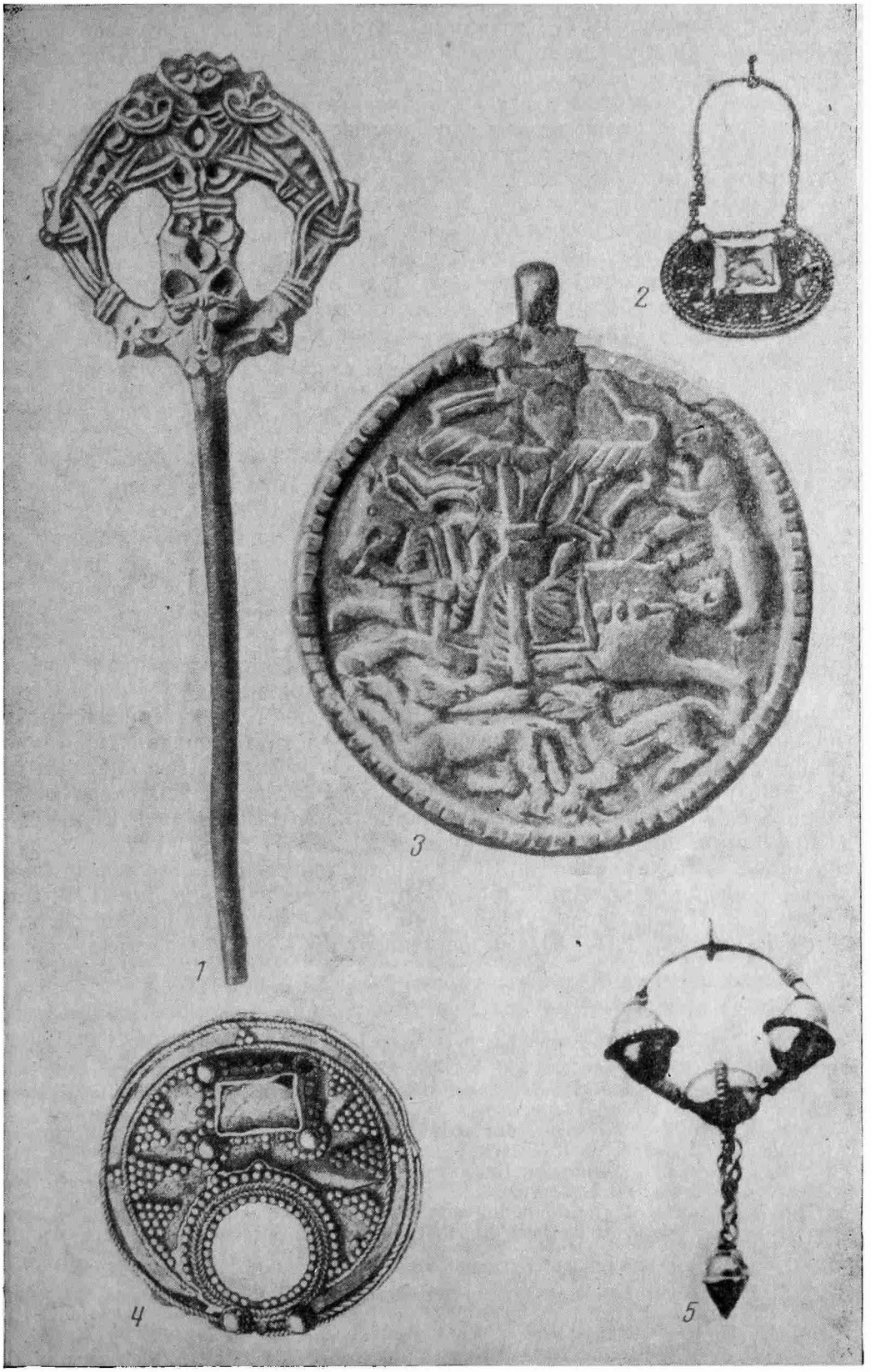
[16] *А. П. Смирнов.* О культурных связях Прибалтики со Средним Поволжьем и Приуральем в эпоху древности и средневековья. Сб. «Археологические исследования, посвященные Х. Моора». Таллин, 1970, стр. 179.

[17] *H. Moora.* Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen den jungeren Eisenzeit. I — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Tartu, 1928, S. 158.

[18] *С. И. Кочкуркина.* Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X — XI вв. Скандинавский сборник, XV, 1970. Таллин, стр. 161.

[19] Коллекция Поломского могильника. Гос. Эрмитаж, инв. № 606.

[20] *Е. И. Горюнова.* Этническая история..., стр. 124, рис. 58, *11*.



1 — фибула из могильника Чем-шай; *3* — бляха из Рябиновского клада; *4* — случайная находка; *2, 5* — из коллекции Н. Г. Первухина

(5 экз. в коллекции Н. Г. Первухина), которые находят себе многочисленные аналогии в памятниках Волго-Окского междуречья [21], в Поветлужье [22], Приладожье [23].

Интересны шумящие подвески, найденные на могильнике Бигер-шай [24]. Ажурная основа одной из них прмоугольной формы и имеет по краям два ряда жгутиков, имитирующих веревочку. Середина прямоугольника дополнена зигзагообразной горизонтальной линией, состоящей из двух положенных рядом проволок. К основе на пяти неподвижных кольцах прикрепляются бутыльчатые привески. На обратной стороне имеются две петли для продевания ремня при прикреплении ее к одежде.

Две другие подвески обломаны. Одна относится к типу подвесок со спиральной основой, другая представляет собой прямоугольник из девяти рядов горизонтальных жгутов. На верхнем жгуте находятся пирамидки, имитирующие зернь; к нижнему ряду на кольцах прикреплены длинные цепочки, заканчивающиеся гусиными лапками ромбической формы. Аналогии этим украшениям известны в Лядинском, Томниковском и Подболотьевском могильниках [25].

В коллекции Н. Г. Первухина имеется одно из характернейщих нагрудных украшений мордвы — застежка с «усами». Эта форма является родоначальником сменивших ее затем не менее своеобразных застежек с лопастями, так называемых сюльгам [26]. В то же время в этих районах широко распространены костяные изделия — копоушки, гребни, кочедыки, которые по своим формам и орнаментации очень близки чепецким [27].

Славянских вещей на чепецких городищах найдено немного. Они представлены некоторыми украшениями: лунницами разных типов, привесками, браслетами, бусами. Гладкие подвески-лунницы найдены в составе ожерелий в двух погребениях Чиргинского могильника [28]. Крестовключенные подвески с ушком для подвешивания найдены также в Чиргинском могильнике и Чем-шайском. Подвеска бронзовая литая, орнаментированная по кругу пояском из шариков, найдена в погребении 4 Кыпкинского могильника. Аналогии ей известны в Старой Рязани [29] и Новгороде в слое конца X в.[30] Бронзовый рубчатый перстень из коллекции Н. Г. Первухина датируется по новгородской хронологии XII—XIII вв.[31] Очевидно, от славян попал на Чепцу и плетенный из тонкой проволоки на стержневом каркасе, раскованном на концах в пластину, браслет из коллекции Н. Г. Первухина [32] В. П. Левашова считает такие браслеты характерными для кривичей и вятичей XII—XIII вв. и относит их к типу пластинчатоконечных [33].

---

[21] *Е. И. Горюнова.* Ук. соч., рис. 42, *2, 14, 19*; 96, *1*; *А. А. Спицын.* Владимирские курганы. ИАК, 15, 1905, рис. 438, 446, 448, 449, 452.

[22] *А. Х. Халиков и Е. А. Безухова.* Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, рис. 21, *3*; 39, *5*.

[23] *В. И. Равдоникас.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. ИГАИМК, 94. М.— Л., 1934, т. IX, 4.

[24] *А. П. Смирнов.* Могильник Бигер-шай. СА, IV, 1936, стр. 243, 244, рис. 4—6.

[25] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 244.

[26] *А. Е. Алихова.* Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, т. 1, рис. 20, стр. 18.

[27] *Е. И. Горюнова.* Ук. соч., рис. 100, *2*.

[28] *Г. Т. Кондратьева.* Древнеудмуртский могильник у дер. Чиргино. Уч. зап. МОПИ, 183, вып. 2. М., 1967, стр. 103—117.

[29] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. МИА, 49, 1955, рис. 138, *26*, стр. 179.

[30] *М. В. Седова.* Ювелирные изделия Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 233, рис. 3, *11*.

[31] *М. В. Седова.* Ук. соч., стр. 255.

[32] *Н. Г. Первухин.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда..., табл. X.

[33] *В. П. Левашова.* Браслеты. Очерки истории русской деревни. Тр. ГИМ, 43. М., 1967, стр. 229.

Украшенные зернью овальные серебряные бусы из Буринского клада [34], по-видимому, тоже можно отнести к славянским. Такие бусы известны в кладе, найденном на Кыласовском городище на Верхней Каме [35]; в Старой Рязани датируются первой половиной XIII в. [36] Все изложенное выше свидетельствует об определенных контактах чепецкого населения с северными и западными районами преимущественно через Верхнюю Каму.

Более тесные и регулярные торговые отношения сложились у северных удмуртов в X — начале XIII в. с южным соседом — Болгарским государством. Прежде всего об этом свидетельствует керамика. Фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге из красной хорошо отмученной глины, обожженных в горне, резко отличаются от местной посуды с раковинной примесью и неравномерным костровым обжигом. Венчики, фрагменты стенок, ручек кувшинов являются довольно частой находкой на поселениях Чепцы. Однако в количественном отношении болгарская керамика составляет незначительный процент. На Кушманском городище, имеющем наиболее удобное географическое положение в торговых связях с болгарами, привозная керамика составляет 2,4%. По оформлению края венчика и орнаменту эти сосуды хорошо укладываются в классификацию болгарской керамики, датируемой Т. А. Хлебниковой X — XIII вв. [37]

На Кушманском и Иднакарском городищах найдены грубые ручки от кувшинов, вылепленные из глины с примесью раковины. Они плохо заглажены и отличаются от привозных болгарских слабым обжигом. Очевидно, местное население не только пользовалось привозной посудой, но и перенимало некоторые понравившиеся ему формы.

В результате торговых контактов с болгарами попали на Чепцу разнообразные ювелирные изделия, украшенные зернью или имитацией зерни, одним из орнаментальных приемов болгарского производства. В их числе можно назвать серьги из овального кольца с подвеской бипирамидальной или грушевидной формы в нижней части. Подвески богато украшены зернью и датируются VIII—IX вв. [38] Вариант этой серьги найден в погребении 15 могильника Чем-шай X — XI вв. (раскопки А. П. Смирнова 1929 г.).

Филигранной работы позолоченная бляшка (подвеска с шатоном для вставки камня) найдена близ деревни Пудвай [39] и в могильнике Чем-шай [40] (2 экз.). Калачевидные плоские серьги, покрытые треугольниками зерни, с имитацией веревочки по краям и шатоном в центре, обнаружены в Чиргинском могильнике, есть они и в коллекции Н. Г. Первухина (5 экз., рисунок 1, *2*). К описанным выше украшениям по технике изготовления примыкает серебряная лунница с шатоном, найденная близ д. Сазоновской бывшего Глазовского уезда [41] (рисунок 1, *4*). А. А. Спицын относил аналогичные лунницы к XII—XIII вв.[42], В. В. Гольмстен — к более раннему времени, чем XII в.[43] И действительно, они представляют изделие той же филигранной техники, которая так характерна для болгарского производства XI — XII вв.

---

[34] ОАК за 1898 г., стр. 65, рис. 108, 109.

[35] *В. Л. Оборин.* К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье. Сб. «Из истории нашего края». Пермь, 1956, табл. 1, *4—6*.

[36] *А. Л. Монгайт.* Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, стр. 12, табл. 5.

[37] *Т. А. Хлебникова.* Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. МИА, 111, 1962.

[38] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. Тр. ГИМ, 19. М., 1957, стр. 124.

[39] ОАК за 1895 г., стр. 56, рис. 116.

[40] *С. Г. Матвеев.* Могильник Чем-шай, табл. X, *23*.

[41] ОАК за 1896 г., стр. 116.

[42] *А. А. Спицын.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26. СПб., 1902, стр. 44.

[43] *В. В. Гольмстен.* Лунницы Императорского Российского музея. Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914, стр. 90.

Подражанием серебряной является литая односторонняя замкнутая бронзовая лунница в форме правильного круга с выступом для петли, которая при отливке не получалась [44]. По краю лунница украшена имитацией перевитой веревочки, внизу пятью полушариями. Поле лунницы украшено имитацией зерни. Такие лунницы известны с Билярского (одна), с Болгарского городища (две) и в Тобольской губернии. Все указанные лунницы, по мнению Т. А. Хлебниковой, происходят из одной формы, т. е. все имеют один и тот же дефект — нецентральное положение петли и неудачную отливку [45]. В коллекции Н. Г. Первухина имеется свинцовая замкнутая лунница [46], покрытая пересекающимися рубчиками, образующими сплошную сетку. Она, очевидно, также изготовлена в Волжской Болгарии. Оснований для датировки не имеется, но, по-видимому, она изготовлена позже, чем серебряная, возможно в XII — XIII вв.[47] Височные трехбусинные кольца обычного болгарского типа состоят из проволоки овальной формы, на нижнюю половину кольца надеты три полые серебряные бусины в форме желудей (3 экз. в коллекции Н. Г. Первухина, рисунок, *5*). Они выполнены чеканкой из тонкого листового серебра, каждое состоит из двух половинок, шов их соединения закрыт тремя поясками сканой проволоки. Для закрепления бусины на определенном месте дрот кольца между ними обвит сканой проволокой. К центральной бусине прикреплена подвеска в виде желудя на цепочке. Находки таких серебряных височных колец довольно многочисленны на городищах Болгарском, Билярском, Суварском и датируются XI — началом XIII в.[48] Из Волжской Болгарии происходят серебряная с позолотой серьга с полым шариком, украшенным зернью, найденная в Чиргинском могильнике, и серебряные перстни со вставками из коллекции Н. Г. Первухина.

Большой интерес представляет литейная формочка для отливки бляшек, обнаруженная на Кушманском городище. Наличие широко распространенных в болгарском орнаменте элементов трилистника, спиралей, косой сетки [49] и характер исполнения говорят о ее болгарском происхождении.

Таким образом, мы видим, что на Чепцу из Болгар попадали исполненные на высоком художественном уровне украшения, резко отличающиеся от местных изяществом формы и орнамента. Влияние высокой болгарской культуры прослеживается и в возникновении некоторых типов украшений и элементов орнамента северных удмуртов. Почти все литые чепецкие женские украшения оформлены имитацией зерни.

Археологические материалы позволяют проследить связи северных удмуртов с более отдаленными территориями: с юго-востоком Европы, со странами Средней Азии и Ближнего Востока. В первую очередь об этом говорят монеты, найденные в составе кладов и при раскопках чепецких памятников. Почти все монеты, за исключением нескольких, происходят из стран Востока. Необходимо отметить, что ранние монеты VII—VIII вв. единичны, представлены в основном случайными находками. Наиболее существенными являются находки на могильнике Мыдлань-шай, датируемые С. А. Яниной второй половиной VIII в. (12 экз.) и первой четвертью IX в. (7 экз.) [50].

---

[44] *Т. А. Хлебникова.* Основные производства волжских болгар. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964, Архив ИА АН СССР, Р-2, 1918, стр. 102.

[45] Там же, стр. 103.

[46] *Н. Г. Первухин.* Опыт археологического исследования..., табл. XI, *8*.

[47] *Р. В. Гольмстен.* Ук. соч., стр. 99.

[48] *А. М. Ефимова.* Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар. СА, 1960, 3, стр. 195, 196, рис. 1, 2.

[49] *Ф. Х. Валеев.* Орнамент казанских татар. Казань, 1969, рис. 45, 74, 78.

[50] *С. А. Янина.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай, ВАУ, 3, Свердловск, 1962, стр. 130.

Все находки монет VII в. сосредоточены на небольшой территории Верхней Чепцы между устьями ее притоков Лып и Пызеп. Что же касается монет IX—X в., то они распространены по всему бассейну р. Чепцы от верхних притоков до устья, причем известны три богатейших клада: Кестымский [51], известный в литературе под названием Ягошурский и содержащий 1500 диргемов VI—IX вв.; Богдановский [52], содержащий 407 куфических монет сравнительно небольшого хронологического периода (наиболее древняя чеканена в 896 г., новейшая — в 919 г.), и Лесогуртский [53], содержащий 139 монет преимущественно IX в.

Кроме того, известны находки диргемов VIII—IX вв. в Вятке [54] (три самайдских, два аббасидских и один тагеридский); 11 монет X в. в составе Рябиновского клада [55]; аббасидские и тагеридские диргемы в составе Омутницкого клада [56]; пять саманидских диргемов, найденных на Уканском Пор-каре [57]; шесть саманидских монет X в., найденных на городище Донды-кар при раскопках А. П. Смирнова и в составе Дондинского клада [58]. Диргемы X в. представлены и в коллекции Н. Г. Первухина. Большинство монет IX—X вв. найдены с гривнами глазовского типа, как, например, Богдановский, Омутницкий, Дондинский и Лесогуртский клады. На могильнике Чем-шай найдены арабские монеты, датированные XI—XII вв.[59]

Поразительное богатство Приуралья серебром давно привлекало внимание исследователей. Этому посвящена обширная литература [60], в которой отмечается, что абсолютное большинство находок восточного серебра относится к V—VII вв. [61] Почти все авторы довольно единодушно считают, что эти великолепные изделия появились здесь в результате торговли местного населения со Средней Азией; А. Х. Халиков связывает их появление с притоком в Прикамье на рубеже VI—VII вв. нового населения, в котором он склонен видеть тюркоязычные племена [62].

В Удм. АССР известна одна находка (Утемильская) и пять кладов(Карасевский Чуринский, Дондинский, Седьярский в бассейне Чепцы и Вихаревский в бассейне Кильмези) — всего 8 сосудов, из них дондинский и карасевский найдены с гривнами глазовского типа, т. е. были зарыты уже в IX—X вв. Наиболее ранними являются блюда чуринского клада позднесасанидского времени VI—VII вв. и одно византийское блюдо с волнистыми краями VI—VII вв. из Карасевского клада. Седьярский серебряный кувшин с надписью относится к VII—VIII вв.[63] По мнению В. П. Даркевича, X в. датируется блюдо с грубо исполненным на дне резным изображением охотящегося всадника и IX—XI вв. блюда Дондинского клада.

Часто привозные блюда служили образцом для подражания местным мастерам, которые заимствовали сюжеты, технику и создавали свои произведения, обычно отличающиеся от привозных своей грубостью. Приме-

---

[51] *А. Марков.* Топография восточных монет. СПб., 1910, стр. 8, № 39.

[52] Там же, стр. 6, № 34.

[53] *Г. Т. Кондратьева.* Археологические и этнографические работы на Чепце. Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа, 1964, стр. 233.

[54] *А. Марков.* Ук. соч., стр. 6, № 35.

[55] Там же, стр. 6, № 32.

[56] *А. А. Спицын.* Приуральский край. МАВГР, вып. I, 1893, стр. 81.

[57] *А. Марков.* Ук. соч., стр. 9, № 44.

[58] *А. П. Смирнов.* Финские феодальные города. Сб. «На удмуртские темы». М., 1931, стр. 54.

[59] *С. Г. Матвеев.* Могильник Чем-шай, стр. 23.

[60] *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909; *И. А. Орбели и К. В. Тревер.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935; *О. Н. Бадер и А. П. Смирнов.* Серебро закамское первых веков н. э. Тр. ГИМ, XXIII. М., 1954; *Л. А. Мацулевич.* Византийский антик в Прикамье. МИА, 1, 1940; *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. М., 1971.

[61] *О. Н. Бадер, В. А. Оборин.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 165.

[62] *А. Х. Халиков.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Прикамья. Археология и этнография Татарии, I. Казань, 1971, стр. 28.

[63] *А. Х. Халиков.* Ук. соч.; *Б. И. Маршак.* Ук. соч., стр. 31.

ром могут служить изображения сцен охоты на бляхе из Рябиновского клада [64] (рисунок 1, *3*), блюдо из Рождественского клада [65], бляшка из коллекции Теплоуховых, относимая А. А. Спицыным к X в. [66]

Важным и интересным источником для изучения обмена, как показали многие исследования [67], являются бусы. Бусы принадлежат к числу излюбленных украшений древнеудмуртского населения. Они встречаются в погребениях как в виде ожерелий, содержавших иногда по нескольку десятков разнообразных по форме, материалу и цвету бусин, так и одиночными экземплярами. Довольно много бус найдено и на поселениях. В работе использованы материалы могильников Бигер-шай Адамовский, Бигер-шай Весьякарский, Чем-шай и Чиргинский, городищ Донды-кар, Идна-кар и Весья-кар; всего 2364 экз. [68]

Каменные бусы выполнены из полупрозрачного красно-коричневого сердолика, горного хрусталя и халцедона. Их немного, всего 65 экземпляров, что составляет 2,75% от общего количества бус. Большую часть каменных бус составляют сердоликовые (59 экз.). Среди них преобладают мелкие шарообразные (36 экз.), призматические (10 экз.), встречаются бипирамидальные, многогранные, грушевидные, эллипсоидные и подтреугольные сложнограненые. Хрустальные представлены шарообразными, многогранными и цилиндрическими. Встречена одна халцедоновая эллипсоидная буса. Все описанные бусы в лесной полосе Восточной Европы встречаются в пределах IX—XIII—XIV вв. [69] На ранних памятниках Чепцы, как и на ломоватовских, каменные бусы представлены главным образом бусами из роговика. Сердоликовые и хрустальные или совсем не встречены (Мыдланьшай), или составляют незначительный процент (Поломский могильник — 0,02%) [70]. По-видимому, сердоликовые и хрустальные бусы появились здесь в самом конце I тысячелетия и бытовали в течение длительного времени.

При исследовании каменных бус, найденных на древнерусских памятниках X—XIII вв., М. В. Фехнер отметила совпадение границы распространения сердоликовых бус с границей распространения диргема. Это дало ей основание предположить, что бусы из сердолика являются продуктом восточной торговли. В подтверждение своей мысли она приводит данные письменных источников об обширной торговле камнями стран Средней Азии [71]. Если это действительно так, то бусы, найденные на Чепце, можно считать также предметом восточного импорта, поскольку Чепца входит в территорию распространения диргемов.

Подавляющее большинство бус составляют стеклянные (2293 экз. — 97,25%). Мозаичные бусы единичны (7 экз.), представлены округлыми и овальными, продольно проколотыми бусами нестандартных расцветок, бочонкообразной бусиной из поперечно проколотого зеленого стержня,

---

[64] *А. А. Спицын.* Археологическая находка конца X в. в Глазовском уезде. ЗРАО, 7, вып. 3, 4. СПб., 1895, табл. XXXII.

[65] *А. П. Смирнов.* Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э. Ин-т археологии и искусствознания, т. 2. Секция социологическая. М., 1928, стр. 80.

[66] *А. А. Спицын.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых, табл. II — *9*.

[67] *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, 1959; *ее же.* Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X — XI вв.». М., 1963, стр. 75—85; *Ю. Л. Щапова.* Русские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений в XI — XII вв. Византийский временник, XIX, 1961 и др.

[68] Следует оговориться, что приводимое количество бус приблизительно занижено, поскольку часть бус повреждена и не может быть с уверенностью отнесена к какой-либо группе.

[69] *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Тр. ГИМ, 33, 1952, стр. 152.

[70] *З. А. Львова.* Бусы I Поломского могильника. АСбГЭ, 15. Л., 1973, стр. 85.

[71] *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях..., стр. 154.

пронизанного серовато-белыми прожилками. По мнению З. А. Львовой, они датируются последней четвертью I тысячелетия [72]. Бусы с рельефной спирально-волнистой инкрустацией. Изготовлены из черного непрозрачного стекла с белой или желтой инкрустацией (12 экз.). В Новгороде бытовали в XIII—XIV вв. [73] Бусы гладкие эллипсоидные из черного стекла со сплошной одноцветной белой инкрустацией (6 экз.). По Новгородской хронологии датируются XII—XIII вв.[74] В Белоозере найдены в слоях IX—XII вв. [75] Бочонкообразные бусы из черного с желтым стекла, рифленые, с валиками на концах (2 экз.). В Белоозере датируются XI—XII вв. [76]. Глазчатые бусы включают разнообразные по расцветке и технике изготовления бусы округло-цилиндрической формы (393 экз.— 16,62%). Черные цилиндрической формы с выступающими желто-зелеными глазками (13 экз.). Глазчатые рельефные черные с многоцветной инкрустацией. На корпусе бусины три глазка, каждый из которых взят в петельку. Глазок и петелька рельефны (4 экз.). Встречаются в древнерусских городах X—XI вв. [77] Округлые черные бусы, пестрые глазки которых заключены в соприкасающиеся между собой овалы из нитей зеленовато-желтого стекла (3 экз.). Бусы этого рода имеют аналогии в древнерусских памятниках X в. [78]

Глазчатые бусы зонные, округлые и бочонкообразные заглушенного стекла печеночно-красного, желтого и бирюзового цвета с глазками из круглого ядра, заключенного в несколько концентрических кругов, и мозаичными составляют большинство глазчатых бус (373 экз.). Бусы этого вида были широко распространены в Восточной Европе в X—XI в. [79] Одноцветные бусы (1879 экз. — 81,73%). Основная масса одноцветных бус, как и в Поломском могильнике, изготовлена из тянутых трубочек и палочек. Рубленый бисер с неоплавленными режущими и закругленными краями желтого, бирюзового, синего, зеленого и голубого цветов (601 экз.). Золоченые и серебряные бусы и многочастные пронизки (120 экз.). Лимонообразные бусы и одноцветные пронизки; некоторые экземпляры рифленые (150 экз.). Продольно-полосатые желто-черные и желто-коричневые пронизки (46 экз.). Округлые и бочонкообразные бусы заглушенного стекла преимущественно желтого, печеночного, а также бирюзового, зеленого и голубого цветов (555 экз.). Следует отметить, что эти бусы не имеют строго стандартных форм и размеров. Биконической формы бусы из грязно-голубого заглушенного стекла (11 экз.). Зонные бусы из полупрозрачного серовато-голубого и бесцветного стекла (374 экз.).

Резные бусы синие, желтые (8 экз.). Биконические крупные зеленые из прозрачного стекла (4 экз.).

Почти все виды описанных стеклянных бус встречаются в Поломском могильнике. Исследование химического состава основных компонентов их позволил З. А. Львовой сделать вывод о происхождении поломских бус из стран Средиземноморья [80]. Очевидно, этот же вывод можем распространить и на рассмотренные бусы.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что экономические связи развивались в двух направлениях: северном, через Верхнюю Каму по Сухоно-Вычегодскому пути, и южном, через государство волжских болгар. Через северный путь на Чепцу попадали отдельные вещи из Прибалтики, Приладожья, от волжских финнов и коми.

---

[72] *З. А. Львова.* Ук. соч., стр. 87.
[73] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы Древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 176.
[74] *Ю. Л. Щапова.* Ук. соч., стр. 177.
[75] *Л. А. Голубева.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, стр. 182.
[76] Там же, стр. 182.
[77] *Ю. Л. Щапова.* Ук. соч., стр. 178.
[78] *З. А. Львова.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 332.
[79] *З. А. Львова.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. АСбГЭ. 10. Л., 1968, стр. 77.
[80] *З. А. Львова.* Бусы I Поломского могильника, стр. 98.

Волжские болгары, втянув северных удмуртов в более оживленные торговые связи, оказали большое влияние на формирование некоторых типов украшений, элементов орнамента и служили посредниками, через которых на Чепцу попадали вещи из далеких стран Средиземноморья и Средней Азии. В целом торговля носила спорадический характер, ограничивалась предметами роскоши и украшениями.

M. G. Ivanova

RELATIONS CULTURELLES ET ECONOMIQUES DES OUDMOURTES SEPTENTRIONAUX EN X — DEBUT DU XIII SIECLES

Les relations économiques des Oudmourtes septentrionaux se développaient en deux directions: septentrionale — par la Kama, par la voie de Soukhona-Vytchegda, et méridionale — à travers le pays des Bulgares volgiens. A travers la voie septentrionale les objets isolés provenant des pays Baltes, des rives de Ladoga, des Finnes volgiens et des Komis parvenaient jusqu'à la Tcheptsa.

Les Bulgares volgiens ayant engagé les Oudmourtes septentrionaux en relations commerciales plus animées ont influencé considérablement la formation de certains types de parure, d'éléments ornementaux. Ils servaient également d'intermédiaires pour faire parvenir jusqu'à la Tcheptsa les objets provenant des pays lointains de Méditerranée et d'Asie Centrale. La commerce avait en général le caractère sporadique ne se limitant qu'aux objets de parure et de luxe.

Н. М. БУЛАТОВ

КОБАЛЬТ В КЕРАМИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Нет ни одной более или менее значительной работы, посвященной разбору поливного керамического ремесла восточного средневековья, в котором XII—XIII вв. не были бы названы началом нового периода в его развитии и становлении [1]. Этот период наряду с изобретением принципиально новых технологических приемов в керамическом производстве (открытие высококремнистых масс, бессвинцовых прозрачных глазурей и т. д.) характеризуется и началом широкого использования в нем кобальта [2], что в свою очередь породило развитие новых типов, видов и групп керамики.

Использование кобальтовой краски в керамическом производстве шло по трем направлениям: в качестве краски при подглазурной росписи, как краситель прозрачных и глухих глазурей и в качестве краски при надглазурной росписи по глухой глазури. Из этих трех направлений второе и третье имеют корни в предшествующей эпохе, а первое характерно для периода XIII—XV вв.

Среди поливной керамики городов Золотой Орды реже всего встречаются изделия, на которых кобальт (краситель, дающий синий цвет) использован при надглазурной росписи по глухим глазурям другого цвета, чаще матово-белого. Встречается она в основном на керамических изделиях с росписью люстром, известных в Самарре, Месопотамии и в Двине с IX в. [3] и широко распространенной в последующее время. Иногда роспись кобальтом по глухой оловянной глазури встречается при расцветке отдельных деталей орнамента при полихромной росписи сосудов легкоплавкими, жидкими эмалями, так называемыми «минаи», керамики, распространенной в XII—XIV вв. в Египте и Иране. Находки фрагментов керамики того и другого типа на золотоордынских городищах редки и пока о них можно говорить лишь как о предметах ближневосточного импорта в Нижнее Поволжье XIII—XIV вв. [4]

Также редко на указанных городищах встречаются фрагменты посуды, покрытые заглушенной синей кобальтовой глазурью. Использование кобальта в качестве красителя глазурной шихты, в том числе и глухих глазурей, широко известно в керамических центрах Ирана XII—XV вв.[5] и Средней Азии в XIII—XV вв. [6] (например, в материалах Южной Туркмении, Самарканда и т. д.). Кобальтовой глазурью украшались парадные и столовые блюда, кувшины, чаши, парфюмерная посуда.

---

[1] *Э. В. Сайко.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII — XV вв. Душанбе, 1969; *Н. Н. Вактурская.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма IX — XVII вв. Тр. ХАЭЭ, 4, М.— Л., 1959.

[2] *Э. В. Сайко.* Ук. соч., стр. 39.

[3] *Э. К. Кверфельд.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1948, стр. 28—41.

[4] *F. Sarre.* Erzeugnisse islamisches Kunst. Leipzig, 1909, teil II.

[5] *R. L. Hobson.* A guide to the islamic pottery of the Near East. British Museum, 1932.

[6] *Н. Н. Вактурская.* О раскопках 1948 г. на Шемаха-Кале. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952.

В городах Золотой Орды встречаются следующие типы керамики с опаковым кобальтовым покрытием: а) без дополнительного украшения; б) с росписью по синему фону и в) с полихромной надглазурной росписью.

Фрагменты керамических изделий с глухой ультрамариновой или темно-синей глухой глазурью в незначительном количестве встречены на многих золотоордынских городищах [7]. Их малочисленность в свое время не давала повода говорить о местном производстве в государстве монголов сосудов с глухой синей глазурью. Однако находки фрагментов кашинной керамики с таким покрытием, в том числе и со следами производственного брака около горнов и в заполнении горнов на территории гончарной мастерской Селитренного городища, привели к противоположному выводу [8]. Те единичные фрагменты с яркой кобальтовой глазурью и росписью золотом на полуфаянсовой основе, найденные на Царевском (еще А. В. Терещенко в середине XIX в.) [9] и Селитренном городищах, несомненно, ведут свое происхождение от знаменитых «сикуло-арабских» люстровых фаянсов. Находки фрагментов и целых изделий этой керамики зафиксированы для XII—XIV вв. в Сицилии, Египте, Армении и ведут свое происхождение из средневекового Ирана, Сирии или Армении [10], а в городах Золотой Орды они, безусловно, являются импортным товаром.

Полихромная роспись по синей глухой глазури, довольно часто встречающаяся на золотоордынских городищах [11] и имеющая, очевидно, истоком все ту же «сикуло-арабскую» люстровую посуду, представляет собой золочение отдельных деталей орнамента, обведенных линией красной легкоплавкой эмали, и заполнение темно-синего фона муфельной росписью белым ангобом в виде мелких спиралей [12].

Интересно, что золочение по кобальтовой глазури на Ближнем Востоке применялось только в бытовой керамике, а выделение золоченого фона белым ангобом и покрытие синего поля белыми мелкими спиралями характерно только для поливной архитектурной керамики, например облицовочные изразцы из мавзолея XIV в. Пир-Хуссейна в Ханеке (Азербайджан) или мавзолея XV в. неизвестному в Шахи-Зинда (Самарканд) [13]. Перенесение же приемов декоровки архитектурных облицовочных плит на бытовую поливную посуду с применением красной эмали, является, очевидно, особенностью золотоордынских гончаров, так как местное производство ее можно считать установленным [14].

Появление прозрачных глазурей, в том числе и синих прозрачных, связано с началом применения в керамическом производстве щелочных глазурей, пришедших на смену свинцовым, появившимся в Иране уже в XI в.[15] Появление щелочных глазурей послужило стимулом к появлению новых красителей для росписей сосудов и для окраски глазурей. Значение кобальта в XII в. в качестве того и другого неизмеримо возрастает.

В комплексе золотоордынской поливной керамики на кашинном тесте керамика с прозрачной синей глазурью представлена следующими типами: изделиями, у которых одна сторона окрашена голубой прозрачной глазурью, а другая — синей; сплошь покрытыми синей глазурью; украшенными под кобальтовой глазурью рельефным и штампованным орнаментом и в небольшом количестве изделиями с черной росписью под прозр-

---

[7] *Н. М. Булатов.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. СА, 1968, 4, табл. 2.

[8] См. Отчеты о раскопках на Селитренном городище в 1970—1971 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1/4165; Р-1/4572.

[9] Гос. Эрмитаж. Сар. 232.

[10] *Э. К. Кверфельд.* Ук. соч., стр. 63.

[11] *Н. М. Булатов.* Ук. соч., стр. 108.

[12] Там же, рис. 4, *2*.

[13] *Э. К. Кверфельд.* Ук. соч., табл. XIV.

[14] *Н. М. Булатов.* Ук. соч., стр. 108.

[15] *Ch. Wilkinson.* Fashion and technique in Persian pottery. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. November, 1947, v. 6, № 3, p. 102.

рачной кобальтовой глазурью. Все перечисленные типы имеют (за исключением, пожалуй, последнего) широкие аналогии во многих странах мусульманского мира, хотя в количественном отношении эта керамика на городищах Золотоордынского Поволжья представлена значительно слабее, чем другие группы поливной керамики [16]. Керамика с прозрачной синей глазурью зафиксирована на средневековых памятниках (Шахрлика, Самарканда, Шемаха-Калы, Куня-Ургенча [17]) в Средней Азии. Иранские — рейские и кашанские — изделия с кобальтовой глазурью интенсивно синего цвета опубликованы в трудах западноевропейских исследователей [18]. Все эти типы поливной керамики, как показывают исследования гончарной мастерской на городище Селитренное, являются продукцией местного гончарного производства.

И все же наиболее широкое применение получает кобальт в поливной керамике Золотой Орды в качестве краски при подглазурной росписи под бесцветной глазурью по высококремнеземистой основе или ангобу. Применялся он как при подглазурной полихромной росписи, так и при монохромной. Причем применение кобальта при полихромной росписи с выделением отдельных деталей орнамента рельефом строго регламентировано: в этом случае кобальт применялся только для расцветки рельефных деталей орнамента синими точками. Эти детали в свою очередь даны, как правило, на серо-зеленом точечном фоне с зеленоватым же обводом по контуру. Керамика на кашинном тесте с рельефным украшением и расцветкой синими точками хорошо известна для XIII—XIV вв. во многих частях мусульманского средневекового мира: в Хорезме [19], в поливной керамике Ферганы [20], Самарканда [21] и т. д. Популярной была эта керамика и в Иране [22].

При полихромной подглазурной росписи по гладкой поверхности роль кобальта-краски значительно увеличивается: роспись синим получает в отдельных секторах и полосах на поливных изделиях белый фон, по которому наносятся синяя косая клетка, параллельные линии, спирали, арабески и т. д. Использовалась синяя краска и при выделении линиями отдельных секторов, поясов и наиболее крупных деталей орнамента.

Монохромная роспись под прозрачной глазурью на кашинной основе в керамике золотоордынских городов представлена двумя видами: росписью серо-зеленой хромистой краской и росписью синей кобальтовой краской, т. е. путем расчленения красок полихромной росписи (третьим цветом в полихромной росписи на кашинных изделиях был белый фон керамических изделий) на краски, используемые при монохромной росписи. Роспись зеленой хромистой краской под прозрачной бесцветной глазурью встречают в Нижнем Поволжье редко, а синий во множестве случаев и получает настолько широкое распространение, что к концу XIV — началу XV в. становится одним из ведущих типов поливной керамики и фигурирует в научных публикациях под общим названием «тимуридской керамики».

История развития и распространения «бело-синей» керамики во многих странах средневекового Востока выводилась исследователями обычно из керамического ремесла древнего Китая [23]. Действительно, использова-

---

[16] *Н. М. Булатов.* Ук. соч., стр. 100, табл. 2.

[17] *Н. Н. Вактурская.* Ук. соч., стр. 316 сл.

[18] См. *A. Lane.* Islamic pottery from the niuth to the fourteenth centuries. London, p. 24, pl. 14, № 27.

[19] *Н. Н. Вактурская.* О раскопках 1948 г. на Шемаха-Кала. Археологические и этнографические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1945—1948 гг., стр. 183—184.

[20] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.— Л., 1952, стр. 258.

[21] *Э. В. Сайко.* Ук. соч., стр 52.

[22] *A. Lane.* Islamic pottery..., p. 94.

[23] См., например, *Э. К. Кверфельд.* Ук. соч., стр. 84, 104 и др.

ние кобальта в керамике Китая известно еще с танского времени (618—900) [24]. Однако приблизительно в то же время кобальт при росписи керамических изделий применялся в месопотамской Самарре, Сирии, Персии [25]. Как показывают многочисленные исследования, с Танского времени до XV в. керамическое ремесло Китая при производстве посуды с синей росписью работало исключительно на привозном Иранском кобальте [26]. Следовательно, китайские фарфоровые сосуды с белоснежным фоном и синей кобальтовой росписью, получившие широкое распространение в странах мусульманского Востока при династиях Сун (960—1273) и Мин (1368—1643—4), являлись результатом соединения иранского сырья и искусства китайских ремесленников. Кроме того, развитие монохромной росписи в средневековой китайской живописи, в том числе и монохромной росписи по фарфору, было обусловлено, очевидно, в период Тан-Мин большой ролью учения даосизма, во многом предопределившем эстетическое видение китайского художника и в последующие эпохи. Так, одна из фраз «Дао дэ цзина» — «Пять цветов притупляют зрение» — легла в основу теории живописи, что в свою очередь послужило стимулом к развитию монохромной живописи [27]. Этим же учением, очевидно, был предопределен и выбор орнаментальных сюжетов на китайском «бело-синем» фарфоре. В одной из глав того же трактата, определяющих «дао» как «форму без формы», как нечто неясное и туманное, отзовется в живописи и орнаментике керамики изображением облаков, выступающих в роли бесформенного «дао». Изображение одного, узловатого дерева, нарочито уродливого с точки зрения европейского искусства, является в китайской живописи одной из центральных фигур и олицетворяло идею философа Чжуа-цзы (IV в. до н. э.) о подлинной пользе внешне бесполезного: такое казалось бы ни на что не годное дерево, не срубленное молодым, разросшись, дает своей тенью отдых человеку [28]. Подобные смысловые нагрузки несли на себе и изображения лотосов, драконов, птиц и др. на китайском бело-синем фарфоре. Учением даосизма определялись, очевидно, и другие особенности росписи китайского фарфора: просторный белый фон, малочисленность орнаментальных сюжетов, их бесконечное повторение и т. д.[29]

Китайские фарфоровые изделия с бело-синей росписью к XIV—XV вв. вместе с караванами мусульманских купцов проникают в качестве торгового импорта в самые отдаленные страны средневекового Востока [30]. А орнаментальные сюжеты этих изделий механически переносятся в разных керамических центрах этих стран на посуду местного производства. С практикой переноса китайских сюжетов на бело-синие полуфаянсовые или кашинные изделия мы встречаемся повсюду. А. Лейном опубликована тарелка — блюдо из Хамы (Сирия), подражающая китайской кобальтовой росписи [31], образцы таких изделий известны в Египте XIV—XV вв. [32], Самарканде XV в. [33] Часто с этим явлением встреча-

---

[24] *Чжоу Жень.* Китайский фарфор и фаянс. «Природа», 1960, 6, стр. 65—66.

[25] См., например, *F. Sarre.* Die Keramik von Sammara. Berlin, 1925, S. 98—99.

[26] *Э. В. Сайко.* Ук. соч., стр. 118.

[27] *Е. В. Завадская.* Традиции философии Лао-цзы и Чжуан-цзы в китайской эстетике живописи. В кн. «Роль традиций в истории и культуре Китая». М., 1972, стр. 63—64.

[28] Там же, стр. 71—72.

[29] Там же, стр. 63, 66 и др.

[30] Известный арабский историк Макризи (1364—1442), рассказывая о сокровищах фатимидских дворцов в Каире, говорит и о китайских фарфоровых изделиях с сине-белой росписью. Находки привозных китайских фарфоровых изделий зафиксированы и в комплексе поливной керамики Ирана, Сирии, Самарканда, Царевского и Селитренного городищ на Нижней Волге.

[31] *A. Lane.* Islamic pottery..., p. 31.

[32] Ibid., p. 31.

[33] *Т. А. Пугаченкова.* Самаркандская керамика XV в. Тр. САГУ, II, Ташкент, 1950.

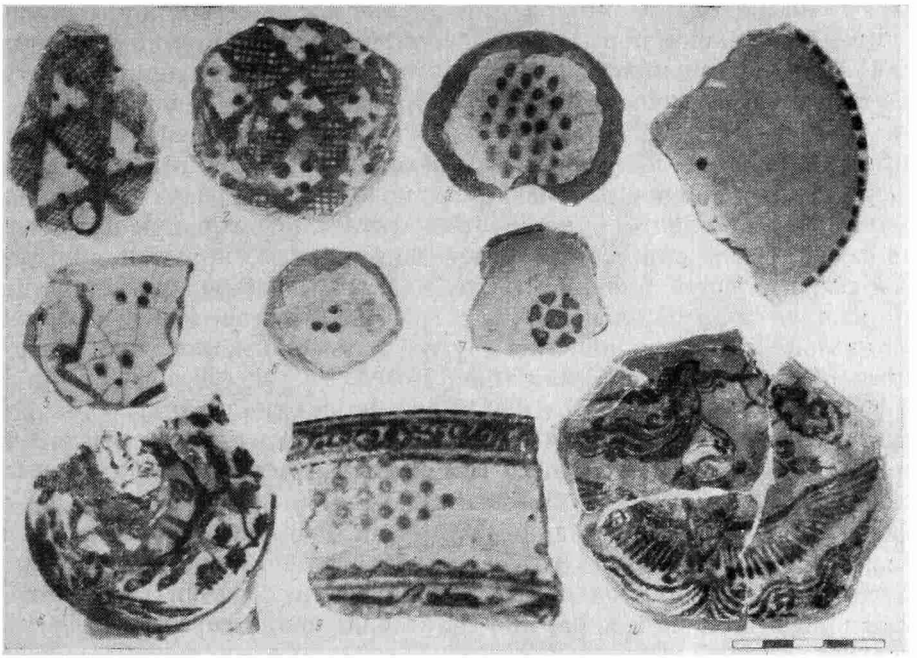


Рис. 1. *1—2* — отдельные детали орнамента, украшенные синими точками при полихромной росписи сосудов; *3—6* — роспись синими точками по белому фону; *7* — образец простейшей росписи кобальтом по белому фону; *8, 10* — образцы китайских орнаментальных сюжетов на золотоордынской поливной посуде при подглазурной росписи кабальтом; *9* — фрагмент кашинного сосуда, украшенного сквозным ажурным орнаментом и подглазурной росписью кобальтом

емся и в поливной керамике золотоордынских городов. Так, на одной из ваз на высокой ножке с ярко-синей росписью по белому кашинному фону было обнаружено изображение того самого дерева, о котором речь шла выше. Этим сюжетом была украшена внутренняя поверхность вазы. В то же время ножка ее и наружная поверхность были расписаны синими арками, столь характерными для кашинной поливной керамики Нижнего Поволжья XIII—XIV вв. Ваза эта была найдена на Селитренном городище на территории гончарной мастерской и имела ярко выраженные следы производственного брака [34] (рис. 1, *8*).

Другим таким образцом из той же мастерской является находка археологически целой кашинной чаши со следами производственного брака. Снаружи чаша украшена теми же синими арочками, а изнутри на дне изображено типичное китайское облако на фоне мелколистного растительного орнамента [35]. Венчик чаши украшен синими точками, верхний внутренний пояс — спиралями. При этом в обоих случаях рисунок кобальтом нанесен четкими неразмытыми линиями.

Иной путь, по которому шло развитие орнаментальных сюжетов при росписи кашинных изделий кобальтовой краской, как было уже сказано,— использование красок полихромной росписи; в монохромном рисунке по белому фону — только синей кобальтовой или серо-зеленой хромистой красками.

Сначала использование кобальта выражалось лишь в несмелой разрисовке донцев пиал и пиалообразных чаш одной [36], двумя [37], тремя [38] и т. д.

---

[34] Номер по полевой описи СГ-70 № 39. Архив ИА АН СССР, Р-1/4165.
[35] СГ-70 № 44.
[36] СГ-68 № 29. Архив ИА АН СССР, Р-1/3688.
[37] СГ-68 № 10.
[38] СГ-68 № 16.

синими точками. Затем синие точки на дне встречаются при одновременном украшении венчиков в этих изделиях теми же синими точками [39] (рис. 1, *4*). В синий цвет окрашиваются и наружные арочки, внутри которых помещаются попарно или по три те же синие точки. Иногда такой синий рисунок перемещается с наружной на внутреннюю поверхность кашинных сосудов [40]. Эти точки затем сменяются крупными синими мазками, похожими на черные мазки на изделиях с прозрачной бирюзовой поливой [41]. И, наконец, синий цвет получает простор при орнаментации поливных изделий спиралями, розетками, овалом, кругами, эпиграфическим и растительным рисунком, т. е. полным набором всего орнаментального арсенала золотоордынских мастеров-керамистов, который они прежде использовали при украшении других типов как кашинной, так и красноглиняной поливной керамики (рис. 1, *9*).

Любопытным является тот факт, что тенденция полихромной росписи (двумя цветами по белому фону) нет-нет да встречается и при росписи поверхности кашинных (иногда и красноглиняных ангобированных поверхностей) изделий синим цветом. Правда, выражается это несколько своеобразно: некоторые кашинные чаши, имея внутреннюю синюю роспись, снаружи покрыты росписью серо-зеленой хромистой краской [42].

Несколько затруднительна датировка возникновения кобальтовой синей росписи в поливной керамике золотоордынских городов. Еще сложнее проследить время, когда возникает подражание китайским образцам в украшении кашинных сосудов и когда начинается использование местных орнаментальных сюжетов. Скорее всего и то и другое развивались одновременно. Приблизительной датой возникновения кобальтовой росписи в городах Нижнего Поволжья следует, очевидно, считать вторую половину или конец XIV в. Этот вывод мы делаем на том основании, что на Царевском городище, отождествляемом с золотоордынским городом Сарай-Берке и прекратившем свое существование после разгрома войсками Тимура в 1395 г., кашинная керамика встречена неоднократно как с местными орнаментальными сюжетами, так и с сюжетами, заимствованными с китайских образцов [43]. Если учесть, что в разных частях средневекового мусульманского мира керамика с монохромной синей подглазурной росписью зафиксирована в пределах тех же хронологических рамок (для Баальбека Ф. Зарре датирует ее XIV в., для Султанабада — Р. Этингаузен также XIV в., для Хорезма — Н. Н. Вактурская XV в., для Самарканда — Г. Н. Пугаченкова XV в., для Сирии — А. Лайн XIV в. и т. д.), то вполне правомочно сделать вывод о том, что золотоордынское керамическое ремесло развивалось в общем русле развития керамического ремесла в мусульманских странах Ближнего Востока, несколько опережая керамические центры Средней Азии.

Очевидно, в то же время или несколько позже [44] развивается и производство кашинной керамики с подглазурной росписью кобальтом в сочетании с ажуром, залитым глазурью и пропускающим свет. Изделия с такой декоровкой, встречающиеся еще в домонгольском Ани, в комплексе поливной керамики Хорезма [45] и Самарканда [46] известны только с XV в. На Селитренном городище (золотоордынский город Сарай-Бату) при раскопках гончарной мастерской XIV—XV вв., специализировавшейся на производстве поливной посуды, изделия такого типа встречаются в большом количестве. Многие из них имеют ярко выраженные признаки производст-

[39] Например, СГ-68 № 228.
[40] СГ-68 № 169.
[41] СГ-68 № 292.
[42] СГ-70 № 5. Архив ИА АН СССР, Р-1/4165.
[43] *Н. М. Булатов.* Ук. соч., стр. 100, табл. 2.
[44] Во всяком случае на Царевском городище такая керамика встречается очень редко.
[45] См. *Н. Н. Вактурская.* Хронологическая классификация...
[46] *Г. Н. Пугаченкова.* Самаркандская керамика...

венного брака (рис. 1, *9*). Считается, что и в Ани, и в особенности в прославившемся производством такой посуды иранском городе Гумруне, она опять-таки появилась в результате подражания привозной китайской фарфоровой посуде, украшенной так называемой техникой рисового зерна[47]. На золотоордынских городищах нередки находки изящных тонкостенных белофарфоровых китайских изделий с ажурным сквозным орнаментом. Если эти изделия и послужили толчком к производству кашинной поливной керамики, украшенной ажурным сквозным орнаментом, то какую же сильную трансформацию претерпело ее производство на пути от оригинала. Во-первых, сочетание ажурного орнамента с подглазурной синей росписью на китайских изделиях встречается исключительно редко — как правило, это однотонные белые изделия. На селитренских же кашинных изделиях такое сочетание обязательно, и при подглазурной росписи их синим кобальтом преобладают традиционные, ставшие местными, орнаментальные сюжеты. Во-вторых, если форма овальных сквозных отверстий на фрагментах китайского фарфора по своему абрису действительно напоминает силуэт рисового зерна, то на кашинной посуде отверстия имеют всегда только круглую форму. Да и сами кашинные сосуды как по форме, так и по назначению сильно отличаются от китайских прообразов.

Итак, широкое применение в керамическом ремесле кобальта в городах монгольских ханов характерно в той же степени, что и для любого восточного городского центра. Развитие керамики с кобальтовой синей росписью по белому фону складывалось, очевидно, как и на всем Востоке, под влиянием китайского керамического ремесла. Наличие в комплексе поливной посуды золотоордынского Поволжья всех ее основных типов, связанных при их оформлении с использованием кобальта, указывает на то, что золотоордынское керамическое ремесло является полноправной, хотя и несколько своеобразной частью средневекового восточного керамического ремесла.

N. M. Boulatov

COBALT EN CÉRAMIQUE DE LA HORDE D'OR

Résumé

Les fouilles de ces dernières années sur les agglomérations fortifiées de Tsarev et de Sélitrennoïé ont dégagé des ateliers céramiques lesquels ont fourni une grande collection de vaisselle glaçurée dont la décoration, dans une telle ou telle mesure, utilisait un colorant de cobalt. Une large utilisation de cobalt lors de certains processus de la fabrication de céramique à glaçure, notamment en colorage des glaçures et en peinture appliquée avant le graçurage, en XIV — XV siècles est caractéristique pour les métiers pratiqués dans les villes des khans mongols dans la même mesure que pour n'importe quel centre urbain oriental. Il est même plus: la céramique dite de Timourides — peinture au blanc sur le fond bleu foncé — apparaît dans les villes de la Horde d'Or un peu plus tôt que dans nombreux autres centres artisanaux (notamment de l'Asie Centrale). L'évolution de la céramique à cobalt (blanche-bleue foncée) dans la Horde d'Or s'opère, paraît-il, tout comme en tout Orient, sous l'influence du métier céramique chinois. Les porcelaines à peinture bleue monochrome se propageaient bien loin du lieu de leur provenance. De nombreux objets de production locale en Iran, Egypte, Asie Centrale, sur le bas cours de Volga portent des sujets ornementaux chinois. En même temps l'évolution de ce genre de la céramique glaçurée suivait la tradition artisanale locale. L'analyse des formes de la céramique dont la peinture et la glaçure sont à la base de cobalt démontre que le complexe de la poterie glaçurée de Horde d'Or présente une variante indépendante tout en restant identique au système de l'art céramique oriental du moyen âge.

[47] *Э. К. Кверфельд.* Ук. соч., стр. 92.

Публикации

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

НОВАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА РЕКЕ ДЕСНЕ

В результате разведок, проведенных нами на Верхней Десне в 1966—1968 гг., у с. Хотылева Брянского района Брянской обл. была открыта новая верхнепалеолитическая стоянка. Она находится на правом берегу Десны, на площадке, ограниченной с двух сторон крупными балками (рис. 1). Длина этой площадки вдоль деснинского берега 300 *м*, высота над уровнем реки 24—25 *м*.

На исследованном участке культурные остатки залегали в основании лёссовидной толщи на глубине свыше 4 *м*. Но как показало бурение, культурный слой несколько выше берегового уреза залегает на глубине 6,5 *м*. Надо полагать, что при образовании деснинского берега верхняя кровля лёссовидных суглинков была разрушена и смыта. Лёссовидные суглинки, перекрывшие культурный слой стоянки, не являются однородным субстратом и сформировались в различные периоды верхнего плейстоцена. Судя по мощности лёссовидной толщи, ее структуре и подстилающим почвенным образованиям, стоянка датируется ранней порой верхнего палеолита.

Вопрос о геологическом возрасте Хотылевской стоянки остается еще далеко не решенным. А. А. Величко по предварительным данным относит ее к самой начальной поре послебрянского времени [1]. Другие исследователи считают, что такая датировка находится в резком противоречии с современной хронологической схемой развития палеолита, построенной на радиокарбоновых датировках. По этой схеме брянские почвы якобы соответствуют паудорфским почвам Средней Европы и, следовательно, стоянка у Хотылева относится к концу молого-шекснинского межледниковья или осташковскому оледенению [2].

Однако сопоставлять брянскую почву с паудорфской очень рискованно, так как, во-первых, термин «паудорфский интерстадиал» сейчас не употребляется — от него отказались в связи с тем, что стратотип в дер. Паудорф (Австрия) оказался иного возраста, а, во-вторых, А. А. Величко, открывший «брянскую почву», сопоставляет ее с горизонтами «штильфрид Б» (Австрия). Но и с таким сопоставлением не все геологи согласны. Вот что пишет по этому поводу Ю. Финк: «Особую проблему представляет собой, в частности для среднеевропейской территории, чернозем, лежащий над погребенным черноземом мезенского комплекса, который в большинстве случаев типологически сходен с нижним». Эту почву А. А. Величко назвал «брянской почвой», представляющей собой аналог почвы «штиль-

[1] Автор выражает глубокую благодарность А. А. Величко за представленные им сведения по определению геологического возраста стоянки.

[2] Природа и развитие первобытного общества. 1969, табл. 1, стр. 14, 40, 41.

фрид Б». Определение абсолютного возраста по С-14 брянской почвы в размерах Мезина и Брянска дали дату около 25 000 лет.

Однако параллелизм этих почв наталкивается на две основные трудности: во-первых, в отношении типологии они не соответствуют друг другу, так как известно, что почва «штильфрид Б» представляет собой бледно-бурую степную почву, в то время как брянская почва — хорошо выраженный чернозем; во-вторых, если штильфридская почва чаще всего обна-

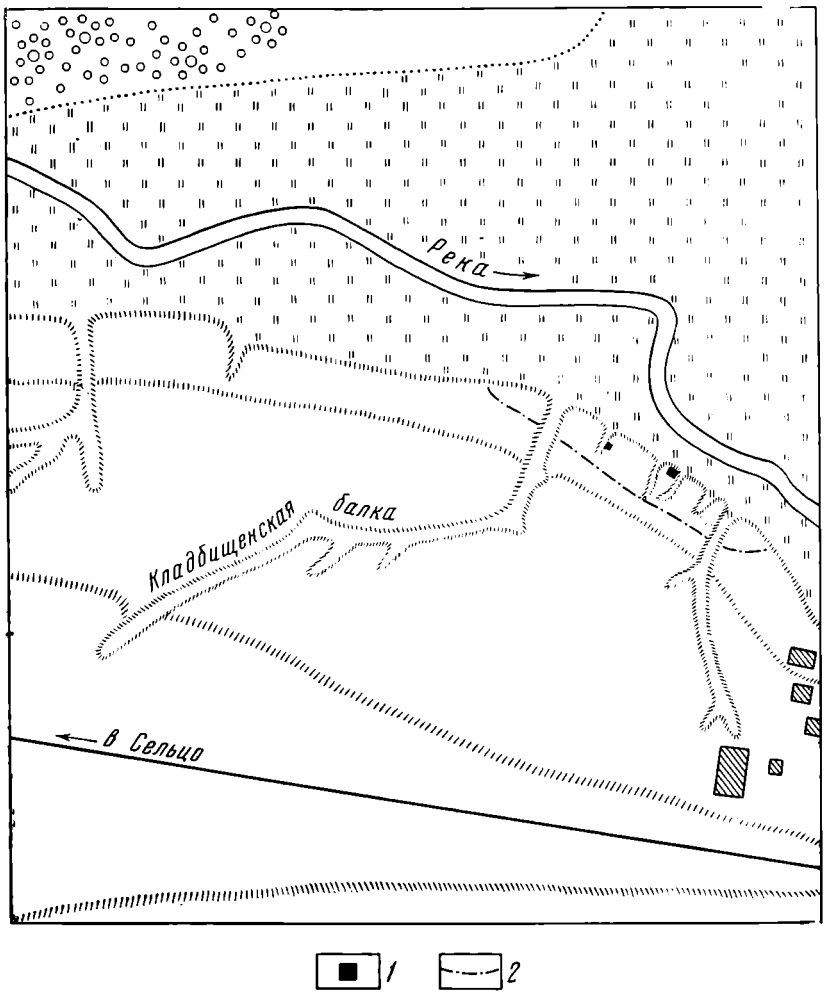


Рис. 1. Схематический план Хотылевской верхнепалеолитической стоянки: *1* — место раскопок; *2* — граница стоянки

руживается в первой трети или по крайней мере в первой половине лёссовой толщи, то «брянская почва» встречается непосредственно над мезенским комплексом. Почву «штильфрид Б» в районах Центральной и Западной Европы следовало бы выделять там, где в большинстве профилей наблюдается слабо оглеенная зона [3].

Следовательно, «брянская почва» не паудорфская и не штильфридская. Поэтому она не может быть сопоставлена с молого-шекснинским межледниковьем, тем более что в самом Карачижском разрезе в г. Брянске горизонт оглеения, соответствующий паудорфу или даже штильфриду Б, хоро-

[3] *Ю. Финк.* Заметки о научных результатах полевых экскурсий, проведенных по проблеме «Лёсс — перегляциал — палеолит». Сб.: «Лёсс — перегляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы» (к VIII Конгрессу INQUA. Париж, 1969). М., 1969, стр. 21.

шо прослежен А. А. Величко[4]. Отсюда возраст «брянской почвы» неточен. Она значительно старше, чем это сейчас представляется.

Как показали исследования, «брянская почва» на многих участках деснинского правобережья смыкается с основной микулинской и даже переходит в нее, являясь, таким образом, лишь верхней частью мощной полигенетической ископаемой почвы, лежащей на последнепровских лёссовидных суглинках. Во всяком случае «брянская почва» может свидетельствовать лишь о постепенном угасании межледникового климата и скорее всего может быть отнесена к микулинскому времени.

Как удалось установить, прекращение жизни на стоянке связано с увлажнением местности. На это указывают тонкие прослойки песка, сплошь перекрывшие культурный слой. Несмотря на то что нижняя половина лёссовой толщи еще несет следы слабой гуммированности, ожелезнения и марганцовистых стяжений, указывающих на сравнительно благоприятные климатические условия, она сильно опесчанена, особенно в своей нижней половине. Это подтверждает, что увлажнение местности, на которой находилась стоянка, связано не с обычным изменением локальных условий, а с установлением довольно влажного климатического режима вообще. Как известно, французские исследователи связывают с довольно еще влажным и мягким климатом начало вюрма[5], чего нельзя сказать об осташковском времени.

Для исследования нами был избран участок стоянки на углу деснинского берега и верхнего склона небольшого овражка. В 1969—1972 гг. здесь было заложено шесть раскопов общей площадью 300 *м*². Однако культурный слой сохранялся на площади около 245 *м*². Ввиду большого давления вышележащей толщи культурный слой в некоторых местах имел следы деформаций.

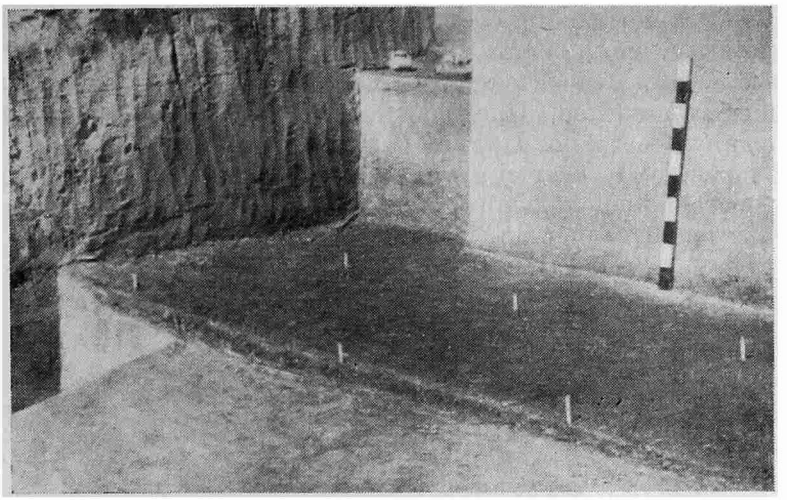
Костный и кремневый материал благодаря проникновению капиллярных вод оказался сильно заизвесткованным и был обильно покрыт «дутиками» или просто карбонатной коркой. На тех участках, где материал залегал в переотложенном состоянии под плотным бурым суглинком, кремневые отходы и изделия успели очиститься от известковистых стяжений и сверху покрылись молочно-голубоватой патиной. В ненарушенном культурном слое кремень почти не имел следов патины.

На древнем горизонте раскопанного участка нами было вскрыто два больших зольника, остатки различных костных конструкций, блюдообразных ям, мелких ямочек, несколько мест со скоплением расколотого кремня и различных кремневых изделий. По-видимому, они представляли остатки большой жилой палеолитической площадки. Наиболее крупный зольник располагался в юго-восточной части раскопанного участка (рис. 2, *1, 2*). Значительную часть этого зольника разрушил боковой овраг. Судя по всему, зольник имел сравнительно правильную округло-удлиненную форму. Длина раскопанной части — 7 *м*, ширина сохранившейся части 5,5—6 *м*. На поверхности зольника, за исключением небольших ямок, заполненных мелкими костями и их осколками, да отдельных разрозненных костей и зубов мамонтов, почти ничего не обнаружено.

Другой зольник, располагавшийся в северо-западной части раскопанного участка, также имел округло-удлиненную форму и был ориентирован с севера на юг с некоторым отклонением к востоку. Длина зольника составляла 7 *м*, наибольшая ширина 5 *м*. Оба зольника представляли собой остатки костного угля и золы, скопившиеся в больших блюдообразных углублениях. Были ли эти углубления вырыты специально или они образовались вследствие неравномерного уплотнения грунта различных структур и плотностей, сказать трудно.

[4] *А. А. Величко.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. 1961, стр. 45, рис. 16.

[5] *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. 1968, стр. 137.



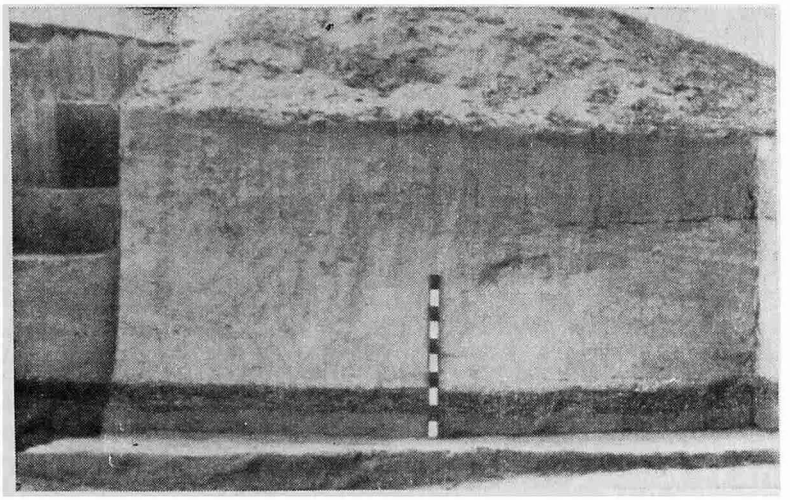


Рис. 2. *1* — часть поверхности большого зольника на участке раскопа 1; *2* — профиль этого же зольника в западной стенке раскопа 1

В заполнении зольников в большом количестве встречались отходы кремневого материала в виде дефектных и использованных никлеусов, ножевидных пластинок, готовых, сработанных, сломанных и дефектных орудий, множество отщепов, сколов и фасеток, мелких разбитых костей, реже полных костяных изделий, преимущественно прорезанных и просверленных в корне клыков мелких хищников. В отдельных местах наблюдалось скопление минеральной краски, иногда даже в виде обожженных желваков. Судя по тому, что среди кремневого материала, происходящего из зольника, процент обожженного кремня ничтожно мал, зольная масса скорее всего накапливалась постепенно, совместно с другими отходами человеческой деятельности. Мощность скоплений не превышала 0,15—0,2 *м*, а сама зольная масса была относительно равномерно распространена по всей площади зольников.

Блюдообразные углубления-ямы представляли собой неглубокие, искусственно созданные ямы округлых и округло-удлиненных очертаний. Судя по характеру заполнения и находкам, они имели различное назначение. Одни из них являлись очажными, другие, возможно, хозяйственными ямами-кладовками (рис. 3, *1, 2*). Мелкие ямки, открывавшиеся в большин-

стве случаев под костными скоплениями, по своему заполнению могут быть разделены на три группы.

К первой из них относятся ямки, заполненные костным материалом. Таких ямок большинство. Преобладают ямки с обломами трубчатых костей. Последние всегда находились в полувертикальном или почти в вертикальном положении, острыми концами вниз, причем плотно прижатые, в наиболее выгодном положении, друг к друг. Не исключено, что такие кости в грунт вкапывались или вбивались. К другой группе относятся

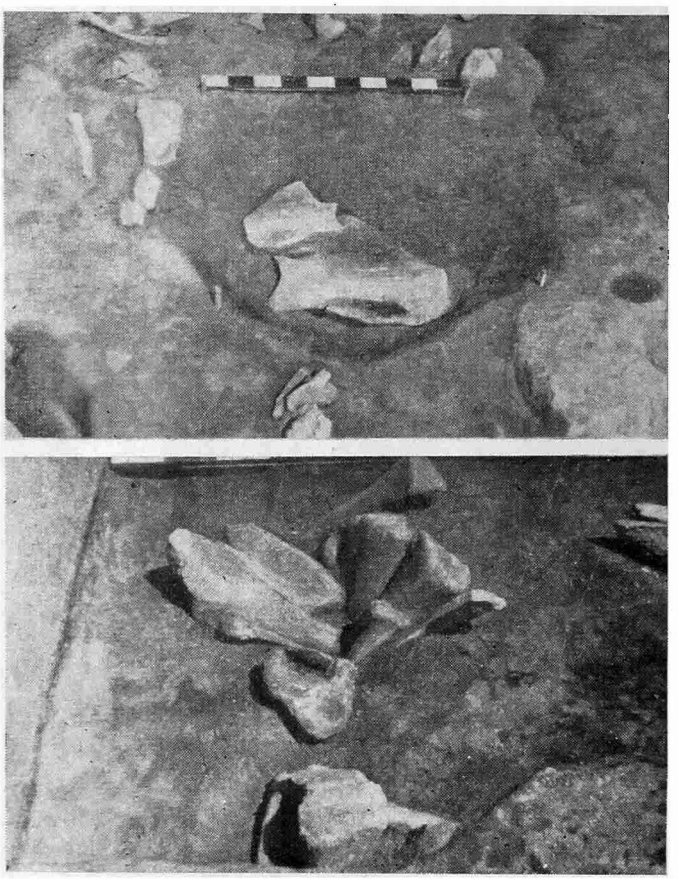


Рис. 3. *1* — ямка-кладовая на раскопе 5; *2* — ямка со скоплением преднамеренно расположенных обломков трубчатых костей на раскопе 5

ямки, заполненные только кремневыми отходами и к третьей — ямки, заполненные только костным углем.

Костные остатки встречались в виде небольших скоплений и разрозненных костей. За исключением отдельных экземпляров, а также костей мелких животных и птиц, в большинстве своем они встречались в разбитом состоянии и принадлежали преимущественно молодым особям. Кроме того, в разных местах раскопанной части было обнаружено шесть черепов мамонтов, к сожалению разрушенных. Судя по тому, что сохранившиеся у некоторых черепов мамонтов максилярные части находились в полувертикальном положении и были вкопаны, можно предполагать, что они в свое время были установлены в вертикальном положении. Большинство костных остатков или их скоплений имело преднамеренное расположение; как правило, кости заполняли блюдообразные углубления и различные ямки. Возможно, некоторые из них, и в первую очередь небольшие ямки, следует рассматривать как части и детали каких-то наземных опор.

Подводя итоги четырехлетним исследованиям, можно высказать предварительное заключение по планировке и конструкциям жилой площадки, вскрытой здесь. В северо-западной части раскопанного участка помещалось большое блюдообразное углубление диаметром около 5 *м*, при наибольшей глубине 0,15 *м*, с очажной ямой неправильной четырехугольной формы в центре, сверху перекрытое южной половиной неразрушенного зольника. Углубление с очажной ямой в центре окружало довольно большое скопление различных ямок, располагавшихся почти правильным ок-

Рис. 4. Центральная очажная яма, окруженная ямками со вбитыми или вкопанными костями

руглым поясом шириной до 2 *м* в два-три ряда (рис. 4). Общий диаметр этого участка достигал 7,5 *м*. Примерно на расстоянии 3 *м* от внешнего края этого сооружения также полукругом размещалась цепочка очагов и хозяйственных ям. Из трех очагов, исследованных здесь, один представлял наземный очаг, обложенный мелкими костями и позвонками, а два — очажные ямы. Вокруг очагов, в свою очередь, располагались костные остатки и ямки с костями, как бы образуя самостоятельные округлые конструкции диаметром 2,5—3 *м*. Хозяйственных ям в этом поясе было исследовано также три. Они, как и очаги, имели округлую форму и блюдообразное днище.

За первым поясом очагов и хозяйственных ям прослеживалась другая концентрическая система ям и ямок. Наиболее четко она прослеживалась с южной и восточной сторон раскопанной площади, где размещался другой, частично разрушенный, зольник. Здесь было вскрыто два скопления ям и ямок с костями, образовывавших довольно правильные округлые конструкции диаметром 2,5—3 *м*. Одно из них находилось в северной части раскопа 3 и с западной стороны примыкало к комплексу очажной ямы первого комплекса из раскопа 5, возможно образуя вместе с ним какую-то одну округло-удлиненную конструкцию.

Другое скопление костей, образовывавшее округлую конструкцию, размещалось в раскопе 1 вокруг хозяйственной ямы, заполненной дробленными костями. С южной стороны, за пределами конструкций, находился внешний ряд ямок с вкопанными или вбитыми костями. С западной стороны он уходил за пределы раскопанного участка, а с восточной упирался в разрушенный зольник.

В юго-западном углу раскопа 6, за пределами внешнего ряда ямок, совершенно отсутствовал культурный слой. Это нам дает некоторое основание видеть в исследованных конструкциях остатки жилой палеолитической площадки, хотя до полного исследования памятника об этом следует говорить осторожно. Необходимо отметить, что в общем плане даже все разрозненные кости, размещавшиеся вне пределов конструкций, были подчинены концентрическому расположению по отношению к центральному углублению с очагом.

В какой-то мере эта площадка может быть сопоставлена с палеолитической площадкой стоянки Костенки-I [6]. Это сходство прослеживается в очажных ямах, в ямах-хранилищах, в различных мелких ямках и углублениях, заполненных костным углем, кремневым материалом, забитыми или вкопанными обломами трубчатых костей мамонтов плоской сочленованной поверхностью кверху, и в распределении их на строго ограниченной площадке. Однако, судя по расположению сохранившихся конструкций, очажных и кладовых ям и наличию крупных зольников, она значительно отличается от костенковской и является не только оригинальной, но и довольно своеобразной.

Судя по находкам, на площадке скорее всего размещался жилищно-бытовой и хозяйственный комплекс большой первобытной общины. Из комплекса хотылевской палеолитической площадки большой интерес представляют зольники. На ранних памятниках костенковско-боршевского и деснинского палеолитических районов таких обширных зольников неизвестно. Однако в археологической литературе есть сведения о каких-то больших «пепелищах» оринъякского времени в Салютре, в которых также в изобилии встречались кремневые орудия [7]. Наслоения, состоящие из золы, угля, дробленых костей с массой кремневых изделий и предметов из кости, известны на стоянке Пржедмост в Чехословакии [8]. Кострища с толстым слоем раздробленных и пережженных костей описывает Байер на палеолитической стоянке Ланг-Маннерсдорф в Австрии [9].

Достаточно крупный зольник был исследован К. М. Поликарповичем на соседней Елисеевичской стоянке [10]. Судя по его описанию, очажный слой имел овальную форму размером 9,4×8,8 *м* с линзообразным сечением в профиле. Наибольшая мощность его около центра, ввиду наличия центральной ямы, составляла 0,6 *м*. К. М. Поликарпович этот очажный слой связывает с остатками большого жилого помещения и считает, что «тип жилища в Елисеевичах совмещает в себе черты сходства как оринья-ко-солютрейского, так и мадленского времени» [11].

К сожалению, зольники Хотылевской стоянки нельзя связать с внутренней частью каких-либо определенных жилищных сооружений. Правда, большой зольник еще полностью не исследован, а добрая половина его уничтожена оврагом. Но на раскопанном участке за пределами его краевых границ не замечено никаких костных конструкций или ям, которые бы указывали на размещавшиеся вокруг зольника стены жилого помещения.

Можно было бы другой зольник связывать с большим круглым помещением и очажной ямой в центре. Но, как уже отмечалось, он только своей южной половиной захватывал большую концентрическую конструкцию из пояса ямок с вкопанными или вбитыми костями и очажной ямой в центре, а другой своей половиной выходил за ее пределы. Хотылевские зольники представляют особые участки в общей системе палеолитической площадки.

---

[6] *П. П. Ефименко.* Костенки-I. М.— Л., 1958.
[7] *Г. Обермайер.* Доисторический человек, 1913, стр. 220.
[8] *П. П. Ефименко.* Первобытное общество, 1938, изд. 2-е, стр. 337.
[9] Там же, стр. 381, 382.
[10] *К. М. Поликарпович.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, стр. 53—65.
[11] Там же, стр. 57.

К сожалению, на плане, опубликованном К. М. Поликарповичем, не отмечается расположение зольника и очажной ямы, вскрытой под ним, а поэтому не представляется возможным проследить их положение в системе общего расположения костных остатков и сравнить с хотылевскими. Но, по-видимому, вполне прав К. М. Поликарпович, утверждая, что зольники накапливались в результате рассыпавшегося костного угля и золы, принесенных от горевших неподалеку костров или из очагов [12]. Здесь они постепенно смешивались с бытовыми и производственными отходами. Не исключено даже, что кости частично сжигались на местах самих зольников, после чего уголь и зола рассыпались по их поверхности, а равномерное распределение кремневых отходов, мелкодробленых костей, костяных изделий и минеральной краски свидетельствует об использовании зольничных площадок для бытовых нужд и трудовых целей.

Находки из зольников свидетельствуют о том, что помимо обогрева и приготовления пищи в очагах из каких-то горных пород обжигалась минеральная краска. Таким образом, зольники Хотылевской стоянки не стоят обособленно и находят близкие аналогии на стоянках ориньяко-солютрейского времени.

Собранный во время раскопок кремневый материал довольно обильный и интересный. Он дает достаточно полное представление о технике расщепления кремня, технике изготовления кремневых орудий из заготовок, их типологии и морфологии. За 4 года раскопок было собрано свыше 40 тыс. всевозможных кремней. Из них учтено 717 нуклеусов, 2560 ножевидных пластинок, 8592 расчлененные пластинки, 1265 резцовых сколов и 7929 орудий. Остальной кремневый материал представлял собой в основном бесформенные обломки кремня, грубые, преимущественно мелкие отщепы и чешуйки, из чего можно сделать вывод, что оболванивание кремня производилось на местах его добычи, а не на стоянке. Подавляющее число кремневого материала собрано в наслоениях зольников.

Большой интерес представляют ядрища, которые нами разделены на 25 групп.

Типы нуклеусов

	Количество
1. Нуклеусы, близкие к дисковидным формам с радиальным направлением сколов (рис. 5, *1*)	25
2. Нуклеусы, близкие к черепаховидным со снятием одного или двух крупных сколов (рис. 5, *2*, *3*)	9
3. Нуклеусы прямоугольной формы со следами двустороннего скалывания вдоль края удлиненных сторон	2
4. Нуклеусы четырехугольной, прямоугольной и подпрямоугольной форм со следами всесторонних снятий по широким плоскостям	8
5. Нуклеусы кубовидной формы с всесторонним скалыванием	7
6. Нуклеусы шарообразных и ореховидных форм с всесторонним чешуйчатым скалыванием	21
7. Двухплощадочные нуклеусы со скошенными в тыльную сторону под острым углом площадками, скалывание с которых производилось в пределах узкой рабочей плоскости в противолежащих направлениях (рис. 5, *4*, *5*)	71
8. Одноплощадочные нуклеусы со скошенными под острым углом площадками, скалывание с которых производилось в пределах узкой рабочей плоскости в одном направлении	165
9. Двухплощадочные нуклеусы с косо поставленными под острым углом площадками, снятие с которых производилось на одной узкой рабочей плоскости в двух противоположных направлениях, а на другой узкой рабочей плоскости, расположенной с противоположной стороны,— в одном каком-нибудь направлении	10

[12] Там же, стр. 63.

	Количество
10. Одноплощадочные нуклеусы, скалывание с которых производилось с узких рабочих плоскостей, расположенных с противоположных сторон, в одном направлении	2
11. Двухплощадочные нуклеусы, снятие с которых производилось на одной узкой рабочей плоскости в одном направлении, а на другой узкой рабочей плоскости, расположенной с противоположной стороны ядрища,— в другом	20
12. Двухплощадочные нуклеусы, снятие с которых производилось с узких рабочих плоскостей, расположенных под тупым углом, в сторону вершины	7
13. Треугольные нуклеусы, снятие с которых производилось с узких рабочих плоскостей от одного, двух или всех углов. Иногда в пределах одной какой-либо рабочей плоскости скалывание велось с двух противоположных сторон	5
14. Двухплощадочные нуклеусы, снятие с которых производилось со стороны одной узкой рабочей плоскости в одном направлении, а со стороны другой — в противоположном направлении с частичным захватыванием боковых широких плоскостей	14
15. Двухплощадочные нуклеусы со скошенными в тыльную сторону под острым углом площадками, скалывание с которых производилось в пределах одной широкой рабочей плоскости в двух противоположных направлениях	16
16. Одноплощадочные нуклеусы со скошенной в тыльную сторону под острым углом площадкой, скалывание с которой производилось в одном направлении с широкой рабочей плоскостью	32
17. Двухплощадочные нуклеусы, скалывание с которых производилось с широких рабочих плоскостей, расположенных с противоположных сторон, в противолежащих направлениях	6
18. Двухплощадочные нуклеусы, скалывание с которых производилось со стороны одной косо поставленной площадки по узкой рабочей плоскости, а на широкой рабочей плоскости,— в двух противоположных направлениях	3
19. Двухплощадочные нуклеусы, снятие с которых производилось со стороны узкой рабочей плоскости, а со стороны широкой рабочей плоскости — в противоположном направлении	9
20. Нуклеусы со снятием одной пластинки со стороны узкой рабочей плоскости или со стороны тех и других рабочих плоскостей одновременно	10
21. Нуклеусы, снятие с которых производилось со стороны одной широкой рабочей плоскости в одном направлении или скалывалась одна широкая пластина, а со стороны другой широкой рабочей плоскости производилось снятие отщепов в одном нанаправлении	4
22. Одноплощадочные уплощенные нуклеусы треугольной и подтреугольной форм, снятие пластинок у которых производилось веерообразно (конвергентно)	9
23. Конусовидные или пирамидальные нуклеусы с неполным и всесторонним снятием пластинок	8
24. Нуклеусы на пластинках и отщепах	15
25. Нуклеусы неопределенных форм и фрагменты нуклеусов	375
Всего	717

Несмотря на то что здесь мы имеем дело уже с пластинчатой техникой, в подготовке ядрищ, в их формах, способе снятия заготовок сохраняются пережитки леваллуазских технических приемов. Как нам представляется, на нуклеусах данного памятника очень хорошо прослеживается «превращение» леваллуазской техники в верхнепалеолитическую. Можно даже сказать, что исходными нуклеусами, из которых затем возникли верхнепалеолитические, в первую очередь являлись нуклеусы леваллуа со снятием пластинчатых заготовок в одном или нескольких противоположных направлениях в пределах одной или нескольких рабочих плоскостей.

Среди нуклеусов выделяются ядрища с радиальным снятием (рис. 5, *1*), черепаховидные (рис. 5, *2*, *3*), ореховидные, пирамидальные и др. Аналогичные нуклеусы известны по материалам Хотылевского мустьерского местонахождения [13]. Однако в данном случае они выступают не как типичные, а как болванки для нуклеусов или нуклевидные орудия. А это в свою очередь указывает на ранний возраст стоянки.

Нами не производилось специального статистического анализа заготовок, но все же следует сказать, что они могут быть разделены на несколько групп. К первой из них относятся широкие, иногда довольно массивные пластинки, к другой группе относятся длинные и узкие ножевидные пластинки. Некоторые из них достигают 20—23 *см* (рис. 6, *1—3*). К третьей группе относятся микропластинки. Но их в коллекции очень мало. Насколько известно, длинные пластинки особенно характерны для более ранних памятников [14].

Особый интерес представляют кремневые орудия (рис. 7—9). Они довольно обильны по своему количеству и достаточно хорошо выражены типологически. В качестве сырья для изготовления орудий использовался темно-сероватый и черный, совершенно непрозрачный кремень.

Прежде всего следует отметить, что кремневый инвентарь имеет основные, довольно устойчивые типы орудий. В свою очередь они образуют двойные и самые разнообразные комбинированные орудия (рис. 7, *7*, *8*, *12—17*; рис. 6, *3*, *5*).

Все орудия, за исключением нескольких резцов и скребков, а также нуклевидных орудий, изготовлены из пластинчатых заготовок, иногда расчлененных.

Самую многочисленную группу орудий составляют резцы (рис. 9). Они в свою очередь делятся на следующие подгруппы: резцы на углу сломанной пластинки (рис. 9, *2*), боковые резцы с ретушью и без ретуши (рис. 9, *1*, *5*, *6*), клювовидные резцы с ретушью и без ретуши (рис. 9, *7*, *8*, *10—12*), резцы срединные и полиэдрические (рис. 9. *3*, *4*, *9*). Среди них выделяются многофасеточные и полиэдрические резцы. В основном это срединные резцы, иногда довольно массивные. Не менее интересны клювовидные резцы, образованные резцовыми сколами и боковой ретушированной или неретушированной выемкой. У некоторых резцов боковые стороны по краю покрыты тем или иным видом ретуши.

Скребловидные орудия выражены плохо и представлены почти одними комбинированными орудиями. Среди них имеются скребла с выпуклым, прямым и даже вогнутым рабочими краями.

Скребки в коллекции также многочисленны и занимают второе место после резцов (рис. 7). Они представлены скребками с округлым рабочим краем (рис. 7, *1—7*), иногда с ретушью, заходящей на боковые края (рис. 7, *14*), с рабочим краем, близким к прямому, с рабочим краем на боку (рис. 7, *15*), с фигурным или геометрическим краем, килевидным рабочим краем, с рабочим краем на диагональном обломе заготовки и скребки с мысиком (рис. 7, *12*). Рабочий край зачастую крутой, но бывает и пологий, как бы заостренный под углом 45°. У большинства скребков ретушь

[13] *Ф. М. Заверняев.* Нуклеусы Хотылевского мустьерского местонахождения. Археология, ИА АН УССР, 10, 1973.

[14] *М. З. Паничкина.* Палеолитические нуклеусы. АСбГЭ, 1, 1959, стр. 69.

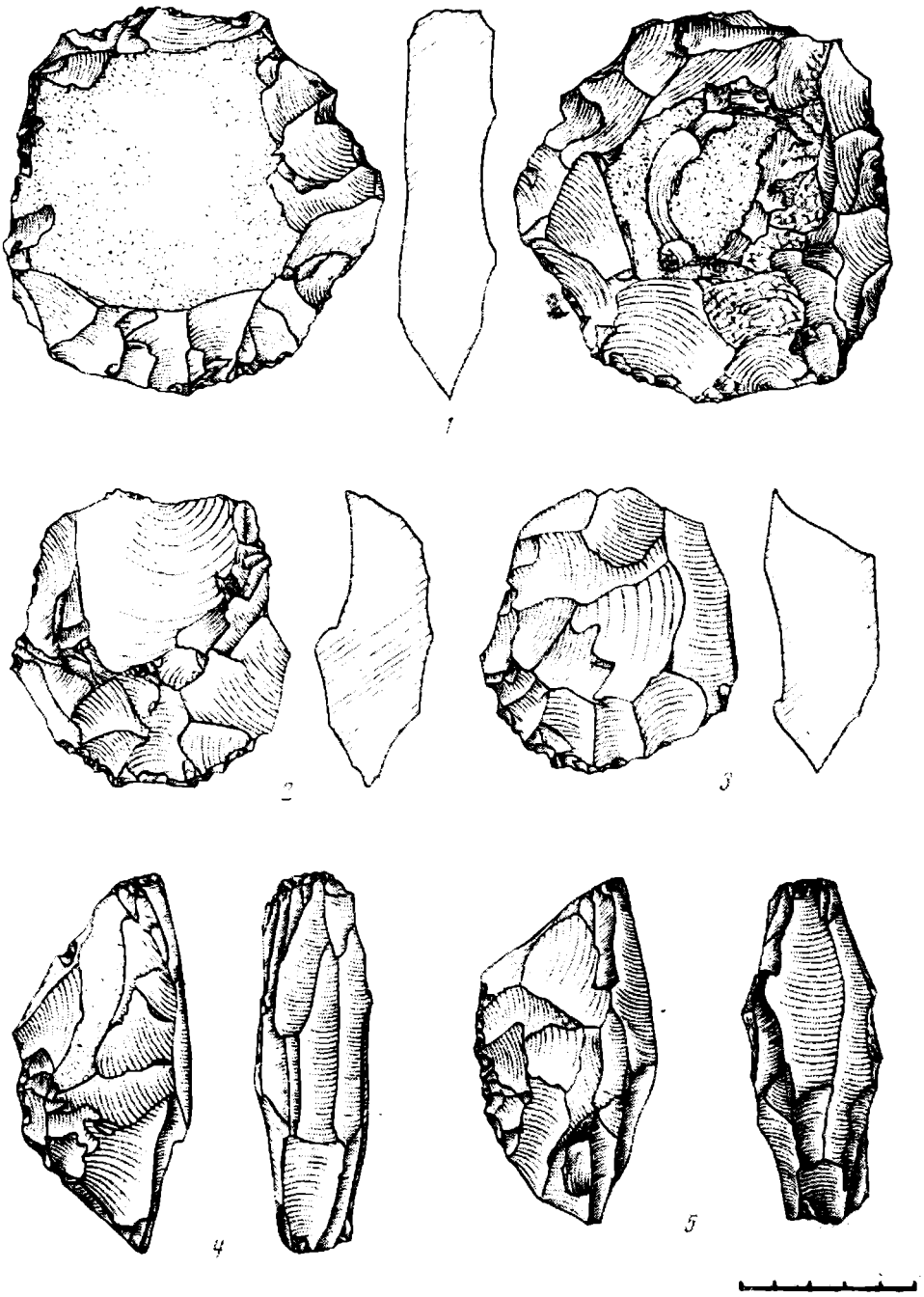


Рис. 5. Нуклеусы

на рабочих краях грубоватая, неправильная, иногда даже ступенчатая, как в местном мустье. У многих скребков боковые грани с одной или двух сторон по краю покрыты ретушью. Особенно выделяются скребки на очень правильных треугольных пластинках (рис. 7, *6*, *11*). Скребки с мысиком встречаются в единичных экземплярах. В коллекции имеется небольшая группа орудий на пластинках с подтесанным концом типа стамески. Однако они выражены недостаточно хорошо и несколько отличаются от авдеевских [15].

[15] *М. Д. Гвоздовер.* О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. КСИИМК, АН СССР, XXXI, 1950, рис. 9, *1*; рис. 10.

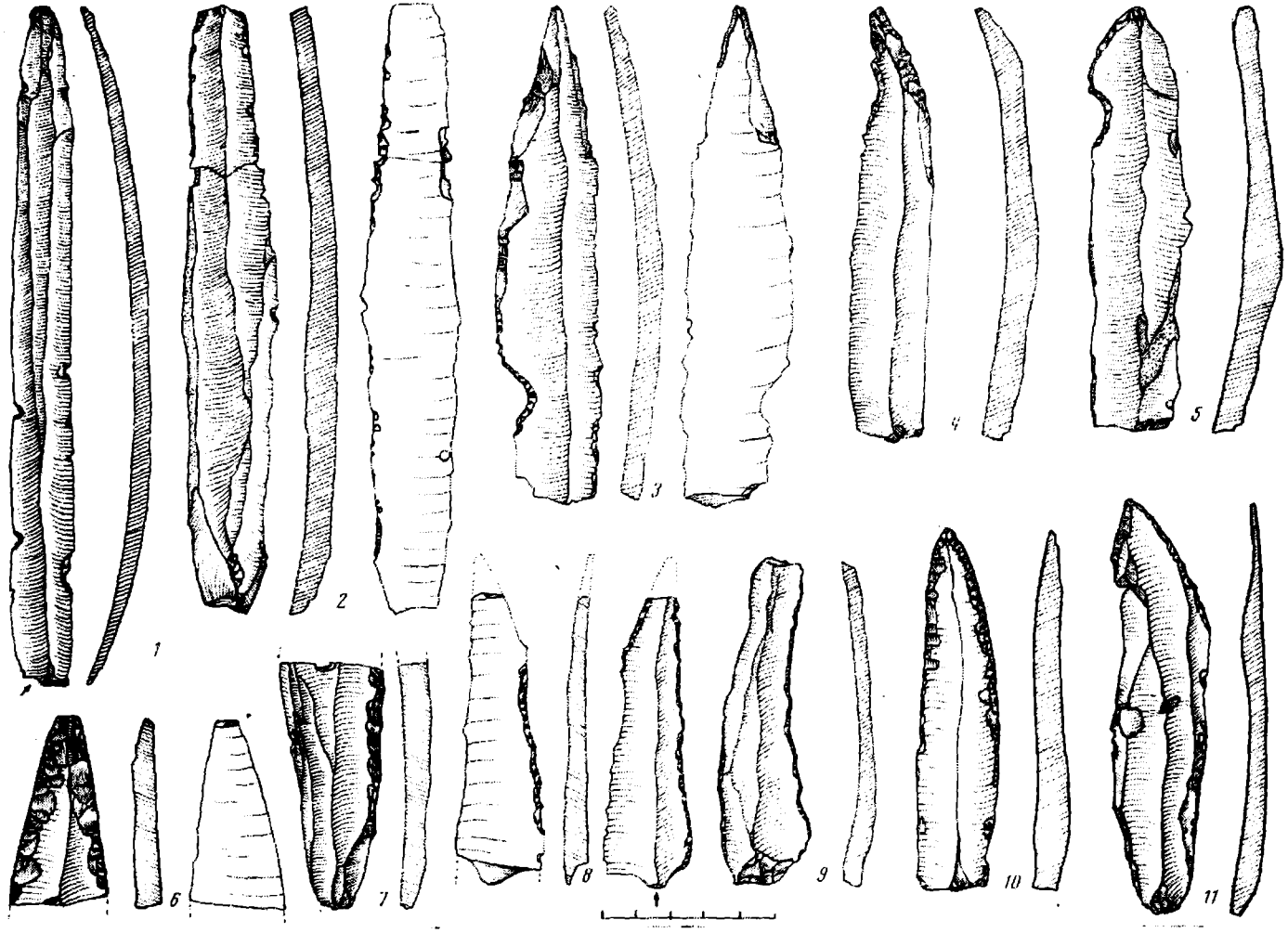


Рис. 6. Пластинки с ретушью и с фасетированными выемками и выбоинами

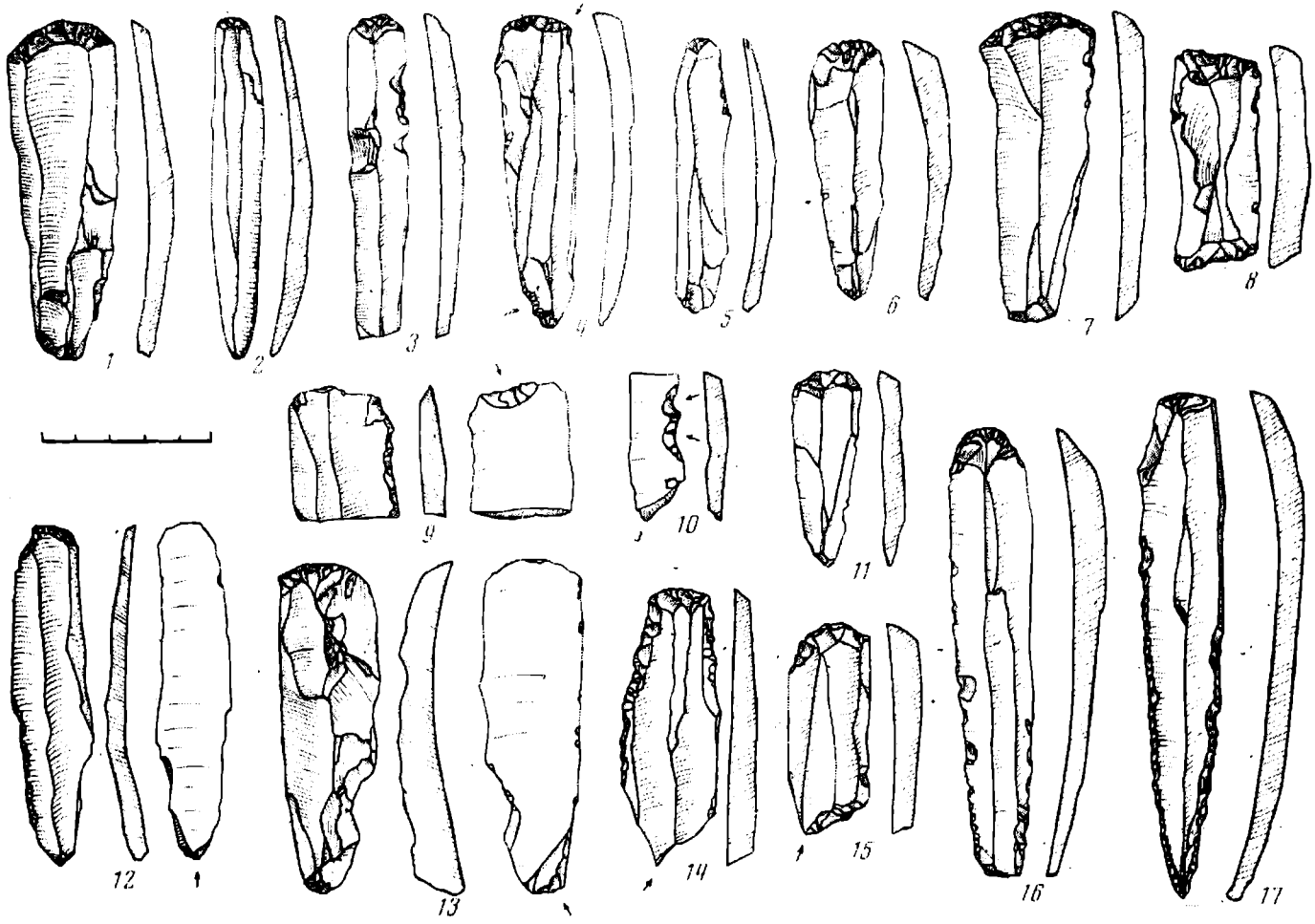


Рис. 7. Кремневые орудия: *1—6, 11—16* — скребки; *7, 8* — двойные скребки; *9, 10* — орудия с фасетированными выемками; *12—15, 17* — комбинированные орудия

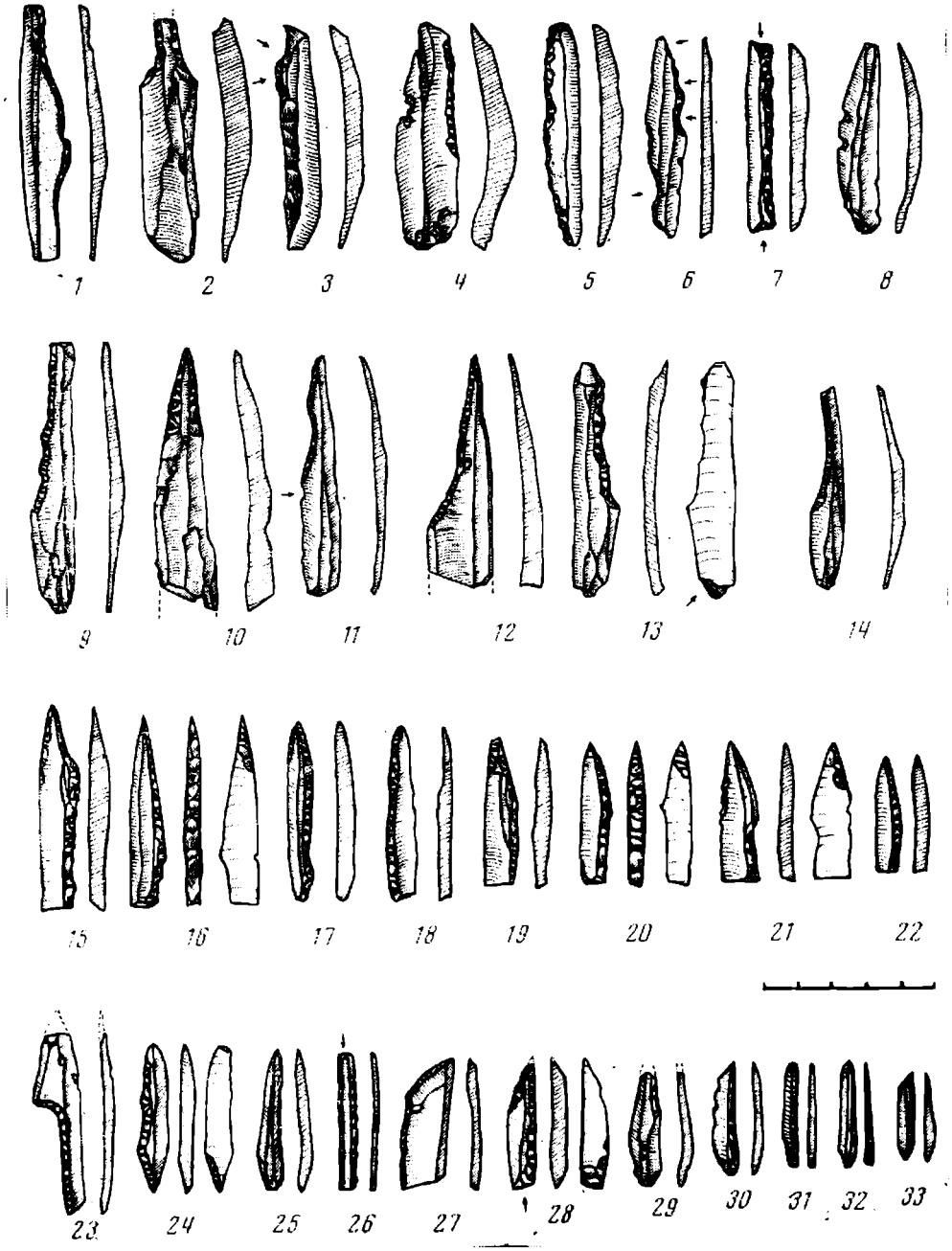


Рис. 8. Кремневые орудия: *1—14, 17—19* — орудия с различными видами ретуши, фасетированными выемками и выбоинками; *15, 16, 20—22* — орудия типа наконечников с боковой выемкой; *23—33* — микроорудия

Не менее интересна и в то же время разнообразна многочисленная группа орудий типа пластинок с ретушью (рис. 6). К этой группе орудий мы относим пластинки с ретушью на одной или двух сторонах (рис. 6, *7, 8*; рис. 8, *1, 5*), пластинки с прерывчатой ретушью на одной или двух сторонах, пластинки с частичной ретушью на одной или двух сторонах (рис. 8, *4*), пластинки с заостренным концом (рис. 6, *11*), пластинки со скошенным краем типа шательперон, пластинки с притупленным диагональным краем типа резаков и пластинки с ретушью на конце типа проколок (рис. 6, *4*; рис. 8, *2, 10, 12*).

Особый интерес из них представляют длинные ножи с приостренными рабочими краями и выемчатой концевой затеской (рис. 6, *6*) и пластинки типа ножа-клинка (рис. 6, *10*).

Ретушь на пластинках довольно разнообразна. Имеется грубая и архаичная ретушь с крупными, бессистемно расположенными заломами то с одной, то с другой стороны, ступенчатая ретушь, сравнительно правильная приостряющая ретушь с округлыми фасетками, крутая неправильная ретушь, занозистая ретушь и мелкая бисерная приостряющая или притупляющая ретушь.

Не менее многочисленна группа орудий типа пластинок с фасетированными выемками или выбоинками. Среди орудий этого типа имеются пластинки с одной фасетированной выемкой или одной выбоинкой (рис. 6, *3, 5*; рис. 8, *14*); пластинки с фасетированными выемками или выбоинками, образующими один или несколько зубчатых краев с треугольными или круглыми зубчиками (рис. 7, *10*; рис. 8, *3, 9, 11, 13*); пластинки с двумя и более фасетированными выемками или выбоинками (рис. 8, *8*); пластинки с тремя и более фасетированными выемками или выбоинками на боковых краях; пластинки с двумя фасетированными выемками или выбоинками, расположенными друг против друга, пластинки с фасетированными выемками или выбоинками на противолежащих сторонах (рис. 8, *6*); пластинки с многочисленными фасетированными выемками или выбоинками, образующими пильчатый край (рис. 8, *26*); пластинки с фасетированными выемками или выбоинками, расположенными на углах поперечных изломов; пластинки с фасетированными выемками или выбоинками на поперечных изломах (рис. 7, *9*).

Пластинки с притупленной спинкой также представляют довольно многочисленную группу орудий. Среди орудий этого типа имеются пластинки с притупленной спинкой на полной пластинке; на заготовках с одним или двумя поперечными изломами, с частично притупленной спинкой; пластинки со скошенным концом и полностью притупленной спинкой (рис. 8, *17—19*); пластинки с притупленной спинкой и скребковидной ретушью на концах (рис. 8, *7*) и пластинки с выемчатым и скошенным краем типа наконечников с боковой выемкой (рис. 8, *15, 16, 20—23*).

Группа микроорудий в коллекции немногочисленна. Они представлены пластиночками с ретушью, пластиночками с притупленным краем, с заостренным концом, микропроколками, микрорезцами, микропластинками со скошенным и заостренным концом и микропластиночками с пильчатым краем (рис. 8, *24—33*). Нуклевидные орудия представлены нуклевидными скреблами, скребками, дисковидными и долотовидными орудиями.

Касаясь кремневого инвентаря, нельзя не отметить, что на некоторых нуклеусах, заготовках и орудиях, у которых сохранилась меловая корка, встречается нарезной геометрической орнамент (рис. 9, *2, 6*) в виде горизонтальных и наклонных прямых линий. Иногда они перекрещиваются и образуют нечто вроде сетки или елочки, очень редко образуют крестик. Имеются кремневые изделия, у которых верхняя часть корки срезана кремневым ножом или покрыта царапинами-нарезками. Подобный геометрический орнамент и царапины есть и на костяных поделках.

Как нам представляется, кремневый инвентарь в основе своей близок к памятникам с ориньякскими чертами. С одной стороны, он может быть сопоставлен с ранними памятниками Костенковского палеолитического района [16], а с другой — с кремневым инвентарем таких стоянок, как Пушкари-I и Авдеево [17].

---

[16] *П. П. Ефименко.* Костенки-I. М.— Л., 1958; *А. Н. Рогачев.* Костенки-IV. Поселение каменного века на Дону. МИА СССР, 45, 1955.

[17] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА СССР, 40, 1953; Природа и развитие человеческого общества на территории Европейской части СССР. Сб. М., 1969; *М. В. Воеводский и А. А. Алихова-Воеводская.* Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, XXXI, 1950.

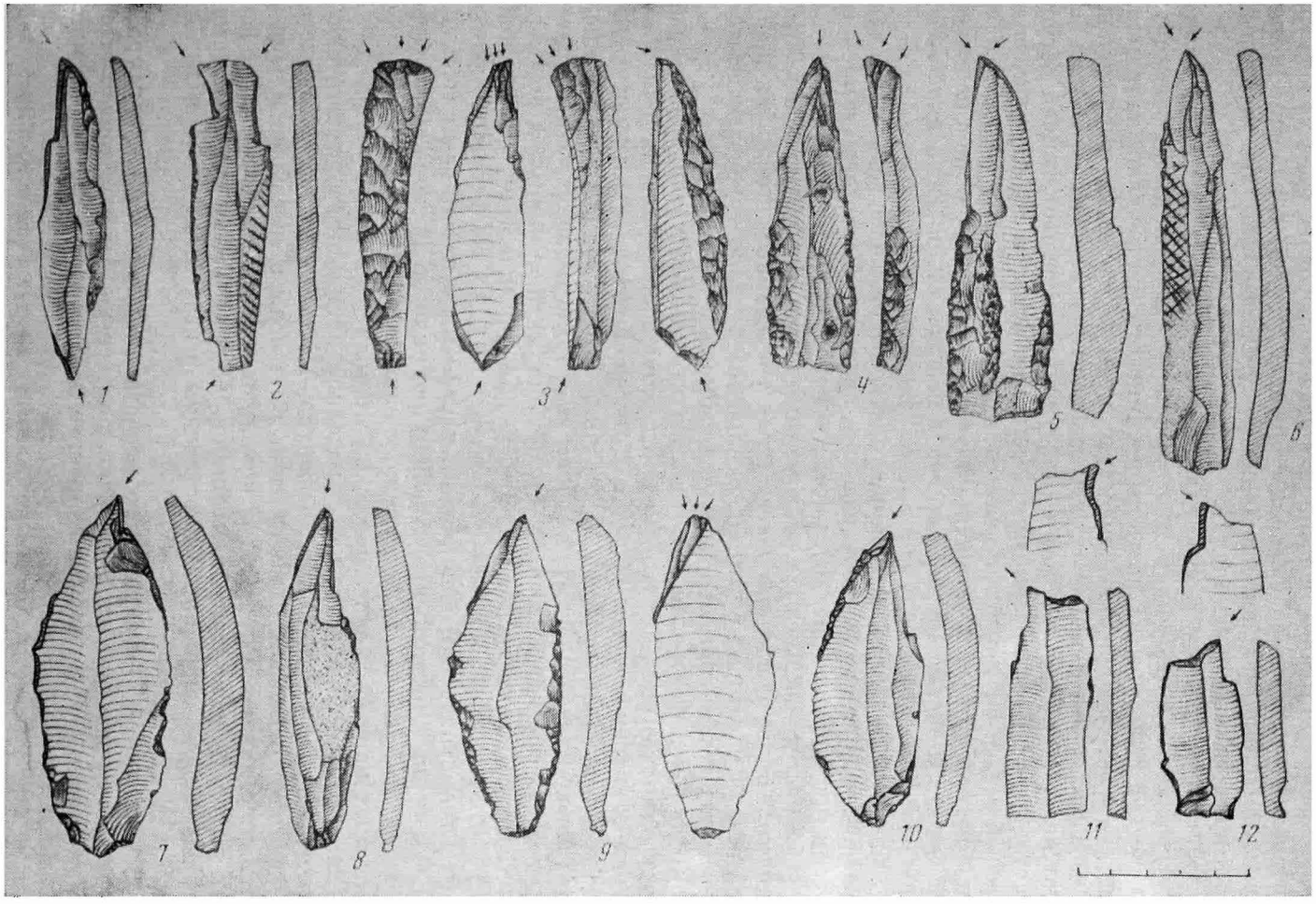


Рис. 9. Резцы

Некоторое сходство хотылевский кремневый инвентарь имеет также с ранними памятниками Центральной и Западной Европы и, в частности, с Павлово, Виллендорф и ля-Гравет [18]. Такое даже самое общее сходство кремневого инвентаря при всем его локальном своеобразии указывает на достаточно ранний возраст Хотылевской стоянки.

На ранний возраст инвентаря также указывают пережиточные орудия и технические приемы их обработки. Это пластинки с архаической ретушью, пластинки с противолежащей ретушью (рис. 6, *3*); пластинки с фасетированными выемками и выбоинками (рис. 7, *9, 10*); орудия с рабочим краем со стороны основания; подтеска рабочего края у некоторых скребковидных орудий со стороны брюшка; орудия с рабочим краем на переоформленной ударной площадке; треугольные пластины мустьерского типа; нуклевидные орудия и т. д.

Наличие орудий мустьерского облика и нуклеусов на данном памятнике позволяет ставить вопрос о возможности происхождения верхнепалеолитической культуры из местного деснинского мустье. Так, например, на Хотылевском среднепалеолитическом местонахождении, расположенном всего в 600 *м* ниже по Десне [19], в мустьерских комплексах в изобилии встречаются пластинки с изломами, пластинки с противолежащей ретушью, пластинки с фасетированными выемками и выбоинками, нуклевидные скребки и т. д. Из других каменных изделий здесь встречено 27 отбойников округлой и округло-удлиненной формы, шесть терочников подквадратной формы и часть округлой плитки или наковальни. Последние изготовлены из горных пород валунного происхождения.

Обработанная кость на стоянке также представлена довольно большим и разнообразным количеством изделий, начиная от заготовок и кончая готовыми предметами (рис. 10), иногда высокохудожественными.

Среди заготовок имеются разломанные бивни, бивни со сколотыми пластинами, бивни со следами вырезанных трехгранных стержней, бивни со срезанными боками, пластинки из бивней, осколки трубчатых костей со следами обстругивания, обрезанные и сломанные ребра и т. д.

Среди готовых изделий имеются: две женские статуэтки, вырезанные из бивня мамонта (рис. 11); условные антропоморфные фигурки; булавки или острия с антропоморфными головками; «лопаточки» с антропоморфными головками-навершиями (рис. 10, *2*); шило с изогнутой шейкой и шляповидной головкой авдеевского типа; обломки орнаментированных и неорнаментированных браслетов (рис. 10, *4*), ретушеры; прорезанные и просверленные в корне клыки песцов, лисиц и резцы корсаков (рис. 10, *5*); лощила (рис. 10, *3*); острия; мотыгообразные орудия и др. Некоторые изделия покрыты геометрическим орнаментом, нарезками и царапинами (рис. 10, *1, 10*). Особенный интерес представляют ритмически повторяющиеся узоры из насечек, орнамент из перекрещивающихся линий, параллельно расположенных нарезок, концентрических прямых и ломаных линий.

Значительная часть готовых изделий, сломанных при изготовлении или в процессе употребления, дефектна. Костяные изделия Хотылевской верхнепалеолитической стоянки очень интересны и своеобразны. Они значительно отличаются от изделий костенковских и в то же время от костяных изделий деснинских памятников. Однако имеется ряд предметов, которые вполне могут быть сопоставлены с изделиями упомянутых стоянок.

Особый интерес прежде всего представляет женская скульптура. Несмотря на определенное своеобразие, она все же близко стоит к статуэткам Костенок-I [20]. Не меньший интерес представляют три острия или бу-

---

[18] *П. И. Борисковский.* Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. СА, XXIX—XXX, 1959; *H. Müller-Karpe.* Handbuch der Vorgeschichte. I. Band. Altsteinzeit. München, 1966, табл. 55—60; *Г. П. Григорьев.* Ук. соч.

[19] *Ф. М. Заверняев.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. СА, 1972, 1.

[20] *П. П. Ефименко.* Ук. соч., стр. 347, рис. 141; стр. 349, рис. 142.

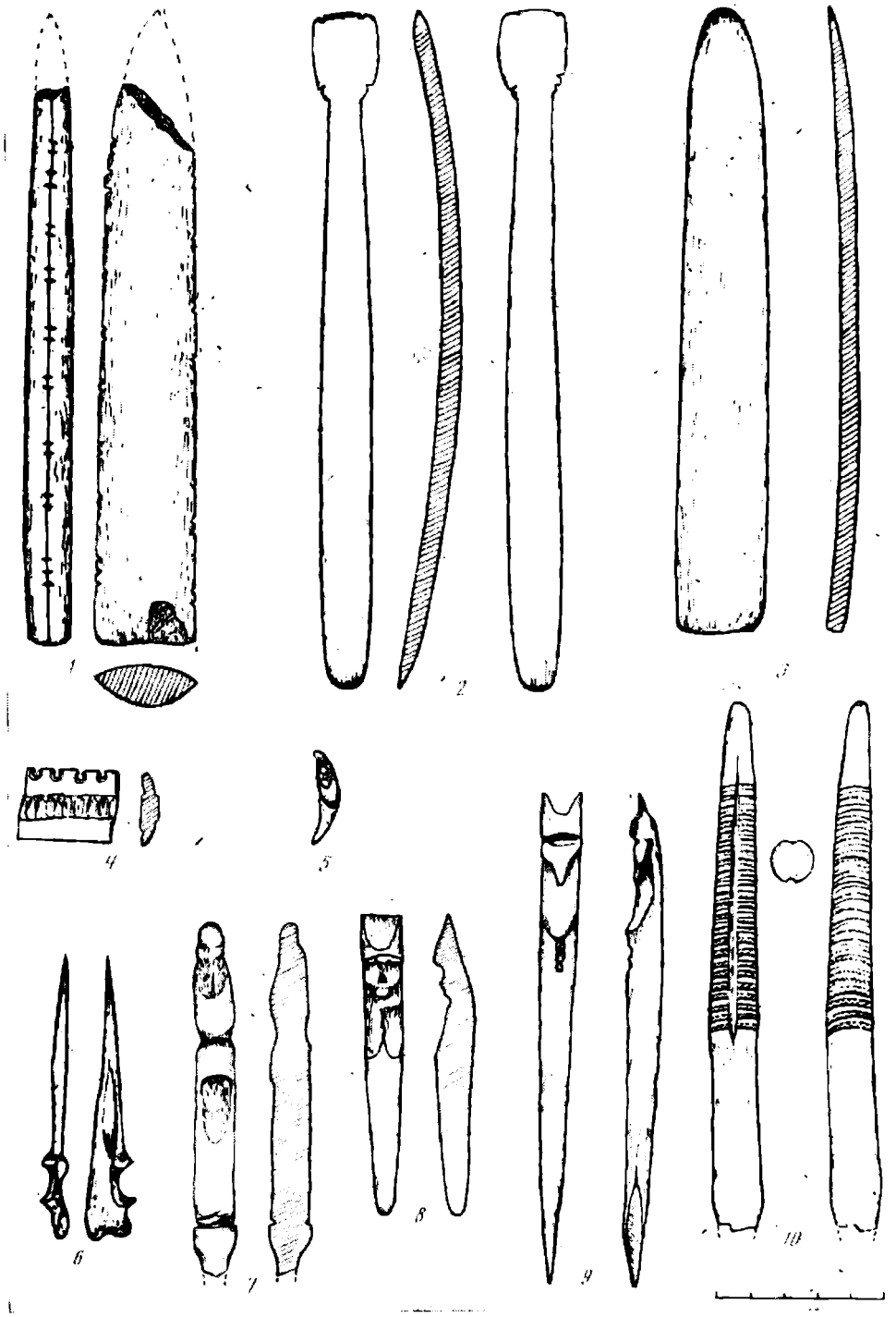


Рис. 10. Костяные изделия

лавки с антрономорфными мужскими головками (рис. 10, *7—9*). В известной мере они могут быть сопоставлены с шилом из стоянки Си-Верлен (Люксембург), на рукоятке которого также имеется изображение мужского лица, но только без головного убора [21]. Аналогии «лопаточкам» и шилу

[21] *З. А. Абрамова.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии, 1966, табл. XXV, *2*.

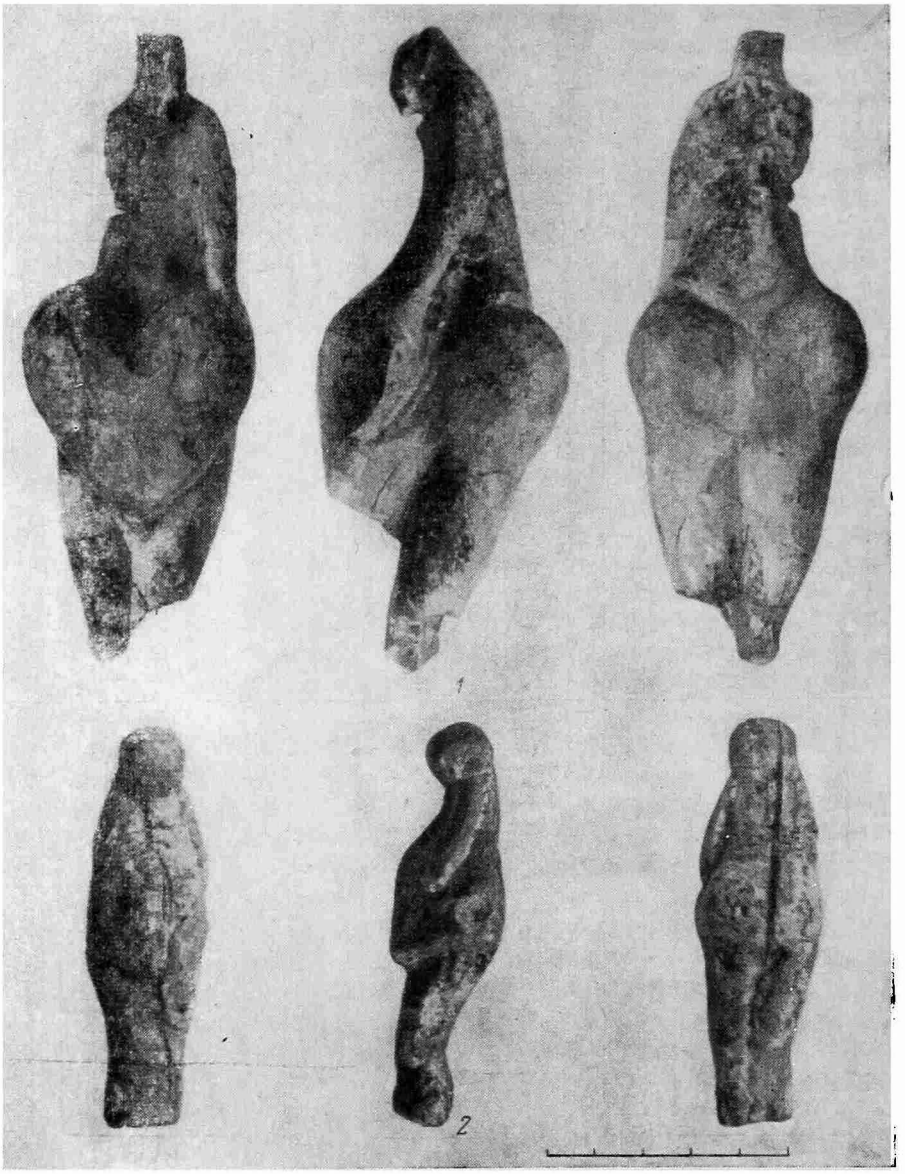


Рис. 11. Женские статуэтки из бивня мамонта (*1* — раскоп 1, *2* — раскоп 5)

с изогнутой шейкой и шляповидной головкой мы находим в Костенках-I [22] и на Авдеевской стоянке [23]. Мотыгообразные орудия тоже имеют сходство с костенковскими топорами-кайлами [24]. Как видим, основные изделия из кости находят близкие аналогии на ранних памятниках верхнего палеолита.

Наличие среди костяных изделий большого числа заготовок и полуфабрикатов дает некоторую возможность проследить технику подготовки и обработки костяных предметов. Для изготовления костяных изделий широко использовался такой материал, как бивни, расколотые части трубчатых костей мамонтов, ребра мамонтов, трубчатые кости мелких животных и в одном случае рог косули. На начальной стадии использования кости применялось несколько приемов: откалывание пластин, вырезание стержней,

[22] *П. П. Ефименко.* Ук. соч., стр. 304, рис. 113; стр. 305, рис. 114; стр. 306, рис. 115; стр. 307, рис. 116.

[23] *М. Д. Гвоздовер.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, 39, 1953, рис. 11—13; *М. В. Воеводский и А. Е. Алихова-Воеводская.* Ук. соч., стр. 14, рис. 7, *1, 6, 14.*

[24] *П. П. Ефименко.* Ук. соч., рис. 107.

расчленение бивней или кости на отдельные части и, возможно, даже расчленение бивня по естественным слоям. Затем заготовкам придавалась более определенная форма с помощью обстругивания. При окончательной отделке готовых предметов использовались такие технические приемы, как прорезание и сверление отверстий, шлифовка и, вероятно, даже полировка.

Помимо каменных и костяных изделий на раскопанном участке было собрано семь крупных окаменелых раковин юрских моллюсков. Раковины имеют след подправки, а по краю одной из них вырезаны небольшие округлые выступы-фестоны. Как уже отмечалось, хотылевским человеком широко использовалась минеральная краска. Насколько можно судить по собранным образцам, использовались следующие цвета: красный, красновато-коричневый, ярко-кирпичный, канареечный, желтый и бурый. Краска получалась путем обжига каких-то минеральных пород и очень широко использовалась человеком.

Материалы, полученные в результате четырехлетних исследований, позволяют говорить о Хотылевской верхнепалеолитической стоянке как о новом, весьма интересном и оригинальном памятнике на Верхней Десне. Как показывает анализ материала, она может быть отнесена к памятникам культур с ориньякскими чертами и датирована довольно ранней порой верхнего палеолита, скорее всего среднеориньякским временем. Это значительно расширяет территорию распространения культуры костенковско-авдеевского круга на север Подесенья.

С другой стороны, как нам представляется, Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка имеет некоторое сходство с местным деснинским палеолитом, в частности с такой стоянкой, как Елисеевичи. Это сходство, насколько можно судить по публикациям и личным наблюдениям, во время раскопок в 1948 г. прослеживается в наличии крупного зольника, в формах кремневых и костяных изделий, а также в некоторых орнаментальных мотивах. Но в настоящее время еще трудно сказать, является ли Елисеевичская стоянка последующим этапом в развитии местной деснинской культуры или на Десне взаимодействовали племена совершенно различных верхнепалеолитических культур.

С другой стороны, открытие в районе с. Хотылево таких новых и ранних памятников, как Хотылевское мустьерское местонахождение и Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка, совершенно в ином аспекте позволяют говорить о заселении человеком и развитии палеолитических культур Верхнего Подесенья.

F. M. Zaverniaev

NOUVEAU CAMPEMENT DU PALEOLITHIQUE SUPERIEUR SUR LA DESNA

Résumé

La publication contient la caractéristique sommaire et l'interprétation préliminaire des matériaux obtenus à l'issue de trois ans de fouilles du campement nouveau du paléolithique supérieur reconnu sur la haute portion lu cours moyen de la Desna, à 18 km au nord-ouest de la ville de Briansk.

Parallèlement à la description des vestiges du terrain habitable partiellement dégagé on fait la classification des nucléus, on présente les données statistiques et la brève description des outils faits en silex, en blocs erratiques et des objets en os. La sculpture et avant tout les figurines féminines sont particulièrement intéressantes. A en juger d'après les matériaux fournis par les fouilles, et les conditions géologiques du gisement de la couche d'habitation, le campement de Khotylevo se trouve en rapport avec les sites aurignacienniformes et peut être daté par la période initiale du paléolithique supérieur.

Е. В. БОДУНОВ, В. М. ВОРОБЬЕВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТАРОКОНСТАНТИНОВСКАЯ VI

Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI находится в 2,6 *км* к югу от дер. Старая Константиновка Калининского района Калининской области. Она расположена на ровной, несколько понижающейся к западу площадке первой надпойменной террасы левого берега Волги (в 250 *м* к востоку от нее). Площадка памятника имеет высотные отметки 8—9 *м* над современным уровнем Волги. С востока стоянка ограничена узкой длинной полоской леса, близ западной и северной границ памятника пролегают полевые дороги, ведущие из дер. Старая Константиновка в дер. Иенево.

Памятник был открыт в 1956 г. калининским краеведом Ф. И. Ивановым [1]. В 1956—1961 гг. им были произведены сборы подъемного материала [2] и частичные раскопки памятника совместно с Л. В. Кольцовым (было вскрыто 20 $м^2$). В период с 1962—1972 г. сбор подъемного материала со стоянки осуществляли Е. В. Бодунов и А. Д. Максимов. Коллекция 1959 г. хранится в ГИМ, коллекция 1962—1972 гг. — у Е. В. Бодунова. Судьба остальных материалов, к сожалению, неизвестна. Мы можем судить о них лишь по рисункам Ф. И. Иванова в отчетах ИА АН СССР, которые не всегда точны.

Л. В. Кольцов приводит следующую стратиграфию стоянки: 0,00—0,12 *м* — почвенный песчаный слой; 0,12—0,28 *м* — песок серый; 0,28—0,36 *м* — песок светлый (культурный слой); от 0,36 *м* и ниже — песок желтый (материк) [3]. В настоящее время поверхность памятника полностью занята пашней пригородного совхоза, культурный слой стоянки нарушен пахотой. Собранные коллекции полностью состоят из подъемного материала. Находки распространялись на площади около 7000 $м^2$, преимущественно в центральной части памятника.

В настоящую работу вошли коллекции 1962—1972 гг., а также коллекция Ф. И. Иванова 1959 г., хранящаяся в ГИМ. Просмотр последней показал, что Ф. И. Ивановым ошибочно выделялись такие категории орудий, как наконечники копий, рыболовные крючки и т. д., назначение многих орудий труда определено неверно, зачастую за орудия принимаются осколки кремня без следов обработки или употребления и гальки.

Для изготовления орудий в основном использовался местный пестрый валунный кремень. В меньшей степени применялся привозной старицкий кремень лиловато-розового, красного и черного цвета.

Коллекция состоит из 282 предметов: 205 орудий, 1 нуклеус, 33 ножевидные пластины без ретуши и 43 отщепа. Большая часть кремневых ос-

---

[1] *Ф. И. Иванов.* Отчет ИА АН СССР за 1957 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 1474, стр. 43.

[2] *Ф. И. Иванов.* Отчеты ИА АН СССР за 1956—1961 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 1474, 1682, 1867, 2044, 2223.

[3] *Л. В. Кольцов.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Рукопись канд. дис. Архив ИА АН СССР, ф. Р-2, д. 1942, стр. 81.

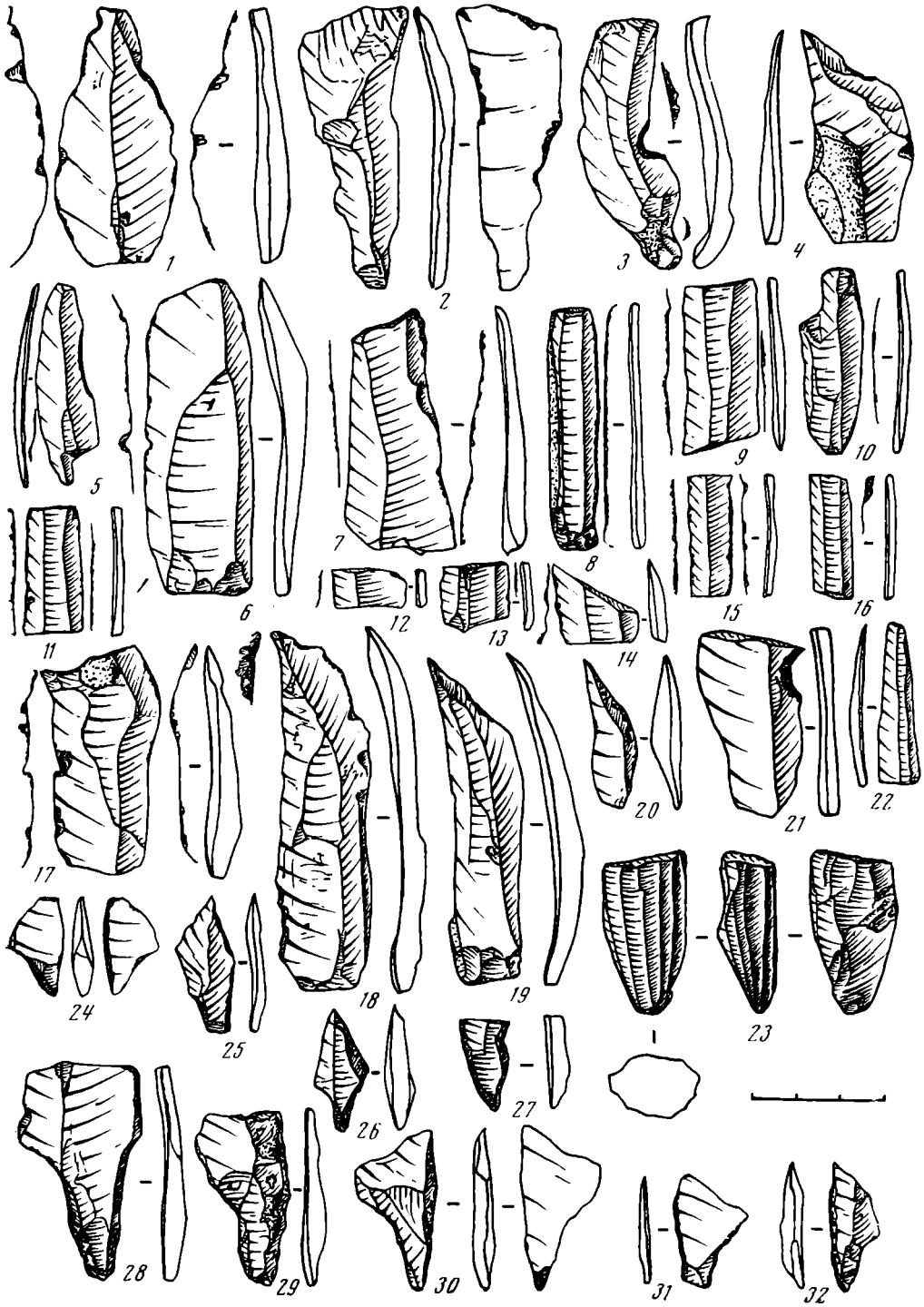


Рис. 1. Стоянка Староконстантиновская VI. Каменный инвентарь. *2—4* — скобели; *7—11* — ножи; *12—16* — вкладыши; *19—20* — проколки; *21* — резчик; *22* — пластинка со скошенным ретушью концом; *24—32* — наконечники стрел; *1, 5, 6, 17, 18*— комбинированные орудия; *23* — нуклеус

колков и отщепов была оставлена на месте и поэтому в коллекцию не вошла.

Нуклеус (рис. 1, *23*) призматический одноплощадочный, с подработанной скошенной площадкой, приострен у основания для закрепления в щемилке. Пластины скалывались с одной стороны, другая сторона уплощена с помощью крупных сколов. На ножевидных пластинах изготовлено 122 орудия, что составляет 59,5% общего количества.

Наиболее многочисленную группу составляют скребки — 84 экз., или 41% орудий. Среди них восемь скребков высокой формы, преимущественно на массивных ножевидных пластинах. Ретушь очень крутая, фасетки сколов длинные довольно широкие, направлены параллельно друг другу (рис. 2, *1—3*). Концевых скребков на пластинах 26. Большинство изготовлено на широких пластинах, ширина рабочего края невелика по сравнению с длиной всего орудия. Ретушь довольно пологая, рабочий край дугообразный, иногда прямой (рис. 2, *4—13*). Один из скребков имеет, кроме того, резцовый скол на противоположном рабочему краю скребка конце. Скребки на отщепах и осколках (46 экз.) по технике обработки приближаются к концевым скребкам на пластинах. Рабочие края довольно широкие, хорошо выделенные. Угол, под которым наносилась ретушь, зависит от массивности отщепа или осколка. Заслуживают внимания остальные четыре скребка. Один из них (рис. 2, *17*) изготовлен на нижней части расколотого вдоль призматического нуклеуса. Другой (рис. 2, *18*) представляет собой округлый скребок. Ретушь крутая, располагается почти по всей длине окружности. Третий (массивное скребло) по форме и технике обработки приближается к неолитическим. Четвертый напоминает верхнепалеолитические скребки с выступом (рис. 2, *19*).

Итак, характерные признаки группы скребков состоят в следующем: 1) большинство из них изготовлено на отщепах; 2) присутствие в комплексе высоких скребков архаического облика, двойных скребков и скребка с выступающим рабочим краем; 3) рабочий край у трети из них (29 экз.) заметно скошен, видимо, для удобства; 4) некоторые скребки кроме основной функции выполняли функции скобеля, ножа, резца и резчика (рис. 2, *2*, *5—7*, *9*, *11*, *13*, *15*, *16*, *20*); 5) угол кривизны рабочего края: у скребков высокой формы 55—85° (в среднем 68°), у концевых скребков на пластинах 45—75° (в среднем 58°, у концевых скребков на отщепах и осколках 35—70° (в среднем 57°).

Резцы известны в количестве 11 экз. (5,4% всех орудий). Среди них срединный резец на массивном пластинчатом отщепе из старицкого лилового кремня (рис. 2, *21*). Из семи боковых резцов четыре изготовлены на пластинах (рис. 2, *22—25*). У трех из них (рис. 2, *22, 24, 25*) прилегающая к рабочему краю грань обработана притупляющей ретушью. Резцовые сколы длинные, довольно небрежные. Три других резца этой группы изготовлены на отщепах (рис. 2, *26, 28, 29*). Обращает на себя внимание двойной резец на толстом отщепе небольших размеров (рис. 2, *28*). Верхняя грань орудия притуплена очень крутой ретушью. Другой резец на отщепе (рис. 2, *29*) мало выразителен. Третий изготовлен на массивном пластинчатом отщепе очень хорошего качества. Противоположная рабочему краю грань обработана приостряющей ретушью. Остальные три резца угловые. Один из них двойной, изготовлен на ножевидной пластине небольших размеров (рис. 2, *30*). Другой, на крупной пластине, имеет довольно неудачный резцовый скол. Узкая прилегающая к рабочему краю грань обработана притупляющей ретушью (рис. 2, *27*). Третий изготовлен на углу пластинчатого отщепа. Резцовый скол короткий, ярко выраженный (рис. 2, *31*). Угол режущей кромки резцов: срединный — 6°, боковые 65—85° (в среднем 76°), угловые — 65—75° (в среднем 70°). Ширина режущей кромки резцов (в *см*): срединный — 0,4, боковые — 0,2—0,7 (в среднем — 0,4), угловые — 0,1—0,3 (в среднем 0,2).

В комплексе памятника 15 наконечников стрел (7,8% орудий). Среди них наконечник стрелы с поперечным лезвием на отщепе подтрапециевидной формы[4] (рис. 1, *24*); асимметричный наконечник стрелы на пластине, у которого крутой ретушью обработана со спинки черешковая часть и одна длинная грань (рис. 1, *25*); треугольночерешковый наконечник стре-

[4] О территории распространения наконечников этого типа см., например, *Д. А. Крайнов.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 96.

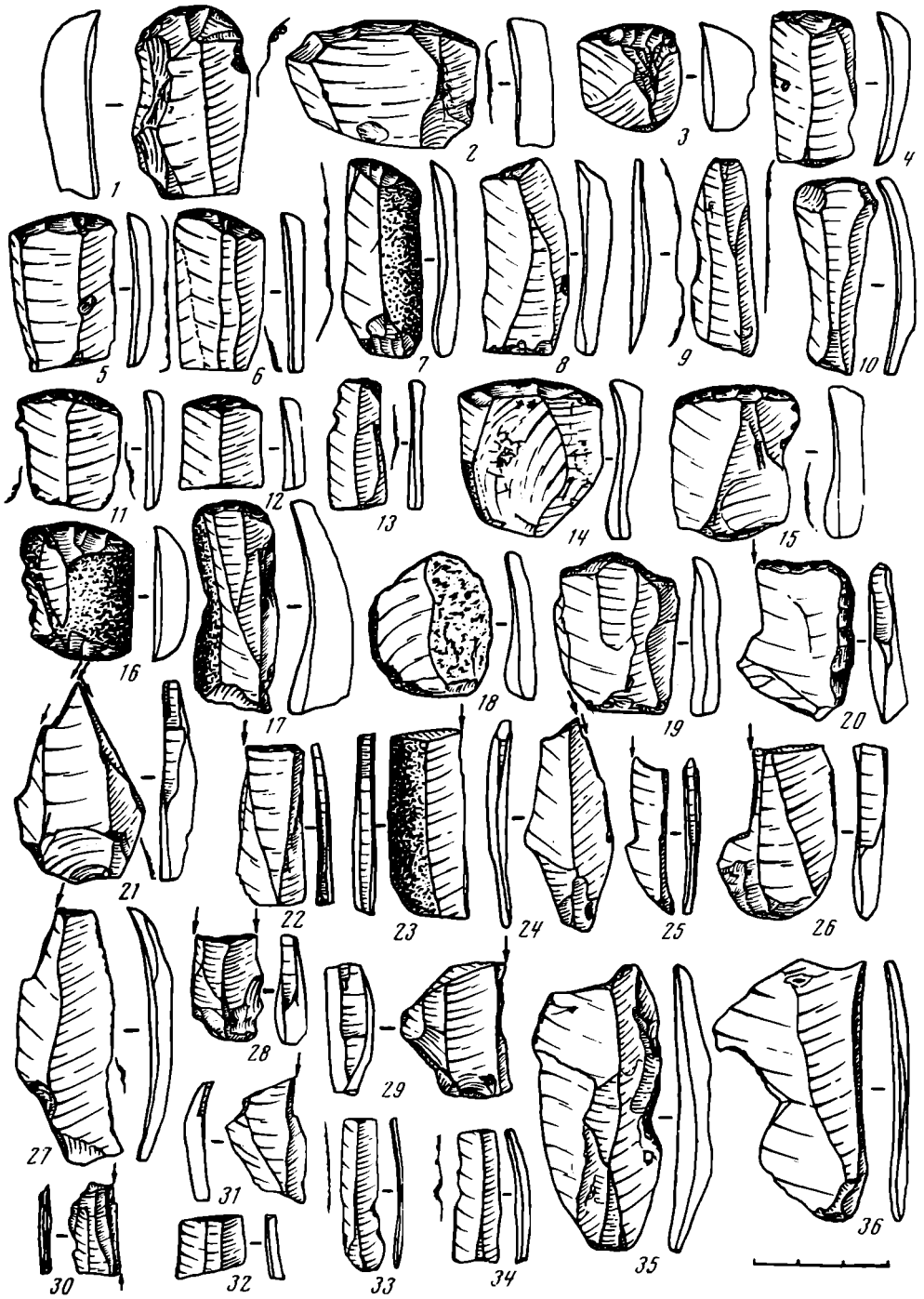


Рис. 2. Стоянка Староконстантиновская VI. Каменный инвентарь. *1, 3, 4, 8, 10, 12, 14, 17—19* — скребки; *21—23, 25, 28—31* — резцы; *32* — вкладыш; *34—36* — скобели; *2, 5—7, 9, 11, 13, 15, 16, 20, 24, 26, 27, 33* (комбинированные орудия)

лы на массивном осколке кремня небольших размеров (рис. 1, *26*). Еще три наконечника представлены фрагментарно — у них сохранились лишь черешковые части. Два из них относятся к типу Лингби и аналогичны наконечникам стрел со стоянки Новенькая II на р. Тверце в 7 *км* от г. Калинина [5] и стоянки Староконстантиновская IV (им. Ф. И. Иванова) [6],

[5] *Л. В. Кольцов.* Мезолит Волго-Окского междуречья, стр. 82, 1942а, рис. 35, *1*.
[6] Там же, стр. 78, д. 1942а, рис. 32, *5*.

(рис. 1, *28, 29*). У шести наконечников на пластинчатых отщепах крутой ретушью выпрямлена одна боковая грань и такой же ретушью оформлена выемка на противоположной грани (рис. 1, *32;* рис. 3, *1—5*). Интересен технический прием, с помощью которого выпрямлялась боковая грань. Брюшко заготовки служило ударной площадкой, с которой резкими короткими ударами последовательно скалывались мелкие чешуйки. Это чисто мезолитический прием, аналогичный технике скалывания пластин и отщепов с нуклеусов, имеющих скошенную ударную площадку. Форма их очень устойчива, но следует отметить и некоторые различия. У одних короткая боковая грань подправлена ретушью, у других же она оставлена без обработки. Наконечники несколько отличаются по размерам, а также по величине угла между боковыми гранями, образующими острие. Видимо, наконечники более удлиненных очертаний с меньшим соответствующим углом предназначались для нанесения глубокого проникающего удара. Ближайшими аналогиями им являются наконечники стрел со стоянки Староконстантиновка IV[7], стоянки Алтыново (мезолитический слой)[8], Черная Грязь[9]. Два других наконечника стрел типологически относятся к вкладышам алтыновского типа (рис. 1, *30, 31*). Л. В. Кольцов, ссылаясь на мнение С. А. Семенова, считает такие орудия вкладышами[10]. На наш взгляд, морфологически они скорее приближаются к наконечникам стрел с поперечным лезвием и, видимо, являются модификацией обычного наконечника стрелы с боковой выемкой (см. выше).

Ножи представлены 39 экз. (19% всех орудий). Они изготовлены на ножевидных пластинках и их обломках длиной от 72 до 22 *мм* (рис. 1, *6—11, 16*), у которых мелкой приостряющей, иногда точечной ретушью оформлены частично или полностью боковые грани (у одного из орудий аналогичным образом обработана и широкая верхняя грань). Ретушь нанесена как со спинки, так и с брюшка. Некоторые орудия, видимо, крепились в рукояти. Один нож (рис. 1, 7) несет притупляющую ретушь на грани, прилегающей к рабочему краю. Он напоминает резец, у которого край заготовки, прилегающий к резцовому сколу, притуплен крутой ретушью.

11 вкладышей (5,4% орудий) изготовлены на сечениях ножевидных пластинок длиной от 29 до 9 *мм*, прямоугольных в плане, за исключением двух вкладышей трапециевидных очертаний. Ретушь в основном приостряющая. Среди этой категории орудий выделяется вкладыш, у которого на спинке нанесена приостряющая, а на противоположной грани с брюшка — притупляющая ретушь (рис. 1, *15*).

В отличие от многих позднемезолитических комплексов на стоянке Староконстантиновская VI довольно многочисленна группа скобелей (32 экз.— 15,6% всех орудий) (рис. 2, *33—36*; рис. 1, *1—5*). Они изготовлены на ножевидных пластинках и пластинчатых отщепах. Лишь на семи из них ретушь нанесена с брюшка, на остальных — со спинки. Часть орудий имеет несколько выемок (до четырех) (рис. 2, *33, 34*; рис. 1, *1, 2*). Формы выемок разнообразны: широкие мелкие, широкие глубокие, узкие мелкие, узкие глубокие.

На стоянке найдены шесть проколок (0,3% всех орудий) (рис. 1, *17—20*), два резчика (около 1% орудий) (рис. 1, *21*), изготовленные на доволь-

---

[7] *Ф. И. Иванов.* Отчет ИА АН СССР за 1957 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 1474, стр. 5, рис. 2, 14—16, 18; *Д. А. Крайнов.* Раскопки стоянки «у вилки дорог». В отчетах Верхневолжской археологической экспедиции за 1970 г. (стр. 10—11, рис. 14, 16, 17) и 1971 г. (стр. 8, рис. 32). Архив Калининского областного краеведческого музея.

[8] *Л. В. Кольцов.* Мезолитический слой стоянки Алтыново. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 88—89, рис. 25, *4*.

[9] *Д. А. Крайнов.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь. I. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 93, рис. 28, *2;* стр. 96.

[10] *Л. В. Кольцов.* Мезолитический слой стоянки Алтыново, стр. 88—89. рис. 25, *5, 6*.

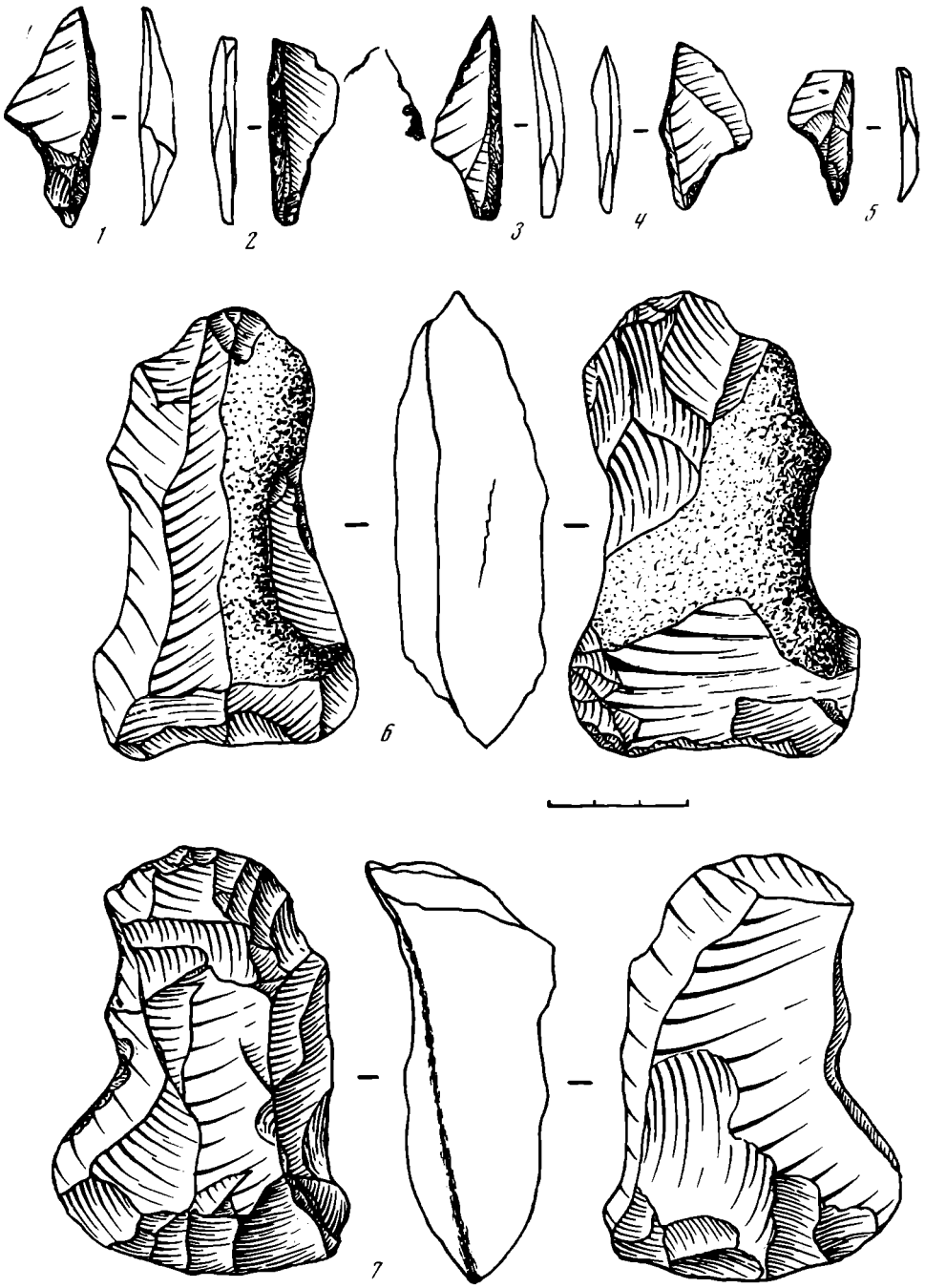


Рис. 3. Стоянка Староконстантиновская VI. Каменный инвентарь. *1—5* — наконечник стрел; *6, 7* — топоры с перехватом

но широких обломанных ножевидных пластинах. Несколькими сколами у них оформлены широкие выемки близ одного из углов пластины, в результате чего образовался выступающий клювовидный режущий край. Ретушь в одном случае нанесена с брюшка заготовки, в другом со спинки.

Оба топора, найденные на стоянке (около 1% орудий), относятся к одному типу топоров с перехватом. У первого орудия (рис. 3, *6*) широкими длинными продольными и поперечными сколами обработаны обе широкие грани. Несколько более мелкими сколами оформлен перехват в срединной части орудия. Лезвие в основном сформовано сколами, направленными па-

раллельно длинной оси топора и перпендикулярно линии лезвия. Оно сильно сработано и чуть вогнуто. Обух обработан очень небрежно. Это орудие, как и следующее, изготовлено из кремневого желвака. На обеих широких гранях сохранились значительные участки корки. Второе орудие (рис. 3, 7) обработано менее тщательно, но, несмотря на кажущуюся незаконченность формы, имеет четко выраженный рабочий край, что в сочетании с большой массой орудия и удачным способом крепления (на перехвате) могло дать хороший эффект. Обращает на себя внимание массивный обух орудия, с которого ранее, видимо, скалывались отщепы (заметна подправка плоской верхней грани). Используя в качестве рабочего конца плоский обух, орудием вполне могли работать как молотком. Перехват оформлен крупными сколами и подправлен мелкой ретушью. Орудие асимметрично в профиль, сечение уплощенно-овальное. Рабочий край со спинки обработан крупными параллельными сколами (подобно скребку), а с брюшка — плоскими сколами. Линия лезвия изогнута, оно сильно сработано. В процессе работы топор должен быть обращен плоской стороной к обрабатываемому предмету или материалу, в противном случае он абсолютно неудобен в работе. Топоры этого типа встречаются к западу от рассматриваемого района — в позднепалеолитических и мезолитических стоянках Литвы [11] и к северо-востоку — в Вычегодском крае [12]. Там они изготовлены из кварца и датируются поздним мезолитом. В Верхневолжье кроме нашей стоянки топор с перехватом известен на стоянке Дмитровское I [13], а также на средней Мологе среди подъемного материала стоянки Усть-Кеза I [14]. Таким образом, намечается постепенное распространение топоров с перехватом из Прибалтики в Верхневолжье и далее в восточном направлении во второй половине мезолитической эпохи.

Кроме того, в коллекции присутствуют два отбойника (около 1% орудий), представляющие собой удлиненные гальки со следами сработанности на концах, пластинка со скошенным ретушью рабочим краем (рис. 1, *22*) и две сланцевые плитки со следами шлифовки.

Большая часть орудий (52 экз., или 25,4%) кроме основной функции выполняла и дополнительные. Встречены такие сочетания: скребок-нож (23 экз.), скребок-скобель (9 экз.), скребок-боковой резец (3 экз.), нож-скобель (12 экз.), резец-нож (4 экз.), проколка-нож-скобель (1 экз.).

Анализ кремневого инвентаря стоянки Староконстантиновская VI позволяет выявить его характерные черты и особенности: наличие уплощенно призматического нуклеуса со скошенной и подработанной ударной площадкой; преобладание в качестве заготовок для орудий ножевидных пластин над отщепами; присутствие некоторых архаических форм, в том числе скребков высокой формы и с выступом, срединного резца, боковых резцов с притупленной ретушью прилегающей гранью, комбинированных орудий; наличие вкладышевых форм; значительное количество скобелей и ножей на пластинах; наличие пластинки со скошенным ретушью концом — все эти черты инвентаря характерны для мезолитических стоянок Калининского Поволжья.

Присутствие же в комплексе таких типов орудий, как наконечники стрел с поперечным лезвием и боковой выемкой, вкладышей алтыновского типа, топоров с перехватом, резкое преобладание скребков над резцами позволяет отнести стоянку Староконстантиновская VI к четвертому, заключительному этапу развития мезолитической культуры Волго-Окского

---

[11] *Р. К. Римантене.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
[12] *Г. М. Буров.* Вычегодский край. М., 1965, стр. 55, 56.
[13] *Л. В. Кольцов.* Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья. The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973, стр. 279, 298, рис. 9, 11.
[14] Обследования Ю. Н. Урбана (Калининский гос. университет).

междуречья и синхронизировать ее с такими памятниками, как Золото ручье III (третий мезолитический слой) [15], Коприно (верхний слой) [16], Алтыново (верхний слой) [17], Дмитриевское I [18], ряд стоянок у дер. Старая Константиновка и др.

E. V. Bodounov, V. M. Vorobiev

CAMPEMENT MESOLITHIQUE DE STARAIA KONSTANTINOVKA VI

Résumé

L'article met en lumière le mobilier archéologique récolté lors des fouilles du campement de Staraïa Konstantinovka VI du mésolithique récent (les environs de la ville de Kalinine). Ce site particulièrement intéressant a fourni un mobilier riche et varié en silex dont les grattoirs sur lame, burins d'angle sur troncature retouchée, armatures de flèche des formes variées (à tranchant transversal, tranchets «de type Altynovo»), couteaux, lames sur cassure retouchée, rabots, poinçons, outils à utilisation multiple, haches à «rassaisissement» et autres. Ce comlexe est bien synchronisable avec d'autres sites du mésolithique récent du haut cours de Volga.

---

[15] *Д. А. Крайнов.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, АН СССР, 97, 1963.

[16] *Л. В. Кольцов.* Стоянка у с. Коприно на Верхней Волге. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

[17] *Л. В. Кольцов.* Мезолитический слой стоянки Алтыново.

[18] *Л. В. Кольцов.* Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья.

И. В. КАЛИНИНА

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ ВОЛГО-КАМСКОГО НЕОЛИТА

В настоящее время нет общепринятого определения понятия «орнамент». Большинство исследователей самой характерной чертой орнамента считают повторяемость его элементов, т. е. наличие ритма [1]. Первые попытки художественного отображения воспринимаемых первобытным человеком ритмов относятся к верхнему палеолиту. Провести четкую границу между древнейшими орнаментальными построениями и выполняемыми одновременно с ними другими изображениями не всегда удается, так как еще только происходит освоение интервалов, масштабного соотношения элементов орнамента, унификация их форм. Для последующих этапов развития орнамента характерно увеличение разнообразия орнаментальных мотивов. К эпохе неолита складываются некоторые орнаментальные системы, что находит косвенное подтверждение в атектоничности орнаментации определенных групп древнейшей керамики [2]. Однако орнамент сохраняет архаический облик. Композиции состоят из обособленных элементов, нередко разделенных интервалами; с точки зрения симметрии имеется одна ось переноса (a) [3].

Наиболее простые орнаментальные композиции встречаются на керамике племен лесной полосы, что, возможно, связано с сохранением здесь древнейших направлений хозяйственной деятельности человека — охотой и рыболовством, нашедших отражение в специфических формах идеологии [4].

В эпоху бронзы, а у земледельческих племен еще в неолите появляются орнаментальные системы, по композиционным приемам близкие к известным по этнографическим материалам. Так, например, на андроновской керамике наблюдается не менее четырех видов симметрии ленточных орнаментов (a; $a{:}2$; $\bar{a}{:}2$; $a{:}m$).

Таким образом, в эпоху неолита орнамент качественно меняется: отныне степень его развития определяет в первую очередь не богатство орнаментальных мотивов, а композиционное построение. И это в какой-то мере предопределено появлением керамики, ее орнаментацией. С одной стороны, хозяйственное использование глиняной посуды из-за хрупкости ограничено более или менее коротким промежутком времени, следовательно, процесс изготовления и орнаментации сосудов периодически повторялся, способствуя закреплению орнаментальных систем. С другой стороны, массовый характер производства керамики неизбежно приводил к измене-

[1] *С. В. Иванов.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. ТИЭ, н. с., т. 81. М.— Л., 1963, стр. 5—6.

[2] *Е. Ю. Кричевский.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. Уч. зап. ЛГУ, 13, № 85, 1949, стр. 83.

[3] Здесь и далее символы симметрии даны по А. В. Шубникову. *А. В. Шубников.* Симметрия. М.— Л., 1940.

[4] С. В. Иванов отмечал, что у народов Сибири простейшие геометрические орнаменты, большей частью прямолинейные и сравнительно мелкие, соответствуют низшим формам хозяйства, основанным на охоте, рыболовстве, частично собирательстве. *С. В. Иванов.* Орнамент народов Сибири как исторический источник, КСИЭ АН СССР, XV, 1952, стр. 11.

нию орнамента в рамках усвоенных систем. Кроме того, сравнительно большая площадь поверхности сосудов не препятствовала развертыванию орнамента на плоскости. Перечисленные моменты наряду с легкостью исполнения орнамента на глине создавали благоприятные условия для развития орнамента. Позднее аналогичное, прогрессивное влияние на его усложнение имело изобретение ткачества, в частности в это время происходит усвоение новых видов симметрии сетчатых орнаментов.

Наблюдаемые изменения орнамента, однако, не объясняют самого факта появления тех или иных орнаментальных систем. Рассматривая орнаментацию волго-камской неолитической керамики под этим углом зрения, попытаемся выявить истоки ее происхождения. Указанная керамика распространена на территории Западного Приуралья, включая восточную часть Среднего Поволжья, бассейн Камы и часть бассейнов Печоры и Вычегды, в настоящее время датируется концом IV—III тысячелетием до н. э.[5] За время ее бытования техника нанесения орнамента на сосуды не претерпевает существенных изменений. При орнаментации использовались преимущественно длинные, узкие гребенчатые штампы, с длиной отпечатков до 40 *мм*, на которых прослеживаются до 20 вдавлений зубчиков (стоянки бассейна Средней Камы — Боровое озеро I, Кряжская), и более 60 *мм*, с вдавлениями не менее 25 зубчиков (стоянки бассейна Нижней Камы — II Лебединская, II Дубовогривская, I Саузовская). Оттиски не всегда соответствовали длине самих штампов, так как штампы отпечатывались часто не на всю длину. Ширина отпечатков колеблется в пределах 1,5—2,0 *мм*, редко они шире 2,5 *мм*, несколько чаще — уже 1,5 *мм* и приближаются по толщине к пунктиру. Более 60% составляют прямые длинные отпечатки штампов, около 17% — короткие овальные, менее 10% — длинные изогнутые и около 7% — двузубые. Оттиски штампов четкие, с узкими промежутками между вдавлениями зубчиков. Зубчики по форме и размерам близки друг другу, за исключением крайних, которые иногда несколько меньше и очень редко крупнее остальных. Преобладают прямоугольные и квадратные по форме зубчики. При нанесении орнамента, как правило, на каждый зубец штампа приходился одинаковый нажим, но иногда больший на верхние или на нижние, либо и на верхние и на нижние. На сосудах часто присутствует так называемая «шагающая гребенка» — прием орнаментации, при котором после получения оттиска штамп, не отрывая его нижних зубцов от глиняной поверхности, поворачивали на некоторый угол и делали новый оттиск, затем неподвижными оказывались верхние зубцы и т. д. Для волго-камской неолитической керамики характерна высокая «шагающая гребенка», с очень коротким шагом, выполняемая прямыми длинными узкими штампами. От раздельных оттисков ее можно отличить лишь при внимательном рассмотрении, так как угол поворота штампа очень мал[6]. «Шагающей гребенкой» выполнялись такие же композиции, как и отдельными длинными, вертикально поставленными оттисками тех же штампов, и в дальнейшем указанные композиции рассматриваются как близкие друг другу варианты. Значительно реже по сравнению с гребенчатыми отпечатками на сосудах встречаются разнообразной формы ямчатые вдавления отпечатки гладкого штампа — насечки, прочерк.

В настоящее время еще не ясны причины, вызвавшие появление определенных форм штампов, единообразной техники нанесения орнамента на глиняные сосуды. Возможно, отпечатки гребенчатых штампов воспроизво-

---

[5] В работе использованы материалы коллекций, хранящиеся в Пермском университете, Пермском областном краеведческом музее, в Казани — в Институте языка, литературы и истории АН СССР, в Москве — в Институте археологии АН СССР, в Ленинграде — в Эрмитаже.

[6] В эпоху бронзы «шагающая гребенка» иная: резко увеличивается длина шага, одновременно сокращается высота оттисков, для их получения используются широкие изогнутые штампы. Орнамент с «шагающей гребенкой» сближается с горизонтальным зигзагом из единичных оттисков штампа.

дили швы, применявшиеся при изготовлении одежды и обуви. С. И. Иванов указывал, что среди разнообразных декоративных швов у народов Сибири, наиболее древними, распространенными повсеместно, являются «строчевой» и «вперед иголку». Эти швы использовались не только для сшивания деталей одежды, но и в «качестве украшения в тех случаях, когда практической необходимости в тех не было» [7].

Выше мы отмечали, что на сосудах преобладают оттиски штампов с прямоугольными зубчиками, отпечатки последних по форме близки стежкам швов «строчевого» или «вперед иголку». Как стежки шва, так и углубления от зубчиков в отпечатке штампа, как правило, имеют одинаковую форму и размеры.

Однако в эпоху неолита вышитый орнамент на одежде мог не получить развития. В это время на рассматриваемой территории в условиях континентального климата, вероятнее всего, бытовала меховая одежда. Сибирские этнографические материалы свидетельствуют, что для меховой одежды вышитые узоры не характерны, за исключением вышивок бисером (в древности, возможно, раковинами, зубами животных и т. п.). И наоборот, на меховой одежде распространены орнаменты, выполняемые в иной технике, например аппликация кусочками меха. Но возможные варианты подобных орнаментальных композиций отсутствуют на волго-камских неолитических сосудах. Поэтому если швы на одежде и послужили прототипами для отпечатков гребенчатых штампов, то орнаменты, наносимые на керамику, на наш взгляд, не были заимствованы с одежды. Во всяком случае это относятся к большинству своеобразных сложных композиций. Тем не менее некоторые особенности последних заставляют предполагать, что складываются они не на глиняных сосудах, а на других предметах.

А. Х. Халиков из встречающихся на сосудах орнаментов выделил композиции (рис. 1, композиции IA *9—11*), которые он назвал «плетенкой» [8]. Древнейшие плетеные изделия не сохранились. Этнографами зафиксировано широкое распространение плетеных изделий у различных первобытных племен и народностей. Сложный процесс приготовления сырья, разработанные приемы плетения свидетельствуют о длительном развитии этого вида производственной деятельности человека. Ручные плетения, без применения утка и каких-либо примитивных станков, исследователи относят к наиболее древним [9]. Эти типы плетения сопоставимы с некоторыми орнаментами на керамике (рис. 2). Имеется определенное сходство между узорами, получаемыми технологическим путем на плетеных изделиях, и разнообразными орнаментальными композициями, к которым относятся не только «плетенки», выделенные А. Х. Халиковым, но и ряд других орнаментов.

Допущение, что в основе орнаментальной системы волго-камского неолита лежат орнаменты, имитирующие узоры плетеных изделий, объясняет особенности орнаментальных композиций на глиняных сосудах. Так, Г. Щурц, описывая плетеные изделия, указывал: «Вместо того, чтобы всю плетеную поверхность делать из одного куска, предпочитают... плести отдельные полосы, которые потом сшивают и этим путем можно производить различные узоры» [10]. Для волго-камской неолитической керамики весьма характерно членение орнаментального поля на горизонтальные зоны — вертикальные зоны отмечены лишь на некоторых сосудах II Лебединской и II Дубовогривской стоянок (рис. 1, IГ *55—56*). При этом выделяются широкие (основные) зоны, орнамент которых состоит преимущественно из длинных отпечатков штампов. Ширина основных зон соответствует приб-

---

[7] *С. В. Иванов.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. ТИЭ, н. с., т. 81. М.— Л., 1963, стр. 207—208.

[8] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 52.

[9] *А. А. Попов.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетий. Сб. МАЭ, XVI, 1955.

[10] *Г. Шурц.* История первобытной культуры. М., 1933, стр. 363—364.

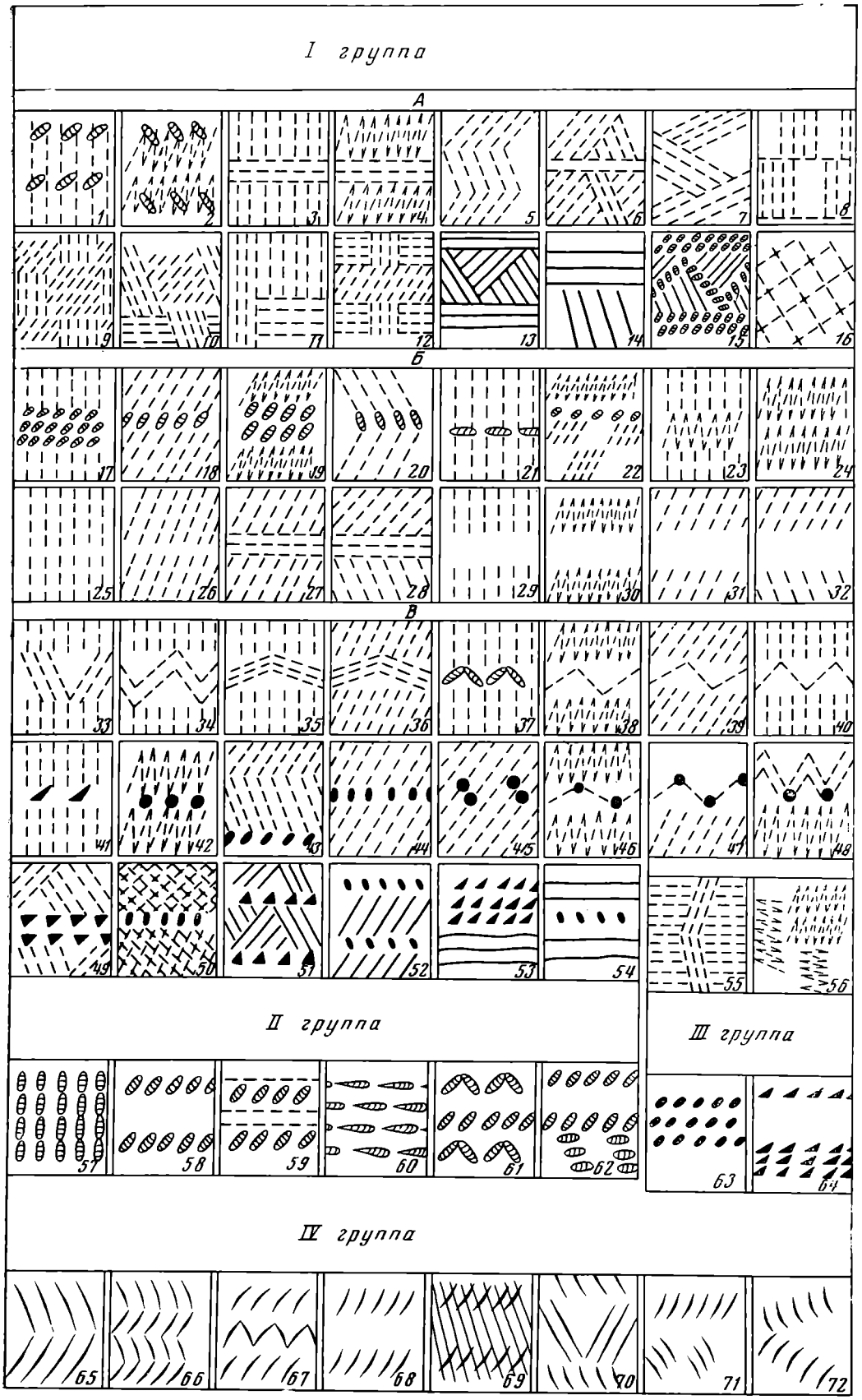


Рис. 1. Схемы орнаментальных композиций

лизительно ширине глиняных лент и длине оттисков штампов. (Ширина глиняных лент, например, у сосудов Хуторской стоянки бассейна Средней Камы от 30 до 45 *мм*, длина отпечатков штампов около 40 *мм*; у сосудов стоянок бассейна Нижней Камы — II Лебединской и II Дубогривской глиняные ленты шириной от 45 до 80 *мм*, а длина отпечатков штампов превышает 60 *мм*). Основные зоны чередуются с узкими (разделительными) зонами, выполненными часто короткими овальными гребенчатыми отпечатками, изредка ямчатыми вдавлениями. Разделительные зоны могут отсутствовать. Эти зоны чаще, чем основные, не совпадают по орнаментальным мотивам. У многих (не менее 50% сосудов), кроме того, выделена ниже обреза венчика особая неширокая (бордюрная) зона, отличающаяся по композициям от основных зон (рис. 3). Орнаментальные зоны располагаются на сосудах, как правило, вплотную друг к другу. Только на единичных сосудах между основными зонами имеются неорнаментированные пояса шириной до 10 *мм* на сосудах стоянок бассейна Средней Камы и до 15 *мм* на сосудах стоянок Нижней Камы. У большинства сосудов орнаментация начинается от края венчика, лишь изредка отступая от края на 3—10 *мм* на сосудах стоянок бассейна Средней Камы и на 3—20 *мм* — на сосудах стоянок бассейна Нижней Камы. Дополнительная плотность композиций создавалась при нанесении орнаментов первой и разделительной зон по орнаменту основных зон (см., например, рис. 1, IA *1—2*), что особенно характерно для сосудов стоянок бассейна Средней Камы.

Одни и те же орнаментальные композиции на сосудах разных стоянок совпадают по технике исполнения и почти идентичны. Исключение представляет композиция из заштрихованных треугольников (рис. 1, IA *13*, IB *49, 51*). Последние выполнялись прочерком (стоянки Боровое озеро I, Хуторская, Левшинская) либо отпечатками гребенчатых штампов (I Саузовская стоянка). Кроме того, на сосудах Хуторской стоянки встречается орнамент, напоминающий заштрихованные треугольники, но создаваемый иначе: поверх слегка затертых наклонных длинных оттисков штампа наносился, опять-таки гребенчатым штампом, горизонтальный зигзаг. Тем не менее в волго-камской орнаментальной системе имеются весьма близкие варианты композиций (рис. 2, *1*, *2*), которые сопоставимы с различными вариантами одного типа плетения (рис. 2, *a'*). При изготовлении плетеных изделий «гибкость материала допускает в отдельности бесконечное разнообразие выполнения... Простое, перекрестное плетение может быть изменено уже тем, что поперечными полосами накрываются попеременно не одна, а две или три продольных» [11].

У плетеных изделий самым непрочным местом являются края, поэтому их «различным образом укрепляют и окаймляют» [12]. Для бордюрной зоны на сосудах наиболее характерны орнаменты I—4 (рис. 4) — они не только встречаются чаще других, но на сосудах с ними комбинируется и наибольшее число вариантов композиций основных зон (с первым орнаментом — 16 композиций, со вторым — 10, с третьим — 5, с четвертым — 3). По-видимому, эти варианты воспроизводят простую обмотку края плетеных изделий, когда витки прута оказывались параллельными друг другу.

Однако орнаментами, сопоставимыми с узорами плетеных изделий (рис. 1, группа IA; рис. 2), не исчерпывается все многообразие композиций, они присутствуют лишь на 40% сосудов. Большую группу составляют орнаменты (рис. 1, группа IБ), представляющие собой близкие варианты первых. Создание подобных композиций мы склонны относить к явлениям художественного порядка. Этих орнаментов численно больше, тогда как имеются они только на 25% сосудов. По мотивам основных зон с рассмотренными орнаментами сходны композиции группы IB, которые встречены на 15% сосудов. Их отличает присутствие в разделительных зонах

---

[11] *Г. Шурц.* Ук. соч., стр. 363—364.
[12] Там же, стр. 364.

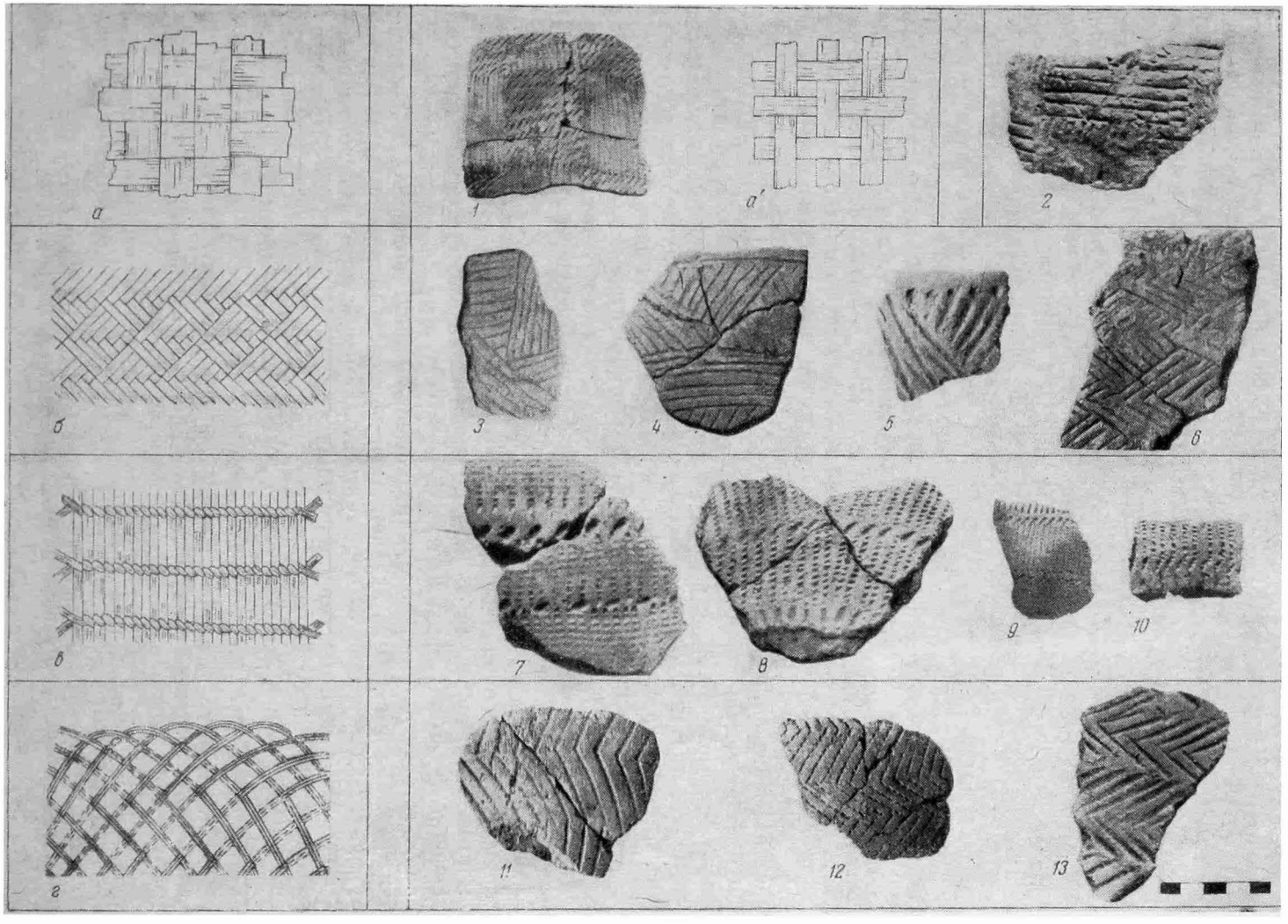


Рис. 2. Сравнительная таблица узоров плетеных изделий и орнаментов на керамике. *а — в* — образцы плетения по Г. Шурцу, *г* — плетенка нанайцев (Музей народов СССР); *1—14* — орнаменты по керамике (*1, 2, 8, 10, 13* — II Лебединская стоянка; *3, 4* — Левшинская стоянка; *5, 11* — Боровое озеро I; *6, 9* — II Дубовогривская стоянка; *7* — Кряжская стоянка; *12* — Хуторская стоянка)

горизонтального зигзага либо ямчатых вдавлений. Вторая группа (рис. 1, группа II) — это орнаменты из коротких овальных гребенчатых отпечатков (на 12% сосудов). Третья группа (рис. 1. группа III) — композиции, образованные ямчатыми вдавлениями, которые отмечены на 4% сосудов. Четвертая группа (рис. 1, группа IV) — орнаменты из насечек. Встречаются они на 4% сосудов, без учета керамики I Саузовской стоянки, где сосуды, орнаментированные насечками, составляют большинство.

Таким образом, на сосудах преобладают орнаменты, согласно предложенной гипотезе, имитирующие узоры плетеных изделий и близкие к ним варианты. Встречаются эти композиции на керамике всех поселений. И складываются они, по-видимому, за исключением композиций IA *13* в пределах волго-камской неолитической области. Орнаменты IA *13* из горизонтальных рядов взаимопроникающих друг в друга заштрихованных треугольников распространены на сосудах стоянок Среднего Урала. Их появление на волго-камской неолитической керамике связывается с влиянием зауральской керамики [13], что вполне вероятно. Заштрихованные треугольники, выполняемые почерком, встречаются на сосудах трех стоянок бассейна Средней Камы (Боровое озеро I, Хуторская, Левшинская) — района, связанного р. Чусовой с Зауральем. Прочерк — прием орнаментации, не характерный для волго-камской керамики и, наоборот, распространенный в Зауралье. Некоторые из сосудов с указанной композицией отличаются от остальных меньшей толщиной стенок и примесью к глиняному тесту талька. Ближайшие месторождения талька имеются на Урале [14]. Д. Н. Эдинг, описывая орнаментацию керамики 6-го разреза Горбуновского торфяника, высказал предположение, что заштрихованные треугольники «подражают узорам на плетенке из широких лент» [15]. В таком случае данный орнамент имеет одинаковый источник происхождения с основными композициями волго-камского неолита, что благоприятствовало его заимствованию. Вероятно, эта композиция проникает в рассматриваемую орнаментальную систему в начале ее развития, так как успевают сложиться местные варианты.

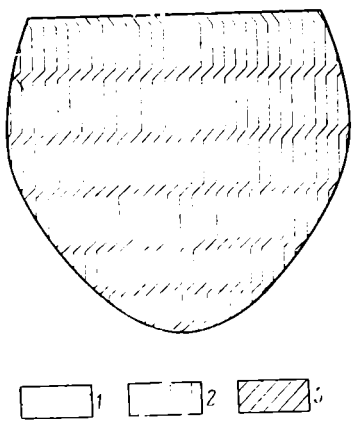


Рис. 3. Схема расположения орнаментальных зон на сосуде: *1* — бордюрная зона; *2* — основная зона; *3* — раздельная зона

Уже на ранней керамике, хотя и в небольшом количестве, присутствуют мотивы горизонтального зигзага и ямчатых вдавлений. Несколько чаще зигзаг встречается на сосудах позднеолитических стоянок. Ямчатые вдавления по таким признакам, как разнообразные очертания и отсутствие соответствующих им выпуклин на внутренней поверхности сосудов, сближаются с ямчатыми вдавлениями, распространенными на керамике Зауралья. Для зауральской керамики характерен и мотив горизонтального зигзага с круглыми ямками в вершинах (рис. 1, IB *46—48*) [16]. Приведенные аналогии скорее свидетельствуют не о заимствовании данных орнаментов из Зауралья, за исключением, быть может, композиции IB 46—48,

---

[13] *О. Н. Бадер.* Уральский неолит. МИА, 166, 1970, стр. 166—167.

[14] *О. Н. Бадер.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961, стр. 28.

[15] *Д. Н. Эдинг.* Горбуновский торфяник. Материалы по изучению Тагильского округа, вып. 3, полутом I. Тагил, 1929; *его же.* Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА, 1, 1940.

[16] *Н. П. Кипарисова.* О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, стр. 10; *М. Н. Комарова.* Неолит верхнего Приобья. КСИИМК, 64, 1956, стр. 95, рис. 40, *12.*

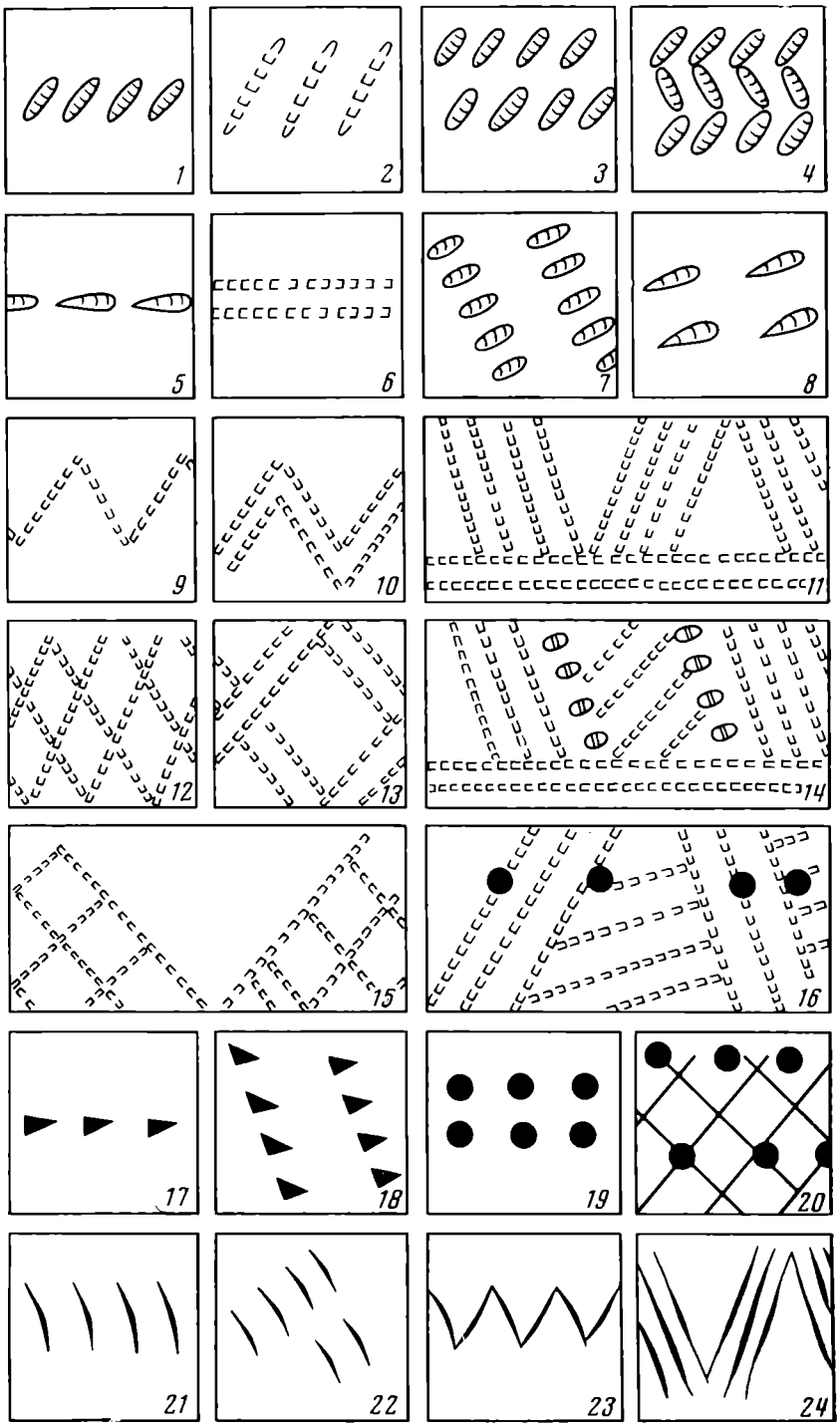


Рис. 4. Схемы орнаментов бордюрной зоны

а об общих на этих территориях этапах развития орнамента, предшествующих появлению глиняной посуды. Возможно, орнаменты из одних ямчатых вдавлений, как и из коротких овальных гребенчатых отпечатков, имели какое-то второстепенное значение — они наносились преимущественно на придонные части сосудов.

Появление орнаментов, состоящих из насечек, на наш взгляд, связано с влиянием иной орнаментальной системы — так называемой накольчатой керамики, которое проявляется сравнительно поздно. Распространение сосудов, орнаментированных насечками, ограничено территорией части

бассейна Нижней Камы, западнее устья р. Белой; насечки первоначально не комбинируются на сосудах с гребенчатыми отпечатками; на керамике поздних стоянок насечки встречаются чаще [17]. На поздненеолитической I Саузовской стоянке орнаменты из насечек есть более чем на 50% сосудов. На этом же поселении наблюдается определенное сочетание двух групп керамики. В орнаментации сосудов это выглядит так: у трех сосудов, на туловах которых гребенчатые композиции I группы, орнаменты (рис. 4; *21*, *23*) в пределах бордюрной зоны выполнены насечками. У двух сосудов на тулове орнаменты из оттисков штампов, имеющих разный наклон, в примыкающих друг другу рядах нанесены гребенчатыми штампами, а на придонные части — гладкими штампами (насечками). Короткими изогнутыми гребенчатыми штампами выполнялись некоторые из композиций (рис. 1, IV *66—68*), сделанные на керамике других стоянок исключительно насечками. Насечки в большинстве случаев с неровными краями, иногда гладкий штамп имеет как бы маленькие зубчики.

Другие пути проникновения новых орнаментальных композиций еще предстоит выяснить, но это тем не менее не противоречит высказанному предположению о том, что ядро рассматриваемой орнаментальной системы составляют орнаменты, подражающие узорам плетеных изделий. Как же возникли подобные орнаментальные композиции? Возможно, определенную роль сыграло то обстоятельство, что глиняные сосуды заменили употреблявшиеся до них плетеные. Этнографы указывают на «нерасчлененность в сознании первобытного человека технологического эффекта и деталей формы, даже орнамента» [18]. В этой связи интерес представляет марийская ловушка для рыб — «морда», экспонирующаяся в Марийском областном краеведческом музее в Йошкар-Оле. При ее изготовлении использован вариант плетения, изображенный на рис. 2 (тип. *в*). Коническую форму ловушки держат примотанные с внутренней стороны на некотором расстоянии друг от друга прутья, согнутые в кольца разных диаметров. Для волго-камских сосудов характерны так называемые «венчики с наплывами», которые считаются типологически наиболее древними. От венчиков других форм их отличает утолщение с внутренней стороны, расположенное несколько ниже обреза венчика. Не является ли это утолщение подражанием каркасным прутам плетеных изделий? Однако узоры на сосудах представляют собой орнаментальные композиции, а не просто копируют узоры, получаемые на плетеных изделиях. В противном случае не наблюдалось бы отмеченное выше применение на всех стоянках устойчивого набора штампов, использование при орнаментации керамики преимущественно гребенчатого штампа. Кроме того, можно отметить пропорциональное уменьшение орнаментальных зон на сосудах по сравнению с шириной полос плетеных изделий. Уже на керамике ранних стоянок встречаются композиции группы IA, наиболее близкие узорам плетенок, и их варианты. Но при этом следует учитывать, что большинство обнаруженных фрагментов относятся к сосудам, бытовавшим в последний период существования того или иного поселения, ибо основная масса вышедшей из употребления керамики шла на приготовление шамота, примесь которого в глиняном тесте всех сосудов значительна.

По-видимому, длительное употребление плетеных изделий, отличающихся по формам и способам плетения от имевшихся у соседнего населения, способствовало тому, что они становились элементами этнокультурного сознания. Параллельно происходил процесс их художественно-эсте-

[17] Существуют и другие точки зрения на «накольчатую» керамику. По мнению А. Х. Халикова, гребенчатая керамика Прикамья складывается на основе «накольчатой» керамики. *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 52—63 (В. П. Третьяков, не возражая против предложенной А. Х. Халиковым датировки памятников с «накольчатой» керамикой ранним неолитом, тем не менее решительно отвергает тезис о генетической связи ее с волго-камской гребенчатой керамикой. *В. П. Третьяков.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 46—52).

[18] *В. Р. Кабо.* Каменные орудия австралийцев. ТИЭ, н. с., т. LXXX, 1962, стр. 84.

тического осмысления. В первую очередь по внешнему облику плетеные изделия воспринимались «своими» в отличие от «чужих» у другого населения. С появлением керамики атрибуты «своего», т. е. узоры на плетеных изделиях, воспринимаемые уже как орнамент, были перенесены и на глиняные сосуды. Орнаментации последних придавалось большое значение, о чем свидетельствует отсутствие в археологических коллекциях волго-камского неолита фрагментов керамики, на которых наблюдалось бы нарушение орнаментальных композиций, небрежность их выполнения. К орнаментам, имитирующим узоры плетеных изделий, в полной мере относится высказывание С. В. Иванова: «...в своих истоках они лишены какой-либо образности и асемантичны, но это не означает, что в дальнейшем развитии они оставались за пределами идейного содержания, что с ними не были связаны те или иные ассоциации и названия отдельных узоров» [19].

Аналогичные орнаменты известны не только на керамике волго-камского неолита. Мы отмечали композиции из заштрихованных треугольников на зауральской керамике, сходные композиции есть также в культурах сперрингс и кельтеминарской. Однако для ответа на вопрос, появляются ли они в результате заимствования или возникают независимо, необходимо рассмотрение орнаментальных систем, в которые они включены, что выходит за рамки данной работы.

Появление подобных композиций знаменует достаточно высокую ступень развития орнамента. Отдельные разновидности их доживают до этнографической современности [20]. Тем не менее ни один из вариантов этих орнаментов не заключает в себе элементов для дальнейшего усложнения орнаментальных композиций, продолжающих сохранять ряд архаических черт. В это время уже зарождаются более прогрессивные системы орнаментации, что лишний раз свидетельствует о многолинейности развития орнамента в целом.

I. V. Kalinina

ORNEMENTATION DE LA CERAMIQUE NEOLITHIQUE DE LA REGION DE VOLGA — KAMA

Résumé

Les motifs ornementaux de la poterie néolithique forment un système ornemental dont le noyau est constitué des compositions imitant les dessins des objets tressés. Les motifs reproduisant les décors tressés se font aussi voir sur la poterie néolithique provenant d'autres régions. Sans examiner les systèmes ornementaux il est pourtant impossible de décider s'ils sont dûs aux emprunts ou apparaissent indépendamment.

---

[19] *С. В. Иванов.* Ук. соч., стр. 208.
[20] *С. В. Иванов.* Ук. соч., стр. 246.

И. И. ЗАЕЦ

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КЛИЩЕВ НА ЮЖНОМ БУГЕ (В/I — В/II)

Последние годы Винницким краеведческим музеем осуществлены археологические обследования в бассейне Южного Буга. В результате было обнаружено много памятников, относящихся к разным эпохам. Особое внимание обратило на себя трипольское поселение у с. Клищев Тывровского района Винницкой области. Среди других памятников трипольского времени на Южном Буге, довольно подробно изученных для своего времени (Сабатиновка I [1], Владимировка [2], Печора [3], Пьянёшково [4]), новый трипольский памятник Клищев в хронологическом отношении занимает промежуточное время между ступенями В/I и В/II по периодизации Т. С. Пассек. Это обстоятельство, а также относительно хорошая сохранность памятника, побудили произвести здесь в 1969—1972 гг. довольно широкие полевые работы, позволившие выяснить важные особенности культуры населения Южного Побужья на одном из интереснейших отрезков времени развития трипольских племен.

Трипольское поселение Клищев расположено на первой надпойменной террасе левого берега среднего течения Южного Буга, около современного села Клищев. Поселение занимало мыс площадью 350×200 *м*, окаймленный излучиной реки. В районе поселения хорошо выделяется правый крутой обрывистый берег Южного Буга с выходом гранитных пород Украинского кристаллического щита; левый — пологий, с хорошо просматриваемыми террасами и наличием открытого плато, омываемого с трех сторон водами Южного Буга. Здесь располагается само поселение Клищев (рис. 1).

Берега Южного Буга в районе трипольского поселения сложены лессом и лессовидным суглинком, подстилаемыми кристаллическими породами. Здесь имеет место активное образование оврагов. В отдельных местах прибережья наблюдаются выходы грунтовых вод, которые в трипольское время образовали в замкнутых местах заболоченную территорию. Овраг с протекавшим здесь ручейком проходил в северо-восточной части поселения. Геоморфологическая обстановка поселения Клищев напоминает обстановку раннетрипольских поселений Днестра (Лука Врублевецкая, Бернова Лука, Лука Устинская и др.).

Споро-пыльцевой анализ показывает, что трипольское поселение окружали леса, в которых преобладали смешанные сосново-широколиственные формы (сосна, береза, липа, дуб). Здесь еще в значительном количестве

---

[1] А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. Київ, АП, 1952, 4, стр. 77—88.

[2] *Т. С. Пассек.* Трипольское поселение Владимировка. КСИИМК, 1949, 26, стр. 27—56.

[3] *Е. К. Черныш,* Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. А. Сб. ГЭ, 1, 1959, стр. 166—201.

[4] *M. Himner.* Étude sur la civilisation premycenienne. Swiatowit, XIV, Warszawa, 1933.

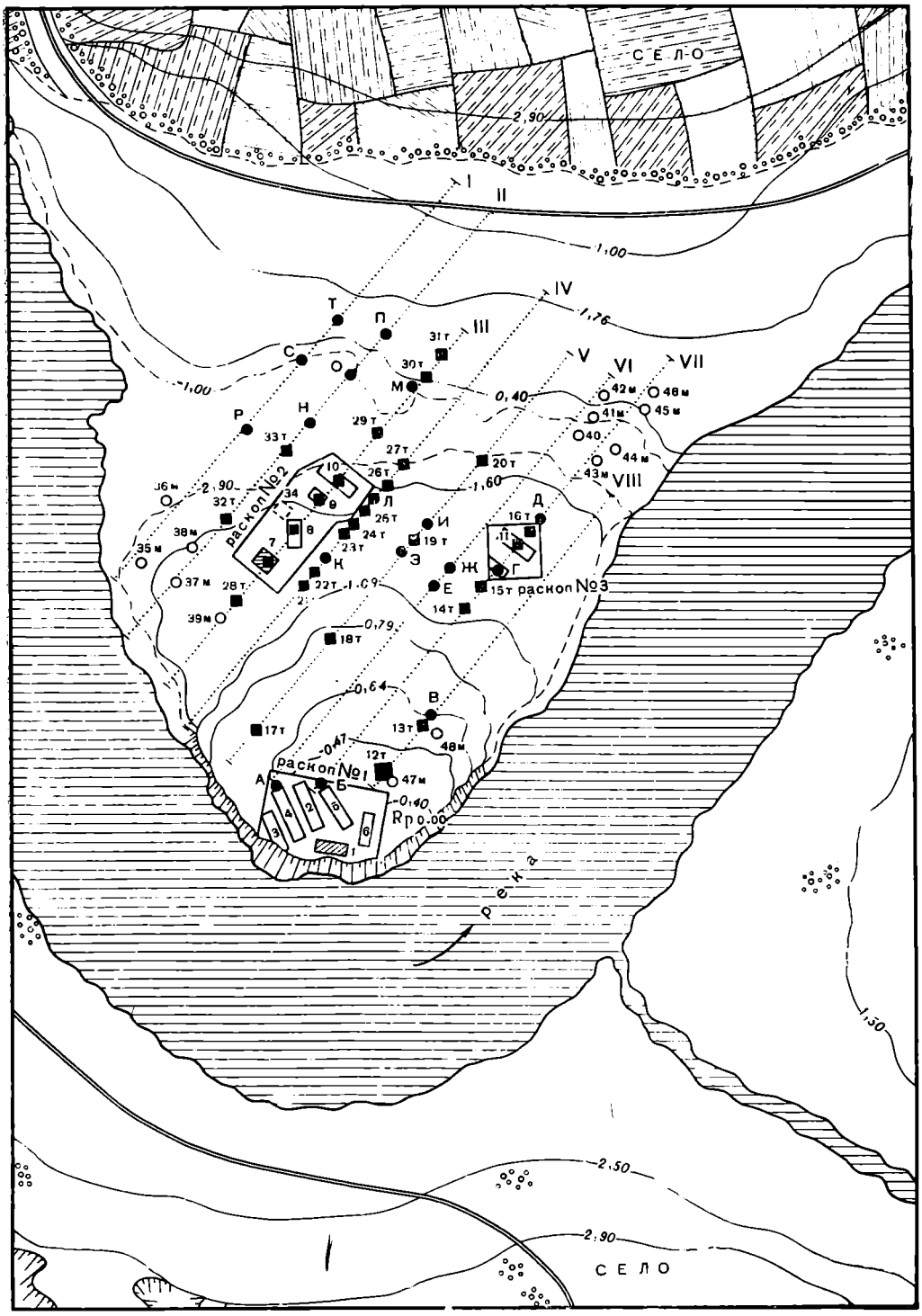


Рис. 1. Трипольское поселение Клищев Тывровского р-на Винницкой области. План

произрастали плауновые и папоротниковые. Из травянистых преобладали сложноцветные, гречишные, мхи. Наличие остатков ивы, ольхи, мхов указывает на то, что поселение располагалось на опушке леса [5].

Значительное углубление русла реки в районе поселения обусловило аккумуляцию речных наносов. Вследствие этого трипольский культурный

[5] Анализ производился инженером Института палеозоологии АН УССР Е. Ф. Рыкиной. Автор выражает Е. Ф. Рыкиной благодарность за оказанную практическую помощь.

слой покрыт аллювиальными наносами. В период весенних и летних паводков значительная часть этого плато заливается.

Стратиграфия отложений на месте поселения выражена достаточно четко. Высота берегового уступа над летним уровнем реки — 3,5 *м*. Стратиграфический разрез на месте трипольского поселения дает следующую картину. 1-й слой — луговой дерн серо-коричневого цвета, толщина до 40 *см*. 2-й слой — супесчано-суглинистый, серовато-желтоватый. Содержат малую примесь сухопутных ракушек (моллюсков) — толщина до 60 *см*. 3-й слой — лессовидный суглинок, светло-желтый, с большим количеством кротовин — до 80 *см*.

2-й слой аллювиально-делювиальной структуры. 3-й слой выражен резче, как делювиальный. Ниже 3-го слоя залегает глина светло-желтая, с коричневым оттенком, а ниже нее лежат коренные кристаллические породы.

В толщах 3- и 2-го слоев располагаются трипольские археологические комплексы на глубине 0,5, а в отдельных местах до 1,8 *м* от современной поверхности.

На поселении вскрыта площадь около 2 тыс. $м^2$. Кроме того, проложено 8 траншей (I—VIII см. рис. 1) протяженностью 1442 *м* на глубину 0,60—3,00 *м* при ширине 0,80 *м*. В 14 пунктах заложены шурфы.

Осуществление этих работ, а также выявление культурных остатков с помощью геомагнитной разведки (на плане — цифра с буквой М) дали возможность определить в общих чертах планировку застройки поселения [6].

Всего выявлено 48 жилищ (жилища на плане обозначены прямоугольником или залитым квадратом с буквой Т, если обнаружены в траншее) и 17 хозяйственных сооружений, которым присвоены соответствующие номера: жилищам от 1 до 48; хозяйственным сооружениям — от А до С.

На поселении Клищев четкая единая планировка жилищ отсутствует. Жилые дома и хозяйственные сооружения сосредоточены в трех основных пунктах: на южном участке 11 жилищ и 3 хозяйственных сооружения; на западном — 17 жилищ и 3 хозяйственных сооружения; на восточном соответственно 6 и 5. Остальные жилища и хозяйственные сооружения располагались на некотором удалении от названных пунктов.

Вопросу о формах домостроительства придавалось первостепенное значение. На поселении выявлены два основных типа жилищ: наземные и углубленные (на плане — заштрихованный прямоугольник).

Детальное изучение остатков жилищных сооружений предоставило возможность изучить архитектурные детали жилищ, в частности продольные и поперечные стены, потолочные перекрытия, дверные проемы, пристроечные помещения, а также интерьерную структуру каждого жилища в отдельности: фиксирование комнат, их размеры и другие особенности.

Анализ этого материала позволил установить, что наземному типу жилищ присущи: а) фундаментальные стационарные постройки площадью 60—100 $м^2$ с массивными продольными и поперечными стенами, а также потолочными перекрытиями, с наличием двух-трех печей (жилища 2, 4, 10, 11); б) фундаментальные стационарные жилища площадью до 40—60 $м^2$, однако с менее массивной глиняной обмазкой стен и потолочных перекрытий, с наличием двух печей (жилища 5, 6); в) однокомнатные, небольшого размера жилища облегченного типа, площадью до 30 $м^2$, с тонкой глиняной обмазкой и только одной печью (жилища 3, 8, 9).

Для всех типов жилых комплексов характерны некоторые общие черты, заключающиеся в отсутствии глинобитых полов и наличии почти одинаковых подковообразных сводчатых печей.

В то же время отдельные жилища имеют и свои специфические особенности, выражающиеся в приемах и технике домостроительства и в об-

[6] Автор выражает благодарность сотруднику Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загнию, осуществлявшему магнитную разведку на месте поселения Клищев.

наруженном в них инвентаре. К особенностям жилых комплексов следует отнести также бытование в многих из них пристроек типа кладовок (жилища 2, 4, 6, 10), а также больших глинобитых корытообразных сооружений для помола зерна размером 0,80×0,90 *м* (жилища 2, 4, 11).

Остановимся на характеристике жилищ № 10 и 11, представляющих два разных жилых комплекса.

Жилище № 10 (вторая группа жилых комплексов). Представлено трехкамерным сооружением и небольшой пристройкой типа кладовки. Площадь дома — 104 $м^2$ (рис. 2, *а*). Ориентировано с северо-запада на юго-восток.

Остатки жилого комплекса состоят из компактно лежащих развалов поперечных стен, потолочного перекрытия, прекрасной сохранности трех печей и припечных возвышений.

Развалы образовали сплошной, достаточно мощный массив, где прослеживается два, а в некоторых местах три отдельных компонента глиняных плиток. Так, северо-западная стена представлена мощным развалом глиняных плит длиной до 13 *м* и шириной (в данном случае необходимо иметь в виду остатки от стены по ее высоте) от 0,7 до 1,5 *м* с небольшими разрывами на отдельных участках (лишь в несколько сантиметров). Далее идет менее мощный развал этой же стены, который заканчивается на 15-м метре большим камнем, углубленным в древний уровень поверхности и служившим опорой столба, связывающего описываемую стену с юго-западной поперечной (рис. 2, *а*).

Юго-восточная продольная стенка примерно таким же массивом (длина 13,5 *м*, ширина — 0,5—1,2 *м*) и с такими же небольшими разрывами (главным образом в районе расположения трех печей) простирается вдоль центральной оси жилища.

Развалы внешних поперечных стен также зафиксированы достаточно конкретно. Северо-западная стенка документируется сплошным развалом длиной 7 *м* и шириной 1 *м* от ее западного до северного углов. Юго-восточная поперечная стена представлена аналогичным развалом на тринадцатом метре оси жилища, где заканчивается третья камера и на пятнадцатом метре остатками более легкой поперечной стены, видимо, фиксирующей пристройку типа кладовки.

На отдельных участках жилища наблюдаются еще более массивные развалы. Таких мест скопления примитивного «кирпича» и кирпичиков, фрагментов штукатурки (чаще всего белого цвета) зафиксировано восемь.

Первые два развала сосредоточены в районе обоих углов северо-западной поперечной стены и идущих от нее продольных стен на северо-восток и в южную сторону от крайней западной точки. Верхняя часть этих развалов состоит из больших обломков продольной и поперечной стен толщиной 25—30 *см*, расколотых на две части, из которых одна грубовато сглажена, повернута кверху, а другая с отпечатками расколотых плах и лозы — книзу. Под ними лежит развал потолочного перекрытия в виде отдельных брусков и брусочков размером от 5 до 10 *см*, изготовленных из каолинизированной глины с примесью песка. Лежат они сглаженной стороной книзу, на отдельных брусках имеются остатки штукатурки желтовато-белого цвета.

Все остальные части подобных развалов сосредоточены на углах внутренних поперечных и продольных стен, отделяющих первую от второй камеры, вторую от третьей и третью от кладовки. Образовавшиеся скопления обмазки носят примерно такой же характер, как и в первых двух случаях, лишь с той разницей, что между нижними брусками потолочного перекрытия и верхним слоем плиток от продольных стен находятся остатки поперечных стен в виде небольших кусков обмазки толщиной 6—8 *см*.

Среди обломков обожженной глины, а в большинстве случаев под ними, обнаружено большое количество хозяйственного и бытового керамическо-

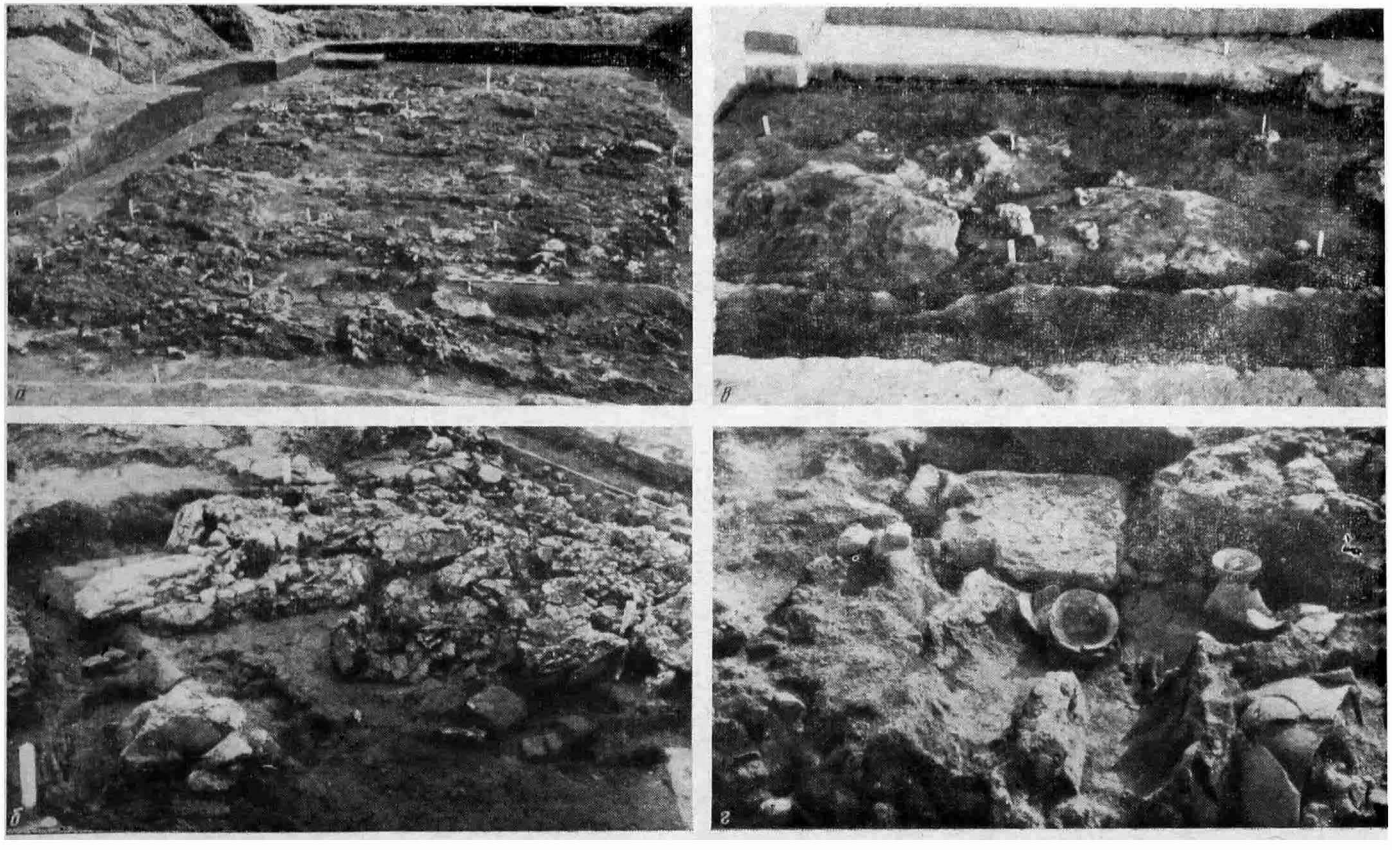


Рис. 2. *а* — общий вид жилища № 10; *б* — общий вид остатков печи жилища № 10; *в* — общий вид полуземлянки № 7; *г* — часть камеры 11 из жилища № 10

го инвентаря, в том числе более 110 сосудов целых и подлежащих полной реставрации и реконструкции.

Первая камера размером 4×7 *м* расположена в северо-западной части жилища. В ее северо-восточном углу находятся остатки печи, прикрытой завалами продольной и поперечной стен (рис. 2, *б*). Печь находится на небольшом искусственном возвышении, которое представляет собой подсыпку из песка и глины на полу жилища. Размеры печи: 1,90×1,60 *м*. На краях пода прослеживается опорная часть свода печи. Стенки от свода сохранились в высоту до 20 *см*, а в отдельных местах — до 30 *см*. Толщина их у основания 15—20 *см*. В данной камере во многих местах основания печи имеются следы от деревянного каркаса. Кроме того, отпечатки от прутьев каркаса печи встречаются на оставшейся глиняной обмазке печи, которая имеет вид больших толстых плит размером от 10 до 15 *см*.

Представляет интерес хорошо изготовленный припечек в виде выступа впереди устьевой части печи (рис. 2, *б*). Его размеры: длина — 1,10 *м*, ширина — 0,30 м, высота — 0,20 *м*. Здесь же на припечке и впереди него (на расстоянии до 0,50 *м*) находится упавшая лицевая (передняя) часть свода печи в виде карниза длиной 1,40 *м*, слегка деформированного при падении (рис. 2, *б*). Верхняя часть карниза изящно отделана оранжево-красной глиной и лежит книзу, а нижняя носит на себе отпечатки лозы от каркаса печи и лежит кверху. Потолочное перекрытие рухнуло во внутрь жилища, покрыв пол жилища и находившийся на нем инвентарь. Величина обломков потолка разнообразна — от 3—5 до 20—30 *см*. Обломки наружных стен лежат на плитах потолочного перекрытия. Это обстоятельство указывает на то, что потолочное перекрытие разрушалось и накрывало своей массой внутреннюю интерьерную часть помещения первым, после чего разрушались продольные стены, также падая во внутрь помещения и перекрывая тем самым остатки рухнувшего потолка.

В первой камере находились восемь сосудов больших и средних размеров и один миниатюрный сосудик.

В северо-восточном углу этого помещения в 1 *м* от печи обнаружены кухонный горшок и детская игрушка.

Две остальные камеры (вторая и третья) жилища № 10 также хорошей сохранности. В них имеется по одной печи примерно такой же конструкции, как и в первой камере. Камера № 2 (размер 3,70×7,00 *м*, пл. 25,90 *м*^{2}), отделена от первой камеры развалом внутренней перегородчатой стенки, хорошо просматриваемой на всей этой площади. Печь размером 1,30×1,40 *м* с припечком находится возле северо-восточной продольной стены по одной осевой линии с печью первой камеры.

В северо-западной части помещения, в 1,5 *м* от продольной стены и в непосредственной близости от поперечной внутренней стены, выявлен in situ интересный комплекс (рис. 2, *г*), полностью накрытый рухнувшим завалом этой части дома. В состав комплекса входят: квадратное возвышение (рис. 2, *г*) размером 0,75×0,75 *м*, высотой 12 *см*, выложенное из специальных глиняных брусков размером 8×8 *см*. Здесь обнаружены остатки медного и костяного шильев, обломок зернотерки, два вкладыша к серпам и 15 скребков. К тому же возле четырехугольного возвышения находилось большое количество развалов керамических изделий: небольшой сосуд, биноклевидное изделие, большой кухонный горшок, как бы стоявший на большой специальной подставке размером 30×20 *см*, изготовленной из глины, и обломки от других сосудов.

Обращает на себя внимание тот факт, что на площади этой камеры в 15 *м*^{2} находки отсутствуют. Можно предположить, что это помещение предназначалось для ритуальных обрядов, в нем располагалось жертвенное место в виде четырехугольного возвышения (рис. 2, *г*).

Третья камера, размером 4,28×7,00 *м*, общей площадью 29,95 *м*^{2}, характеризуется наличием сравнительно большой печи длиной около 2,00 *м*, шириной в центральной части 1,80 *м*, а в устьевой и тыльной частях —

1,40 *м*. Хорошо прослеживается завал дымохода, упавшего за пределы жилища в его восточной части. Он занимает площадь около 4,00 *м*². Вся площадь камеры покрыта завалами потолочного перекрытия и стен. Между обломками найдены два развала крупных сосудов с углубленным орнаментом, кости животных и зернотерка. Всего в этой камере обнаружено 15 развалов сосудов, многочисленные фрагменты мисок и узкогорлых горшков, шлемовидных и других форм сосудов, а также три биноклевидные воронки.

Возле третьей камеры зафиксирована пристройка размером 3×7 *м*, общей площадью 21 *м*².

О пристроечном характере этого помещения свидетельствует следующее. Так, юго-восточные углы третьей камеры фиксируются сплошным завалом мощной поперечной стены (длиной 7 *м* и шириной 1,5 *м*), рухнувшей к внутренней части жилища. А остатки от четвертой пристроечной камеры характеризуются наличием тонкого слоя обоженной глины с отпечатками плах и лозы. Указанные обломки расположены строго по обеим осям продольных стен жилища и заканчиваются в 3 *м* от мощной поперечной стены, разделяющей третью жилую и четвертую пристроечную камеру типа кладовки. На месте, где кончается развал облегченных продольных стен, обнаружено по одному камню, служившему фундаментом для столбов несущей конструкции. К тому же между этими камнями и продольными стенами четко прослеживаются остатки обмазки от поперечной стены (длиной 7 *м*), также в виде обломков тонкого слоя обмазки глины с отпечатками плах и лозы, фиксирующих юго-восточную границу жилища.

Все это дает основание сделать вывод о том, что данная пристройка была изготовлена из деревянного каркаса и покрыта глиняной обмазкой.

Помещение характеризуется отсутствием печи и находок, за исключением незначительного количества фрагментов сосудов.

Полагаем, что данная пристройка входила в общий жилищный комплекс и использовалась в качестве кладовки.

Аналогичные пристройки прослеживались также в жилищах 2, 4, 6.

Керамический комплекс из жилища № 10 можно разделить на следующие типы.

1. Большие сосуды грушевидной формы размером по высоте от 40 до 48.5 *см* и диаметром в центральной части от 43 до 53 *см*, покрытые углубленным прочерченным орнаментом, образующим спирали. Орнамент украшает всю поверхность сосудов, за исключением нижней части (рис. 3, *5, 6*).

2. Амфоровидные сосуды, украшенные полихромной росписью (рис. 4, *12*) и каннелированные сосуды (рис. 5, *4*).

3. Миски, украшенные углубленным прочерченным орнаментом, инкрустированные (рис. 4, *13*).

По своему назначению указанная керамика делится на кухонную (рис. 3, *2, 3*) и столовую (рис. 4, *4, 6, 8*).

В отдельный вид керамики нами выделяются большие сосуды (высотой 40—50 *см* и в диаметре 30—45 *см*), которые не имеют следов применения в качестве кухонной посуды. Эти изделия использовались под тару для хранения сыпучих и жидких продуктов (рис. 3, *6*; рис. 5, *3*, *5*).

Жилище 11 (третья группа жилых комплексов). Ориентировано с северо-запада на юго-восток. Его размеры: 12×5 *м* общей площадью 60 *м*². Состоит оно из двух камер. Развалы продольных стен, лежащих наружной частью кверху, в большинстве случаев состоят из больших глинобитых кусков размером 25×30 *см*, тщательно отделанных специальной облицовочной обмазкой в виде тонких искусно выложенных плиточек серого цвета. Внутренняя часть стен жилища также носит следы подобной отделки, но розовато-белого оттенка.

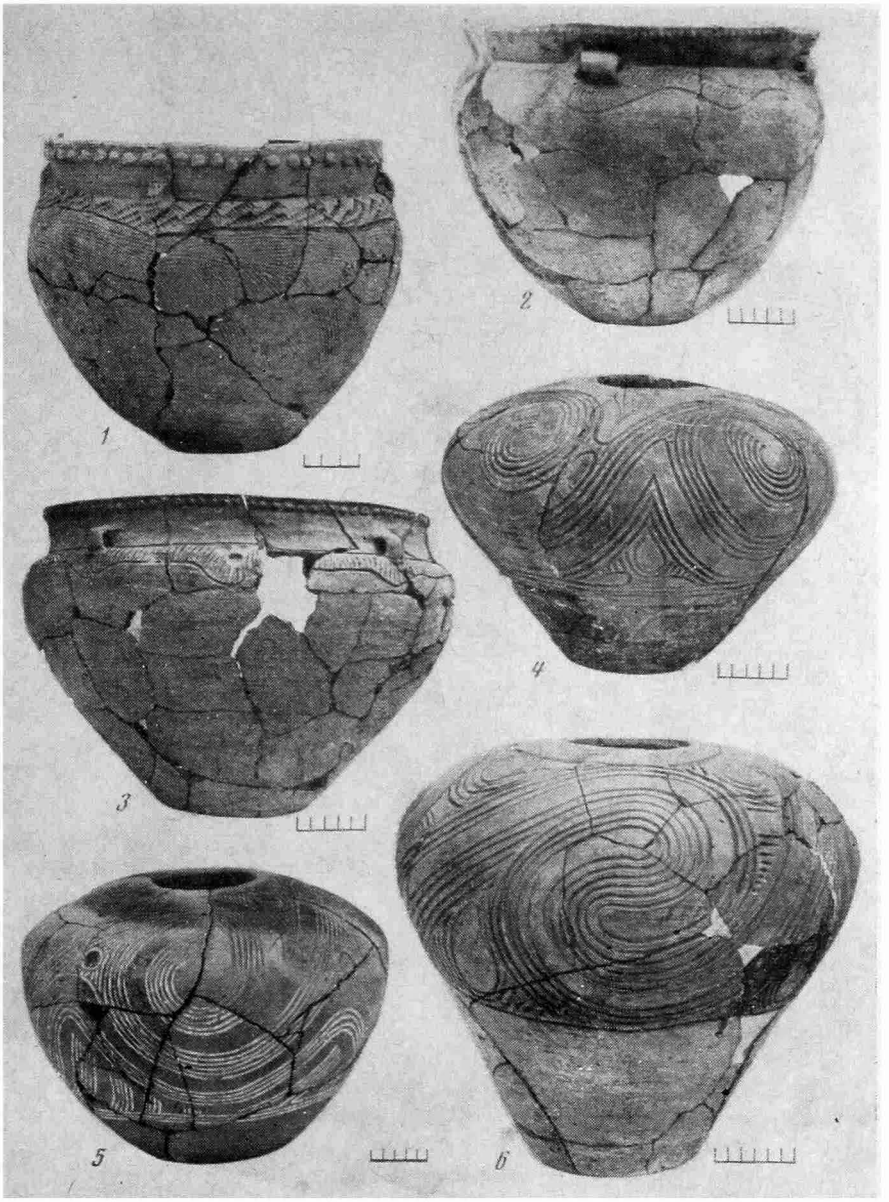


Рис. 3. *1, 2, 3* — кухонные сосуды; *4, 5, 6* — сосуды для хранения продуктов

Первая камера, размером 6,5×5 *м* (34 *м*²), расположена в юго-восточной части жилища. Печь в камере находится на небольшом возвышении с припечком в устьевой части. Ее длина 1,40 *м*, ширина — 1,30 *м*. Высота сохранившихся стенок печи 0,10 *м*. Предпечная часть по длине 0,42 *м*, ширине 0,45 *м*, высоте 0,20 *м*.

К югу от печи в 1,5 *м* находятся остатки крупного глинобитного корыта размером 0,75×0,75 *м*. На дне корыта обнаружен развал большого амфоровидного орнаментированного сосуда (рис. 5, *6*).

В этой камере обращает на себя особое внимание скопление сцементированных обломков сильно пережженной каолинизированной глины, занимающих площадь около 3 *м*². Остатки этого развала в трех местах в виде глинобитных плит фиксируют сохранившиеся in situ стенки высотой 15—20 *см*. Своей массой указанный развал накрыл 18 сосудов, из них четыре амфоровидных (рис. 5, *1*, *8*), три биноклевидных сосуда, два кухонных

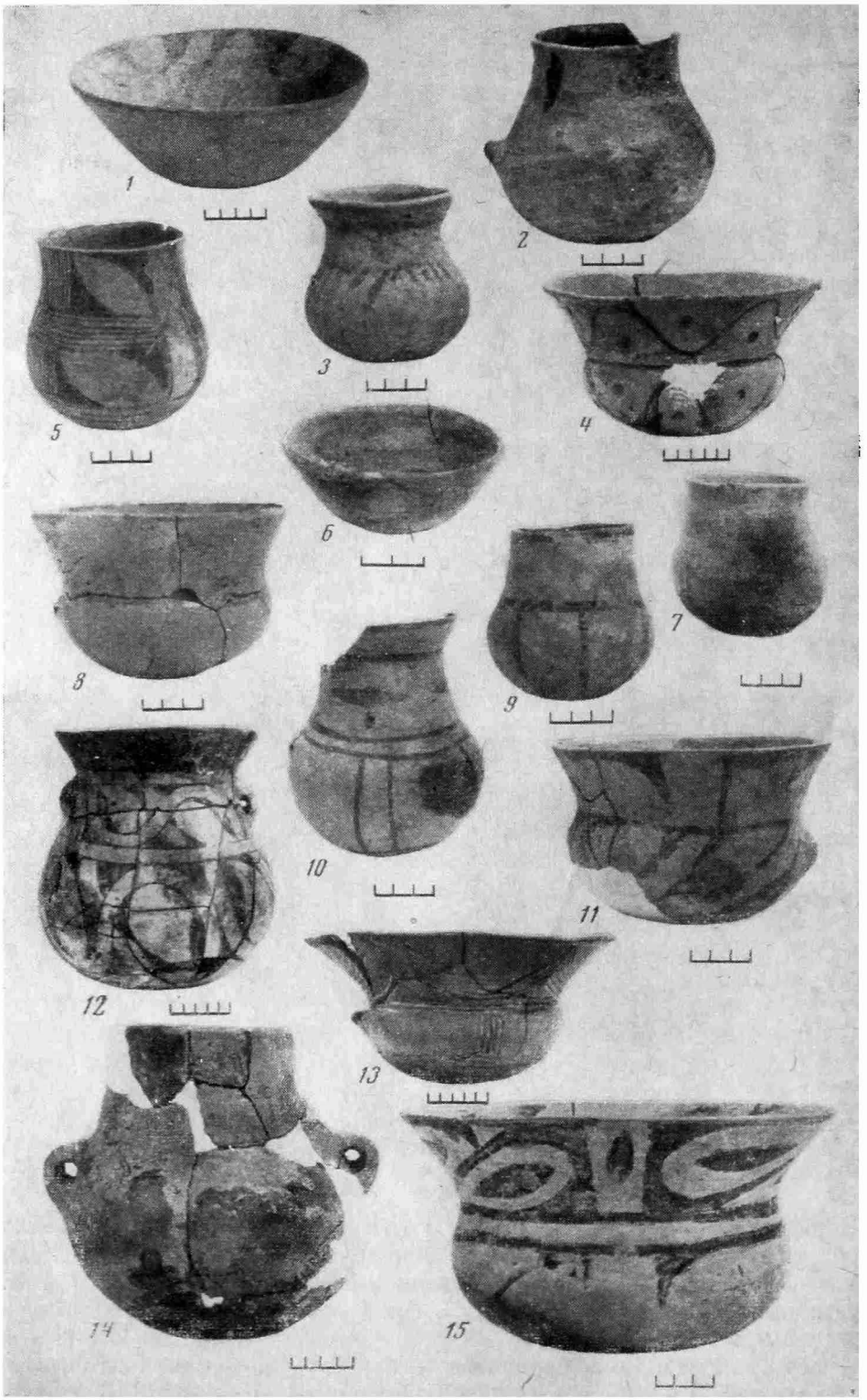


Рис. 4. *1, 4, 8, 11, 13, 15* — миски; *6* — чашечка типа пиал; *2, 3, 5, 7, 9* — горшочки типа кубков; *10, 12, 14* – кувшины

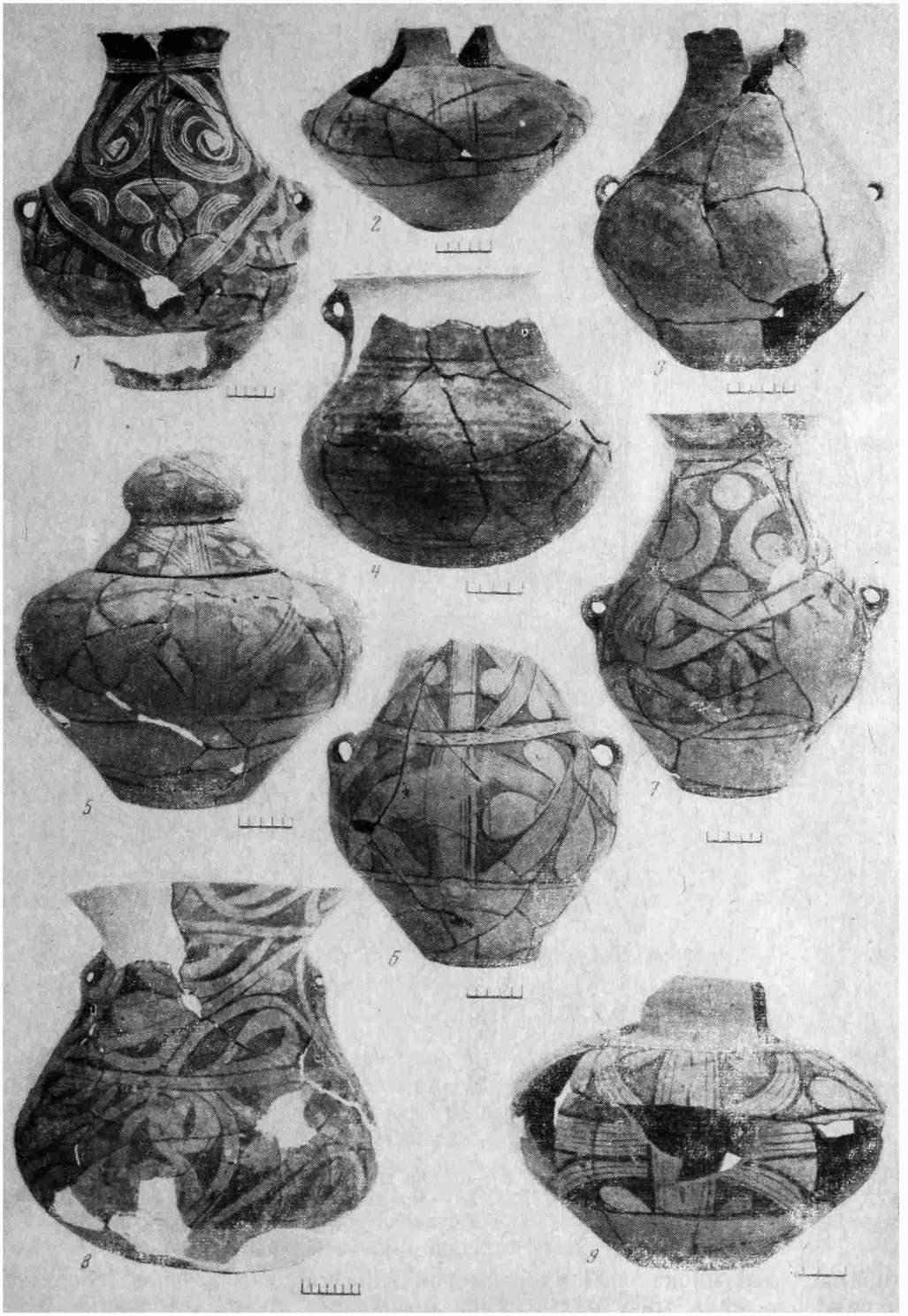


Рис. 5. *1*, *2*, *5—9*,— расписные сосуды; *3*, *4* — сосуды с каннелюрами

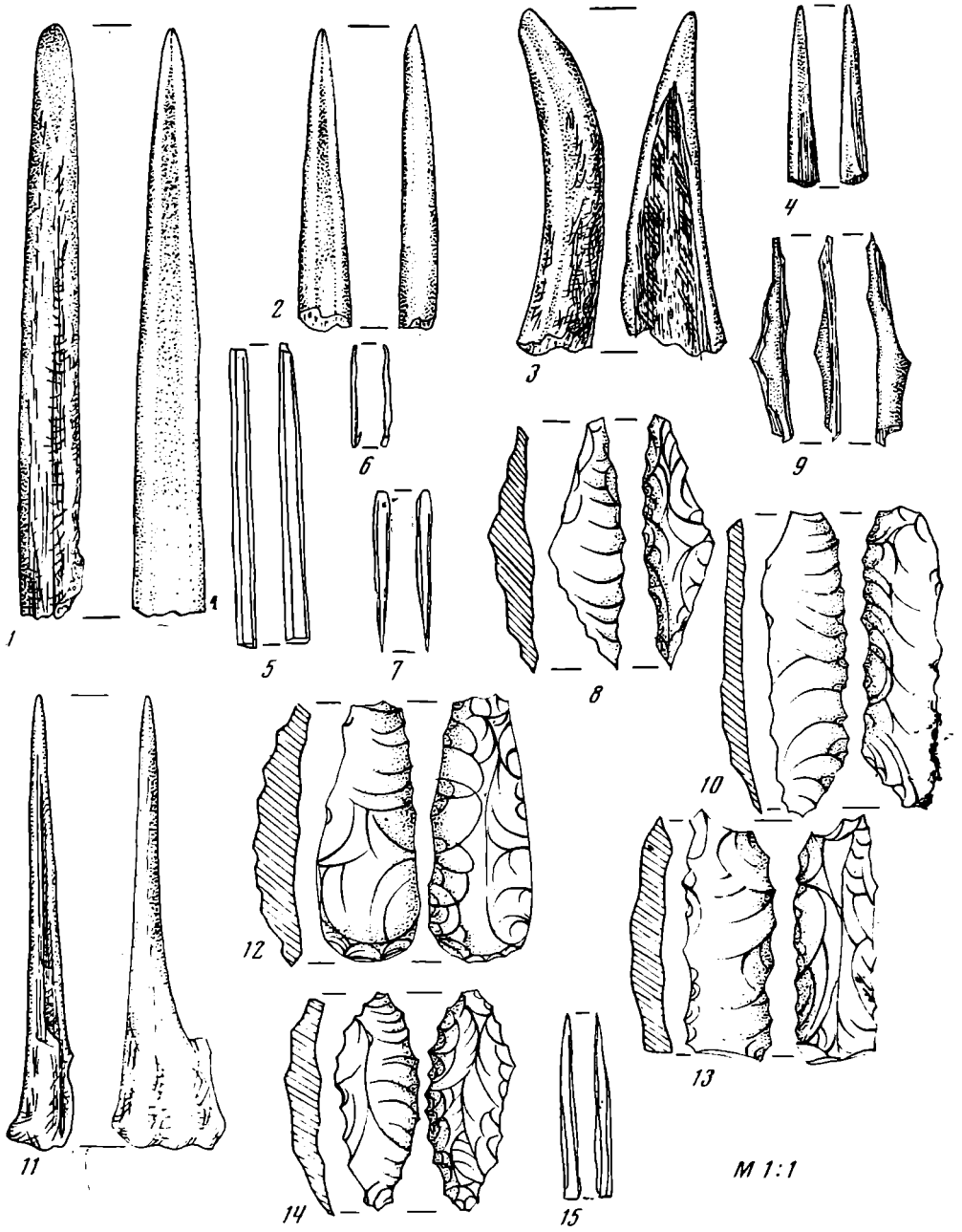


Рис. 6. *1, 3* — лощила из кости; *2, 4* — шилья из кости; *9, 11* — костяная проколка; *5, 7, 15* — шилья из меди; *8, 10, 12, 13, 14* — кремневые вкладыши к серпам; *6* — медная булавка

горшка, одна миска средних размеров типа тарелки и одна небольшая, в виде блюдечка (обе целые), два небольших кувшинообразных сосуда и др.

Наличие вышеназванных развалов, а также шлака, образовавшегося от сильного температурного перегрева глины, дают основание полагать, что в этом месте находилась специальная сушилка, а возможно, и печь для обжига керамических изделий. Ее примерные размеры — 1,5×2,00 *м* при высоте до 1,5 *м*.

Вторая камера (5,2×5 *м*) отделяется от первой поперечной стенкой протяженностью 2,5 *м*. В ней находится хорошо сохранившийся развал печи с припечной частью.

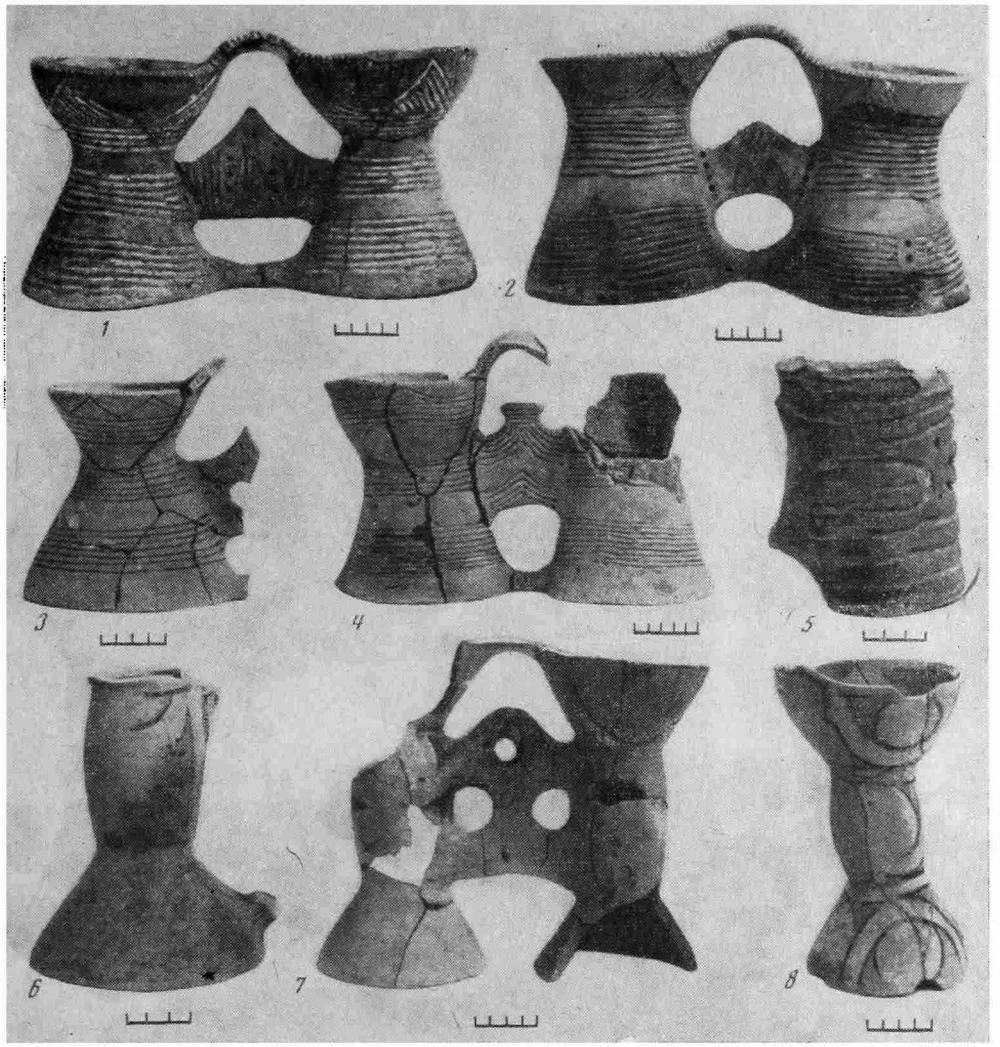


Рис. 7. Биноклевидные изделия: *1—5* — с углубленным орнаментом; *6—8* — расписные

После детальной расчистки этой камеры проявилась весьма интересная картина. В состоянии in situ находились четыре биноклевидных сосуда, покрытых монохромной росписью, расположенных друг от друга по кругу в 1—1,5 *м*. Между ними стоял сосуд грушевидной формы, а также 8 целых небольшого размера сосудиков, обломки от 22 других сосудов, большинство из которых покрыты росписью. Здесь же обнаружены «бинокль» и целая небольшая зооморфная миниатюрная статуэтка, изображающая овцу.

Керамика жилища № 11 заметно выделяется наличием значительного количества больших амфоровидных сосудов (80 единиц), украшенных, как правило, бихромной и полихромной росписью, и отсутствием больших грушевидных сосудов с углубленным орнаментом.

На поселении открыто два жилища углубленного типа. Первое из них выявлено вначале исследования памятника еще в 1969 г. Оно находится в юго-западной части поселения. Глубина его дна 2,6 *м* от современной поверхности (взятой за нолевую отметку), от уровня трипольского времени 1,2 *м*. Эта землянка вытянуто-овальной формы, ее длина с юго-запада на северо-восток — 12 *м* и с северо-запада на юго-восток — 6,5 *м*, при общей площади 72 $м^2$. Имеются остатки плохо сохранившейся печи.

В 1972 г. открыто второе углубленное жилище-полуземлянка (№ 7), размером 7,0×3,5 *м*, общей площадью 24,5 $м^2$. Дно жилища на глубине

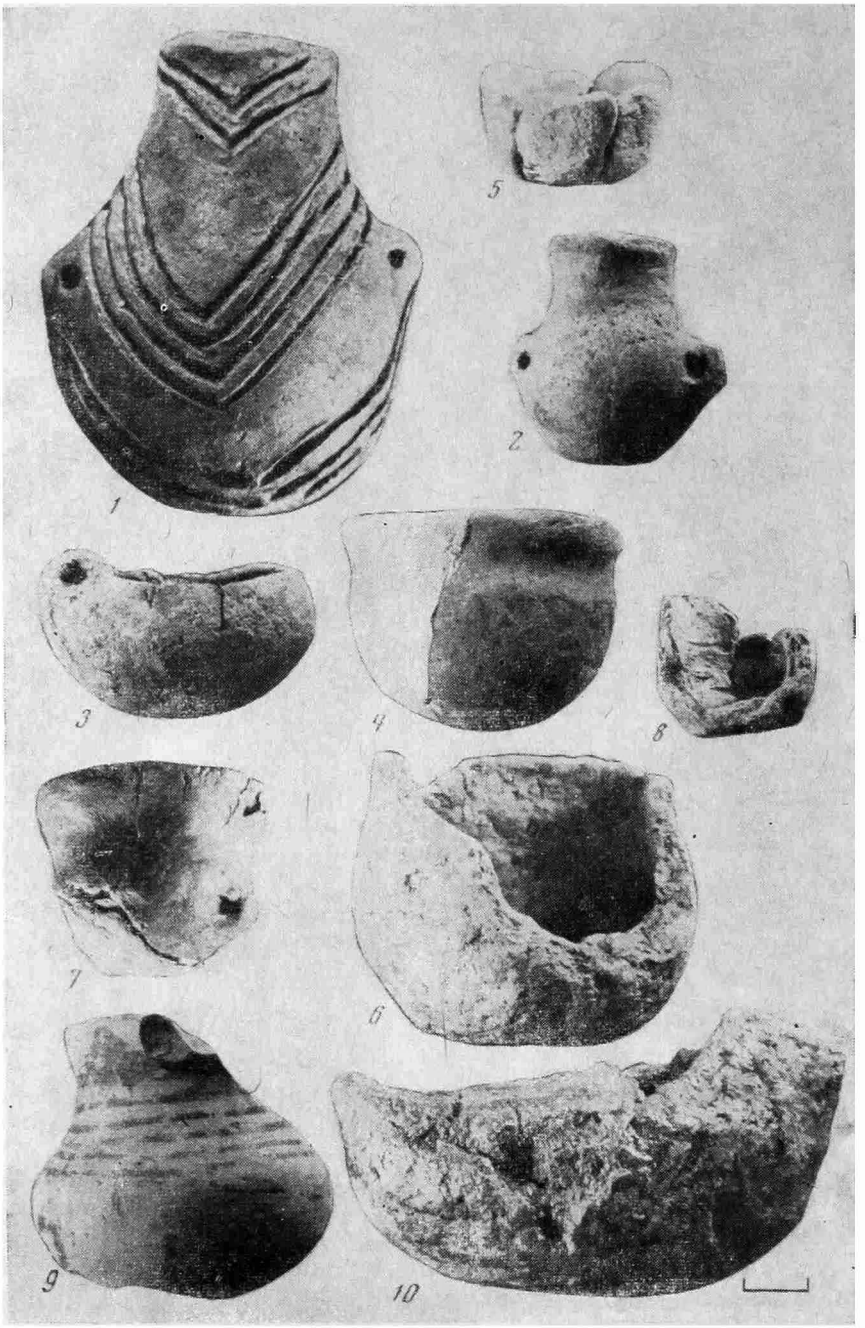


Рис. 8. Детские игрушки

1,25 *м* от современной поверхности и 2,53 *м* от нулевой отметки; жилище ориентировано с юго-запада на северо-восток.

Контуры жилища хорошо прослеживаются по оставшимся со всех его сторон камням, которые использовались в качестве подпорок под столбы несущей конструкции. В жилище хорошо сохранившийся под печи (рис. 2, *в*).

Непосредственно на поде находился биноклевидный сосуд с углубленным орнаментом (рис. 7, *5*), костяное лощило (рис. 6,*1*), кости животных, обломки керамики и много угля от сгоревшего дерева.

По представленному образцу угля, взятого из жилища № 7, радиоуг-

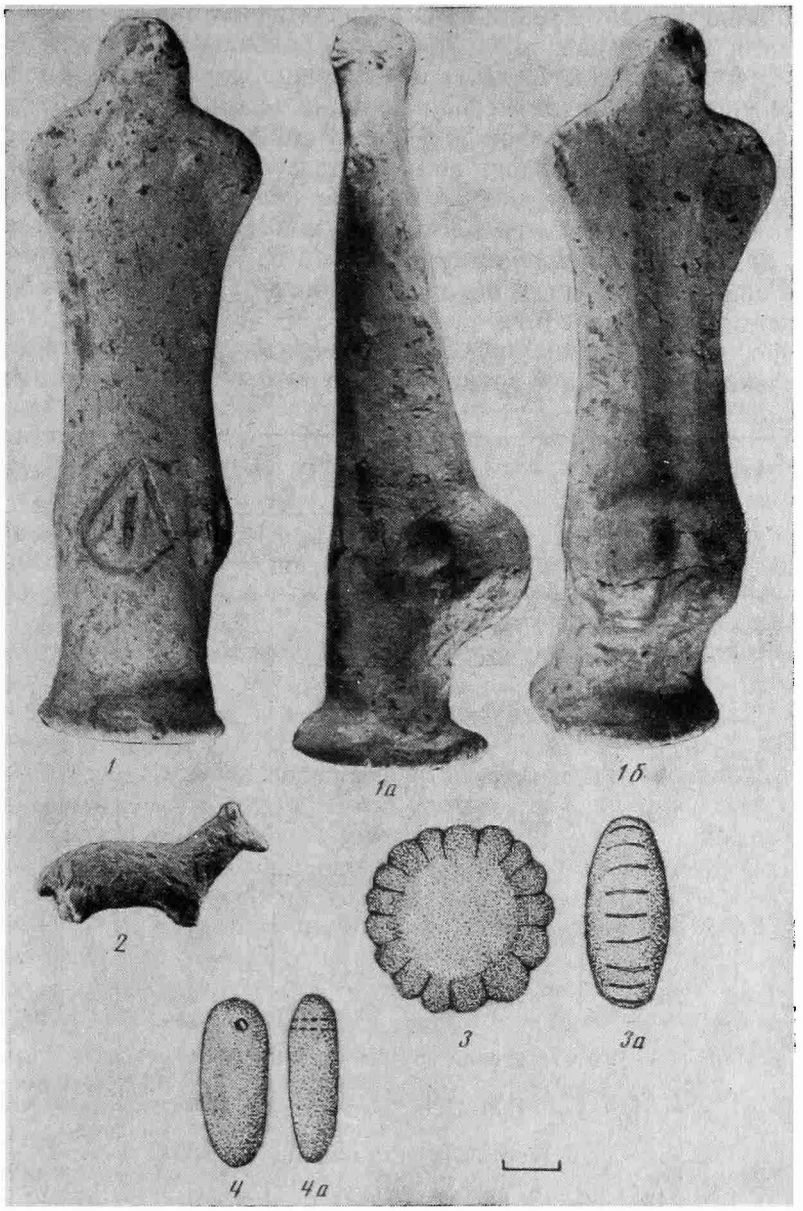


Рис. 9. *1, 1а, 1б* — антропоморфная пластика; *2* — зооморфная пластика; *3, 3а* — «хлебец»; *4, 4а* — подвеска

лородной лабораторией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР получена датировка 3150±50 лет до н. э.[7]

Весь керамический комплекс Клищевского населения составляет около 12 тыс. ед., в том числе: целых — 111, подлежащих реставрации и реконструкции — 2692.

Основные формы сосудов охарактеризованы на примерах жилищ № 10 и 11. Кроме углубленного спирального орнамента, залитого белой пастой (рис. 3, *5*), многие сосуды покрыты полихромной и бихромной росписью в виде горизонтальных и параллельных линий (рис. 5, *9*), треугольников (рис. 5, *1*), прямоугольников (рис. 4, *15*), ромбов (рис. 5, *5*), овалов (рис. 5, *7*), а также лепестков растений (рис. 4, *5*, *15*; рис. 5, *7—9*). В редких случаях встречаются сосуды, украшенные монохромной росписью.

По характеру назначения и использования выделяются следующие группы керамических изделий.

[7] Лабораторный индекс даты: ЛЕ — 1060.

1. Кухонная посуда — горшки, непосредственно предназначенные для приготовления пищи (рис. 3, *1*, *2*, *3*). 2. Столовая посуда, в том числе миски (рис. 4, *1*, *4*, *8*, *11*, *13*, *15*); и горшочки типа кубков (рис. 4, *3*, *5*, *7*, *9*). 3. Посуда для хранения сыпучих и жидких продуктов бытового назначения (рис. 3, *4*, *5*, *6*; рис. 5, *1—9*). 4. Миниатюрные сосуды, напоминающие форму больших сосудов, видимо, применявшихся для кормления детей. 5. Детские игрушки (рис. 8). 6. Биноклевидные изделия ритуального назначения (рис. 7). 7. Антропоморфная и зооморфная пластика (рис. 9, *1*, *1 а*, *1 б*, *2*). 8. Игральные фишки (конусики). 9. Ножки от моделей жилищ. 10. Разные единичные находки (небольшая подвеска, служившая для украшения, валики и др.).

Комплекс керамических изделий поселения свидетельствует об их большом разнообразии; дает возможность установить место памятника на

Жилище №	С углубленным орнаментом	С полихромной росписью	С монохромной росписью	Каннелированные	Кухонные
		Первая группа жилищ			
1	35	12		21	31
2	36	18		16	30
3	56	20			24
4	41	20		10	29
5	37	10		9	44
6	35	26		10	29
		В итоге первая группа жилищ дает:			
	42%	18%		10%	30%
		Вторая группа жилищ			
7	35	28	1	6	30
8	34	27	1	34	35
9	60	6		2	32
10	35,5	23	1	5	36,5
		В итоге вторая группа жилищ дает:			
	42%	21%		4%	33%
		Третья группа жилищ			
11	**18**	68	6	1	20

историческом фоне хронологии всего Триполья, а также указывает на специфические этнографические особенности трипольской культуры на этапе В/I—В/II в районе бассейна среднего течения Южного Буга.

Наиболее наглядную картину представляют техника изготовления, орнаментация и назначение каждого вида посуды. Анализ орнамента на керамике из 11 исследованных жилищ (с учетом выявленных трех районов заселения поселения), как основного для датировки памятника, дал следующую картину (в процентном отношении), см. таблицу.

Таким образом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в первых двух жилых комплексах поселения Клищев (жилище 1—6, 7—10) керамические изделия со спирально-ленточным углубленным орнаментом составляют 42%, покрытые двух- и трехцветной росписью — 18%, монохромной — 1%, каннелюрами — 8%, кухонной — 31%.

Керамические изделия третьего жилищного комплекса представляют несколько иную картину: со спирально-ленточным углубленным орнаментом — 18%, покрытые двух- и трехцветной росписью — 55%, монохромной — 6%, каннелюрами — 1%, кухонной — 20%.

Несмотря на некоторые различия в орнаментации керамического инвентаря по жилищным комплексам, в конечном итоге поселение в целом относится ко времени B/I—B/II и синхронно памятникам Кукутени А — В в Румынии, Залещики, Солончены II, Поливанов Яр II — в Поднестровье, Пьянешково на Побужье и Веремье, Шкаровка в Поднепровье [8].

На Клищевском поселении обнаружено 437 орудий: нуклеусов — 6, отбойников — 22, отжимников — 4, ножевидных пластинок — 44, вкладышей к серпам — 21 (рис. 6, *8*, *10*, *12—14*), скребков на пластинах и отщепах — 43, кремневых проколок — 6, наконечников стрел — 12, резцов — 2, кремневых топоров — 3, зернотерок — 35, растиральников — 30, грузил — 1, оттяжек от ткацкого станка — 3.

Орудия из кости представлены 12 экземплярами, в том числе двумя шильями (рис. 6, *2*, *4*), тремя проколками (рис. 6, *11*), тремя лощилами (рис. 6, *1*, *3*).

На поселении найдено четыре изделия из меди. Несмотря на малочисленность, можно отметить их разновидности. Прежде всего необходимо указать на медное четырехгранное шило (жилище № 10) длиной 5,8 *см* со следами небрежной ковки (рис. 6, *5*). В жилище № 4 найдено другое медное шило длиной 3,6 *см* со сплющенным нерабочим концом (рис. 6, *15*), а в жилище № 10 такое же шило длиной 3,1 *см* с утолщенным нерабочим концом (рис. 6, *7*) — для их закрепления в рукоятках. В жилище № 2 (рис. 6, *6*) обнаружена медная булавка с петлеобразной головкой.

Аналогии четырехгранным шильям и булавкам встречаются часто в раннетрипольских поселениях в Сабатиновке, Луке Врублевецкой, Хабешешти, а также в Фрумушика, Новые Русешты [9] и др.

Для характеристики хозяйства значительный интерес представляет обнаруженный остеологический материал. Всего собрано 1395 фрагментов костей млекопитающих, определение которых проведено научными сотрудниками Института зоологии АН УССР В. И. Свистуном и К. В. Капелисти. Определено 210 животных, в том числе домашних — 160 (75,5%) и диких — 51 (24,5%). Костей: домашних животных — 1210 (90,7%), диких животных — 125 (9,3%).

	Число костей	Число особей
1. Домашние животные:		
Домашний бык (Bos taurus)	255	34
Овца и коза (Capra vel Ovis)	119	13
Свинья домашняя (Sus domestica)	893	110
Лошадь (Equus caballus)	3	2
Собака (Canis familiaris)	4	1
2. Дикие животные:		
Лось (Alces alces)	1	1
Олень благородный (Cervus elaphus)	65	14
Косуля (Capreolus capreolus)	11	7
Свинья дикая (Sus scrofa)	6	3
Волк (Canis lupus)	1	1
Медведь бурый (Ursus arctos)	1	1
Заяц (Lepus europaeus)	7	3
Бобр (Castor fiber)	6	4
Суслик (Citellus suslica)	1	1
Хомяк (Cricetus cricetus)	2	2
Слепыш (Spalax zemni)	1	1
Рыбы	3	3
Копытные	22	9

Из анализа соотношения домашних и диких млекопитающих четко вырисовывается незначительная роль охоты в хозяйстве поселения. На долю

[8] *Н. М. Виноградова.* Памятники переходного этапа Триполья BI — BII в Побужье и Поднепровье. КСИА АН СССР, 134, 1973, стр. 20—27.

[9] *Н. В. Рындина.* Древнейшее металлообрабатывающее производство восточной Европы. М., 1971, стр. 109—124; рис. 25, *1*, 27, *1*; рис. 27, *5*.

диких животных приходится всего 9,3% общего количества костей млекопитающих. По числу они составляют 24,5%.

И по количеству костей, и по числу особей домашние животные здесь составляют высокий процент, характерный для поселений развитого Триполья.

Из сельскохозяйственных животных на поселении разводились все основные виды — домашний бык, овца, коза, свинья, лошадь. В фауне домашних животных поселения Клищев бросается в глаза высокий процент костей домашних свиней (77,8%), а по числу особей — 68,7%, костей быка — 21%, по количеству особей — 20,1%.

Абсолютное преобладание остатков сельскохозяйственных животных дает картину хорошо развитого животноводства, как одной из основных отраслей хозяйства у жителей древнего поселения.

Свинья имела большое значение в мясном балансе населения.

Принимая во внимание долю участия в сельскохозяйственном производстве и весовые категории каждого из видов сельскохозяйственных животных, на первом месте следует поставить быка, затем свинью и мелкий рогатый скот [10].

Одним из важных вопросов в исследовании памятника Клищев является изучение идеологических представлений трипольцев. Археологический материал поселения дал дополнительные возможности для более глубокого изучения мировоззрения раннеземледельческих племен.

Прежде всего обращает на себя внимание наличие большого количества обнаруженных биноклевидных бездонных изделий (135 единиц). В археологической литературе высказано много различных гипотез о назначении этих керамических изделий.

В процессе раскопок поселения Журы в Молдавии на Днестре на глиняной площадке было найдено биноклевидное изделие. В одном раструбе его находилось несколько десятков кремневых чешуек и кремневая стрелка. Не вызывает сомнения преднамеренность помещения их в полый раструб. Биноклевидное изделие стояло у печи и было оставлено нетронутым в тот момент, когда жилище было покинуто. Надо думать, что сам «бинокль» предназначался для каких-то ритуальных функций, быть может, связанных с культом охраны жилья, с почитанием кремня, как защитника от бед [11].

Б. А. Рыбаков, изучая идеологические представления трипольцев, высказал интересную мысль о том, что биноклевидные изделия, использовались при обряде «поения» земли [12].

Биноклевидные изделия с коническими верхними чашами, цилиндрической средней частью, соединены между собой перемычками, по своей орнаментации делятся на три группы: с углубленным прочерченным орнаментом, неорнаментированные, с моно- и полихромной росписью (рис. 7, *1—8*).

Наиболее четкую и глубоко прочерченную линию мы прослеживаем на цилиндрической части крупного толстостенного бинокля (рис. 7, *5*) из жилища № 7. Аналогия этому сосуду прослеживается на раннетрипольском поселении Печора Винницкой области, расположенного к югу, в 20 *км* от поселения Клищев [13].

Биноклевидные изделия (судя по количеству) у жителей трипольского поселения играли важную роль в совершении обрядов.

---

[10] Автор выражает благодарность В. И. Бибиковой, оказавшей помощь в классификации остеологического материала.

[11] *С. Н. Бибиков.* Археологические раскопки у поселений Попенки и Журы на Днестре в 1952 г. КСИА АН СССР, 56, 1954, стр. 104—110.

[12] *Б. А. Рыбаков.* Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, 2, стр. 16—17.

[13] *Е. К. Черныш.* Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. стр. 168, 172 (рис. 5, *5*).

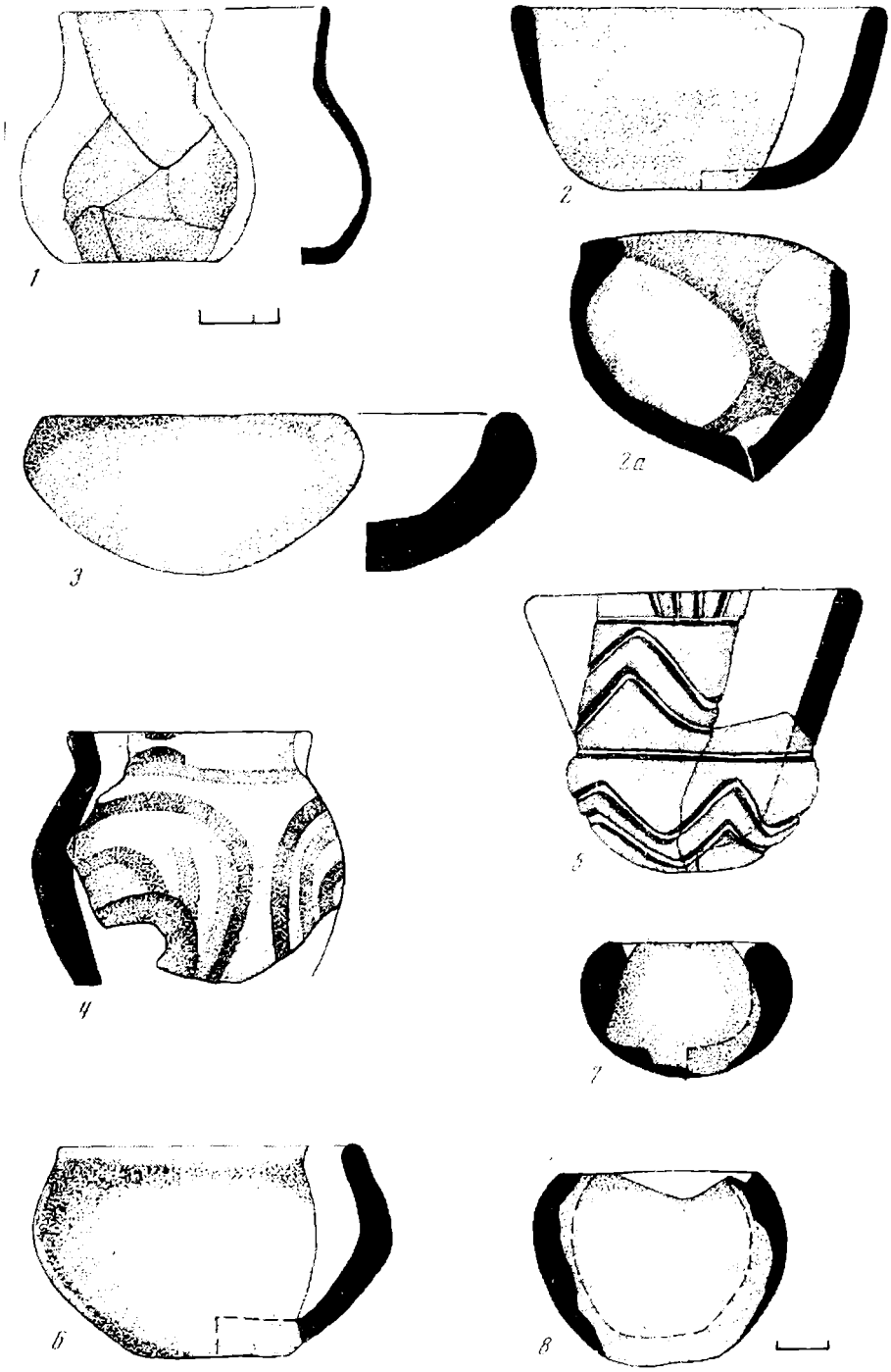


Рис. 10. Миниатюрные сосуды

Одним из видов керамических изделий, предназначенных для духовного воспитания, были детские игрушки. К ним относятся находки миниатюрных сосудиков типа погремушек, чашечек (рис. 8, *1—10*; рис. 10).

Детские игрушки обнаружены в каждом исследованном жилище. На поселении нами обнаружено 23 игрушки (высотой от 2 до 5 *см*) и до 90 миниатюрных сосудиков такого же типа (высотой от 5 до 12 *см*) (рис. 10).

Эти сосудики выполнены в виде тазиков, чашечек, горшочков, тарелочек, миниатюрных амфор.

Наиболее интересными являются находки двух целых и трех разбитых погремушек (рис. 8, *1*, *2*). Небольшие глиняные погремушки были в свое время обнаружены при раскопках у с. Бодаки на Волыни, на раннетрипольских поселениях Солончены I, а также в Луке Врублевецкой и позднетрипольском поселении у с. Выхватинцы [14].

На поселении Пьянешково в 1911 г. М. Гимнером также была обнаружена погремушка.

Во второй камере жилища № 2 между глинобитным корытообразным углублением и печью находилась погремушка (высота 3,5 *см*, диаметр 3 *см*) с двумя горизонтальными ушками, неорнаментированная (рис. 8, *2*), полая внутри, там находятся небольшие камушки, которые при встряхивании гремят. Аналогии погремушке на других поселениях неизвестны.

В жилище № 10, в первой камере, также вблизи печи обнаружена сравнительно большая погремушка с двумя горизонтальными ушками по тулову (высота 7,5 *см*, диаметр 6 *см*, рис. 8, *1*). Внутри этой погремушки, в отличие от погремушки, найденной в жилище № 2, оставлены глиняные комки, горошинки. Вся поверхность погремушки покрыта углубленным прочерченным орнаментом со следами белой пасты. Верхняя часть погремушки плотно закрыта крышечкой, которая украшена углубленной спиралью, а по всему тулову нанесен углубленный орнамент в виде замкнутых уголков, расположенных по обеим ее сторонам, придающим игрушке красивую форму. Детальное изучение этой композиции создает интересное впечатление; все углубления как бы расположены в четырех направлениях, а две ручки сосуда, расположенные диаметрально противоположно, образуют центры двух композиций. Погремушка подвешивалась, в результате частого встряхивания детской рукой она носит следы залощенности с одной из сторон. Создается впечатление, что ребенок забавлялся этой погремушкой, находясь в колыбели.

Некоторую аналогию по форме этой погремушке находим на поселении Пьянешково [15].

Во втором жилище рядом с погремушкой (рис. 8, *2*) находились небольшой глиняный валик, целая глиняная чашечка с ушками по венчику (рис. 8, *3*), небольшое глиняное изделие, напоминающее стаканчик (рис. 8, *8*) и еще две чашечки без ушек. Размеры этих изделий от 2 до 4 *см* по высоте и диаметру.

В этом же жилище находился фрагментированный горшочек (высотой и диаметром 5 *см*), украшенный красной росписью по венчику в виде двух групп горизонтальных линий, соединенных между собой параллельно спускающимися вертикальными линиями.

В жилище № 11 обнаружено 11 фрагментов детских игрушек, часть из которых представлена на рис. 8, *4*, *5*. Их высота от 1 до 4 *см*, диаметр от 2 до 5 *см*, некоторые из них украшены монохромной росписью.

Обращает внимание фрагментированная чашечка с одним ушком и вытянутым кнаружи венчиком из жилища № 5, высотой 2 *см*, диаметром 3,5 *см* (рис. 8, *7*).

Интересен по своей форме и орнаменту миниатюрный горшочек из жилища № 1 (высота и диаметр 4,5 *см*), тонкостенный, с тщательно отделанной внутренней и внешней поверхностями, покрытыми ангобом светло-желтого цвета, по которому на внешней стороне нанесена роспись в виде горизонтальных линий, а по венчику — изображена широкая извилистая линия, создающая на незакрашенной части венчика гирлянды полукругов (рис. 8, *9*).

В жилище № 1 находился также фрагментированный горшочек, высота и диаметр которого 6 *см*, толстостенный (0,7 *мм*), с ушком по венчику, по тулову нанесен орнамент коричневой краской в виде полукругов.

[14] *Т. С. Пассек.* Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИА АН СССР, 56, 1954, стр. 92—94.

[15] *M. Himner.* Op. cit. planche, XXIX, 1.

К категории уникальных относится находка единственного керамического изделия типа «башмачка» (высота 4,5 *см*, диаметр 7,5 *см*), обнаруженного у стенки печи жилища № 4 (рис. 8, *10*). Не исключено, что «башмачок» использовался в качестве детской игрушки.

К группе детских игрушек относится небольшой глиняный «хлебец» размером: Н — 0,8 *см*, D — 4 *см* (жил. № 1, рис. 9, *3—3а*).

Все детские игрушки изготовлены из хорошо просеянной глины с примесью мелкого песка. Некоторая часть игрушек слеплена из простого замеса природной глины, что не исключает возможности изготовления их детьми.

На поселении, по сравнению с другими видами керамических изделий, скульптура представлена незначительным количеством: 15 экземпляров женских статуэток и две зооморфных находки (рис. 9, *2*). Интересна целая статуэтка (высота 13 *см*) со стилизованной головкой, изящно отделанной спинкой, поставленная на подставку в виде пьедестала (рис. 9, *1—1б*). Вся скульптура изготовлена из хорошо просеянной глины с примесью мельчайшего песка, слюды и мелких зернышек злаковых.

Представляют также интерес единичные находки — это небольшая глиняная подвеска, служившая для украшения (рис. 9, *4*, *4а*), а также отдельные фрагменты: ножки от моделей жилищ и игральные фишки.

Поселение Клищев имеет исключительно важное значение для характеристики развитого Триполья на Южном Буге. Оно относится ко времени этапа В/I—В/II и синхронно с памятниками Кукутени А — В [16]. Аналогии в керамических изделиях прослеживаются в материалах трипольских памятников Залещики [17], Поливанов Яр II [18], Солончены II [19], Незвисько [20], Журы [21] — на Днестре, Коломийщина II [22], Веремье, Щербаневка, Триполье («Культура А» Хвойко) [23] — на Днепре и Владимировка [24], Пьянешково [25] — на Южном Буге.

В архитектуре жилых комплексов наблюдается сочетание фундаментальных глинобитных жилищ с пристроечными помещениями типа легких кладовок.

Характерно наличие земляных полов, слегка покрытых тонким слоем глиняной обмазки, а не «площадок».

В жилищах обнаружены печи особых конструкций: с коробовым сводом и дымоходом.

Керамические изделия также имеют характерные черты: это наличие, во-первых, больших сосудов для хранения зерна, во-вторых, больших амфоровидных сосудов и, в-третьих, большого количества (более одной сотни) миниатюрных сосудиков, которые, безусловно, использовались в качестве детских игрушек.

---

[16] *H. Dumitrescu.* La station prehistorique de Ruginoasa. Dacia, III—IV, Bucureşti, 1933, p. 56—87.

[17] *Ю. Полянский.* Нові археологічні знахідки в Галичині. Записки Наукового товариства ім. Шевченка. 1937, 149, стр. 17—19; *О. Кондиба.* Досліди на Галицькому Поділлі в 1928—1929 рр., там же, 154, стр. 1—4.

[18] *Т. С. Пассек.* Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, XXXVII, 1951. *Т. Л. Попова.* Древние земледельцы Среднего Поднепровья в IV — III тысячелетиях до н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1972, стр. 3—20.

[19] *Т. Г. Мовша.* Многослойное трипольское поселение Солончены II. КСИА, 105, 1965, стр. 91—100.

[20] *Е. К. Черныш.* Поселение трипольской культуры в с. Незвисько. МИА, 102, 1962, стр. 35, 37.

[21] *С. Н. Бибиков.* Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году. КСИА, 56, стр. 104—110.

[22] *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 55—79.

[23] *В. В. Хвойко.* Каменный век Среднего Приднепровья, Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г., т. I, стр. 803—810.

[24] *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений, стр. 79—108.

[25] *M. Himner.* Op. cit.

I. I. Zaets

KLICHTCHEV — VILLAGE TRIPOLIEN SUR LE BOUG MERIDIONAL (B/I — B/II)

Résumé

Le village de Klichtchev occupe chronologiquement la période intermédiaire entre les étapes B/I — B/II de Tripolié (Cucuteni A — B) sur le Boug méridional. Les recherches de plusieures années effectuées sur ce site ont fourni à l'auteur les données sur la planification du village, certaines particularités de la construction de maison (l'existence des fours voutés munis d'un conduit de fumée, des planchers en terre battue enduits d'une mince couche d'argile etc). Le mobilier céramique varié est présenté par deux groupes importants: à décor incisé (35%) et récipients peints, à la peinture polychrome et bichrome par excellence (60%). A part cela sont mises au jour les poteries à cannelures (5%) aussi bien qu'un grand nombre de poteries minuscules, fabriquées dans le village et servant de jouets. Le matériel provenant du village de Klichtchev permet de mettre en lumière les traits caractéristiques importants de la culture d'un village du Boug méridional lors d'une des plus intéressantes étapes dans l'évolution des tribus tripoliennes (B/I — B/II).

А. К. КОРОВИНА

КУРГАН МЕЖЛИМАННЫЙ

В 1971 г. Гермонасской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, работавшей в станице Таманской, было предложено провести раскопки кургана, расположенного на виноградном поле совхоза «Янтарь»[1]. На топографических картах курган назван Межлиманным, так как находился между Цокурским лиманом и Соленым озером в 20 *км* к юго-востоку от станицы Таманской и в 5 *км* к западу от пос. Веселовка.

Курган имел около 6 *м* высоты и 45 *м* в диаметре (наибольший с севера на юг), его поверхность не имела следов старых раскопов, потревожена была только северо-западная пола, где находилась глубокая яма от огневой точки, и от нее в стороны шли ходы — окопы, не задевшие погребений кургана. На вершине кургана приблизительно на глубину до 2 *м* грунт был нарушен при постройке триангуляционного знака (рис. 1, 2). Раскопки проводились двумя бульдозерами на основании методики, примененной нами при исследовании большой группы курганов в 1960 г. в окрестностях Фанагории[2], согласно которой при снятии насыпи оставлялись бровки для определения стратиграфии насыпи (рис. 3).

Вначале выборка грунта проводилась только в западной половине кургана. На глубине около 6 *м* был открыт каменный завал, перекрывавший центральную гробницу и частично уходящий под восточную половину насыпи. После соответствующей фиксации профиля снята полоса грунта шириной 8 *м*, чтобы иметь возможность целиком зачистить центральную гробницу. Сверху она была засыпана плитняком (рис. 4), в изобилии встречающимся на побережье Черного моря в районе от Соленого озера до м. Панагии («Железный рог»). Для строительных целей он не годится, так как ломается на мелкие и тонкие пластинки, в древности употреблялся при сооружении гробниц.

Этот каменный завал над центральным погребением кургана занимал площадь 3,80 *м* (с запада на восток) на 3,30 *м* (с севера на юг) (рис. 4). Толщина завала местами достигала 30—40 *см*. Под завалом оказалась гробница (могила 2), построенная из огромных бревен с двойным деревянным накатом сверху и с полом из тонких досок (рис. 5). Как показали раскопки, для сооружения этой гробницы в материке был вырыт большой котлован длиной 3,66 *м* (с запада на восток), шириной — 3 *м* (с севера на юг). В разрезе кургана хорошо видны очертания выкида из ямы, присыпанные морской травой (камкой), от которой сохранился тонкий слой беловатого тлена. Дно котлована засыпано гравием с песком толщиной 10—15 *см*. На нем и была сооружена гробница. Она представляла собой

[1] Курган находился в центре виноградника и являлся источником засорения его сорняками, поэтому дирекция совхоза настаивала на его раскопках.

[2] Работы проводились группой археологов Института археологии АН СССР и ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством М. М. Кобылиной. Два кургана этой группы изданы. *А. К. Коровина.* Обряд кремации в Фанагорийском кургане № 3. ЗОАО, т. II (35), 1967, стр. 203 сл.; *ее же.* К вопросу о памятниках эпохи бронзы на Таманском полуострове. Сообщения ГМИИ, II, 1964.

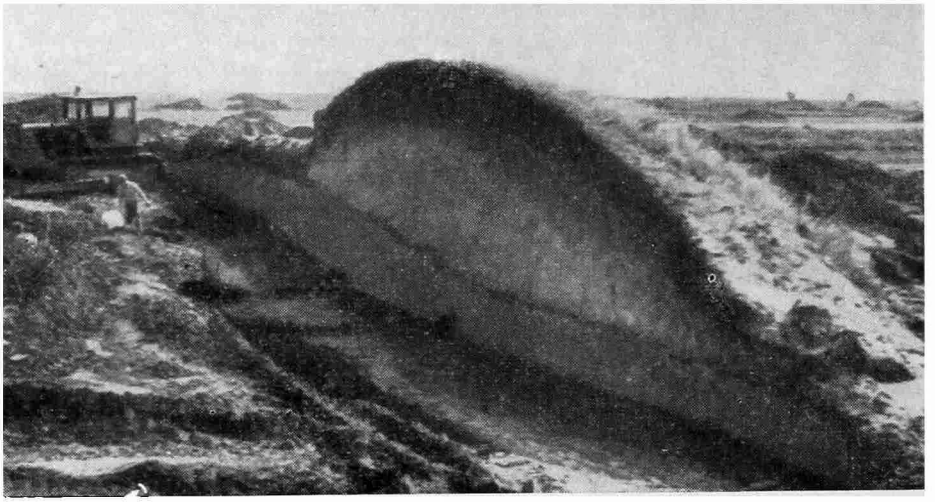


Рис. 1. Ядро кургана

сруб в три венца, продольные бревна на концах имели глубокие пазы трапецевидной формы, в которые вставлены поперечные плахи; при этом пустоты в пазах были заложены клиньями. Бревна хорошо подогнаны друг к другу, тщательно обработаны инструментом, ширина рабочей части которого равнялась 4—5 *см*. В разрезе погребальное сооружение имело форму усеченной пирамиды с основанием 1,53 *м*, верх —1,15—1,17 *м*. В продольном разрезе также прослеживался небольшой наклон стенок, так что длина у основания гробницы составляла 2,53 *м*, в верхней части — 2,28 *м*. В накате и в самом срубе прослежено две породы дерева. По определению Г. Н. Лисицыной, одна — можжевельник и вторая — секвойя. Последнее мало вероятно, так как в Европу секвойя попадает значительно позже. Скорее всего это была лиственница, но этот вопрос требует дополнительной доработки [3].

На глубине 1 *м* — 0,98 *м* от края сруба пол гробницы был выстлан тонкими плоскими досками толщиной 3—5 *см*, шириной от 14 до 28 *см*, длина их равнялась ширине гробницы. Сохранность досок пола очень плохая, они с трудом были зачищены. На полу кое-где прослежены пятна — темно-коричневого тлена, а также незначительные обломки обгорелых костей животных. Никаких признаков захоронения обнаружено не было. Все это монументальное сооружение было перекрыто двойным накатом бревен и сверху и по бокам засыпано камнем. Местами накат прогнил и осел в гробницу. Такие провалы наблюдались в двух местах при зачистке каменного завала, но следов ограбления могилы при снятии грунта обнаружено не было. В слое, перекрывающем гробницу, не было найдено ни одного обломка керамики или костей, которые указывали бы на нарушения насыпи кургана. Кроме того, в профиле кургана не видно ни одного нарушения древней насыпи. Это дает нам основание предположить, что центральная гробница кургана была кенотафом. Подобные случаи сооружения кенотафов известны не только в Греции, но и на территории Северного Причерноморья [4].

Очевидно, после сооружения гробницы была совершена погребальная трапеза в память умершего на чужбине, во время которой приносились

---

[3] Выражаю искреннюю благодарность Г. Н. Лисицыной за определение пород дерева.

[4] *Э. Ф. Патокова.* Обряд погребений усатовских курганных могильников (по материалам раскопок 1926—1962 гг.). ЗОАО, т. II (35), Одесса, 1967, стр. 19.

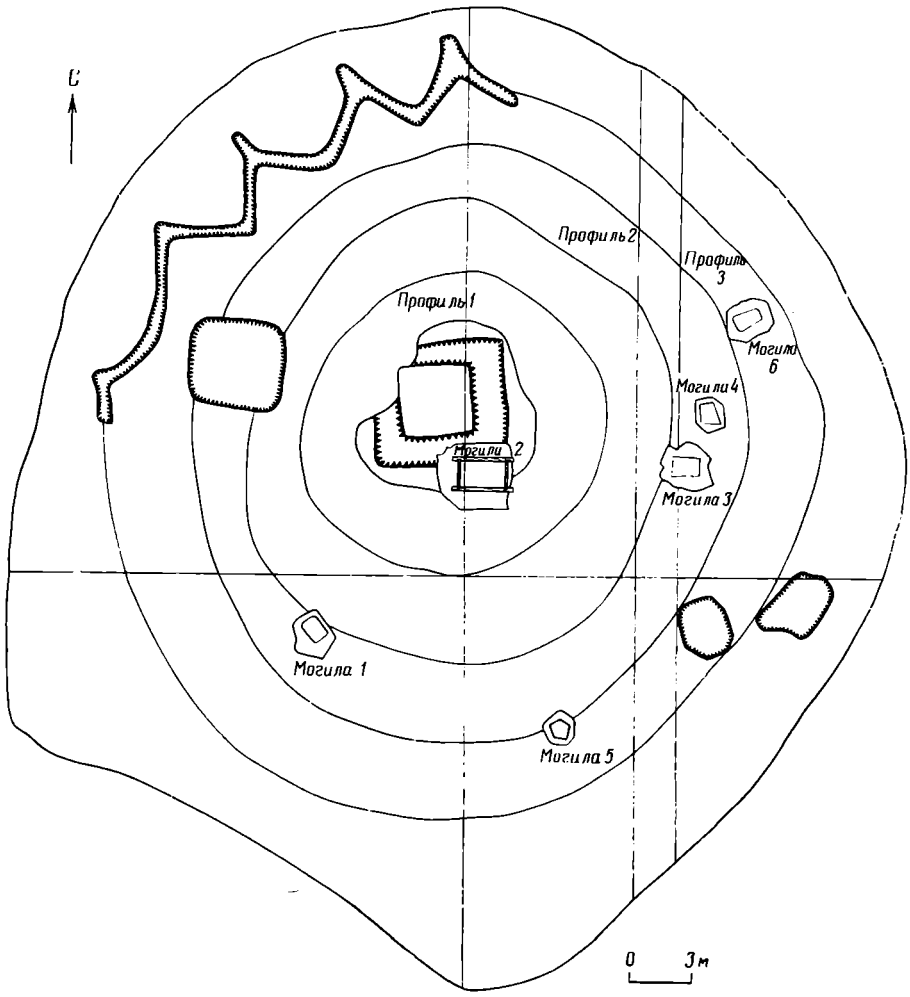


Рис. 2. План кургана

жертвы; в данном случае, судя по костным остаткам животных, остатки кострища, сложенные на войлочную подстилку, были положены в гробницу, после чего сруб перекрыли двойным накатом бревен и засыпали камнем. Судя по разрезу, этот курган специально сооружался над центральной гробницей, его первоначальный диаметр 22,5 *м*.

Вокруг центрального захоронения в восточной, южной и юго-западной полах кургана были открыты пять детских погребений (рис. 2). Могилы были сооружены из дикарного плитняка на поверхности погребенной почвы, после чего курган специально досыпался. К вопросу о датировке этих могил и кургана в целом, а также о взаимосвязи всех погребений мы вернемся в конце.

Могила 1 открыта в юго-западной поле кургана на расстоянии 10 *м* от центра[5] и на глубине 4,84 *м* от 0-точки. Сверху могила была засыпана мелким и средним камнем — плитняком железистого цвета, занимая площадь 1,70×1,60 *м* (рис. 6, *1*, *2*). В центре под слоем камня лежали деревянные плахи, от которых сохранились лишь отдельные куски по краям могилы, ниже находился еще слой дерева и камня. Этот слой перекрытия имел толщину около 0,30 *м*. Под ним был открыт помост из аккуратно уложенного плитняка, представлявший собой ровную площадку размером 1,10×0,94 *м*, окруженную каменной оградой высотой до 0,53—1,55 *м*. Все

[5] За центр кургана принята точка «0», от которой идет измерение расстояний и глубины.

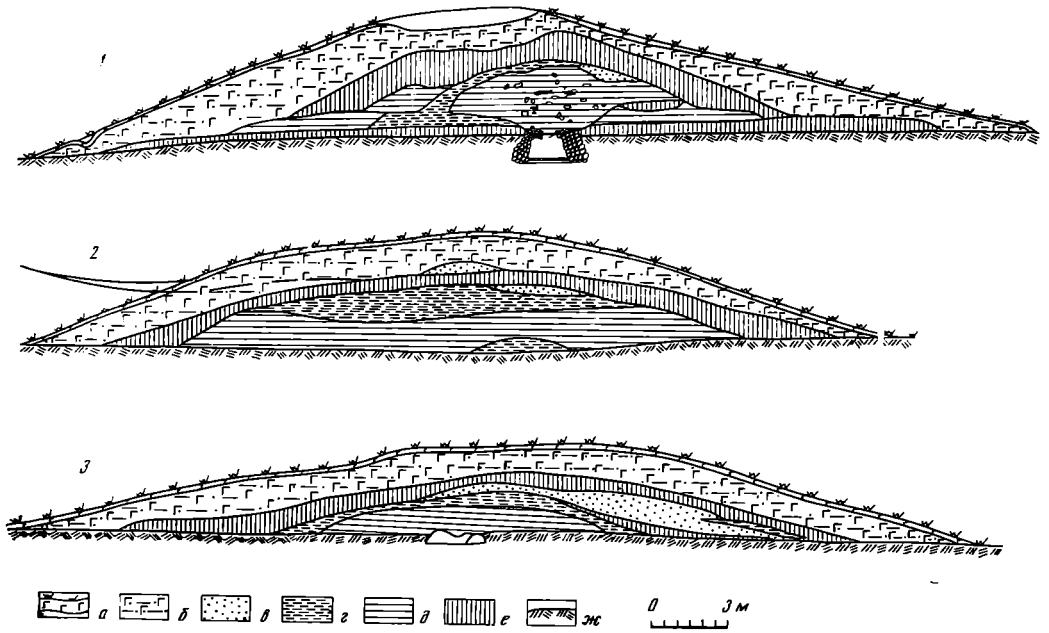


Рис. 3. Профили кургана

1 — разрез по центру через могилу 2; *2* — на 8 *м* восточнее центрального разреза; *3* — на 2 *м* восточнее профиля: *а* — дерн, *б* — гумированный суглинок, *в* — песок, *г* — глина, *д* — суглинок, *е* — супесь, *ж* — материк

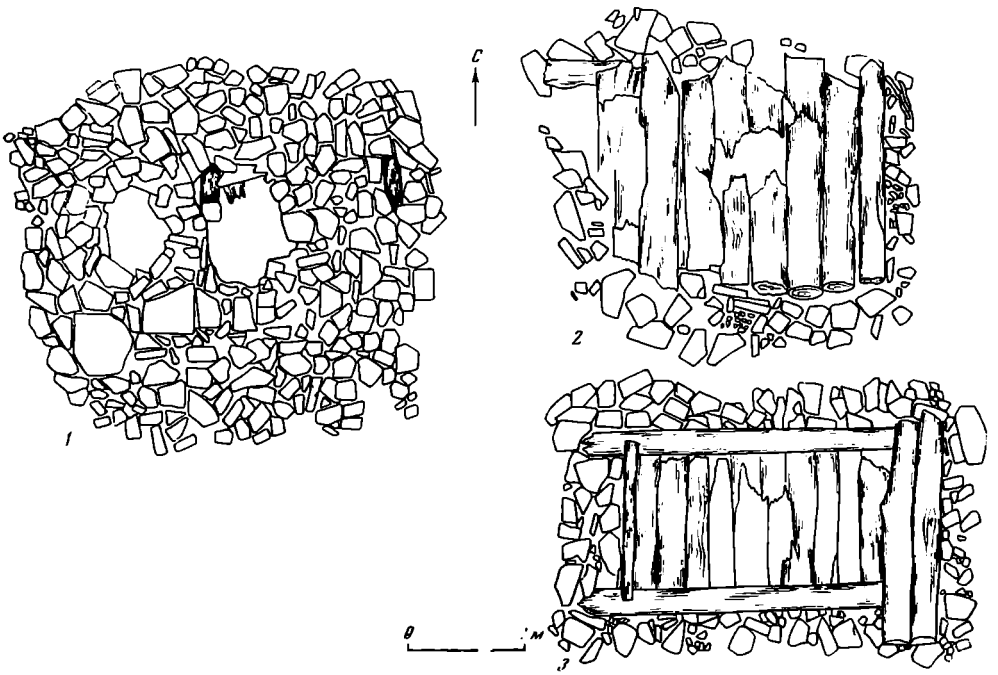
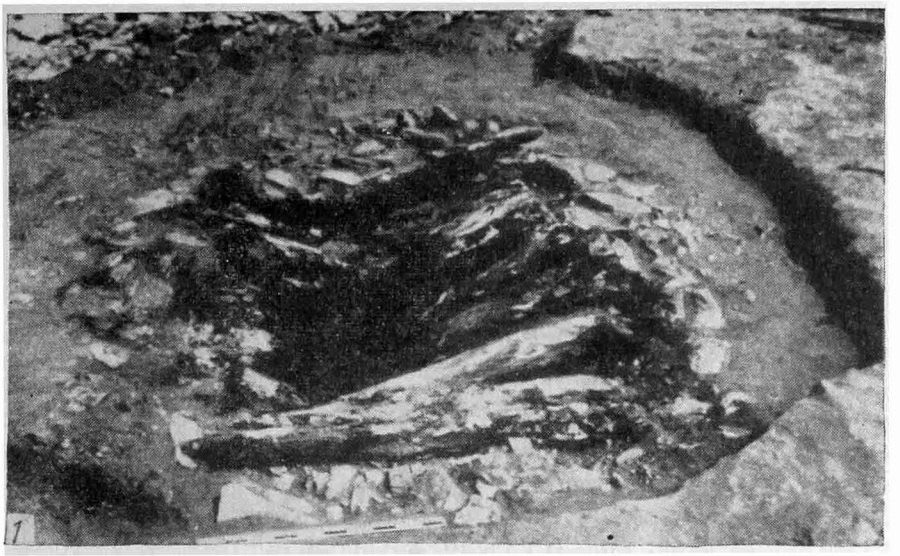
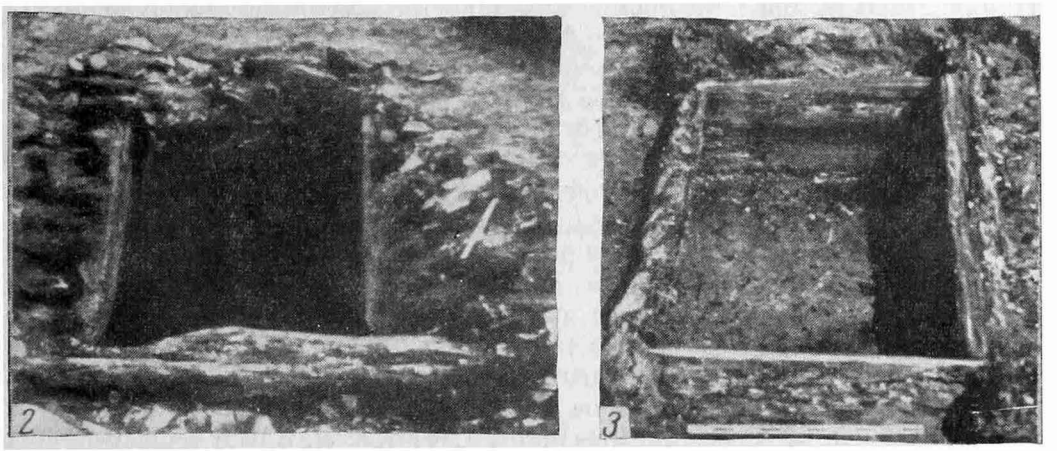


Рис. 4. Могила 2 — центральная гробница

***1* — план каменного завала; *2* — деревянный накат; *3* — настил пола**





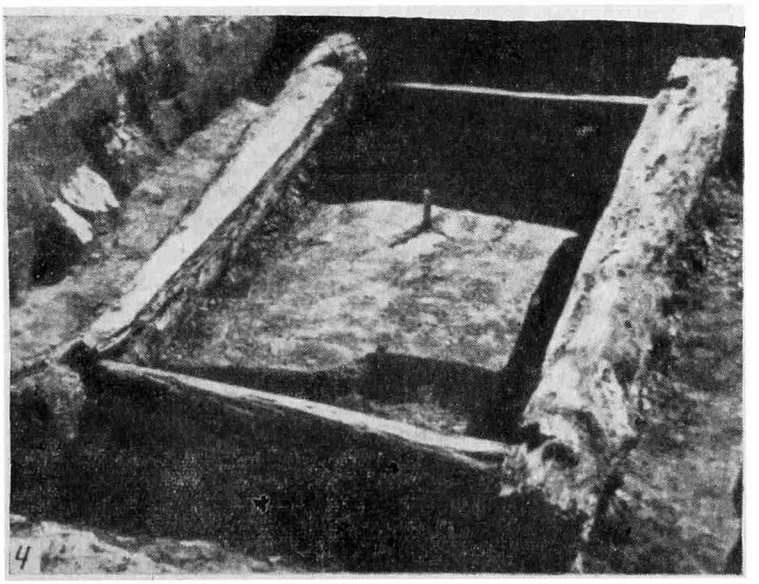


Рис. 5. Центральная гробница

1 — деревянный накат; *2* — сруб после снятия наката; *3* — сруб после зачистки бревен с наружной стороны; *4* — нижний венец сруба

погребальное сооружение было ориентировано с северо-запада на юго-восток. На помосте расчищены остатки двух детских скелетов, покрытых красной краской. Один из них, находившийся в северо-западной части могилы (длина 0,42 *м*), лежал на правом боку с поджатыми ногами, ориентирован головой на северо-запад. Юго-восточнее от него находились остатки еще одного скелета (длина 0,53 *м*), кости его черепа лежали на грудной клетке первого. Второй костяк сохранился слишком фрагментарно, чтобы судить о его положении. Очевидно, он лежал на спине, головой также к северо-западу. Около него были найдены два бараньих астрагала.

Могила 3 расположена в восточной поле кургана на расстоянии 9,25 *м* и на глубине 5,05 *м* от 0 -точки. По устройству могила близка предыдущей с той разницей, что от деревянного перекрытия прослежен только тлен. Так же, как и могила 1, она представляла собой каменный завал размером с востока на запад 2,5×2,30 *м*, под которым на плиточном помосте (размером 1,33×0,80 *м*) лежал детский скелет головой на запад на спине с поднятыми ногами, распавшимися в форме ромба. Длина костяка 0,75 *м* (рис. 7, *1*, *2*). Учитывая, что его ноги были поджаты, общая длина могла быть 1—1,05 *м*, очевидно, это было захоронение 5—6-летнего ребенка. Никаких вещей при нем, кроме двух раковин устриц, не обнаружено.

Могила 4 открыта на глубине 4,83 *м*, на расстоянии 10,25 *м* к востоку — северо-востоку от 0-точки. Каменный завал имел размеры: длину 1,60 *м* (с севера на юг), ширину — 1,34 *м*. В засыпи могилы прослежено дерево, от которого сохранился тлен. На глубине 5,54 *м* от 0-точки находилась каменная подстилка из плоских плиток прямоугольной формы длиной 1,30 *м* (с севера на юг), шириной 0,92 *м*. На ней лежал на спине детский скелет очень плохой сохранности, головой на север, с поднятыми ногами, которые, распавшись, образовали ромб (длина скелета 0,60 *м*) (рис. 7, *3*, *4*). Около черепа с правой стороны обнаружены кусочки красной краски, а около западного борта могилы и на шее ребенка — по обломку собачьей челюсти. Отдельные мелкие собачьи косточки были найдены в различных частях могилы. Наибольшая высота оградки могилы составляла 0,57 *м*[6].

Могила 5 открыта на глубине 5,32 *м* и на расстоянии 12 *м* к югу от 0-точки. Каменный завал имел размеры 1,46×1,42 *м*. Как и в предыдущих могилах, он состоял из небольших обломков плитняка (рис. 6, 8, *1*). Дно могилы было на глубине 5,56 *м*, а наибольшая высота каменной оградки достигает 0,30 *м*. Могила имеет длину 0,90 *м* (с востока на запад), ширину 0,84 *м*. На каменном помосте лежал скелет ребенка, очень плохо сохранившийся (кости ног отсутствовали), на спине, головой на запад. Длина сохранившейся части скелета 0,45 *м* (рис. 8, *3*). Около головы с левой стороны найдены кусочки реальгара, а около северной стенки — черноглиняный горшочек с налепами по бокам и сквозными отверстиями (для подвешивания), с орнаментом в виде зигзага по плечикам (высота сосуда 9,6 *см*) (рис. 9, *1*). Около горшочка найдена раковина устрицы и баранний астрагал, второй астрагал — лежал около южной стенки.

Могила 6 открыта на глубине 6,40 *м* и на расстоянии 14 *м* к северо-востоку от 0-точки. Каменный завал имел длину 2,07 *м*, ширину 1,70 *м* (с северо-востока на юго-запад). Глубина до пола могилы 6,96 *м* (от 0-точки), а наибольшая высота оградки или стенки 0,56 *м*. Кое-где сохранились остатки деревянных перекрытий в виде тлена. Могила имела длину 1,30 *м*, ширину 0,80 *м*; в отличие от других могил в центре ее не было каменных плит или «помоста», плиты выступали только по краям; в могиле три детских костяка лежали прямо на земле, очевидно, на подстилке, от которой кое-где сохранились корпчневые пятна тлена (рис. 8, *2*). В юго-восточной половине и в середине могилы удалось зачистить два скелета, сохранившиеся частично. Они лежали головой на северо-восток, на спине; длина

[6] Ни в одной могиле высота оградки не может быть реальной, так как плитняк положен без связующего раствора, а поэтому во время расчистки сохранить in situ все камни оградки практически невозможно.

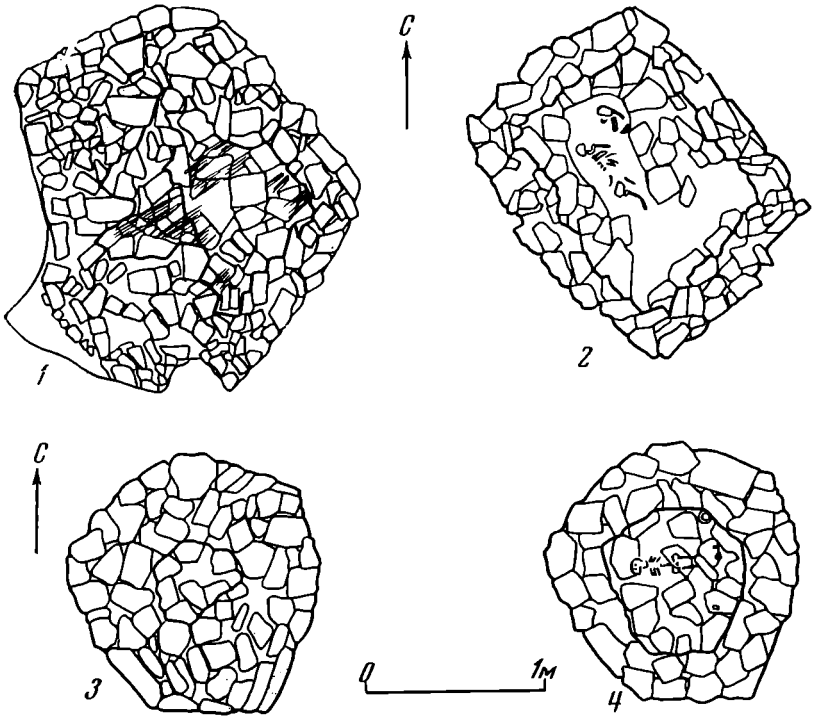


Рис. 6. Планы могил 1, 5

1, 2 — могила 1 до и после расчистки; *3, 4* — могила 5 до и после расчистки

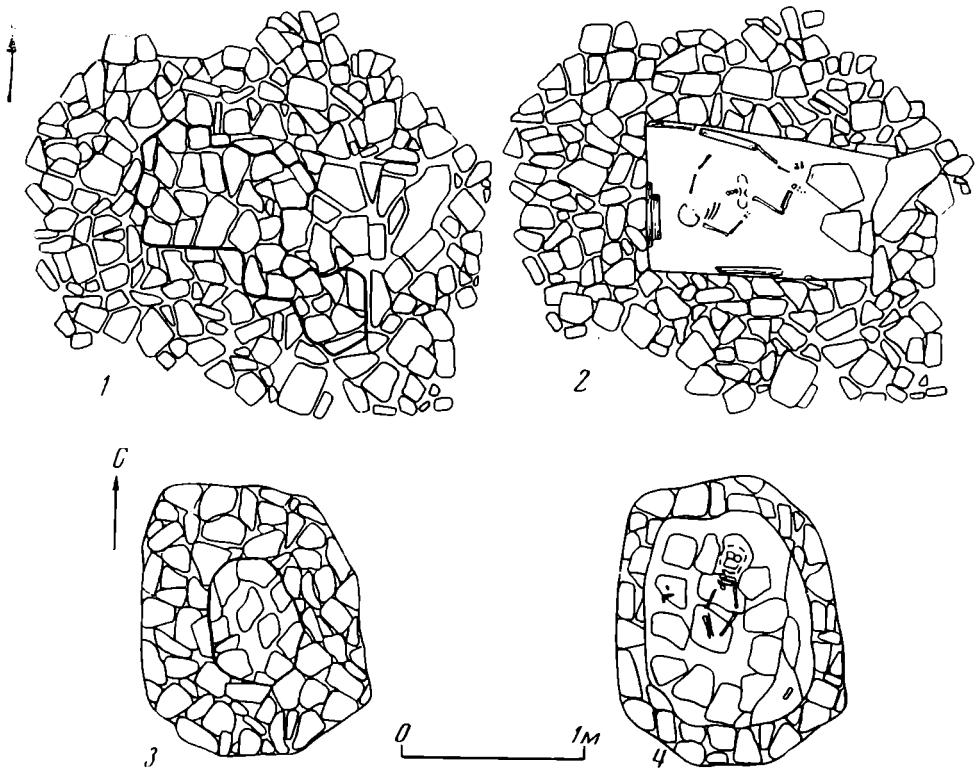


Рис. 7. Планы могил 3, 4

1, 2 — могила 3 до и после расчистки; *3, 4* — могила 4 до и после расчистки

костяка, расположенного около юго-восточного борта около 0,80 *м* (до колен). Очевидно, это был скелет 4—5-летнего ребенка. Рядом с ним находился скелет скорее всего такого же размера, от которого сохранились лишь следы черепа и несколько разбросанных косточек. Около северо-западной стенки лежал черноглиняный горшок с орнаментом по краю в виде защипов (высота 9 *см*, диаметр горла 8,5 *см*, диаметр дна 5,4 *см*) (рис. 9, *2*) и тут же следы от костяка грудного ребенка (длина 0,38 *м*), сохранившегося частично.

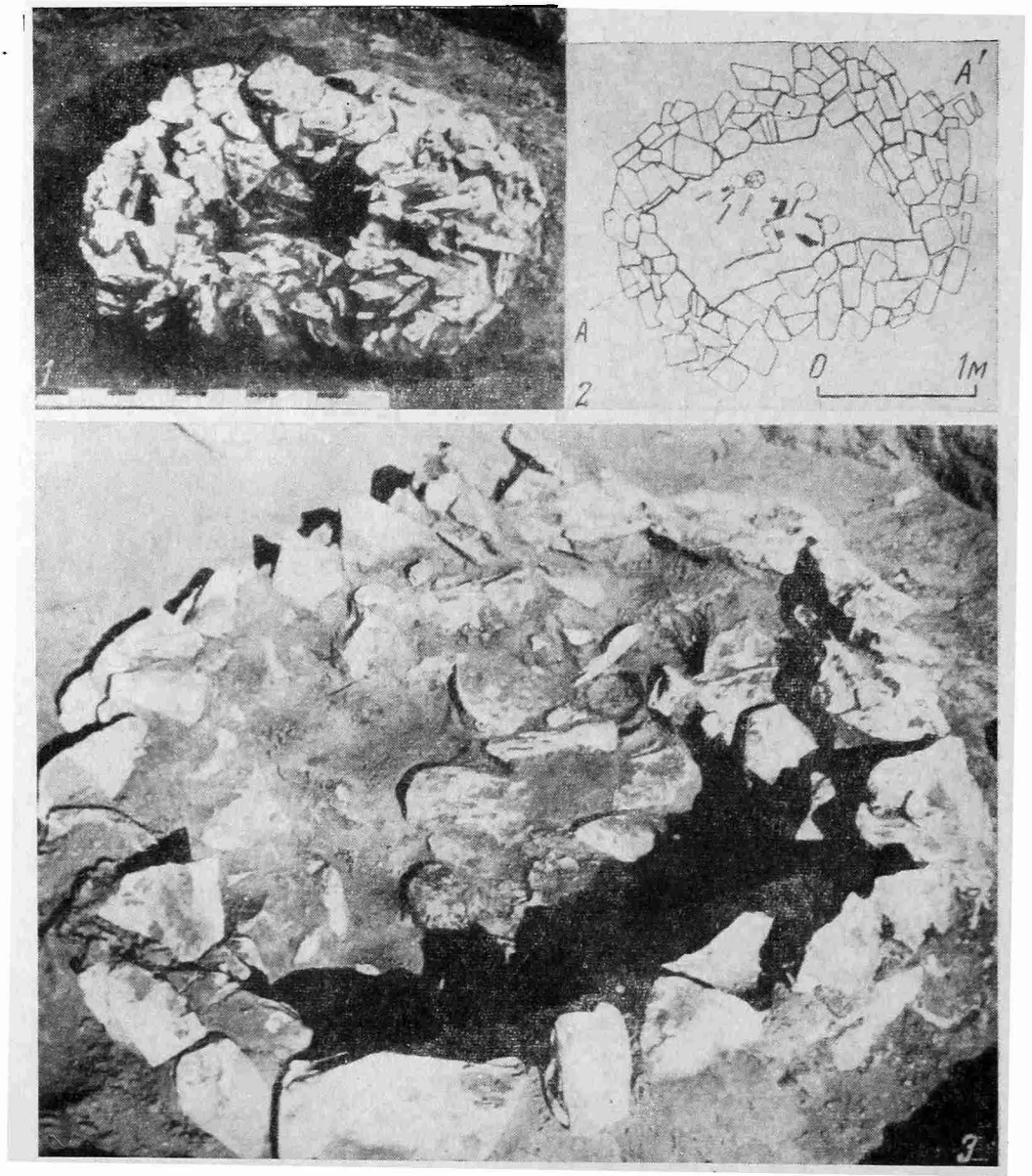


Рис. 8. *1* — каменный завал могилы 5; *2* — план могилы 6; *3* — могила 5 после удаления каменного завала

На основании изложенного восстанавливается следующий способ захоронения детей: у подножия кургана сооружался небольшой помост из мелкого плоского камня, на который были положены умершие, после чего помост ограждался плитняком, а сверху закладывался или послойно плитняком и деревом, как в данном захоронении, или только плитняком (могила 5).

Кроме однотипности детских погребальных сооружений следует отметить разнообразие в ориентации погребенных (северо-запад, запад, север, северо-восток), которая, очевидно, в это время не была строго определенной, а также положение детей на спине с поджатыми ногами (из пяти могил в четырех — могилы 3, 4, 5, 6). Последнее встречается в ряде погребений энеолитических культур Северного Причерноморья и в первую очередь западного ореала, как, например, в Северном Присивашье[7], в Усатове[8].

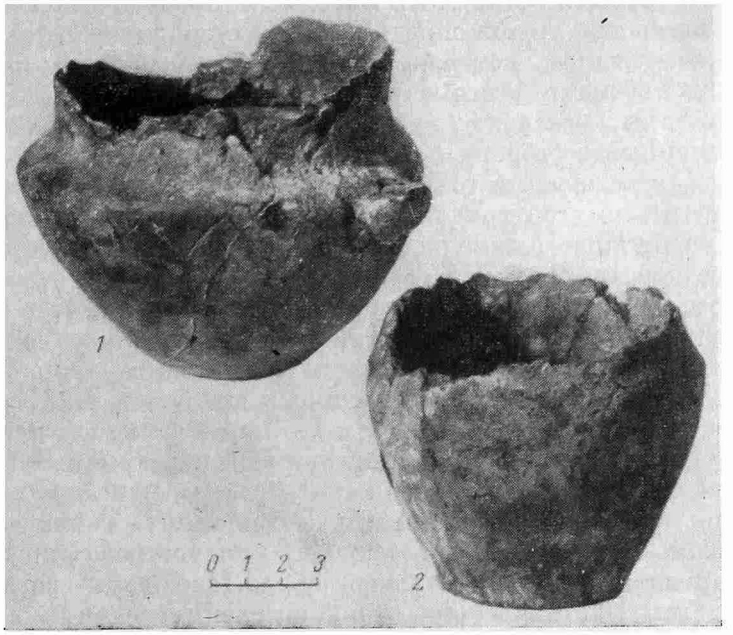


Рис. 9. Глиняные сосуды
1 — из могилы 5; *2* — из могилы 6

Итак, центральным погребением в рассматриваемом кургане был кенотаф — монументальное деревянное сооружение, устроенное в яме, вырытой в материке, с галичной подсыпкой, по бокам и сверху заложенное плитняком. При этом камень был набросан как попало, нерегулярно. В нашем распоряжении, к сожалению, не было погребального инвентаря, который дал бы возможность определить дату центральной могилы, поэтому мы обратились к хорошо сохранившемуся деревянному срубу и дали на анализ образцы в Лабораторию геохронологии Института геологии и геофизики СОАН СССР. Проведенные Л. В. Фирсовым[9] анализы дерева на С-14 дают возможность датировать центральное погребение середины III тысячелетия до н. э., т. е. эпохой энеолита.

Аналогичное устройство гробниц мы встречаем прежде всего на Северном Кавказе. Так, в Чечено-Ингушетии был открыт ряд курганов, центральные гробницы которых имели срубы из крупных дубовых бревен, а дно могил было выстлано слоем галечника[10]. В первую очередь гробницы типа нашей напоминают майкопские погребения, которые А. А. Иессеном

---

[7] *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Северное Присивашье в V — I тысячелетии до н. э. Симферополь, 1969, стр. 40, 210.

[8] *Э. Ф. Патокова.* Ук. соч., стр. 18.

[9] Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность Л. В. Фирсову за проведение анализа дерева на С-14.

[10] *Р. М. Мунчаев.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 440 сл.

датированы около 2400 г. до н. э.[11] Кроме того, деревянные гробницы с каменными завалами и галечными подсыпками дна встречаются среди памятников Усатова[12] и кеми-обинской культуры[13], время бытования которых не противоречит времени, полученному нами при помощи анализа дерева на С-14 (середина — начало второй половины III тысячелетия до н. э.).

Если исключить деревянный сруб в рассматриваемом нами кургане, то в принципе детские погребения напоминают центральное: каменный завал над могилой, каменная выкладка дна — помоста и оградка из камня вокруг, а в перекрытиях в четырех могилах из пяти прослежены деревянные плахи. Здесь мы имеем определенную устойчивую однотипность погребальных сооружений, которая прослеживается и в других курганах, расположенных вблизи от рассматриваемого. Так, в тот же сезон нами был доследован курган «У сарая»[14], расположенный в 4 *км* к востоку от кургана Межлиманный в сторону пос. Веселовка. Еще до нашего приезда он был снесен. Нам оставалось только при помощи бульдозера снять небольшой слой грунта по всей подошве кургана, чтобы зачистить материк. Во время этих работ лишь в западной поле была обнаружена детская могила такого же устройства, как и в рассматриваемом кургане — каменный завал размером 1,80×1,60 *м* (ориентирован с севера на юг), захоронение ребенка на каменном помосте, с оградкой из плитняка, сохранившейся в высоту местами до 36 *см*. От скелета сохранились лишь два обломка трубчатой кости, около которых находились два бараньих астрагала.

В другом кургане, расположенном в 2—3 *км* к западу от нашего, исследованного в 1968 г. Н. И. Сокольским, который назвал его Бугазским, при разрушенном центральном захоронении в полах кургана было открыто несколько детских могил с каменными засыпками[15]. Таким образом, для данного небольшого участка Таманского полуострова прослеживается вполне установившийся погребальный обряд, очевидно, связанный с какой-то определенной этнической группой населения.

К сожалению, наши сведения о памятниках эпохи бронзы Таманского полуострова чрезвычайно фрагментарны и неоднородны по качеству раскопок[16], но попытаемся привести некоторые материалы Тамани из раскопок XIX в.

В 1880 г. Н. П. Кондаков раскопал курган, расположенный на юге от Блезаки (Майская гора около древней Фанагории), очевидно, где-то на месте бывшего хутора Трактового. В центре кургана была открыта земляная гробница, расположенная внутри кольца из дикарных камней, покрытая грудой голышей и камкой. Около скелета (положение и ориентация не указаны) был положен кусочек красной краски. В южной поле кургана детская гробница, заваленная сверху также голышами и камкой, а на помосте из голышей же покоился детский скелет. При нем, в головах, стояли кувшинчик с узким горлом и горшок из черной глины с орнаментом в виде зигзага по шейке[17]. Как детское погребение, так и курган в целом напоминают открытый нами. По описанию сосудик с орнаментом в виде зигзага похож на горшок из могилы 5.

---

[11] *А. А. Иессен.* К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 157 сл; ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 3 сл.

[12] *Э. Ф. Потокова.* Ук. соч., стр. 15 сл.

[13] *А. А. Щепинский.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 15 сл.

[14] Название дано топографами при составлении карты местности.

[15] *Н. И. Сокольский.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1968 году. Архив ИА АН СССР, Р-I, 3710, стр. 28 сл.

[16] В диссертации о «Некрополях Синдики VI — II вв. до н. э.» в вводной первой главе я сделала попытку собрать и обобщить материал Тамани по эпохе бронзы. См. *А. К. Коровина.* Некрополи Синдики..., рукопись диссертации, стр. 27—40; *ее же.* К вопросу о памятниках эпохи бронзы на Таманском полуострове. Сообщения ГМИИ, II, 1964, стр. 34—38. Там же указана библиография по данному вопросу.

[17] ОАК за 1880 г. СПб., 1882, стр. VII—VIII.

В 1871 г. И. Е. Забелин в кургане, расположенном около бывшего хутора Панабаки (недалеко от Ахтанизовского лимана), открыл гробницу, сложенную из дикарного камня [18]. Гробницу с каменным помостом и каменной оградой из мелких плиток открыл В. Г. Тизенгаузен в 1878 г. около современного пос. Первомайского недалеко от Семибратних курганов [19].

Но даже эти недостаточно точные и подробные данные свидетельствуют о присутствии не только на небольшом участке между Цокурским и Бугазским лиманами, но и по всей Таманской полинезии какой-то группы населения, погребальной обряд которой носит определенные этнографические признаки [20], с одной стороны, схожие с погребальным обрядом усатовской и кеми-обинской культуры [21], с другой — с древними энеолитическими культурами Северного Кавказа и в первую очередь с Майкопской [22].

Вопрос о древнейших культурах Тамани мало разработан, в то время как его решение очень важно, хотя бы для уточнения путей продвижения культур Северо-Западного Причерноморья на Кавказ и их связей. По публикуемому материалу видна определенная связь с западными областями не только в погребальных сооружениях, но и в керамике. Как уже сообщалось, в двух могилах найдены лепные горшки (могилы 5 и 6). Ближайшая аналогия горшку на могиле 5 (с зигзагообразным орнаментом на плечиках) — сосуд из Усатова [23] и из Северного Присивашья [24] и т. д. В последней (Североприсивашской) курганной группе мы находим аналогии второму нашему горшку из могилы 6 [25]. Согласно наблюдению исследователей, упомянутые выше аналогичные нашим сосуды относятся к предпоследней ступени ямной культуры, что дает нам право датировать детские захоронения серединой второй половины III тысячелетия до н. э. или отнести их к той же культуре, что и центральное погребение.

Все изложенное выше — лишь публикация открытого нами памятника и попытка поставить его в определенный хронологический ряд синхронных ему культур. Но мы уверены, что дальнейшие открытия и исследования памятников эпохи бронзы на Тамани дадут возможность обобщить все имеющиеся данные и, возможно, определить какой-то локальный, таманский, вариант энеолитической культуры.

A. K. Korovina

TUMULUS MEJLIMANNYI

Résumé

Le tumulus est situé à 20 km au sud-est de la stanitsa de Taman, entre le liman Tsokourski et le lac Solenoïé (salé). Il avait près de 6 m de hauteur et 45 m de diamètre (fig. 1). Le sépulcre en bois dégagé au centre était dissimulé sous l'amoncellement de dalles (fig. 2, 3). Le sépulcre est bâti dans une excavation creusée dans le sol vièrge, sur une couche de galets; il est construit de trois rangs de poutres énormes soigneusement travaillés et ajustés les uns aux autres, recouverts d'une double rangée de rondins (fig. 4, 5, 6). Le sépulcre était vide, il est possible que c'est un cénotaphe. Il était entouré de 5 tombes enfantines dissimulées sous les dalles de pierre dont presque toutes contenaient un morceau de peinture rouge, et deux (tombes 5 et 6) — une petite poterie (fig. 7, 8, 9, 10). Le sépulcre central a été daté, par l'analyse du bois au carbone 14, du milieu du III millénaire avant n. è. Les poteries des tombes 5, 6 (fig 10) sont datées approximativement du debut de la deuxième moitié du III millénaire. Les constructions funéraires s'approchent d'après leur caractère de celles des civilisations kémi-obienne, oussatovienne et maïkopienne.

[18] ОАК за 1871 г. СПб., 1874, стр. XXXVIII.

[19] ОАК за 1878 г., стр. VI.

[20] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 48.

[21] *Э. Ф. Патокова.* Ук. соч., стр. 11 сл.; *Е. Ф. Лагодовская.* Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 251 сл.; *А. А. Щепинский.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 15 сл.

[22] ОАК за 1897, стр. 2—11; *Е. И. Крупнов.* Ук. соч., стр. 56.

[23] *Е. Ф. Лагодовская.* Ук. соч., рис. 22.

[24] *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Ук. соч., стр. 42, 210, рис. 78, 7.

[25] Там же, рис. 12, *13*.

П. С. КАМЕНЕЦКИЙ

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДАЗОВСКОГО ГОРОДИЩА

Подазовское городище, расположенное на окраине г. Азова, раскапывалось в течение шести полевых сезонов: в 1962 г. работами руководил Д. Б. Шелов, в 1963, 1964, 1967, 1970 и 1971 гг. раскопки производились автором. Финансирование осуществлялось Институтом археологии АН СССР и Азовским историко-краеведческим музеем.

Если говорить о самом общем значении проведенных работ, то прежде всего следует сказать, что Подазовское городище сейчас — наиболее полно исследованное меотское поселение не только на Дону, но и вообще. Это утверждение относится не столько к величине вскрытой площади, сколько к полученным результатам. Площадь раскопа приблизительно 370 $м^2$ на уровне материка при мощности слоя около 5 *м*. Счастливая особенность участка в том, что он чрезвычайно насыщен остатками строительной деятельности, чего не встречалось до сих пор на других меотских городищах, подвергавшихся раскопкам. Нами обнаружено частично или полностью 36 жилищ, расположенных в 15 ярусов, 79 ям различного назначения и оборонительный вал.

Раскопки поселений с мощным слоем всегда сложны. Кроме общих причин — запутанной стратиграфии, трудностей с отброской земли и т. д.— существуют и сложности, специфичные для каждой группы памятников. Поэтому в числе важнейших результатов надо назвать и отработку методики раскопок, фиксации, сбора материалов. Проверенные на Подазовском городище, они могут быть применены и при исследовании других аналогичных памятников. Отметим, что Подазовское городище обладает некоторой спецификой по сравнению с Нижне-Гниловским или Кобяковским городищами, у которых слой римского времени подстилается мощным слоем эпохи бронзы [1].

Впервые для меотов (исключая, разумеется, синдов) получены данные о планировке поселения. Оказалось, что с внутренней стороны вала идет ряд жилищ, отделенных метровыми промежутками. Через 5—6 *м* от первого проходит второй ряд жилищ. Конечно, до восстановления плана всего поселения далеко, но первый шаг к этому сделан. Довольно сложной оказалась история оборонительного вала, сооруженного из смеси глины и песка, с камышевыми прослойками. Он был воздвигнут несколько десятилетий спустя после возникновения поселка. Освобождая место для его сооружения, снесли ряд жилищ (№ 29 и 30). Произошло это около рубежа нашей эры. По мере накопления слоя дневная поверхность поднималась, достигла наконец вершины вала, а затем культурный слой перекрыл его. Вероятно, в это время на месте погребенного вала сооружался какой-то частокол.

[1] *И. С. Каменецкий.* Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954 и 1955 г.). «Краеведческие записки» Таганрогского краеведческого музея, вып. I, Таганрог, 1957; *С. И. Капошина.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя. Сб. «Археологические раскопки на Дону». Ростов н/Д., 1962; *Э. С. Шарафутдинова.* Кобяковское поселение эпохи бронзы. Там же.

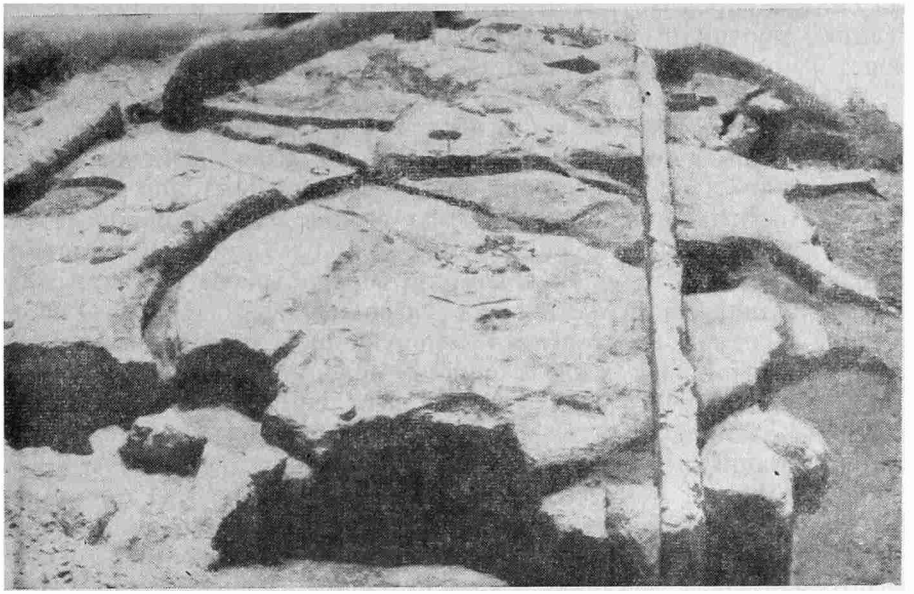


Рис. 1. Круглое в плане жилище 31. В центре остатки очага

Рис. 2. Реконструкция жилища, выполненная в музее «Танаис»

В отличие от других меотских памятников на Подазовском городище с достаточной полнотой изучена конструкция жилищ. Подквадратные, реже круглые (рис. 1) в плане, они имели глинобитный пол с многочисленными подмазками. Стены сооружались из камыша, укреплялись с внешней стороны камышовыми же горизонтальными жгутами и обмазывались с обеих сторон глиной (рис. 2). Высота стен 2—2,5 *м*. По верху стены шел широкий камышовый пояс, на который опирался край крыши. Основание стены находилось в канавке глубиной 0,3—0,5 *м*. Дверной проем укреплялся иногда деревянными столбами. Только в одном случае (№ 29) зафиксирована легкая камышовая перегородка, делившая дом на два помещения. Несколько чаще встречаются неполные перегородки, идущие от стены к центру, но не доходящие до него, и перегородки, отделяющие вход от остального помещения, образующие подобие сеней или тамбура. У стен иногда сооружаются из сырцовых кирпичей низкие лежанки. В центре всегда находится очаг, конструкция которого

весьма сильно варьирует. К очагам относятся многие изделия из обмазочной глины: противни со сплошным бортиком, противни того же типа, но с отверстиями по углам, противни с неполным бортиком, защитные стенки, опорные столбики и плиты, крупные конусы для установки «шампуров». Вероятно, к очагам же относятся и толстостенные (до 5—6 *см*) сосуды, в которых могли храниться горящие угли. В некоторых жилищах кроме очага сооружалась еще большая хлебопекарная печь, располагавшаяся у противоположной от входа стены. Это массивное (до 2 *м* в диаметре) сооружение, сложенное из сырцовых кирпичей, имевшее высоко поднятый под и боковую топку, перекрывалось ложным сводом (впрочем, лучший по сохранности образец изучен на Нижне-Гниловском городище). У одной из стен часто сооружалась небольшая загородка из камыша, в которой, возможно, содержали молодняк.

В хозяйстве жителей Подазовского поселения на первом месте было, по-видимому, земледелие. О нем свидетельствуют многочисленные находки обуглившихся зерен ржи (Secale cereale L.), полбы (Triticum dicoccum Schübl.), ячменя (Hordeum sativum L.), проса (Panicum miliaceum L.), льна (Linum asitatissimum L.), чечевицы мелкосемянной (Ervum lens L.), которые наверняка, может быть, кроме последней, были здесь в чистой культуре. Найдены также отдельные зерна мягкой пшеницы (Triticum vulgare Vill.), но это, вероятно, примесь к полбе [2]. О земледелии же свидетельствуют находки железного серпа (рис. 3, *2*) и довольно большого количества фрагментов квадратных зернотерок и круглых жерновов разной конструкции. По-видимому, для хранения зерна служили большие (свыше 2 *м* диаметром) вырытые в материке ямы, стенки которых иногда имеют следы обмазки. Любопытно, что с нарастанием культурного слоя, когда до материка было уже далеко, такие ямы стали рыть вне поселения, за оборонительным рвом. Возможно, серпами являлись и орудия из ребер крупных животных, заточенные с внутренней стороны (рис. 3, *10*).

На второе место в хозяйстве следует поставить скотоводство. Определение костей [3] дало следующие результаты: мелкий рогатый скот (3321 : 152), крупный рогатый скот (2626 : 55), свиньи (362 : 28), лошадь (574 : 14), собака (250 : 11). Состояние костей лошадей и собак, кажется, свидетельствует об употреблении тех и других в пищу. Следует обратить внимание на значительное число костей свиньи начиная с самых ранних слоев. Свинья совершенно не приспособлена к кочевому скотоводству, и поэтому находка ее костей противоречит гипотезе об образовании донских городищ в результате оседания кочевников.

Широкое развитие рыболовства бросается в глаза. Обнаружено большое число сетевых каменных грузил с отверстиями и грузил для неводов, делавшихся из ручек амфор. В наиболее раннем слое встречены сетевые каменные грузила с перетяжкой в центре. Найдено также большое число костей и чешуи рыб. Количественно [4] они распределяются следующим образом: сом (398 костей), стерлядь (318), севрюга (284), белуга (174), осетр (154), сазан (154), судак (105), тарань (2), щука (1), лещ (1). Можно предположить, что рыбу солили,— средняя по размерам яма № 36, стенки которой были обмазаны глиной, целиком оказалась заполненной костями и чешуей рыб.

Явно подсобное значение, а может быть преимущественно спортивное, имела охота. По отношению к домашним животным кости диких составляют около 1%. Найдены благородный олень (19 : 5), кабан (17 : 4), заяц (13 : 4), лисица (16 : 3), волк (13 : 3), барсук (4 : 3), лось (7 : 1), бобер (1 : 1).

---

[2] Определения зерен выполнены Н. А. Кирьяновой.

[3] Определение костей животных за 1963, 1964, 1967 гг. выполнено В. И. Цалкиным, за 1970 г.— В. П. Данильченко.

[4] Определение костей рыб за 1963, 1964, 1967 гг. выполнено Е. А. Цепкиным.

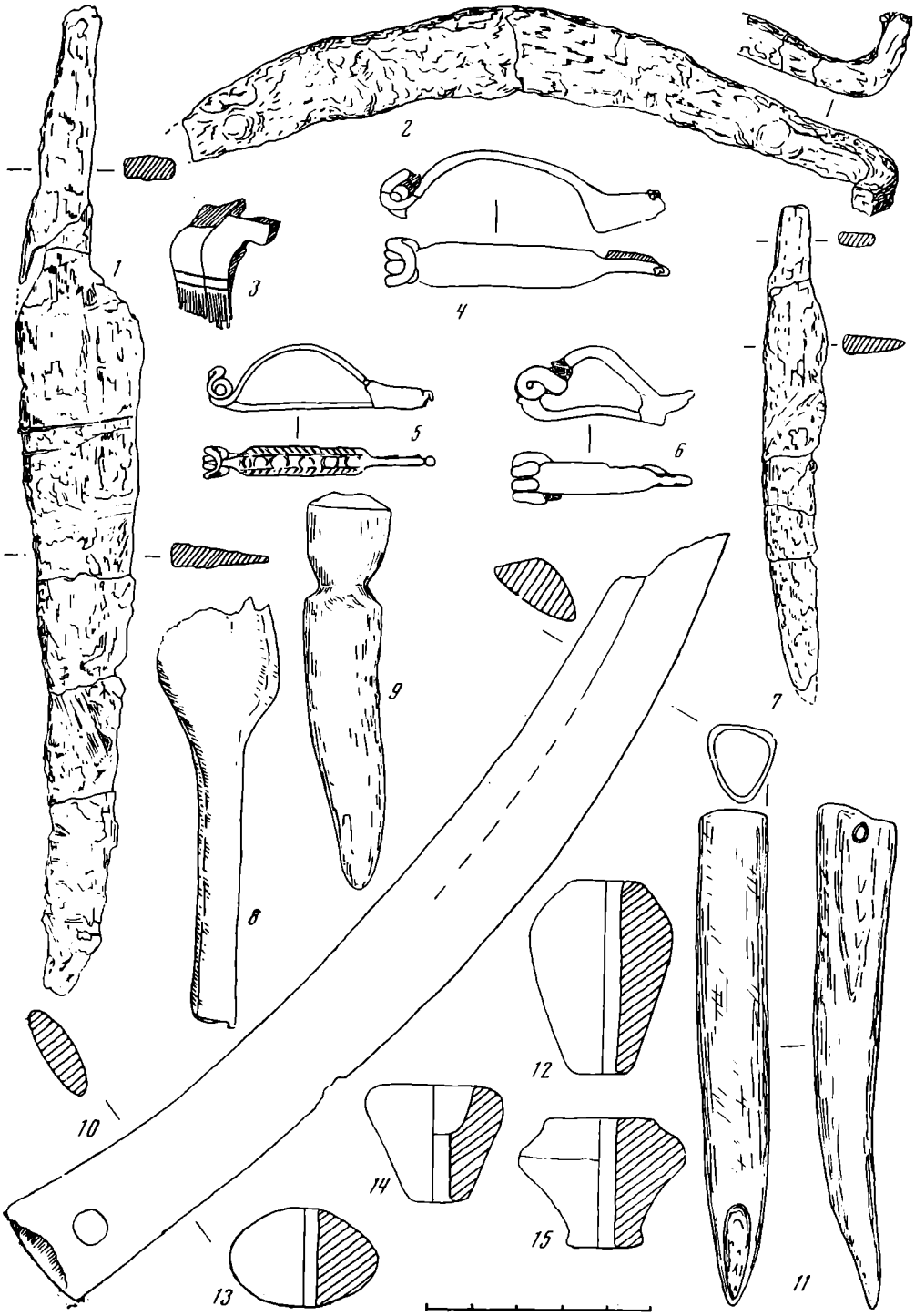


Рис. 3. Находки с Подазовского городища

1, 7 — железные ножи; *2* — железный серп; *3* — фрагмент деревянного гребня; *4—6* — бронзовые фибулы; 8 — фрагментированная костяная ложка; *9*, *11* — орудия из кости; *10* — серповидное орудие из ребра животного; *12—15* — глиняные пряслица

Наличие благородного оленя, лося и бобра, в меньшей степени кабана, свидетельствует о наличии значительных лесных массивов в районе дельты Дона в первые века н. э. Дионисий (II в. н. э.) упоминает о сосновых лесах на Дону [5]. Из документов конца XVII — начала XIX вв. известно, что в дельте и на краях ее имелись дубовые леса. Однако определение пород дерева по углям [6] дало следующие результаты: ива (Salix sp.) — 22 случая, ясень (Fraxinus sp.) — 5, тополь (Populus sp.) — 3, дуб (Quercus sp.) — 1, липа (Tilia sp.) — 1, вяз (Ulmus sp.) — 1. Примерно такие же данные мы имеем и с Нижне-Гниловского городища: ива — 11, ясень — 4 случая. Конечно, здесь мог сказаться специальный подбор древесины для топлива, но, вероятно, ива преобладала и в действительности. Любопытно, что Иосафат Барбаро (середина XV в.) говорит именно об ивовых лесах в низовьях Дона [7].

Ремесло носило разный характер. К домашним ремеслам относились, по-видимому, ткачество, производство лепной керамики, изготовление веревок, вязка сетей, обработка кожи. О ткачестве свидетельствуют многочисленные находки пряслиц (рис. 3, *12—15*) и глиняных грузиков от ткацких станков. В жилище 13 были найдены остатки примитивного вертикального станка — набор грузиков и глиняные опоры для боковин станка. Имеется серия отпечатков ткани на керамике и обгоревший кусок самой ткани, но пока нет критериев для отделения местных тканей от привозных. Лепной керамики найдено много, разнообразных форм, размеров и назначения (рис. 4). Доля ее среди всей керамики, найденной в 1967 г., составила 39,9%, а в 1970 г.— 32% (подсчет по профильным частям). Прослежены некоторые изменения ее на протяжении жизни поселения. В отдельных комплексах удалось проследить повторение либо особенностей формовки, либо орнамента, и это заставляет отнести производство лепной керамики именно к домашним ремеслам. Обуглившиеся фрагменты веревок и их отпечатки в глине находились неоднократно. Изготовлялись они из луба и употреблялись для крепления жгутов на стенах жилищ, для сетей и т. п. Правда, остатков самих сетей пока не найдено (отнесение к ним веревочных узлов из жилища 10 проблематично), но о существовании их свидетельствуют каменные грузила, а размеры костей рыб указывают на крупный размер сетевых ячеек. Об обработке кожи свидетельствуют ее фрагменты со следами швов.

Несомненно существовали косторезное и деревообрабатывающее ремесла. Найдены рукоятки из кости и рога, заготовки рога оленя, костяные стрела и ложка (рис. 3, *8*), различные проколки, крюки и уже упоминавшиеся серпообразные орудия из ребер. Об обработке дерева свидетельствуют остатки гребня (рис. 3, *3*) и несколько фрагментов деревянных сосудов. О характере этих ремесел из-за отсутствия данных судить трудно. Они могли носить и домашний и ремесленный характер, возможно и параллельное существование обеих форм. Что касается обработки дерева, то вообще допустимо предположение об импортном происхождении упомянутого гребня и сосудов (изготовление простых рукоятей для орудий, использование дерева в домостроительстве и т. п. я не рассматриваю как особое ремесло).

Несомненно ремесленный характер имело производство серолощенной керамики и оселков. О первом свидетельствует раскопанная С. Н. Братченко гончарная печь во рву городища [8] и специфические для данного памятника, точнее, преобладающие формы серолощенных мисок (рис. 5, *7*), изготовленных на круге. На других городищах эти формы не встре-

---

[5] *Dion. Per.*, 652—710.

[6] Все определения пород дерева выполнены Г. Н. Лисицыной.

[7] *Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану, § 11 «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.». Л., 1971, стр. 139.

[8] Сб. «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ ГІ-20, М., 1966, стр. 34.

чаются совсем или встречаются в незначительном количестве. На долю серолощенной керамики в 1967 г. пришлось 15,6, а в 1970 — 5,5%. Это достаточно высоко развитое производство, создавшее весьма обширный набор форм (рис. 5), свою систему орнаментации, активно переработавшее греческое влияние, достигло вершины во второй половине I в. н. э., когда освоило чернолаковое покрытие для определенной, правда небольшой, группы изделий. У нас нет оснований утверждать, что эти чернола-

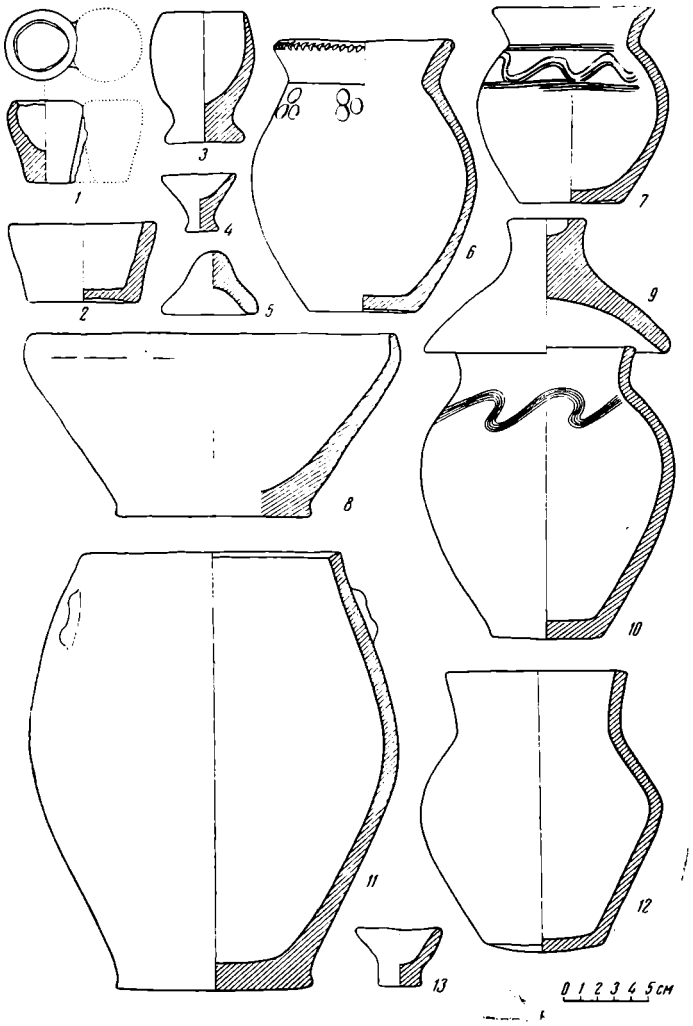


Рис. 4. Лепная керамика

ковые блюда и кувшинчики изготовлялись и на Подазовском городище, но встречаются они там не реже, чем на других городищах Дона, и не реже, чем в Танаисе. Что касается небольших оселков с отверстием для подвешивания, то в собранной коллекции представлены все стадии их обработки от плиток темно-серого песчаника с разметкой для распиловки и до готовых изделий. Сосредоточение их в одном месте в количестве, заведомо превосходящем потребности одной или даже нескольких семей, заставляет нас отнести их производство к разряду специализированных.

Большую роль в жизни Подазовского поселения играла торговля, и импортные предметы занимали заметное место в быту и производстве. Несомненно, что основным торговым партнером был Танаис, через который поступали изделия греческого круга, но не только его. Сюда относятся амфоры с вином, краснолаковые (рис. 6) и кружальные сосуды, черепицы, использовавшиеся в качестве противней, зернотерки и жернова

из туфа, терракоты, бусы, а также, вероятно, фибулы (рис. 3, *4—6*), производство которых установлено для Танаиса [9], зеркала, браслеты, перстни. Впрочем, бронзовые изделия могли поступать и из Прикубанья и изготовляться на месте. На городище найдены фрагменты тиглей. В этом случае должен был ввозиться металл. Наверняка ввозилось и железо — в заготовках или уже в виде готовых изделий: серпов, ножей (рис. 3, *1*, *7*), гвоздей и т. п.

Любопытно, что по количеству греческой керамики Подазовское городище не уступает Танаису и, таким образом, по крайней мере в нашем

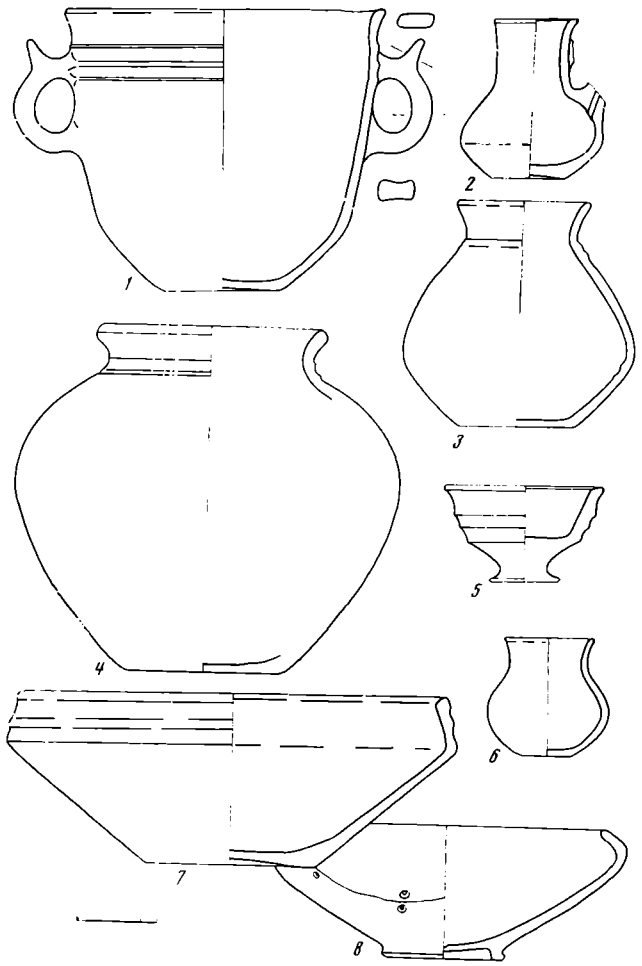


Рис. 5. Серолощеная керамика

случае, не может являться показателем степени эллинизации. Так, по отношению ко всей керамике I в. до н. э. амфоры составляют на Подазовском городище 52%, против 67,6% в Танаисе, красный лак — 4,8% против 3,5% в Танаисе, кружальная керамика — 5,5% против 4,2% в Танаисе [10]. Но при этом общий облик культуры носит несомненно варварский характер.

Понятно, что обильному импорту должен соответствовать и равноценный экспорт, тем более что торговля была меновой, без применения денег. Более того, экспорт должен был по ценности превышать импорт, учитывая более чем вероятное существование каких-то форм внеэкономического принуждения в пользу Боспорского государства. Не менее

[9] *А. К. Амброз.* Фибулы из раскопок Танаиса. МИА, 154, М., 1969.
[10] *И. С. Каменецкий.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. МИА, 154, 1969, стр. 164, табл. 25.

очевидно, что документально засвидетельствовать экспорт можно (если можно вообще) только вне исследуемого памятника. Поэтому рассуждения на эту тему носят предположительный характер. Судя по развитию соответствующих отраслей хозяйства, вывозились зерно и рыба. Отметим, что это традиционный экспорт с Боспора вообще, он засвидетельствован и письменными источниками [11]. О вывозе кож уже непосредственно из Танаиса сообщает Страбон [12]. Надо думать, что поступали они

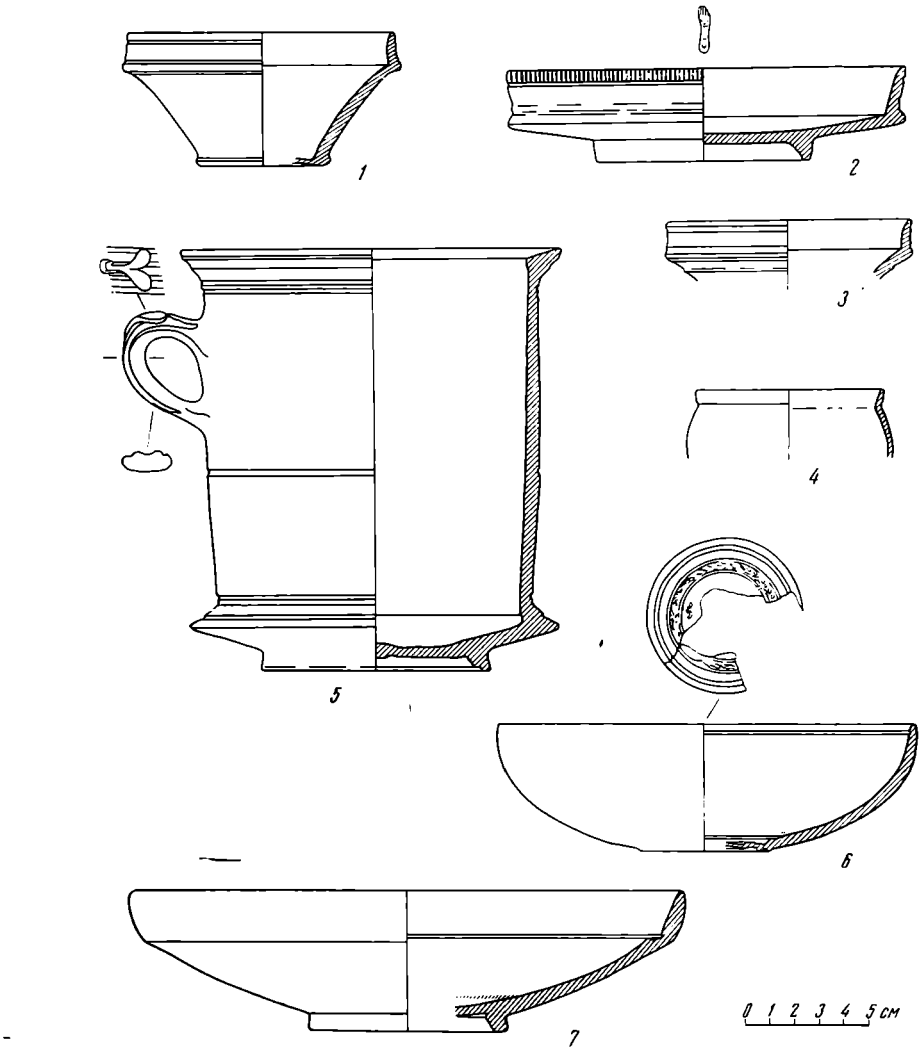


Рис. 6. Краснолаковая керамика

не только от кочевников. Известно, что в сарматские степи вывозилось значительное количество меотской серолощенной посуды [13]. У нас нет прямых доказательств, что в этой торговле участвовало и Подазовское поселение, но это возможно. Не можем мы судить и о том, как осуществлялась эта торговля, если она была,— непосредственно или опять же через Танаис. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об экспорте.

Размах торговли, наличие в составе импорта не только «предметов роскоши», но и таких вещей, которые в значительной степени определяли уровень производства (зернотерки, металлы или даже орудия из них) заставляет пересмотреть наши представления о хозяйстве меотов как

[11] *Strabo*, VII, 4, 6.
[12] *Strabo*, XI, 2, 3.
[13] *М. Г. Мошкова.* Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дис. М., 1956, стр. 11.

преимущественно натуральном или, во всяком случае, внести в это понятие значительные коррективы. Донские меоты оказываются весьма активными торговыми партнерами, настолько прочно включенными в экономическую систему Боспорского царства и всего античного мира, что без этих связей они бы представляли уже что-то качественно иное. Установление этого обстоятельства — весьма существенный результат работ на Подазовском городище.

Источники, которые могли бы свидетельствовать о духовной жизни, образовании и религии, как всегда, скудны. Несколько надписей красной краской на амфорах скорее всего не принадлежат жителям Подазовского поселения. Больше оснований приписывать им граффити на краснолаковых сосудах, состоящие из одной-двух греческих букв. Представляется почти обязательным наличие среди жителей определенного числа людей, знакомых в той или иной мере с греческим языком, учитывая экономические и политические связи с Танаисом и более широко с Боспором. Хотя, с другой стороны, в Танаисе, где проживало много меотов (танаитов) [14] не было недостатка в случае надобности в переводчиках.

Несомненно к предметам культа относятся два небольших глиняных «идола», сделанных крайне примитивно. Это заостренные сверху столбики, у которых одним защипом намечены глаза и нос. Аналогичные фигурки известны на Кубани [15]. В каком отношении к культу находились греческие терракоты, три фрагмента которых найдены на Подазовском городище, сказать трудно. В литературе обычно рассматривают зооморфные ручки серолощенных кувшинов как свидетельство определенных верований [16]. Есть такие ручки и на Подазовском городище, но связь их с верованиями представляется мне проблематичной.

Совершенно отсутствуют прямые данные об общественной жизни. Здесь мы можем исходить только из самых общих рассуждений и впечатлений. Представляется, что мы имеем дело еще с родоплеменной организацией на стадии ее разложения, в условиях включения данного общества в политическую и экономическую систему уже сложившегося государства. Такая ситуация, как известно, не является редкостью. Население Подазовского поселения, как и других подобных поселений дельты Дона, должно было быть подчинено Танаису, а через Танаис Боспору. Политическая зависимость подкреплялась зависимостью экономической.

Выше говорилось об итогах раскопок, позволивших восстановить облик поселения, хозяйства и образ жизни его жителей. Прежде всего это, конечно, относится к Подазовскому городищу, но в силу состояния наших знаний, неизбежно придется распространять полученные данные и на другие сходные памятники до тех пор, пока они, в свою очередь, не будут равноценно исследованы. Но раскопки Подазовского городища дали наряду с этим и результаты, имеющие, если можно так выразиться, абсолютное значение для широкого круга памятников. Правильность напластований и выделение в подавляющем большинстве случаев нарушений слоя (хозяйственных ям), превращает Подазовское городище в уникальную хронологическую колонку. Имеется реальная возможность проверить и уточнить даты типов и, что особенно интересно, вариантов амфор, появляется возможность датировать некоторые этапы в эволюции серолощеной и лепной керамики, хотя, учитывая темпы их развития, срок существования городища оказывается недостаточно большим. Для таких категорий, как красный лак, кружальная керамика, фибулы и пр.,

---

[14] *И. С. Каменецкий.* Население Нижнего Дона в I — III вв. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965; *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в III — I вв. до н. э. М., 1970, стр. 208.

[15] *В. М. Маликов.* Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. КСИА АН УССР, 11, 1961.

[16] *К. М. Скалон.* Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. отдела истории первобытной культуры Эрмитажа. I, Л., 1941.

нельзя из-за недостаточности материала говорить о датировке, но и здесь мы получаем серии весьма достоверных опорных точек, которые могут быть использованы при датировке этих вещей в дальнейшем.

Что касается самого Подазовского городища, то по красному лаку и амфорам оно датируется последней четвертью I в. до н. э.— концом II в. н. э. До недавнего времени исследователи истории Нижнего Дона полагали, что все туземные городища дельты имели общую судьбу, т. е. что они возникли одновременно на рубеже нашей эры и погибли в 40-х годах III в. н. э. вместе с Танаисом и по той же причине. Мнение это основывалось на результатах раскопок Кобякова и Нижне-Гниловского городищ. Поэтому несколько неожиданная датировка слоев Подазовского городища имеет особое значение и делает необходимым специальное исследование в этом отношении всех доступных еще для раскопок городищ. В частности, если судить по относительно небольшой мощности слоев Хопровского и Правобережного Мокро-Чалтырского городищ, то их дата должна оказаться у́же, чем было принято думать до сих пор. Отметим, что среди опубликованных С. Н. Братченко находок с Правобережного Мокро-Чалтырского городища нет явного материала I в. н. э. [17].

Для полноты нашего представления о Подазовском городище существенно не хватает данных о могильнике. К сожалению, территория его находится под современной застройкой и недоступна для раскопок.

I. S. Kaménetski

RESULTATS DES RECHERCHES ARCHEOLOGIQUES SUR L'AGGLOMERATION FORTIFIEE PODAZOVSKOIE

Résumé

Dans l'article sont brièvement exposée les résultats des travaux sur l'agglomération fofirtiée Podazovskoïe (delta du Don) faisant partie, à la fin du I s. avant n. é.— II s. de n. è., du district de Tanaïs. La puissance de la couche d'habitation atteigne à peu près 5 m, ce qui est favorable aux études chronologiques variées. 36 habitations, 79 silos, les debris d'un mur de fortification retrouvés permettent pour la première fois la caractérisation de la construction habitable chez les Méotes. De nombreuses trouvailles d'objets variés et d'os de poissons et d'animaux ont servi pour la caractérisation de la culture de sol, de la pêche, de l'élevage, des métiers et des rapports commerciaux. Ceux-ci s'effectuaient à travers Tanaïs.

---

[17] *С. Н. Братченко.* Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону. СА, 1957, 2.

Е. А. ПОПОВА

РЕЛЬЕФ С ГОРОДИЩА «ЧАЙКА»

В 1969 г. на городище у санатория «Чайка» в Евпатории в стене раннесредневекового времени была найдена плита с рельефом [1].

Сделан рельеф из местного известняка. Сохранность довольно плохая. Высота плиты 0,34, ширина 0,48, толщина 0,13 *м*. Она представляет собой вытянутый в ширину прямоугольник с рамкой. Высота рамки 0,03, ширина 0,04 *м*. В нижней части рамка отбита.

На плите в низком рельефе (он не выходит за пределы рамки) изображен всадник перед алтарем, около которого стоит человеческая фигура (рис. 1, *1*, *2*). Всадник изображен в профиль. Фигура сильно оббита, поэтому об одежде что-либо сказать трудно, но, вероятнее всего, особенного внимания ее изображению мастер не уделил. Голова также сильно оббита, тем не менее можно предположить, что лицо всадника бородатое. На голове круглая, заостренная кверху шапка. Левая рука всадника согнута в локте, по-видимому, ею он держит поводья. Правая поднята в жесте адорации, в ней всадник держит предмет, который по очертаниям очень напоминает небольшой скифский лук: вверху виден характерный выгиб для привязывания тетевы. Очень неумело изображены ноги всадника. Левая сделана в той же плоскости, что и правая, т. е. получается как бы две правых ноги.

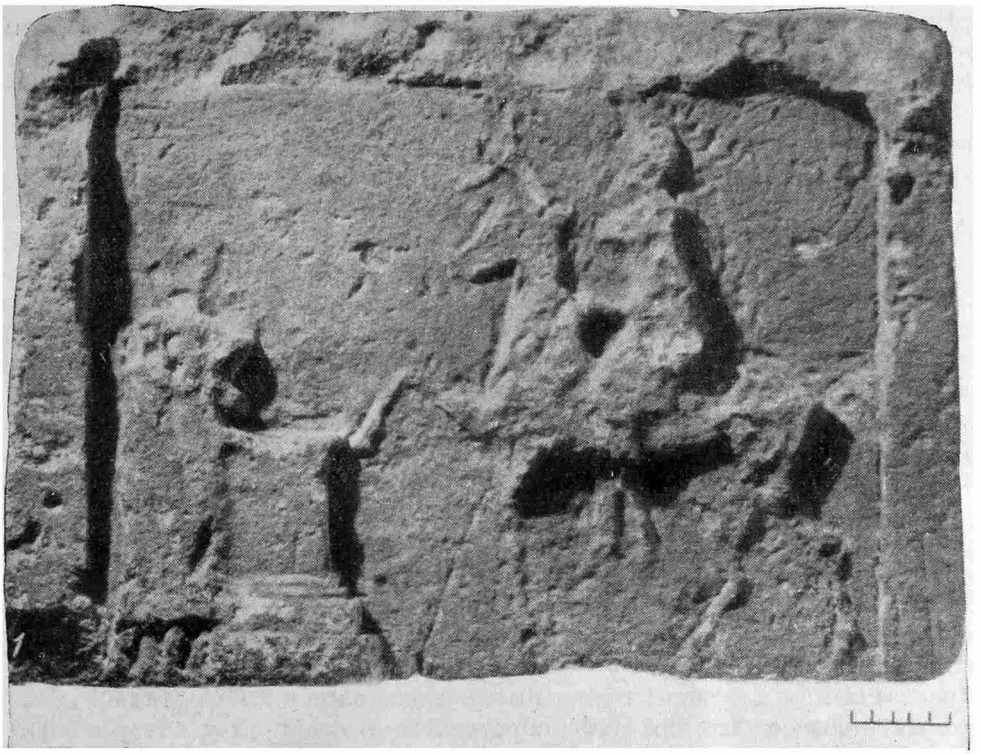
Наиболее удачно на рельефе изображение коня. Мастер безусловно хорошо знаком с анатомией лошади и делал на данном рельефе фигуру коня с бóльшим тщанием и умением, чем все остальное.

Конь как бы делает последний шаг перед алтарем, касаясь его верхней части копытом левой ноги. Задние ноги еще переступают, правая передняя стоит прямо, притормаживая ход. Хвост слегка приподнят, уходит в рамку. Конь очень изящен. Изящны его длинные тонкие ноги, голова, шея, туловище, круп, весь он очень пропорционален.

Всадник находится перед алтарем. Алтарь с профилированной базой стоит на двухступенчатом основании. С другой стороны алтаря — женская фигура. В отличие от всадника она лишена всякой динамики. Туловище женщины изображено в фас, тогда как голова — в профиль. Фигура одета в прямое одеяние, открывающее ноги примерно от икр. Ноги также сделаны в профиль. Несмотря на плохую сохранность, о положении рук определенно можно сказать, что они согнуты. Правая указывает на алтарь, левая согнута в локте, который несколько неестественно отставлен вверх, в левой руке женщина держит какой-то круглый предмет. Весь облик женской фигуры говорит о схематичности, упрощенности изображения, даже некоторой геометричности.

Над обеими фигурами находятся знаки. В правом верхнем углу, у изображения всадника, процарапаны две концентрические окружности, сделанные очень ровно и аккуратно, по-видимому, инструментом вроде

[1] Автор считает своим долгом поблагодарить руководителя Крымской экспедиции МГУ И. В. Яценко за разрешение опубликовать рельеф.



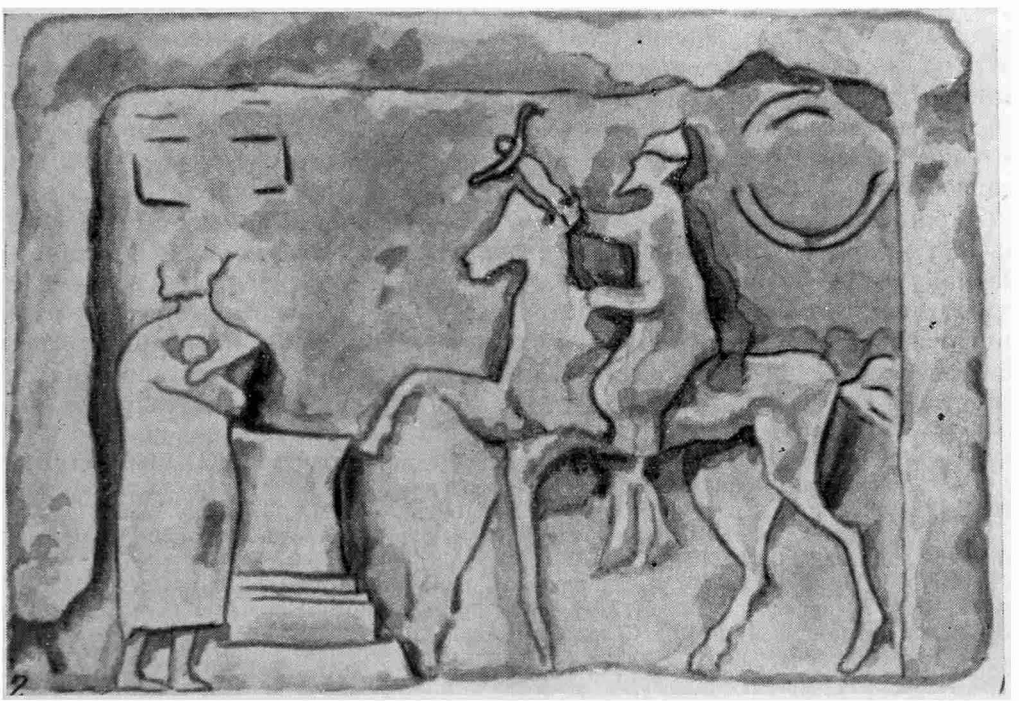


Рис. 1. *1, 2* — рельеф с городища «Чайка»

циркуля. Над женщиной у алтаря — прямоугольник. Он сохранился гораздо хуже окружностей. Сделан он, как кажется, менее аккуратно, чем последние.

На рельефе, безусловно, изображен какой-то определенный сюжет. Плита как бы разделена алтарем на две части: в одной из них — всадник, в другой — женская фигура.

Поскольку образ всадника является очень распространенным мотивом на рельефах древнего мира, кажется наиболее правильным взять его за основу в поисках аналогий нашему памятнику.

На территориях, близких к Крыму, нам известны две большие категории рельефов, на которых изображены всадники: это так называемые фракийские всадники из Херсонеса и надгробные стелы с Боспора. Есть рельефы с всадниками, происходящие из Тиры [2], из Дунайских провинций, особенно Паннонии [3], из Херсонеса [4], Ольвии [5].

К какому же кругу памятников надо отнести наш рельеф?

Наиболее вероятной представляется возможность связать его прежде всего с херсонесским «фракийским всадником». Широкие связи, существовавшие между населением «Чайки» и Херсонесом, хорошо известны [6]. Но уже чисто визуальное сравнение заставляет нас отказаться от их отождествления. «Фракийский всадник», как правило, изображался на коне, скачущем вправо, с копьем в поднятой правой руке, перед конем дерево, иногда алтарь, под конем кабан или собака [7]. В образе всадника фракийцы изображали героя-бога [8]. Часто на рельефах из Фракии мы видим только всадника, без каких бы то ни было атрибутов [9].

В ряде случаев перед всадником — стоящая женская фигура [10]. Но и в этом случае всадник является доминирующей фигурой. Изображение стоящей женщины часто меньше размером [11], что подчеркивает ее второстепенную роль. Даже в случае одномасштабного изображения персонажи не связаны между собой: оба лица всегда обращены к зрителю [12]. На нашем же рельефе всадник явно обращается к стоящей у алтаря женской фигуре, и если и не является подчиненным ей, то во всяком случае равным по значению.

Иногда вместо одной женской фигуры перед всадником на фракийских рельефах помещаются две [13]. В этом тоже надо видеть прямое доказательство различия сюжетов нашего рельефа и вышеописанных фракийских.

Часто фракийский всадник изображается перед алтарем, причем конь его как бы опускает оба копыта сверху на алтарь [14]. На чайкинском же рельефе конь лишь слегка касается алтаря одним копытом сбоку.

Появление рельефов с «фракийскими всадниками» в Херсонесе связывается исследователями с пребыванием в нем римских гарнизонов и датируется II—III вв. н. э. [15]

Второй большой категорией памятников, где, возможно, надо искать аналогии рельефу с «Чайки», являются боспорские надгробные стелы. Всадник здесь встречается очень часто. Обычно он изображается на спокойно стоящем или медленно идущем коне, как правило, вправо. Тща-

---

[2] *А. І. Фурманська.* Рельефи вершників з Тіри. Археологія, XIX, 1965, стр. 158.

[3] *Г. П. Іванова.* Образ вершника в боспорському надгробному рельефі. АП УРСР, XI, 1962, стр. 172; *G. G. King.* Some reliefs at Budapest. AJA, 37, 1933. Pl. X, 1—3.

[4] *А. Н. Щеглов.* Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического. МИА. 150, 1969 г., стр. 137.

[5] *А. Н. Щеглов.* Два вотивных рельефа из Ольвии. ЗОАО, 2(35), Одесса, 1961.

[6] *А. Н. Щеглов.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 338.

[7] *Н. Н. Бритова.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. КСИИМК, 22, 1948, стр. 53.

[8] Там же.

[9] *G. I. Kazarov.* Denkmäler des thrakischen Reitergotten in Bulgarien. Dissertation Pannonicae, ser. 2, fasc. 14, Budapest, 1938, № 12, 15, 62, 166, 214, 216, 219, 335, 351, 348, 363, 415.

[10] Ibid., № 174, 467, 516.

[11] Ibid., № 47, 49, 401, 402, 403, 409.

[12] Ibid., № 467, 337.

[13] Ibid., № 409, 306, 238, 493.

[14] *А. Н. Щеглов.* Фракийские посвятительные рельефы..., стр. 141—143, рис. 2, *1, 2*; *G. I. Kazarov.* Ibid., № 207, 232.

[15] *А. Н. Щеглов.* Фракийские посвятительные рельефы..., стр. 156.

тельно изображается вооружение всадника и конский убор [16]. На надгробиях Боспора распространена сцена: всадник, предстоящий перед женской фигурой, сидящей в кресле [17]. Почти всегда женщина в кресле справа, всадник стоит перед ней. Иногда всадник обращен влево, сидящая в кресле женщина — слева [18]. На одном из надгробий женская фигура стоит, задрапированная в длинную одежду, перед ней (в левом углу) стоит всадник [19]. Иконографические различия между нашим рельефом и боспорскими несомненны. На боспорских стелах совершенно отсутствует алтарь, человеческие фигуры и одежда изображены гораздо более реалистично, большое внимание уделяется вооружению всадника и конскому убору, тогда как изображение коня, напротив, на чайкинском памятнике гораздо живее и реалистичнее.

Несмотря на эти различия в иконографии, нельзя отрицать композиционного сходства нашего рельефа с боспорскими стелами, где воспроизводится сцена всадника, предстоящего перед женской фигурой. В отличие от фракийских здесь персонажи связаны какой-то сюжетной линией: всадник обращается к женщине, иногда лошадь касается мордой ее колен (рис. 2).

А. П. Иванова видит на боспорских стелах сцену адорации верховной богини героизированным умершим [20]. Истоки этого сюжета, по ее мнению, надо искать еще в IV в. до н. э., где традиционным стало изображение верховной скифской богини, сидящей в высоком кресле [21].

Это предположение кажется весьма убедительным, тем более что оно подтверждается М. И. Артамоновым, который рассматривает сцены на ритоне из с. Мерджаны (рис. 3) и ковре из Пазырыка как культовые, изображающие скифских божеств [22]. Композиционное сходство с нашим рельефом несомненно; всадник предстоит перед женской фигурой, находящейся слева от зрителя. В одном случае конь спокойно стоит, в другом — медленно идет.

Безусловно, толкование сюжета на чайкинском рельефе как сцены адорации верховной богини преждевременно. Но композиционное сходство наталкивает на мысль искать аналогии среди скифских памятников, тем более, что основным населением со II в. до н. э. на городище «Чайка» были скифы [23].

Боспорские надгробия с всадниками на спокойно стоящих конях были распространены в I в. до н. э.— I в. н. э. [24] Некоторое сходство нашего рельефа с боспорскими и общий облик его дают основания предварительно датировать последний рубежом нашей эры.

Изображение лошади и всадника известно в скифском искусстве рубежа и первых веков нашей эры. Подобные изображения можно видеть в настенной живописи [25]. Ко II в. до н. э. относится рельеф из с. Керменчик с всадником [26]. Происходящий оттуда же рельеф, нижняя часть которого отбита, по мнению П. Н. Шульца, изображал Скилура и Палака так-

---

[16] *G. Kieseritzky, C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin, 1909. № 574, 599, 600, 597, 572, 571, 570, 604, 622, 624.

[17] Ibid., № 666, 669, 671.

[18] *G. Kieseritzky, C. Watzinger.* Op. cit., № 669; *А. П. Иванова.* Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины. КСИИМК, 39, 1951, рис. 9, стр. 28.

[19] *G. Kieseritzky, C. Watzinger.* Op. cit., № 675.

[20] *А. П. Иванова.* Керченская стела с изображением..., стр. 32.

[21] Там же, стр. 30.

[22] *М. И. Артамонов.* Антропоморфные божества в религии скифов. Гос. Эрмитаж 2, 1961, стр. 62—63, рис. 6, 7.

[23] *И. В. Яценко.* Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории. КСИА, 124, 1970, стр. 34.

[24] *Н. Н. Бритова.* Ук. соч., стр. 54.

[25] *О. Д. Дашевская.* Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. СА, 1962, 1.

[26] *П. Н. Шульц.* Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, 12, 1946, стр. 44.

же в виде всадников [27]. На некрополе Неаполя скифского мы находим как живописные, так и скульптурные изображения всадников. В склепе № 6 найден рельеф всадника [28]. У него борода, на голове круглая остроконечная шапка. Эти детали присутствуют и на рельефе с «Чайки». Изображение лошади более примитивно, чем на нашем памятнике, но со знанием анатомии лошади, с правильной передачей пропорций. Фигура человека не столь правильно изображена: у всадника слишком большая голова, чересчур длинные руки и ноги. На рельефе с «Чайки» также человеческие фигуры сделаны менее удачно, чем конь. В. П. Бабенчиков сравнивает рельеф из склепа № 6 со стелой из Фоти-сала. Он приходит к выводу, что «скифский художник, если он даже и небольшой мастер, умеет нарисовать коня лучше, чем человеческую фигуру, и не только знает его анатомию, но и прекрасно передает движение» [29]. Иллюстрацией тому же служит бронзовая поясная пряжка, опубликованная Н. И. Веселовским. Она изображает всадника на скачущем коне. Датируется пряжка II в. н. э. [30]

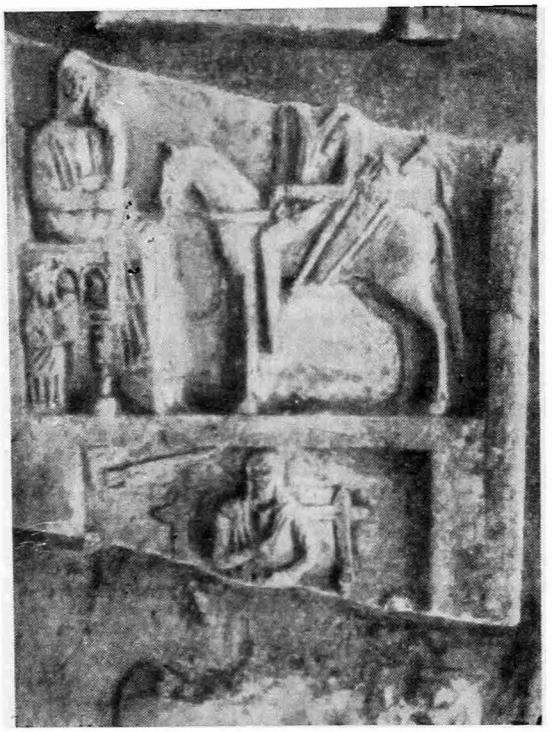


Рис. 2. Надгробная стела из Керчи

В стенной росписи склепа № 9 некрополя Неаполя скифского есть изображение всадника, где конь очень близко напоминает коня с чайкинского рельефа. Склеп № 9 датируется I в. н. э. [31] Аналогией может служить и конь на нижнем ярусе надгробной стелы со скифского городища Красное. О. Д. Дашевская относит стелу к первым векам нашей эры [32].

Поскольку аналогии всаднику мы находим в скифском искусстве, правомерно искать их там же и для женской фигуры у алтаря. Наиболее близкой по технике и манере изображения является стела из с. Поповки (рис. 4). Здесь присутствует та же схематичность, упрощенность и даже геометричность форм, голова и ноги также изображены в профиль, туловище — в фас. Видимо, на нашем рельефе руки у женщины сложены почти так же, как у фигур с Поповской стелы. О. Д. Дашевская датирует рельеф I—II вв. н. э. [33] Интересно, что городище, расположенное у с. Поповки, как и «Чайка», в середине II в до н. э. было захвачено скифами [34]. Аналогичным по манере можно считать изображение одежды

---

[27] Там же, стр. 50.

[28] *В. П. Бабенчиков.* Некрополь Неаполя скифского. ИАДК, Киев, 1957, стр. 100, рис. 3.

[29] Там же, стр. 102.

[30] *Н. И. Веселовский.* Скифский всадник. ИТУАК, 14, 1891, стр. 81.

[31] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стр. 99.

[32] *О. Д. Дашевская.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, 70, 1957, стр. 117.

[33] *О. Д. Дашевская.* Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО — 1966. М., 1967, стр. 214.

[34] Там же, стр. 212.

на стеле из с. Козырки, близ Ольвии [35] (рис. 5). Датировать этот рельеф надо также первыми веками нашей эры [36]. Женская одежда, не прикрывающая ноги до конца, изображена и на надгробии из с. Марьино. Оно вообще немного напоминает по композиции наш рельеф. Но здесь сюжет перекликается с фракийскими рельефами со сценами охоты [37].

В левой руке женщина, как уже говорилось, держит круглый предмет. В связи с этим возникает ассоциация со скифскими бляшками, где

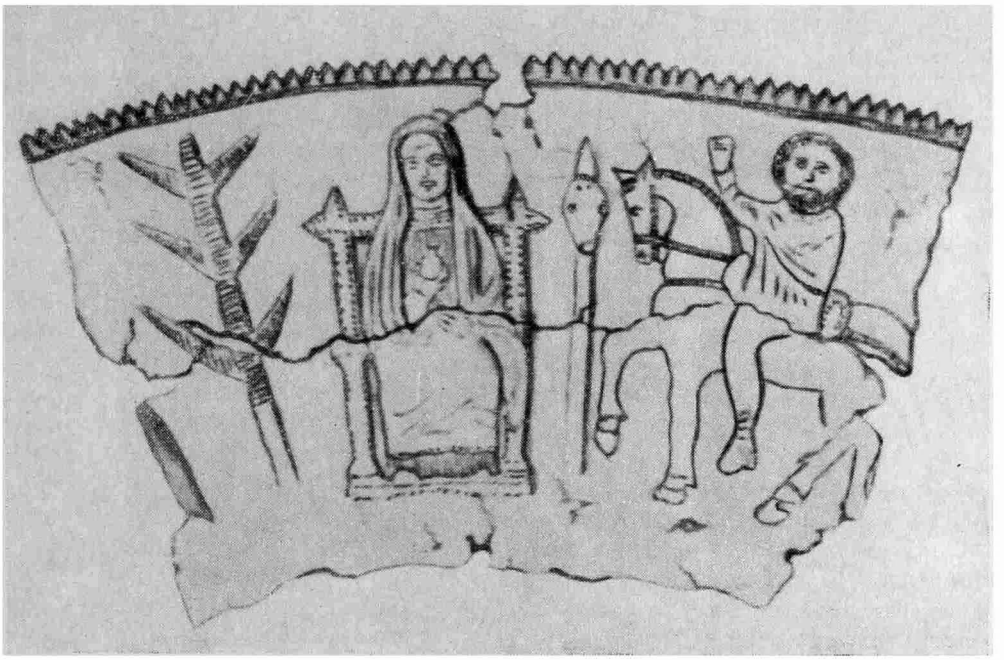


Рис. 3. Ритон из с. Мерджаны

изображена женская фигура в кресле с зеркалом в руках и перед ней скиф с ритоном [38]. На боспорских стелах часто встречаются изображения круглого предмета в руках сидящей женщины. В. В. Латышев видит в этом атрибуте гранат [39]. А. П. Иванова склоняется к интерпретации этого атрибута как шарообразного сосуда типа куль-обского [40].

Плохая сохранность нашего памятника, к сожалению, не позволяет столь определенно трактовать атрибут фигуры у алтаря. Но предмет этот скорее кажется плоским, женщина как бы прижимает его к груди. Ладонь ее повернута вниз. Держать шарообразный предмет таким образом довольно трудно. Поэтому мы вынуждены остановиться на предположении, что женщина держит зеркало.

О скифском происхождении рельефа с «Чайки» говорят и такие детали, как бородатое лицо всадника, круглая шапка на его голове и лук, который он держит в правой руке. Лук — исконное скифское оружие. Геродот называет этот предмет атрибутом царской власти в одной из версий легенды о происхождении скифов [41]. Изображение лука есть на

---

[35] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 100.
[36] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Сев. Причерноморья. Киев, 1959, стр. 82.
[37] *C. Scorpan.* Cavalerul trac. Muzeul Regional de Arheologie Dobrogea. Constanta, 1967, Fig. 6, 18, 19, 28.
[38] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 59, рис. 1.
[39] *В. В. Латышев.* Эпиграфические новости из южной России 1901—1903 гг. ИАК, 10, стр. 80.
[40] *А. П. Иванова.* Ук. соч., стр. 32, 33.
[41] *Геродот*, IV, 9—10.

одном из скифских каменных изваяний — 2-м Черноморском, которое П. Н. Шульц датирует IV—III вв. до н. э. [42]

Типично греческой деталью, присутствующей на нашем рельефе, является алтарь. Но это вполне объяснимо. И. В. Яценко называет население «Чайки», которое жило на городище в I в. до н. э.— первой половине I в. н. э., сильно эллинизированными скифами [43]. Отрицать сильное греческое влияние, которое оказывалось на местную культуру, невозможно.

Рис. 4. Стела из с. Поповка

Но несмотря на это, местные черты культуры отчетливо проступают, в частности, на нашем рельефе. В. Ф. Гайдукевич и С. И. Капошина отмечают это явление и на Боспоре, где в первые века нашей эры даже в столичных центрах местная культура определяла основной колорит их культурного облика [44].

Таким образом, рельеф с городища «Чайка» несомненно принадлежит скифскому мастеру. Датировать его надо I в. до н. э.— первой половиной I в. н. э. Этот отрезок времени был наиболее продолжительным безвоенным периодом в жизни населения «Чайки», который был необходим для

[42] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 233, 234.

[43] *И. В. Яценко.* Ук. соч., стр. 37.

[44] *В. Ф. Гайдукевич* и *С. И. Капошина.* К вопросу о культуре античных городов. СА, XV, 1951, стр. 169.

создания такого достаточно монументального произведения. Кроме того, именно в это время, по-видимому, наиболее сильными были связи Западного Крыма с Боспором [45], что подтверждает правильность сравнения нашего памятника с рельефами последнего.

Поскольку рельеф не был найден in situ, приходится специально рассматривать вопрос о его назначении.

Боспорские рельефы — это всегда надгробия, на которых изображен определенный человек, имя которого стоит в надписи, героизированный

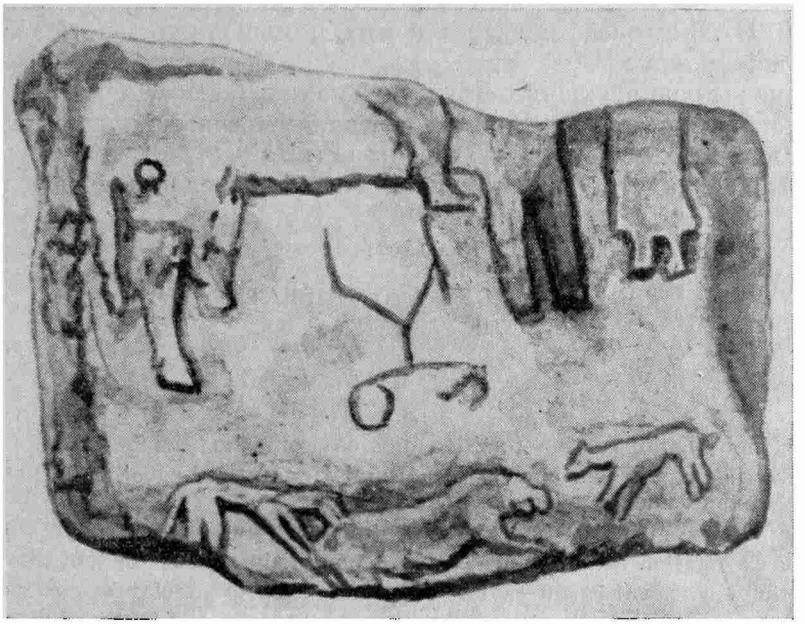


Рис. 5. Рельеф из с. Козырки

умерший. Назначение памятника, таким образом, очень тесно связано с сюжетом изображаемой сцены. В том, что на рельефе с «Чайки» мы видим не бытовую сцену, сомневаться не приходится. Здесь можно предположить надгробный сюжет, т. е. изображение героизированного умершего.

А. П. Иванова связывает все надгробные сюжеты боспорских стел с заупокойным культом, считая, что рельефы эти могут служить ярким примером слияния образа героизированного умершего с образом божества [46].

Культовый характер сцены, изображенной на нашем рельефе, несомненен. Вероятнее всего, здесь надо видеть продолжение скифской традиции изображения сцены адорации верховной богини. Сходство чайкинского рельефа с боспорскими дает основание предположить, что и на нем мы видим отождествление в фигуре всадника героизированного умершего с божеством, хотя категорически настаивать на этом пока нельзя, так как не совсем ясно назначение памятника, но всадник, пожалуй, занимает подчиненное положение по отношению к женской фигуре, как и на боспорских стелах.

Весь облик нашего памятника очень напоминает надгробия, вероятнее всего, он и имел такое назначение. Но есть ряд моментов, которые вносят некоторые сомнения и мешают определенно, без оговорок, высказаться за

[45] *А. Н. Щеглов.* Основные этапы истории..., стр. 340.
[46] *Г. П. Іванова.* Ук. соч., стр. 170, 180.

это предположение. Совершенно непонятно значение прямоугольника и окружностей, имеющихся над изображениями персонажей рельефа. Кажется несомненным только то, что знаки эти носили религиозно-магический характер.

В окрестностях городища «Чайка» не был найден грунтовой могильник, а невозможность принадлежности такого рельефа курганному некрополю доказывать нет необходимости.

В связи с этим кажется небезынтересным вспомнить, что рельефы с так называемым фракийским всадником предназначались для святилищ фракийских богов, которые были найдены и на территории Крыма [47]. По мнению Н. Н. Бритовой, рельефы в них помещались на стенах и были чем-то вроде «иконок» [48].

Последнее предположение пока не может быть подкреплено более вескими доказательствами. Вопрос о знаках остается открытым. Возможно, дальнейшие работы на городище «Чайка» выявят новые материалы, которые дадут основания для более определенных выводов.

E. A. Popova

RELIEF PROVENANT DE L'AGGLOMERATION FORTIFIEE DE «TCHAIKA»

Résumé

En 1969, sur l'agglomération fortifiée aux environs du sanatorium de «Tchaïka» (Eupatoria), on a mis au jour une dalle à relief figurant un cavalier devant un autel à côté duquel se tient une femme débout (fig. 1, 2).

L'analyse de la figuration et sa confrontation avec autres monuments analogues a démontré que la création de ce relief est dûe à un artiste scythe. En tant que analogies de la figuration du cheval et du cavalier, on peut citer le relief provenant du caveau N°. 6 de Neapolis-la-Scythe (fig. 4), un détail de peinture murale du caveau N°. 9 de la même nécropole (fig. 5), une dalle tombale provenant du village de Krasnoïé (O. D. Dachevskaïa. Agglomération fortifiée scythe de Krasnoïé, КСИИМК (Résumés des rapports et prospections de l'Institut d'Histoire de la Culture Matérielle, 70, 1957; p. 117). Les figurations féminines semblables à celle debout près de l'autel sur le relief de «Tchaïka» se trouvent sur les dalles tombales provenant des agglomérations fortifiées de Popovka (fig. 6) et de Kosyrki (fig. 7).

Le relief n'a pas été trouvé in situ et de ce fait la destination du monument n'est pas tout à fait évidente. Du point de vue de composition on peut y observer une certaine similitude avec les stèles bosphoriennes (fig. 2). Il est probable que le relief servait de stèle et figurait une image héroïsée du défunt. Pourtant les doutes subsistent du fait de la présence sur le relief des signes, solaires, probablement, et de l'absence de cimefière aux environs. Il est possible que le relief était une sorte de «petites icônes» phraciennes (N. N. Britova. Figuration de cavalier sur le relief de Thrace et de Bosphore. КСИИМК 22, 1948, page 54). On n'a pas encore trouvé d'analogie aux signes du relief.

Le monument doit être daté du I s. avant n. è.— la première moitié du I siecle de n. è.

---

[47] *М. И. Ростовцев.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, 40, 1911, стр. 19.

[48] *Н. Н. Бритова.* Ук. соч., стр. 54.

А. И. МАРТЫНОВ

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ШЕСТАКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В результате раскопок Шестаковских курганов в Кемеровской области к нескольким сотням известных сейчас погребальных масок, относящихся к переходному тагарско-таштыкскому времени и таштыкской культуре, прибавилась великолепно сохранившаяся скульптурная голова человека (рис. 1), обнаруженная среди сожженных костей, большого количества керамики, бронзовых и железных предметов на дне обширного склепа шестого кургана [1]. Курган относится к первой половине I в. до н. э. [2]

Значительный интерес представляют условия находки: устройство погребального сооружения и предметы, сопровождавшие скульптурный портрет.

Шестой курган довольно значителен по размерам: диаметр 28 *м*, высота 1,5 *м*. Структура его прослеживалась очень четко. Под почвенным слоем залегал так называемый серозем, составлявший основную толщу насыпной земли. Под ним, занимая почти всю площадь кургана, находился слой обожженной глины толщиной до 0,3 *м*. Вся могильная яма и значительное пространство на несколько метров вокруг нее были покрыты обуглившимся слоем бересты. Обожженная глина вокруг могильной ямы залегала радиусом более чем на 8 *м*. К тому же в этом слое встречались мелкие угли и обгоревшие кости. Можно предположить, что в центре кургана была площадка, на которой, вероятно, производилось сожжение трупов. Возможно, что вокруг этой площадки шла стена, возведенная из дерна, или вал, насыпанный из земли. Высказать такое предположение позволяют два обстоятельства: во-первых, слой обожженной глины резко обрывался на расстоянии 2—4 *м* от края насыпи и только в южной части кургана он подходил вплотную к краю кургана, возможно, здесь был вход; во-вторых, по краю кургана залегала однородная очень плотная земля, которая могла образоваться от слежавшегося дерна. В центре кургана, над склепом, было сооружение — крыша, от которой остался обширный слой обуглившейся бересты.

В центре кургана была одна прямоугольная могильная яма размером 6,5×6 *м*, глубиной 2 *м* (рис. 2). Сверху ее заполняла пережженная глина оранжевого цвета, в которой иногда попадались обломки костей, незначительные кусочки керамики и камни. Около стенок и дна могильной ямы

---

[1] Шестаковский курганный могильник расположен на правом берегу Кии, около с. Шестаково. Он состоял из десяти земляных курганов, исследованных автором в 1968 г. В раскопках принимали участие студенты Кемеровского пединститута и аспирант Новосибирского университета А. М. Кулемзин.

[2] *Г. С. Мартынова.* Памятники Ачинско-Мариинской лесостепи в гунно-сарматское время (III в. до н. э.— V в. н. э.). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1971.

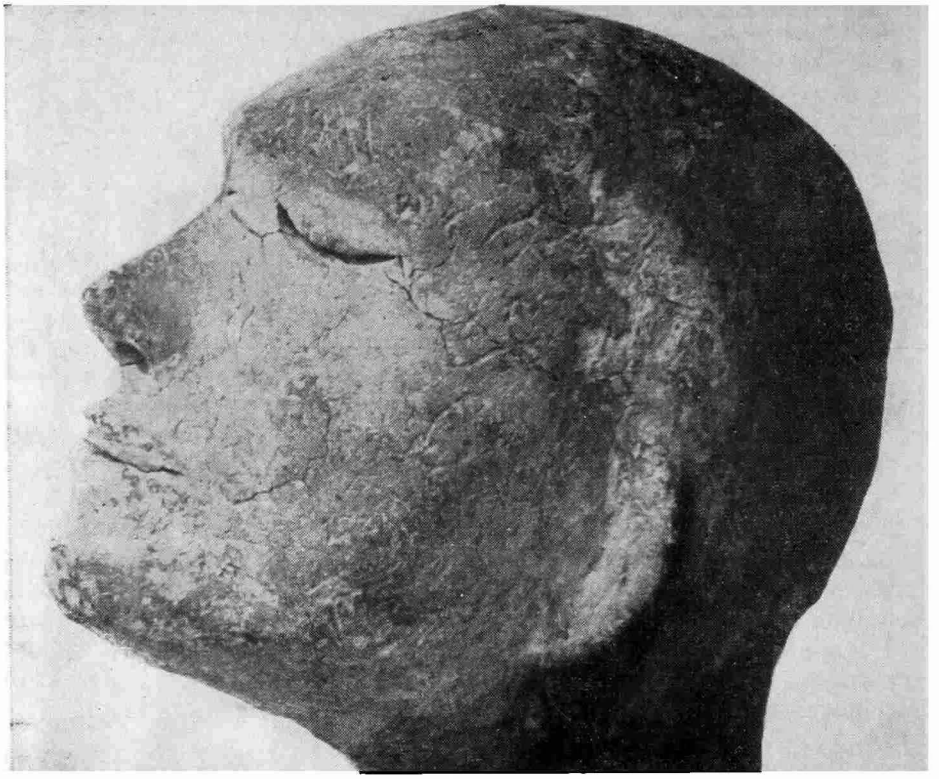


Рис. 1. Скульптурный портрет человека I в. до н. э. из Шестаковского могильника

сплошной полосой залегал слой обуглившейся бересты и остатки бревен перекрытия. Одно бревно сохранилось посреди могильной ямы. Оно лежало концами на юго-запад — северо-восток. Незначительные остатки обуглившихся бревен сохранились у восточного и северного углов. Внутри могильной ямы был бревенчатый сруб в четыре венца. Между срубом и стеной могильной ямы был сооружен частокол из вертикальных, плотно поставленных друг к другу бревен. Особенно хорошо бревна сохранились вдоль северо-восточной и северо-западной стенок. У северо западной стены они стояли в два ряда. Здесь были расчищены остатки 57 бревен высотой около 1 *м*. В целом устройство, видимо, было следующим: пространство, где совершалось погребение, было огорожено срубом, над которым возвышались высокие стенки из вертикально поставленных бревен, выходивших на поверхность могильной ямы. Сверху на эти стенки опиралась крыша из бревен, поверх которой настилалась береста, покрывавшая склеп и значительное пространство вокруг него (рис. 3).

На дне склепа большими склоплениями лежали обуглившиеся и превратившиеся в мелкие кусочки кости. Учитывая общее расположение костей, можно предположить, что здесь находились остатки 13—15 погребений.

Многочисленные предметы погребального инвентаря, хотя и лежали в беспорядке, но были связаны с отдельными скоплениями костей (с погребениями). Например, рядом с кучкой костей в южном углу найден обломок железного ножа (рис. 4, *1*), железный кинжал (рис. 4, *4*), кусочек железа (рис. 4, *3*), не сохранивший формы предмета. Довольно много предметов лежало вдоль юго-восточной стенки: кусочек бронзы (рис. 4, *6*), железное кольцо (рис. 4, *7*), серебряная серьга с подвеской на конце

(рис. 4, *8*), кусочек золотой фольги (рис. 4, *9*) и отдельные бусины (рис. 4, *5*, *10*, *11*). Далее, вдоль стенки, лежали: кусочек золотой фольги (рис. 4, *12*), железная пряжка (рис. 4, *13*), железные кольца (рис. 4, *14*, *15*), бесформенный кусочек железа и черепки от сосуда (рис. 4, *X*). Рядом с этими предметами у юго-восточной стенки, в слое пережженной докрасна сыпучей глины, была обнаружена лежавшая на боку скульптурная голова человека, вылепленная в натуральную величину. Рядом найдено большое число черепков от пяти сосудов (рис. 4, *VI*, *VIII*, *X*, *XI*, *XIX*). Около головы обнаружены также бесформенные куски обожженной глины и белая сыпучая однообразная масса. Кроме этого, в других частях склепа найдено значительное число различных предметов, относящихся к культуре переходного периода в Ачинско-Мариинском лесостепном районе. Многие из них представляют значительный интерес как датирующий материал: бронзовая круглая в сечении гривна, изогнутый плоский предмет с головкой животного на концах, две бронзовые круглые выпуклые бляшки с петелькой на обратной стороне и бесформенные оплавившиеся большие бронзовые фигурные бляшки. На одной из них сохранилось изображение задней части какого-то животного с длинным, загнутым на конце хвостом (рис. 5, *14*). Возможно, это было изображение барса. Большинство предметов железные. Среди них несколько железных ножей (один с кольцевым навершием), несколько железных круглых и овальных поясных пряжек, колец и железный крючок. Все эти предметы весьма характерны

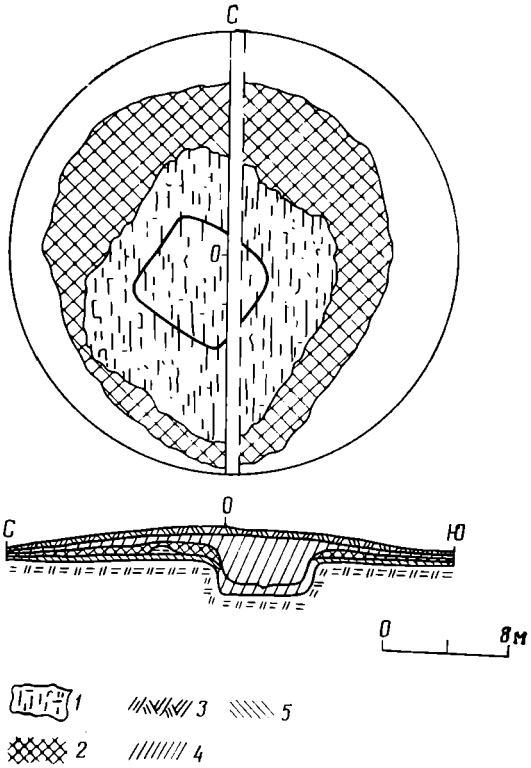


Рис. 2. План и профиль кург. 6

1 — слой бересты вокруг могильной ямы; *2* — слой обожженной глины (площадка); *3* — дерн; *4* — серозем; *5* — погребенная почва

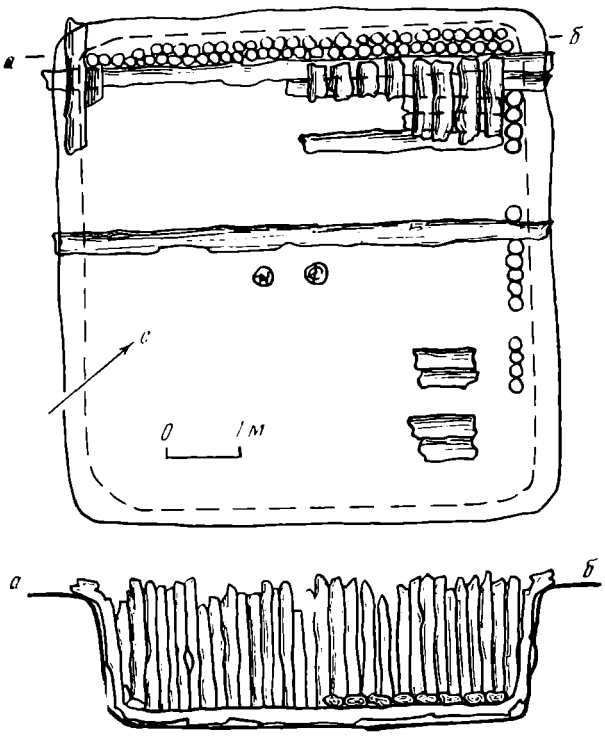


Рис. 3. Устройство погребального склепа (план и профиль стенки)

для I в. до н.э. Они имеют много общего с предметами ранней поры изыхского этапа таштыкской культуры [3] или тесинского времени по периодизации М. П. Грязнова [4]. К тому же наличие восьмеркообразной пряжки и железного ножа с кольцевым навершием, отсутствие бронзовых орудий, встретившихся в «Кургане за поскотиной» и Назаровском кургане в Причулымье, относящихся ко II в. до н.э., значительное количест-

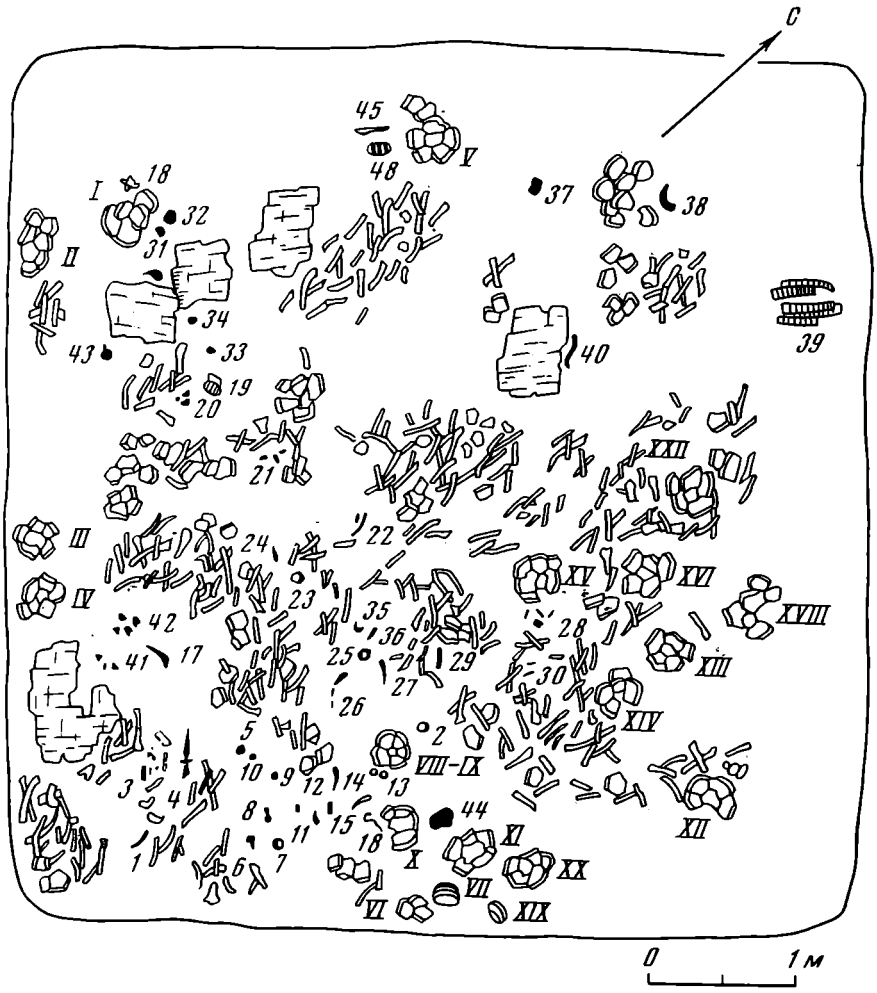


Рис. 4. Остатки погребений на дне склепа 6

I — XXIII — глиняные сосуды; *1, 26, 27* — железные ножи; *2* — костяное кольцо; *3, 16, 17, 21, 22, 23, 36, 37* — остатки железных предметов; *4* — железный кинжал; *5, 10, 11, 32—34, 41, 42* — бусы; *6, 18, 20, 24, 28, 29, 30, 31* — остатки бронзовых предметов; *7, 14, 15, 25* — железные кольца; *8, 40—43* — подвески; *9, 12, 19* — золотая фольга; *13* — железная пряжка; *35* — бронзовое кольцо; *38* — шейная гривна; *39* — деревянный бочонок; *44* — голова; *45* — деревянная ложка; *46* — берестяной сосуд

во предметов из железа позволяет датировать описанный курган первой половиной I в. до н.э.

Этот курган выделялся среди других также относительным богатством инвентаря. Недалеко от скульптурной головы лежали серебряные спирально загнутые серьги, золотая серьга с сердоликом, несколько бусин, сделанных из полудрагоценных камней и из стекловидной массы бирюзового цвета (рис. 5, *2, 4, 5, 7*). Обращает на себя внимание глиняная по-

[3] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 75—115.
[4] История Сибири, I. Л., 1968. стр. 191—196.

суда и деревянные поделки. В склепе были баночные сосуды и сосуды на поддонах, характерные для конца тагарской культуры и широко распространенные в таштыкское время. Наряду с этим можно выделить посуду, ничего общего не имеющую с тагарской. В склепе встречена, например, чашечка, украшенная зигзагообразным штампом (уточка); толстостенные

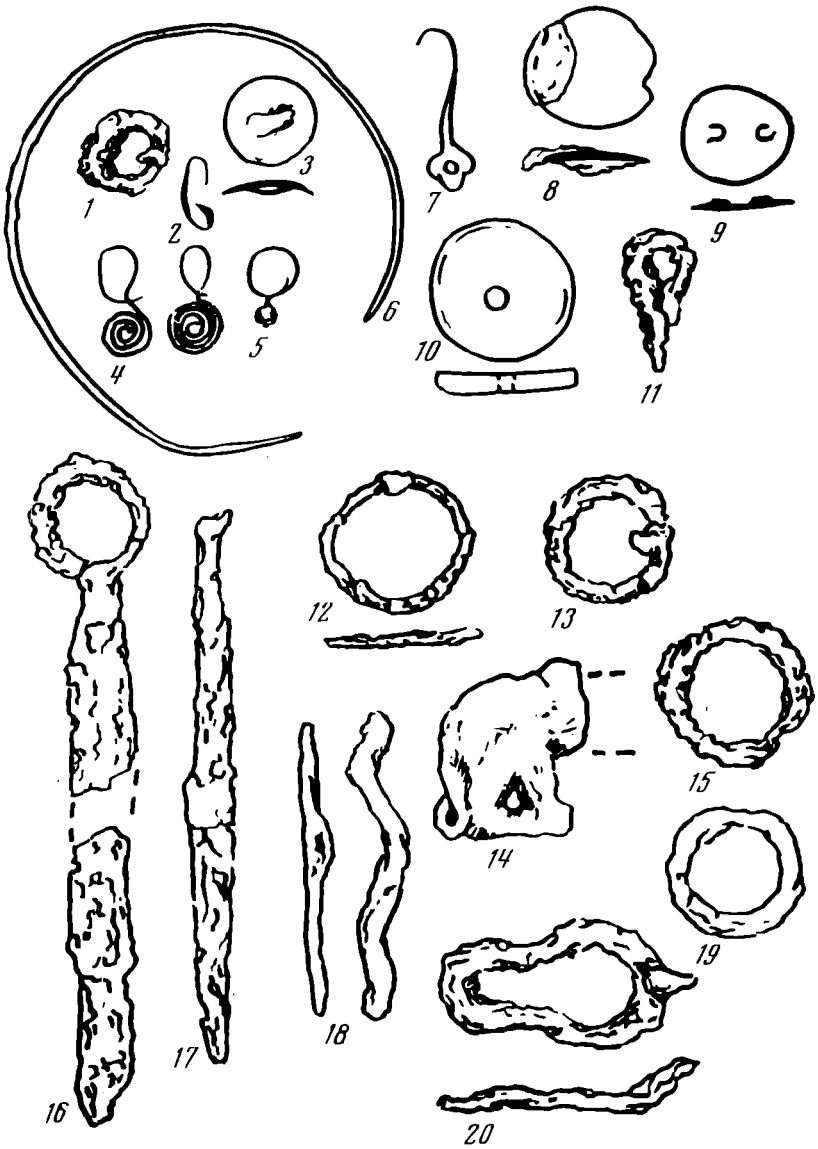


Рис. 5. Предметы из кург. 6

1, 12, 13, 20 — железные пряжки; *2, 4, 5, 7* — серьги из серебра и золота; *6* — шейная гривна; *8, 9* — бронзовые бляшки; *10* — костяная бляшка; *11* — железный крючок; *14* — часть бляшки, изображающей животное (бронза); *15, 19* — железные кольца; *16, 17* — железные ножи; *18* — змеевидно изогнутый предмет (бронза)

низкие сосуды с выпуклыми боками и массивными выступами-ручками по бокам. Последние характерны для северных, лесостепных районов в переходное тагарско-таштыкское время[5]. Кроме того, в склепе 6 обнаружены части деревянного бочонка, несколько берестяных туесков со следами швов и кусочек крашенной охрой бересты (рис. 6). Таков материал, сопровождавший эту важную находку.

[5] *М. А. Дэвлет.* Керамика позднетагарских курганов Красноярского района, СА, 1964, 2, стр. 205—210.

Скульптурная голова лежала на боку среди фрагментов керамики и мелких обломков костей около юго-восточной стенки. Ее назначение в погребальном обряде, очевидно, было то же, что и у погребальных масок.

Тагарско-таштыкские и таштыкские погребальные маски давно вызывают интерес как произведения искусства и как предметы погребального культа. О них писали К. Горощенко[6], А. В. Адрианов[7], С. К. Кузнецов[8],

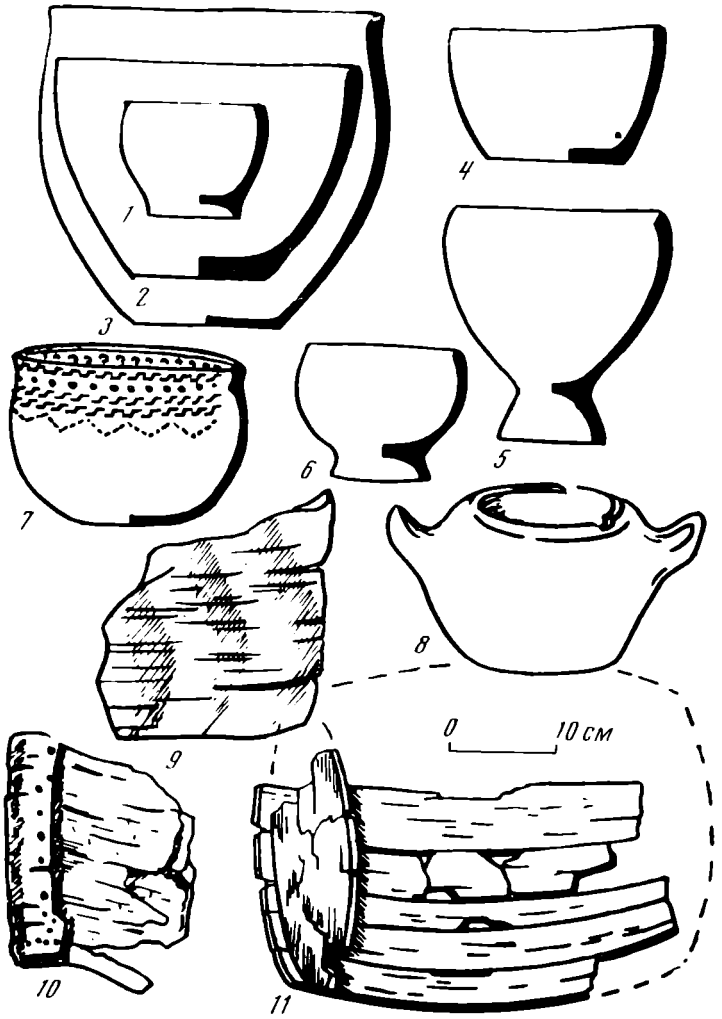


Рис. 6. Посуда из кург. 6

1—8 глиняные сосуды: *9* — кусочек бересты с красными полосами; *10* — часть стенки берестяного сосуда; *11* — деревянная бочка (реконструкция)

С. В. Киселев[9], Л. Р. Кызласов[10]. Известные до сих пор таштыкские маски были разделены С. В. Киселевым на четыре типа: I — маска лица; II — маска передней половины головы с ушами; III — маска передней половины

[6] *К. Горощенко.* Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. Труды X АС. I, М., 1899, стр. 172—183.

[7] *А. В. Адрианов.* О древних погребениях с гипсовыми масками и с трепанированными черепами в Минусинском уезде (тезисы доклада). ИАК, прибавление к 10 выпуску, СПб., 1904.

[8] *С. К. Кузнецов.* Погребальные маски, их употребление и назначение. ИОАИЭ, XXII, 2, Казань, 1906.

[9] *С. В. Киселев.* Маски из древнейших чаа-тас. Известия музея им. М. Н. Марьянова, 1 (12). Минусинск, 1935, стр. 1—8; *его же.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 446—459.

[10] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха, стр. 147—151.

головы с шеей и IV — маска-бюст [11]. Им же было подмечено, что в позднетагарских курганах встречены только маски первого и второго типов.

Голова из Шестаковского кургана не подходит ни к одному из этих четырех типов. В данном случае мы имеем особый, пятый тип таштыкского скульптурного портрета — голову, вылепленную из тонкой размельченной глины с незначительными включениями кварцита. Внутри нее, как показал, рентгеновский анализ, сохранились кости черепа и имеется небольшое полое пространство, не соответствующее внутреннему объему человеческого черепа (оно гораздо меньше). Через отверстие со стороны шеи видны торчащие из застывшей глины отдельные обуглившиеся кости черепа.

Шейная часть незначительна по размерам, овальная, длиной 12 *см*, шириной 6,5 *см*. Край узкий, неровный. На глине видны застывшие отпечатки пальцев рук. Внутри отверстие суживается. Перед нами молодое лицо (мужчины), тонкое, удлиненное, со слабо выраженной скуластостью. С. В. Киселев в свое время выделил на основании общих антропологических черт маски трех типов [12].

Голова из Шестаковского могильника относится к третьему типу. О них С. В. Киселев писал: «Лица более тонкие, удлиненные, со слабо выраженной скуластостью, тонкими губами, прямо поставленными глазами, умеренными подбородками и миниатюрными, слегка вздернутыми прямыми носами» [13].

Голова деформирована. Подбородок приподнят, вытянут вперед. Однако эта особенность могла быть связана не столько с естественной деформацией, сколько с художественной манерой изображения. Кроме того, голова сплюснута с боков, что, надо полагать, связано с длительным ее пребыванием на боку и давлением массы земли. Неестественно мал затылочный выступ и необыкновенно пологий лоб. Думается, что эти особенности подчеркивают конкретные портретные черты изображенного.

Обследование головы привело к заключению, что лицевая часть и затылок были слеплены отдельно. Около ушей и примерно на расстоянии 80 *мм* от надбровных дуг, очевидно, в том месте, где проходит соединительный шов лобной и теменных частей, заметен шов соединения лицевой и затылочной частей. Есть основания предполагать, что лицевая часть скульптуры была отпечатком негативной посмертной маски. К такому выводу нас подводит целый ряд обстоятельств. Во всем облике чувствуется не обобщенный образ человека, а конкретное лицо с его глубоко индивидуальными особенностями: сильно покатым лбом, глубоко запавшими глазницами, тонкими губами и прямым, тонким, острым и немного вздернутым носом. Подбородок несколько выступает вперед. Правая бровь дугой резко опускается к носу и виску, а левая, наоборот, строгая, прямая, немного асимметричный разрез глаз, чуть приподнятая правая ноздря, немного асимметричный, сдвинутый вправо рот и несколько больший выступ правой скулы. Все это создает глубоко индивидуальные, портретные черты какого-то человека, жившего в Южной Сибири на рубеже нашей эры.

Давно было подмечено, что маски из таштыкских склепов изображали индивидуальные лица мужчин и женщин [14].

В то же время многие детали лица очень смело художественно доработаны. Так, разрез глаз четко сделан острой прорезью в виде полумесяца, выполненной по сырой глине каким-то острым предметом, может быть ножом с коническим в сечении лезвием. В художественном отношении создается впечатление закрытых, мертвых глаз и чуть-чуть выпуклых тонких век. Удивительно тонко передана безжизненность плотно сжатых тонких губ. Несколько подправлен и, видимо, доделан был нос; у основания

---

[11] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири, стр. 450.

[12] Там же, стр. 440—450.

[13] Там же, стр. 450.

[14] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири, стр. 450; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха, стр. 150.

Рис. 7. Общий вид головы

его видны легкие отпечатки пальцев; ноздри сделаны острым предметом уже после того, как нос был сформован.

Очень интересно сделаны уши: ушные раковины получились смятыми, плотно прижатыми к голове, они выступают на голове в виде нечетких бугорков. Эта особенность еще раз подтверждает мысль о том, что лицевая часть делалась по негативной маске. Только на негативной маске, когда снимают слепок с лица, и уши в результате давления формовочной массы деформируются, может получиться такой отпечаток ушной раковины. Внизу в мочках были проделаны сквозные отверстия диаметром 2,5—3 *мм* для серег.

Обследование шестаковского портрета подтвердило ранее сделанные наблюдения о том, что шея, нос и подбородок формовались отдельно[15]. Однако швы настолько тщательно заглаживались, что совершенно незаметны места соединения отдельных частей. Заметно лишь только, что нос приделывался отдельно. Очевидно, по шву он и треснул на переносье и внизу. Следы прикрепления и заглаживания пальцами видны около ноздрей.

Поверхность лицевой части была дополнительно обмазана тонким слоем жидкой глины (рис. 7). На ней сохранились также нечеткие следы раскраски. Черная небольшая полоса заметна около носа. Легкие следы чер-

[15] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири, стр. 448.

ной краски остались около губ и на щеках. На подбородке и снизу на щеках видны слабые размытые следы кирпично-красной, коричневатой и желто-красной краски. Однако определить какой-либо рисунок на лице так и не удалось. Кроме того, лицевая часть была, вероятно, вся тонирована и имела приятный красновато-желтый цвет, очень близкий к цвету человеческого лица.

На левой стороне головы по виску и вдоль щеки внизу видны следы насечки в виде коротких прямых и ломаных линий, проведенных по сырой глине тупым предметом. Однако в сочетании линий трудно уловить какую-либо закономерность.

Более грубо по сравнению с лицом была выполнена затылочная часть. Поверхность ее неровная, на ней сохранилась масса отпечатков пальцев рук. Затылочная часть не заглажена, обожжена неровно, пятнами. С левой стороны она серовато-черная, а справа — серая, обожженная сильнее.

Ряд признаков свидетельствует о том, что голова крепилась, вероятно, на манекен, своеобразную погребальную куклу, как это обнаружено Л. Р. Кызласовым в Оглахтинском могильнике [16]. На поверхности исследуемой головы хорошо видны небольшие дырочки и оттиски тонкой крученой веревки. Четыре небольших отверстия, диаметром 1,5—2 *мм*, расположены в ряд по месту соединения лобной и теменной костей. Здесь же, рядом с крайним левым отверстием, сохранился четкий отпечаток крученой веревочки, которая выходила из этого отверстия. Длина отпечатка 60 *мм*. Большое отверстие диаметром 5 *мм* слева на виске и восемь небольших углублений было на затылочной части. Из четырех шли отпечатки тонких веревочек. Веревочки спускались вниз, по шее (рис. 8) Можно предположить, что с их помощью голова поддерживалась вертикально и прикреплялась. Обнаруженные на голове отверстия без отпечатков веревок сделаны по сырой глине. Обследование показало, что в них были воткнуты деревянные палочки. Вероятно, на голове был убор из волос, может быть, ткани, меха или кожи. Веревочки и палочки, отпечатки которых сохранились на глине, могли быть также частью пышного головного убора.

Внутренние стенки шейного отверстия неровные, на них видны следы гладких четырехугольных стрежней и шнурков. Обследование показало, что голова была надета на два стержня. Один стержень имел сечение 15×15 *мм*. От него сохранился довольно четкий след. Второй стержень поддерживал голову под углом к первому в 45°. Очевидно, он подпирал ее спереди. От этого стержня тоже сохранился довольно ясный след. Кроме того, установлено, что голова опиралась на что-то мягкое, очевидно, покрытое материей или кожей, от которой тоже остался след с внутренней стороны шейного отверстия спереди и справа. По бокам и сзади сохранились вдавления, которые могли быть отпечатками кожаных ремешков (рис. 9).

Внутри шейного отверстия и по бокам хорошо заметны два небольших отверстия, из которых шли крученые веревочки. Отпечатки веревочек сечением 2—2,5 *мм* хорошо сохранились на застывшей глине. Все это свидетельствует о том, что голова прочно крепилась с помощью двух стержней и веревочных тяжей не к телу умершего, а, очевидно, к погребальной кукле, передающей образ умершего. Вероятно, погребальная кукла была в общих чертах похожа на таштыкские погребальные куклы, обнаруженные Л. Р. Кызласовым в Оглахтах [17]. Вместе с бальзамированными мумиями внутри склепа находились две «куклы», выполненные из травы и материи в натуральный человеческий рост. «Голова была сшита из шелка.

---

[16] *Л. Р. Кызласов.* Кто жил в Хакассии две тысячи лет назад. «Наука и жизнь», 1969, 12, стр. 93—96; *L. Kyslassow.* Das Grabmal am Jenissej. «Ideen des exakten Wissens», 1971, 8, S. 517—522.

[17] *Л. Р. Кызласов.* Кто жил в Хакассии две тысячи лет назад, стр. 93—96; *L. Kyslassow.* Das Grabmal am Jenissej, S. 517—522.

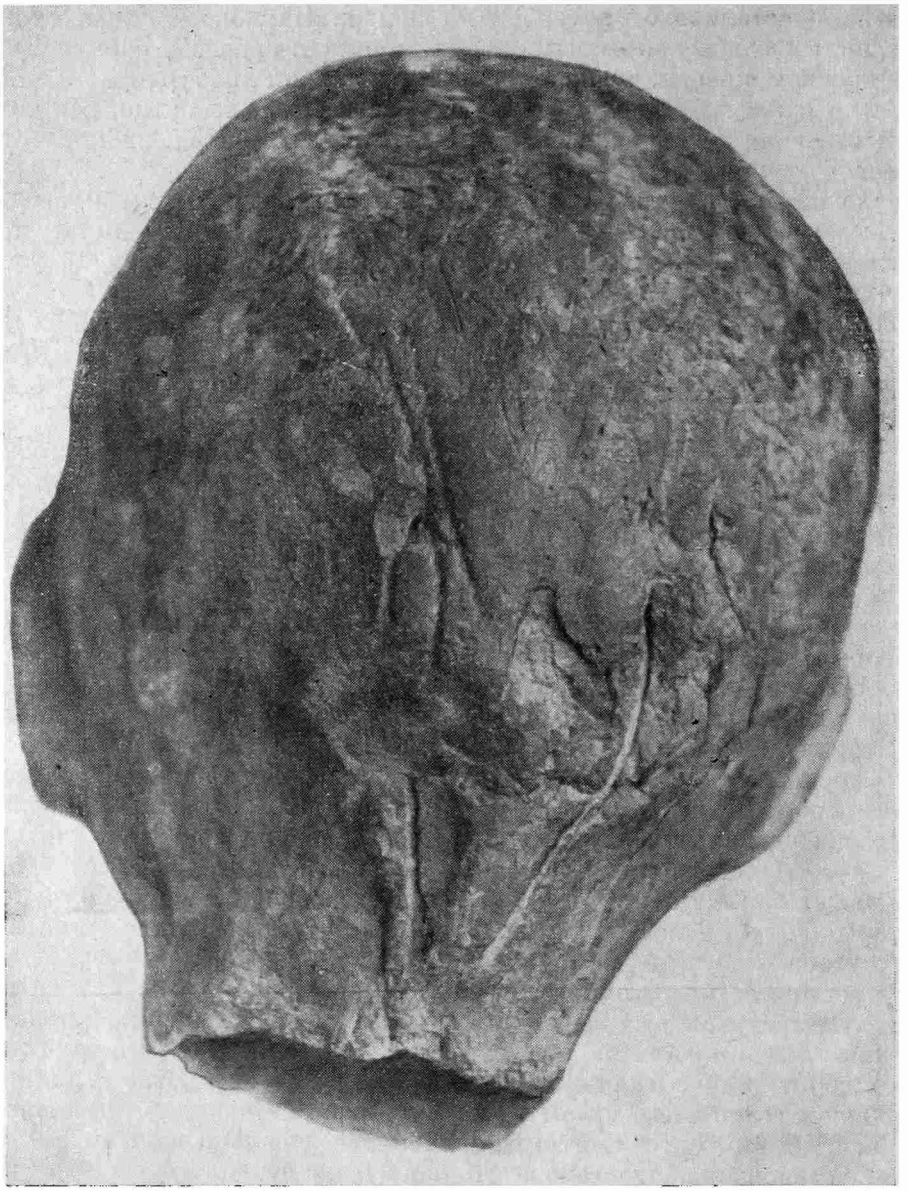


Рис. 8. Отверстия и следы от веревок на затылочной части головы

На ткани темно-красной краской нарисовано лицо: брови, глаза, нос и рот»[18]. В связи с этим, учитывая приведенные нами особенности устройства глиняной головы, есть основания предположить, что она была частью примерно такой же куклы, от которой, естественно, при сожжении склепа ничего не сохранилось.

Наряду с описанной головой в этом же склепе были найдены и обломки погребальной маски, сохранившиеся, к сожалению, только в виде совсем мелких фрагментов. Сохранился небольшой кусочек щеки, раскрашенной красной краской, остальная часть маски превратилась в кучку белого сыпучего вещества.

Кроме того, в склепах 1 и 5 Шестаковского могильника были встречены куски застывшей глины с отпечатками кожи, волос, зубов, глазниц и полости рта. Такие фрагменты известны и в других памятниках переходного

[18] *Л. Р. Кызласов.* Кто жил в Хакассии две тысячи лет назад, стр. 96.

периода [19]. Очевидно, это фрагменты таких же глиняных голов. Обследование кусков глиняной обмазки из Шестаковского могильника убеждает нас в том, что, очевидно, с лица удалялась мягкая ткань и головной мозг и значительная часть пространства внутри черепа заполнялась глиной, после чего делали лицевую часть. Наши выводы совпадают с ранее проведенными наблюдениями Л. Р. Кызласова относительно изготовления некоторых масок. Он пишет, что после посмертной трепанации череп обмазывался глиной, причем глина затекала через носовую полость и глазницы внутрь черепа [20].

Таким образом, среди материалов Шестаковского могильника найдены два типа погребальных скульптурных изображений человеческого лица: объемное портретное изображение головы и обычная таштыкская раскрашенная маска.

Рис. 9. Шейное отверстие головы

Естественно, что особый интерес вызывает назначение масок, их семантика в погребальном обряде. Этого вопроса не обошел ни один исследователь, касавшийся погребальных масок. Создание масок, несомненно, связано с разнообразными и сложными культовыми погребальными обрядами, которые требовали, видимо, длительного сохранения портретного образа умершего. Погребение в склепе и его сожжение было уже заключительной церемонией. Прав Л. Р. Кызласов, утверждая, что «до погребения слегка бальзамированные мумии с масками находились для совершения необходимых обрядов в каком-то святилище. Этого требовал культ предков» [21].

В связи с этим особый интерес представляют проведенные нами наблюдения над устройством кургана. Таким святилищем, на наш взгляд, была площадь самого кургана. Церемонии сжигания трупов, а может быть и их посмертная трепанация, изготовление скульптурных портретов и погребальных манекенов производились на площадке из обожженной глины, занимавшей значительную площадь в центре кургана. Там горели погребальные костры, о чем свидетельствует обожженная глина, остатки пережженных костей, угли и отдельные черепки посуды. На этой же площадке, очевидно, и выставлялись манекены умерших с масками и портретными скульптурными головами, передающими образы умерших. Вероятно, они были поставлены в рост или посажены, если учесть, что исследованная нами голова прочно крепилась в вертикальном положении, о чем свидетельствуют следы от двух стержней и поддерживавших ее веревок. Это был своего рода пантеон. Сверху, в центре его, а может быть и над всей площадью возводилась крыша из бересты, обуглившиеся остатки которой покрывали большую площадь в центральной части кургана.

[19] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха, стр. 147—148.
[20] Там же, стр. 148.
[21] *Л. Р. Кызласов.* Кто жил в Хакассии две тысячи лет назад, стр. 95.

Однако в дальнейшем при погребении в склепе, как справедливо подметили С. В. Киселев[22] и Л. Р. Кызласов[23], сородичи уже не заботились о сохранении образа умершего; он разрушался обычно вместе со склепом, который поджигали. Маски разрушались от огня, рассыпались под тяжестью бревен и земли. Очевидно, обряд, связанный с таинственной силой огня, получил особенно широкое развитие только в самом конце тагарского времени и в переходный тагарско-таштыкский период, когда сожжение всей камеры стало заключительным актом сложной погребальной церемонии. Необходимо при этом учесть, что склепы, представляющие собой помещения для мертвых со входом, долгое время находились открытыми. Туда в течение, может быть, нескольких лет вносили и складывали кости сожженных трупов, ставили сосуды, клали вещи. В это время, наверное, поддерживался порядок внутри и на культовой площадке вокруг погребальной камеры. Потом ее заваливали мелким хворостом, поджигали и засыпали землей. После этого завершающего акта фактически прерывалась всякая «связь» с мертвыми сородичами, и культовое место превращалось в курган.

Антропологическая характеристика погребальной маски дается в заметке В. П. Алексеева, печатающейся ниже.

A. I. Martynov

PORTRAIT SCULPTE D'UN HOMME PROVENANT DE LA NECROPOLE DE CHESTAKOVO

Résumé

Les fouilles des tumuli du I s. avant n. è. situés près du village de Chestakovo sur une rive de la rivière de Kiia en Sibérie ont livré une tête d'un homme sculptée en argile. L'inhumation était pratiquée en caveau sépulcral mesurant 6,5 m × 6 m. La tête sculptée gisait dans un amas des os brulés et d'objets archéologiques attribuables à la période de transition entre le Tagar et Tachhyk: couteaux en fer aux pommaux en anneau, boucles de ceinture circulaires et ovales, agrafes, feuille d'or, boucles d'oreille à un pendant et d'autres objets dont plusieurs sont analogues aux trouvailles datant du début de la période d'Isykh de la civilisation de Tachtyk.

La partie faciale de la sculpture est portraitisée et figure un homme concret au front bas, les yeux enfoncés profondement, les lèvres minces et le nez droit pointu. Certains détails du visage, tels que nez, oreilles, sourcils, sont artistiquement achevés et à l'intérieur des fragments du crâne se sont conservés. La tête était probablement fixée à une poupée funéraire comme c'était révélé par L. R. Kyslassov sur la nécropole d'Oglakhty.

[22] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири, стр. 453.
[23] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха, стр. 149—150.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКУЛЬПТУРНОГО ПОРТРЕТА ИЗ ШЕСТАКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Интерпретация любого скульптурного произведения в антропологических целях сопряжена с огромными трудностями. К их числу в первую очередь относятся субъективность в восприятии человеческого лица, неточности в воспроизведении лица, вкрадывающиеся в любое самое совершенное скульптурное изображение, наконец, результаты бессознательного творческого процесса, отражающие творческую индивидуальность и уровень профессионального мастерства скульптора. При антропологической

интерпретации маски-портрета из кург. 6 Шестаковского могильника все эти трудности уменьшаются, но не полностью, так как, очевидно, портрет выполнен по черепу, и поэтому фантазии мастера был положен предел. Сквозь призму этих трудностей и неизбежный субъективизм, вносимый ими в окончательное суждение, и следует воспринимать дальнейшее изложение.

Следует иметь также в виду пока малоизвестную неспециалистам-антропологам невозможность определить расовый тип отдельного человека. Расовые черты в силу относительной независимости их наследования группируются у индивидуума самым причудливым образом и не складываются в те сочетания, в которых мы фиксируем их при исследовании обширных контингентов людей, которые мы и называем расами. Поэтому, антропологически оценивая портрет отдельного человека, можно отметить лишь преобладающий комплекс признаков и возможное направление генетических связей, постоянно помня об относительности характеристики и опасности принять те или иные индивидуальные черты лица за групповые.

Портрет, по-видимому, изображает мужчину: об этом свидетельствуют покатый лоб и мощное надбровье. Правда, покатость лба, несомненно, искусственно увеличена, но он не мог быть прямым. С этой оговоркой следует воспринимать и форму головы — она низкая, вероятно еще и искусственно заниженная, и длинная.

На портрете изображен, несомненно, молодой человек, о чем говорит четкость отдельных деталей и мягкость его очертаний, ясный рисунок рта, хорошо моделированные ноздри и крылья носа. При скульптурной портретности изображения следовало бы ожидать на нем следы резких морщин, если бы изображенный был старым или даже пожилым человеком.

Лицо сильно профилировано в горизонтальной плоскости, так, как оно бывает профилировано лишь у людей европеоидной расы, скулы совсем не выступают. Соответствует этим особенностям и сильно выступающий нос с довольно высоким переносьем, низкими крыльями носа и почти параллельно расположенными ноздрями. Если добавить к этому, что нос узкий, то налицо опять характерный набор европеоидных признаков в строении носовой области. Кончик и основание носа поднятые, профиль костной части — вогнутый, хрящевой — прямой.

Особенности глазной области изображены схематично. Можно отметить только более или менее горизонтальное положение глаз. На верхнем веке и справа, и слева видны какие-то следы рельефа, но истолковать их как изображение складки века не представляется возможным.

В вертикальной плоскости лицо скорее прогнатно, верхняя губа низкая и прямо поставленная, рот относительно большой, губы тонкие. Лицо узкое и удлиненное, как и нос, со средневыступающим, но определенно очерченным подбородком. Небольшая ширина лица, горизонтальный разрез глаз и строение ротовой области дополняют список признаков, свидетельствующих о том, что перед нами представитель европеоидной расы, в лице которого нельзя найти ни одной черты, свойственной лицу монголоидов. Как истолковать это наблюдение? Если бы пришлось выбирать между всеми вариантами европеоидной расы, то дальнейшая интерпретация сделанной характеристики была бы невозможна. Описанный комплекс с одинаковой вероятностью может быть представлен и среди северных, и среди южных европеоидов. Я. Я. Рогинский неоднократно в устных выступлениях обращал внимание на то, что южные европеоиды отличаются от северных меньшим подносовым расстоянием, которое отмечено и в данном случае. Однако, во-первых, это утверждение не было подтверждено статистически, во-вторых, при единичности объекта низкая губа вполне может быть индивидуальной особенностью. Поэтому при отсутствии сведений о пигментации решить вопрос о том, изображен ли на порт-

рете представитель северной или южной ветви европеоидной расы, невозможно.

Но надобность в такой общей дефиниции отпадает, коль скоро заведомо известно по палеоантропологическим данным, что генетические связи населения нынешнего Алтайского края в эпоху раннего железа объединяли его с другими этническими группами в пределах расселения южной ветви европеоидов [1]. Задача заключается поэтому в том, чтобы интерпретировать находку как показатель генетических связей оставившего ее населения с европеоидными народами, населявшими Алтае-Саянское нагорье в эпоху раннего железа.

Известно, что классическими представителями европеоидной расы в Алтае-Саянах в эту эпоху были тагарцы. Пришедшее им на смену таштыкское население принесло с собой значительную монголоидную примесь, из чего можно заключить, что классические таштыкцы, вернее предки их, до смешения с тагарцами были типичными носителями монголоидной комбинации признаков. Разбивка тагарских черепов по стадиям и могильникам показала, что монголоидный таштыкский компонент появляется в составе тагарского населения уже в эпоху первой стадии и затем усиливается по мере перехода к таштыкской эпохе. Это означает, что начало смешения таштыкцев с тагарцами падает на самое начало тагарской стадии и лишь через три-четыре века после своего появления в степной зоне таштыкцам удается повсеместно вытеснить тагарцев.

Но скульптура-маска из Шестаковского могильника позволяет рассмотреть другой аспект проблемы — дальнейшую судьбу населения тагарской культуры после смешения его с таштыкским. Черепов из погребений таштыкской культуры по всей территории ее распространения пока немного, они относительно однородны и позволяют предполагать, что население таштыкской культуры было также однородным по своему физическому типу и что процесс смешения, продолжавшийся длительное время (по-видимому, больше десяти поколений), привел в конце концов к формированию гомогенной в антропологическом отношении группы.

С этой точки зрения шестаковский портрет принес существенную новую информацию. Четко выраженный европеоидный тип изображенного с полным основанием можно сопоставлять с европеоидным комплексом признаков на тагарских черепах. Обнаружение такого комплекса в погребальном сооружении, датируемом I в. до н. э., говорит о том, что относительная гомогенность таштыкской краниологической серии, по-видимому, не отражает полностью исключительной сложности, можно даже, пожалуй, сказать, пестроты антропологического состава таштыкского населения. Процесс смешения между таштыкским и тагарским населением, очевидно, не закончился еще и в таштыкское время, что само по себе автоматически заставляет предполагать относительную сепаратность (культурную, языковую, социальную или географическую) тагарцев среди таштыкцев. Это означает, что в составе последних в каком-то проценте встречались люди европеоидного облика, генетически восходившие к предшествовавшему тагарскому населению и в силу географической или социальной изоляции сохранившие его антропологические черты.

Такой вывод находит известное подтверждение в изучении материала, до некоторой степени аналогичного скульптурному портрету из Шестаковского могильника,— таштыкских масок [2]. Среди них отмечены маски двух типов — монголоидного и европеоидного. Последний, очевидно, можно сопоставлять с европеоидными особенностями шестаковского портрета.

---

[1] См. *В. П. Алексеев.* Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувинской автономной области. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1961.

[2] *Г. Ф. Дебец.* Антропологическое изучение таштыкских масок. Краткие сообщения Института и Музея антропологии за 1939—1940 гг. М., 1941.

Заметки

М. М. ПАХОМОВ, В. А. РАНОВ, А. А. НИКОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТУТКАУЛ

Только в самое последнее время в Таджикистане началось исследование стратиграфии, истории и условий накопления самых молодых голоценовых отложений. Археологические раскопки, проводящиеся отрядом по изучению каменного века Таджикской археологической экспедиции, позволили конкретно подойти к проблеме познания и расчленения отложений этого периода. Наиболее удобные и показательные объекты для комплексного изучения голоценовых отложений — мезолитические и неолитические стоянки, уже в большом количестве известные в Южном Таджикистане.

Одной из наиболее интересных и к тому же наиболее полно исследованных является стоянка гиссарской культуры Туткаул [1]. Она расположена на левом берегу р. Вахш, на северо-западной окраине бывшего кишлака Туткаул, выше плотины Нурекской ГЭС, в начале Пулисангинского ущелья (ныне эта территория затоплена Нурекским водохранилищем). Долина р. Вахш в этом месте глубокая, из корытообразной становится ущелеобразной, почти не имеет террас, за исключением придонной части. Днище долины находится на высоте около 700 *м*, борта — около 1000 *м*, а вершины близлежащих хребтов достигают высоты 1700 *м* над уровнем моря.

По левому берегу вдоль русла тянется терраса высотой около 30 *м*. Стоянка занимала 7000 $м^2$ (3/4 га) на поверхности этой террасы у входа в ущелье. Сверху терраса перекрыта конусом выноса из бокового сая, последний прорезал террасу на глубину 10—15 *м*, ограничивая площадку, на которой жили люди, с юга.

Выше по течению русло р. Вахш проходит в коренных породах — известняках мелового возраста. В месте расположения стоянки терраса также цокольная, но ее цоколь в прирусловом обрыве образован конгломератом (плотносцементированным галечником) из галек пестрого состава, разного размера, хорошей окатанности. Возраст этого конгломерата, некогда заполнявшего древнее русло реки, должен, по аналогии с другими участками долины Вахша и соседних рек, относиться к концу среднечетвертичного времени.

Собственно террасовые отложения в современном разрезе представлены галечником разного, в том числе и крупного, размера, хорошей окатанности, мощностью 2—4 *м* — русловым аллювием. Перекрывающие этот аллювий отложения вскрыты раскопом у тыльного шва террасы. Раскоп

[1] *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, 1971, 2.

удален от бровки террасы на 100—200 *м*. Здесь руслового аллювия не обнаружено. Пойменные отложения представлены внизу слоистой супесью, частью с обломками песчаников и известняков, вверху — чередованием супесей и песков, пылеватых, тонкозернистых, тонкослоистых с пролювиальной линзой мелкой щебенки и гальки. Общая мощность пойменного аллювия составляет около 3 *м*, в нем на глубине 2 *м* от кровли обнаружен культурный слой (горизонт III) толщиной всего 4—5 *см*, который содержит мезолитические орудия. Пойменный аллювий в районе стоянки перекрыт пятиметровой покровной толщей культурных напластований (до 3 *м* сверху падает на средневековое городище), представленных супесью с обломками и органическими остатками. Выше горизонтов эпохи неолита, на глубине 1,6—2,6 *м* от поверхности, вскрыта линза тонкослоистых суглинков старичного облика, местами залегающих на линзах известковистого щебня.

Всего на стоянке Туткаул обнаружено четыре культурных горизонта. Два верхних, общей мощностью до 2 *м*, датируются эпохой неолита (гиссарская культура); второй, основной, горизонт для кровли имеет две радиоуглеродные даты — 7100 ± 140 лет (ЛЕ — 690) и 6760 ± 110 (ЛЕ — 777), а основание горизонта одну — 8020 ± 70 лет (ЛЕ — 772). Таким образом, первый и второй горизонты Туткаула, относящиеся к развитому этапу докерамического неолита юга Таджикистана, охватывают в основном VI, может быть и начало V тысячелетия до н. э.

Ниже, в щебенчато-галечниковой линзе, подстилающей гиссарский горизонт, находятся каменные орудия (вероятно, в переотложенном состоянии), которые на основании типологии могут относиться к эпохе мезолита и датироваться VII — VIII тысячелетиями до н. э. (горизонт 2-А).

Третий горизонт Туткаула, связанный с упоминавшимися аллювиальными пойменными отложениями, находится in situ на высоте 28 *м* над урезом Вахша и по археологическим данным датируется в рамках X—XI тысячелетий до н. э.

Если люди, оставившие следы своей жизни в горизонтах 3 и 2-А Туткаула, были охотниками и собирателями, то носители гиссарской культуры (Туткаул 1—2) имели уже производящее хозяйство, основой которого, по-видимому, было скотоводство [2].

Среди небольшого количества костей животных, полученных при раскопках второго горизонта, Б. Х. Батырову удалось определить кости диких животных: лисицы (Vulpes vulpes L.), благородного оленя (Cervus elaphus L.), быка (Bos primigenius Boj.?), а также домашних: осла (Equus asinus) и барана (Ovis sp.) или козы (Capra sp.) [3].

Малое количество диагностируемых костей делает указанные определения в значительной степени условными, и лишь накопление данных по фауне гиссарских неолитических стоянок позволит сделать более уверенные выводы по составу фауны Туткаула, в частности подтвердить справедливость определения костей домашнего осла в слоях бескерамического неолита.

Первые результаты в этом плане уже получены. Так, Ш. Шараповым сделаны определения фауны из соседнего с Туткаулом поселения гиссарской культуры — Саеда [4], где выделены кости диких животных: серого хомячка (Cricetulus migratorius Fall.), ежа обыкновенного (Erinaceus hemichinus), крысы туркестанской (Rattus turcestanicus Satun), дикобраза (Histrix beucura Sykes), бурого медведя (Ursus arctos L.), лисицы (Vulpes vulpes L.), кабана (Sus scrofa Lin.), первобытного тура (Bos primigenius

---

[2] *Г. Ф. Коробкова.* К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, стр. 209—210.

[3] *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Ук. соч., стр. 146.

[4] *А. Х. Юсупов.* Изучение неолитических памятников юго-западного Таджикистана. УСА, 1972, I, стр. 34—36.

Boj), благородного оленя (Cervus elaphus L.), косули (Capreolus, capreolus L.), джейрана (Gazella subgutturosa Guld.), горного козла (Capra sibirica Meyer), горного барана (Ovis ammon arcal?). Среди домашних определены: бык домашний (Bos taurus L.), овца (Ovis aries) и коза (Capra hircus) домашние, лошадь домашняя (Equus caballus L.), собака (Canis familiaris) [5]. Мелкий рогатый скот составляет 73% всех костей. Данные по фауне Саеда представляют большой интерес. Однако недостаточно внимательный отбор костей, взятых для определения, привел к тому, что, по всей очевидности, в группу костей, определявшихся по возрасту VI тысячелетием до н. э., попали остатки животных более позднего времени (бронзы или античности), находившиеся в ямах, пронизывавших в верхней части слой, сопоставляемый А. Х. Юсуповым со вторым горизонтом Туткаула. Во всяком случае наличие среди домашних животных лошади и коровы заставляет с осторожностью относиться к упомянутым определениям, так как совершенно очевидно, что не все необходимые работы по фиксации положения костей в культурном слое были проведены при раскопках полностью.

Безусловно, интересно присутствие быка (Bos primigenius). По данным Б. Х. Батырова, это животное существовало на территории Узбекистана вплоть до эпохи бронзы и его исчезновение связано прежде всего с охотничьей деятельностью человека [6]. Новые находки костей дикого быка в Туткауле и Саеде окончательно подтверждают это заключение. Из всего состава диких животных в среднем течении Вахша в зоне исследований стоянок гиссарской культуры в настоящее время на данной территории не встречаются первобытный тур, косуля, джейран.

Общий состав дикой фауны Туткаула и Саеда не дает оснований для предположения о сколько-нибудь значительной разнице в климатических условиях VI—V тысячелетий до н. э. и современности. В то же время остатки оленя говорят о былом распространении тугайной растительности в среднем течении Вахша, а остатки косули могут свидетельствовать о более широком, чем сейчас, распространении лиственных лесов на фоне общего степного ландшафта, который в настоящее время близок к степному пустынному.

Получены также результаты палинологического анализа разреза (рис. 1), первые по голоцену Афгано-Таджикской депрессии [7]. Предшествующие попытки выделения пыльцы из разреза культурных слоев Туткаула, предпринятые в 1963 г. в лаборатории ВСЕГЕИ (Ленинград), а затем в 1967 г. Г. Н. Лисициной (Институт археологии АН СССР), не дали положительных результатов. Наши образцы обрабатывались В. И. Корнюхиной в лаборатории Института географии АН СССР на вибрационной установке. В образцах с глубины 1; 1,8; 2,5; 3,5 *м* (см. разрез на рис. 1) пыльца практически не выделена. Наоборот, в средней и нижней частях разреза количество пыльцы составило около 50—70 и 200 зерен соответственно, т. е. оказалось достаточным для построения диаграммы и выводов о растительности и климате окружающей территории.

Во всей содержащей пыльцу части разреза наблюдается полное преобладание пыльцы травянистых растений. Древесная пыльца составляет 0—12%, это преимущественно обычные для района компоненты современ-

---

[5] *Ш. Шарапов.* Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайед (Южный Таджикистан). Сб. «Вопросы зоологии Таджикистана». Душанбе, 1972.

[6] *Б. Батыров.* Материалы по истории териофауны Южного Узбекистана в верхнем антропогене. Авт. дис. Самарканд, 1969, стр. 33.

[7] Некоторые данные имеются для Памира, Ферганы, северных склонов Туркестанского хребта. См.: *О. Е. Агаханянц, М. М. Пахомов, А. К. Трофимов.* К палеогеографии Памира в голоцене. ИВГО, 1964, 6; *М. М. Пахомов.* Некоторые вопросы изучения голоцена гор Средней Азии. Сб.: «Палинология голоцена». М., 1971; *Л. А. Куприянова.* Пыльцевой анализ четвертичных отложений Центральной Ферганы в связи с археологическими исследованиями. БЖ, 1966, 2, стр. 51.

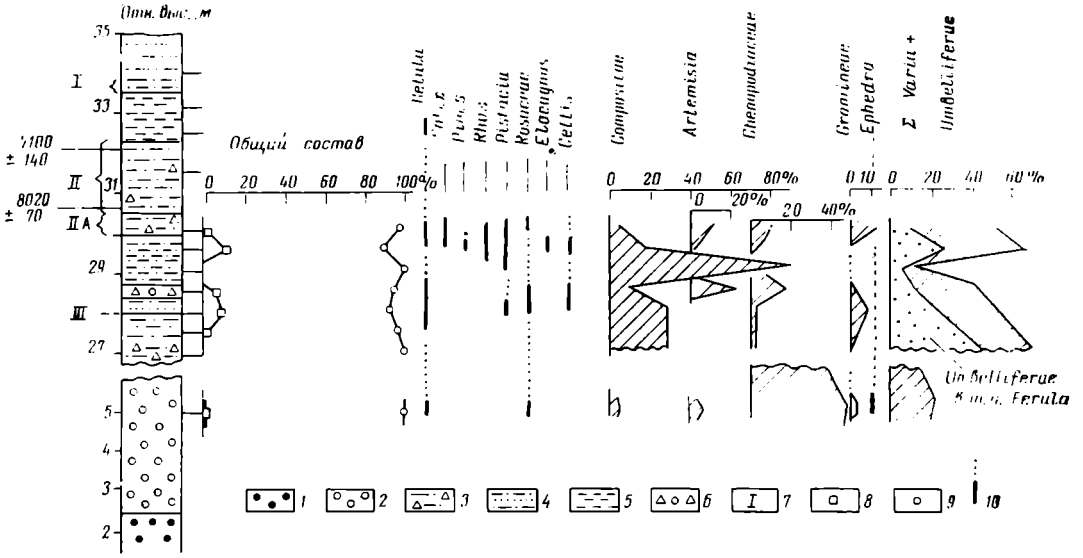


Рис. 1. Стратиграфическая колонка и спорово-пыльцевая диаграмма голоценовых отложений на стоянке Туткаул.

Цоколь террасы: *1* — конгломерат среднечетвертичного (?) возраста. Русловой аллювий 30—32-метровой голоценовой террасы: *2* — галечник. Пойменный аллювий той же террасы: *3* — супесь с обломками, *4* — пески и супеси пылеватые, *5* — тонкослоистые суглинки. Пролювиальные отложения: *6* — мелкая щебенка и галька. Культурные (антропогенные) образования: *7* — номера культурных слоев. Содержание пыльцы и спор: *8* — пыльца древесных растений, *9* — пыльца травянистых растений; *10* — присутствие пыльцы отдельных компонентов

ной флоры. Наличие единичных пыльцевых зерен березы и сосны следует отнести за счет дальнего ветрового заноса. Среди пыльцы трав преобладают два компонента: сложноцветные и зонтичные, в том числе ферула.

Отсутствие в составе пыльцы экзотических элементов флоры указывает на очень молодой, позднеплейстоценовый — голоценовый возраст отложений, что вполне согласуется с данными геоморфологии, археологии и радиоуглеродного датирования.

Для руслового аллювия в нижней части разреза характерна главным образом пыльца маревых, что свидетельствует о развитии вокруг пустынных сообществ и, возможно, растительности прибрежных засоленных почв. По соотношению с датированными культурными горизонтами это было в период до 10 тыс. лет назад. Во время формирования пойменного эллювия и нижних культурных горизонтов (около 10—7 тыс. лет назад) развивались высокотравные группировки с весенней эфемерово-эфемероидной вегетацией (преобладание пыльцы сложноцветных, зонтичных, в том числе ферулы). Такая растительность и ныне пользуется здесь широким распространением.

Фациальные отличия руслового и пойменного аллювия 30—32-метровой террасы заставляют осторожно делать сопоставления климатических условий по палинологическим данным. Не исключено, что палинологические различия верхней и нижней частей разреза ценотические, отражающие разную экологию местообитаний, в связи с различным геоморфологическим положением поверхности накопления в процессе развития долины. Однако небольшие ширина террасы и разница высот залегания руслового и пойменного аллювия делают более вероятным заключение об изменении окружающих климатических условий. В этом случае оказывается, что русловой аллювий в древнем голоцене или раньше формировался в условиях аридного климата, а вышележащие пойменный аллювий и культурные горизонты — в условиях несколько более влажного, умеренно аридного (семиаридного) климата раннего голоцена.

Весь комплекс полученных данных позволяет уверенно относить формирование 30—32-метровой (с пролювием — 35—37 *м*) и более низких надпойменных террас к голоцену, вопреки распространенному мнению об их позднеплейстоценовом (душанбинском) возрасте [8].

[8] Ср.: *Н. Н. Костенко, Г. Ф. Тетюхин, П. В. Федоров.* Рабочая стратиграфическая схема четвертичных (антропогеновых) отложений Средней Азии и Южного Казахстана. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1962, 27, стр. 163—165; *О. К. Чедия, В. В. Лоскутов.* Палеогеография Памира и сопредельных стран в плиоцен-четвертичное время. Сб.: «Четвертичный период и его история». М., «Наука», 1965, стр. 218—219; *А. Р. Макаров, Н. О. Рыбакова.* Новые данные о возрасте террас р. Вахша и некоторые выводы о неотектонике Нурекского района. ВМГУ, геол., 1972, 3, стр. 112—115.

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН, В. П. ТРЕТЬЯКОВ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. АЛТАТА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В течение 1969—1970 гг. в Дергачевском районе Саратовской обл. недалеко от с. Алтата на краю верхней террасы правого берега реки, носящей то же название, проводились раскопки неолитической стоянки [1]. Всего было вскрыто 48 $м^2$. Культурный слой мощностью около 1 *м*, начинающийся сразу же под дерном, разбирался по штыкам, 15—17 *см* каждый. В ходе раскопок удалось установить, что наибольшее количество находок залегает на глубине от 0,3 до 0,7 *м* от поверхности. Выше и ниже этого уровня встречены лишь единичные изделия.

Кроме того, раскопки показали, что и на плане находки располагались неравномерно, отдельными скоплениями. Всего насчитано пять таких скоплений, в каждом из которых было до сотни и более предметов, в основном отщепов кварцита. Между этими скоплениями насыщенность культурного слоя материалом резко падает — до двух-трех вещей на 1 $м^2$.

Всего на стоянке найдено 832 предмета, не считая некоторого количества костей животных. Среди находок 677 отщепов и 3 ножевидные пластины из кварцита, 3 небольших отщепа кремня, 12 кварцитовых отщепов с частичной ретушью. Кроме того, найдено 46 орудий труда и 91 фрагмент темно-серой керамики.

Сосуды лепились от руки ленточным способом. В качестве примесей использовалась толченая раковина. Сосуды имели прямой, с утолщением в верхней части или слегка профилированный венчик, прямые стенки. Найден один фрагмент уплощенного донышка (рис. 1, *1—6*).

67 фрагментов керамики не орнаментировано (рис. 2, *8*), остальные украшены накольчатым орнаментом (2 фрагмента), треугольными вдавлениями (5 фрагментов), неправильной формы ямками (8 фрагментов), оттисками гребенчатого штампа (12 фрагментов). В трех случаях из перечисленных отмечено сочетание на одном фрагменте треугольных вдавлений и отпечатков штампа (*а*), ямок и линий, выполненных наколами (*б*), ямок и гребенчатых оттисков (*в*) (рис. 2, *1—7*, *9*, *10*).

Все найденные в ходе раскопок венчики (их девять) украшены, большинство фрагментов стенок сосудов не орнаментировано. Это дает возможность предположить, что сосуды украшались лишь в своей верхней части, большая же часть сосуда оставалась свободной от каких-либо узоров.

Как уже упоминалось, на стоянке у с. Алтата найдено 46 орудий. Все они, за исключением двух кремневых скребков, сделаны из кварцита. Коллекцию орудий составляют скребки, наконечники стрел и копий, про-

[1] *Ю. В. Деревягин.* Находки в Саратовской области. АО — 1969, М., 1970, стр. 150; *его же*, Раскопки и разведки в Саратовской области. АО — 1970, М., 1971, стр. 160.

колка и один нож. Серия скребков включает 31 изделие. 11 из них диаметром от 2,5 до 4 *см* имеют округлую форму (рис. 3, *11*), два — овальную величиной 2 × 3,5 *см* (рис. 3, *2*). Кроме этих видов обнаружены также четыре концевых скребка, два из которых были сделаны из кварцитовых (рис. 3, *6*) и два — из кремневых ножевидных пластин (рис. 3, *13*). На стоянке у с. Алтата найдены также два скребка треугольной формы размером до 4 *см* с рабочим краем, обработанным крупной ретушью (рис. 3, *10*), два небольших округлых скребочка с высоким профилем (рис. 3, *1*), обломок одного скребка с гранью на спинке (рис. 3, *8*) и 11 скребков случайной формы.

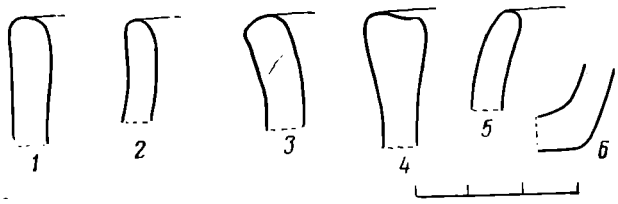


Рис. 1. Венчики и донышко неолитической посуды поселения у с. Алтата

Серия наконечников стрел представлена девятью экземплярами. Все они изготовлены из кварцита. Четыре из них — обломки или заготовки, не дающие возможности судить о форме изделия. Кроме того, найдены один наконечник с небольшой выемкой в основании (рис. 3, *4*), три листовидной формы (рис. 3, *5*, *7*) и один листовидный наконечник с несколько скошенным основанием (рис. 3, *12*).

На стоянке у с. Алтата найдены два наконечника копья. Один из них имеет листовидную форму со скошенным основанием (рис. 3, *14*), аналогичную одному из описанных выше наконечников стрел, второй — ромбическую форму (рис. 3, *16*). Величина этих наконечников равна соответственно 8,6 и 12,3 *см*. Следует упомянуть также миниатюрную кварцитовую проколку с тщательно выделанным острием (рис. 3, *3*) и обломок ножа, изготовленного из того же материала с рабочей частью, обработанной крупной, плоско нанесенной ретушью (рис. 3, *15*).

Таковы материалы неолитического поселения у с. Алтата. В заключение отметим, что кроме керамики и изделий из камня здесь было найдено около 60 костей животных, причем почти все они (50 костей) находились в квадрате № 6, где было обнаружено самое большое скопление неолитического материала (более 200 отщепов кварцита, орудий труда и фрагментов посуды).

Состав находок на данном памятнике и их планиграфическое расположение дают основание рассматривать его как стоянку-мастерскую. Действительно, сравнительно мощный культурный слой, наличие здесь орудий труда со следами употребления, костей животных и фрагментов керамики свидетельствуют о том, что в древности на этом месте не только жили, но и занимались ремеслами.

Распределение находок в культурном слое отдельными скоплениями, наличие в каждом из них большого числа разной величины отщепов (другими словами, отходов при производстве орудий труда) свидетельствуют о том, что данный памятник являлся одновременно и мастерской, где изготавливались каменные орудия. Картина, чрезвычайно близкая описанной выше, наблюдалась при исследовании верхневолжских мастерских у дер. Нестерово и Свеклино в Калининской области. Здесь экспедицией, руководимой Н. Н. Гуриной, также были зафиксированы горизонты с культурными остатками, располагавшимися неравномерно, отдельными скоплениями, причем материал каждого из скоплений состоял в основном из отщепов — отходов при производстве орудий труда [2].

---

[2] *Н. Н. Гурина.* К вопросу о макролитах верхней Волги. КСИА АН СССР, 92, 1962, стр. 26.

Такова краткая характеристика поселения у с. Алтата — пока единственного неолитического памятника в Саратовской обл.

По своим материалам поселение-мастерская у с. Алтата значительно отличается от известных в настоящее время неолитических стоянок сопредельных территорий.

Сейчас довольно хорошо известны неолитические находки на Южном Урале с их кремневой индустрией и своеобразной керамикой, украшен-

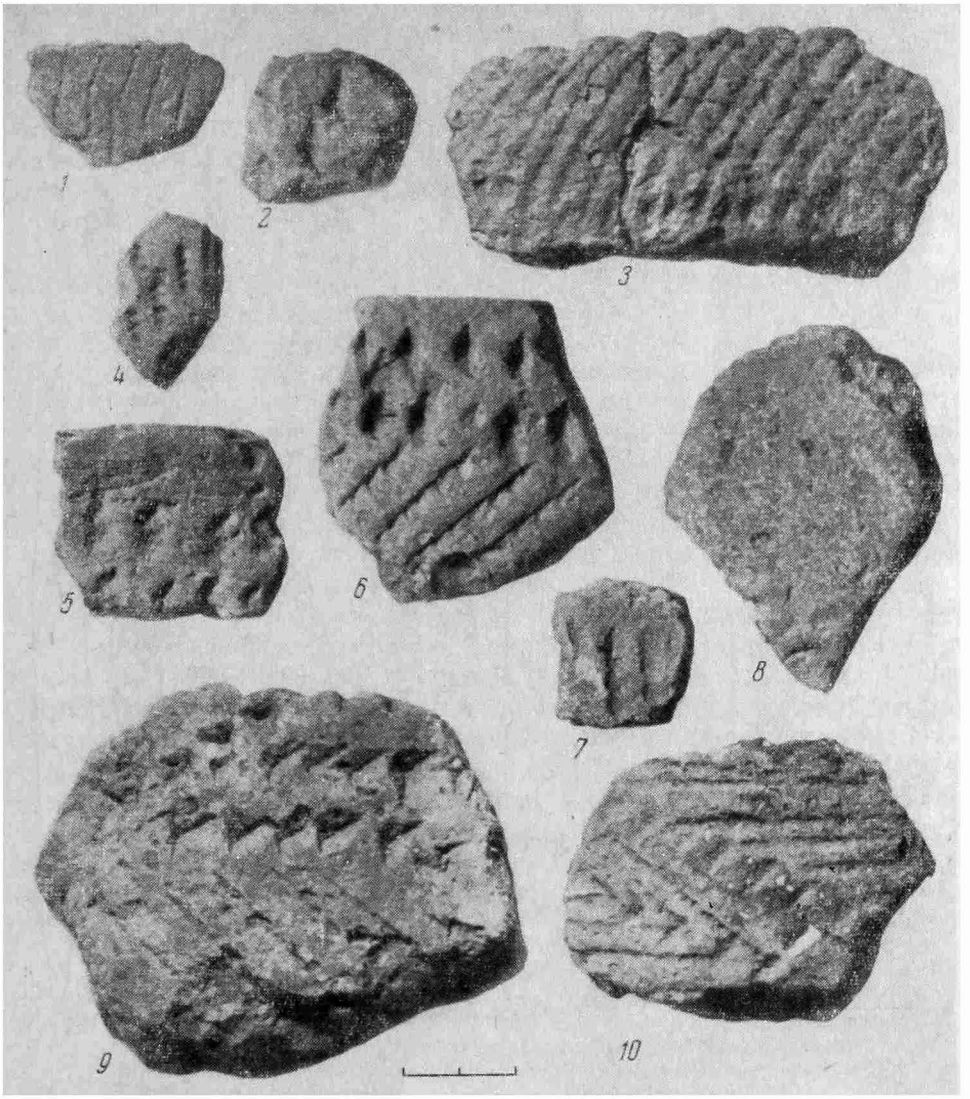


Рис. 2. Неолитическая керамика поселения у с. Алтата

ной гребенчатыми, волнистыми узорами и мотивами, выполненными «отступающей лопаточкой». По мнению некоторых исследователей, эти материалы имеют некоторые параллели с кельтеминарскими находками [3].

К северу от Саратовщины, в пределах Ульяновской обл., в последнее время стали выявляться также непохожие на поселение у с. Алтата неолитические стоянки с гребенчато-ямочной керамикой и кремневыми орудиями, отличающимися по своей форме от описанных в данной статье [4].

[3] *Г. Н. Матюшин.* Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дис. М., 1964; *Л. Я. Крижевская.* Неолит Южного Урала, МИА, 141, 1968.

[4] *Г. М. Буров.* Новые материалы по неолиту ульяновского Поволжья. Доклад на секторе палеолита ЛОИА, 2.II.1972.

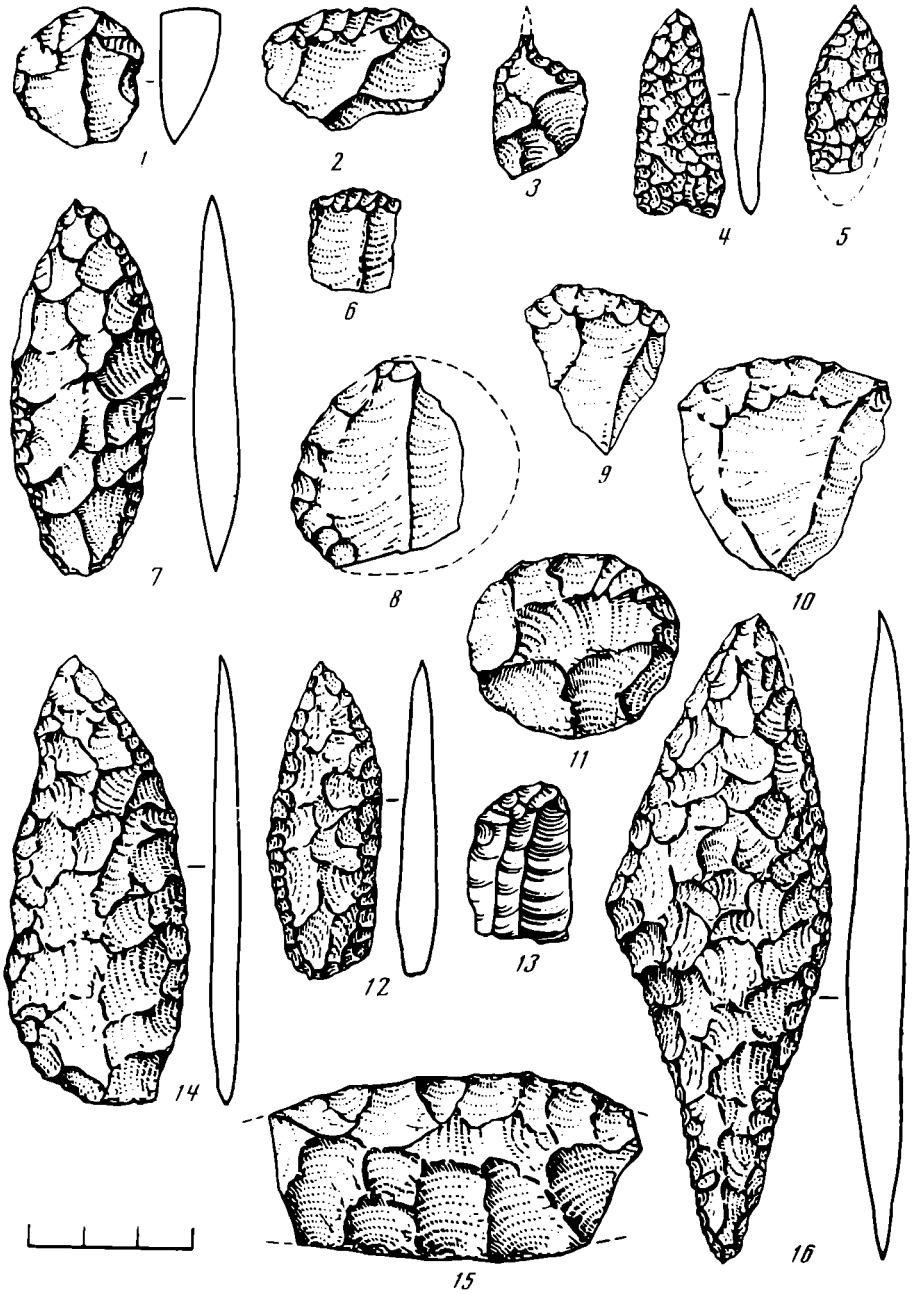


Рис. 3. Орудия труда поселения у с. Алтата

1, 2, 6, 8—11 — скребки; 3 — проколка; *4, 5, 7, 12* — наконечники стрел; *14, 16* — наконечники копий; *15* — нож; *1—12, 14—16* — изделия из кварцита; *13* — изделие из кремня

Отличны от саратовских и неолитические материалы с берегов Суры в Пензенской обл., близкие, по мнению А. Х. Халикова, древностям Волго-Камья [5].

К западу от Саратовской обл. лежит обширная территория, где поиски неолитических памятников пока не увенчались успехом. Еще дальше на

[5] *Н. И. Спрыгина.* Стоянки первобытного человека в долине р. Суры близ г. Пензы. Труды Пензенского общества любителей естествознания. V, Пенза, 1923; *М. Р. Полесских.* В недрах времен. Пенза, 1956, стр. 10—21; *А. Х. Халиков.* Древняя история среднего Поволжья. М., 1969, стр. 89.

запад расположена зона днепро-донецкой неолитической культуры [6]. Материалы днепро-донецкого типа также значительно отличаются от описанных в настоящей статье. Это сосуды с довольно сложной профилировкой и затейливой орнаментацией. Состав орудий труда и их типы (изделия из массивных пластин, скребки, долота, наконечники стрел и копий, геометрические орудия) также во многом отличаются от находок в поселении у с. Алтата. Обращает на себя внимание лишь сходство некоторых приемов орнаментации керамики — наколами и треугольными вдавлениями. Но фрагментов сосудов с такими мотивами на стоянке у с. Алтата слишком мало (всего семь) для каких-либо выводов.

К югу и юго-западу от Саратовской обл. в настоящее время известны пять неолитических стоянок. Это поселение Ракушечный Яр на Дону у станицы Раздорская [7], стоянки Орловка [8], на р. Царице, у дер. Латошинка [9], недалеко от Волгограда, и Матвеев Курган II в Ростовской обл. [10] Известна также коллекция неолитической керамики нижнего Подонья, описанная А. А. Формозовым [11].

Коллекция стоянки Матвеев Курган II, состоящая из кремневых орудий геометрических форм, изделий из сланца и шести «миниатюрных неорнаментированных стенок сосудов» [12], не имеет ничего общего с находками на стоянке у с. Алтата.

Анализ материалов остальных перечисленных выше памятников позволяет провести параллели с коллекцией поселения у с. Алтата в технологии изготовления посуды, когда керамика лепилась от руки ленточным способом и к глине примешивалась толченая ракушка, а также (частично) в элементах орнаментации сосудов. Узоры же на керамике этих поселений различны. Отметим лишь общность одного элемента орнамента — во всех коллекциях есть фрагменты, украшенные гребенчатым штампом. Кроме того, на стоянке Ракушечный Яр есть черепки с треугольными вдавлениями, а на Орловке — с наколами, что мы отмечали и на керамике поселения у с. Алтата. Совокупность же элементов орнамента неодинакова.

Общей чертой поселения у с. Алтата и нижневолжских стоянок является, в частности, то, что их обитатели изготавливали орудия труда в первую очередь из кварцита, что объясняется, по-видимому, недостаточным количеством пригодного для выделки орудий кремня на этой территории.

Таким образом, мы приходим к выводу о своеобразии материалов неолитического поселения у с. Алтата. Уточнить это положение можно будет лишь в ходе поисков и дальнейшего изучения неолитических памятников Нижнего Поволжья.

---

[6] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968; *А. Т. Синюк.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. М., 1971.

[7] *Т. Д. Белановская.* Поселение Ракушечный Яр. АО — 1971, М., 1972, стр. 117, 118.

[8] Материалы хранятся в фондах Волгоградского краеведческого музея.

[9] *В. П. Третьяков.* Поиски неолитических памятников в Волгоградской области. АО — 1971, М., 1972.

[10] *Н. Д. Праслов.* К вопросу о неолите Северо-Восточного Приазовья. Краеведческие записки Таганрогского музея. I, Ростов-на-Дону, 1964; *Л. Я. Крижевская.* Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 123—128.

[11] *А. А. Формозов.* Неолитическая керамика нижнего Подонья. КСИИМК, 53, 1954, стр. 134—138.

[12] *Л. Я. Крижевская.* Ук. соч., стр. 124.

В. И. МАМОНТОВ

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ОРЛОВКА

До последнего времени на территории Нижнего Поволжья не было обнаружено достаточно ярких памятников неолитического периода. Правда, во время разведочных работ в Подонье и Поволжье были встречены фрагменты керамики и кремневые орудия неолитического облика [1].

В этом плане интересна уникальная на сегодняшний день стоянка, раскопанная в 1968 г. Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР. Стоянка находилась в 0,5 *км* восточнее с. Орловка Дубовского района Волгоградской области. Сведения о ее местонахождении и несколько фрагментов керамики, найденной на поверхности и в осыпи, были переданы в музей краеведом С. Краснобаевым.

Памятник находился на узком обрывистом выступе, омываемом р. Мокрой Мечеткой, которая, видимо, уничтожила большую часть стоянки. Длина «языка» 24, ширина 12 *м* (наибольшая), ширина наименьшая 6 *м*.

К р. Мокрой Мечетке с южной и северной стороны опускается обрыв глубиной до 10 *м*, с восточной стороны также обозначалась ложбина, отделяющая памятник от плато. По этой ложбине весенние воды попадают в овраги по бокам выступа.

Мощность дернового слоя 10 *см*. Толщина культурного слоя 10—15 *см* (суглинок). Ниже — материк — желтая супесь с белыми известковыми вкраплениями.

Во время раскопок стоянки собрана коллекция фрагментов керамики. Тесто в изломе темное, с обильной примесью дробленой ракушки. Внешняя и внутренняя поверхность фрагментов светло-серого цвета. Сосуды сформованы посредством ленточной лепки, донышки уплощенные (если судить по двум фрагментам), венчик прямой.

Орнаментальный пояс проходил только по венчику сосуда с внешней и внутренней сторон (по внутреннему уступу). Донышки сосудов также орнаментированы. Внешняя поверхность сосудов носит следы лощения.

Коллекцию фрагментов керамики (78 ед.) можно разделить на следующие группы.

1. Фрагменты от большого сосуда (диаметр 38 *см*). Орнамент исполнен штампом «отступающая лопаточка». Представляет собой ряд коротких насечек, нанесенных по краю венчика, ниже которого идут разные по длине шевроны (тройные), выполненные отступающим уголком. Площадь между ними заполнена параллельными рядами линий, нанесенных тем же штампом. Ниже шеврона проходят два параллельных ряда наколов уголком лопаточки (рис. 1, *10*). Внутренний уступ покрыт тройной зигзагообразной линией, выполненной тем же приемом. Между вершинами углов нанесены простые насечки. На одном фрагменте имеется сквозное отверстие — след ремонта сосуда.

2. Фрагменты от сосуда диаметром 30 *см*. Край венчика покрыт параллельными рядами приемом «отступающего уголка» (пять рядов). На одном фрагменте с частично испорченной поверхностью заметно, что ряды опускаются резко вниз. Возможно, на этом участке сосуда был шеврон. Внутренний уступ покрыт косыми насечками уголком палочки в три параллельных ряда (рис. 1, *4*).

3. Фрагменты сосуда с прямым венчиком диаметром 28 *см*. Орнамент: два параллельных ряда косых линий на расстоянии 0,5 *см* от края венчика. Выполнены отступающим острием. Таким же приемом нанесено два

[1] *А. А. Формозов*. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, 53, 1954; *А. Ильина, П. Шишкин*. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929, стр. 23; *И. И. Ляпушкин*. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. КСИИМК, L, 1953, стр. 132, 133, рис. 57 (*1—8*); *В. И. Мамонтов*. Материалы Пятиморской стоянки. СА, 1970, 2, стр. 139.

параллельных ряда на расстоянии 4 *см* от края венчика. Площадь между рядами заполнена косыми параллельными линиями, исполненными тем же приемом. На внутреннем уступе сосуда у венчика орнамент аналогичен орнаменту на внешней части сосуда (рис. 1, *5*).

4. Фрагменты от венчика толстостенного сосуда. Орнамент: зигзаговидные линии (пять линий), выполненные гребенчатым штампом. Между

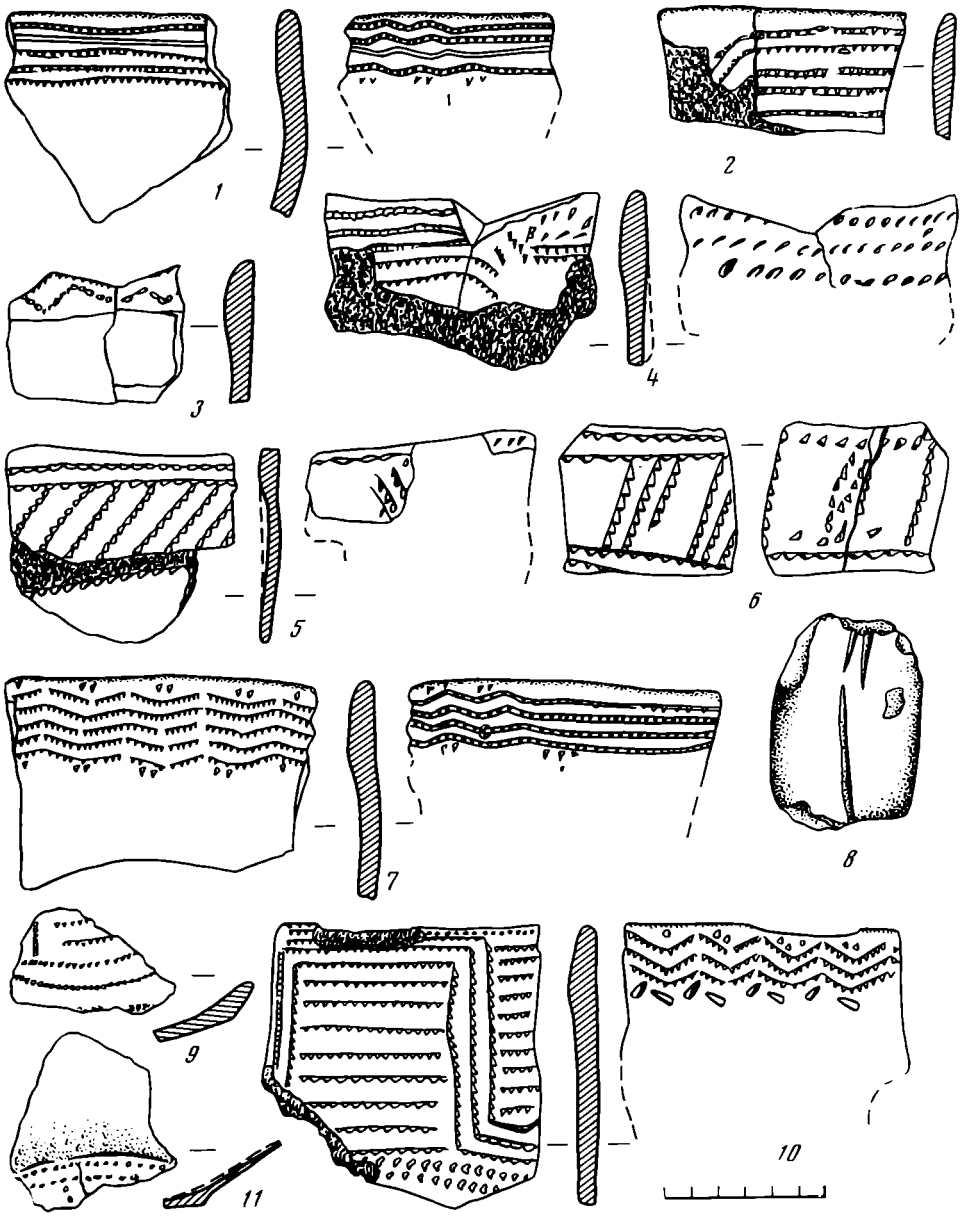


Рис. 1. Материал позднеэнеолитической стоянки Орловка. *1—7, 9—11* — фрагменты керамики; *8* — грузило из песчаника

углами нанесены по две прямоугольные насечки. На внутреннем уступе орнамент представлен четырьмя линиями, нанесенными тем же штампом. Сверху и снизу имеется также по два треугольных углубления (рис. 1, 7). Диаметр 40 *см*.

5. Фрагмент венчика от сосуда со следами копоти на внешней поверхности. По венчику проходит пять параллельных линий, выполненных отступающей лопаточкой. На внутреннем уступе — параллельные и зигзаговидные линии, выполненные тем же приемом. Снизу линий нанесены

на некотором расстоянии друг от друга по две насечки уголком. Диаметр сосуда был около 40 *см* (рис. 1, *1*).

6. Фрагмент венчика сосуда с краем, слегка отклоненным наружу. На расстоянии 0,7 см от края венчика проходит пять параллельных линий, выполненных отступающей лопаточкой. На внутренней стороне, на уступе, проходят попарно объединенные параллельные линии, выполненные тем же приемом (рис. 1, *2*).

7. Фрагменты толстостенного сосуда с двойной зигзаговидной линией. Выполнена отступающим острием (рис. 1, *3*).

8. Фрагмент уплощенного донышка. Весь покрыт параллельными линиями, нанесенными с помощью отступающего острия (рис. 1, *9*).

9. Фрагмент прямого венчика сосуда. По его краю проходит два параллельных ряда углублений, нанесенных отступающим уголком. Два таких же ряда проходят на расстоянии 4,5 *см* от края венчика. Внутренняя поверхность покрыта группами наклонных тройных параллельных линий, выполненных тем же приемом и проходящих на расстоянии 1,5 *см* друг от друга. На внутренней стороне черепка тем же приемом нанесены линии — одна у края венчика, двойная ниже, а между ними группы тройных параллельных линий.

10. Фрагменты донышка тонкостенного сосуда. Покрыт по кругу наколками. Донышко без защипов, с крутым переходом в тулово (рис. 1, *11*). Остальные фрагменты имели орнамент, аналогичный вышеописанному, или являлись частями неорнаментированной поверхности сосудов.

Собрана коллекция кремневых орудий, довольно грубых по технике изготовления.

1. Пластинки (рис. 2, *1—7*, *9—12*, *16*, *17*). 2. Нуклеусы (рис. 2, *14, 15*). 3. Скребки овальной и подтреугольной формы (рис. 2, *8, 20—22*, *24—26*) и небольшой скребок на конце фрагмента ножевидной пластинки (рис. 2, *23*). 4. Найдено два трапециевидных вкладыша, изготовленных из тонкой кремневой пластинки со струганой спинкой (рис. 2, *19*). 5. Можно отметить отщеп подтреугольного очертания с хорошо подчеркнутыми острыми гранями (рис. 2, *13*). Обнаружен кремневый наконечник стрелы, подтреугольный, с прямым основанием. Вся поверхность наконечника покрыта ретушью, идущей от середины к его боковым сторонам. Длина наконечника 3,1 *см* (рис. 2, *18*).

Во время раскопок стоянки было обнаружено также грузило из зеленоватого песчаника, овальной формы, посредине которого проходит неглубокий паз для крепления веревки (рис. 1, *8*). Кроме того, можно отметить находку нескольких фрагментов ракушек Унио и небольшого кусочка красной охры.

Большой интерес представляет остеологический материал стоянки, собранный в одном слое с фрагментами керамики. Собранный остеологический материал был послан для определения в остеологический кабинет Института археологии АН СССР заведующему кабинетом В. И. Цалкину.

Предварительные результаты определения костных остатков животных таковы: бык — 33 кости от двух взрослых особей, лошадь — 24 кости от одной взрослой и двух молодых, собака — 10 костей от одной особи, сайга — три кости от двух особей.

Несомненно, трудно делать выводы на основании небольшого количества костей животных. В. И. Цалкин считает, что кости крупного рогатого скота принадлежат двум особям: размеры одной весьма крупны, и кости ее могут принадлежать как дикой, так и домашней особи. Что же касается второй особи, то она, безусловно, является домашней, кости лошади из поселения совершенно не обнаруживают какого-либо сходства с одноименными костями тарпана, но весьма близки к костям древних домашних лошадей.

При зачистке северной части стоянки был обнаружен изогнутый след от углубления, которое, на наш взгляд, являлось юго-западной частью

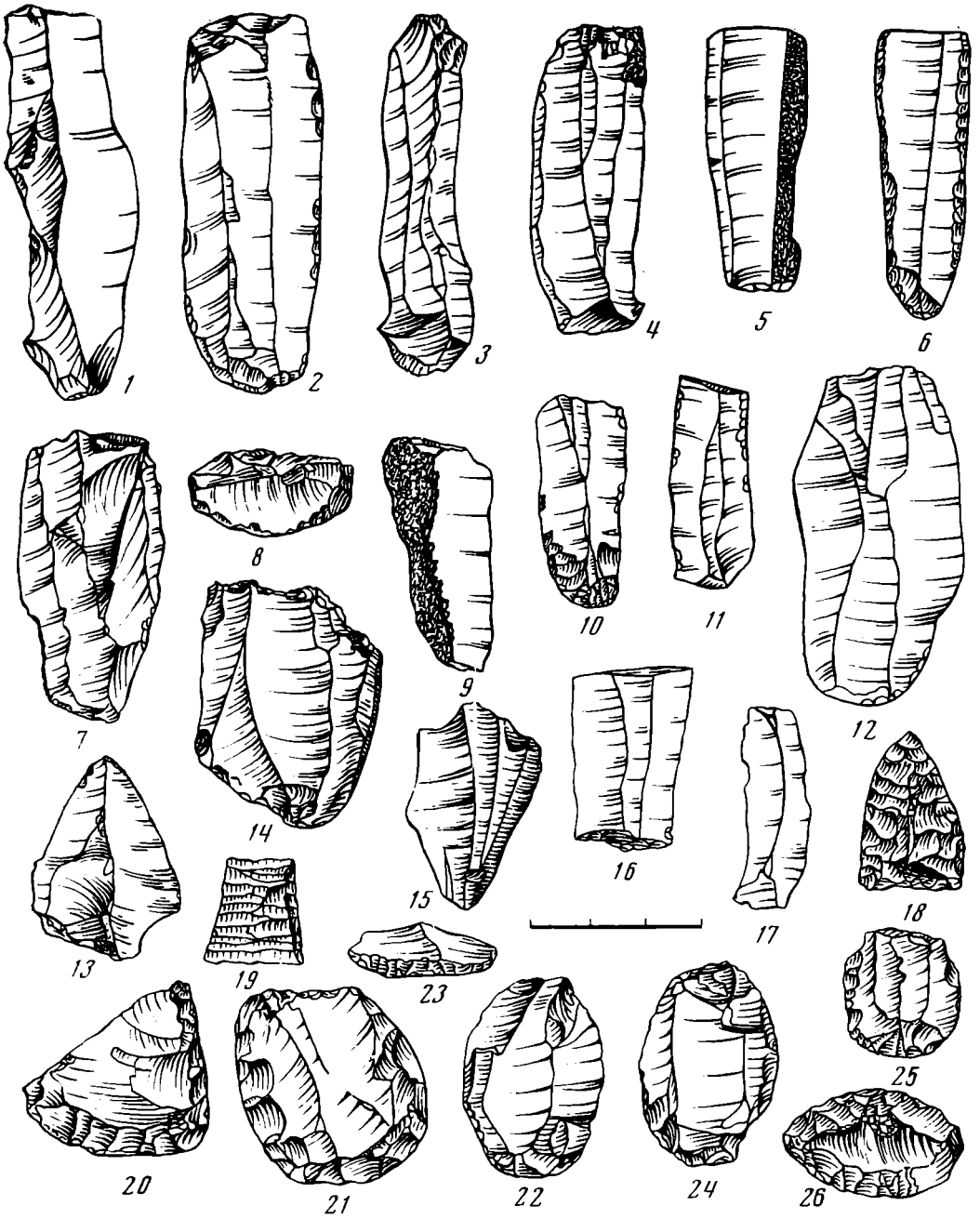


Рис. 2. Кремневые орудия с поздненеолитической стоянки Орловка

полуземлянки. Глубина ее 0,6 *м*. К сожалению, северо-восточная сторона помещения разрушена балкой как и северо-западная, по которой стекает вода в Мокрую Мечетку. Ближе к середине полуземлянки выявлено небольшое очажное пятно толщиной 10 *см*. Под ним был плотный слой прокаленной земли. Пол помещения ровный по всей длине. Только к юго-западной стороне он несколько поднимается (к выходу). Поперечное измерение от юго-восточной стороны к обрыву показало некоторое понижение пола от стенки к середине. Навес (или стенки полуземлянки) поддерживался с помощью столбов. Два округлых углубления от них (глубина ямки 13 *см*) находились у входа в помещение и у стенки полуземлянки с внешней стороны.

Если считать, что обрыв проходит как раз по середине полуземлянки, то, вероятно, что она представляла собой прямоугольное помещение дли-

ной 6 *м* с входом длиной примерно 2 *м*. Нам кажется, что здесь находилось помещение летнего типа, необходимое на время, когда скотоводы пригоняли стада в пойму Мокрой Мечетки. Наличие костей крупного рогатого скота говорит о том, что обитатели стоянки вряд ли относились к охотническо-рыболовческим племенам.

Наиболее сложен вопрос датировки найденного комплекса вещей стоянки Орловка. Д. Я. Телегин, знакомясь с образцами керамики и кремневым инвентарем стоянки, заметил, что она аналогична древнейшему слою Михайловского поселения, который, как известно, предшествует слою, относящемуся к древнеямной культуре (Михайловка II) [2] и полностью соответствующему Репину хутору, раскопанному И. В. Синицыным на р. Иловле в Волгоградской обл.[3]. По нашему мнению, стоянка Орловка во времени также предшествует стоянке Репин хутор, т. е. относится к позднему этапу неолита.

Автор согласен с мнением Д. Я. Телегина, а также В. П. Шилова, В. П. Третьякова, А. Н. Мелентьева и др., кто осмотрел керамику Орловки и поддержал эту датировку. Кстати, В. И. Цалкин отмечает в своих записях, что остеологический материал довольно близок по своим компонентам именно Репину хутору. Некоторые элементы орнамента, а также наличие внутреннего уступа находят себе четкую аналогию только среди фрагментов поздненеолитической керамики [4] поселения Чебаркуль II.

Таким образом, поздненеолитическая стоянка Орловка дала небольшой, но тем не менее симптоматичный материал по периоду, слабо изученному в Нижнем Поволжье.

---

[2] *Е. Ф. Лагодовская.* Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 121.

[3] *С. В. Киселев.* Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИА АН СССР, 88, 1966, стр. 6.

[4] *Л. Я. Крижевская.* Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 77, рис. 24, *5, 7*; *ее же.* Неолит Южного Урала. МИА, 141, 1968, стр. 166, табл. XXXI, *10, 11*; стр. 167, табл. XXXII, *1, 3, 6, 12.*

В. Б. ВИНОГРАДОВ

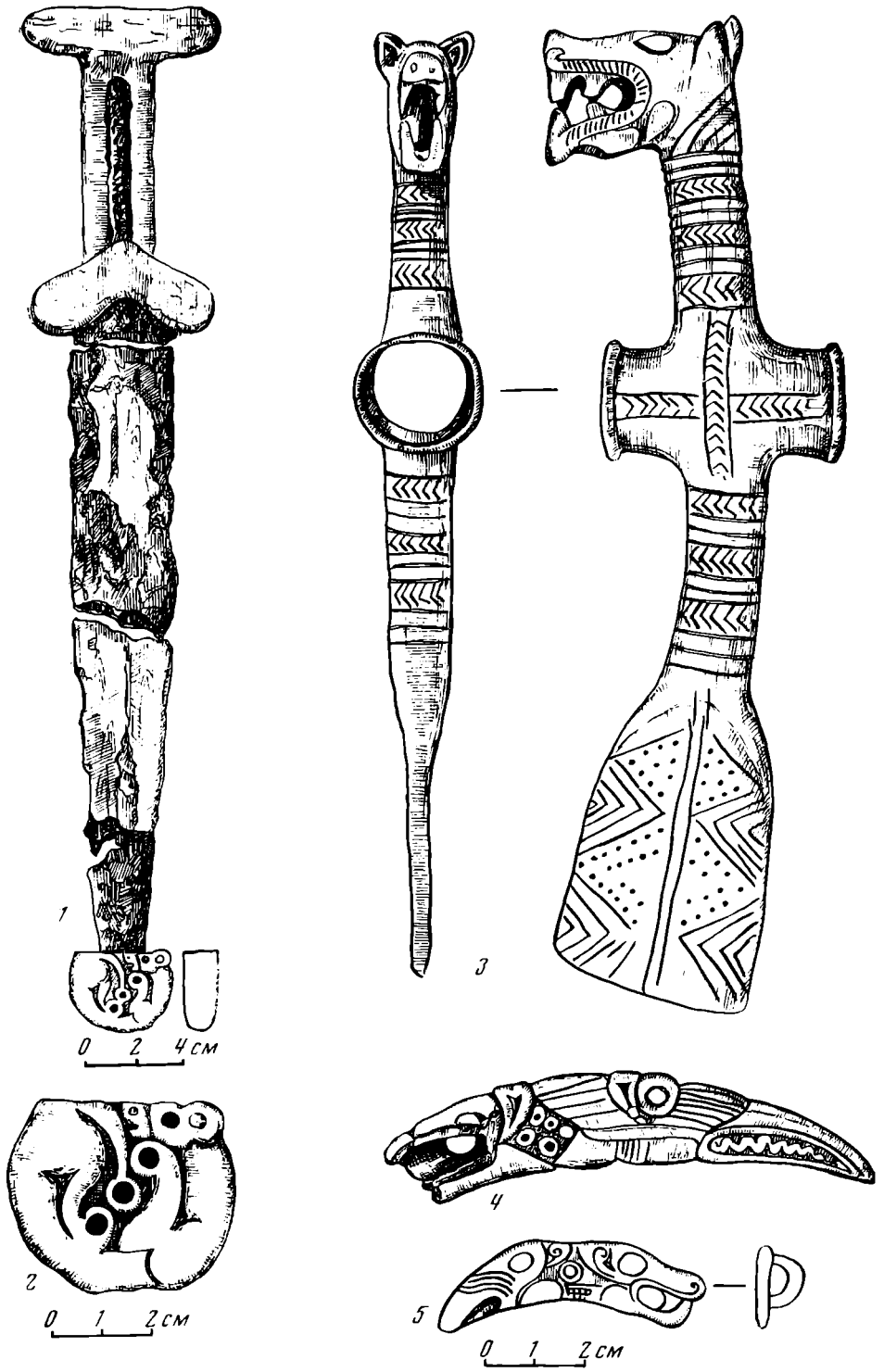
НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В марте 1972 г. при нивелировочных работах на совхозных полях у хут. Степного (Гудермесский район) был срыт довольно большой (диаметр около 45, высота не менее 4 *м*) курган, опоясанный в древности рвом, от которого сохранились лишь следы. В насыпи кургана находки отмечены не были, но у дневной поверхности обнаружился обильный древесный тлен (как бы остатки деревянного сруба или бревенчатого наката над могилой) и к северу от него — кости лошадиного скелета. К приезду на место археологов из Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы И. Д. Магомадова, Р. А. Даутовой и студента Х. М. Мамаева погребение (а оно было основным в кургане) оказалось сильно потревоженным [1].

Тем не менее удалось установить, что могильная яма, обложенная бревнами, была углублена в материк до 0,4 *м*, будучи ориентирована широтно (примерные размеры — 2,2 × 1,2 *м*). Костяк человека лежал вытянуто, на спине, головой к западу. Руки покойника были протянуты вдоль туловища, левая нога подогнута. Под скелетом прослежена подстилка (из коры?). У пояса (справа от костяка) лежал биметаллический короткий

---

[1] Полевая документация хранится в архиве ЧИ НИИИЯЛ. Кинжал передан в Республиканский краеведческий музей.



Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Чечено-Ингушетии

(0,41 м) кинжал с железным (стальным?) клинком и бронзовой рукоятью. Деревянные ножны истлели, оставив следы на лезвии, но хорошо сохранился бронзовый, зооморфно оформленный наконечник ножен (рисунок, *1—2*).

Разрушенность погребения и лишь относительная достоверность (во всяком случае, недокументированность) ряда сведений о похоронном обряде и ритуале лишают возможности детально воссоздать и проанализировать тип этого захоронения. Однако имеющиеся данные позволяют со

всей определенностью считать, что курган у хут. Степного относится к кругу тех кочевнических могильных древностей VII—IV вв. до н. э., которые явственно выделяются на фоне синхронных кобанских некрополей плоскостной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа и связываются с ираноязычными степняками (выходцы из Северного Причерноморья и Северного Прикаспия) [2]. Весьма близкие аналогии нашему кургану легко найти, например, в погребальном обряде Гойтинских [3] и Мескер-Юртовского [4] курганов, расположенных соответственно в 50 и 30 *км* от хут. Степного. Правда, последние относятся к V в. до н. э., тогда как описываемый курган древнее, о чем можно судить по типу и оформлению найденного в захоронении кинжала (рисунок, *1*).

Брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие кинжала из хут. Степного доказывают его принадлежность к тому типу скифского меча, для которого общепризнанно переднеазиатское происхождение [5]. Временем наибольшего распространения этого типа считается VI — первая половина V в. до н. э., что вполне подтверждается и северокавказскими материалами [6]. Биметалличность кинжала является архаичным признаком, так как мечи и кинжалы полностью бронзовые или с бронзовыми рукоятями (копирующие по форме железные акинаки) известны лишь в раннее скифское время (вторая половина VII — рубеж VI—V вв. до н. э.). Ближайшими аналогиями представляются, например, биметаллические мечи из кург. 2 у Райгородка, случайная находка в Северном Прикаспии (по способу крепления железного клинка к бронзовой рукояти) [7], и железный кинжал из Пседахского могильника в Чечено-Ингушетии (по форме навершия, перекрестия, клинка с заметным ребром и т. д.) [8]. Все они датируются VI в.до н. э.

Чрезвычайно интересен бронзовый наконечник ножен кинжала. Расширяющий конец украшен двусторонним изображением свернувшейся в кольцо пантеры. Известно, что такой принцип оформления наконечника ножен, диктуемый способом ношения меча-акинака, также находится в зависимости от традиций иранского Востока [9].

В собственно скифских или отмеченных следами влияния скифской культуры памятниках расширяющие ножны наконечники, трактованные в зверином стиле, появляются не позднее конца VII в. до н. э. (Зивие) [10], будучи наиболее распространены в VI в. до н. э. причем именно на Северном Кавказе [11]. По форме и сюжету изображения (свернувшийся в кольцо кошачий хищник) наш наконечник, бесспорно, сопоставим с наконечни-

---

[2] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972, стр. 31—59.

[3] *В. И. Марковин.* Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). СА, 1965, 2, стр. 160—173.

[4] *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, III, Грозный, 1969, стр. 100, 101, рис. 8.

[5] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. М., 1964, стр. 51, 61; *А. И. Шкурко.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии. СА, 1969, 1, стр. 35; *М. И. Артамонов.* О времени возникновения скифской культуры. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований, 1971. М., 1972, стр. 30 и др.

[6] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 11—12; *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 60; *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., стр. 102—104.

[7] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 47, рис. 15, *3*; *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 11, рис. 1, *4*; *А. И. Шкурко.* Скифский кинжал из Днепропетровского музея. ИАС, М., 1962, стр. 100.

[8] *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., стр. 103, рис. 32, *1*.

[9] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 61; *А. И. Шкурко.* Об изображении..., стр. 35 и др.

[10] *R. Ghirshman.* Le Trésor de Sakkes, les origines de l'art Méde et les bronses du Luristan. «Artibus Asiae», XIII, 3, 1950, fig. 7; *Б. Б. Пиотровский.* Искусство Урарту. Л., 1962, рис. 45; *В. А. Ильинская.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. СА, 1971, 2, стр. 67, рис. 1, *6*.

[11] Подборку и характеристику их см. *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., стр. 112—117.

ками ножен из «клада» Зивие, Келермесского, Мельгуновского, Дарьевского курганов, Тлийского могильника, которые датируются временем не позднее первой половины VI в. до н. э.

Под стать этому хронологическому определению и стилистические особенности воплощения популярного в раннем скифском искусстве мотива. В изображении на исследуемом наконечнике ножен легко угадываются традиционные для скифского звериного стиля признаки пантеры: большое округлое ухо, несколько удлиненная морда, глаза и ноздри переданы кружками, длинная шея; плечи и бедра, подчеркнутые выпуклым рельефом; кольчатые окончания подогнутых лап и хвоста, тесно соседствующие в центральной части изображения. Вся схема очень компактна и исполнена жизненной правдивости, что присуще лучшим скифским произведениям VI в. до н. э. В целом и в основных деталях наша пантера определенно входит в круг широко известных воплощений в раннескифском искусстве мотива кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо, будучи ближе всего образцам конца VII — начала VI в. до н. э. [12]. Вместе с тем это оригинальное и единственное пока по реалистичной выразительности и динамичности воплощение излюбленного мотива в раннем искусстве скифского звериного стиля, выдающее большой талант мастера, изготовившего ножны для биметаллического акинака из хут. Степного [13].

Опираясь на все изложенное, можно с уверенностью датировать погребение, описываемый кинжал и замечательный наконечник его ножен временем не позднее середины VI в. до н. э., а возможно и самым началом VI в.

Великолепные образцы предметов, выполненных в скифо-сибирском стиле, принес Новогрозненский могильник. Открытый весной 1971 г. на южной окраине пос. Новогрозный (Гудермесский район), он был фактически разрушен к тому моменту, когда Чечено-Ингушское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт оказались информированы об этом событии и смогли прислать археологов [14]. На вскрытой части некрополя удалось доследовать лишь пять грунтовых захоронений с одиночными скорченными костяками, лежавшими на левом боку (независимо от пола) и ориентированными в трех случаях на восток и в двух на юг. Археологам были переданы богатейшие наборы разнообразных предметов (глиняная посуда, железное и бронзовое оружие, серебряные украшения и т. д.), найденных в разрушенных могилах (их общее число, судя по свидетельствам очевидцев, составляло не менее 50), а также сообщены и некоторые важные сведения об обряде погребения на этом древнем кладбище [15].

Не вдаваясь сейчас в подробное описание и анализ всех собранных здесь обширных материалов, ограничусь лишь констатацией: Новогрозненкий могильник, датируемый VI—V вв. до н. э., занимает одно из пер-

---

[12] *М. И. Артамонов.* Происхождение скифского искусства. СА, 1968, 4, стр. 31 сл.; *его же.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля. ПСА, М., 1971, стр. 24 сл.; *А. И. Шкурко.* Об изображении..., стр. 31 сл.; *В. А. Ильинская.* Ук. соч., стр. 72—78.

[13] О самом кинжале хотелось бы добавить, что его клинок был изготовлен из высококачественного металла (стали), не подвергшегося местами коррозии за время пребывания в земле. Известна и общепризнана роль скифов в массовом распространении железа и стали на Северном Кавказе (Б. Б. Пиотровский, Е. И. Крупнов, В. И. Козенкова, В. Б. Виноградов). Интересно напомнить в этой связи и мнение В. И. Абаева, считающего, что скифское название стали andan усвоено в чеченском и ингушском языках — ondun, onda (см. *В. И. Абаев.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. ПСА, М., 1971, стр. 12).

[14] Обследованием могильника занимались археологи В. Б. Виноградов, В. А. Петренко, студенты-историки В. Байбик, Х. Мамаев, Ю. Надеждин.

[15] *В. Б. Виноградов, В. Петренко.* Новая археологическая находка. Газ. «Красное Знамя», 20 июля 1971 г. Собранные на могильнике материалы переданы в Республиканский краеведческий музей. Полевая документация хранится в секторе археологии и этнографии ЧИНИИИЯЛ.

вых мест среди синхронных ему кобанских некрополей равнинной и предгорной Чечено-Ингушетии (Луговой, Нестеровский, Исти-Су, Шалинский, Аллероевский 1-й и др.), отмеченных следами активных и разнообразных взаимосвязей со скифо-савроматским кочевническим миром [16]. В числе предметов материальной культуры, иллюстрирующих контакты аборигенов и праноязычных степняков, особо выделяются те три внекомплексные находки, речь о которых и пойдет ниже.

Уникальна бронзовая пышно орнаментированная секира с довольно длинной втулкой, расширяющимся к концу лезвием и обушком в виде головы яростно оскалившегося хищника, возможно, барса, но скорее волка (рисунок, *3*). Точные аналогии ей неизвестны ни в кобанских, ни в скифо-савроматских древностях. Самой своей формой (особенно типом втулки, клинка) она близка некоторым тагарским секирам VII—V вв. до н. э., однако отличается от них затейливой орнаментацией всей поверхности и трактовкой обушка [17].

Некоторую параллель новогрозненской секире составляют отдельные секиры и клевцы ананьинского Прикамья, сходные по форме втулки, принципу зооморфного оформления обушка, но последние (клевцы) имеют заостренные лезвия (бойки) [18]. Характер передачи и стилизации головы хищника на новогрозненской секире (тупомордой, зубастой, с большими глазами и торчащими вверх ушами, с подчеркнутыми мускулами нижней челюсти, ноздрями, лентами губ) ближе всего (а в ряде деталей и идентичен) своеобразным приемам савроматского искусства звериного стиля конца VI—V в. до н. э., воплотившегося в целом ряде шедевров изображения пантеро-, волко- и медведеподобных хищников [19]. Среди северокавказских воплощений оскалившихся зверей, выполненных в скифо-сибирском стиле, в качестве сюжетно и стилистически близких аналогий можно назвать известные изображения на бронзовом наконечнике ножен из с. Советское (Кабардино-Балкария) [20] и костяной рукояти охотничье-боевого ножа из погр. 37 соседнего Аллероевского 1-го могильника [21]. Оба эти предмета датируются рубежом VI—V — первой половиной V в. до н. э., что в сочетании с другими, приведенными ниже аналогиями, может указывать и на вероятное время изготовления новогрозненской секиры.

Затруднительно ответить на вопрос: является ли она привозным предметом или отлита и украшена на месте. Бронзовые секиры, секиры-скипетры (в том числе и зооморфно оформленные) попадали в руки кобанцев в результате контактов с кочевниками Восточной Европы начиная со второй половины VIII—VII вв. до н. э. [22] Сходство новогрозненской находки с тагарскими и ананьинскими образцами бронзового оружия очевидно. Но весь облик секиры настолько оригинален, что вопрос о ее происхождении остается открытым. Ясно только, что любое возможное появление в кобанском могильнике этого замечательного предмета не могло обойтись без участия праноязычных степняков Евразии и соседствующих с ними культур.

Единственным пока на Северном Кавказе является клык кабана с зооморфными изображениями, служивший подвеской-амулетом и найден-

[16] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

[17] Ср. *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 25—38, рис. 8, 10.

[18] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 104—107, табл. XXII, стр. 134, рис. 14.

[19] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 223—226, рис. 78—80.

[20] *В. Б. Виноградов.* Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии. СА, 1963, 2, стр. 229—232.

[21] *М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров.* Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии. АО — 1968, М., 1969, стр. 86—87.

[22] *Е. И. Крупнов.* Ук. соч., табл. 37; *В. А. Ильинская.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени. В сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 206—211; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 73—74 и др.

ный в одной из разрушенных новогрозненских могил. Клык-подвеска у корневой части несколько поврежден, но композиция читается совершенно ясно — это хищник (нечто среднее между пантерой и волком) в сочетании с птицей (рисунок, *4*). Зооморфные изображения на клыке сделаны тонко и с соблюдением основных канонов скифо-сибирского искусства.

Кабаньи клыки, оформленные в зверином стиле, хорошо известны в Поволжье, где в искусстве савроматов конца VI—V в. до н. э. они, говоря словами К. Ф. Смирнова, занимают особое место [23]. Встречаются они и далее на восток (вплоть до Алтая) [24], хотя и не столь часто. Коллекция резных клыков из Северного Причерноморья конца VI — начала V в. до н. э. состоит из девяти экземпляров, причем в оформлении их зооморфными композициями исследователи единодушно усматривают результат влияния, идущего со стороны савроматского мира и соседних ему ананьинских племен [25]. Новогрозненская находка разнится от образцов поднепровской серии характером передачи морды хищника (она как будто бы лишена явных волчьих признаков), головы зубастого орла и орнамента на оставшейся площади клыка, будучи ближе, как мне кажется, савроматским и алтайским зооморфно трактованным клыкам-амулетам и их подражаниям, известным, в частности, и на Северном Кавказе [26].

Кроме собственно кабаньих клыков, украшенных изображениями зверей, одновременно с ними широко использовались и бронзовые их имитации. Одно из таких изделий найдено на Новогрозненском могильнике (рисунок, *5*). Композиция и стиль изображения здесь тождественны орнаменту на только что описанном кабаньем клыке (такой же хищник неопределенного вида и голова орла). Бронзовые имитации зооморфно оформленных клыков-подвесок распространены чрезвычайно широко в среде ираноязычных степняков Евразии и их ближайших соседей. Но на Северном Кавказе это всего лишь вторая такая находка (первая в осетинском святилище Реком) [27], несмотря на то что бронзовые подвески, копирующие гладкие кабаньи клыки, довольно обычны в кобанских древностях VI—V вв. до н. э. [28]

Таким образом, публикуемые предметы VI—V вв. до н. э. существенно пополняют коллекцию известных нам образцов скифо-сибирского звериного стиля на Северном Кавказе. Являясь уникальными для местных кочевнических и аборигенных памятников, они предоставляют новые данные для суждений о направлении и характере историко-культурных общений между кобанцами и племенами скифо-савроматского круга.

---

[23] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 229 и сл.

[24] *С. М. Сергеев.* О резных костяных украшениях конской узды из «скифского кургана» на Алтае. СА, VIII, 1946, стр. 290; *М. П. Завитухина.* Могильник времен ранних кочевников близ г. Бийска. АСбГЭ, 1961, 3, стр. 104.

[25] *Э. В. Яковенко.* Клыки с зооморфными изображениями. СА, 1969, 4, стр. 200—207; *В. А. Ильинская.* Образ кошачьего хищника..., стр. 84.

[26] *Е. И. Крупнов.* Ук. соч., табл. 14, *9*; *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 185, рис. 7, *3*.

[27] *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., рис., 7, *3*.

[28] *A. M. Tallgren.* Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. ESA, V, Helsinki, 1930, p. 109.

Н. М. БОКИЙ

СКИФСКИЙ КУРГАН У СЕЛА МЕДЕРОВО

Осенью 1964 г. у с. Медерово Кировоградского района Кировоградской области при строительстве элеватора был разрушен курган, в насыпи которого оказалось каменное изваяние с изображением скифа-воина [1].

Курган находился в 2 *км* к северу от ст. Медерово с восточной стороны линии железной дороги Киев — Николаев; высота 3,5—4 *м*, диаметр 40 *м*. Насыпь наполовину состояла из пережженной до красного цвета земли, из которой выступали концы обуглившихся столбов.

Погребение представляло собой сооруженный на уровне древней поверхности деревянный сожженный склеп. Прямоугольная в плане девятистолбовая гробница (рис. 1) была ориентирована по длине с юга-запада на северо-восток; длина ее 5,5 *м*, ширина 4,5 *м*. Столбовые ямки круглые или прямоугольные глубиной 1,5—1,6 *м*, у дна сохранились остатки столбов (некоторые обуглившиеся). Часть площадки гробницы была покрыта продольным настилом из истлевших досок, местами были видны лишь их отпечатки. Вокруг могилы остались следы мощного костра. Находившаяся под курганной насыпью поверхность была обуглена, в диаметре 8—10 *м* земля прокалилась до красного цвета, местами ошлаковалась, погребенная почва прокалилась на глубину до 0,3 *м*. Более слабый огонь был к западу — юго-западу от склепа — здесь сохранился настил из толстых (25—35 см в диаметре) обуглившихся бревен, а к северо-западу и юго-востоку от склепа остались его отпечатки. За пределами настила, вокруг него, направленные радиально к центру лежали сгоревшие, обуглившиеся или сгнившие стволы деревьев, сваленные в костер. Диаметр всего костра около 15 *м*.

В ограбленной могиле сохранились следующие предметы. На площадке погребения, в центре, лежала нижняя обломившаяся часть каменной статуи скифа-воина (рис. 1, *1*), верхняя часть которой была найдена в насыпи, и раздавленная амфора (рис. 1, *2*), у северо-западной стороны возле среднего столба лежали череп и кости ног коня (рис. 1, *3*), рядом — кости овцы с частью черепа (рис. 1, *4*) и железным ножом (рис. 1, *5*) при них, античный сероглиняный кувшин (рис. 1, *6*), железные панцирные пластинки (рис. 1, *7*), железные скобы (разбросаны) (рис. 1, *8*), железные удила (рис 1, *9*) с железными псалиями (рис. 1, *10*) и резной кабаний клык (рис. 1, *11*). Возле среднего столба юго-восточной стороны лежали обуглившийся скелет коня (рис. 1, *12*), железный наконечник копья (рис. 1, *13*) и еще одна амфора в обломках (рис. 1, *14*).

Рассмотрим инвентарь погребения. Антропоморфное изваяние сохранилось почти полностью (в трех обломках). Оно (рис. 2 и 3) изготовлено из плиты красного гранита. Высота изваяния 2,5 *м*, ширина 0,6 *м*, толщина 0,23 *м*. Изображение выполнено невысоким рельефом. На круглой голове с плоским лицом обозначены двумя близко поставленными углублениями глаза, длинный выступающий нос и продолговатый рот. Голова посажена низко на плечах, шеи нет. На груди видны две гладкие гривны. Руки длинные и неестественно тонкие у кистей; правая, приподнятая кверху, держит ритон, левая прижата к животу. На талии местами виден пояс, на левой боковой плоскости высечен горит, продолговатый, с прямым верхним краем с небольшим уступом спереди и закругленным нижним краем. Спереди слева помещен акинак в ножнах с боковым треугольным выступом; навершие акинака волютообразное, перекрестье бабочковидное. На статуе обозначен признак мужского пола. Справа на боковой

[1] Курган доследован Институтом археологии АН УССР. В раскопках приняли участие А. И. Тереножкин (руководитель), Е. А. Петровская и автор. Благодарю А. И. Тереножкина за предоставленную возможность опубликовать материалы раскопок.

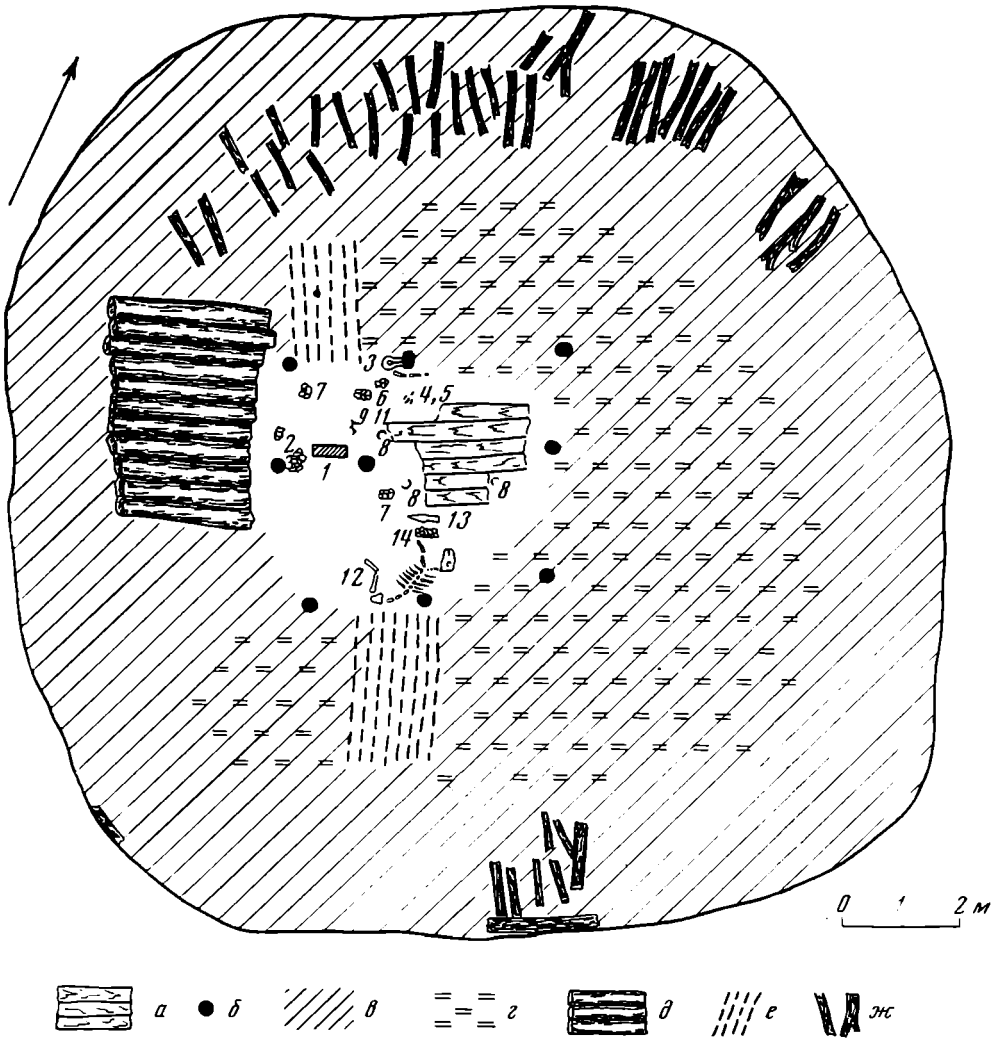


Рис. 1. План кургана у с. Медерово

1 — стела; *2* — обломки амфоры; *3* — череп коня; *4* — кости овцы; *5* — железный нож; *6* — обломки кувшина; *7* — обломки панциря; *8* — скобы; *9, 10* — удила с псалиями; *11* — клык кабана; *12* — скелет коня; *13* — наконечник копья; *14* — обломки амфоры. Условные обозначения: *а* — настил из истлевших досок; *б* — столбовые ямки; *в* — обугливание; *г* — обжиг до красного цвета; *д* — настил из толстых обугливщихся бревен; *е* — отпечатки настила из толстых обугливщихся бревен; *ж* — сгоревшие или обугливщиеся стволы деревьев

плоскости изображен меч в ножнах с овальным выступом сбоку, с волютообразным навершием, прорезной рукоятью и бабочковидным перекрестьем.

Железный наконечник копья (рис. 4, *8*) имеет длинную втулку с узким ободком по краю, большое, плоское, широкое в основании перо; длина наконечника 45 *см*, длина пера 26 *см*, ширина пера 8 *см*, диаметр втулки 4 *см*.

Железные панцирные пластинки (рис. 4, *1* и *2*) короткие и более длинные с прямым верхним краем и закругленным нижним; размеры: 2×2,6 *см* и 2,2×4,1 *см*.

Амфоры из сохранившихся обломков не восстанавливаются. Сделать их полное описание возможности нет. Поэтому опишем характерные части обоих сосудов. Одна из амфор представлена невыразительным обломком венчика (рис. 5, *3*), обломками ручек (рис. 5, *5*), ножкой (рис. 5, *4*), обломками стенок. Амфора изготовлена из светло-желтой глины с вкраплениями мелких блесток слюды, имела прямой венчик со слегка срезанным

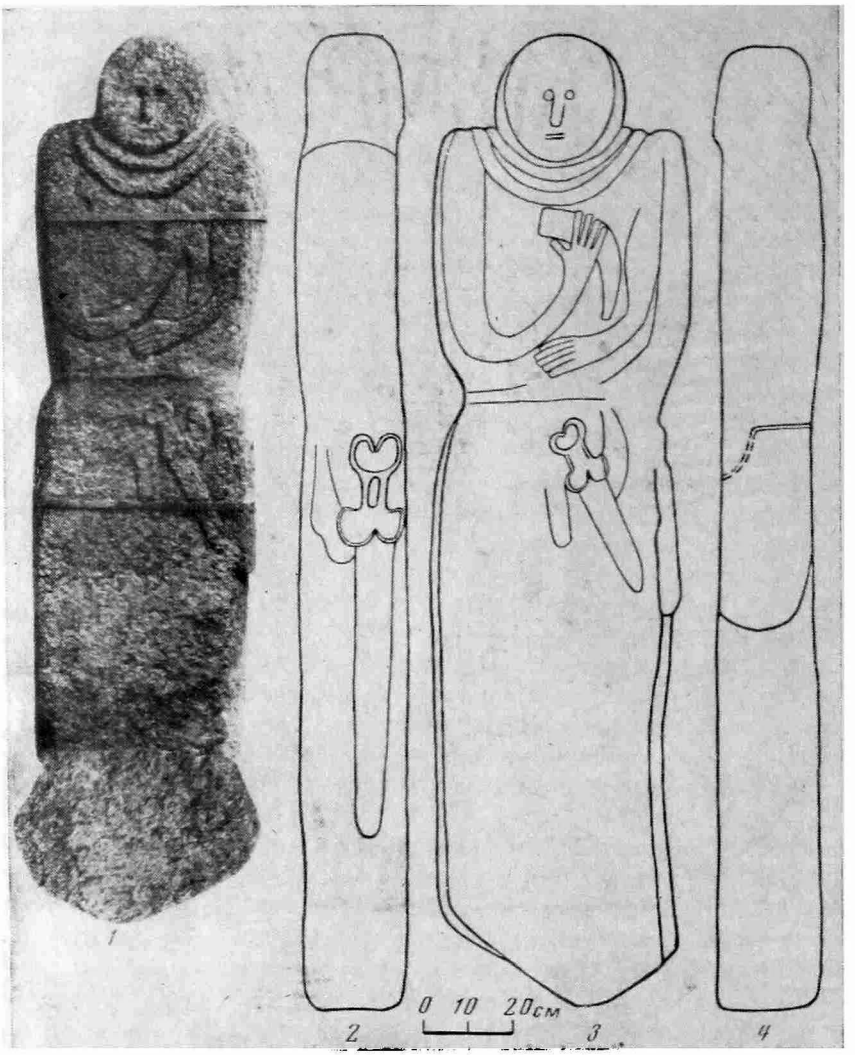


Рис. 2. Стела с изображением скифа-воина
1 — фото стелы; *2—4* — прорисовка стелы

с внутренней стороны краем, круглые в разрезе ручки. Ножка высокая, конусовидная, с неглубокой западинкой на подошве. Диаметр ручки 2,7 *см*, диаметр основания ножки 3 *см*.

От другой амфоры сохранились обломки венчика (рис. 5, *6*), целая ручка с частью венчика (рис. 5, *7*) и обломки другой ручки, обломки стенок. Донце не сохранилось. Амфора изготовлена из глины коричневого цвета с темно-красным оттенком с вкраплениями слюды и извести. Амфора имела прямое горло с венчиком в виде полувалика с горизонтально срезанным верхним краем. Под венчиком проходила узкая рельефная полоска. Ручка, круглая в сечении, верхним концом прикреплялась к шейке ниже венчика (под горизонтальной полосой), нижний конец опускался на тулово под незначительным углом. Диаметр венчика около 10 *см*, диаметр ручки 2,8 *см*.

Кувшин (рис. 5, *2*) кружальный, сероглиняный, поверхность покрыта бурым ангобом, горло широкое, корпус выпуклый, дно на небольшом кольцевом поддоне, ручка двуствольная (сохранился короткий отросток). Высота кувшина 23 *см*, диаметр венчика 10 *см*, диаметр корпуса 20,8 *см*, диаметр дна 10,6 *см*.

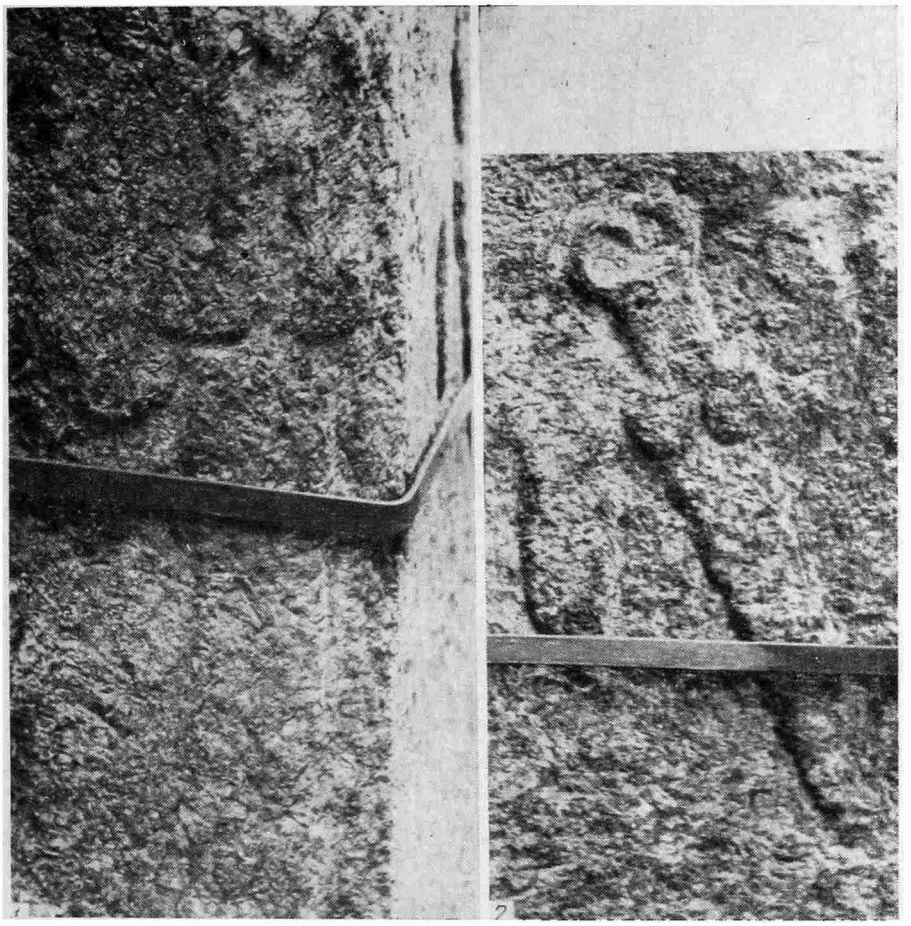


Рис. 3. Детали стелы (фото):
1 — меч; *2* — кинжал

Железный нож с пластинчатым черенком (рис. 4, *3*), с деревянной ручкой, закрепленной несколькими железными заклепками, с прямым узким лезвием (конец обломан); длина ножа 10 *см*.

Железные скобы (рис. 4, *4—6*) в виде длинных, изогнутых, прямоугольных в сечении стержней длиной до 15 *см*.

Железные удила (рис. 4, 7) двучленные с кольцевыми окончаниями, с сохранившимися в них железными двудырчатыми псалиями S-видной формы с плоскими концами. Длина удил 18,5 *см*, длина псалиев 15,6 *см*.

Клык кабана (рис. 5, *1*) орнаментирован резной головкой хищника (волка?) с вытянутой мордой и оскаленными зубами. На носу изображена птичья головка с закрученным клювом и подчеркнутой восковицей, нижняя часть пасти также оканчивается спиральным завитком, глаз передан двумя концентрическими окружностями с точкой в центре, ухо длинное, узкое, прижатое к шее, заштрихованное в косую решетку. На обратной стороне клыка имеется круглое отверстие для конца ремешка, которым клык прикреплялся к узде. Длина клыка 5,3 *см*, наибольшая ширина 2 *см*.

В результате более подробного изучения предметов выяснилось следующее.

Железный наконечник копья имеет редко встречающуюся форму. Наибольшая ширина пера находится в нижней части. Грани пера у основания под тупым углом переходят к втулке, ребро посредине пера отсутствует. По классификации А. И. Мелюковой, этот экземпляр может быть отнесен

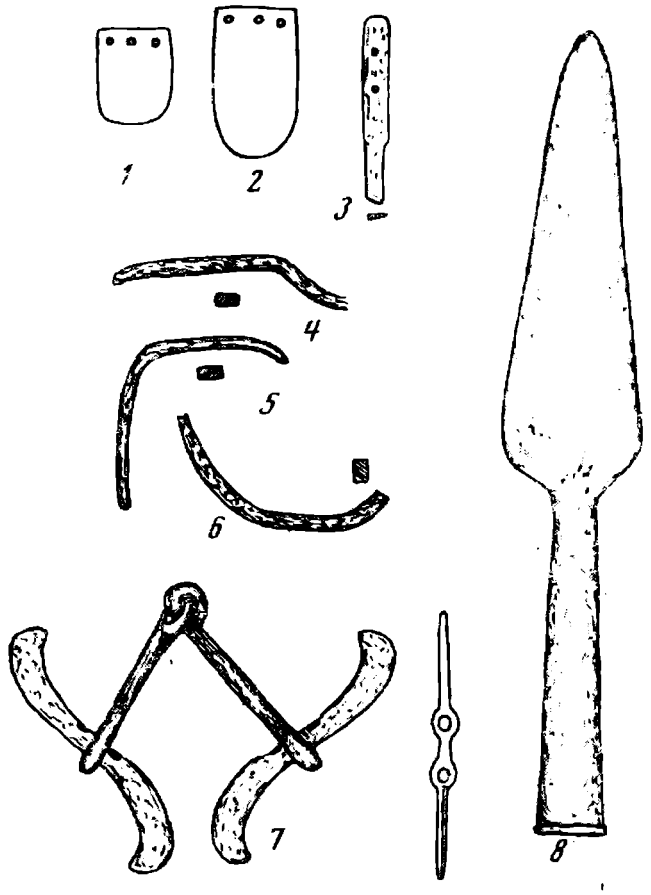


Рис. 4. Вещи, найденные в кургане у с. Медерово

1, 2 — железные панцирные пластинки; *3* — железный нож с деревянной ручкой; *4—6* — железные скобы; *7* — железные удила с псалиями; *8* — железный наконечник копья

ко II типу II отдела наконечников копий[2]. Известные А. И. Мелюковой четыре подобных копья происходят из памятников IV—III вв. до н. э. Наиболее близкой аналогией медеровскому наконечнику является копье из кургана 2 Рядовых могил из раскопок Н. И. Веселовского, а также копье из кургана 04 Марицинского могильника[3]. В памятниках Правобережья прямые аналогии медеровскому копью неизвестны.

Железные панцирные пластинки относятся к первому типу пластин, по Е. В. Черненко, и существуют в течение всего скифского периода[4].

Одна амфора из Медеровского кургана (рис. 5, *3—5*) относится к типу амфор со стаканообразными ножками[5]. Это один из наиболее распространенных в Ольвии и на Боспоре в V в. до н. э. типов амфор[6]. В памятниках Поднепровья они нередки (городища Пастерское, Шарповское, Бельское), подобная амфора (без горла и ручек) найдена в кургане V в. до н. э. № 5 у с. Берестняги, другая известна из собрания В. В. Хвойки[7]. Центр производства их пока не определен[8].

[2] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, Д1—4, стр. 41, табл. X.
[3] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., табл. 13, *7, 8.*
[4] *Е. В. Черненко.* Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 27.
[5] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 74, табл. III, *9а, б.*
[6] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII — V вв. до н. э. САИ, в. Д1-27, М., 1966, стр. 23.
[7] *Н. А. Онайко.* Ук. соч., табл. IV, *6, 7.*
[8] *И. Б. Зеест.* Ук. соч., стр. 74.

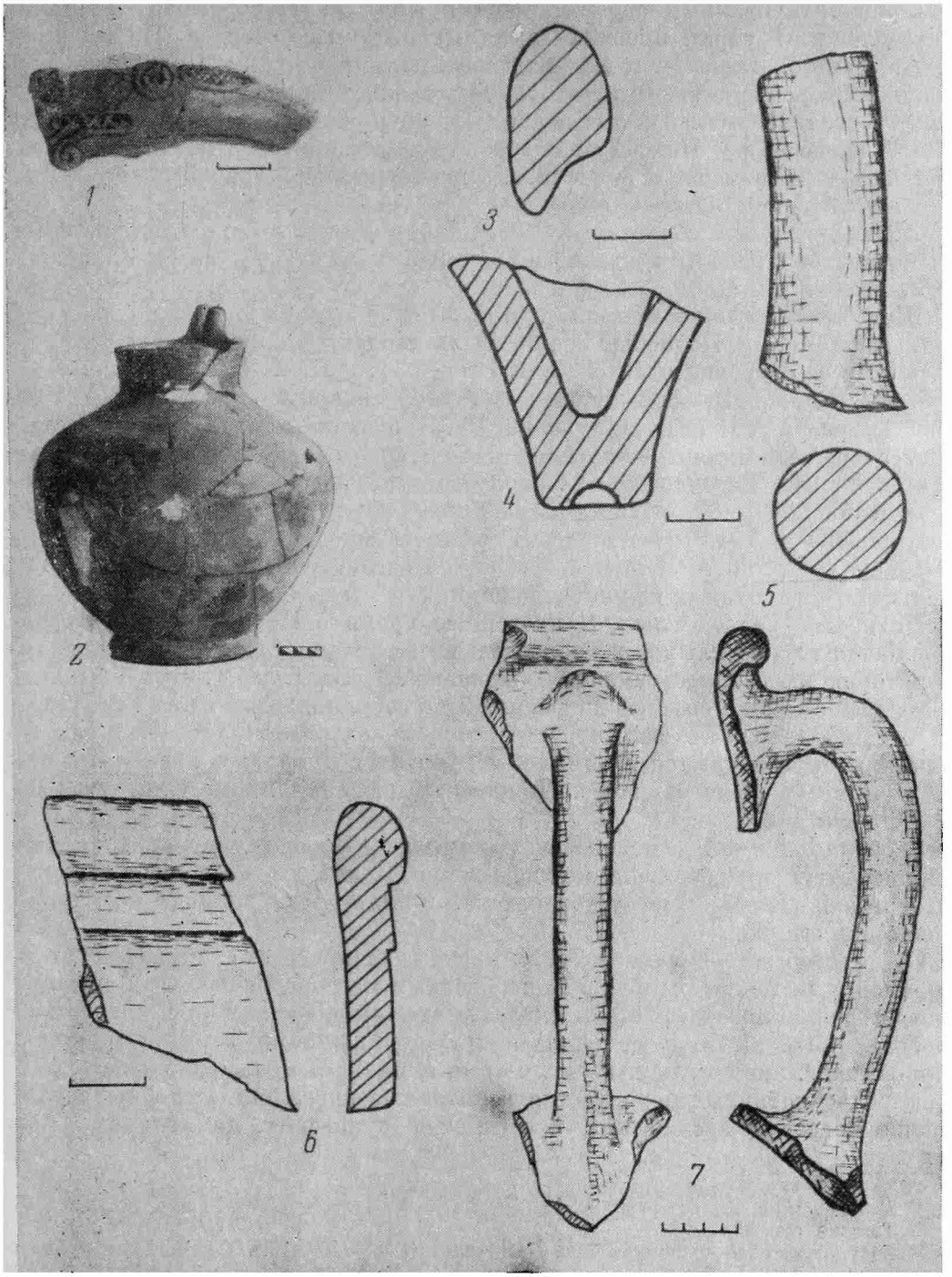


Рис. 5. Вещи, найденные в кургане у с. Медерово

1 — резной кабаний клык (фото); *2* — кувшин кружальный (фото); *3—5* — амфора 1: венчик, ножка, обломок ручки; *6, 7* — амфора 2: обломок венчика, ручка

Охарактеризовать вторую амфору (рис. 5, *6*, *7*) на основании имеющихся данных затруднительно. Не исключено, что она также принадлежит к типу амфор со стаканообразными ножками. Датируются амфоры I половиной V в. до н. э.[9]

[9] Выражаю глубокую благодарность Н. А. Онайко за определение и датировку античного материала.

Фрагментированный сероглиняный кувшин из Медеровского кургана принадлежит к серии простых глиняных античных сосудов. По мнению Н. А. Онайко, такая посуда, встречающаяся в Среднем Поднепровье и Побужье, вероятнее всего, изготовлялась в ольвийских гончарных мастерских [10]. Начало ее ввоза в Среднее Приднепровье относится к рубежу VI—V вв. до н. э. [11] Подобный медеровскому кувшин был найден в одном из погребений начала V в. до н. э. Ольвийского некрополя (могила 5, раскопки Б. Фармаковского) [12].

Железные удила с петельчатыми окончаниями, с гладкими стержнями обычного типа известны в скифских памятниках V—IV вв. до н. э. повсеместно.

Железные псалии S-видной формы, очень плавно изогнутые с расклепанными концами. Подобные псалии были найдены в курганах V в. до н. э. (№ 400 у с. Журовка и № 522 у г. Смелы [13]), а также в курганах Левобережья (Волковцы, 1886, курганы 1 и 8, Кулешовка, кург. 425, хут. Поповка, кург. 14 [14], Броварки, кург. 502 [15]). Приведенные аналогии представляют собой экземпляры короткие, резко изогнутые, с сильно расклепанными концами. Гораздо более близкими к медеровским являются псалии из кургана 505 у с. Броварки [16] и кургана 10 группа 1 у с. Показовое на Кировоградщине [17]. Часть из них (волковецкие, кулешовские) найдены с материалами конца VI в. до н. э. Псалии из медеровского кургана также следует считать одними из наиболее ранних.

Интересен резной клык. В настоящее время в Поднепровье известна небольшая группа клыков и бронзовых их имитаций (девять) [18]. Основная территория их распространения — Поволжье [19]. Наиболее близок медеровскому резной орнаментированный клык из собрания Киевского Исторического музея (место находки неизвестно) [20]. В качестве украшения конской узды клыки встречаются в комплексах вместе с принадлежностями узды, как и в медеровском кургане. Диапазон бытования их невелик — конец VI — начало V в. до н. э. [21]

Особенно ценной в медеровском комплексе является прекрасная каменная статуя с изображением скифа-воина. Находка сама по себе редкая, медеровская статуя — замечательный экземпляр среди ранних, известных сейчас памятников.

Стела необычно велика — 2,5 *м*; высокая и массивная, стела кажется стройной и изящной. Выполнена она местным мастером с большим вкусом. В строгости и простоте стелы красота ее как произведения искусства. Изображенный на стеле воин снабжен традиционными атрибутами: две гривны, пояс, акинак, меч, горит. Форма акинака и меча одинакова — оба имеют бабочковидные перекрестия и антенные навершия. Подобные мечи хорошо известны в скифских, в частности журовских, памятниках V в.

---

[10] *Н. А. Онайко.* Ук. соч., стр. 29, 48.

[11] Там же, стр. 42.

[12] Сосуд хранится в фондах Гос. Эрмитажа (ОЛ 17480, 1905/5). Впервые публикуется в книге: *Ю. І. Козуб.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ, 1974, стор. 65, рис. 23, *4*.

[13] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Поднепровья в V — III вв. до н. э. САИ, в. Д 1-4, М., 1967, табл. 26, *12, 14*.

[14] *В. А. Ильинская.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, табл. XXXII, *9*; табл. XXXV, *11*; табл. XLVII, *5*, табл. LIII, *4*.

[15] *В. А. Ильинская.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 235, рис. 1, *9*.

[16] Там же, стр. 237, рис. 2, *10*.

[17] *Н. М. Бокий.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. АИУ, III, Киев, 1971, стр. 157, рис. 2, *14*.

[18] *Э. В. Яковенко.* Клыки с зооморфными изображениями. СА, 1969, 4, стр. 201, рис. 1.

[19] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 230, 370, рис. 78.

[20] *Э. В. Яковенко.* Ук. соч., стр. 201, рис. 2.

[21] Там же, стр. 206.

до н. э.[22]. Особое значение стелы определяется общими условиями исследованного кургана, совокупностью погребального обряда и инвентаря. Очевидно, в кургане был торжественно похоронен вместе с конем богатый и знатный воин, над могилой которого не только соорудили высокую насыпь, но и увенчали ее вершину мощной каменной статуей — свидетельство особого прижизненного положения погребенного. Строго выдержанный традиционный набор изображенных на стеле предметов, как ритуальных (ритон), так и не относящихся к культу (оружие), и вместе с тем четко выраженный признак пола дают основание видеть в изображении не просто воина, военачальника, а также и родоначальника[23]. Статуи подобного типа датируются П. Н. Шульцем ранним временем — VI — первой половиной V в. до н. э.[24]. В целом курган у с. Медерово может быть датирован началом V в. до н. э.

Интерес представляет погребальный обряд Медеровского кургана. В скифское время на правобережье Лесостепного Поднепровья преобладали погребальные сооружения с применением дерева — от ям с простым перекрытием до обширных, сложных по устройству деревянных склепов. Такие сооружения иногда сжигались вместе с погребенным и погребальным реквизитом.

В небольшом количестве курганы с сожжением известны здесь и в предскифское время (Ситняжка, курганы 3, 5, 8, 10)[25]. Могилы с кремацией в большинстве относятся к раннему времени — VII—VI вв. до н. э. (Литой курган, Бобрица, кург. 35, Синявка, кург. 100, Глеваха). Преобладание в скифское время в погребальном обряде трупоположения не исключало традиции сожжения. По-видимому, этот дорогой и торжественный обряд был действительно доступен только лицам богатым и знатным[28]. Поэтому он не мог получить широкого распространения, хотя встречается в скифских памятниках Правобережья, особенно ранних, постоянно. Исследование Медеровского кургана позволяет лучше разобраться в скифском погребальном ритуале.

[22] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., табл. 20, *12, 14.*

[23] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья. Античное общество. М., 1967, стр. 225—231; *М. И. Артамонов.* Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник ГЭ, 2, Л., 1961, стр. 82.

[24] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 230.

[25] *Е. Ф. Покровська.* Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмина. Археологія, VIII, 1953.

[28] *А. И. Тереножкин.* Скифская культура. ПСА. М., 1971, стр. 18.

А. А. КАРАХМЕДОВА

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СЕРЕГ ИЗ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Археологическими раскопками на территории Кавказской Албании выявлено большое количество ювелирных изделий как местного, так и импортного происхождения, среди которых многочисленную группу составляют серьги различных типов.

В данном случае из всего многообразия нас интересуют серьги, выполненные в виде калачика (суживающегося обруча) с пирамидальной подвеской из четырех шариков зерни.

В 1949 г. в Ялойлу-Тепе Куткашенского района, в грунтовых погребениях (1,3) с сильно скорченными костяками, относящихся к III—I в. до н. э., были обнаружены две пары серег исследуемого типа[1]. Обе па-

[1] *О. Ш. Исмизаде.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, стр. 13, 19, 24, табл. IV, *3*; IX, *3*.

ры литые, золотые, 958-й пробы [2], изящной работы и выполнены с большим мастерством (рис. 1, *1*). В обоих случаях серьги обнаружены вместе с редкими для Кавказской Албании перламутровыми бусами-амулетами средиземноморского происхождения (рис. 1, *2*). Данные погребения исследователем ялойлутепинской культуры О. Ш. Исмизаде считаются богатыми.

Аналогичные золотые серьги (две пары) были обнаружены Г. М. Асланoвым в 1947 г. в Мингечауре, в катакомбных погребениях I—III вв.

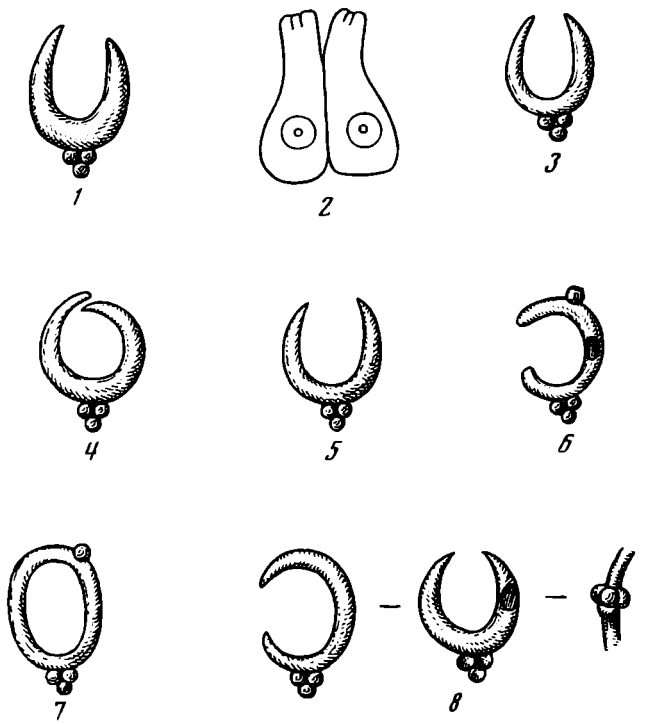


Рис. 1. *1* — серьги из ялойлутепинских грунтовых погребений с сильно скорченным костяком, № 1, 3; *2* — амулеты-лягушки средиземноморского происхождения из ялойлутепинских грунтовых погребений, № 1, 3; *3* — серьги из катакомбных погребений Мингечаура; *4* — серьги из городов Средиземноморья (Крита, Кипра, Сицилии); *5* — серьги из клада XV—XIV вв. до н. э. Рас-Шамра; *6, 7* — серьги и височные кольца из катакомбных погребений Северного Кавказа, Крыма, Подонья; *8* — серьги из катакомбных погребений Дайламана

н. э. [3] (рис. 1, *3*). Серьги выполнены в иной технике — ковкой, но проба их та же (958) [4]. По сообщению Г. М. Асланова, из катакомбных погребений Мингечаура найдено еще шесть пар таких серег из серебра и бронзы [5].

Итак, нам пока известно 10 пар серег с подвеской из четырех шариков зерни из золота, серебра и бронзы.

Строгая симметричность композиции, простота и изящество исполнения отличает интересующий нас тип серег от современных им ювелирных изделий. Техника их изготовления несложная. Обруч отливался в формочке или изготовлялся ковкой, а затем к нему припаивалась пирамидально расположенная зернь одинакового размера. Как правило, серьги небольшого

---

[2] *Г. М. Асланов, Т. И. Голубкина, Ш. Г. Садых-заде.* Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966, стр. 18.

[3] *Г. М. Асланов* и др. Ук. соч., стр. 18—19.

[4] Там же.

[5] Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Г. М. Асланову за данное сообщение.

размера — высота 1,5 *см*, сечение обруча 2 *мм*, вес литых серег варьирует от 2,75 до 2,764 *г*, а вес кованых — от 4,4 до 5 *г*. Разновидностью данного типа серег являются серьги с подвеской из двух или трех шариков зерни.

В связи с рассматриваемым типом серег небезынтересны и два памятника албанского происхождения: курильница из Нахичевани, хранящаяся в Эрмитаже, и бронзовый сосуд, происходящий из собрания Роинова и хранящийся в музее Грузии. Подробное описание и анализ этих памятников дала К. В. Тревер [6]. Бронзовая курильница представляет собой статуэтку,

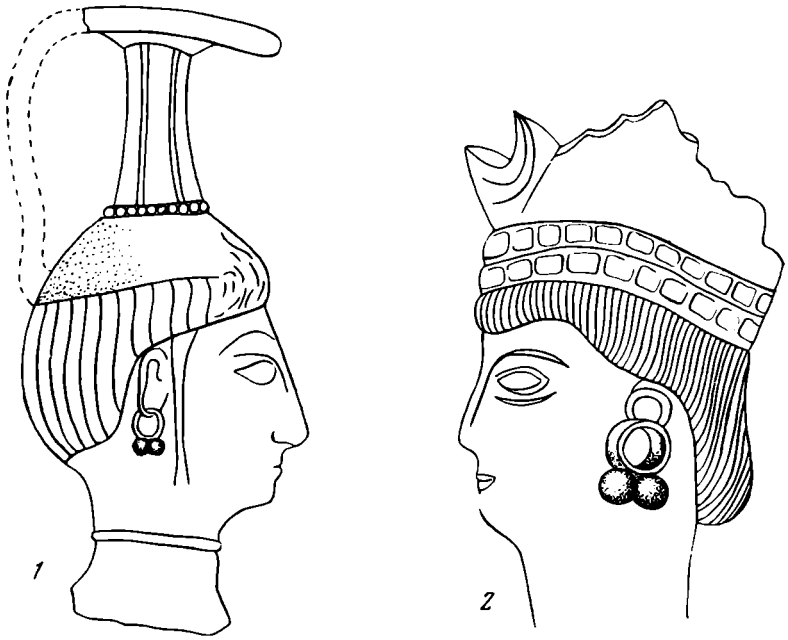


Рис. 2. *1* — бронзовый кувшин из собрания Роинова; *2* — деталь бронзовой курильницы из Нахичевани

выполненную в виде всадника (деталь ее см. на рис. 2, *2*), а тулово бронзового сосуда выполнено в виде человеческой головы (рис. 2, *1*). К. В. Тревер путем ряда сопоставлений пришла к выводу, что на обоих предметах изображено одно и то же реально существовавшее лицо — Джеваншир, князь Гардымана [7]. Общей деталью, сближающей курильницу и сосуд, является своеобразная форма серьги — кольцо с двумя шариками зерни одинакового размера. К. В. Тревер не ставит прямо вопроса о месте изготовления этого типа серег, однако отрицает их сасанидский характер [8]. Как мы видим, это один из подтипов изучаемых нами серег.

Для того чтобы определить место изготовления исследуемого типа серег, нам кажется, необходимо сопоставить их с аналогичными памятниками, происходящими из других мест.

На территории Закавказья подобные серьги были обнаружены при раскопках раннесредневекового некрополя Мцхета [9] и в Гарни [10]. В археологической литературе можно найти весьма близкие аналогии им в памятниках, значительно более ранних. Исследователю ювелирного искусства Греции и Рима Р. Хиггинсу удалось проследить зарождение и распрост-

---

[6] *К. В. Тревер.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 327—332.

[7] *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 330.

[8] Там же, стр. 328, 331—332.

[9] *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Мцхета I. Тбилиси, 1958, стр. 156, табл. CXVI, *5*; CXVII, *27*, *28*.

[10] *Б. Н. Аракелян.* Гарни II. Результаты раскопок 1951—1955 гг. Ереван, 1957, стр. 78, рис. 48.

ранение данного типа серег в Средиземноморье. Местом зарождения этой формы он считает Крит [11].

Так, серьги в виде суживающегося к концу обруча с пирамидальной подвеской из четырех шариков зерни были известны на Крите еще в эпоху бронзы [12]. С середины II тысячелетия до н. э. форма эта перенимается ювелирами Кипра и Сицилии, где становится настолько популярной и устойчивой среди населения, что производство их, непрерывно продолжаясь, доходит до средневековья [13] (рис. 1, *4*). Рассматриваемый тип серег был обнаружен в Энкоми, Марони, Махлосе, Гераклионе и т. д. [14] Количество находок их там является рекордным. Эти серьги были настолько популярными, что изображались на вазах и монетах [15]. Все это показывает, что здесь мы имеем дело с какой-то местной средиземноморской традицией, очень устойчивой. В погребениях Кипра и Крита обнаружены стеатитовые формочки для отливки данного типа серег [16]. Одна из таких формочек хранится в Британском музее [17]. Интересно отметить тот факт, что собственно в Греции эти серьги встречаются всего в нескольких экземплярах, что наводит на мысль об их привозном характере. Спорадически встречаются они и в Сирии. В Рас-Шамре был обнаружен клад XV—XIV вв. до н. э., в котором среди прочих вещей находились серьги с пирамидальной подвеской из четырех шариков зерни, сделанные из электрона [18] (рис. 1, *5*). Возможно, они попали туда в результате торговли с Кипром, на что указывает близость местонахождения к Кипру Рас-Шамры, через которую проходил торговый путь на север, и спорадичность находок. Нельзя не отметить, что во II тысячелетии до н. э. усиливаются связи Кипра со странами Ближнего Востока [19]. Предположение это становится более веским, если учесть вывод Р. Хиггинса, полагающего, что данный тип серег был предметом кипрского импорта [20].

Итак, мы рассмотрели распространение одного типа серег, связь которых вряд ли может оспариваться, на обширной территории в разное время.

Для выяснения происхождения исследуемого типа серег в Албании еще раз обратимся к хронологии. Если учесть, что О. Ш. Исмизаде относит ялойлутепинские грунтовые погребения 1 и 3 к I в. до н. э., а мингечаурские серьги из катакомбных погребений датируются I—III вв., то время бытования серег исследуемого типа на территории Кавказской Албании можно отнести к I в. до н. э.— III в. н. э., т. е. к римскому времени.

Ограниченное количество исследуемых серег, сравнительно небольшой срок бытования их на территории Кавказской Албании в противоположность массовому материалу и устойчивости форм на протяжении длительного времени в городах Средиземноморья, где найдены также формочки для литья их, бесспорно, свидетельствуют об их привозном для Албании характере. Поэтому нельзя согласиться с мнением Н. И. Рзаева, считающего эти серьги местными и полагающего, что в III—I вв. до н. э. ялойлутепинские мастера нашли новую интересную форму их [21]. На территорию

---

[11] *R. A. Higgins.* Greek and Roman jewelery. London, p. 88, 117, pl. 12; fig. 19.

[12] Ibid., p. 88, pl. 12f.

[13] *R. A. Higgins.* Op. cit., p. 88, 108, 117; *F. H. Marshall.* Catalogue of the jewellery greek, etruscan and roman in the departments of antiquities British Museum. London, 1911, p. 27.

[14] *F. H. Marshall.* Opt. cit., p. 27, 479—480; *R. A. Higgins.* Op. cit., p. 73.

[15] *R. A. Higgins.* Op. cit., p. 124.

[16] Ibid., p. 73.

[17] Эллинистическая техника. М.— Л., 1948, стр. 214—215 (рис. 83).

[18] *Claude F. A. Schaeffer.* Les Fouilles de Ras-Shamra-Ugarit, sixième campagne (printemps 1934). Syria. v. XVI, 2, 1935, p. 144—145, fig. 6.

[19] *А. К. Коровина, Н. А. Сидорова.* Сокровища Кипра. ВДИ, 1971, 4, стр. 259.

[20] *R. A. Higgins.* Opt. cit., p. 108.

[21] *Н. И. Рзаев.* Ювелирное искусство Кавказской Албании. Доклады АН АзербССР, XXI, 1, 1965, стр. 76.

Кавказской Албании серьги попали в результате торговли с Римом, ведь первые века нашей эры — время интенсивных связей Закавказья, и в частности Кавказской Албании, с римским миром. Возможно, что серьги с пирамидальной подвеской из четырех шариков зерни вышли из киприских или сицилийских городов, подвластных в это время Римской империи.

Исследуя серьги с пирамидальной подвеской из четырех шариков зерни, небезынтересно обратить внимание на одно, возможно не случайное, совпадение. Инвентарь катакомбных погребений VII—X вв. Северного Кавказа, Крыма, Подонья представлен серьгами (рис. 1, *6*) и височными кольцами (рис. 1, *7*) «аланского» типа [22]. Серьги литые, несомненно, выполненные местными мастерами [23]. Здесь мы видим почти ту же форму, что и средиземноморская, но дополненную маленьким штрихом — налепчиком, создающим новый тип. Невольно возникает мысль о генетической связи «аланской» формы со средиземноморской. По всей вероятности, аланы, как когда-то киприоты и сицилийцы, заимствовали первоначальную форму и в дальнейшем ее видоизменили. Катакомбные погребения позволяют проследить эволюцию исследуемой формы серьги. В мингечаурских катакомбных погребениях I—III вв. мы видим средиземноморский тип. Катакомбные погребения Дайламана, относящиеся в основном к парфянскому времени [24], дают чуть видоизмененный тип (рис. 1, *8*). Возможно, именно здесь мы видим зарождение нового типа. Катакомбные погребения Подонья с VII в. представлены «аланскими» серьгами. Обращает на себя внимание факт распространения серег «аланского» типа в основном в аланских катакомбных погребениях. В археологической литературе серьги и височные кольца описываемого типа давно уже служат надежным этноплеменным признаком. Можно предположить, что форма серег имела для алан какое-то символическое значение, связанное с идеологическими, религиозными представлениями.

[22] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 137.

[23] *Б. А. Рыбаков.* Средневековая литейная форма из Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 181, рис. 9.

[24] *Namio Egami* and *Shinji Fukai, Seiichi Masuda.* Dailaman II. The excavations at Noruzmahale and Khoramrud. 1960. The Institute for oriental culture, the University of Tokyo. 1966, pl. XLIII, *1—2*; XLIX, *30—31.*

Е. А. ГОРЮНОВ, Г. А. УСОВА

ДВА НОВЫХ ПАМЯТНИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В 1969 г. в с. Дубяги Зеньковского района Полтавской обл. одним из местных жителей при добывании песка были обнаружены два человеческих скелета и при них несколько целых гончарных сосудов. Костяки при откапывании были разрушены, сосуды сохранились. Их передали в краеведческий музей соседнего села Ступки, где они входили в экспозицию по истории края.

В 1971 г. председателем колхоза «Заря» А. А. Нестеренко, в распоряжении которого находились музейные коллекции, сосуды были переданы Днепровскому Левобережному отряду ЛОИА [1], проводившему в тот год разведочные работы на Пеле и его притоках, в частности на р. Груни в окрестностях сел Ступки и Дубяги [2].

Всего в захоронениях было найдено семь сосудов. Все они представляют формы, характерные для черняховской культуры.

[1] Находки были получены отрядом благодаря содействию местного краеведа, учителя восьмилетней школы с. Ступки А. Г. Коненко. В настоящее время они находятся на хранении в ЛОИА АН СССР.

[2] *Е. А. Горюнов.* Разведки на Полтавщине. АО — 1971, М., 1972, стр. 366.

Рис. 1. Кувшин из погребения в с. Дубяги

1. Кувшин на кольцевом поддоне с биконическим граненым туловом, высоким узким горлом и ручкой, согнутой под прямым углом. Поверхность лощеная, черного цвета. Ручка, грани тулова и ребристый выступ на горле украшены пунктирными линиями. Диаметр горла 8,4 *см*, высота общая 22,2 *см* (рис. 1).

2. Миска открытая, с реберчатым изломом стенок и оттянутым наружу венчиком, серого цвета. Диаметр венчика 25 *см*, дна 7,5 *см*, по ребру 22,5 *см*, высота 6,4 *см* (рис. 2, *1*).

3. Кружка реберчатая, с лощеной поверхностью серого цвета. Ручка плавно изогнутая, в сечении прямоугольная. Дно на плитчатом поддоне. На тулово выше ребра нанесены три широкие врезные полосы с волнистой пролощенной линией на каждой. Диаметр верхнего края 11,5 *см*, дна 5,5 *см*, по ребру 12,3 *см*, высота 9 *см* (рис. 2, *2*).

4. Горшок округлобокий, с коротким прямым венчиком, на плитчатом поддоне. Плечики покатые, украшены тремя желобками. Поверхность гладкого серого цвета, ближе к днищу покрыта мелкими щербинами. В тесте примесь песка. Диаметр венчика 9,5 *см*, дна 6,5 *см*, максимальный диаметр тулова 14 *см*, высота 12,8 *см* (рис. 2, *4*).

5. Горшок яйцевидной формы, с невысокой шейкой и коротким, отогнутым наружу венчиком. Дно на плитчатом поддоне. По плечикам проходит бороздка. В тесте примесь песка. Поверхность серого цвета, в нижней трети тулова с мелкими щербинами. Диаметр венчика 12 *см*, дна 6,7 *см*, максимальный диаметр тулова 14,5 *см*, высота 17,5 *см* (рис. 2, *5*).

6. Горшок той же профилировки, что и предыдущий, с едва заметным желобком на плечиках. В тесте примесь песка. Диаметр венчика 12,8 *см*, дна 7,2 *см*, максимальный диаметр тулова 15,8 *см*, высота 17,8 *см* (рис. 2, *6*).

7. Амфора инкерманского типа, светлоглиняная, с длинным узким горлом и вытянутым коническим туловом, имеющим бороздчатую поверхность. Дно не сохранилось. Ручки в сечении овальные, с двумя продольными желобками. На горле неотчетливые следы надписи, нанесенной красной краской. Наружный диаметр венчика 5,6 *см*, внутренний 3 *см*, максимальный диаметр тулова 14,5 *см*, высота сохранившейся части 39,8 *см*.

В том же 1971 г. при осмотре места, с которым связываются погребения[3], Днепровскому Левобережному отряду удалось получить от местных жителей некоторые, к сожалению далеко не исчерпывающие, сведения, касающиеся обстоятельств находки.

Как было выяснено, кости и сосуды были извлечены из ямы неправильной конфигурации, с неровным дном, образовавшейся при добывании жи-

[3] Осмотр места находки был произведен также отрядом ИА АН СССР во главе с Е. В. Махно в 1970 г.

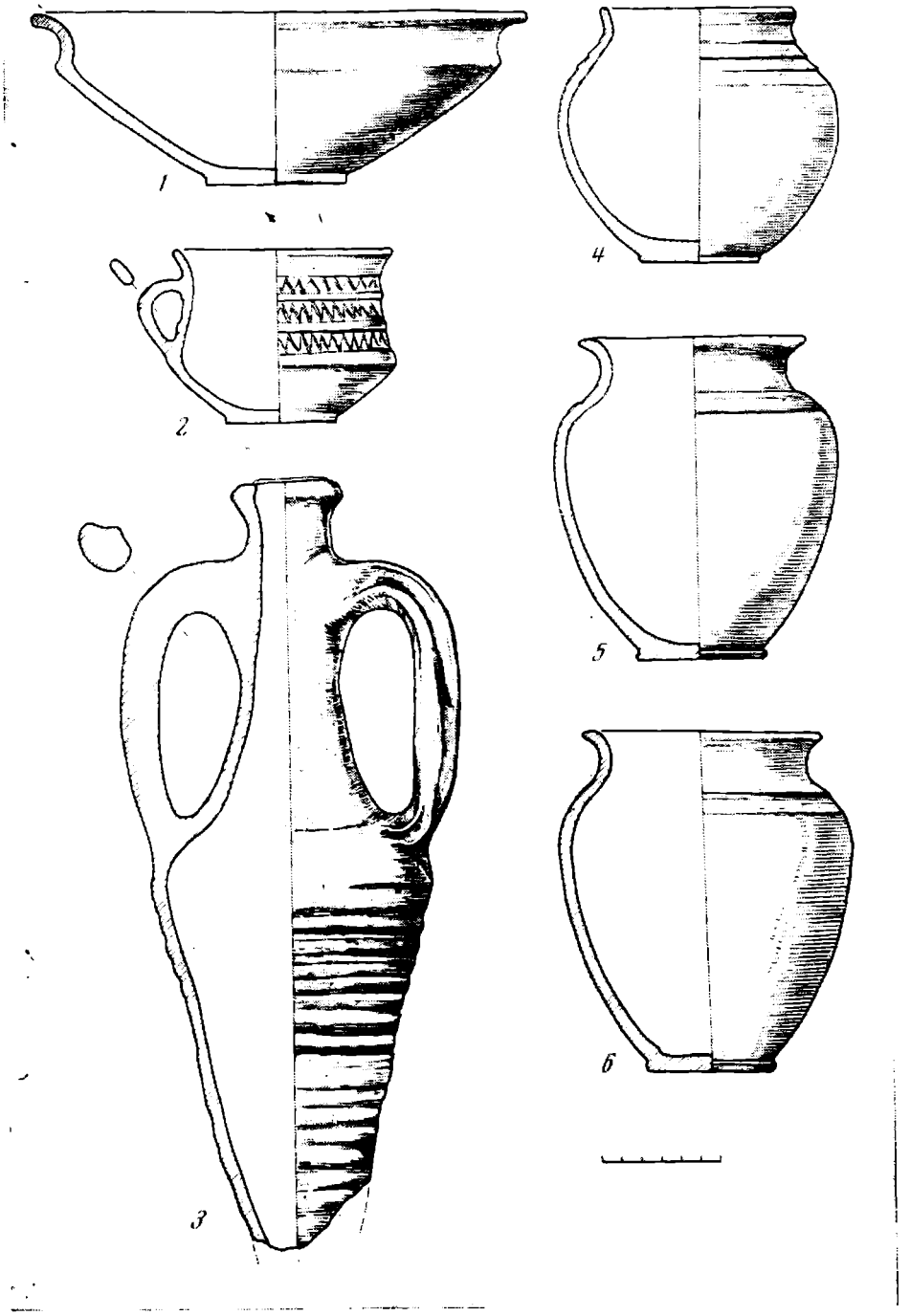


Рис. 2. Сосуды из погребений в с. Дубяги

телями с. Дубяги песка. При осмотре в 1971 г. яма достигала размера около 5×8 *м* при глубине до 2 *м*. Во время обнаружения погребений она была несколько меньше. Место захоронений расположено на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Груни, высотой над поймой 2—3 *м*, в северо-западной части села, в 6—8 *м* от колхозной конюшни. Самый край террасы и ее пологий склон находятся поблизости от ямы под сваленным в кучи навозом. Сразу за ним выше по берегу начинаются приусадебные огороды. В стенках ямы культурный слой не прослеживается.

По словам находчика, сначала были найдены сосуды, а вслед за ними (после того как была подкопана стенка ямы) два черепа, «один побольше,

другой поменьше», размещавшиеся поблизости друг от друга. Затем шли остальные части скелетов, с которыми также находились сосуды. Захоронения залегали на глубине около 1 *м*. С каким из них были связаны те или другие сосуды, выяснить не удалось. Исходя из этих сведений, можно предположить, что сосуды располагались в головах погребенных и, по крайней мере в одном из захоронений, вдоль туловища. Не лишено вероятности, что погребения принадлежали взрослому и ребенку. Судя по расположению скелетов, указанному находчиком, они имели северную ориентировку.

Были ли это два отдельных погребения или парное захоронение, сказать трудно. Тот набор сосудов, о котором шла речь, вполне допускает как одно, так и другое предположение. Расположение захоронений в непосредственной близости друг от друга и на одном уровне, их одинаковая ориентировка позволяют предполагать парное погребение. Однако против этого говорит то обстоятельство, что парные погребения почти неизвестны в черняховской культуре.

В инвентаре захоронений прежде всего обращает на себя внимание амфора. Амфоры различных типов, в том числе инкерманского, того, которому принадлежит амфора из с. Дубяги, имели широкое распространение в черняховской культуре, особенно на юге ареала. Следует сказать, однако, что амфоры характерны больше для поселений этой культуры, тогда как в могильниках они если и встречаются, то сравнительно редко [4].

Датировка амфор инкерманского типа — вторая половина III—IV вв. [5] К этому времени, видимо, и следует отнести погребения в Дубягах, тем более что другие обнаруженные в них сосуды не могут быть датированы точнее.

Есть все основания предполагать существование на северо-западной окраине с. Дубяги могильника. Как сообщали местные жители, при сооружении колхозной конюшни, расположенной всего в нескольких метрах от открытых погребений, на глубине 0,3—0,5 *м* был найден глиняный сосуд, наполненный пережженными костями [6]. Вполне вероятно, что это было погребение по обряду кремации, с заключенным в урну прахом, принадлежащее черняховской культуре. Для последней, как известно, типичен именно биритуальный обряд погребений.

Что касается поселения, с которым связан могильник, то им, возможно, было селище в 2—2,5 *км* восточнее с. Дубяги на левом берегу р. Груни, справа от грунтовой дороги Грунь-Ступки. Других ближе расположенных к могильнику поселений пока неизвестно [7].

Селище обследовалось в 1971 г. Днепровским Левобережным отрядом. Оно вытянуто почти на 0,6 *км* по изгибу первой террасы высотой 1,5—2,5 *м*, вдоль старицы — заболоченной, покрытой островками леса низины. Ширина селища около 60—80 *м*. Западная его граница проходит по небольшой ложбине, восточная — вблизи дороги. Через поселение в направлении с запада на восток проходит ряд дренажных канавок глубиной до 0,3—0,4 *м*, на дне одной из них в 30—40 м от края террассы были найдены большие куски глиняной обмазки, частично перекрывавшей небольшое скопление гончарной и лепной керамики (всего 14 фрагментов). Обмазка и керамика занимали пространство 0,6×0,4 *м*. Находки происходят из пахотного слоя. В шурфе размером 1,2×1,2 *м*, заложенном в западном конце поселения, у ложбины, его толщина достигала 0,8 *м*.

[4] *Э. А. Сымонович.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, 1967, рис. 3, *1* на стр. 213, рис. 5, *2* на стр. 215; *А. А. Кравченко.* Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. МИА, 139, М., 1967, стр. 160, рис. 1, 2 на стр. 161; *R. Vulpe.* Izvoare. Bucureşti, 1957, p. 296, Fig. 315, 1; *M. Ebert.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka». Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, S. 89—92, Abb. 101.

[5] *М. Б. Щукин.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, 2, стр. 41.

[6] Ни сосуд, ни его содержимое не сохранились.

[7] Можно допустить, что искомое поселение находится в пределах с. Дубяги, тянущегося вдоль берега на большом протяжении. Провести здесь сколько-нибудь тщательное обследование было невозможно.

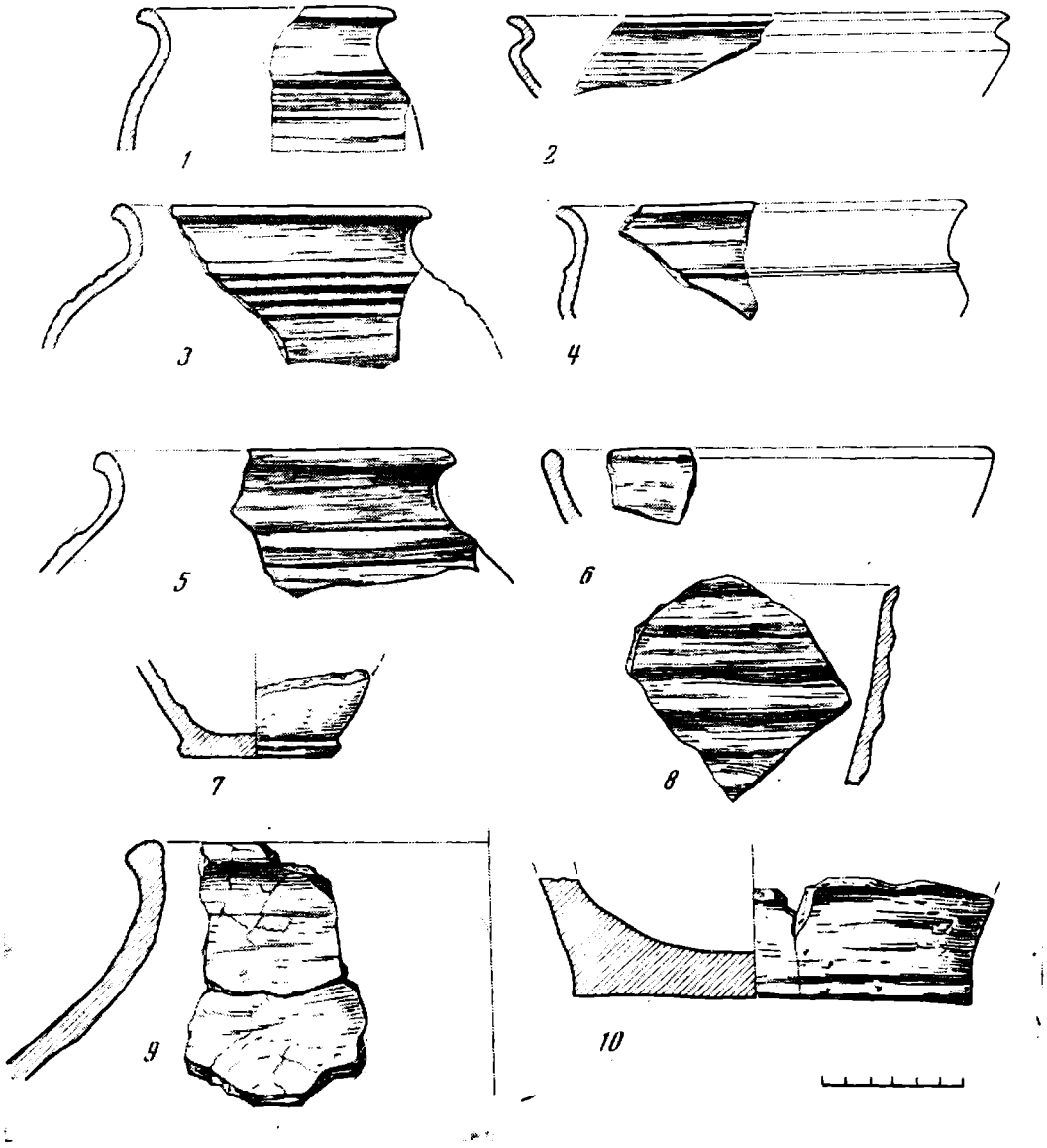


Рис. 3. Керамика с поселения в 2 *км* восточнее с. Дубяги

На пашне и в шурфе найдена преимущественно гончарная керамика — шероховатая, реже лощеная, типично черняховских форм. Более грубая керамика, которая может быть названа кухонной, представлена в основном обломками небольших горшков — округлобоких и с яйцевидным туловом, невысокой шейкой и коротким, иногда утолщенным венчиком (рис. 3, *1*, *3*, *6*). Цвет сосудов серый. Столовой посуде принадлежат обломки мисок, в том числе реберчатых, с лощеной поверхностью (рис. 3, *2*, *4*, *6*). Помимо того имеется обломок светлоглиняной амфоры (рис. 3, *8*).

Лепная керамика, найденная на поселении, насчитывает всего несколько обломков. Они принадлежат неорнаментированным горшкам различных размеров с примесью шамота в тесте, с бугристой, иногда мажущей поверхностью (рис. 3, *9*).

Приведенные данные о двух, видимо взаимосвязанных, памятниках в поречье Груни носят предварительный характер, но все же они позволяют полнее представить черняховскую культуру в левобережном Поднепровье, изученную здесь еще далеко не достаточно.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ МАДЖАР

Для характеристики различных отраслей керамического производства в г. Маджаре и выявления культурных заимствований в этой области значительный интерес представляют сфероконические сосуды. Исследование и соответствующая интерпретация их имеет немаловажное значение еще и потому, что подобные сосуды из других золотоордынских городов, за исключением Болгар, в научной литературе не описаны [1].

Основная масса исследуемых в статье сфероконических сосудов была найдена на нынешнем правобережном участке городища Маджар, в 400—500 *м* к северо-востоку от артезианского колодца, расположенного на землях совхоза «Прикумский». Этот участок городища давно уже распахан и используется в настоящее время для посадок винограда и различных огородных культур. Примечательно, что большинство сосудов обнаружено в одном месте, на полосе земли длиной около 100 и шириной до 20 *м*, вместе с большим количеством керамических шлаков и ошлакованного кирпича. В этом же месте зафиксированы остатки нескольких гончарных печей, одна из которых круглая в плане, диаметром более 2 *м*. В статье также использованы сфероконические сосуды из Маджар, хранящиеся в Ставропольском и Пятигорском краеведческих музеях и бывшем народном музее им. И. Кочубея в Прикумске. Все учтенные сосуды безглазурные, по характеру обработки внешней поверхности их можно разделить на две группы: неорнаментированные и орнаментированные, причем последних в количественном отношении гораздо больше.

Неорнаментированные сфероконические сосуды. Среди них можно выделить два типа.

Первый тип имеет коническое дно и сферическую верхнюю часть с округлой головкой, суженной книзу. Поверхность сосуда зеленовато-серого или желтовато-серого цвета, черепок в изломе двухцветный — черный и красноватый, что, по-видимому, зависело от качества обжига.

Второй тип значительно отличается от первого, дно снаружи плоское и только внутри коническое, верхняя часть имеет вытянутые плечики с уступами, а средняя резко суживается ко дну [2]. Цвет тот же, что и у предыдущего типа. Размеры сосудов первого и второго типа различны и варьируют от 10×8 — до 16×12 *см* (рис. 1, *2*).

Орнаментированные сфероконические сосуды. Все найденные в Маджаре сосуды этой группы имеют сферическую верхнюю и коническую нижнюю части без плоского дна. Средняя часть обычно раздута с небольшими отклонениями, часто с хорошо развитыми плечиками или совсем без таковых, когда тулово начинается непосредственно от головки. Головка с очень узким отверстием, обычно округлой формы, но иногда встречаются и заостренные, что, кстати, судя по публикациям, совсем не характерно для анийских и двинских сфероконусов, но зато встречается на среднеазиатских сосудах [3]. В сечении стенки сосудов вверху более тонкие 1—1,5 *см*, а внизу значительно утолщены от 1,5 до 3 *см*, тесто обычно двухцветное. Внутренняя поверхность там, где это удалось проследить, покрыта анго-

---

[1] *А. Ф. Лихачев.* О загадочных сосудах сфероконической формы из Волжской Болгарии. Тр. IV АС, т. 1, Казань, 1884, стр. 34—65; *Н. В. Сычев.* К вопросу о Булгарских сфероконических сосудах. КСИИМК, XIV, М.— Л., 1947, стр. 70—73; *О. С. Хованская.* Гончарное дело города Болгара. МИА, 42. 1954, стр. 342; *Н. В. Трубникова.* Обломок сфероконического сосуда из Булгар. Тр. ГИМ, вып. IX, М., 1940, стр. 137—139.

[2] Сфероконусы с плоским дном встречаются в Ани (*Р. М. Джанполодян.* Сфероконические сосуды из Двина и Ани СА, 1958, I, стр. 202), в Ташкенте, Фергане, Термезе и других среднеазиатских городах (*Л. И. Альбаум.* О гончарном производстве на Афросиабе в X—XI вв. Афросиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, стр. 259).

[3] *Р. М. Джанполодян.* Ук. соч., стр. 202—203, табл. 1, 2; *С. Б. Лунина.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Тр. ЮТАКЕ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 359.

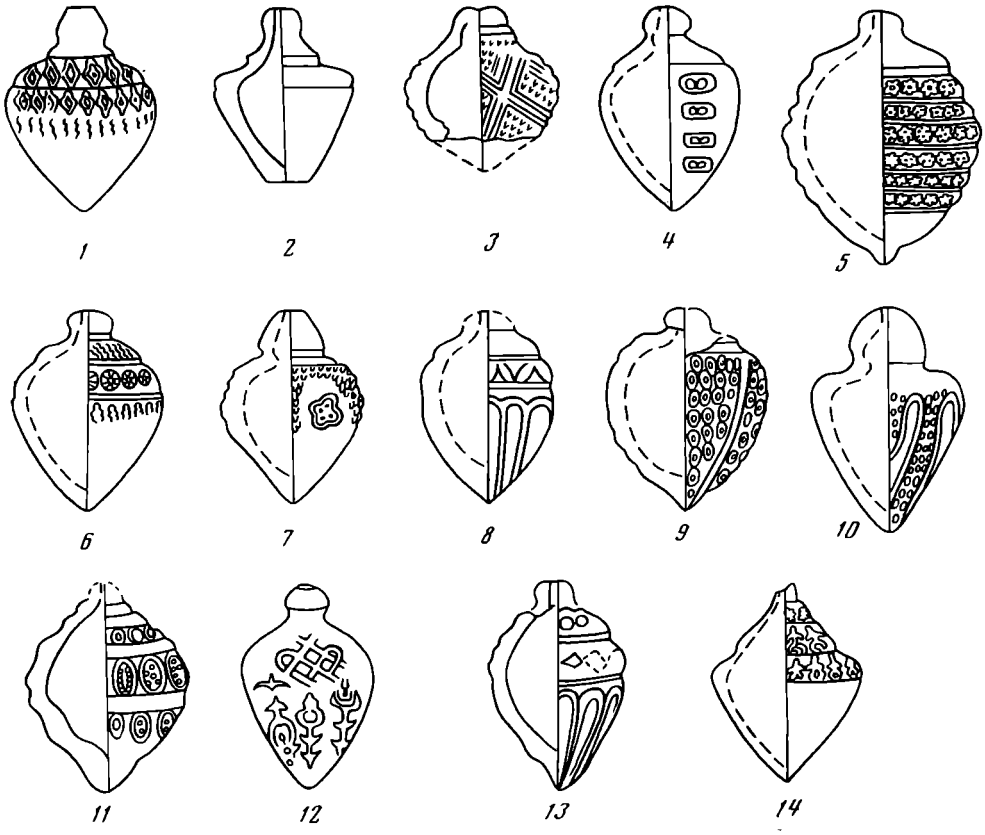


Рис. 1. Сфероконические сосуды из Маджар

бом, чаще всего зеленоватого цвета. Наиболее крупные сосуды имеют размеры 15×11 *см*, наиболее мелкие — 10,5×8 *см*, чаще же всего встречены размеры 12×9, 13×9 *см*. Внешняя поверхность в большинстве случаев покрывалась ангобом обычно черноватого или коричневого цвета, хотя встречаются сосуды и без ангоба. Пока не найдено в Маджаре сфероконусов, покрытых глазурью, которые встречаются в Закавказье и в Средней Азии. Внешняя поверхность сосудов данного типа украшалась разнообразным орнаментом, тисненным штампами или выцарапанным по сырой глине. Штампы представляют собой различные фигуры в виде кружков, сердечек, звездочек, пальметок, восьмерок, квадратов, ромбов, шестилепестковых розеток, клеток (рис. 2).

Орнаментальные композиции на сфероконических сосудах расположены по-разному: на ряде сосудов орнамент покрывает всю поверхность от головки до дна, на других — только верхнюю его часть. В первом случае можно выделить следующие виды орнамента и систему его расположения.

1. Поверхность сосудов делится параллельными горизонтальными орнаментальными поясами, заполненными штампами в виде шестилепестковых розеток с кружками внутри (рис. 1, *5*).

2. Поверхность сосуда узкими вертикальными полосами делится на ряд секторов, насыщенных семечковидными и треугольными фигурами (рис. 1, *9*).

3. Поверхность сосуда пересекающимися линиями делится на треугольники и квадраты, заполненные семечковидными фигурами (рис. 1, *3*).

4. Поверхность сосуда украшена овальными штампами, внутри которых находятся фигуры в виде восьмерок (рис. 1, *4*).

5. Поверхность сосуда делится горизонтальными линиями на три орнаментальных пояса, внутри которых помещены, штампованные фигуры, для каждого пояса разные (рис. 1, *11*, *13*).

Орнаментальные композиции другой части также довольно разнообразны. Среди них можем выделить следующие основные виды.

1. Орнамент в виде «виноградных кистей», между которыми размещены четырехлепестковые розетки, покрывает поверхность сосуда от головки до середины (рис. 1, *7*).

2. Верхняя часть сосудов делится тремя горизонтальными линиями на три орнаментальных пояса, заполненных штампованным орнаментом из различных фигур, для каждого пояса своим (рис. 1, *6*).

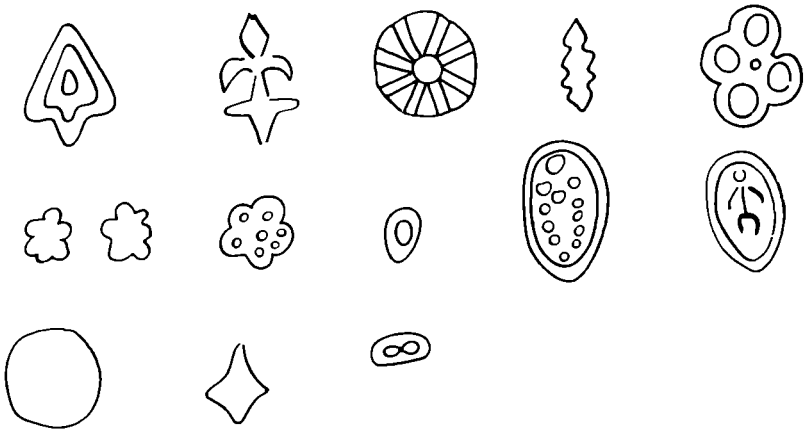


Рис. 2. Образцы штампов на сфероконических сосудах из Маджар

3. В верхней части сосуда, по одной с каждой стороны, расположены штампованные плетенки, а ниже идет орнаментальный пояс, состоящий из странных фигурок, несколько напоминающих сильно стилизованные антропоморфные образы (рис. 1, *12*).

Несмотря на кажущееся разнообразие орнаментальных композиций, можно, однако, заметить, что большинство из них повторяется на многих сосудах. Наиболее популярными были орнаменты (рис. 1, *3*, *5*, *7*, *9*, *10*), которые зафиксированы на пяти-шести сосудах; очень редки орнаменты (рис. 1, *4*, *12*, *14*), отмеченные всего на одном или двух сосудах.

Всего при сборах и в ряде музеев нами было зафиксировано более 20 целых и около 30 фрагментов сфероконических сосудов, происходящих с городища Маджар. Это довольно значительная цифра, которая говорит о том, что они широко использовались в быту населением города. Вопрос о назначении этих сосудов до сих пор еще остается дискуссионным, хотя по этому поводу существует множество предположений[4]. Со временем некоторые из них в свете новых научных данных отпали, и в последнее время укрепились две точки зрения: согласно одной из них, подобные сосуды служили преимущественно своего рода флаконами для хранения и перевозок благовоний, лекарств и дорогостоящих масел и в некоторых случаях ртути[5]; согласно второй, преимущественная роль отводится ртути, хотя не исключается использование их и для перевозки дорогостоящих жидкостей, при этом в пользу второй точки зрения Б. В. Лунин привел ряд довольно убедительных аргументов[6]. Нам кажется, что правы сторонники обеих точек зрения. Только, на наш взгляд, следует, по-видимому, провести известную дифференциацию в использовании сфероконических сосудов для изложенных выше целей. Возможно, что сосуды, богато украшенные орнаментом, в ряде случаев покрытые глазурью или изготовлен-

[4] *А. В. Арциховский.* Введение в археологию. Изд. 5-е. М., 1947, стр. 160—161; *Р. М. Джанполодян.* Ук. соч., стр. 208—209.

[5] *Р. М. Джанполодян.* Ук. соч., стр. 210.

[6] *Б. В. Лунин.* К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 263.

ные из стекла, использовались как флаконы для хранения дорогостоящих жидкостей: благовоний, ароматических масел и т. д., а простые сосуды без орнаментального покрытия — для хранения и перевозки ртути.

Таким образом, учитывая назначение этих сосудов и их количество, можно говорить, что в быту населения г. Маджар широко применялись как различного рода дорогостоящие жидкости, так и ртуть, которая использовалась для изготовления лечебных мазей и для технических целей (золочение). Доказательство применения ртути в Маджаре в этих целях можно видеть в некоторых видах архитектурной глазурованной керамики местного производства с явными следами позолоты [7].

Отметим, что, наряду с привозными сфероконическими сосудами, в Маджаре было налажено и местное производство, что доказывается преимущественными находками их в местах скопления остатков гончарных печей, керамических шлаков и особенно одного такого сосуда, спекшегося с глыбой шлака. Обжиг, которому подвергаются сосуды подобного типа, называется клинкерным и считается достаточно сложным даже в современных условиях, что свидетельствует о высоком уровне керамического производства, достигнутом в Маджаре [8].

Итак, наличие местного производства сфероконических сосудов наряду с другими видами керамики в Маджаре показывает большое разнообразие областей керамического ремесла в этом городе, мало чем отличающегося (по уровню развития и разнообразию) от керамического производства в крупных городах XIII—XIV вв. в Закавказье, Средней Азии и Ближнем Востоке. Это говорит о наличии известной общности.

В домонгольское время, до момента возникновения Маджар, никакого производства сфероконических сосудов и традиций в их изготовлении на Северном Кавказе не существовало. В решении вопроса о том, откуда в Маджар привнесены принципы и способы их изготовления, мы должны обратиться к тем странам, где производство подобных сосудов было давней и прочной традицией. Несомненно, что наибольшую роль должны были сыграть две области: Средняя Азия и Закавказье, первая — поскольку она частично входила в состав Золотой Орды и была связана с Северным Кавказом общей системой караванного тракта Европа — Азия, весьма удобной и безопасной караванной дорогой, описанной Ибн-Батутой и Франческо Больдучи Пегаллоти [9]. Этого, кстати, совсем нельзя сказать о дорогах из Закавказья; хотя здесь был более удобный путь через Дербент и Дарьяльский проход, но отнюдь не безопасный из-за постоянных кровопролитных войн между Джучидами и Хулагуидами, а позднее Джелаиридами, начиная со времени Берке-хана (1257—1266) и почти на протяжении всего XIV в., которые никак не способствовали торговым и культурным контактам. Правда, были времена некоторых передышек и перемирий, например при Токте-хане (1290—1313), когда кавказская дорога, закрытая в течение многих лет для купцов и их товаров, по свидетельству Вассафа, была вновь открыта и «товары и редкости тех стран после перерыва в течение некоторого времени вновь нашли широкое применение» [10].

Однако такое положение вещей сохранялось недолго, и уже через несколько лет в правление того же Токта-хана, а затем и при Узбек-хане (1313—1339) войны с Хулагуидами вновь возобновились... [11]. Естественно, что подобная обстановка на границе между владениями Джучидов и

---

[7] *Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе.* Влияние Хорезма на керамическое производство золоордынского города Маджар. СА, 1971, 4, стр. 127—139.

[8] *С. Б. Лунина.* Ук. соч., стр. 358—359.

[9] *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 157—158.

[10] Там же, стр. 89.

[11] Подробно об этих войнах см. *А. А. Али-заде.* Борьба Золотой Орды и государства Ильханов за Азербайджан. ИАН АзССР, 1946, № 5, 7; *С. Закиров.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.

Хулагуидов в значительной мере затрудняла обмен культурными ценностями и торговые контакты. Нельзя, однако, полностью отрицать наличие торговых и культурных связей Закавказья с Золотой Ордой (которые могли осуществляться в периоды кратковременных мирных передышек), поскольку известны случаи переселения духовных лиц и, вероятно, ремесленников из государства Хулагуидов в Золотую Орду, наличие большой армянской колонии в Болгарах, основанной, правда, еще в X в.[12], отдельных образцов бытовой и архитектурной керамики, характерной для Азербайджана, но факты эти пока единичны и следует, по-видимому, признать, что культурное влияние Закавказья на Золотую Орду было из-за неблагоприятных политических обстоятельств все же небольшим.

Гораздо более тесными были связи с Средней Азией, и в частности с Хорезмом, которые впервые были обстоятельно изучены А. Ю. Якубовским, отметившим в связи с этим, что «культурное лицо городской жизни (Сарая-Берке.— *Э. Р.*) на первых порах определяли ученые, художники, архитекторы и ремесленники Ургенча»[13]. Те же явления отмечаются и для Маджар[14]. В очень большой мере этому способствовало вхождение Хорезма в состав Золотой Орды. Подобное политическое обстоятельство сыграло известную роль в переносе многих областей материальной, художественной и духовной культуры Средней Азии в золотоордынские города. Учитывая эти обстоятельства, можно, видимо, полагать, что и производство сфероконических сосудов в Маджаре сложилось под влиянием среднеазиатских традиций изготовления этого специфического вида керамики. Некоторые дополнительные аргументы в пользу этого вывода мы можем извлечь и из анализа самих сфероконических сосудов. Так, например, форма головки на сфероконусах из Ани и Двина, судя по публикациям, округлая, в то время как в Маджаре встречаются и заостренные формы, как в Хорезме, Ташкенте и Мерве[15]. На сосудах из Маджара, хотя известно уже довольно большое их количество, совсем нет арабских надписей и тамг. Очень редко они встречаются на сосудах из Средней Азии, в то время как в Ани и Двине арабские надписи являются непременной принадлежностью почти каждого сосуда[16].

Некоторые виды орнамента на сосудах из Маджар близки среднеазиатским, особенно орнамент из восьмерок, совершенно аналогичный орнаменту на сфероконусе из Мерва[17]. Заметим, что Н. В. Трубникова, анализируя фрагмент сфероконического сосуда из Болгар, усматривала близкое сходство его орнаментации с самаркандской керамикой[18].

По своей форме маджарские сосуды больше похожи на среднеазиатские, чем на закавказские, для которых характерны значительные колебания в форме средней части сосуда.

Учитывая все вышеприведенные соображения, можно, по всей вероятности, говорить о том, что производство сфероконических сосудов в Маджаре сложилось скорее всего благодаря культурному влиянию некоторых районов Средней Азии, не исключая при этом возможности поступления части из них из Закавказья[19].

[12] *А. П. Смирнов.* Армянская колония города Болгар. МИА, 61, стр. 330—359; *Р. М. Джанполодян.* О двух тканях из Ани и Болгар. КСИА АН СССР, 132, М., 1972, стр. 46—52.

[13] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., стр. 171.

[14] *Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе.* Влияние Хорезма на керамическое производство золоордынского города Маджара. СА, 1971, 1, стр. 127—139; *Э. В. Ртвеладзе* Мавзолеи Маджара. СА, 1973, 1, стр. 271—278.

[15] *С. Б. Лунина.* Ук. соч., стр. 359, табл., а также собственные наблюдения автора в Мерве, Куня-Ургенче и Ташкенте.

[16] *Р. М. Джанполодян.* Ук. соч., стр. 211.

[17] *С. Б. Лунина.* Ук. соч., стр. 359, табл.

[18] *Н. В. Трубникова.* Ук. соч., стр. 137—139.

[19] К почти аналогичному выводу пришел и Н. П. Сычев, считавший, что сосуды в Биляр доставлялись из Средней Азии и Армении; анализируя сосуд из Чистопольского краеведческого музея, он указывал на его среднеазиатское происхождение. *Н. П. Сычев.* Ук. соч., стр. 73.

Критика и библиография

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., «Наука», 1968, 454 стр., 35 илл., тираж 21350 экз.

Первый том фундаментального пятитомника «История Сибири с древнейших времен до наших дней» посвящен истории народов Сибири до ее присоединения к России. Он построен в значительной степени на археологическом материале и охватывает эпохи, начиная с первого заселения Сибири человеком еще в древнем каменном веке и кончая XVI в. Изучение прошлого Сибири имеет принципиальное методологическое и методическое значение для всемирной истории в двух отношениях. Прежде всего Сибирь — это огромный регион Старого Света, закономерности развития которого, тесные связи со своими соседями как на азиатском материке, так и в Северной Америке, отражают важнейшие стороны исторического процесса. Кроме того, массовый археологический материал, тесно переплетающийся с данными этнографии, а порой и прямо перерастающий в них, делает Сибирь как бы колоссальной лабораторией для изучения первобытнообщинного строя, подобно тому, как классический материал по раннеклассовым обществам доставляют нам археология и письменные источники Египта и Месопотамии. Рассматриваемый труд в полной мере отвечает этой высокой научной ответственности.

Так, его отличительная особенность — широта охвата. Здесь детально рассматриваются и крайний север Сибири, и Дальний Восток, и Алтай, и Тува. Наряду с археологическими источниками очень широко привлечены материалы письменных источников, этнографии, фольклора, антропологии. Широта охвата ни в коей мере не повела к поверхностности, недостоверности. Все факты и обобщения, предлагаемые читателю, тщательно проверены, точны и аргументированы. Книга создана на высоком научном уровне. И еще одно качество характеризует рецензируемый труд: книга живо, интересно, хорошо написана образным литературным языком, доступным широким кругам читателей, и в то же время без упрощения и вульгаризации.

Книгу открывает (вслед за общим редакционным введением ко всему пятитомнику) сравнительно небольшая, но очень содержательная историографическая глава, посвященная истории изучения древнейшего прошлого Сибири. Последующее изложение разделено на две большие части: «Эпоха первобытной общины» и «Племенные союзы и первые государства». Книгу завершает краткое заключение и указатели.

Глава вторая, открывающая собой раздел, посвященный эпохе первобытной общины, называется «Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита» (стр. 37—93). Фактически она охватывает не только палеолит, но и мезолит.

Едва ли целесообразно в рамках краткой рецензии пересказывать содержание этой и последующих глав. Остановимся лишь на некоторых моментах. Характерной особенностью главы является историзм. Автор (А. П. Окладников), уделяя большое внимание местным особенностям развития палеолитической и мезолитической культуры в разных частях Сибири, особенно передвижениям различных групп древнего населения, их сложным взаимоотношениям, в то же время всегда и везде прослеживает развитие первобытного человечества и его культуры, выделяет последовательные, закономерно сменяющие один другой этапы этого развития.

Интересны и оригинальны страницы, посвященные первому заселению Сибири палеолитическими людьми (стр. 39—44). Автор полагает, что такое заселение происходит не из одного центра и не в одном направлении, а по крайней мере из трех центров по трем направлениям: из Центральной и Юго-Восточной Азии, из Восточной Европы и из Средней Азии. Развивая эту смелую гипотезу, обосновывая ее рядом археологических фактов, автор в то же время справедливо воздерживается от безапелляционного утверждения древнепалеолитического возраста таких еще не до конца проверенных местонахождений, как Улалинка на Алтае и Филимошки на р. Зее. Относящиеся сюда формулировки (стр. 42—43) осторожны и допускают разные пути окончательного решения вопроса. Интересна и убедительна приводимая в этой главе сложная картина взаимоотношений различных позднепалеолитических культур Сибири: мальтинско-буретьской, афонтовско-ошурковской и др.

Позднепалеолитические и мезолитические памятники Дальнего Востока, в частности Осиновское поселение близ Уссурийска, рассматриваются в первую очередь в их связях с палеолитом и мезолитом Юго-Восточной Азии. Осиновская культура — как бы крайнее на севере звено целой цепи культур, принадлежащих племенам собирателей и бродячих охотников Юго-Восточной Азии (стр. 75). Этот тезис рецензируемой книги представляет, несомненно, выдающийся интерес и стимулирует дальнейшую разработку данной проблемы.

Большое внимание во второй главе уделено палеолитическому искусству.

Значительная по объему глава «Сибирь в новокаменном веке. Эпоха неолита» (стр. 94—158) также представляет большой интерес. В ней впервые обобщен огромный накопленный археологический материал. При этом он передан в доступной для широкого читателя форме, особенно в разделах, посвященных искусству.

История охотничьих племен огромных таежных и лесотундровых пространств Сибири, объединенная в эпоху неолита общими историческими судьбами — предопределенными в большей мере на той ступени развития производительных сил — природной средой, вместе с тем отражает значительную специфику их культуры.

Выделенные в книге разделы неолита, посвященные Западной и Восточной Сибири, Якутии, Забайкалью и Дальнему Востоку, продиктованы необходимостью оттенить специфические особенности каждой из этих областей, появившиеся в результате длительного процесса и обусловленные общими историческими судьбами, сходством и различием формы хозяйства, этнокультурными и этнографическими особенностями. Нам кажется, что авторы, несмотря на ограниченный объем статей, сделали это достаточно удачно; оперируя специальным археологическим материалом — основным источником для воссоздания истории древних племен Сибири,— привлекая иногда с целью оттенить самобытность, казалось бы, мелкие детали, показали общую линию их материальной культуры.

Существенным достоинством рассматриваемой главы является стремление показать неолитическую эпоху не статично, а в развитии, попытаться нарисовать прогрессивное изменение в материальной и духовной культуре на протяжении неолита, его генетическую связь с предшествующей эпохой — мезолитом. Именно благодаря ясно поставленной задаче неолитическая эпоха в рассматриваемой книге показана не как изолированный, оторванный кусок истории, а как необходимое звено в общей цепи исторического процесса, уходящее своими корнями в мезолит, предопределенное достижениями предшествующей эпохи и вместе с тем эпохой, подготовившей необходимую базу для последующего развития общества — эпохи металла.

Большой интерес вызывают части разделов, посвященные яркому и самобытному искусству неолитических племен Сибири, отражающие в большей мере сущность их мировосприятия, высокую степень развития мышления и накопленного опыта, эстетические потребности, стилевые особенности орнамента, его техническое совершенство. Очень существенно, что при решении этих вопросов авторы опираются на богатейшие этнографические наблюдения и, что особенно важно, сделанные на той же территории Сибири. Этнографические материалы являлись для авторов ключом не только при попытке проникнуть в тайну мировоззрения неолитического населения, но и при освещении отдельных разделов материальной культуры и сторон быта, в частности — формы жилищ.

Следует отметит, как очень положительный момент, стремление ставить, а во

многих случаях и решать этнические проблемы эпохи неолита и попытку раскрыть генезис ряда современных народов Сибири.

Естественно, разделы неолита написаны по-разному, отражая степень полноты имеющегося материала и индивидуальный подход авторов. В целом эта глава очень насыщена материалом, целостна и богата по своему содержанию. Она раскрывает общие черты неолитической культуры Сибири — самобытной, весьма сложной и интересной, генетически связанной с предшествующими и последующей эпохами. Она отражает основные особенности неолитической эпохи как одного из необходимых звеньев в развитии человеческого общества в древности.

Раздел, посвященный эпохе первобытной общины, завершает глава «Сибирь в бронзовом веке» (стр. 159—223). Здесь суммирован огромный новый археологический материал, как уже изданный, так и готовящийся к публикации, что позволило нарисовать яркую и в основных чертах убедительную картину развития народов Сибири в этот период. Открывает главу небольшой параграф, в котором рассматривается древнейший сибирский комплекс поры металла — афанасьевская культура. Здесь справедливо отмечается, что рудные местонахождения Саяно-Алтая способствовали раннему развитию южносибирской металлургии, которая справедливо рассматривается как один из возможных источников, давших толчок возникновению бронзовой индустрии в Китае. Другой важнейшей чертой афанасьевской культуры был переход к новым формам экономики — скотоводству и, видимо, земледелию. Возможно, в этой связи не следует преувеличивать роль охоты в афанасьевском обществе, поскольку, например, бурундука и лису (стр. 101) трудно отнести к мясным животным. При этом в распространении в южной Сибири скотоводства могли сыграть определенную роль связи с раннескотоводческими культурами Восточной Европы, с заимствованием оттуда домашней овцы, дикие предки которой в Сибири не представлены. Наряду с овцой древние афанасьевцы разводили крупный рогатый скот и лошадей. Необычный взлет этих раннескотоводческих обществ Сибири рисуют материалы окуневской культуры, яркие комплексы которой были открыты в последние годы. Окуневское население, заняв территорию Минусинской котловины, судя по некоторым данным, частично смешалось с племенами, оставившими афанасьевскую культуру. Судя по изображениям повозок, уже был освоен колесный транспорт. Особенно значительно окуневское искусство, представленное превосходной коллекцией каменных стел и каменных плит, покрытых разнообразными изображениями. Среди них обращают на себя внимание различные изображения коров и быков, головные уборы с бычьими рогами. Характерный для целого ряда обществ культ быка представлен здесь с поразительной яркостью, сравнимой, пожалуй, лишь с культом быка в неолитическом Чатал-Гуюке в Малой Азии. Следует отметить, что вопрос о происхождении окуневской культуры окончательно еще не решен. В рассматриваемом труде автор соответствующего раздела повторяет свою ранее высказанную точку зрения о приходе окуневцев из лесных районов Севера. Естественней было бы ожидать, что столь яркая скотоводческая культура сложилась где-то в областях более благоприятных для соответствующих форм хозяйства [1].

Рассмотрение культур Минусинской котловины, материал для изучения которых в несколько раз увеличился благодаря работам Красноярской экспедиции под руководством М. П. Грязнова, вполне оправдано занимает важное место в описываемом труде. Именно в южной Сибири весьма рано совершился переход к производящей экономике и металлургии, что коренным образом изменило историческую картину всего региона и привело ко все усиливающемуся воздействию этого региона на обширные массивы охотничьих и рыболовецких племен. Вместе с тем надо отметить, что изложение этого «классического» сибирского материала ведется и по традиционным «классическим» канонам — в виде монолинейного развития, представленного в археологическом материале сменой одного комплекса другим. В последнее время рядом исследователей с разной степенью убедительности высказывались мнения о существовании отдельных комплексов и культур, о первоначальной этнической пестроте Минусинской котловины. Может быть об этом следовало бы сказать несколько подробнее, чем это сделано в примечании 23 на стр. 186, тем

[1] Ср. *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 208.

более, что речь идет уже не об одной только карасунской культуре. Однако общий ход культурно-хозяйственного прогресса показан в рассматриваемом труде вполне убедительно.

Скотоводческо-земледельческая андроновская культура, распространившаяся на обширной территории Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии, лучше всего характеризует происходивший рост благосостояния и, видимо, численности населения. Подвижное скотоводство было тесно связано с освоением верхового коня, что имело место в Казахстане по крайней мере в пору расцвета андроновской культуры. В Сибири аналогичное явление отмечено в Карасукских комплексах, где известна примитивная узда с костяными псалиями (стр. 182). Так постепенно формируется культура ранних кочевников, представлявшая собой одно из высших достижений древних народов Сибири. В эпоху бронзы мы видим, как новые достижения — металлургия и элементы производящей экономики — рассматриваются на сравнительно широкой территории. Так, с XVIII—XIII вв. до н. э. металл появляется в Прибайкалье, где складывается специализированная культура рыболовов-охотников. Осваивают металлургию таежные охотники Якутии, порой копирующие типы бронзовых вещей, изготовленных в Южной Сибири. Металлургия и скотоводство, основанное в первую очередь на разведении овец и лошадей, распространяются в Забайкалье, как об этом свидетельствует «культура плиточных могил». Своеобразная ситуация складывается на Дальнем Востоке, где исследованиями последних лет поставлен вопрос о весьма раннем сложении самостоятельного земледельческого центра в Приморье [2]. Вместе с тем собственно металлических вещей здесь пока не найдено, хотя известны каменные клинки и бляшки, явно имитирующие бронзовые изделия (стр. 219). Можно лишь вспомнить, что о развитии металлургии в Шумере в пору развитого Убейда мы заключаем по терракотовым копиям и моделям проушных топоров и кинжалов.

Вторая часть рассматриваемой книги носит название «Племенные союзы и первые государства» и состоит их четырех глав. Первая из них озаглавлена «Сибирь в раннем железном веке. Первые племенные союзы» (стр. 227—261). Здесь уже помимо археологических материалов исследователями используются также и данные письменных источников. Специфической особенностью древнейшего процесса классообразования в Сибири является то, что он протекает в среде скотоводческих племен, на базе кочевого скотоводства. Выделение родоплеменной знати, судя по отражению этого процесса в погребальных обрядах, видимо, началось еще в пору андроновской культуры. В VII—I вв. до н. э. в пору существования тагарской культуры этот процесс ярко представлен монументальным погребальным комплексом Салбыка, раскопанным С. В. Киселевым. В рецензируемой книге Салбык справедливо рассматривается как усыпальница вождя особо крупного племени или союза племен (стр. 195). Поэтому, вероятно, весь параграф о тагарской культуре с исторической точки зрения правильнее было бы перенести во вторую часть, а не оставлять по формальным соображениям в главе о бронзовом веке, тем более что на позднем этапе тагарской культуры железо уже представлено в изобилии (стр. 194). Символом перемен, происшедших в среде кочевых племен, являются знаменитые курганы скифских вождей, открытые на Алтае и характеризуемые как богатейшим инвентарем, так и большими производственными усилиями общества на само их сооружение. По погребальным комплексам наряду с племенными вождями можно выделить курганы родовой знати и бедные захоронения рядовых общинников. Этнически разнородная среда кочевников великого пояса степей переживала в эпоху формирования классовых отношений бурную политическую историю, когда военное счастье ставило на первое место тот или иной племенной союз, возглавляемый удачливым предводителем. Археологические памятники Тувы, Алтая, Минусинской котловины с их многочисленными погребениями воинов, нередко со следами насильственной смерти, ярко отражают это состояние общества. Известное завершение процесс классообразования в кочевом обществе нашел со времени сложения гуннского

---

[2] *А. П. Окладников, Д. Я. Бродянский.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. СЭ, 1969, 2; *Д. Я. Бродянский.* Южное Приморье в эпоху освоения металла. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1969.

объединения, которое в рассматриваемой книге могло было быть охарактеризовано и более полно. Обращает на себя внимание, что автором соответствующего раздела не использованы работы Л. Н. Гумилева. В раннежелезном веке элементы земледельческо-скотоводческой экономики распространяются у ряда племен Западной Сибири.

Интенсивный процесс классообразования в среде кочевых обществ усилил неравномерность развития различных областей Сибири. Начиная с середины I тысячелетия н. э. мы находим здесь по крайней мере три большие культурно-хозяйственные зоны. На юге первую зону создавали государственные образования типа «кочевых империй» тюрок и уйгуров и государства, связанные с оседлоземледельческой экономикой (Бохай, Чжурчжени). Во вторую зону входил целый ряд племен, развивавших производящую экономику в различных вариантах сочетания земледелия и скотоводства с тенденцией к преобладанию последнего и с сохранением местами заметной роли охоты (Курыканы, угорские племена, южные группы хантов и манси и др.). Здесь отчетливо выступает процесс имущественной и социальной дифференциации. Наконец, третью территориально весьма обширную зону составляли племена, у которых сохранение присваивающих форм хозяйства и суровые природные условия способствовали консервации форм культуры, бытового уклада и общественных отношений. Существенный прогресс здесь достигается при узкой хозяйственной специализации, как, например, при формировании специализированной экономики рыболовов и морских охотников, позволившей, в частности, достигнуть высокой ступени социального развития в ряде отношений, близких уровню развития индейцев северо-западной Америки, что, к сожалению, не отражено в полной мере в рассматриваемой книге (ср. стр. 425—427). Рассмотрению этой сложной картины посвящены в рецензируемом труде три главы: «Тюрки Сибири в VI—X вв. Первые государства» (стр. 286—306), «Дальний Восток в эпоху тунгусских государств. Бохай и Золотая империя (Чжурчжени)» (стр. 307—352) и «Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству» (стр. 353—427). В этих главах широко используются данные письменных источников, подробно анализируется политическая история. В разделе о тюркском каганате проводится мысль о патриархально-феодальном характере общественных отношений, исходя из понимания земли как основного средства производства у кочевников (стр. 280). Характерно появление у тюрок и такого внешнего признака классового общества и государства, как письменность. Существенным вкладом в отечественную историографию является анализ истории государств Бохай и чжурчженей, проведенный, насколько можно судить по тексту, на основе анализа первоисточников в подлинниках. Возможно, осторожней надо было бы говорить о развитии государственности не только у тунгусских, а и у тунгусско-манчжурских народов, как это, например, мы видим на стр. 320. Сложности, возникающие при социально-экономической характеристике чжурчженского общества (стр. 335—336) и частично Бохая (стр. 311), заставляют вспомнить о неоднократно дебатировавшейся концепции дофеодального периода [3] в применении к процессам, происходящим у тунгусских аборигенов, хотя эти процессы и протекали в сложных условиях воздействия со стороны высокоразвитых обществ. Для третьей зоны характерно постепенное распространение элементов производящей экономики как за счет прямого переселения скотоводческих племен, приспосабливающихся к новым экологическим условиям (якуты), так и благодаря открытию «северного скотоводства» — оленеводческой экономики.

Таков самый краткий обзор рассматриваемой книги. К ней еще неоднократно будут обращаться и специалисты-археологи за справками о новом материале и с полемической критикой тех или иных выводов и положений, и историки, изучающие общие закономерности мировой истории, и самые широкие круги читателей, интересующихся прошлым своей страны. Бесспорно, что большой авторский коллектив, возглавленный акад. А. П. Окладниковым, добился значительного успеха. Перед нами сводный итоговый труд, обобщающий огромный фактический материал с выявлением основных исторических процессов, скрывающихся за безмолвием археологического инвентаря или за предвзятыми записями иноземных хронистов.

[3] *А. И. Неусыхин.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодальному. ВИ, 1967, 1.

Разумеется, как и во всяком большом труде, что-то хотелось бы видеть сделанным иначе. Так, читатель рецензируемой книги имеет возможность углубить свои знания о древней Сибири, пользуясь литературой, указанной в подстрочных примечаниях. Но мы полагаем, что книга выиграла бы, если бы к ней был также приложен список рекомендуемой литературы по главам или по темам. Ссылка на источник и указание рекомендуемой для углубления своих знаний работы — не одно и то же. Рецензируемая книга выиграла бы также, если бы к ней был приложен список относящихся сюда архивных собраний важнейших сибирских музеев и музеев других городов, в которых хранятся значительные материалы по древней Сибири.

Очень мало в книге и сводных хронологических таблиц. Между тем такие таблицы значительно облегчили бы читателям изучение этого важного труда. Неравномерно подобран в иллюстрациях археологический материал. Иногда это исчерпывающие сводные таблицы, в других случаях лишь определенные категории предметов или вообще отдельные вещи. Во всяком случае замечательное искусство древней Сибири, столь образно охарактеризованное в самом тексте, могло быть представлено в иллюстрациях и полнее, и ярче.

В целом рецензируемая книга представляет собой очень ценный, капитальный труд, выполненный на высоком научном уровне и несущий большую науку в широкие массы читателей. Ее выход из печати — крупное событие в развитии советской исторической науки. Несомненно, что книга поможет многим читателям близко познакомиться с исключительно интересной древней историей Сибири.

П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина, В. М. Массон

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., «Наука», 1968, 454 стр., 35 илл., тираж 21350 экз.

Множество монографий и специальных статей, значительная часть которых стала библиографической редкостью, посвящено истории народов, заселяющих огромную территорию Сибири, Отдельные главы крупных современных исследований — «Всемирной истории» (т. I, II, 1956 г.) и «Очерков истории СССР» (1956 г.), касающиеся происхождения и историко-культурных связей многочисленных сибирских народов, не могли в должном объеме осветить их уходящую в глубь тысячелетий историю, поэтому трудно переоценить научную актуальность и своевременность издания многотомного коллективного труда «История Сибири», созданного под общим руководством выдающегося историка и археолога академика А. П. Окладникова. Первый том, рассматриваемый данной рецензией, охватывает период, значительный как по своей хронологической протяженности, так и выдающейся исторической значимости (от древнекаменного века до позднего средневековья). Заслуга воссоздания этого периода, относящегося преимущественно к дописьменной истории, принадлежит трудам археологов и этнографов, раскрывшим всю сложность этноисторических процессов, протекавших в различных по природным условиям и степени удаленности от древнейших очагов цивилизации областях древней Сибири. Издание начинается с обзора работ исследователей и оценки их трудов. Заметим, что следовало уделить больше внимания тому историческому фону, на котором протекала деятельность ученых-сибиреведов, опустив, может быть, некоторые второстепенные имена. В то же время следовало, очевидно, упомянуть имена А. С. Уварова, высоко оценившего первые палеолитические находки Сибири, А. П. Еленева, исследовавшего памятники енисейской Бирюсы. Не охарактеризованы труды В. Н. Чернецова по западносибирским культурам, нет упоминания и о немаловажных работах Н. Л. Членовой, характеризующихся широтой подхода к материалу. В оценке роли Б. Э. Пэтри не указывается, что именно благодаря его деятельности сложилась иркутская школа археологов, давшая плеяду блестящих исследователей, таких как Г. Ф. Дебец и М. М. Герасимов. Выдающиеся палеоант-

рополагические работы последнего следовало бы также охарактеризовать в тексте. Отсутствуют сведения об этнографических работах И. Лепехина, изданных Н. Я. Озерецким; В. Ф. Зуева и Л. В. Хомич, посвященных ненцам; С. В. Иванова, чьи исследования по искусству народов Сибири содержат ряд историко-генетических выводов. К. М. Рычков упомянут в числе первых советских этнографов, хотя его собирательская деятельность и написание работ приходится на предреволюционное время. Представляется, что именно в открывающей весь том историографической главе необходимо было дать пусть обобщенную, но выразительную характеристику дискуссионных концепций, касающихся некоторых узловых моментов древней сибирской истории, поскольку в ряде параграфов отражено преимущественно личное мнение автора по той или иной проблеме или даже культуре в целом. Однако благодаря обширному ссылочно-библиографическому аппарату, насыщенности изложения первая глава тома представляется имеющей самостоятельную ценность в качестве справочного пособия по сибирской историографии.

Непосредственное изложение историко-культурных процессов, происходивших на территории Северной Азии, дается в двух крупных разделах: «Эпоха первобытной общины» и «Племенные союзы и первые государства», охватывающих соответственно период от первоначального заселения (предположительно 25 тыс. лет тому назад) до эпохи бронзы включительно (I тысячелетие до н. э.) и период с конца I тысячелетия до н. э. и до первых встреч с русскими землепроходцами. Такое деление, являющееся своего рода традиционным, подчеркивающим первостепенную значимость социальных перемен для судеб сибирских племен и народностей, в то же время не вполне удачно при механическом перенесении его на специфические сибирские историко-археологические материалы. Действительно, большинство сибирских аборигенов продолжало сохранять в своей общественно-социальной организации многочисленные черты первобытнообщинного строя необычайно длительное время, что и зафиксировано в описаниях, легших в основу главы 8 («Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству»), завершающей второй раздел. Очевидно, относительно древней сибирской истории должна быть применена более гибкая историко-классификационная терминология.

Стройную систему представлений о древнекаменном веке Сибири читатель находит в главе 2 («Эпоха палеолита»). Написанная с широким привлечением материалов по палеогеографии и палеолиту сопредельных территорий, эта часть тома имеет ценность обобщающей сводки, рассматривающей своеобразный сибирский материал на широком историческом фоне. Много внимания в главе уделено вопросам искусства, знаменитым женским скульптуркам. Правда, высказывание, что 20 женских статуэток Мальты и Бурети составляют почти половину всего «мирового запаса», можно отнести за счет своего рода «сибирского патриотизма», поскольку еще в 1949 г. была классифицирована 91 скульптура палеолитических женщин (К. Абсолон, по З. А. Абрамовой), причем с послевоенных лет это количество, как известно, возросло. Не совсем точно изложены материалы многослойного Брюсинского поселения на Среднем Енисее, где наблюдается целая свита позднепалеолитических слоев (на стр. 79 отмечены лишь два). Можно было бы ввести в главу и добытые в 1964 г. материалы по палеолиту Камчатки (Ушковская стоянка). В конце главы поставлен вопрос о переходе к неолиту. Заметим, что если в Прибайкалье переход к неолиту происходил постепенно и неолитическая индустрия выкристаллизовывалась в недрах палеолитической, то в других регионах были свои пути становления неолита (например, Западная Сибирь, Приморье).

Многоплановостью затронутых вопросов характеризуется глава 3, трактующая развитие сибирских неолитических культур. Большей конкретизации текста могло бы способствовать помещение в главе сравнительных таблиц, поскольку некоторые части главы написаны несколько расплывчато, в изложении часто оказываются затушеваны локальные различия в материальной культуре и социальной структуре населения различных регионов. Следовало бы уточнить и принцип деления Сибири в эпоху неолита на ряд культурно-хозяйственных областей: в тексте (стр. 94, 95) упоминается шесть областей, но описываются четыре, а на приведенной карте выделены четыре ареала и 11 культур. В параграфе «Неолит Западной Сибири», как и в последующих разделах, связанных с этим регионом, остается невыяснен-

ным, какие памятники Зауралья относятся к собственно сибирскому кругу культур. Так, дается обзор стоянок Северной Сосьвы (группа поздненеолитических стоянок Зауралья), однако не упоминаются аналогичные поселения рек Тавды и Туры. Интересны сведения о различиях в инвентаре погребений Старого мусульманского кладбища, связанных с разделением труда по полу. Как характерная особенность неолитических памятников Верхней Оби и Томского могильника отмечается плоскодонность горшков, однако, несмотря на архаичность орнамента, такая керамика должна, очевидно, быть отнесена уже к энеолиту. Заметим, что именно на ее основе формируется один из керамических комплексов Самуси IV. Поскольку аналогичная посуда встречена в «неолитических» погребениях Малого мыса, логичным будет полагать, что и на Большом мысу имеются синхронные погребения, так как они содержат сходные экземпляры. Удачей текста главы следует признать описание памятников искусства. Параграф «Неолит Восточной Сибири» является своего рода сокращенным изложением основополагающей для этого региона монографии А. П. Окладникова [1]; заметим, что хотелось бы видеть в тексте дискуссию о китойских памятниках (М. М. Герасимов, Л. П. Хлобыстин). Памятники описанные в параграфе «Неолитические племена Якутии»,— Ымыяхтах Уолба, Куллаты, вошли в «золотой фонд» сибирской археологии, однако несомненно что работы, развернувшиеся в последние годы на территории Якутии и сибирской Арктики, внесли известные коррективы в представления, основывавшиеся на освещенных в тексте материалах. Новые материалы приводятся в параграфах, посвященных неолиту Дальнего Востока и Северо-Востока Азии. Хотя они и были частично представлены в местных изданиях, но оставались малодоступными. Большой палеосоциологический интерес представляет, например, описание больших жилищ, обнаруженных в этих районах (Култук на Камчатке, Стародубское II на Сахалине, Тетухе в Приморье и др.), размеры которых были обусловлены особенностями морского зверобойного промысла, а также рыболовства, требующего сплочения большого числа людей, четкой общественно-производственной организации.

Глава 4 («Сибирь в бронзовом веке») посвящена одному из важнейших по своей историко-культурной значимости периодов древней сибирской истории — эпохе распространения бронзовых изделий в районах степей и тайги, времени сложения первых общин скотоводов и земледельцев на Среднем Енисее (вторая половина III—II тысячелетие до н. э.). В связи с этим представляются не вполне удачными заглавия некоторых параграфов по сугубо археологическим названиям культур. Более соответствующим задачам исторического исследования представляется название типа «Племена восточносибирской тайги в бронзовом веке» (§ 6), по образцу которого параграфы, посвященные южносибирским племенам, следовало бы скорее именовать «Древнейшие скотоводы Сибири» и т. п. В этой связи в тексте, касающемся энеолита Южной Сибири (§ 1, «Афанасьевская культура»), хотелось бы видеть постановку таких ведущих вопросов, как появление европеоидного этнокомпонента в Саяно-Алтае, вопрос о возможности доместикации животных в условиях экологии минусинской степи, о соотношении памятников древнейшей энеолитической культуры Южной Сибири, афанасьевской, с памятниками степей Нижнего Поволжья и Причерноморья (последней из названных проблем уделен лишь абзац на стр. 165). Заметим, что древнейшие горноалтайские погребения (раскопки С. И. Руденко, М. П. Грязнова) имеют глубокие аналогии с древнеямными подкурганными погребениями Поволжья, что, учитывая антропологические сопоставления (Г. Ф. Дебец), позволяет поставить вопрос о допустимости включения памятников Горного Алтая в орбиту распространения в евразийской степи племен древнеямной культурно-исторической общности. Это подтверждается также аналогичностью форм развития собственно афанасьевских памятников Среднего Енисея и Алтая (Усть-Куюм) и ямных Причерноморья. В связи со сказанным можно вспомнить и некоторые факты из области искусства и идеологии: распространение, причем именно на юго-западе котловины, в бассейне Абакана, каменных стел-мегалитов, несущих изображение антропоморфной головы с нимбом из радиальных лучей (из них наиболее выразительно и монументально аскызское извая-

[1] Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950.

ние со змеями), и аналогичных стел с головой, но лишенной солярных атрибутов. Возможно, что эти памятники, выпадающие из круга известных сибирских образцов, следует причислить к кругу антропоморфных стел Причерноморья, относимых А. А. Формозовым к ямной культуре, а Д. Я. Телегиным к доямному пласту культур. Тогда, возможно, в какой-то мере и подтвердится гипотеза А. Н. Липского о «доафанасьевской» дате некоторых из этих минусинских стел. Отрадным представляется сам факт присутствия палеосоциологических интрепретаций афанасьевских могильников (стр. 162, 164), основывающихся на новейших данных (раскопки М. П. Грязнова). Однако представление о эпизодичном, сезонном заполнении коллективных могил неточно. Заметим, что лишь на трех из многих десятков афанасьевских скелетов имеются следы зубов животных (Карасук III), а половозрастной состав погребенных, их позы свидетельствуют о последовательном захоронении членов, очевидно, своего рода «больших семей», т. е. родственников в пределах трех-четырех поколений (сравним погребения в энеолитических толосах Геоксюра, в склепах бронзового века Кавказа, могильных ямах днепро-донецких некрополей — Никольского, Лысогорского и других памятников ранних скотоводов Украины).

Время позднего энеолита — ранней бронзы представлено на Среднем Енисее памятниками окуневской культуры (ориентировочно первая половина II тысячелетия до н. э.). Поскольку окуневская культура рассматривается не дифференцированно (§ 2) и описывается методом попредметного перечисления только ее развитой, черновский тип памятников, то, естественно, отпадает и вопрос о местных истоках этой культуры (памятники типа Мельничный Лог). Категорическое пресечения автором текста вопроса о взаимодействии афанасьевского и окуневского этнокультурных компонентов в бассейне Абакана, имеющее подтверждение в ряде памятников (Тас-хазаа), снимает и эту проблему. Однако надо подчеркнуть, что этот вопрос принципиально аналогичен проблеме, касающейся культурно-генетической позиции полтавкинских памятников Поволжья, причем в южносибирском варианте в роли полтавкинской культуры выступает окуневская. Упрощенно излагается вопрос о происхождении окуневской культуры («они пришли откуда-то из других мест...», стр. 166), не раскрыта и первопричина разнообразия погребальных обрядовых особенностей («чувствуется неустойчивость обряда...», там же). В этом же ключе отсутствия попыток как исторического, так и хотя бы первоначального теоретического осмысления материала рассматриваются и памятники искусства. Проблема окуневского искусства далеко не завершена в своей не только семантической, но даже и культурной интерпретации, поскольку до сих пор четко не очерчен собственно окуневский круг памятников изобразительного искусства как монументальных, так и петроглифических форм. Утверждая, что после раскопок Черновой VIII проблема окуневского искусства получила полное завершение, автор параграфа ставит себя вне дискуссии, развернувшейся вокруг проблемы южносибирского монументального искусства (М. П. Грязнов, Э. Б. Вадецкая, М. Д. Хлобыстина), а утверждения типа «примером такого же непосредственного восприятия действительности могут служить каменные изваяния» (стр. 168) по существу снимают весь комплекс проблем интерпретации этих тотемно-космогонических образов, выражающих формами изобразительного искусства сложный узел взаимодействия, существовавший между среднеазиатско-древневосточным и сибирским степным и таежным миром культур, этносов, идей. Таким образом, период, непосредственно предшествовавший появлению в южносибирской степи памятников андроновской культуры, не получил освещения на уровне современного историко-археологического исследования, в характере изложения материала, его оценке сказался методически несовершенный подход к проблеме.

Андроновская эпоха относится к числу наиболее значительных в истории евразийских пастушеских племен эпохи средней бронзы, поскольку связана с вопросами становления в различных природных условиях (степь, лесостепь) раннескотоводческого общества, вопросами о причинах и формах сложения обширной культурной и этнической общности на определенной стадии бронзового века, вопросом появлении общины раннепатриархального типа. В § 3 — «Андроновское время в Южной Сибири», очевидно, следовало бы остановиться и на так называемой арий-

ской гипотезе в связи с историей андроновских (иранских?) племен, которая, по-видимому, не может игнорироваться, так как в некоторых выразительных деталях обряда трупосожжения, наблюдаемых, в частности, по южносибирским памятникам, обнаруживаются аналогии с обрядами, упоминаемыми в «Ригведе» (сочетание кремации с центральными внутримогильными столбами, ритуальные захоронения собак). Не затронута также и широко дискутируемая в нашей науке проблема соотношения «Федоровских» и «алакульских» памятников, тесно связанная с вопросами локального районирования андроновской общности в целом. В тексте находим постоянное заимствование примеров из андроновских памятников Казахстана, Зауралья, в то время как собственно южносибирский регион оказался по существу неохарактеризованным. Однако выразительные материалы таких минусинских могильников, как Орак, Сухое озеро I (керамикой из которого проиллюстрирован параграф на стр. 175), Усть-Ерба, Подкунинский и др., прекрасно показывают широту возможностей как собственно археологического, так и социально-демографического анализов южносибирских памятников. Оказался затушеванным и один из узловых вопросов андроновской проблемы в целом — вопрос об обряде сожжения как этнокультурном и идеологическом показателе. Исследование южносибирских (а также казахстанских и причелябинских) погребений показывает, например, что в могилах, содержавших парное разнополое сожжение, в мужском погребении ставился сосуд с «ковровым» узорчатым орнаментом, в женском — с «простым», нарезным или упрощенных конфигураций; что женский костяк находился за спиной мужского в минусинских андроновских могилах лишь в случае единовременного погребения, а не во всех случаях (эта распространенная в специальных исследованиях неточность повторяется в тексте на стр. 177). Справедливо замечая, что «наиболее характерной чертой андроновской керамики является ее орнаментация» (стр. 176), авторы параграфа ограничиваются суммарным описанием орнаментов, хотя известно, каким благодатным источником для изучения не только семантических, но и палеосоциологических вопросов (родо-племенное деление и орнаментальная символика, «мужские» и «женские» узоры — по аналогии с балановской культурой и т. п.) служит андроновская орнаментика. Отметим также в связи с проблемой индоиранского этноса на территории евразийской степи, что можно предположить, что «свастика»» являлась, по-видимому, одним из древнейших индоевропейских символов, связанных, очевидно, с символической графической передачей понятий Солнца и крупного рогатого скота (тогда как перекрещенное колесо представлялось соответствующим «женским» символом, аналогичным «свастике» — мужскому символу) — то и другое находим в синхронных андроновским памятникам севера южнотаджикистанских погребениях (Тулхар, Бабатаг). Представляется, что постановка названных и некоторых других проблем способствовала бы задаче рассмотрения андроновской эпохи в историческом аспекте.

Если для времени господства андроновского этноса в минусинской степи Южная Сибирь являлась крайней восточной областью распространения памятников этой культуры, то в эпоху поздней бронзы во время сложения так называемой карасукской культуры (§ 4 — «Карасукская культура») Средний Енисей предстает, напротив, как крайняя западная область массового распространения характерных «карасукских бронз». Если аналогии с бронзовыми орудиями и оружием Ордоса, Забайкалья, Монголии выступают как объективная реальность и соответственно рассмотрены в тексте с достаточной полнотой, то следовало бы специально оговорить, что утверждение о существовании 10 локальных «групп» карасукской культуры (стр. 180) является лишь гипотезой, не находящей полного подтверждения в современных материалах. Неумеренно широко описан так называемый каменноложский этап, в то время как вопрос о многокомпонентности материальной культуры и антропологического типа карасукского населения минусинской степи освещен явно недостаточно. Это связано, видимо, с пониманием исторического развития культуры южносибирского населения в конце II — начале I тысячелетия до н. э. как поэтапного, эволюционного процеса. Однако материалы новейших раскопок (М. П. Грязнов) подтвердили факт многоплановости развития культуры карасукского времени, в которой большое место принадлежало местному этнокультурному компоненту (Н. Л. Членова, М. Д. Хлобыстина, Э. А. Новгородова).

«Скифское время» в развитии южносибирских племен, синхронизирующееся с соответствующим этапом развития скифских и элино-скифских культур Северного Причерноморья, характеризовалось ярким расцветом скифо-сибирских форм в материальной культуре, особенно в прикладном искусстве, образцах великолепного «звериного» стиля (С. И. Руденко, С. В. Киселев, Н. Л. Членова). Тагарская культура, поэтапное описание которой дается в § 5 («Тагарская культура»), развивалась во время сложения обществ так называемых ранних кочевников, соседствовавших с племенами пастушеских скотоводов и земледельцев, оставивших на Среднем Енисее многочисленные курганы с «родовыми» и многосемейными захоронениями, а также не менее частыми захоронениями мужчин-воинов, у которых кинжал-акинак, боевой чекан характеризуют их как членов общества, чья жизнь строилась по законам общества, основанного на принципах «военной демократии». Тагарская культура (по существу ряд культур, связанных не только цепью поэтапного развития, но зачастую и синхронного существования) охватывает суммарно почти целиком I тысячелетие до н. э., хотя, и это следовало бы оговорить в тексте, остается весьма дискуссионным возможность включения в понятие собственно «тагара» как первого, «баиновского», так и самого позднего, «тесинского», этапов. Включенные в схему тагарской культуры в соответствии с классической для своего времени классификацией С. А. Теплоухова, развитой М. П. Грязновым, эти «этапы», а возможно, самостоятельные культуры либо, как в случае с Тесью, части иных культур (в данном случае таштыкской или предташтыкской) требуют дальнейшего пристального изучения. Памятники типа Биджа (раскопки А. Н. Липского) позволяют поставить вопрос и о переходных подгорновско-сарагашенских комплексах. Положительным моментом, сугубо желательным для текстов других параграфов, является приложенная к тексту таблица тагарских комплексов (хотя ее содержание, как говорилось, не лишено дискуссионности). Вызывает сожаление, однако, полное отсутствие постановки проблемы скифо-сибирского «звериного» стиля; чему уделена лишь одна фраза на стр. 195. Это, как и отсутствие стилистических и хронологических аналогий с культурой западноскифского мира, обедняет само понятие «тагарская культура». Наконец, описание Боярской писаницы (М. П. Грязнов, М. А. Дэвлет) способствовало бы оживлению текста и постановке вопроса о форме тагарских жилищ и характере поселков.

Детальное описание глазковской культуры Прибайкалья, характеризующейся своеобразным сочетанием раннеметаллического производства и развитой каменной индустрией, находим в § 6 («Племена восточносибирской тайги в бронзовом веке»). Ценным в построении текста представляется, что автор не ограничивается сугубо археологической трактовкой темы, но, привлекая материалы смежных исторических дисциплин, ярко трактуя их, вводит изложение в рамки собственно исторического исследования. Читатель имеет возможность познакомиться, таким образом, не только с орудиями производства и быта этих прототунгусских сибирских аборигенов, но узнает различные палеоэтнографические детали быта древней общины, ее связи, простиравшиеся, не взирая на дальность расстояний и примитивизм общественной организации сторон, принимавших участие в этой первобытной «торговле», точнее сказать, натуральном обмене, до океанического побережья Юго-Восточной Азии (украшения), до западных пределов Сибири (нефритовые изделия). Уделено внимание и социальным проблемам (стр. 201, 202). Представляется, однако, что следует с известной осторожностью трактовать вопрос о «выключении женщин из сферы непосредственного производства», о «захвате мужчинами основной роли в экономике». Это традиционное в первобытной социологии положение требует, очевидно, дальнейшего изучения и детального рассмотрения в свете новейших историко-этнографических изысканий, в плане творческого развития диалектических положений нашей науки о законах развития первобытнообщинного строя применительно к специфике форм общественного производства, из которых проистекало своеобразие конкретных проявлений как хозяйственно-производственных, так и социально-семейных отношений. Хотя мера участия того и другого пола в сфере непосредственного производства материальных благ и варьировала в зависимости от конкретных экономико-экологических ситуаций, все же мужчина, очевидно, занимал как в каменном, так и в бронзовом веках (т. е. в соответствующих этим уровням материаль-

ного производства общественных коллективах) доминантную роль главного добытчика пищи, причем, надо полагать, эта роль усугублялась для Сибири суровостью природного фона. Однако для первобытного хозяйства бывает иногда затруднительно очертить круг «непосредственного производства», поскольку труд обоих полов близко смыкался по своей значимости. Отметим также, что, трактуя ритуал глазковских погребений, следует, вероятно, говорить не о подчиненном положении женщины вообще, но о появлении в условиях укрепляющейся патриархальной семьи (сравним близкое явление в обществе окуневской культуры Южной Сибири) групп женщин с приниженным общественным положением (патриархальных рабынь?, «младших жен»?) и группы женщин — жен и хозяек, погребаемых в «соседских» могилах, убедительно интерпретированных А. П. Окладниковым, тогда как первые погребались в парных погребениях, умерщвлялись стрелами.

В § 7 — «Бронзовый век Якутии» хотелось бы видеть суждение о причинах бытования двух таких противоположных по своей идеологической сущности обрядов, как кремации (с. Покровское) и трупоположение (Бугучан, Иччилях, Куллаты и др.) — хронологические ли это различия, локальные или социальные? Любопытно отметить, что встречены обрядовые моменты, типичные для энеолита и культуры эпохи бронзы степей запада: скорченное трупоположение на спине, сочетание дерева в могильной яме с трупосожжением (с. Покровское). Заметим далее, что несомненность местного бронзолитейного производства (мастерская в Сиктээхе) не исключает все же возможности импортного происхождения меча из Сильгумджа и оригинального экземпляра оружия из Улукана (стр. 209). Наконец, не тысячекилометровыми трансконтинентальными связями, но очевидной конвергентностью можно объяснять ряд культурно-обрядовых соответствий в искусстве и материальной культуре Якутии, Кольского полуострова, Скандинавии; связи были, но в полосе тундр.

Живо и выразительно изложены историко-культурные вопросы, связанные с развитием племен, носителей культуры забайкальских бронз (§ 8 — «Бронзовый век Забайкалья»). Подробно описаны специфичные именно для этого региона плиточные могилы, их инвентарь. Много места уделено и оригинальным памятникам монументального искусства эпохи поздней бронзы — раннего железа, знаменитым «оленным камням», чья полная интерпретация еще ждет своего завершения. Так, увлекательно было бы сравнить изображения на собственно скифских изваяниях с изображением предметов вооружения на «оленных камнях» (стр. 215). Заметим также, что П-образный предмет на поясном наборе, изображенном на иволгинском «оленном камне», возможно, надо связать с характерными «моделями рогов» карасукской культуры. В связи с трактовкой зооморфных изображений следовало бы остановиться и на гипотезе А. П. Окладникова о летающих оленях «Золотые Рога» (стр. 216). Говоря далее о дисках, изображаемых на этих же памятниках, можно подробнее было остановиться на вопросе о развитии в среде сибирских аборигенных племен солярного культа, развившегося, как представляется, преимущественно в районах степей и тундр. Отметим, наконец, что, касаясь «звериного» стиля, предпочтительнее сравнить изображения оленей в Забайкалье с сибирскими, тагарскими, а не с причерноморскими образцами.

Показательным моментом культуры племен Дальнего Востока бронзового века (§ 9 — «Дальний Восток в эпоху бронзы») представляется раннее знакомство с металлургией железа, что связывается с отсутствием бронзовых руд (стр. 218). Любопытно было бы в плане культурного сопоставления в параграфе о тагарской культуре остановиться на аналогичном феномене, заключающемся в блестящем расцвете металлургии бронзы, в «запаздывании» почти на 500 лет собственно «железного века», что связывается с изобилием бронзового сырья. Следовало бы в этой связи раскрыть перед читателями и причины расцвета костяной индустрии в «бронзовом веке» Сахалина (стр. 221), показав попутно, как относительно по существу само понятие «бронзовый век», когда оно основывается исключительно на фактах наличия изделий из бронзы и не содержит представления о соответствующих социально-экономических трансформациях. С интересом читается насыщенное выразительными деталями описание поселений на сопке Харинской (район оз. Ханка) и у пос. Кировского (район Владивостока) (стр. 219, 220). Детали быта, свидетельства трагической гибели этих поселков, расположенных в различных областях Приморья и

прекративших существование во II тысячелетии до н. э., описаны на основании сугубо археологических данных, но текст построен так, что воспринимается как история населения, оставившего погибшие в пожаре вражеского нашествия жилища, а не как описание комплекса находок, где вещи выступают как субъекты повествования.

Раздел второй «Племенные союзы и первые государства» открывается главой 5 — «Сибирь в раннем железном веке. Первые племенные союзы». Уже в § 1 («Алтай и Тува в скифское время») читатель знакомится с культурой Центрального и Горного Алтая (раскопки С. И. Руденко, М. П. Грязнова) и Тувы (раскопки А. Д. Грача), наиболее ярко проявившейся в широко известных памятниках искусства «пазырыкского времени». Быть может, именно своего рода «хрестоматийная известность» алтайских шедевров побудила автора текста к излишней лаконичности изложения, в котором отсутствуют упоминания многих выдающихся образцов, добытых в курганах с вечной мерзлотой. В то же время читатель ощущает очевидный акцент на описании тувинских памятников, которые, при всей своей значительности (Саглыбажи), могли быть трактованы с большей сдержанностью. Равным образом и иллюстрации на стр. 229 и 232 (акинаки и резьба по рогу из Саглы) по сравнению со скромными изображениями двух деревянных оленей («Алтай») на стр. 231 определенно дезинформируют читателя относительно богатейшей коллекции находок из Пазырыкских, Башадарских, Туяхтинских курганов, кургана Шибэ.

В § 2 («Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тысячелетии до н. э.») обращает на себя внимание весьма удачное сочетание археологических и этнографических данных, дополняемых антропологическими посылками и конкретным описанием объектов раскопок, причем такой «комплексный» метод изложения придает тексту историческую направленность. Любопытны данные о «домовом коллективе» салехардского дома, о тамгировании найденных там вещей (стр. 236), на основании чего делается немаловажный вывод о том, что женщины общины происходили из различных родов. Заметим, однако, что замечание о переходе в усть-полуйское время от матрилокального брака к патрилокальному носит умозрительный характер. Вновь приходится сожалеть об отсутствии иллюстраций с образцами своеобразного искусства Усть-Полуя, описание которого следовало бы расширить и в тексте.

Время господства гуннской культуры в Забайкалье и Туве отражено в § 3 и 4 («Гунны в Забайкалье» и «Племена Тувы во II в. до н. э.— V в. н. э.»). В последнем параграфе выразительно интерпретирован могильник Кокэль, и в частности привлекает социологическая характеристика погребений (большие каменные курганы с множеством могил — «родовые» усыпальницы, начатки дифференциации, стр. 256). Хороша таблица предметов домашней утвари на стр. 254, хотя и здесь, как во многих других параграфах, хотелось бы видеть петроглифические изображения, своеобразные галереи портретов современников описываемых событий и культур. Материалы по политической и культурной истории гуннов Забайкалья, оживляемые конкретными цитатами из письменных источников (выразительными письмами шаньюя Модэ и императрицы Гаохоу, передающие «аромат эпохи», стр. 250), следовало бы дополнить постановкой вопроса о происхождении гуннов, а также расширить рамки изложения истории их взаимоотношений с соседними племенами и государствами, как это сделано ниже относительно тюрок. Правда, текст иллюстрирован подробной картой расселения племен гуннского союза (по А. Н. Бернштаму, стр. 249). Заметим в этой связи, что следовало бы привлечь и новейшие изыскания Л. Н. Гумилева. Отметим один любопытный термин: «начальники поколений» (стр. 245), так назывались родовые старейшины, однако очевидно, что здесь тот случай, когда форма «переживает» свое содержание, поскольку такая терминология может отражать ступень весьма архаичных общественных отношений, структуру общества, основывающуюся на возрастных классах.

Небольшой по объему (стр. 257—261) § 5 посвящен «Таштыкской культуре», время бытования которой явилось одной из наиболее ярких эпох в насыщенной культурно-историческими событиями истории Хакасско-Минусинской котловины (по периодизации Л. Р. Кызласова, середина I в. до н. э.— III в н. э.). Однако, приводя

весьма сжатый очерк политической истории (борьба с гуннами, гуннское наместничество в «стране хагяс»), уделяя основное внимание характеристике хозяйства и приводя суммарный очерк форм погребальных сооружений, автор оставляет вне рамок изложения постановку основных историко-археологических и этногенетических проблем эпохи. Суммируя данные археологии и сведения китайских династических хроник, можно полагать вслед за Л. Р. Кызласовым, что в основе таштыкской культуры лежал динлинско-гяньгунский пласт, а утверждение, что «в борьбу вступили два различных народа с неодинаковыми по уровню развития культурами – культурой тагарцев конца бронзового века и культурой гуннов, людей железного века» (стр. 257), неточно как исторически, так и методически, поскольку тагарские племена, тем более поздние, развивали свою культуру уже в рамках «железного века», и сравнивать тут можно скорее уровень социальных организаций, но не культурных достижений. Следовало бы подробно остановиться на проблеме языковой и антропологической принадлежности таштыкского населения: так, Л. Р. Кызласов, аналогизируя обрядовость (погребальные куклы, портретные маски) и данные топонимики, настаивает на принадлежности к угорской этнической общности, а Н. Л. Членова в завершающей части главы о тагарской культуре в «Макете» I тома говорит о протокетском, т. е. палеоазиатском, этносе, основываясь на данных А. П. Дульзона. Недифференцированное рассмотрение погребальных сооружений, обряда и инвентаря, представленных как неконкретное перечисление, привело автора к многочисленным неточностям и фактическим лакунам, которых, очевидно, можно было бы избежать, взяв за основу повествования известную классификацию Л. Р. Кызласова или хотя бы приводимые в его монографии объективные данные. Совершенно не раскрыт вопрос о таштыкском искусстве, раскрывшемся в оригинальных формах масок, статуэток, каменных изваяний. Не подчеркнуты и достижения таштыкской культуры, получившие широкое распространение по евразийскому поясу степей: стремена, наборные пояса. Хотелось бы прочесть в параграфе и о структуре патриархальной таштыкской общины, в погребениях которой яркие посмертные маски играли роль своего рода показателя социальной значимости индивида (так, в парных разнополых погребениях женщина часто маски не имела, в индивидуальных женских — наоборот, и т. п.). Названные дополнения, обогатили бы текст параграфа, приблизили изложение к объективному состоянию источников, раскрыли бы истинную историческую значимость этой яркой эпохи, времени начального формирования древнехакасского этноса в Южной Сибири.

Завершает главу § 6 — «Дальний Восток в раннем железном веке». Описывается сидеминская культура (культура «раковинных куч»), характеризующаяся сочетанием железных и шиферных орудий труда, прекрасным набором керамики (амфоры», чаши на поддоне, покрытые узором и лощеные), развитым свиноводством, разведением собак. В крупных жилищах обитали, очевидно, родовые общины. Последующие памятники культуры чапигоу характеризуются дальнейшим прогрессом металлургии железа (стр. 264). Наконец, с племенами, известными по письменным источникам как «илоу», связывают поселения Приморья середины — второй половины I тысячелетия до н. э., состоящие из полуземлянок, а также поселения-убежища (Синие скалы). Металлургия железа вступает в полосу расцвета, развито земледелие. Военные столкновения с соседними племенами входят в повседневную практику (панцири из кожи и кости, ядовитые наконечники стрел и копий). Авторы констатируют, что «это было, очевидно, то население Приморья и Амура, которое затем оказалось ассимилированным древними тунгусами, восприняло их язык, но сохранило свой старый бытовой уклад и дало начало мохэским племенам» (стр. 265). Живость изложения в сочетании с неизменной конкретностью данных составляют достинство этого параграфа.

В главе 6 — «Тюрки Сибири в VI—X вв. Первые государства» § 1 посвящен «Тюркским народам Южной Сибири». Обширный текст его (стр. 266—284) излагает как историю возвышения рода Ашина, создание каганата и его взаимоотношения с Китаем времен Суй и Тан, так и данные по тюркским племенам Алтая и культуре Хакасско-Минусинской котловины этого времени. Удачное сочетание в тексте данных летописей, памятников орхоно-енисейского письма с этнографическими свидетельствами по современным алтайским потомкам древних тюрков дает читателю широкую

историческую перспективу в понимании развития тюркских народностей, сыгравших видную роль в этногенезе народов нашей страны. Параграф является, таким образом, и справочным пособием по истории тюрков, и представляет познавательную ценность для широкого читателя. Остановимся на некоторых желательных дополнениях. Так, не освещена, хотя бы вкратце, история взаимоотношений каганата с его двумя сильнейшими западными партнерами по претензиям на ведущую роль на евразийском материке, сасанидским Ираном и Византией, не затронут в этой связи и вопрос о «великом шелковом пути», причине многих перипетий политической истории. Следовало бы, по-видимому, детализировать текст о тюркоязычных племенах Среднего Енисея, Алтая, Тувы (стр. 274), например аргументировать сопоставление Среднего Енисея с государством «Со», подробнее остановиться на племенах кыпчаков, чиков, связанных с дальнейшей историей страны. Удачно определение, даваемое автором общественному строю древних тюрков как характеризовавшемуся «патриархально-феодальными» отношениями (стр. 280), что уточняет формулировку, предложенную в свое время А. Н. Бернштамом, и более соответствует, по нашему мнению, реальному соотношению социальных элементов в древнетюркском «эле», чем общество типа «военной демократии», предполагаемое для каганата Л. Н. Гумилевым в «Древних тюрках». В связи с этим было бы интересно также сосредоточить внимание читателя и на понятии удельно-лествичной системы. Надо, очевидно, изменить и утверждение автора, что «общий уровень племен тюкю и некоторых племен теле... был довольно высоким для того времени, даже несмотря на кочевой образ жизни», (стр. 281) (выделено нами.— *М. Х.*), поскольку оно может быть воспринято превратно, как констатация общей культурной ущербности кочевых образований по сравнению с оседлыми. Наконец, помимо приводимых любопытных сопоставлений между религиозными представлениями современных алтайцев (культ лебедя, гор и т. п.) хотелось бы видеть своего рода теоретическое обобщение касательно религии древних тюрков (вслед за Л. Н. Гумилевым мы полагаем, что тезис о «шаманизме» древних тюрков далеко не бесспорен). В заключение именно в этом параграфе хотелось бы прочесть об одном из наиболее ранних упоминаний этнонима, вылившегося впоследствии в название «Сибирь»: во время господства тюрок в степях Казахстана дядя кагана Туб-джабгу принял титул Кюлюг Сибир-каган (Кюйли Сыби-каган), очевидно, по имени местного племени «сабиров». Сибир-каган убил правящего кагана-племянника, встал во главе восставших карлуков на Черном Иртыше и других племен союза дулу (изложено по Л. Н. Гумилеву). Отметим также, что ради большей монолитности изложения, следовало бы исключить из параграфа описание истории и быта племени теле, переместив его соответственно в параграф о древних уйгурах, потомках телесцев.

Следующий параграф рассматриваемой главы точнее было бы назвать «Племена Тувы в составе Уйгурского каганата», а не просто «Уйгуры» (§ 2), поскольку помимо уйгуров, чья краткая история становления в качестве образования типа консолидации племен приводится в начале текста, здесь подробно рассматривается также история борьбы местных племен с центральноазиатскими пришельцами, быт алтайских тюрков, тюркоязычных чиков, и таежных охотников и оленеводов, бывших самодийцами, по предположению Л. Р. Кызласова. Красочно, с цитатами из письменных источников, описана история завоевания уйгурами тувинских аборигенов, чиков, пытавшихся привлечь к антиуйгурской коалиции кыргызов Среднего Енисея и карлуков Восточного Казахстана. Значительная часть текста посвящена уйгурским «замкам» и городам Тувы, исследованным автором параграфа. Как следует из приводимых материалов, уйгурские укрепленные поселения, вероятно разноплеменные по своему составу, не являлись лишь местами концентрации различных институтов господствующей, иноземной власти, но были средоточием разнообразных и высокопродуктивных ремесел, местной и транзитной торговли. Это были также своего рода центры оседлой земледельческой культуры (стр. 287, 290), в их строительстве принимали участие согдийцы, носители передовой фортификационной и градостроительной культуры того времени. В этой связи следовало бы, очевидно, особо подчеркнуть объективно положительную культурную значимость факта проникновения уйгурской и среднеазиатской культур на территорию тувинских племен. В заключение (стр. 290) автор рассматривает сложную религиозную обста-

новку, сложившуюся в уйгурском каганате (буддизм, манихейство, шаманизм). Уйгурское завоевание не прошло бесследно для Тувы; в состав тувинцев «вошли не только чики и тюрки, но и часть оставшихся здесь уйгуров», а «современный тувинский род „ондар-уйгур" продолжает и сейчас жить в долине Хемчика» (стр. 291).

Курыканы, прибайкальские племена, известные из Гардизи, китайских источников, а археологически по курумчинской культуре, открытой Б. Э. Пэтри и исследовавшейся А. П. Окладниковым, представляли собой образец таежной культуры племен, пограничных бурному миру степи (§ 3 — «Курыканы»). Однако, судя по выразительным курыканским писаницам, где преобладают «боевые» сюжеты, скачут всадники с развевающимися знаменами, беспокойная эпоха VI—X в. (время бытования курыканской культуры) непосредственно отразилась на быте этих «курумчинских кузнецов» и металлургов. Любопытным фактом представляется открытие согдийской колонии в Унге (стр. 293), хотя заметим, что текст параграфа скорее надо было проиллюстрировать изображением непосредственно описываемого народа, курыканским всадником, но не печатью со среднеазиатским Гопатшахом, являющейся экзотичной, но нехарактерной деталью (стр. 294). Необходимо, далее, было бы обосновать в тексте, почему рунические надписи на Верхоленских скалах, альчиках из Унги и др. оставлены именно курыканами (стр. 295). Хотелось бы прочесть и о курыканах как одном из предполагаемых компонентов, причем одном из древнейших, будущей якутской народности. Большие возможности по раскрытию быта, социальной организации, хозяйства, а также приемов изобразительного искусства содержат изученные А. П. Окладниковым курыканские писаницы (Шишкино, Унга, Манхай, о-в Ольхон на Байкале и др.). Курыканское искусство, «будучи ветвью искусства тюркских кочевников Евразии VI—X вв.», близко по стилю и сюжетным особенностям искусству «не только тюрок Алтая и Енисея, но и древних хазар, печенегов и дунайских болгар» (стр. 296).

Кыргызам, создателям «первого объединения кочевых племен Сибири — кыргызского каганата» (из числа зафиксированных письменными источниками, следует добавить ради объективности), стр. 296, посвящен § 4 — «Кыргызы», проиллюстрированный изображениями конников с писаницы той эпохи (стр. 298), что сразу оживляет изложение. Хотя автор и приводит свидетельства о древних этноплеменных истоках кыргызской народности (от древнейших гяньгунь, пришедших на Средний Енисей с гуннами), мы не находим суждений о сложении собственно кыргызского государства. Основной текст посвящен данным о материальной культуре, ремесле, искусстве кыргызов, однако хотелось бы видеть и описание одного из известных «чаатасов». Любопытно было бы поставить вопрос о степени (в численном и социальном плане) распространения грамотности в каганате, поскольку приводятся указания древнетюркской надписи о «сыновьях искусных людей», ремесленниках, т. е. непосредственно каменотесах и резчиках по камню (стр. 300). Опустив некоторые описания, данные в форме перечислений, можно было бы привести тексты рунических надписей, говорящих о восстаниях против аристократической верхушки. Излишне лаконичен конец параграфа — кратко описаны события только до падения Уйгурского каганата, когда в 840 г. кыргызы повергли столицу уйгуров на Орхоне и убили уйгурского кагана. Дальнейшие события: союз уйгуров с киданями против кыргызов, войны последних против киданей и каракитаев — уместились буквально в двух фразах, как и последующая, многовековая история кыргызов, когда они «продолжали жить на Енисее, где в XIII в. и были завоеваны монгольскими войсками Чингисхана. Здесь они находились вплоть до XVII в., до переселения основной их массы на Тянь-Шань, где они влились в состав тяньшаньских кыргызов» (стр. 302, 303). Представляется, что такой конспективный текст, относящийся к тому же к важнейшим поворотам в истории одного из народов нашей страны, не может удовлетворить читателя.

Глава завершается § 5 — «Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I — начале II тысячелетия н. э.», посвященным коренному населению, жившему к северу от Великого степного пояса и развивавшему собственные культуры (бахмутинскую, кушнаренковскую, харинскую, возникшие в результате передвижения племен под давлением гуннов), сложению древнемансийских племен, контактировавших с горноуральскими племенами, и древних хантов. Вторжение кыпчаков в на-

чале XIII в. потеснило угров к северу, а оставшиеся были ассимилированы тюрками-кыпчаками, дав начало тюркоязычным «татарам» Западной Сибири (XV—XVI вв.). Тюркизации подверглись и самоедские племена (VI—VII вв.), «ядро» которых к этой поре сложилось на Томи и в Верховьях Оби — под давлением тюрков они отступали на север или на Саяно-Алтай (южная группа самодийцев – маторы, тофалары, койбалы, коты). Однако в связи с замечаниями автора о проникновении самодийцев на рубеже I—II тысячелетий в западносибирскую Арктику (стр. 306) следует отметить, что археологические материалы Таза и низовья Оби начала I тысячелетия до н. э. уже демонстрируют сходство с материалами Притомья, что позволяет причислять их носителей также к самодийцам. Кроме того, следует отметить, что северное, санное оленеводство нельзя непосредственно связывать с саяно-алтайским центром доместикации северного оленя, поскольку принципы выпаса и использования северного оленя в тундре и тайге резко отличны. Параграф привлекает насыщенностью текста, в особенности постоянным акцентом на вопросы этнической и политической истории племен и народностей, которые рассматриваются в тесной взаимной связи, вне ущерба описанию жилищ и хозяйства, в особенности древнего ханты-мансийского населения края. Этот удачно изложенный в историческом ключе параграф можно было проиллюстрировать образцами древнеугорского антропо-зооморфного художественного литья.

Глава 7 — «Дальний Восток в эпоху тунгусских государств. Бохай и Золотая империя (чжурчжени)» посвящена мохэским племенам до образования государства Бохай, его возникновению в 698 г. и созданию блестящей раннесредневековой дальневосточной империи с древнетунгусским племенем чжурчженей во главе. Завершающий главу § 4 — «Племена северо-востока» рассматривает археологические материалы и их этнографические параллели, касающиеся культуры и быта предков ительменов, айнов, коряков (Камчатка), чукчей, континентальных и берингоморских, эскимосов (берега Берингова пролива). Приводятся подробные описания древнеберингоморской (III в.), оквикской (V в.), бирниркской культур (V в.), причем преимущественное внимание уделено первой (стр. 346—349), а также пунукской культуре рубежа I—II тысячелетий. Рассмотрены жилища, оснастка морского зверобойного промысла, мифология (мифы о морской «владычице» Седне), памятники своеобразного искусства (иллюстрации на стр. 347, 349). Параграф завершает подробное изложение результатов раскопок А. П. Окладникова на Барановом мысе (район устья Колымы), западной точке расселения эскимосов на территории страны (стр. 350—352), где произошло соприкосновение «двух различных по культуре и по происхождению племенных групп» (стр. 352), охотников на северного оленя и рыболовов и охотников-морских зверобоев, приобщившихся в этом районе также и к охоте.

В главе 8 — «Народы Сибири перед присоединением к Русскому государству» обширный § 1 («Западная Сибирь в XIII—XVI вв.», стр. 353—372) посвящен преимущественно событиям политической истории и вопросам этногенеза (самодийцы отмечены излишне кратко; подробно рассмотрены угорские племена, их быт, хозяйство, общественный строй, по-видимому, типа военной демократии, религиозные воззрения; далее — селькупы и тюркоязычные племена). С интересом читаются абзацы о первых встречах с новгородцами, затем посланниками московских князей и, наконец, о военно-политических ситуациях времен Ивана IV и Сибирского ханства Кучума (стр. 366—372).

Тува (§ 2) времени монгольского нашествия не избежала судьбы многих прочих завоеванных монголами азиатских областей: тут были созданы «военно-пахотные» поселения, которые монголы, эти ассирийцы средневековья, заселяли насильственно переселенными ремесленниками и земледельцами. Эти поселения городского типа не имели крепостных стен — завоеватели не были уверены в полной покорности усмиренного, оторванного от родных мест населения. Концентрация трудового населения создала предпосылки для подъема ремесла и строительного дела, что выглядело в данных исторических условиях, характеризовавшихся тотальным разрушением материальных ценностей и уничтожением людских масс, своеобразным диссонансом. Такие города, факт создания которых образно может быть назван «оборотной стороной» кровавой медали монгольского ига, исследованы Л. Р. Кызласовым

в областях Кянь-Чжоу («Енисейской») и Илан Чжоу («Змеиной»), имеют благоустроенные дома зажиточной прослойки населения, административные здания, жилища ремесленников с канами, алебастровой штукатуркой, черепичной крышей (стр. 373, 374). Буддийские храмы и часовни, стелы с текстами «указов», помещенные на спинах каменных черепах, стоящих на центральных площадях, говорят о синкретизме культуры, отразившем, очевидно, смешанный состав населения. Высококвалифицированные мастера, добытчики руды и соли, плавильщики работали на нужды монгольской феодальной верхушки и административного аппарата завоевателей, однако объективно-исторически создание таких центров явилось прогрессивным процессом, способствовавшим консолидации разноязычных групп населения, причем основой сплочения было совместное производство материальных благ. Однако в дальнейшем, во времена Алтын-ханов (с конца XVI в.), Тува вступает в полосу длительного застоя, вызванного феодальной раздробленностью, повлекшей упадок производящей экономики.

История енисейских кыргызов, их быт ко времени первого упоминания в русской исторической документации (XVII в.) кратко описаны в небольшом § 3 — «Енисейские кыргызы», доводящем историю этих небольших феодальных улусных владений до начала XVIII в. В это время большая часть кыргызов насильственно переселяется в Джунгарию в качестве данников джунгарского хана, в чем наглядно проявилась застойность методов политического управления в этой глубинной части азиатского материка, потрясенного монгольским нашествием.

Краткое изложение предыстории бурятского народа, описание примечательных памятников ранней монгольской истории (дворцовый комплекс Кондуйского городка, Хирхиринское городище) находим в § 4 — «Буряты». Любопытно отметить, что принцип застройки городской территории усадьбами феодалов находит принципиальную аналогию в некоторых городах далекого запада эпохи подъема («городской ренессанс»), в частности в Великом Новгороде. Падение уйгурского каганата, возвышение киданей, конец господства курыкан в Прибайкалье — все это единая цепь этнических и территориально-политических трансформаций, способствовавшая возвышению собственно монгольских племен. «Сокровенное сказание» упоминает бурят под термином «булия», а древнебурятские погребения XII—XIV вв. были раскопаны в Тунке, Обусе и Зарубине. «Коренными монголоязычными предками бурят» являлись племена булгатов, эхиритов, хори-туматов, обитавших в Прибайкалье и Забайкалье. Текст параграфа приводит яркое описание попыток подчинения их монголами Чингисхана, предательства местной племенной верхушки и истории неуклонного сопротивления народа «страны «Баргуджин-Тукум» (Баргузин?). Отмечено, что хара-туматы и некоторые другие племена откочевывают на север, где входят в состав слагающейся якутской народности. К XVII в. межплеменные связи между прибайкальскими племенами приводят к консолидации монголоязычных насельников края, объединяющихся под этнонимом «бурят», причем большую прослойку в бурятском народе «составляют собственно монголы» (стр. 386).

В легендах, записанных в начале XVIII в. Линденау, говорится о «бегстве предков якутов из Прибайкалья на север», причем последние переселенцы явились во главе с Баджеем, дедом Тыгына, в конце XVI в. (§ 5 — «Якуты»). В основу текста параграфа положено известное исследование А. П. Окладникова («История Якутской АССР»): приводятся данные о руническом письме (самые северные в мире руны у дер. Петровской), скотоводстве, имеющем, очевидно, южное происхождение, развитых ремеслах, в частности гончарстве. Очевидно, на своей южной прародине якуты действительно входили «в орбиту древних степных государств» (стр. 390). Автору следовало бы дать терминологическое определение общественного строя средневековых якутов (очевидно, это была развитая «военная демократия»). Основные черты общественного строя, известные по эпическим сказаниям, «олонхо», отражают, очевидно, весьма ранний период истории якутов, «когда предки якутов жили на юге, в тесном соприкосновении с предками саяно-алтайских племен и с древними монголами» (стр. 393). Более поздние исторические предания, изобилующие описаниями битв, поединков, актов мести, отразили, видимо, черты общественной жизни собственно средневековых якутов — очевидно, именно этот период явился кульминационным в развитии отношений типа «военной демократии», находящих выразительные

аналогии в обществе викингов героических времен (сравним, например, поведение перед боем якутских богатырей и скандинавских «берсерков», «одержимость» воинственным духом тех и других). Заметим также, что частый сюжет «олонхо» — езда за женою — отражает время распространения одной из древнейших форм экзогамного брака, время бытования похищения женщин-чужеродок.

Великолепно написан § 6 — «Тунгусы» (стр. 395—402). Здесь суммируются данные этнографии, лингвистики, топонимики, исторических источников (автор Г. М. Василевич). В параграфе приводится история сложения тунгусской народности, история передвижений и скитаний пеших охотников горной тайги, общавшихся на юге с монголами, бурятами, на западе с кетами, на северо-востоке с палеоазиатами. Для археолога представляют большой интерес сведения о существовании «мужского» и «женского» типа жилищ (стр. 400), что было вызвано женитьбой на иноплеменнице. Автор подробно останавливается на быте различных групп тунгусов, на проблеме одомашнивания оленя в условиях горной тайги (орочены), раскрывает понятие тунгусского этнографического комплекса.

Политика монгольских завоевателей на захваченных ими древних чжурчженьских территориях описана в § 7 — «Дальний Восток в XIII—XVI вв.». Текст подробно характеризует отношение китайской администрации к «усмиряемым» северным племенам во времена династии Мин, останавливается на известных тырских памятниках (стр. 405, 406). Завершается параграф описанием военных действий манчжуров эпохи Цин (конец XVI — начало XVII вв.) в Приморье.

Завершающим во втором разделе, как и в томе в целом, является § 8 — «Народы Северо-Востока», в котором последовательно рассматриваются юкагиры, чукчи и коряки, эскимосы, ительмены и алеуты. Страницы, посвященные каждому из этих, преимущественно арктических народностей, имеют ценность компактных этнографических исследований. Чрезвычайный интерес для археологических аналогий представляет быт, производственные навыки, жилища юкагиров, небольшой арктической материковой народности, сохранившей в своем укладе ряд архаичных черт. Любопытны данные по форме и размерам жилищ (летние и зимние у чукчей, крупные жилища — обиталища родов, у морских зверобоев — эскимосов). Отметим, что родовые институты у арктических народностей оказываются характерными для оседлых аборигенов (сравним с палеолитическими охотниками на мамонта), а для бродячих охотников (юкагиры, материковые чукчи) типичны малые семьи, объединяющиеся лишь для крупных сезонных промыслов (нганасаны, чукчи, коряки). Таким образом, можно констатировать, что если в первом случае род являлся не только идеологическим, но и производственным институтом, то во втором род не соответствовал производственному коллективу и выступал лишь в роли регулятора семейно-брачных отношений, отчасти и религиозной сферы жизни, т. е. представлял собой своего рода идеологическую, надстроечную категорию. Все эти интереснейшие, теоретически основополагающие вопросы еще подлежат детальному и комплексному, археолого-этнографическому исследованию.

Большой объем рецензируемого тома «Истории Сибири», многоплановость поставленных и решаемых вопросов, поднятых коллективом авторов, насчитывающим имена 35 ведущих специалистов, историков, археологов и этнографов, обусловили детализацию текста рецензии. Редколлегия тома проделала большую работу по компоновке материала, акцентированию узловых проблем древней сибирской истории, благодаря чему этот капитальный труд представляет интерес как для круга специалистов-сибиреведов, так и для широкой аудитории интересующихся древним прошлым нашей страны.

М. Д. Хлобыстина

А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., «Наука», 1969, 255 стр., 79 рис. в тексте

Книга А. А. Формозова представляет собой первый опыт обобщающего исследования памятников первобытного монументального искусства нашей страны. Сводки аналогичного диапазона (от мезолита до эпохи бронзы включительно) в мировой литературе очень редки, даже для стран Западной Европы. Понятно, что выполнение подобного замысла особенно сложно в отношении разновременных комплексов древнейшего монументального искусства СССР, разбросанных от Карелии до Камчатки. Но его актуальность вырисовывается все более осязаемо. Значительный прогресс в изучении отдельных центров первобытного творчества СССР требует поисков основы их исторически связанной оценки. Только при таком условии расширяется возможность выявления ведущих (стадиальных) тенденций и объективного смысла этой художественной деятельности; специфическое своеобразие ее отдельных этнокультурных очагов, реальные взаимосвязи между ними, как и моменты неравномерности развития, получают более существенную характеристику в единой «системе мер», определяются общеисторические цели их дальнейшего конкретного изучения.

Эту очень трудную во многих отношениях работу начал А. А. Формозов, подытожив серию своих публикаций рецензируемой книгой. Его опыт не носит чисто кабинетный характер. С большей частью привлеченных материалов автор познакомился в натуре (нетрудно представить, каких усилий это потребовало!). Такой подход дал значительные разультаты. С одной стороны, он привел к исключению ряда поздних наскальных изображений, вероятно, эпохи железа (стр. 79 и др.) и к отсеву некоторых вообще несостоятельных свидетельств — и старых, и ставших своеобразным «научным фольклором» (стр. 141—142), и сравнительно недавних (стр. 143). С другой стороны, наряду с известной «расчисткой» источниковедческой базы она серьезно обогатилась за счет точной и всесторонней атрибуции отдельных опорных комплексов (прежде всего монохромных росписей Зараут-камара, подразделяемых автором на три разновременных пласта, стр. 61—78), широкого анализа монументальных изображений эпохи бронзы в Северном Причерноморье (стр. 150—189), впервые представляющего искусство древних скотоводов южнорусских степей в качестве значительного элемента их культуры, перспективной постановки вопроса о камнях с единичными архаичными знаками на территории Великой русской равнины как, возможно, особой, как бы реликтовой, разновидности петроглифов (стр. 143—149).

Уже этот вклад А. А. Формозова немаловажен и придает его труду особую ценность. Но источниковедческий аспект не составляет здесь самоцели, а служит интересам осуществления обширной исследовательской программы. Она характеризуется многоплановостью, включая в себя вопросы методологии и методики, эволюции изобразительного искусства в основных регионах, а также проблемы общего хода развития первобытного монументального искусства СССР.

Широта и новизна исследований А. А. Формозова, состояние источников и сложность рассматриваемых явлений предопределили необходимость полемики по многим тезисам автора. Начало ей положено статьями А. И. Мартынова [1] и Н. Л. Подольского [2], посвященными одной особенно дискуссионной теме — периодизации и хронологии древних наскальных изображений Сибири. Наше знакомство с данными материалами недостаточно для активного участия в этом, порой слишком эмоционально обостренном споре. Поэтому здесь мы ограничимся некоторыми замечаниями общего порядка.

Очевидна исключительная сложность исторического расчленения многочисленных групп сибирских петроглифов, введение которых в науку составляет выдающуюся заслугу А. П. Окладникова. Из этого момента, ясного и А. А. Формозову (стр. 83), и его оппонентам [3], кстати развивающим различные точки зрения, есте-

[1] *А. И. Мартынов.* Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб». Изв. СО АН СССР. Серия обществ. н., 1971, 11, вып. 3, стр. 103—118.

[2] *Н. Л. Подольский.* О принципах датировки наскальных изображений. СА, 1973, 3, стр. 265—276.

[3] *А. И. Мартынов.* Ук. соч., стр. 105; *Н. А. Подольский.* Ук. соч., стр. 265.

ственно вытекает, что стремление к категорическим заключениям пока преждевременно. Сама природа древнего творчества такова, что его изучение составляет очень долговременный, можно сказать, «вечный» предмет науки. Петроглифоведение как особая отрасль археологии пока только складывается, обретая специфический опыт в ходе исследования отдельных изобразительных комплексов. Следовательно, в отношении наиболее трудных для анализа памятников сейчас вполне оправдан путь поисков на разных направлениях — путь рабочих гипотез и их всесторонней фактической проверки.

Но при этом нам кажется необходимым введение и максимальное использование историко-генетического критерия. Поясняя сказанное, обратим внимание на одну общую черту отличающихся классификаций. Она заключается в том, что выделяемые каждой из них хронологические группы изображений рассматриваются как нечто изолированное, проявившее себя сразу же в готовом виде и не связанное реальными переходами как с предшествующими, так и последующими этапами творчества. Тем самым из исследования исключается вопрос о происхождении и генетической обусловленности зафиксированных изобразительных решений. Жесткая преемственность творчества в силу многих факторов, конечно, не составляет абсолютного правила для каждой длительно складывавшейся сибирской «галереи». Но по крайней мере во всех случаях, когда традиция наскальной живописи совпадала с периодами преимущественно автохтонного обогащения культуры, установление художественной преемственности следует рассматривать в качестве важного признака достоверности предлагаемой схемы.

Пока такой принцип генетической нити четкого отражения в построениях не получил. Особенно отчетливо это можно проследить на сводных таблицах вроде той, которая опубликована, например, А. И. Мартыновым [4]. В приводимых им петроглифических эталонах для раннего, среднего и позднего неолита Сибири не видится последовательных звеньев единого первобытного творчества. В таком порядке развитие одного сюжета оказывается произвольным, не образующим возможную в неолите систему исторической связи. Очевидно, этот момент ощутил бы сам автор, если бы он детально сопоставил свои вехи, не ограничиваясь очень расплывчатой ссылкой на «общие, присущие всем произведениям первобытного изобразительного творчества (т. е. от ориньяка до эпохи железа! — *А. С.*) каноны» [5].

В не лишенном интереса очерке Н. Л. Подольского «традиции», к сожалению, также рассматриваются в виде изначально данных историко-культурных моделей, а конкретный анализ соотношения отдельных вариантов (т. е. собственно канонов) заменяется словами о «допустимом разнобое изобразительных приемов» и несомненной синхронности большинства фигур [6]. Подобное невнимание к эволюции формы, осуществляющейся в то время в процессе материальной практики, передает, по нашему мнению, известное пренебрежение стадиальной спецификой первобытного творчества. Склонность к его уподоблению позднейшему искусству проглядывает и в других суждениях автора (например, в утверждении, что «окуневские мастера были хорошими рисовальщиками в современном смысле слова» и не знали изобразительных стандартов [7]).

Что касается общих принципов исследования не менее важно преодоление еще одного широко распространенного модернизаторского по сути взгляда на историческую миссию древнего творчества. Чуть ли не очевидностью считается, что оно, подобно современному искусству, лишь выражало «во вне» созданные «чистой» мыслью образные обобщения. Такое представление опровергается всей картиной генезиса изобразительной деятельности. Она характеризует первоприроду творчества как «мастерскую сознания», в которой кристаллизация и обогащение идей были вплетены в художественную («теоретическую» по своей направленности) разновидность труда. Поэтому, в частности, положение о том, что «область семантики ...породила искусство писаниц» [8], вызывающее в памяти известную тэйлоровскую фигуру «ди-

[4] *А. И. Мартынов.* Ук. соч., стр. 115.
[5] Там же, стр. 111.
[6] *Н. Л. Подольский.* Ук. соч., стр. 267.
[7] Там же, стр. 272.
[8] *А. И. Мартынов.* Ук. соч., стр. 111.

каря-философа», строго говоря, односторонне и неточно. Материальным творчеством тогда не только создавалась форма для готового содержания, но и во многом обусловливалось оно само.

Выполнение рассмотренных выше задач, понятно, крайне затрудняется уже отрывочностью дошедших до нас фрагментов многообразного в прошлом творчества. Но только на базе такого собственно исторического подхода откроются новые посылки для фактической реконструкции линий и ступеней реальной изобразительной эволюции, как и для уточненной увязки органически связанного, но не обязательно строго синхронного развития монументальных и малых форм (стр. 84). Да и семантическая дешифровка глубоко своеобразных символов в случае выявления их исходных прототипов получит немаловажные отправные точки, показывающие процесс «производства» образа.

Возвращаясь теперь к книге А. А. Формозова, все содержание которой, очевидно, нельзя охватить одной, хотя бы и обстоятельной рецензией, мы остановимся на двух ее достаточно весомых разделах (петроглифы Кобыстана и Карелии), в которых вопросы эволюции творчества рассматриваются автором в наиболее конкретной форме. Здесь при иных, нежели в Сибири, территориально очень ограниченных масштабах исследования уже сейчас реализуются некоторые возможности внутреннего анализа сложных комплексов — не только выяснения их хронологической структуры, но и порой осязаемо отраженных генетических зависимостей между изображениями, последовательно входившими в одни и те же локальные группы.

Петроглифы Кобыстана (стр. 27—59), длительно изучавшиеся И. М. Джафарзаде, не случайно рассматриваются в книге первыми. Особое значение этих памятников «реалистического искусства» древнего Кавказа совершенно ясным становится сейчас благодаря той их аналитической характеристике, которая дается А. А. Формозовым. Предложенное им деление этого грандиозного собрания на три пласта и обоснование соответствующих датировок выполнено с большой основательностью и опирается на синтез серии показателей (особенности топографической привязки отдельных групп изображений, данные изобразительной и археологической стратиграфии).

К начальному, «нижнему» пласту относятся углубленные в скалу крупные, вытянутые в высоту антропоморфные силуэты, строго каноничные по своему облику. Большинство из них представлено в фас. Иногда ясна единовременность двух, а то и трех (средняя — меньшая) фигур. Чаще, по-видимому, они исполнялись последовательно, образуя в конечном счете полосу как предтечу композиции типа «хоровода». Этим силуэтам присущи следы достаточно «телесных» образов с рядом таких особенностей, как обозначение пола, «юбочки», а также какого-то атрибута то в левой, то в правой руке.

Со вторым этапом связана замена силуэта гравировкой, которая до этого, очевидно, применялась только при передаче рук и дополнительных деталей. С этими техническими переменами увязываются тенденции общей «дематериализации» образа (резкая схематизация и огрубление фигуры, уменьшающейся в несколько раз). Отчетливо проявляется анималистическая тема (абстрактно обобщенные профильные контуры двуногого зверя, также лишенные всяких деталей). На этой же ступени прочно осваивается строго плоскостная (иначе, полосовая) многофигурная композиция. Ее представляют как «хороводы» из слитых в одну цепь «человечков», пол которых не обозначен, так и охотничьи сцены. В них данные в профиль лучники, тело которых, окончательно утратив толщину, сведено к линии, в два раза по высоте уступают статичному контуру зверя. Но это как бы компенсируется подчеркнутой активностью действий охотников.

Сопоставляя первый и второй пласты, следует отметить, что пока опубликованные петроглифы не документируют исчерпывающе полный процесс трансформации творчества. Однако родственность этих этапов, отразившаяся в наследственном видоизменении определенных изобразительных традиций (стр. 42), по теме человека выступает достаточно отчетливо (в частности, начальные звенья перехода к модели «человечка», возможно, фиксируются в уменьшающихся, как бы дополнительных фасовых силуэтах на камнях 29 и 39 Беюк-даша — см. рис. 4 на стр. 33).

Третий, позднейший этап характеризуется господством схематизма, узостью тематики и редкостью композиций. Преобладающие в нем стандартно геометризо-

ванные контуры козлов, превратившиеся в идеограмму, составляют тот наскальный ансамбль, который в отличие от первых двух циклов широко прослеживается на Кавказе. Кроме отдельных фигурок людей А. А. Формозов относит к этой группе и «солнечные» лодки, не исключая, впрочем, их несколько более раннего появления (стр. 54). Последнюю мысль, нам кажется, можно усилить ссылкой на изображение лодки на камне 42 Беюк-даша (рис. 10, *2* на стр. 41), отличающиеся от других законченно знаковых («бестелесных») начертаний. Ее сравнительно короткий корпус обрисован двойной линией, а неуверенно исполненные черточки «экипажа» располагаются не по всей его длине и не выражают отработанного ритма.

Переходя к вопросам хронологии, автор хорошо аргументирует связь второго пласта с поздним мезолитом и, возможно, неолитом (стр. 46). Исходя из этого, он относит первый пласт к раннему мезолиту (там же). Отметим попутно, что допущение одновременного использования одних и тех же «священных» скал двумя группами людей с разным творческим «почерком», навеваемое замечанием А. А. Формозова (стр. 42), снимается как общими (заповедный этнокультурный характер подобных урочищ и др.), так и особенно конкретными соображениями (генетико-типологические соотношения, перезание силуэтных фигур и др.) в пользу основного заключения автора.

Хорошо датируется, только много более поздним временем, и основной массив последнего пласта, эволюционное вырастание которого здесь, на месте, пока проследить не удается. Археологические памятники Азербайджана и Дагестана (стр. 47 сл.) включающие в свои комплексы подобных же гравированных козлов (нелишне подчеркнуть, что мотив лодок в них остается неизвестным), связывают его с концом II — началом I тысячелетия до н. э.

В целом как изобразительная классификация А. А. Формозова [9], так и предложенные им датировки весьма убедительны. Так же оправданно стадиальное сопоставление ансамблей первых двух пластов с наскальной живописью испанского Леванта (сцены охоты с луком, «хороводы»), несмотря на ее большее художественное совершенство. Одну из основных причин послепалеолитического преобразования искусства А. А. Формозов видит в превращении лука в особо важное орудие труда. С этим следует согласиться, но с одной оговоркой. По нашему мнению, воздействие этого важнейшего нововведения шло не по пути выделения отдельного, особо умелого охотника (показательны одномасштабные, коллективные по сокровенному смыслу композиции людей как в Леванте, так и Кобыстане, невыраженность индивидуализации и т. п.). Оно осуществлялось более опосредованно и вместе с тем глубинно — лук привел к новому ощущению возможностей общественного человека, его суммарной, коллективной силы и дал ему новую практическую меру пространства и движения.

Оправданны и некоторые палеолитические аналогии отдельным комплексам первых двух пластов (стр. 34, 42, 46, 59), содержащие намек на глубину корней кобыстанского творчества. Но поскольку сейчас еще возможный механизм преемственности раскрытию не поддается, эти параллели пока отражают родственность

---

[9] Позволим себе лишь частное замечание в пользу сравнительно раннего возраста одного из «единичных образцов» — своеобразных, достаточно крупных фасовых контуров безруких «женщин» со слитно, в виде язычка переданными ногами. Согласно воспроизведению (см. рис. 17 на стр. 57), они выполнены не позднее (стр. 58), а, напротив, раньше профильной гравировки быка. К тому же показанные на них детали — не только пересекающий плечи стержневидный предмет (стр. 58), но и шеврон на месте живота — можно увидеть на некоторых силуэтах первого пласта, размещающихся аналогичным образом, друг за другом, при иногда встречающемся чередовании больших и нескольких меньших фигур. И. М. Джафарзаде сопоставлял их с трипольскими статуэтками и на этом основании относил к энеолиту. Вернее было бы отметить здесь отображение той пластической стилизации, которая типична вообще для древней лепки женской фигуры (начиная с верхнепалеолитических прообразов Долни Вестониц и Павлово), далеко не всегда, учтем это, подвергавшейся обжигу и становившейся долговечной. Возможно, на Беюк-даше перед нами интереснейший эпизод спорадического выноса на скалу (скорее всего на порубежье первого и второго пластов) фасовых проекций объемных решений, которые длительно формировались и жили в русле творчества малых форм. Кроме, возможно, подсказанного силуэтами первого пласта семантического дополнения (наложение стержня на плечи) они, естественно, подверглись формальной «монументализации» (до 80 *см* в высоту).

длительно живших образов лишь в самом общем виде, совсем не исключая значительного обогащения вложенного в них содержания (см. ниже).

Итак, до сих пор мы в самом главном были согласны с автором. Более спорными нам представляются его суждения о социальных функциях или, иначе, семантической основе петроглифов Кобыстана. А. А. Формозов входит в противоречие с двумя принятыми им совершенно верными положениями: во-первых, о сложном, исторически опосредованном отражении уклада жизни в картине творчества и, во-вторых, о логически многообразно сплетенном, а не изолированном и отдельном проявлении разных сторон первобытного сознания в нем.

Предлагаемое читателю объяснение назначения петроглифов чересчур прямолинейное, можно сказать, физико-географическое. Всячески подчеркивается значение скальных урочищ Кобыстана как извечных охотничьих угодий (стр. 30, 54, 55) [10], из чего делается вывод о непосредственной охотничье-магической подчиненности всей тематики этого творчества (не исключая из нее и «солнечные ладьи») на всем его протяжении.

Если петроглифы Прикаспия от мезолита и вплоть до эпохи поздней бронзы (!) лишь магически «оформляли» присвоение дикого зверя, то они образовывали нечто глубоко пережиточное, все более отдалявшееся от основных магистралей развития культур южной зоны и отходившие на задний план. Но так ли уж достоверна подобная консервативная простота в этих ансамблях? Ведь в их древнейшем пласте лакуну составляют животные — именно та символическая цель, которая совершенно необходима для акта промысловой магии и исполняется первой в ходе его изобразительной подготовки. Что же касается фигур людей, то они в чисто магических комплексах такого рода не только не обязательны, но и даже редки, ибо сам человек был действующим лицом в этих обрядах. В таком аспекте яркое творчество Леванта явно не вписывается в рамки примитивной производственной магии в том упрощенном виде, которому популярной литературой придано обличие всеобщего хрестоматийного стандарта. Когда элементарно-магическая операция действительно имела место, она совсем не требовала долговременных художественных памятников, выразительность которых вступала в противоречие с их неизбежным повреждением при имитационно-охотничьей экзекуции. Служебно, в качестве обрядовой мишени, здесь вполне достаточным был «эфемерный набросок» (А. Брейль, Р. Лантье). Показательно, что еще в начале верхнего палеолита «чистая» добывающая магия как таковая оказывается за границами собственно творчества, создающего все более значительные эстетико-семантические ценности.

При возникшем споре с автором книги уместно вспомнить глубокую мысль о том, что на послепалеолитических ступенях развития «на основе слияния и переработки старых родовых культов возникают новые сложные космогонии, постепенно слагаются пантеоны» [11]. Уже искусство верхнего палеолита включает в себя магические моменты только в осложненном и обобщенном виде, в сплетении и взаимодействии с другими образами и особо значимыми, генерализованными обрядами (инициациями и т. п.). В дальнейшем же магические по происхождению и видимости акции получают все более отвлеченное фантастическое истолкование. В такой глубоко преобразованной функции они входят в мировоззренческие циклы, очень далекие от сугубо «охотничьего» восприятия и объяснения мира [12].

---

[10] Одновременно А. А. Формозов отмечает вероятность использования этих мест для выпаса скота (стр. 55), возможность изображения домашних быков в неолите (стр. 46) и несомненные изображения домашних животных в эпохи бронзы и железа (стр. 57).

[11] *С. Н. Замятнин.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. СА, 1948, X, стр. 122. См. также *В. И. Равдоникас.* Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, 1937, IV, стр. 14 сл.

[12] Наглядно подобное переосмысление документируется, например, картиной ритуального земледельческого праздника на энеолитическом поселении Квацхелеби в Грузии (см. *А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти.* Урбниси, I. Тбилиси, 1962, стр. 62). Его важнейший аксессуар был представлен скелетом оленя, среди костей которого находился медный наконечник стрелы. Формально перед нами акт магического действия, лишенный условности, в той натуральной первозданности, возникновение которой можно отнести даже к позднему ашелю (гроты Лазаре во Франции и др.). Но какая семантическая пропасть отделяет эти звенья — зверя в качестве объекта

В рассмотренной перспективе узкое, охотничье-магическое истолкование (стр. 59) оказывается неприложимым к кобыстанским петроглифам. Да и сам А. А. Формозов укрепляет нас в этом убеждении, определяя мифологическое направление ведущим в семантическом развитии искусства мезолита и неолита. Кобыстан также не представлял исключения (стр. 55) — в этом авангардном очаге, наверное, не менее интенсивно, чем в других центрах, «охотничьи культы оттесняются на второй план» (стр. 236).

В целом же сущность мезолитических и неолитических петроглифов Кобыстана в том, что в этой традиционной «мастерской сознания» осуществлялось утверждение образа общественного человека как могучей социальной силы. Именно они позволяют проследить на нашей территории эпизоды наиболее раннего выделения темы человека средствами искусства. В этом, по мнению А. А. Формозова, заключалась та стадиальная основа, которая проявлялась, конечно, неравномерно и не в виде стереотипных повторений, а только в общих тенденциях развертывания творчества — в других этнокультурных центрах первобытного монументализма. Так, аналогичная (только в самом семантическом ядре, в самих принципах социальной логики), но несколько более поздняя трансформация творчества на Севере на ступени его «пережиточного» неолита демонстрируется достаточно ясно группами петроглифов Онежского озера и Беломорья.

Петроглифы Карелии с 30-х годов (публикации В. И. Равдоникаса и А. М. Линевского) заняли в археологической литературе видное место. Поэтому А. А. Формозов очень ограничил посвященный им очерк (стр. 119—128), правда, широко учитывая их в остальном тексте (стр. 80, 83—85, 92, 100, 103, 104, 114) и особенно в заключительном разделе книги (стр. 228, 229, 232, 243). О лаконизме его исследовательского разбора все же приходится сожалеть, ибо целый ряд важных и интересных положений А. А. Формозова оказался только намеченным и не получил развития.

Начнем с вопроса, который для автора постоянно является отправным,— фактической классификации изображений и выяснения последовательных этапов творчества. В этой связи сейчас особого внимание заслуживают комплексы Беломорья, где благодаря недавним исключительно важным открытиям Ю. А. Савватеева значительно расширились возможности определения генетически связанной эволюции и в конечном счете воссоздания основного хода творческого развития в достаточно конкретной форме.

Исследователями по-прежнему не берется под сомнение начальное место Бесовых Следков (точнее, здесь следует иметь в виду только их первичное ядро, оговорив более поздний возраст многих дополнений). А вот вопрос об относительной древности «Старой» (I) и «Новой» (II) Залавруги остается спорным, нуждаясь в документальном разрешении. А. А. Формозов в отличие от Ю. А. Савватеева [13] предполагает, что Залавруга II продолжала Залавругу I (стр. 122). Мы думаем, что в этом он глубоко прав. Однако, входя в известное противоречие с этой мыслью очень расширительным толкованием одного случая перекрывания фигур (стр. 92, 100, 128), автор несколько сгладил специфические различия двух названных комплексов и не развернул их сравнительный анализ в плане поиска реальных переходов. Последний же сейчас действительно позволяет распознать изобразительный ряд, состоящий из трех последовательных «собраний» (центральная часть Залавруги I — северная периферия Залавруги I, выполнившая роль творческого «мостика» — Залавруга II). В таком виде трехчленная генетическая цепь, на детальной характеристике которой уместно будет остановиться в специальной статье, передает объективно преемственное течение процесса «духовного производства», во многом подкрепляющее общие идеи А. А. Формозова.

охоты и его глубоко аллегорический образ, скорее всего космического или тотемистического содержания. Напомним, что и в более поздних производящих культурах (скифы, племена горного Алтая и др.) в творчестве по-прежнему доминировал образ зверя, но обозначал он также совсем не объект простой магической операции, а символизировал очень отвлеченные идеи и представления.

[13] *Ю. А. Савватеев.* Залавруга, ч. I. Петроглифы. Л., 1970, стр. 130, 162, 419—420.

Наверное, было бы целесообразно более детально рассмотреть и проблему абсолютного возраста беломорских памятников, в частности в интересах уточнения степени неравномерности прогресса на юге и на севере. Приводимые в литературе разные даты слишком суммарны и приблизительны. Абсолютная хронология наскальных «галерей» в устье р. Выг выступает в качестве назревающей проблемной задачи, к счастью, параллельно с накоплением различных данных (широкое изучение стоянок и особенно уникальные случаи нахождения петроглифов под культурным слоем на Залавруге II, и, возможно, Ерпин-Пудасе, уточнения гидрогеологической истории, первые даты по C_{14} и др.) для построения более достоверной и уточненной (до периодов в несколько столетий) хронологической шкалы.

Но уже теперь можно полагать, что северные петроглифы в целом характеризуют значительно более длительное явление творчества, чем это казалось нашему привычному к совершенно иной динамике сознанию. Уже нельзя исключать принадлежность ядра Бесовых Следков к началу III тысячелетия до н. э. и даже, возможно, к концу IV тысячелетия до н. э. Однако сами Бесовы Следки, как, впрочем, и первый пласт Кобыстана, не показывают начального генезиса этого специфичного и по технике, и по образным решениям творчества. Следовательно, становление канонов их архаичных фигур должно было быть еще более древним. Поэтому вряд ли стоило А. А. Формозову так подчеркивать бесспорность связи карельских петроглифов только со II тысячелетием до н. э. (стр. 92, 96, 104), тем более, что далее он сам рассматривает эту дату как ориентировочную (стр. 126) и считает возможным возникновение Бесовых Следков в III тысячелетии до н. э. (стр. 221). Точно так же, надеясь на «важные открытия в этой области» (стр. 128), вряд ли стоит настаивать на том, что традиции наскального монументализма пресеклись вместе с последними, уже известными науке изображениями, как это единодушно полагают А. А. Формозов (стр. 221—222, 226, 244) и Ю. А. Савватеев [14]. Знаменательно, что они не несут в себе никаких признаков художественной деградации, утраты своей силы и социальных функций.

Нет сейчас достаточных оснований и для предположения более молодого возраста всех онежских петроглифов сравнительно с беломорскими (стр. 128, 221, 232). Нельзя согласиться и с определением А. А. Формозовым трех крупных фигур Бесова Носа («триады») как самых поздних, возможно, даже «посленеолитических» (стр. 127). Этому мнению, уже высказывавшемуся в литературе (А. Тальгрен, В. И. Равдоникас, А. Я. Брюсов), противоречит явная зависимость топографии малых, как бы дополнительных фигур в той же композиции от размещения «беса», «выдры» и особенно «налима», образующих, как то достаточно убедительно показал А. М. Линевский, простейшую, свободно разместившуюся на еще «пустой» скале уравновешенную композицию [15].

Подобная «двуслойность» очень отличающихся по масштабам фигур западного мыса Бесова Носа (относительно крупными размерами здесь характеризуются и изображения птиц рядом с «выдрой») выделяет ансамбль среди других групп онежских петроглифов. Их составляют, за исключением промежуточных по величине отдельных «кругов» и «жезлов» Пери III («крыша») и Пери VI, а также птиц в нескольких пунктах, только малые фигуры. Этот момент в сочетании с другими разноплановыми наблюдениями (особое, доминирующее в контурах берега положение Бесова Носа; лучшая представленность в группах Пери-Носа антропоморфного образа, композиционно связанных сцен и др.) ведет к суждению, что художественное «освоение» скал началось не с Пери-Носа (К. Д. Лаушкин, А. А. Формозов и др.), а с врезающейся в озеро оконечности Бесова Носа (А. М. Линевский).

Резкая, лишенная видимой постепенности (разделенная интервалом во времени?) смена единичных гигантских фигур скоплениями множества мелких, может быть, была обусловлена массовым переносом на скалы образных решений, вызревших в лоне малого творчества. Она тем более интересна, что вряд ли составляла нечто сугубо локальное, только онежское. Напоминая о подобной же «миниатюризации» человеческой фигуры в Кобыстане, обратим особое внимание на сходные

[14] *Ю. А. Савватеев.* Ук. соч., стр. 4, 127, 422.
[15] *А. М. Линевский.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939, стр. 109—114.

тенденции в творчестве Беломорья. Там «триаде» Бесова Носа мог соответствовать тот взлет монументализма, который приурочивается к Бесовым Следкам (морские животные, лебеди и профильных «бес», аналогичный по позе фасовому «бесу» Онеги) и особенно к основной (центральной) части Залавруги I, а группам Пери-Носа — концептрация мелких, часто данных в простейших или складывающихся композициях фигур на северной периферии Залавруги I и, наконец, Залавруга II.

Склонность А. А. Формозова к поздним датам онежских петроглифов приводит его к утверждению неприемлемости сопоставления наскальных образов Онеги с памятниками искусства Оленеостровского могильника (стр. 22). Но в этом содержится противоречие его же тезису о длительной живучести этнокультурных образов в устойчивой среде, успешно применяемому в других случаях (см., например, стр. 124). Здесь исключение из этого правила не кажется оправданным. Ни некоторая разновременность онежских петроглифов и искусства грандиозного некрополя того же района (кстати, при дискуссионности возраста Оленеостровского могильника сейчас кремневая индустрия стоянки Черноборская III в Коми АССР указывает на его вероятное тяготение к раннему неолиту [16]), ни их принадлежность к разным формам творчества (монументальному и прикладному, которые при всей специфичности каждого из них составляли, как то не раз показывает исследовательская практика А. А. Формозова, сложные единства) не лишают эти сравнения генетической убедительности. На скалах Онежского озера видятся как бы «тени» ряда более древних, объемных образов, имевших этнокультурное значение. К тому же число таких соответствий, талантливо выделенных сначала В. И. Равдоникасом, а затем К. Д. Лаушкиным, можно несколько увеличить.

В целом при общем анализе первобытного творчества, начиная с его палеолитических истоков, первичность объемного и вторичность плоскостного решения определенной темы выступает в качестве одной из ощутимых закономерностей, отрицающих изначальность высоко абстрактных форм. Она господствует в эпоху верхнего палеолита и в дальнейшем также проявляется очень широко, открывая нам одну из важных методик исследовательского построения. Поэтому мы думаем, что вопрос об объемных (т. е. менее условных) типологических предтечах «бестелесных» наскальных символов имеет большое значение для разных аспектов существенной «проблемы преемственности» (стр. 228). В частности, выявление возможных «культовых предметов» (В. И. Равдоникас) во многом бы содействовало уточненной генетической дешифровке «лунарно-солярных» знаков Онеги, вызвавших в науке длительную полемику [17].

Ограничим этим предметным анализом памятников «самих в себе» разбор раздела о карельских петроглифах, не касаясь широко и интересно поставленной темы о семантически-изобразительных привнесениях в культуру нашего Севера [18]. Подводя итоги предложенной критике, следует признать, что она в конечном счете подтверждает основной вывод всего исследования А. А. Формозова – о развитии темы человека в послепалеолитическом монументальном творчестве СССР и ее превращении в зримую доминанту общественного сознания (стр. 232, 234). В северном скальном регионе этот процесс раскрывается как длительный и органичный, выражавший прежде всего основную логику внутреннего развития.

---

[16] *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы. М., 1972, стр. 30—33, 36, 123.

[17] В качестве опыта подобного плана можно сослаться на ретроспективное чтение солярных же «кругов» в орнаменте неолитической керамики Китая как следствия перевода «действительного предмета» в плоскостную идеограмму (см. *Т. И. Кашина.* Семантика геометрической орнаментации керамики культуры Яншао. Изв. СО АН СССР. Серия обществ. н., 1971, 6, вып. 2, стр. 97, 100).

[18] На наш взгляд, «соляризация» сознания на Онеге, составившая важную линию его абстрактно-отвлеченной аранжировки, имела стадиальную основу (см. *В. И. Равдоникас.* Ук. соч., стр. 31), значительно раньше и интенсивнее проявившую себя на юге. Привнесения в традиционно устойчивую область первобытной идеологии могут получить объяснения только при выявлении внутренних «сдвигов и перемен в среде, для которой заимствование становится исторически необходимым или хотя бы возможным» (*С. Н. Замятнин.* Ук. соч., стр. 102). Такое видение этого процесса отвечает общей оценке онежского очага А. А. Формозовым как «вполне самостоятельного», а не вторичного и производного (стр. 223).

Его результаты особенно наглядны в Беломорье, где, возможно, ход этнокультурной эволюции был наиболее замкнутым и прямолинейным, не осложненным заметной «соляризацией» и т. п. Здесь отличительная черта позднего пласта петроглифов — не только многочисленность человеческих фигур, но и их передача в жизненной трактовке и связях, в активных действиях и реальной соразмерности с другими компонентами (прежде всего со зверем — морским и лесным). В сериях повествовательных композиций даже в виде далекого воспоминания не отражается та изобразительная «дискриминация» человека (по величине), которая в более раннее время прослеживается не только в этом регионе, но и, напомним, в далеком Кобыстане.

Немалый смысловой сдвиг, вероятно, скрывается и за преодолением гигантизма одиночных фигур, который отличает первые звенья известного нам сейчас цикла творчества на р. Выг от Залавруги II. Нечто аналогичное, по-видимому, происходило и в Заонежье («триада» Бесова Носа — «камерные» группы Пери-Носа и др.). Допустима мысль, что так была отмечена грань перехода от первичных, буквально монументальных, подавляюще сверхъестественных образов к образам более земным, обогащенным эстетически, от уникальных примитивных «божеств» к более массовым родо-племенным «героям», совокупно воплощающим в своих жизненных действиях картину действительного могущества общественного человека [19].

Сказанным выше мы лишь акцентировали оценку, данную А. А. Формозовым петроглифам Карелии, как произведениям мифологическим по господствующим тенденциям их развития. Понятно, что эта набиравшая силу мифология была исторически специфичной. Она рождалась неолитическим сознанием и выражала свойственную ему степень слитности мировосприятия (включение в обработанном виде магических, анимистических, тотемистических, фетишистских и других мотивов), отражая одновременно в мемориально-офантазированной форме особо значительные события первобытной жизни. Мышление еще не достигло того уровня дифференциации и отвлеченности, когда мифология могла стать самостоятельной, исключительно словесной формой творчества. Мифы, содержавшие квинтэссенцию первобытного объяснения мира, не утратили связей с особыми символическими действиями (как сценическими, так и изобразительными), которые как бы материализовали их. Да и воспроизведение этих мифов наверняка не было свободным и произвольным, а в основном строго ограничивалось рамками и программой наиболее значительных обрядов (инициации как форма социального наследования и т. п.).

Главным в развитии карельских петроглифов было обогащение и эстетизация повествовательной тематики, посвященной собирательному образу человека и обобщенному отображению его жизненно решающей активности [20]. В этом и заключались могучие внутренние рычаги художественного прогресса и первопричины мифологизации содержания северной наскальной «живописи».

Так мы сразу с двух сторон — мезолитического Кобыстана и неолитической Карелии — подошли к основному историческому выводу А. А. Формозова, подтверждаемому анализом комплексов в других районах СССР: тезису о том, что определяющей линией древнейшего наскального творчества нашей страны было выделение темы общественного человека на первый план (стр. 232, 234), отражающее новые нормы и соотношения в восприятии мира и самого себя. Разобранные автором па-

---

[19] Конкретный механизм такого резкого «измельчания» фигур и вместе с тем «очеловечивания» всего духа наскального творчества самими петроглифами Беломорья, как и Онеги (см. стр. 320), в виде творческой постепенности не раскрывается. Поэтому нам остается лишь напомнить об уже сделанных выше предположениях — о возможности достаточно быстрого перевода на «язык петроглифов» тех моделей и их компоновок, которые длительно производились в малом творчестве, менее сакральном и связанном многими нитями с реальной жизнью коллектива. Известным аргументом в пользу гипотезы о «выплескивании» в соответствующих условиях на карельские скалы продуктов малых форм служат как некоторые оленеостровские прообразы, так и закономерно прочные связи петроглифов (опять же преимущественно онежских) со скульптурой лесного Северо-Запада СССР из кремня (см. *С. Н. Замятнин.* Ук. соч.), дерева и кости (см. *И. Лозе.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики. В сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973), а также с довольно редкими сюжетными орнаментами ямочно-гребенчатой керамики.

[20] См. также *Ю. А. Савватеев.* Ук. соч., стр. 87, 96, 144, 162, 420.

мятники монументальной скульптуры скотоводческих племен также все «с большей силой выражали решающую роль человека в мировоззрении» (стр. 186). Это принципиальное положение, энергично подчеркнутое и в ранее вышедшей книге А. А. Формозова [21], так убедительно вытекает из исследования, что оно, по нашему мнению, должно прочно войти как важная стадиальная характеристика этих эпох в обобщающую литературу по первобытности.

Но этот значительный сам по себе вывод одновременно заставляет взять под сомнение широко вошедшее в литературу и, казалось бы, очевидное мнение о том, что послепалеолитическое творчество отмечено спадом и значительно уступает по своим итогам «ледниковому» наследию. В начале книги автор касается, но только в самой общей форме, вопроса о периодах подъема и упадка искусства (стр. 9). В дальнейшем он, к сожалению, не рассматривает его специально применительно к изучаемым эпохам. А тема, несомненно, того заслуживает в интересах преодоления упрощающих, исходящих только из видимости аксиом. Налицо исторически специфичное явление, к которому, как это не раз показывает автор, лишь условно приложим термин «искусство» в обыденном понимании. Функции первобытного творчества были и меньшими (по собственно эстетическим задачам), и значительно большими (по его роли во всем познании мира способом образно-обобщенного моделирования), чем у современного искусства. Поэтому его односторонняя оценка, основанная лишь на внешних критериях художественной выразительности, не может быть полной. Она передает только наше восприятие формы, а здесь «перед нами отражение гораздо более глубокого процесса» [22], стадиального подъема мышления. Вслед за автором мы наблюдаем в мезолите (на юге) и в неолите (на севере) «антропоморфизацию» творчества, превращение темы человека в его доминанту, чем обозначился один из важнейших рубежей в обогащении общественного интеллекта. Эти акты творчества, включая в них и локальные проявления, говорят о «поступательном движении искусства в целом» (стр. 231) [23]. А этот вывод с логической неизбежностью ведет нас к следующему: при сопоставлении верхнепалеолитического и следующих за ним циклов изображений исторически точнее было бы вести речь не вообще о снижении «уровня» искусства (стр. 237), а о неравномерной и противоречивой динамике в развитии разных сторон творческого сознания или, конкретнее, о переносе центра тяжести с формы, достигшей в палеолите «реалистического» совершенства при воплощении двух начальных тем (зверя и в меньшей степени женщины), на принципиально более широкое, обобщенное и отвлеченное фантастико-семантическое объяснение социальной действительности и ее решающих связей.

Этим можно было бы закончить разбор книги А. А. Формозова в намеченных нами границах. Но появившийся в печати отклик на ее главу о Кобыстане заставляет вернуться к одному из отправных для автора и, казалось бы, хорошо обоснованных положений — к его освещению отношения первобытного искусства и религии на базе глубокого синкретизма мышления той поры (стр. 8, 9 и др.). Анонимный рецензент [24] оспаривает его, сугубо вербально отстаивая «безрелигиозное отношение» к древним изображениям и существование «внешне (? — *А. С.*) совершенно без религиозных охотничьих действий — обрядов» (?). В заключении он утверждает, что «в рождении наскальных рисунков Кобыстана... не было религиозных моментов».

Это далеко не первое выступление такого рода в нашей литературе. Сравнительно недавно ряд авторов (прежде всего В. Ф. Зыбковец, а также А. А. Тудоровский и др.), как правило, далеких от детального изучения первобытных источников,

---

[21] *А. А. Формозов.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, стр. 111.

[22] *А. А. Формозов.* Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР. Вестник истории мировой культуры, 1961, № 6, стр. 108.

[23] Еще более определенно эта мысль проводится А. А. Формозовым в книге «Памятники первобытного искусства...», где он пишет: «Искусство эпохи неолита, энеолита и бронзового века на первый взгляд примитивнее палеолитического, но в действительности гораздо сложнее его» (стр. 35), «Развитие по восходящей линии налицо» (стр. 68), «Памятники III тысячелетия до н. э. отразили более высокую по сравнению с палеолитом и мезолитом стадию мышления» (стр. 69).

[24] «У истоков искусства нет религии». Изв. АН АзССР. Серия лит., языка и искусства, 1970, 1, стр. 111—112.

излагали подобные же взгляды, но уже чуть ли не в виде целой «теории», охватывающей весь мир седой древности. При этом они полагали, что голословные утверждения изначальной самостоятельности искусства и, более того, его первичности сравнительно с религией вносят в науку нечто принципиально новое и ценное, нанося существенные удары по клерикально-идеалистическим доктринам Запада.

Историографический опыт вскрывает всю глубину этого заблуждения. Такая спекулятивная точка зрения, логически неизбежно приводящая к утверждению изначально «чистой» природы искусства, восходит к абстрактно-эстетической концепции И. Канта. Она господствовала в среде археологов-«натуралистов» Запада во второй половине XIX в. и оказалась очень живучей в дальнейшем (Г. Люке и др.), сохраняя свою популярность и в наши дни. В частности, А. Брейль и многие его коллеги, при свойственных им противоречивых колебаниях, все же в конечном счете склонялись к этой («гривуазной», по выражению Ф. Бурдье [25]) позиции. «Направлением» В. Ф. Зыбкова во многом повторяются очень старые суждения Г. де Мотилье [26] без должного учета современного состояния знаний и осязаемых уроков прошлого, в частности того, как упорное игнорирование все более очевидных фактов выдающимся эволюционистом, подрывающее позиции науки в области истории «духа», умело использовалось и обыгрывалось крайними клерикалами (например, профессором Католического университета в Париже Т. Менажем [27]). Воспроизведение тех же ошибок в нашей литературе, отбрасывающее ее далеко назад, нетерпимо.

Основной вывод по этой глубоко актуальной проблеме совершенно правильно резюмирован А. А. Формозовым. Тенденциозно-схоластические утверждения «отдельности» первобытного искусства, якобы абсолютно самостоятельного и, следовательно, исключительно эстетического явления, с самого его рождения решительно противостоящего религии и даже опережающего ее на многие тысячелетия, антиисторичны: они уже привели к немалому идейному ущербу и требуют своего полного преодоления (стр. 8). Предлагаемая автором оценка первобытного сознания как слитного и еще не дифференцированного четко на отдельные формы (искусство, религию, этику и т. п.) верна и в теоретическом, и в фактическом отношении. Такой синкретизм или сплетенность были стойким следствием производства сознания в русле слабо расчлененной коллективной деятельности на ступени антропогенеза. В дальнейшем его генетически слитное ядро представляло развивающийся, подлинно диалектический комплекс. Археологические материалы позволяют наблюдать в развертывании творческого мышления проявление основных элементов диалектики (борьбу эстетического и обрядового как нарастающих противоположностей и их кристаллизацию на разных полюсах мировосприятия, раскрытие в них новых сторон и переходов, изменение содержания, преодоление старой формы и т. д.). Немало ценных свидетельств этого сложного и многообразного процесса «эмансипации искусства от религии» (стр. 9), все более приближавшего человечество к дифференцированным формам сознания, рассматривается в рецензируемой книге.

Подведем теперь краткие итоги нашему отзыву, цели которого заключались и в выделении наиболее значительных положений «социальной периодизации» А. А. Формозова, и в критическом обсуждении некоторых спорных аспектов. Эта достаточно развернутая, в чем-то даже придирчивая критика никак не снижает большую ценность книги как важного вклада в науку, впервые исследовательски представившего монументальные художественные ценности эпох камня и бронзы в СССР в виде выразительной, исторически многогранной совокупности. Ею заложена плодотворная почва для следующих опытов осмысления древних петроглифов и крупной скульптуры нашей страны как фундаментального явления прогресса сознания родового общества и вместе с тем поставлен ряд проблемных тем (о локализации зон и основных очагов творчества, обусловленности разделения областей монументального и малого искусства, конкретно-исторической роли влияний и заимствований

---

[25] *F. Bourdier.* Préhistoire de France. Paris, 1967, p. 268.

[26] *Г.* и *А. де Мортилье.* Доисторическая жизнь. СПб., 1903, стр. 273—275.

[27] *Th. Mainage.* Les religions de la préhistoire. L'âge paléolithique. Paris, 1921, p. 32, 52, 54, 60, 139, 149, 152, 153, 180—182.

и др.). Всем этим книга А. А. Формозова, уже занявшая видное место среди изданий, обращенных к широкой читательской аудитории, несомненно, активно способствует разработке истории «ископаемой» мысли на строгой базе ее материальных первосвидетельств, развитию и подъему на более высокую ступень конкретного изучения «духовного производства» первобытности.

А. Д. Столяр

Живая книга о средневековом творчестве (В. П. Даркевич. Путями средневековых мастеров. М., «Наука», 1972)

Средневековое искусство привлекает к себе интерес исследователей, читателей и зрителей грандиозностью всей системы, глубиной художественных концепций, поразительным единством макрокосма и микрокосма. Но мы нередко являемся свидетелями такого положения, что за этим «горним» миром средневекового искусства не видно его «дольнего» мира, той «низовой» («карнавальной» или «смеховой», по словам М. Бахтина [1]) культуры, без учета которой традиционные определения средневекового искусства — отвлеченность, традиционность, символичность, имперсональность и пр.— становятся сегодня уже нетерпимыми, особенно если они употребляются безоговорочно как некие аксиомы. В таком случае совестливому и непредубежденному исследователю приходится, как средневековому мастеру, «продираться сквозь путы традиций», я сказал бы, сквозь путы «вчерашних аксиом», так как перечисленные понятия, если они употребляются недифференцированно, именно таковы.

Скажем сразу: В. П. Даркевичу удалось преодолеть «психологический барьер», мешающий многим отказаться от «вчерашних аксиом» в пользу углубляющейся объективной истины. И хотя его небольшая книга посвящена произведениям прикладного искусства Западной Европы и Византии, найденным на территории СССР и хранящимся в советских музеях, т. е. материалу весьма ограниченному, но тонкое проникновение в его жизненную суть придало изложению аромат подлинности.

Сначала В. П. Даркевич излагает метод «дешифровки» средневековой семантики (глава первая), затем в двух главах (второй и третьей) воссоздает мир образности светского прикладного искусства Византии, далее анализирует средневековые «Александрию» и «Гераклеиду» (главы четвертая и пятая), главу шестую посвящает романской демонологии в ее соотношении с древнерусской и в последней главе знакомит читателя с изобразительной «куртуазией» Западной Европы.

О семантике средневекового искусства в нашей литературе написано немало, но если иметь в виду только символизм, то, кроме четкой статьи Д. С. Лихачева [2], мы указать ничего не можем, поэтому первая глава книги В. П. Даркевича — «В мире символов» — приобретает особый интерес. В этой главе впервые в нашей искусствоведческой медиевистике излагается господствующая в средние века четырехаспектная система интерпретации явлений, причем на первом месте (и у Данте, и у Фомы Аквинского!) был аспект буквальный, т. е. исторический. И хотя символический аспект (под названием аллегорического он упоминается на втором месте), конечно, играл очень большую роль, он вовсе не охватывал всей семантики, как это нам нередко преподносят.

Дифференцированный подход к средневековому символизму, несомненно, способствует более точному объяснению произведений искусства. И хотя у В. П. Даркевича встречается такая фраза, как «все вещи — только символы» (стр. 13), но, по-видимому, это не более как неумышленная дань традиции. Во всяком случае это не помешало автору сделать тонкие наблюдения в отношении несимволических форм

[1] *М. М. Бахтин.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

[2] *Д. С. Лихачев.* Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления. В сб.: «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956.

искусства. Промежуточной ступенью здесь был светский символизм, выделенный В. П. Даркевичем в особый раздел (стр. 20 сл.). Механизм светского символизма состоял в «символическом параллелизме», а это уже отлично от такого положения вещей, когда символ и означаемое им не имеют между собой ничего общего [3]. В тех же случаях, когда такая необщность все же сохраняется, автор считает возможным говорить о зарождении метафоризма. Это очень интересная, но сложная и мало разработанная проблема, ей стоило бы уделить больше внимания.

Проблема десимволизации искусства начинает властно стучаться в дверь с переходом автора к светским формам творчества. Сначала проводником десимволизации была «игра фантазии» — неизбежное следствие работы по образцам, против чего резко выступал Бернар Клервосский (стр. 24—25). Затем появляется интерес к формам природы, ценным «самим по себе» (стр. 26). Наконец, предметом интереса становится сам человек и окружающие его вещи. Так, сквозь лес символов «проглядывает пестрая жизнь Византии» (стр. 30), а также «рыцарский кодекс... куртуазии» Западной Европы (стр. 154). Обе эти обширные темы подробно рассматриваются автором на материале светского искусства. Здесь В. П. Даркевич выступил не только продолжателем известных работ А. Н. Грабара, но и оригинальным исследователем, поскольку интересы его не ограничиваются только Византией.

Существенные уточнения работа В. П. Даркевича вносит и в утвердившееся представление о спиритуализме средневекового искусства. Для него, конечно, характерен спиритуализм, но, как хорошо сказал С. С. Аверинцев, вовсе не потому, что люди того времени были какими-то спиритуалистами [4], а в силу природы ряда догматических представлений. Подчеркнем: догматических! Но ведь далеко не все сводилось к догматике. Поэтому распространять понятие спиритуализма на все искусство по меньшей мере нелогично. И В. П. Даркевичу пришлось столкнуться с этим фактом. На стр. 9—11 и 25 он отдает дань традиционной терминологии, говоря о «теологической культуре», об образах «потустороннего, идеального, духовного» мира и даже о «спиритуалистическом мировоззрении». На деле же почти все аналитические экскурсы полны заключений о реальной «посюсторонности» средневекового «образа мира». Средневековый микрокосм, подобие Вселенной, «соединяет в себе душу и плоть, небесное и земное» (стр. 15). В искусстве очень велик «интерес к земному бытию бога» (стр. 28). «Средневековое искусство — это зеркало современных ему обычаев и мод, живописная картина постоянно меняющейся цивилизации» (стр. 30). «Тысячи нитей связывали его с окружающей жизнью» (стр. 32). И это не отдельные спорадические формулировки, а заключения по анализу большого конкретного материала. Здесь как нельзя лучше подтверждается то положение, что «горний смысл» бытия средневекового человека «существовал для него не где-то отдельно от «дольнего» смысла, но внутри этого последнего («неслиянно и нераздельно»)» [5].

Как же все-таки объяснить имеющееся противоречие между старыми псевдоаксиоматическими формулировками и особенностями конкретного художественного материала? Я думаю, что причина в том, что В. П. Даркевич имеет в виду разные жанры искусства, но не во всех случаях это оговаривает. Упоминая о спиритуализме и т. п. вещах, он имеет в виду, конечно, основные догматизирующие жанры «большого искусства», заставившие Ф. Энгельса писать о «церковной догме» как «исходном пункте и основе всякого мышления» [6]. Анализы же светских жанров поэмы (стр. 52) и сравнения с музыкально-поэтическими жанрами (стр. 66) ведут к противоположным характеристикам. Рассыпанные по страницам книги определения: «реализм», «историзм», «фольклорность», «эпичность», «демократизм», «обмирщение», «буффонада», «маскарад», «метафоризм», «куртуазия» и т. п.— охватывают мощные слои художественной культуры средневековья, не говоря уже о том, что вместе

---

[3] *Гегель.* Энциклопедия философских наук, III. М., 1956, стр. 265—266.

[4] *С. С. Аверинцев.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской. «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 48.

[5] Там же, стр. 48.

[6] *Ф. Энгельс.* Юридический социализм. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 495.

взятые они ведут к готике, которую Ф. Энгельс называл «зарей» нового времени [7].

Теперь должно быть ясным, что все связанные с пресловутым спиритуализмом излюбленные искусствоведческие дефиниции средневекового искусства: «вневременность», «внепространственность», «иератичность», «фронтальность», «статичность», «симметричность» и т. п.— справедливы лишь в отношении некоторых жанров, в первую очередь догматических. Они не имеют такой же силы в отношении жанров повествовательных. Иначе путь от иконы к картине был бы закрыт.

Таким образом, говоря о средневековой «модели мира», исследователи должны учитывать большую относительность характеризующих ее категорий. В мировоззренческом плане лучше вообще говорить об «образе мира», средневековые представления о котором изложены В. П. Даркевичем без употребления модного и довольно-таки путаного термина «модель» (стр. 14 сл.).

Все сказанное подводит нас к понятию традиционализма средневекового искусства, когда-то считавшегося аксиоматичным, а теперь явно требующего пересмотра и уточнения.

Книга В. П. Даркевича начинается замечательными по свежести мысли словами: «Неодолимое стремление «изведать мира дальний кругозор» не покидало человека Средневековья. Пытливый дух исследования не могли смирить ни тяга к местной обособленности, ни боязнь враждебной и непонятной дали» (стр. 5). Следовало бы добавить: ни строгие рамки церковных догм. Правда, В. П. Даркевич не сразу расстается с традиционным понятием. На стр. 25 он как будто возводит его в общую категорию. На стр. 28 четко говорится: «Традиционализм сочетался с разработкой актуальных тем и новых стилистических приемов в духе художественных идеалов своего времени». И далее следуют картины, доказывающие это положение.

Но может быть, сказанное относится только к западноевропейскому искусству? Нет. То же самое В. П. Даркевич прослеживает и в искусстве древней Руси. Признавая, что древнерусские мастера широко пользовались иноземными моделями (здесь слово «модель» вполне уместно.— *Г. В.*), автор отмечает, что «работа по образцу никогда не ограничивалась простым копированием. Напрасно искать в романском искусстве сцены, тождественные рельефам Дмитриевского собора» (стр. 122—123). Такая же творческая активность имела место и в других областях искусства. Тем не менее понятие традиционализма все еще употребляется. Вероятно, такой традиционализм в самой науке объясняется тем, что со словом «традиция» связывается нечто внешнее. Между тем хорошо известно, что можно сохранить суть при весьма заметном изменении внешности. И наоборот: изменить суть при сохранении внешних признаков. Последний процесс и выявляется В. П. Даркевичем, когда он сравнивает западноевропейскую образность с восточнохристианской (стр. 148 сл.).

Перейдем теперь к последней из занимающих нас «вчерашних аксиом» — имперсонализму средневекового творчества. На словах В. П. Даркевич и ему отдает дань. На стр. 25 он говорит об «антииндивидуализме искусства», о «коллективной фантазии», продукты которой, «как и язык» (!) имел «сверхперсональный характер». Не говоря уже о неудачном сравнении художественной фантазии с языком, терминология эта одновременно и архаична, и... модернистична. Дело в том, что она очень распространена в так называемом «маклюэнизме» — «философском» течении, ратующем за возвращение человеческого сознания к первобытнообщинному («племенному») коллективизму [8]. При этом маклюэнисты апеллируют и к средневековому сознанию, забывая о том, что средневековье — это время создания трактатов, авторы которых были необычайно яркими личностями. Не коллективная фантазия, а замысел известных по именам мастеров лежал в основе и архитектуры, и скульптуры знаменитых соборов. Недаром средневековая архитектура гораздо менее унифицирована, нежели античная [9]. Об этом мы часто непозволительно забываем, смешивая, по-видимому, сверхперсонализм с известным объективизмом творчества, что вовсе не одно и то же. Средневековый объективизм — это категория мировоззренческая,

[7] *Ф. Энгельс.* Родина Зигфрида. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч.. т. 11, 1929, стр. 63.

[8] См. подробно: *Ю. Кагламанов.* Возвращенный рай Маршалла Маклюэна. «Иностранная литература», 1972, 1.

[9] *А. А. Тиц.* Архитектура, стандарт, красота. Киев, 1972, стр. 7.

а не психологическая, и задача исследователя состоит в том, чтобы не заслонить одного другим. Фактически мы и видим это у В. П. Даркевича. Внимательность его к авторству мастеров доходит до того, что оказывается возможным говорить об особенностях творчества «знаменитых лотарингских мастеров по металлу — Рейнера из Гюи, Годфруа де Клера и Николая Верденского» (стр. 108). Вряд ли это было бы возможно сделать при полном имперсонализме творчества. Ведь здесь уже находятся корни индивидуального художественного ремесла эпохи Возрождения.

В заключение хотелось бы высказаться о методе познания средневекового искусства вообще.

Известно, что комплексный метод здесь наиболее продуктивен [10]. В. П. Даркевич, несомненно, обогатил его привлечением к анализу многих произведений светской литературы, а также фольклора. Особенно ценны его сравнения византийского прикладного искусства с византийским фольклором, до сих пор недооцениваемым. Это позволило В. П. Даркевичу смело высказаться об элементах народности в византийском искусстве, высказаться вполне научно, т. е. с позиций современной науки, что несколько противоречит формулировке автора, заявляющего, что к искусству средневековья «нельзя подходить с мерками человека нового времени» (стр. 9). Между прочим, такие формулировки довольно распространены и у других исследователей средневековья, что, как уже отмечалось в начале нашей рецензии, не мешает приписывать культуре и искусству средних веков такие категории, которые являются продуктами современного научного мышления. Насколько, однако, это плохо? Ведь было бы более чем странным вести современное научное исследование в каких-то средневековых категориях. И вовсе не потому, что они устарели, а по той простой, но важной методологической причине, что ни об одной эпохе нельзя судить по тому, что данная эпоха, говоря словами К. Маркса, «воображала о себе» [11]. Это была бы не история, а апология. В крайнем случае мы могли бы воссоздать то, что называется «народной моделью», от которой до научной модели еще очень далеко [12]. Создание научной модели невозможно без современной науки, а современная наука включает и современную терминологию, даже современные мерки, без чего немыслим современный ученый. Так что остерегаться нужно не современных мерок, а их произвольности. Здесь гарантией историзма и должно быть такое отношение к прошлому, при котором это прошлое рассматривается как «ступени к себе» [13]. Все это в полной мере свойственно работе В. П. Даркевича, которая может служить образцом строгого, но очень живого научно-популярного изложения сложного вопроса.

Г. К. Вагнер

---

[10] *О. И. Подобедова.* Состояние и задачи науки о древнерусской живописи. «Состояние и задачи изучения древнерусского искусства». Тезисы докладов научной конференции 12 ноября 1968 г. М., 1968, стр. 8.

[11] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 49.

[12] См. подробно: *Д. Б. Зильберман.* Социальная антропология: динамика развития и перспективы. «Вопросы философии», 1971, 11, стр. 158.

[13] *Р. Вайманн.* О связи прошлого и настоящего. «Вопросы философии», 1971, 2, стр. 130.

Хроника

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1972 ГОДА

С 10 по 14 апреля 1973 г. в Самарканде проходили объединенная сессия Отделения АН СССР и Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, Пленум Института археологии АН СССР и Института археологии АН УзССР и заседал Ученый совет Института этнографии АН СССР и Института истории АН УзССР, посвященные итогам полевых археологических и этнографических работ в 1972 г. В работе сессии и Пленума приняли участие более 600 археологов и этнографов из республик Средней Азии, Закавказья, РСФСР, УССР, БССР, Молдавии и Прибалтики [1].

Объединенная сессия была открыта академиком Б. А. Рыбаковым, который подчеркнул, что сессия такого рода впервые собирается в Узбекистане, что является свидетельством больших успехов, достигнутых не только археологами и этнографами Узбекистана, но археологами и этнографами других среднеазиатских республик, где сейчас выросли кадры местных ученых, которые успешно работают над изучением древнейшего прошлого и современнной жизни народов Средней Азии. В этой области Советского Союза размещаются тысячи археологических памятников, важных для изучения древнейшего прошлого многих народов.

Со вступительным словом к участникам сессии обратился член—корреспондент АН УзССР М. Нурмухамедов. Он подчеркнул важность проведения сессии в Узбекистане — республике, где имеется обширное поле для археологических и этнографических исследований, территория которой была заселена с глубокой древности. Свидетельством внимания к изучению древнейших периодов истории республики является недавнее открытие в Самарканде — одном из древнейших городов страны — Института археологии АН УзССР.

Секретарь Самаркандского обкома КПСС М. Б. Тагаев говорил о Самарканде как о городе, в котором сосредоточено много археологических памятников разных эпох, очень важных для изучения древнейшего прошлого народов Узбекистана. Он поблагодарил московских и ленинградских археологов и этнографов за подготовку местных кадров, успешно работающих в Узбекистане в области археологии и этнографии.

На пленарных заседаниях и в секциях было прочитано свыше 200 докладов археологического содержания. Подавляющее большинство из них было опубликовано в виде тезисов [2]. Поэтому здесь нет необходимости передавать их содержание или перечислять, так как сделать это полнее в краткой заметке невозможно. Ограничимся только упоминанием тех докладов, которые по тем или иным причинам не нашли отражения в упомянутой публикации. Четыре из них были сделаны на пленарных заседаниях.

В докладе А. П. Окладникова говорилось о культурах палеолита и мезолита в Центральной Азии, которые были выявлены и частично изучены при работах Советско-Монгольской археологической экспедиции за последнее десятилетие, эти культуры ранее были практически не известны.

Ю. В. Бромлей дал характеристику понятиям этнос и культура и привел различия между этими понятиями, исходя из этнографических материалов.

А. Мухамеджанов подробно охарактеризовал разновременные разведанные и раскопанные памятники археологии на землях древнего орошения нижнего течения р. Зеравшана.

К. А. Акишев познакомил слушателей с основными результатами исследования городища Отрар в Южном Казахстане в 1971—1972 гг. Работы здесь ведутся на

[1] В информации освещается археологическая часть сессии.

[2] Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых и археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.

больших площадях, были исследованы крупные жилые комплексы и собрана большая коллекция находок преимущественно времени позднего средневековья. Раскопки этого городища позволили изучить топографию города и ремесленную специализацию его кварталов.

Во время сессии у археологов работали секции теории и методики археологии, каменного века, неолита и бронзового века, раннего железного века, античной археологии, среднеазиатской археологии, средневековой археологии СССР (с подсекциями) и нумизматики.

На секции теории и методики археологии, кроме опубликованных, прочитаны доклады В. Ф. Генингом и В. Д. Викторовой «О предмете археологии». П. М. Долуханов рассказал об экосоциальных и социо-культурных системах в первобытности и дал классификацию этих систем. О. Лордкипанидзе дал структурный анализ археологии. О номенклатуре кремневых изделий мезонеолитической эпохи юга Европейской части СССР шла речь в сообщении Д. Я. Телегина. О принципах описания изменчивости керамики говорилось в сообщении Б. И. Маршака. Методике исследования метрологии античного Херсонеса было посвящено сообщение Г. М. Николаенко. В. А. Лыугас рассказал о модернизации планирования и методики археологических исследований в Эстонии. Проблемам сохранения дерева в полевых условиях было посвящено сообщение Е. И. Захариевой.

На секции каменного века было прочитано 17 докладов и сообщений. Б. Н. Гладилин попытался уточнить понятие «техника леваллуа», широко распространенное в палеолитической терминологии; В. Т. Петрин рассказал о первых находках палеолита в равнинной части Зауралья; Р. С. Васильевский характеризовал комплекс каменных орудий, найденных на поселении Инчин на о. Сахалин; об исследовании памятников глазковского типа на Ольхоне доложил А. К. Конопатский. Новые данные о петроглифах Онежского озера были приведены в сообщении Ю. А. Савватеева. О поездке по Японии с макетом палеолитического жилища рассказал И. Г. Шовкопляс. Ю. П. Холшкин рассказал о результатах статистического изучения материала с поселения Сазагана I. А. Е. Матюхин поделился результатами опытов по изготовлению галечных орудий. Интересные сведения были приведены Г. В. Шацким о переходе от охоты к животноводству на основании данных петроглифов.

На секции неолита и бронзы было прочитано 25 докладов. Т. Г. Мовша характеризовала раннетрипольский слой на поселении Жванец. И. К. Свешников говорил о проблемах происхождения комаровской культуры. Э. А. Балагури доложил о взаимосвязях населения Верхнего Потисья с Центральной и Восточной Европой в конце II тысячелетия до н. э. А. В. Найденко рассказал о раскопках курганов эпохи бронзы в долине р. Томузловки. М. Р. Полесских рассказывал о результатах изучения Алферьевского местонахождения эпохи бронзы, расположенного в Пензенской области. Н. Н. Бондарь говорила о раскопках поселений среднеднепровской культуры в районе г. Киева, М. А. Дэвлет дала подробную характеристику стелы окуневского типа, происходящей из Северо-Восточной Тувы. Е. Е. Кузьмина дала общую характеристику колесного транспорта в Средней Азии в эпоху бронзы. В. Алиев познакомил слушателей с результатами археологических исследований поселений эпохи бронзы на территории Нахичеванской АССР. О. М. Джапаридзе, Я. А. Киквидзе, Г. В. Авалишвили доложили о результатах работ Месхет-Джавахетской экспедиции в 1972 г. Г. Е. Ерешян, К. К. Кафадарьян познакомили участников секции с итогами раскопок Мохраблура в 1972 г. М. Г. Гаджиев попытался дать культурную интерпретацию памятников эпохи средней бронзы горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни. К. Н. Пицхелаури доложил о работах Кахетской археологической экспедиции в 1972 г., а Э. В. Ханзадян рассказала о продолжении работ в Джараовите. И. М. Мизиев привел находки новых комплексов майкопской культуры, выявленные за последние годы. О. С. Хикиян рассказал о разведочных раскопках в Кафанском районе в 1970—1971 гг.

На секции раннего железного века было прочитано 13 докладов и сообщений. В своем выступлении А. И. Тереножкин предложил классификацию киммерийских мечей и кинжалов; В. А. Могильников доложил о результатах работ Алейской экспедиции. Об археологических работах на Краснодарском водохранилище шла речь в сообщении Н. В. Анфимова, А. Х. Пшеничнюк рассказал о раскопках сарматских курганов в Башкирском Приуралье.

На секции среднеазиатской археологии было прочитано 60 докладов и сообщений.

В. Н. Ягодин и Е. Б. Биджанов поделились опытом палеодемографического изучения Миздахана. Т. П. Кипяткова познакомила слушателей с результатами изучения палеантропологических материалов из раскопок в Южной Туркмении и Таджикистане. В. И. Спришевский рассказал о раскопках Киндык-Тепе (I в н. э.— XIV в.) в Ташкентской области. З. А. Хакимов рассказал об археологических разведках, проведенных им в Северном Афганистане. С. П. Поляков познакомил слушателей с раскопками средневекового могильника Пушинг на юге Таджикистана в 1972 г. Н. Г. Галочкина доложила о раскопках могильника эпохи бронзы Джазы-Кечу. Н. О. Турсунов привел данные по историко-этнографическому изуче-

нию городов и ремесел Северного Таджикистана. Ю. А. Раппопорт прочел сообщение «Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах».

Б. Я. Ставиский подвел некоторые итоги раскопок Кара-Тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза в 1961—1972 гг. Е. Атагарыев и Н. С. Бяшимова привели этнографические параллели средневековым архитектурным орнаментам. А. И. Билалов рассказал о методике изучения памятников ирригации в горных районах Таджикистана. Об изучении мадраса Северного Таджикистана прочел свое сообщение А. Мирбабаев. Б. И. Вайнберг и В. А. Шнирельман доложили о раскопках могильника Тумен-Кичиджик в Северной Туркмении. Интересен был доклад Л. Л. Гуревич об опыте системного исследования городского пространства (на материале древнего Пенджикента). Сообщение О. А. Сухаревой называлось «К вопросу о развитии городской границы Самарканда в XIX в.».

На секции античной археологии было заслушано и обсуждено 10 сообщений. М. М. Кубланов познакомил слушателей с новыми памятниками некрополя Илурата. О. Д. Лордкипанидзе рассказал о новых раскопках на городище античного времени Вани в 1972 г. Ф. Л. Османов и Ф. А. Ибрагимов познакомили собравшихся с работами Нозинского отряда в 1972 г. Терракотам Артышата и Армавира посвятил свое выступление Ф. И. Тер-Мартиросов. Н. П. Грач доложила о работах Нимфейской экспедиции.

На секции средневековой археологии было прочитано 14 докладов.

Е. А. Шмидт говорил о раннесредневековых памятниках в верховьях Днепра. И. Р. Могитич и А. А. Ратич рассказали об исследовании церкви в летописном г. Звенигороде на р. Белке. О новых раскопках славянских памятников в зоне мелиоративных работ в Закарпатской области рассказал Э. А. Балагури. Интересные факты были приведены в сообщении И. К. Лабутиной «Раскопки последних лет в старой части посада Пскова». С. А. Изюмова познакомила слушателей с кладами раннеславянского времени, найденными при раскопках городища Супруты в Тульской области. В сообщении Е. Н. Симоновой шла речь об аварских памятниках области Шомодь в Венгрии. В. В. Кропоткину удалось проследить следы караванных путей в Восточной Европе, для чего были использованы письменные источники и остеологические материалы. Сообщение Л. Д. Поболя было посвящено в основном проекту музеефикации остатков древнерусских деревянных построек, обнаруженных за последние годы при раскопках Берестья (г. Брест). Ю. А. Селиранд говорил о находках наконечников копий на территории Эстонии, изготовленных из дамасской стали. Э. Мугуревич дал типологию крестов и крестовидных подвесок, найденных на территории Латвии.

Большой интерес вызвало сообщение А. К. Амброза «О ранней истории твердого седла, стремян и сабли (IV—VIII вв.)». В. Ф. Каховский рассказал об археологических раскопках в г. Чебоксары. И. М. Петербургский представил свои соображения о металлургии и металлообработке у мордвы в первой половине II тысячелетия н. э. В. А. Семенов прочел сообщение «К вопросу о надмогильных сооружениях у древнеудмуртского населения (по материалам Варнинского могильника)». Г. А. Архипов познакомил слушателей с исследованиями Уржумкинского могильника азелинской культуры. П. Н. Старостин рассказал об изучении памятников Нижнего Прикамья середины I тысячелетия н. э. в 1972 г. Н. А. Мажитов рассказал о раскопках раннесредневековых курганов на Южном Урале. А. Г. Мухамадиев доложил об исследовании двойного дома на Водянском городище. А. А. Кравченко и И. Б. Клестрял прочли сообщение «Золотоордынский Белгород». Д. Г. Савинков привел новые данные о культуре древнетюркского времени Горного Алтая. Ю. И. Трифонов рассказал об этнической принадлежности погребений с конем в Средней Азии и Южной Сибири тюркских каганатов (VI—VIII вв.).

Н. Л. Членова прочла сообщение «Культура карасукского типа в Западной Сибири и Восточном Казахстане». Ж. В. Андреева и Э. В. Шавкунов рассказали о тюркском пласте на памятниках I тысячелетия н. э. в Приморье и Приамурье. Б. Б. Овчинникова доложила о памятниках второй половины I тысячелетия н. э. в Туве.

Серия сообщений была посвящена средневековой археологии Закавказья. Р. М. Ваидов доложил результаты исследования христианского храма на горе Килисадаг в Азербайджане. Г. М. Ахмедов привел некоторые среднеазиатские параллели материальной культуре города Байлакана. Г. С. Исмаилов, О. А. Даниелян, Г. М. Асланов рассказали об археологических исследованиях в междуречье рек Геручой и Кенделчой в 1972 г. Л. А. Шервашидзе говорил об исследованиях Гумистинской крепости. В. В. Джапаридзе познакомил слушателей с археологическими памятниками раннехристианского времени из Квемо Картли (Южная Грузия). Г. А. Джидди привел среднеазиатские параллели штампованной средневековой керамики из Шемахи. Ф. Л. Османов рассказал о раскопках поселения Нюди в Ахсуинском районе. В. Г. Алиев познакомил слушателей с последними археологическими исследованиями на территории Нахичеванской АССР.

На секции нумизматики было заслушано и обсуждено 8 сообщений. А. М. Раджабли привел новые нумизматические факты о взаимоотношениях Ширваншахов, Кара-Каюнлу и Тимуридов в первой половине XV в. Г. В. Саркисян представил слушателям неизданную бронзовую монету армянского царя Артавазда IV в.

Ш. Пидаев рассказал о монете ал Рашида из Афрасиаба. М. Исхаков привел кайрак с двумя эпитафиями из Самарканда. Б. Д. Кочнев познакомил слушателей с нумизматическими новинками из Бухары. С. Ишанханов рассказал о находке в г. Ташкенте клада аштарханидских монет, а В. И. Пилипко говорил о составе двух кладов парфянских монет, найденных недавно в Мервском оазисе.

Археологическая сессия в Самарканде подвела итоги работ по изучению древнейшего прошлого народов, живущих на территории Средней Азии, и наметила планы дальнейших археологических исследований.

Р. Л. Розенфельдт

III ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 6 по 9 декабря 1972 г. в Москве проходила III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии. Центральной проблемой всей конференции была проблема происхождения и формирования скифского искусства (скифо-сибирский «звериный» стиль). В конференции приняли участие около 150 ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Запорожья, Томска, Иркутска, Кызыла, Тбилиси, Ашхабада и Фрунзе. На заседаниях присутствовали сотрудники Института народов Азии и Африки АН СССР, Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного Исторического музея, Музея восточных культур, студенты Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. На конференции было заслушано 36 докладов по частным и общим вопросам истории искусств народов Евразии раннего железного века, преимущественно кочевников.

Конференция открылась вступительным словом директора Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбакова. Коснувшись в своем выступлении наиболее актуальных вопросов скифо-сарматской археологии, Б. А. Рыбаков пожелал участникам успеха в предстоящей работе и предоставил слово основному докладчику д-ру истор. наук В. А. Ильинской (Киев).

Доклад В. А. Ильинской «Современное состояние проблемы о скифском зверином стиле» подробно и объективно осветил историю вопроса и многочисленные, иногда взаимоисключающие точки зрения на происхождение скифо-сибирского звериного стиля на современном этапе его изучения. Особо докладчик остановилась на последних достижениях в разработке интересующей проблемы, в первую очередь на вопросах генезиса и локальных группах скифского искусства. В настоящее время, как полагает В. А. Ильинская, можно довольно твердо констатировать, что основные особенности древнейшего скифского искусства проявляются на широкой территории в единстве определенных изобразительных мотивов (олень, орел, хищник кошачьей породы, голова и копыто коня). В то же время в каждом конкретном регионе этим общим мотивам сопутствуют сугубо местные изображения (грифоно-баран — в Причерноморье; вепрь и горный козел в Казахстане и Сибири; лось, волк и медведь в северных областях). Именно углубленное изучение локальных групп в скифо-сибирском зверином стиле является, по мнению докладчиков, одной из насущных задач на ближайшие годы. Наряду с этим по-прежнему актуальными остаются вопросы, связанные с выяснением исходных форм и различных вариантов звериных образов, определение связей и культурных заимствований, а также установление общих закономерностей в развитии скифского искусства.

Основной доклад на первом заседании органически дополняли следующие четыре доклада, посвященные общим вопросам, акцентировавшим внимание на истоках скифо-сибирского звериного стиля. Доклад В. Б. Блэк (Ленинград) «К вопросу об истоках скифо-савроматского звериного стиля» заострил внимание присутствующих на ряде изобразительных мотивов и композиционных приемах в скифском искусстве, близко сопоставимых и скорее всего восходящих к искусству хеттохурритского круга. О переднеазиатских истоках скифского звериного стиля высказался в своем докладе «Звериный стиль и Западный Иран» Э. А. Грантовский (Москва). Следующий доклад А. Н. Тереножкина (Киев) «Позднекиммерийский орнамент», более широкий по содержанию, чем это может показаться по названию, был посвящен анализу киммерийского, предскифского искусства Европы. Сопоставление его с древнейшими образцами искусства из собственно скифских памятников привело А. И. Тереножкина к убеждению, что звериный стиль скифской культуры архаической поры представляет собой западную ветвь скифо-сибирского звериного стиля VII—VI вв. до н. э. и его истоки следует искать не в передневосточных областях, а на востоке Евразии.

Доклад К. Ф. Смирнова (Москва) «Савромато-сарматский звериный стиль» был посвящен характеристике и особенностям звериного стиля савроматов и сарматов и его взаимоотношению со скифо-сибирским звериным стилем. По мнению докладчика, стиль искусства савроматов, являясь поволжско-уральским вариантом скифо-сибирского звериного стиля Евразии, на довольно раннем этапе, уже в VI в. до н. э. получил самостоятельную линию развития и приобрел своеобразные черты в изоб-

ражениях. Стиль сарматов более позднего времени генетически восходит к савроматскому.

Значительное место (12 докладов) в тематике конференции занимали доклады, посвященные локальным проявлениям скифо-сибирского звериного стиля в разных этнокультурных зонах Евразии. С большим вниманием был прослушан доклад А. И. Шкурко (Москва) «О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии». По мнению выступавших в прениях, ему «удалось нащупать новое, особенно плодотворное направление в исследовании скифского звериного стиля и удалось убедительно показать наличие определенных центров стилистических особенностей в выполнении той или иной территориальной группы предметов» (В. А. Ильинская). С неменьшим интересом были прослушаны и другие доклады по этой теме. П. Д. Либеров (Москва) зачитал доклад «Локальные особенности звериного стиля у населения Среднего Дона». В. Б. Виноградов (Грозный) в своем докладе «К выделению предкавказского варианта в скифо-сибирском зверином стиле» остановился на особенностях звериного стиля в Предкавказье; О. М. Давудов (Махачкала) в докладе «Звериный стиль в искусстве Дагестана эпохи раннего железа и роль скифов в его формировании» остановился на взаимоотношении искусства аборигенов Северо-Восточного Кавказа и ираноязычных кочевников середины I тысячелетия до н. э. Интересны были также доклады А. Д. Грача (Ленинград) «Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей». И. Кожомбердыева (Фрунзе) «Памятники сакского звериного стиля на территории Киргизии», М. Н. Грязнова (Ленинград) «Этнические вариации скифо-сибирского стиля в Саяно-Алтае», Л. М. Плетневой (Томск) «Звериный стиль в среднем Приобье», А. И. Мелюковой (Москва) «К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства звериного стиля», О. А. Вишневской (Москва) «Звериный стиль в искусстве ранних саков Приаралья», Н. А. Онайко (Москва) «Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья».

Ряд докладов конференции был посвящен частным вопросам (трактовка отдельных образов скифо-савроматского стиля, сообщение о новых находках предметов звериного стиля, уточнение датировок и семантика некоторых мотивов). Таковы доклады В. И. Бидзили (Киев) «Предметы скифского звериного стиля из кургана Гайманова могила», Б. А. Шрамко (Харьков) «Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля», Е. А. Петровской (Киев) «Предметы ранне-скифского звериного стиля из памятников киевской группы», А. К. Абетекова (Фрунзе) «Некоторые результаты изучения находок скифо-сибирского звериного стиля в Киргизии», Б. В. Техова (Цхинвали) «О некоторых предметах скифского звериного стиля на памятниках южного склона Главного Кавказского хребта», Э. В. Яковенко (Киев) «Предметы звериного стиля в ранне-скифских памятниках Крыма», Л. Я. Маловицкой (Ленинград) «Образ фантастического хищника в сарматском зверином стиле», Е. К. Максимова (Саратов) «Последние находки савроматского звериного стиля», М. А. Дэвлет (Москва) «О происхождении минусинских поясных прямоугольных ажурных пряжек», А. П. Манцевич (Ленинград) «Новая находка из Запорожья и ее отношение к сибирской коллекции Кунсткамеры», Л. С. Клейн (Ленинград) «Иконография тарандра в произведениях скифо-сибирского искусства», С. С. Сорокина (Ленинград) «Симметрия в искусстве ранних кочевников Азии», Б. А. Литвинского (Москва) «О семантике двух изобразительных мотивов памирского звериного стиля».

Особо следует отметить доклад А. М. Хазанова и А. И. Шкурко (Москва) «Социальные и религиозные основы скифского искусства». Основанный на глубоком использовании археологических и историко-лингвистических данных, он вызвал большой интерес присутствующих своей актуальностью и смелостью постановки вопроса. По мнению докладчиков, духовной жизни любого варварского общества, в том числе и скифов, свойствен синкретизм. В связи с этим скифский звериный стиль представляется ими «как нерасчлененное единство художественно-эстетического, социального и религиозного моментов».

Последнее заседание III Всесоюзной конференции было посвящено теме наследия скифо-сарматского звериного стиля в искусстве последующих народов Евразии. С докладами по этой теме выступили Г. К. Вагнер (Москва) «О судьбах скифо-сарматского звериного стиля в искусстве Древней Руси», Л. А. Лелекова (Москва) «Наследие звериного стиля в искусстве средневековья Тянь-Шаня».

Отличительной чертой прошедшей конференции явилось оживление и активное обсуждение не только вопросов, поднятых в основных докладах, но и ряда проблем, не затронутых в них. Можно без преувеличения сказать, что в прениях в рабочем порядке было высказано не меньше плодотворных мыслей, чем в заранее запланированных сообщениях. Они, несомненно, послужат дальнейшему развитию не только узкой, специально поставленной для обсуждения проблемы, но и скифологии и сарматологии в целом.

В прениях по докладам выступили более 20 человек. Особенно оживленная дискуссия возникла вокруг материалов из кургана Аржан, о котором рассказал в своем докладе М. П. Грязнов. Выявились разные точки зрения как на дату кургана, так и на генезис предметов звериного стиля, найденных в нем, особенно бляхи в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. В связи с этим возникла дискус-

сия вообще о месте и времени появления наиболее ранних предметов скифо-сибирского звериного стиля.

В вопросе о первоначальном появлении элементов скифо-сибирского звериного стиля господствовали две точки зрения: центрально-азиатская (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, С. С. Сорокин) и переднеазиатская (Э. А. Грантовский, Б. А. Литвинский и др.). О роли греческого искусства в искусстве звериного стиля напомнила в своем выступлении Н. А. Онайко.

Всеобщее одобрение получила выдвинутая С. С. Сорокиным формулировка, в которой предлагалось говорить не о происхождении звериного стиля, а о его формировании, т. е. рассматривать это явление в древнем искусстве не как нечто появившееся внезапно в уже завершенном виде, а как динамичный неоднозначный процесс, в котором могли участвовать самые различные факторы.

Новый аспект в рассмотрении сцен терзания в скифском зверином стиле был предложен Г. А. Федоровым-Давыдовым. По его мнению, в ряде случаев имели место не сцены терзания, а показ одного и того же животного, но с разных точек зрения. Именно в этом особом стилистическом приеме, дающем всестороннее представление о вещи, полагает Г. А. Федоров-Давыдов, кроется разгадка фантастических и совершенно нереальных образов скифо-савроматского стиля. В таком случае никакой смысловой нагрузки эти сцены не несут. Гипотеза Г. А. Федорова-Давыдова не получила одобрения у большинства.

В выступлении Д. Б. Шелова, напротив, указывалось на огромную важность разработки семантических связей и смыслового развития скифо-сибирского и скифо-сарматского стиля. Как полагает Д. Б. Шелов, ему следует уделять гораздо большее внимание, чем это имело место на конференции.

В заключительных выступлениях А. И. Тереножкина, Б. А. Шрамко, Д. Б. Шелова, Д. С. Раевского, С. С. Черникова, Л. А. Лелекова и других высказано удовлетворение по поводу основных вопросов, поднятых на конференции. Участниками высказан ряд пожеланий на будущее.

Конференция почтила минутой молчания память археологов М. И. Артамонова и И. В. Синицына.

Завершающим моментом конференции явилось принятие резолюции, в которой было определено дальнейшее направление работы в области скифо-сарматского искусства. В резолюции указывалось, что в дальнейшем следует обратить особое внимание на возможность установления связей отдельных локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля с определенными этническими группами древнего населения СССР. Кроме того, подчеркивалась необходимость глубокого изучения и выявления всех компонентов, способствовавших формированию и развитию скифо-сибирского прикладного искусства, а также необходимость уточнения хронологии наиболее ранних произведений звериного стиля и более глубокого исследования семантики изображений.

Опыт прошедшей конференции показал, что форма регионального совещания по определенной проблеме является эффективной и плодотворной формой. Доклады, прочитанные на конференции, будут опубликованы в подготовленном к печати специальном сборнике.

В. И. Козенкова

III «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

В Грозном с 15 по 17 марта 1973 г. состоялись III «Крупновские чтения» — традиционная конференция-мемориал в честь скончавшегося в 1970 г. выдающегося археолога-кавказоведа, лауреата Ленинской премии, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова. В 1971 г. I «Крупновские чтения», в которых приняли участи шесть археологов, состоялись в г. Орджоникидзе. В 1972 г. мемориал проходил в г. Нальчике с участием 11 кавказоведов.

Ныне инициатором проведения очередных III «Крупновских чтений» выступил сектор археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР, на расширенных заседаниях которого 15—16 марта и было заслушано и обсуждено 20 докладов и сообщений, посвященных новым открытиям и материалам в изучении археологии Северного Кавказа [1].

Конференцию открыл директор института С. А. Сангариев. Председательствующий М. Б. Мужухоев, ознакомив участников мемориала с предстоящей работой, предоставил слово С. Ц. Умарову (Грозный), который выступил с докладом «О назревших задачах археологического изучения Чечено-Ингушетии». Высоко оценив результаты предшествовавших работ, и особенно деятельность коллектива Северокавказской археологической экспедиции, бессменно возглавлявшейся Е. И. Круп-

[1] Изданы программа III «Крупновских чтений» и сборник «Тезисы докладов и сообщений III „Крупновских чтений"» (Грозный, 1973).

новым, автор указал на недостаточность изученности каменного и бронзового веков, сарматской эпохи, раннего и позднего средневековья на территории республики.

О новых раскопках курганных групп в окрестностях с. Шалушка (Кабардино-Балкарская АССР) доложил И. М. Мизиев (Нальчик). Среди богатых разновременных материалов особенно интересны погребения новосвободненского типа майкопской культуры. Они значительно расширяют представления о майкопских памятниках на равнинах, прилегающих к Центральному Кавказу.

А. Л. Нечитайло (Киев) рассмотрела в докладе яркие погребальные памятники Верхнего Прикубанья XVI—XIV вв. до н. э., которые выделены ею в особый верхнекубанский вариант предкавказской культуры. В сложении его автор четко прослеживает два ведущих компонента: пришлый с севера волго-манычский (основной) и местный северокавказский.

Сообщение М. Х. Ошаева (Грозный) содержало описание и предварительный анализ нескольких захоронений конца II — начала I тысячелетия до н. э., раскопанных им у с. Бачи-Юрт. Автор интерпретировал могильник как относящийся к каякентско-харачоевской культуре.

С. Л. Дударев (Грозный) сообщил о результатах своей работы по типологизации, хронологическому сопоставлению и определению происхождения разновидностей бронзовых кинжальных клинков из памятников начала I тысячелетия до н. э. на территории Чечено-Ингушетии (материалы раскопок В. И. Козенковой и В. И. Марковина).

Сводку всех известных сегодня кинжалов VIII—VII вв. до н. э. с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе дал в своем докладе В. Б. Виноградов (Грозный). Автор попытался определить их место среди прочих аналогичных кинжалов Восточной Европы. Не отрицая вероятности того, что мечи и кинжалы с «крестовидной рукоятью» сложились в культуре киммерийских племен (А. И. Тереножкин), В. Б. Виноградов выделил локальные особенности северокавказской коллекции этого вида оружия.

Общий интерес вызвал доклад Н. В. Анфимова (Краснодар) «Религиозные верования меотов». В нем обобщен огромный археологический материал, добытый автором за долгие годы раскопок и изучения могильников, поселений и городищ меотов Прикубанья. Особенно значительны и хорошо обоснованы суждения о местных аграрных культах у отдаленных предков современных адыгов, об аборигенном «кавказском» характере их происхождения.

Выразительный комплекс находок из разрушенного погребения на р. Уруп продемонстрировал М. И. Ложкин (Краснодарский край). Тип бронзовых фибул позволил автору датировать комплекс IV—III вв. до н. э. и предположить его генетическую связь с памятниками прикубанской культуры конца бронзового — начала железного века.

Доклад Б. М. Керефова (Нальчик) «Об этническом составе населения центральных районов Северного Кавказа (III в. до н. э.— IV в. н. э.)» был построен на суммировании хотя и не очень большого, но весьма существенного археологического материала. Автор уточнил датировки некоторых погребальных комплексов из Северной Осетии. Он акцентировал местный (кобанский) характер культуры коренного населения предгорий и гор Центрального Кавказа, подчеркнул, что в горных районах вплоть до IV в. нет никаких существенных данных об оседании здесь ираноязычных народностей.

К исследованию клинков с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа возвратило присутствующих сообщение В. А. Петренко (Грозный). Автор не согласился с точкой зрения об их исконно местном характере и генезисе. Сопоставляя центральнокавказские находки с сарматскими «прохоровскими» мечами и кинжалами, автор склоняется к признанию их сходства и хронологической преемственности.

С докладом «О принципах хронологии погребений раннесредневекового могильника „Мокрая балка" близ города Кисловодска» выступил Г. Е. Афанасьев (Пятигорск). Большое разнообразие погребального инвентаря, полученного при раскопках более 150 аланских катакомб, позволило автору положить в основу хронологии погребений могильника в Мокрой балке корреляцию различных категорий вещей и монетных находок. Таким образом, возможная выработка хронологической шкалы предметов, по мнению докладчика, будет иметь важное значение для исследуемого и других районов Северного Кавказа.

Сообщение А. П. Рунича (Пятигорск) познакомило участников конференции с результатами раскопок пяти катакомбных могильников в Кисловодской котловине. Все они по выявленному инвентарю были автором датированы IV—V вв.

Х. М. Мамаев (Грозный) сообщил о катакомбном могильнике у селения Аллерой, частично исследованном отрядом В. Б. Виноградова. На основании аналогий погребального обряда и инвентаря считается возможным определение этнического лица погребенных как ираноязычных алан; сам могильник датируется V—VII вв.

Выступление М. Х. Багаева (Грозный) было посвящено результатам археологических разведок в горной Чечне. Автор остановился на открытом грунтовом могильнике окраины с. Аллерой и каменных гробницах вблизи с. Элистанжи. Эти погребальные памятники соответственно датированы VII и VIII—IX вв.

М. Б. Мужухоев (Грозный) в своем докладе «О хронологии культовых памятников Ингушетии» попытался, во-первых, обосновать тезис о предшествовании известным в крае христианским храмам XII—XIII вв. некоторых из числа дошедших до нас языческих святилищ. Во-вторых, автор предложил позднесредневековым памятникам языческого культа (типы и виды) возможную дату построения и функционирования.

На некоторых особенностях осетинского погребального обряда в период позднего средневековья остановился в своем докладе В. Х. Тменов (Орджоникидзе). Он подробно рассмотрел различные стороны погребального обряда осетин (похоронная и послепохоронная обрядность), предпринял попытку проследить возможные истоки некоторых из них.

Доклад Х. А. Хизриева (Грозный) был посвящен выяснению происхождения этнонима «чечен» и борьбе чеченцев в XIII—XIV вв. против монголо-татарских завоевателей.

О результатах своей работы по сбору петроглифического материала в 1970 г. сообщил И. Д. Магомадов (Грозный). В Шаро-Аргунском ущелье им было зарегистрировано более 60 каменных блоков с петроглифами. Тематически выявленные изображения на камнях общества Шарой автором были разбиты на ряд групп.

Мавзолей Борга-Каш и «Брагунский вопрос» — тема сообщения Р. А. Даутовой (Грозный). Данный архитектурный памятник широко известен. Автор считает возможным видеть причину сооружения мавзолея Борга-Каш в миграции тюркоязычных брагунцев в конце XIV в. из района Пятигорья на территорию плоскостной Чечено-Ингушетии.

Т. С. Магомадова выступила с сообщением о городище Джиби-Гала (горная Чечня), открытого и предварительно обследованного отрядом В. Б. Виноградова. Выдвинута гипотеза о возможной принадлежности городища, датируемого по фольклорной информации первой половиной XVI в., пришлому в местную этническую среду населению.

По ряду причин некоторые археологи не смогли принять участие в работе «чтений». Краткое содержание их докладов (В. И. Марковин «К вопросу о возникновении средневековых склепов у народов Северного Кавказа»; В. И. Козенкова «К проблеме локальных вариантов кобанской культуры», Б. В. Техов «О предметах мелкообъемной пластики эпохи поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа», Э. В. Ртвеладзе «К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа») опубликовано в сборнике тезисов.

Участники III «Крупновских чтений» совершили выезд-экскурсию в Джераховское ущелье (Чечено-Ингушская АССР), где ознакомились с памятниками местной средневековой архитектуры, с изучения которой начал свой путь в археологическом кавказоведении Е. И. Крупнов.

Очередные «Крупновские чтения» в связи с семидесятилетием со дня рождения ученого (1974 г.) решено провести в г. Моздоке — родине Евгения Игнатьевича Крупнова.

В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев

IV РЕГИОНАЛЬНАЯ УРАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ-АРХЕОЛОГОВ

С 29 февраля по 3 марта 1972 г. в Уральском пединституте была проведена IV региональная студенческая археологическая конференция.

Решение III региональной конференции в Уфе провести очередную конференцию в Уральске было неслучайным. За четыре последних года студенты-историки нашего института провели большое количество раскопок, составили карту археологических памятников Западного Казахстана. Раскопки позволили ввести в научный оборот новые интересные археологические материалы, которые расширяют наши представления об очень важной, но чрезвычайно мало исследованной территории.

Оргкомитет института пригласил студентов из вузов Казахстана и Российской Федерации. С научными докладами выступили студенты Свердловского, Пермского, Башкирского, Саратовского, Куйбышевского университетов; Челябинского, Новосибирского, Курганского, Оренбургского, Петропавловского, Кустанайского, Гурьевского, Уральского пединститутов. К конференции были отпечатаны присланные докладчиками тезисы. В проведенной конференции участвовали С. С. Черников, М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг и преподаватели археологии Курганского пединститута (Т. М. Потемкина), Петропавловского (С. Я. Зданович), Гурьевского (Л. И. Мидельский) и др.

На IV Уральской студенческой археологической конференции работали три секции: каменного и бронзового веков, эпохи железа — средневековья и античности. Особенно активно проходили заседания секции каменного и бронзового веков.

Программа конференции включала 44 научных доклада. Участники ее смогли принять участие в обсуждении докладов и познакомиться с характером археологических исследований в других вузах. В порядке иллюстрации можно указать не-

которые доклады, представляющие определенный интерес. Это, например, выступления студентов Саратовского университета, посвященные изучению эпохи бронзы в степях Нижнего Поволжья, в которых авторы на основании статистического анализа с учетом существующих в современной науке мнений пришли к выводу о необходимости пересмотра времени формирования патриархата на данной территории. Постановка проблемы перехода от матриархата к патриархату в данном аспекте, не в эпоху развитой бронзы, а несколько раньше, вполне правомерна. Итоги обсуждения данной проблемы показали, что по научной обоснованности и проведенным материалам она выходит за рамки студенческих исследований и свидетельствует о научной зрелости авторов.

Большой интерес вызвали доклады студентов Башкирского университета, посвященные выяснению границ распространения памятников андроновской культуры в Среднем Поволжье.

Среди части исследователей бытует мнение, что памятники бронзового века не имеют оборонительных сооружений. В результате систематических исследований последних лет на территории Северного Казахстана (раскопки Г. Б. Зданович и С. Я. Зданович) были впервые обнаружены поселения эпохи бронзы (середина II тысячелетия до н. э.,), имевшие оборонительные сооружения в виде рва, укрепленного внутренним и внешним валами. В докладах студентов-гостей (Петропавловский пединститут) обстоятельно рассказано об этих уникальных для Северного Казахстана открытиях.

Большое внимание, как и на предыдущих конференциях уральских студентов-археологов, было уделено савромато-сарматской проблеме. Здесь следует отметить доклады Т. Данченко (Оренбург) «Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника по раскопкам 1971 года», Т. Нещеретной (Кустанай) «Савроматские погребения кургана № 3 из могильника Перелески на реке Тобол» и, наконец, доклад студента Уральского пединститута Б. Железчикова «Классификация сарматских памятников Уральской области». Все эти доклады свидетельствуют о неослабевающем интересе к проблемам сарматской археологии.

Уральская региональная конференция — большое событие для студентов-археологов, будущих исследователей. На двух пленарных заседаниях приняли участие более 500 человек, а в обсуждении докладов 77 студентов и преподавателей. Докладчикам было задано 224 вопроса.

Среди участников конференции были работники отделов культуры, музеев, туристических станций, учащиеся старших классов школ г. Уральска.

Для участников конференции были организованы две экскурсии по памятным историческим местам Уральска, по местам революционной славы Уральской области.

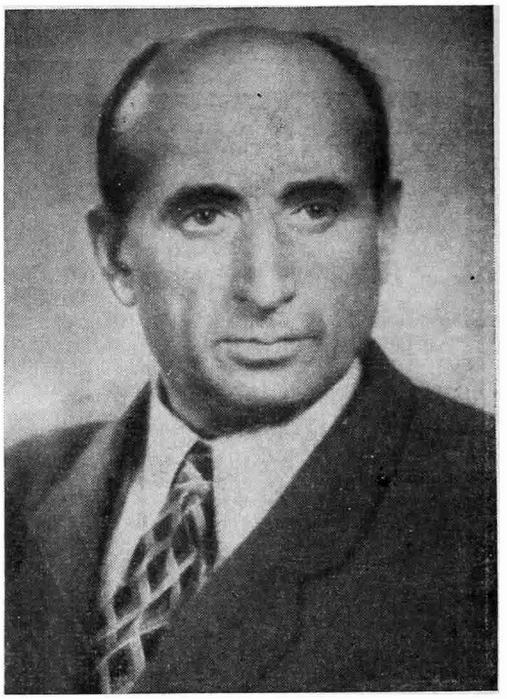
Конференция проходила, как отметили научные руководители секций, на высоком научно-теоретическом уровне. Абсолютное большинство докладов имели высокий научный уровень, были хорошо иллюстрированы фотоснимками, рисунками, чертежами и археологическими находками. Подобные конференции студентов являются неотъемлемой составной частью учебного процесса, а их исследования могут рассматриваться как посильный вклад в археологическую науку.

Научные сотрудники и студенты Уральского пединститута, как и в прошлые годы, проводили большие раскопки и в 1972 г. с учетом требований, предъявляемых современной археологической наукой. Студенты нашего института, располагая данными археологической разведки области в 1971 г., в настоящее время ведут стационарные раскопки основных памятников области — курганных могильников. Накапливающийся при этом фактический археологический материал будет способствовать решению спорных вопросов древней истории степного Приуралья.

В раскопках Приуралья деятельное участие принимают учащиеся старших классов школ Уральска и сельских школ тех районов, на территории которых ведутся исследования. Археологи института с помощью сотрудников областного музея объединяют, планируют и направляют работу экспедиции.

Нам представляется, что подобные конференции и студенческие исследования должны шире практиковаться и координироваться головными институтами, институтами Академии наук СССР и академий наук республик, так как раскопки вузов приобретают широкий размах и имеют исследовательский, научный характер.

В. К. Сидоров



СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

10 марта 1974 г., немного не дожив до своего семидесятипятилетия, умер наш незабвенный Алексей Петрович.

Ученый с мировым именем, талантливый организатор и педагог, руководитель больших экспедиций и крупных научных коллективов — таким был А. П. Смирнов и таким он останется в нашей памяти навсегда.

А. П. Смирнов родился 29 мая 1899 г. в Москве в семье присяжного поверенного. В 1916 г. он кончил реальное училище в Москве. С 1922 по 1924 г. он учился на факультете общественных наук 1-го МГУ. В 1923 г. А. П. Смирнов поехал в свою первую археологическую экспедицию. Этот год определил всю его дальнейшую жизнь ученого-археолога, энергичного раскопщика и организатора археологических работ. С 1923 по 1926 г. молодой ученый работает под руководством В. А. Городцова. Тогда же начинаются и его самостоятельные раскопки. С 1924 по 1941 г. он руководил работами археологических экспедиций в Московской и Ивановской областях, Краснодарском крае, в Коми, Удмуртской и Татарской АССР, принимал участие в экспедициях в Южной Осетии. Экспедиции — это то, что наиболее ярко определяет облик А. П. Смирнова и как ученого, и как человека: его научный энтузиазм, умение выбрать главный объект, требовательность к себе и своим сотрудникам, точность и тщательность работы, талантливость в интерпретации открытого, незаурядное организаторское дарование, чувство ответственности перед наукой, чувство долга.

Это чувство долга заставило А. П. Смирнова в 1941 г. простым солдатом добровольно пойти в Московское ополчение и с оружием в руках защищать Москву. Когда он был демобилизован и отправлен в распоряжение Академии наук, его выдающиеся способности полевого работника были использованы в военных целях. Он работал несколько лет начальником отряда экспедиции Особого назначения АН СССР по заданию Народного Комиссариата Обороны и выполнял поручения Государственной Чрезвычайной комиссии по установлению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками.

Кончилась война, и А. П. Смирнов возвращается к археологическим экспедициям. Он едет в свои любимые Болгары. Начинаются грандиозные ежегодные раскопки Болгарского городища, которые принесли ему славу и мировую известность. Эти раскопки — памятник ему. Они стали этапом в нашей науке, и никто и никогда не разъединит имени Алексея Петровича и Великих Болгар. Вскоре А. П. Смирнов становится начальником одной из крупнейших новостроечных экспедиций в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. Уверенно и мастерски руководит он несколькими отрядами, которые вели раскопки и неолитических памятников, и курганов бронзового века, и городищ раннежелезной эпохи, и средневековых городов.

Потом — Чувашская археологическая экспедиция, тоже состоявшая из нескольких отрядов; поездки на Нижнюю Волгу для обследования золотоордынских горо-

дов; организация Поволжской археологической экспедиции, также превратившейся в новостроечную. Ее начальником А. П. Смирнов оставался до своего конца. В последний раз он поехал в экспедицию в возрасте 72 лет. Почти 50 археологических сезонов осталось за его плечами.

Великий труженик, А. П. Смирнов неутомимо работал в целом ряде научных и учебных учреждений Москвы. В 1925 г. он преподаватель истории культуры в Центральном медицинском техникуме, затем доцент курсов повышения квалификации музейных работников сектора науки Наркомпроса, а потом на тех же курсах при Историческом музее.

1926—1929 годы — решающие в определении научного профиля ученого. Это годы аспирантуры в отделении археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. А. П. Смирнов остается работать в этом институте старшим научным сотрудником. Затем он становится сотрудником ИИМК, впоследствии Института археологии АН СССР, где был заместителем директора, а с 1956 г. до последних дней своей жизни — заведующим сектором скифо-сарматской археологии.

Одновременно А. П. Смирнов много работает в Историческом музее. Много лет он заведовал отделом древней истории, был и заместителем директора; до конца своих дней он оставался на общественных началах заведующим вторым археологическим отделом. Его огромная титаническая работа по организации советских музеев, по спасению археологических, архитектурных и исторических ценностей, по организации охраны памятников культуры никогда не будет забыта. Имя А. П. Смирнова всегда будет связано с Историческим музеем, который он так любил и для которого он так много сделал.

Некоторое время А. П. Смирнов преподавал в Московском архитектурном институте, был заведующим сектором археологии и истории досоветского периода Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. Он был профессором Исторического факультета Московского государственного университета и читал на кафедре археологии лекции.

Таков долгий путь А. П. Смирнова. Но это только внешние даты и события его жизни. За ними скрывается напряженная и целеустремленная творческая жизнь.

Две темы были главными в научном творчестве А. П. Смирнова: финно-угорские племена Восточной Европы и Волжская Болгария, и в обоих этих направлениях он сделал эпоху. Темой кандидатской диссертации, защищенной в 1929 г., А. П. Смирнов берет археологию прикамских финнов X—XIV вв. Тщательная разработка финно-угорских древностей, реконструкция их социального строя, изучение вопросов этногенеза и культурных связей всегда очень занимали ученого. Он оставил фундаментальные труды в этой области, которые обеспечат ему научное бессмертие.

Докторская диссертация А. П. Смирнова была посвящена Волжской Болгарии. Он защитил ее в 1944 г. Археология Волжской Болгарии, столь важная для понимания исторических процессов, столь важная для характеристики истории славян и Руси, была до А. П. Смирнова собранием плохо изученных, приблизительно датированных вещей из случайных малоквалифицированных раскопок и сборов. Теперь, после длительных работ ученого, она стала областью науки с высокоточными методами, дробной хронологией и тщательно продуманной периодизацией, областью, которая развивается бурно, в которой работает много специалистов, в том числе и ученики А. П. Смирнова.

Но, кроме того, ученого интересуют и скифы (вспомним одну из его ранних работ о рабовладении у скифов и его популярную книгу), ранние славяне на юге Восточной Европы, вопросы славяно-русской средневековой археологии, археологии Москвы и проблемы связей с Востоком, «закамское серебро» и каменные изваяния степей... Он был знатоком античных памятников и принимал участие в изучении Фанагории. А. П. Смирнов интересовался проблемами средневековой архитектуры. Он был ученым огромной эрудиции и широты. В последнее время он занимался историей и археологией гуннов, стремясь выяснить их роль в сложных этногенетических процессах народов Восточной Европы. Свыше 250 научных работ — таков итог творческой жизни ученого.

А. П. Смирнов не боялся острых проблем и дискуссий, не боялся высказывать свое мнение, если считал это полезным для науки.

Все, кто знал А. П. Смирнова, всегда будут помнить его принципиальность, его честность и скромность, отличающие настоящего ученого и человека.

А. П. Смирнов оставил большую научную школу. В десятках городов Советского Союза работают его ученики, которые сохранят благодарную память о нем как о своем учителе.

Алексей Петрович был неутомимым редактором археологической литературы. До конца жизни оставался он заместителем главного редактора журнала «Советская археология».

А. П. Смирнов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и ему были присвоены звания заслуженного деятеля науки и культуры Татарской и Чувашской АССР.

Словами нельзя выразить горе и ту утрату в науке и в сердцах людей, знавших Алексея Петровича.

Г. А. Федоров-Давыдов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки Українскої РСР, Київ
АС — Археологический съезд
АСбГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БЖ — Ботанический журнал
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала», Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИСДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 1961
ВМГУ — Вестник Московского гос. университета
ГИМ — Гос. исторический музей
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957
ИАИ (ИБАИ) — Известия на Археологическия Институт (Болгария)
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИАС — Историко-археологический сборник
ИВГО — Известия Всесоюзного Географического общества
ИГАИМК — Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИНИИК — Известия научно-исследовательского института кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра, Тифлис
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ — Институт этнографии
КМ — Кызылский музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения (о докладах и полевых исследованиях) Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
МАВГР — Материалы по археологии Восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
ММ — Минусинский музей
МОПИ — Московский областной педагогический институт
НАМ — Народния археологически музей
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСА — Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии АН СССР
ТАИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГрузССР
ТГНИИ — Туркменский гос. научно-исследовательский институт
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТОИПКГЭ — Труды Отдела Истории Первобытной Культуры Гос. Эрмитажа
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
Уч. зап.— Ученые записки
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦНИГРИ — Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт

ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AJA — American Journal of Archaeology
Arch Aust — Archaeologia Austriaca
Arch Iug — Archaeologia Iugoslavica
BRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
BCH — Bulletin de Correspondence hellenique
BSA — British School at Athens, the Annual
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
ILN — Illustrated London News
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
OIC — Oriental Institute, University of Chicago, Communications
OIP — Oriental Institute, University of Chicago, Publications
PPS — Proceedings of Prehistoric Society
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RA — Révue archéologique, Paris
RGZM — Römisch — Germanischen Zentralmuseum in Mainz, Jahrbuch
Sl Arch — Slovenská archeológia
ŠZ AÚSAV — Studijné zvesti Archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied
WPZ — Wiener Prähistorische Zeitschrift
ZfA — Zeitschrift für Archaeologie
ZfE — Zeitschrift für Ethnologie

ПОПРАВКА К СА, 1974, 2

В публикации М. П. Абрамовой **«Погребения скифского времени Центрального Предкавказья»** текст на стр. 204, 5-й абзац, 9-я строка сверху и далее следует читать: «...позволяют отнести могильник к этому времени, скорее к началу VI в. до н. э. По-видимому, этот могильник существовал вплоть до IV в. до н. э., так как открывший этот могильник...»

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1974 ГОД

	№	Стр.
М. П. Абрамова. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья	2	195
А. И. Айбабин. Варварский рельеф из Феодосии	3	248
В. П. Алексеев. Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника (см. статью А. И. Мартынова. СА, 1974, 4)	4	242
Л. В. Алексеев. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии)	3	204
М. Х. Алешковский. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков	3	100
А. К. Амброз. R. H a c h m a n n. Die Coten und Skandinavien. Berlin, 1970	3	274
Е. В. Антонова. Антропоморфные статуэтки халафской культуры	2	14
Ф. Х. Арсланова. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья	1	220
Ф. Х. Арсланова, А. А. Чариков. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья	3	220
М. И. Артамонов. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. (В. В. С е д о в. Славяне Поднепровья и Подвинья. М., 1970)	1	245
А. В. Арциховский. Берестяные грамоты № 497 и 500	1	204
Н. И. Асташова. Энколпион из Гнёздова	3	249
Р. Б. Ахмеров. Археологические находки в Башкирии	2	240
И. А. Бабаев. Античная черепица Кавказской Албании	2	48
О. Н. Бадер, Л. В. Кольцов. Мезолитические стоянки близ города Калинина	1	120
Т. Б. Барцева. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке	1	24
В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Киммерийские погребения Высокой Могилы	1	148
В. Д. Блаватский. Сцена инвеституры на Карагодеуашхском ритоне	1	38
Е. В. Бодунов, В. М. Воробьев. Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI	4	162
Н. М. Бокий. Скифский курган у с. Медерово	4	264
П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина, В. М. Массон. (Рец.). История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968	4	285
В. Г. Брюсова. О технике стенописи Софии Новгородской	1	191
Н. М. Булатов. Кобальт в керамике Золотой Орды	4	135
Ю. Ф. Буряков, М. Г. Крамаровский. Поясной набор XIII в. из Самарканда	2	258
Г. К. Вагнер. Живая книга о средневековом творчестве. (В. П. Д а р к е в и ч. Путями средневековых мастеров. М., 1972)	4	315
А. В. Виноградов, С. А. Оленич. Гандж Даре — новый неолитический памятник в Западном Иране (обзор)	2	271
В. Б. Виноградов, В. А. Петренко. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт	1	171
В. Б. Виноградов. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии	4	258
В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев. III «Крупновские чтения»	4	324
Е. В. Воробьева, А. А. Тиц. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове	2	98
Л. С. Гераськова. Половецкая статуя из с. Чернухино	3	256
Е. А. Горюнов, Г. А. Усова. Два новых памятника черняховской культуры в Левобережном Поднепровье	4	275
Г. В. Григорьева. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII	3	142
Г. В. Григорьева, У. И. Исламов. Совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана, 1972 г.	2	318
Ф. Д. Гуревич. K. M u s i a n o w i c z. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969	1	254
Т. В. Гусева. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая	3	125
В. П. Даркевич, Б. И. Маршак. О так называемом сирийском блюде из Пермской области	2	213
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой	3	266

	№	Стр.
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия)	2	223
С. Г. Деведжян. Лори-Бердский могильник	2	180
Ю. В. Деревягин, В. П. Третьяков. Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области	4	249
А. П. Журавлев. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии	3	242
Ф. М. Заверняев. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне	4	142
И. И. Заец. Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (B/I — B/II)	4	180
И. Б. Зеест. Возникновение и первый расцвет Гермонассы	4	82
В. А. Иванов. Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях реки Белой	1	231
М. Г. Иванова. Культурные и торговые связи северных удмуртов в X—начале XIII в.	4	125
В. И. Кадеев. Об этнической принадлежности носителей имени Σκύθαι в Херсонесе Таврическом	3	56
А. Я. Каковкин. Армянская надпись на чаше из Кравеника	3	265
И. В. Калинина. Орнаментация керамики волго-камского неолита	4	170
И. С. Каменецкий. Итоги исследования Подазовского городища	4	212
Е. В. Каменецкая, И. Б. Пуришев. Деревянные конструкции вала Переславля-Залесского.	1	234
А. А. Карахмедова. Об одном типе серег из Кавказской Албании	4	271
Л. С. Клейн. R. Hachmann. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970	3	278
В. Б. Ковалевская. [Рец.] Les méthodes mathématiques de l'Archéologie. Paris, 1972	2	290
В. И. Козенкова. III Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии	4	322
В. И. Козенкова. В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972	2	280
К. И. Комаров. Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге	3	251
С. Н. Кореневский. О металлических топорах майкопской культуры	3	14
А. К. Коровина. Курган Межлиманный	4	201
М. Ф. Косарев. К проблеме западносибирской культурной общности	3	3
Ю. А. Краснов. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных	3	112
В. А. Кузнецов, А. П. Рунич. Погребение аланского дружинника IX в.	3	196
В. И. Курлов. Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI в.	1	79
Г. Н. Курочкин. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана	2	34
Литература по археологии Средней Азии и Казахстана в 1971 году (обзор)	2	295
Х. М. Мамаев, В. А. Петренко. Стеклянный сосуд из окрестностей Алхан-Калинского городища	2	257
Ф. Г. Мамедов. Неизвестный памятник зодчества средневекового Азербайджана	2	263
В. И. Мамонтов. Погребения эпохи бронзы Новоаннинского курганного могильника	1	217
В. И. Мамонтов. Поздненеолитическая стоянка Орловка	4	254
А. И. Мартынов. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника	4	231
К. К. Марченко. Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону	2	253
В. М. Массон. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе	4	3
В. М. Массон. С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968	3	270
Л. Г. Мацкевой, Я. А. Шер. К методике сравнения распределений массовых находок по слоям	1	102
Б. Ю. Михлин. Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма	2	60
В. А. Могильников. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.	2	68
В. А. Могильников. Сборник «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970	3	284
А. А. Моруженко. Скифский меч из коллекции археологического музея Донецкого государственного университета	2	252
В. И. Неприна, А. С. Беляев. Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине	2	144
А. Л. Никитин. Существовала ли «волосовская культура»?	2	27

	№	Стр.
Т. Н. Никольская. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска	1	237
Н. А. Онайко. Заметки о технике боспорской торевтики	3	78
В. В. Отрощенко. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры	4	72
Т. Б. Палимпсестова, А. П. Рунич. О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана	2	229
М. М. Пахомов, В. А. Ранов, А. А. Никонов. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул	4	245
С. А. Плетнева. Женская половецкая статуя с ребенком	3	258
Е. А. Попова. Рельеф с городища «Чайка»	4	222
В. И. Пругло. К вопросу о дате кургана Большая Близница	3	64
В. Г. Пуцко. Э. А. Лапковская. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971	3	293
Л. Т. Пьянкова. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка	3	165
Б. А. Раев. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана	3	181
В. И. Распопова, Э. С. Шарафутдинова. Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах	3	305
И. Г. Розенфельдт. Стоянки близ села Неготино Брянской области	2	157
Р. Л. Розенфельдт. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений	3	190
Р. Л. Розенфельдт. Итоги полевых археологических и этнографических исследований 1972 года	4	319
М. А. Романовская. Две терракоты из Ново-Отрадного	1	160
Э. В. Ртвеладзе. Сфероконические сосуды из Маджар	4	280
А. Н. Румянцев. Некоторые вопросы развития наконечников копий эпохи бронзы в Северном Причерноморье	1	12
М. А. Сабурова. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции)	2	85
В. И. Сарианиди. Бактрия в эпоху бронзы	4	49
В. И. Сарианиди. W. Fairservis. The Roots of Ancient India. New York, 1971	1	242
В. В. Седов. Межевой камень XIV в. из Изборска	3	262
В. В. Седов. Т. С. Кондукторова. Антропология древнего населения Украины. М., 1972	3	297
В. Я. Сергин. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях	1	3
В. Я. Сергин. О размере первого палеолитического жилища в Юдинове	3	236
Ю. Б. Сериков. Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка I	1	135
В. К. Сидоров. IV региональная Уральская конференция студентов-археологов	4	326
А. П. Смирнов. Ответ А. Х. Халикову, П. Н. Старостину, Е. А. Халиковой, А. Г. Петренко и др.	2	320
К. Ф. Смирнов. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.— II в. н. э. (историко-археологический очерк)	3	33
А. Д. Столяр. А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969	4	304
Д. Л. Талис. Росы в Крыму	3	87
Д. Я. Телегин. Р. К. Римантене. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971	2	269
Н. Н. Терехова. Технология чугунолитейного производства у древних монголов	1	69
Н. Н. Терехова. Технология изготовления первых металлических орудий у древнейших земледельцев Южной Туркмении	1	213
Н. Н. Терехова. Металлообработка на энеолитическом поселении Геоксюр	2	167
В. С. Титов. Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы	4	23
В. С. Титов, В. И. Маркевич. Новые данные о западных связях позднего Триполья	3	150
Т. Б. Томес. Заметки архивиста	1	240
В. П. Третьяков. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области	1	208
П. Н. Третьяков. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э.	2	73
Т. Н. Троицкая. Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тысячелетия до н. э.	3	45

	№	Стр.
А. П. Уманский. А. И. Мартынов. Археология СССР. Программа для исторических факультетов педагогических институтов. М., 1970	3	301
Р. Г. Фахрутдинов. О столице домонгольской Булгарии	2	131
В. И. Федоров. Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960—1972 гг.	2	112
А. А. Формозов. Археология в Академии наук	2	3
А. А. Формозов. Об изображении на костяном топорике из Дударкова	2	249
Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора при Рискупориде IV (233—234 гг. н. э.) и Ининфимее (234—238 гг. н. э)	1	45
А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Е. А. Халикова, А. Г. Петренко. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А. П. Смирнова)	1	265
Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев. О городах древней Кавказской Албании	4	98
Т. А. Хлебникова. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья	1	58
М. Д. Хлобыстина. (Рец.). История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968	4	290
Л. И. Хлопина. Новый тип орудий эпохи бронзы (Южная Туркмения)	3	240
Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.—XII в. н. э.).	4	110
Е. Н. Черных. Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971	2	276
Э. В. Шавкунов. Каменный чекан из Южного Приморья	3	246
В. П. Шилов. Бронзовая патера из Астраханской области	1	226
Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин. К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов	1	181
М. Б. Щукин. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии	1	259
Максимова Мария Ивановна	1	274
Сокольский Николай Иванович	3	313
Смирнов Алексей Петрович	4	328

SOMMAIRE

V. M. Masson (Léningrad). Fouilles d'un complexe funéraire de l'âge de bronze sur le site d'Altyn-dépé . . . 3
V. S. Titov (Moscou). Problème de la chronologia du néolithique et énéolithique en Europe Sud-Est . . . 23
V. I. Sarianidi (Moscou). Bactriane á l'âge de bronze . . . 49
V. V. Otrochtchenko (Kiev). Eléments figuratifs en art des tribus de la civilisation des tombes à charpente . . . 72
I. B. Zeest (Moscou). L'origine et le premier essor de Hermonassa . . . 82
J. A. Khalilov, I. A. Babaev (Bakou). Sur les villes de l'Albanie caucasienne . . . 98
Hoang Van Khoan (Vietnam, Hanoï). Technologie de fabrication des outils en fer et en acier de la Sibérie du Sud (VII s. av. n. è.— XII s. de n. è) . . . 110
M. G. Ivanova (Ijevsk). Relations culturelles et économiques des Oudmourtes septentrionaux en X — début du XIII siècles . . . 125
N. M. Boulatov (Moscou). Cobalt en céramique de la Horde d'Or . . . 135

Publications

F. M. Zaverniaev (Briansk). Nouveau campement du paléolithique supérieur sur la Desna . . . 142
E. V. Bodounov, V. M. Vorobiev (Kalinine). Campement mésolithique de Staraia Konstantinovka VI . . . 162
I. V. Kalinina (Léningrad) Ornementation de la ceramique néolithique de la region de Volga — Kama . . . 170
I. I. Zaets (Vinnitsa). Klichtchev — village tripolien sur le Boug méridional (B/I — B/II) . . . 180
A. K. Korovina (Moscou). Tumulus Méjlimannyi . . . 201
I. S. Kaménetski (Moscou). Resultats des recherches archéologiques sur l'agglomération fortifiée Podazovskoïé . . . 212
E. A. Popova (Moscou). Relief provenant de l'agglomération fortifiée de «Tchaïka» 222

A. I. Martynov (Kémérovo). Portrait sculpté d'un homme provenant de la nécropole de Chestakovo (En annex — **V. P. Alexéev**) 231

Notes

M. M. Pakhomov, V. A. Ranov, A. A. Nikonov (Douchanbé, Moscou). Certaines données sur les conditions paléogeographiques du campement néolithique de Toutkaoul 245
You. V. Déréviaguine, **V. P. Trétiakov** (Saratov, Léningrad). Village néolithique près du village d'Altata dans la région de Saratov 249
V. I. Mamontov (Volgograd). Campement paléolithique d'Orlovka 254
V. B. Vinogradov (Groznyi). Nouvelles trouvailles d'objets zoomorphes scythes en Tchétchéno-Ingouchie 258
N. M. Boki (Kirovograd). Tumulus scythe près du village de Mederevo . . 264
A. A. Karakhmédova (Bakou). Sur un type de boucles d'oreilles provenant de l'Albanie caucasienne 271
E. A. Gorunov, G. A. Oussova (Léningrad). Deux sites nouveaux de la civilisation tcherniakhovienne sur la rive gauche du Dniepr 275
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). Vases sphéro-coniques provenant de Madjar . . 280

Critique et bibliographie

P. I. Boriskovski, N. N. Gourina, V. M. Masson (Léningrad). (avis critique). Histoire de la Sibérie à partir des temps préhistoriques jusqu'à nos jours Vol. I. Sibérie ancienne... L., 1968 285
M. D. Khlobystyna (Léningrad). /avis critique/. Histoire de la Sibérie... Vol. I. 290
A. D. Stoliar (Léningrad). A. A. Formozov. Essais sur l'art préhistorique. Pétroglyphes et sculptures lithiques de l'âge de pierre et de bronze sur le territoire de l'URSS. M., 1969. 304
G. K. Vagner (Moscou). V. P. Darkévitch. Par les chemins des artisans moyennâgeux. M., 1972 315

Chronique

R. L. Rosenfeldt (Moscou). Bilans des prospections archéologiques et ethnographiques de 1972 319
V. I. Kozenkova (Moscou). Troisième conférence de l'URSS sur l'archéologie scytho-sarmate 322
V. B. Vinogradov, M. B. Moujoukhoev (Groznyi). III Lectures à la mémoire de E. I. Krouptiov 324
V. K. Sidorov (Ouralsk). IV Conférence régionale ouralienne des étudiants en archéologie 326
Smirnov A. P. 328

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1974 г. Т-16734 Подписано к печати 2/X 1974 г. Тираж 3155 экз.
Зак. 897 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 29,4+1 вкл. Бум. л. 10¹/₂ Уч.-изд. л. 40,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10